

CYBERDAWN

КОЛЛОИДНЫЙ
МИР

Продолжение походов то ли Отмороженого, то ли отмороженного Отмороженого...
в общем — гг-оя, в новом и, как мне кажется, небезынтересном Мире биоцивилизации.

1. С корабля на комиссию

Злоба и обида на треугольнорожего хмыря, на пустом месте уничтожившего тело Гемина, была действительно “демонической”.

Так что рвануло к нему моё эфирное тело, чуть ли не рыча от злости, а точнее, именно рыча. Правда, очевидно, “в наследство” от падающего в лужу мёртвого тела, мне досталась “широкопоточность” сознания. Не шизофренические отдельные потоки сознания, а несколько точек зрения одновременно.

И вот сейчас, когда большая часть меня рвалась к убийце, вполне обоснованно желая отомстить, точка зрения “бесстрастного наблюдателя” отмечала небезынтересные факты.

Первое: само наличие “эфирного тела”. Дело в том, что во тьме “замороженного эфира” Замороженного Мира тело у меня если и было, то оно сливалось со стоялым эфиром так, что я его не чувствовал и не наблюдал. Хотя, равновозможно, в том эфире вообще невозможно иметь “тело”.

А ныне тело было, причём, я имел возможность как “смотреть глазами”, так и “видеть со стороны”. И... довольно любопытный вид у меня, с лицом-гибридом, такими чертами Мороза, Отмороженного и Гемина. При этом, с торчащими полупрозрачными ледяными клыками и не менее ледяными рогами. Из серии “Грей-Отмороз выпьет твою кровь и сожрёт твою душу”, припомнил я былое.

И вообще, тело “из теней” было изрядно “приправлено” полупрозрачной “изморозью”.

Но выходит, похоже, что “да”: энтропийный эфир, и я — дэймон. Впрочем, контрактники-демоны Отмороженного... Ладно, дэймон я, и точка.

Далее, “остатки роскоши” развитого мозга Гемина. Весьма приятный бонус, но тело чертовски жалко, отметил я, чувствуя, как искра сожаления и злости пробирается даже до “бесстрастного наблюдателя”.

Ну и третий небезынтересный момент: текущий Мир был, безусловно, более “эфиризирован”, чем Замороженный. Не буйство эфира Земного Края, ну и безусловно, не сюрреалистичное надругательство над всеми возможными законами физики и логики Эдоласа, но явно “эфирный” Мир.

Тело дэймона и большая часть “меня” тем временем с воплями “Получи, гад!” и “Ух как я отморозился!” и даже “Твоя душа — моя!” метелила треугольнорожего убийцу, точнее, его подлючую душонку.

Бардак какой, посетовала “разумная часть”. Какая нахер “душа моя”? Нахрена мне душа, мне тело не помешает. И вообще, парень-то, похоже, маг... но странный. Кусками, озадачился я, но решил отложить “разбор полётов” и принять участие в веселье.

Ну и стал уже вполне цельный я душонку уже валяющегося в луже гада шатать. Подумал, да и схарчил — ну мало ли, поможет.

И, на удивление, помогло. Стоило гадкой душонке с противными писканиями впитаться в меня, как я почувствовал очевидный и доступный выбор: свалить в эфирный план либо занять вакантное место. Ну, в эфирный план я всегда успею, рационально решил я.

И открыл глаза. Странно, явно вижу больше семицветья, тут же отметил я цвета, для которых даже не было названия в моём языке. Так, всё фи́гня, надо, учитывая фрески, проверить пол тела. А то мало ли.

Биодоспех, на удивление, послушно отозвался на моё желание. Сосков два, мужские,

отметил я, как и пенис, один и без “компании” органа полу противоположного. Так, это хорошо, с некоторым облегчением заключил я, с интересом отметив то, что “скафандр” послушно зарос “по желанию”.

А теперь будем разбираться, что я “натрофеил”, решил я, со вздохом наблюдая заливающее кровью лужу тело Гемина.

С физикой у нового тела выходило весьма и весьма. Явно не просто “доработанное”, а любовно “отточенное” биомантом тело. В общем-то, логично: биоцивилизация возвысителя и всё такое. Но, какого хрена хмырь, мой вынужденный перекус и бывший теловладелец, на меня напал-то? Как-то “убить нахрен, не разбираясь” — ни хрена не признак высокой цивилизации.

Или война у них тут? Впрочем, не мои проблемы, будем разбираться.

Правда, с “разбираться” были очевидные проблемы. Круги Замороженного Мира не работали вообще, очевидно, завязанные на “самотёчный эфир” и гипертрофированный эпифиз. С прочими... стоп, у меня должен быть активирован Архив, припомнил я. Правда, ни черта его не видно, но если призыв терминала?

Лучше бы я этого не делал! Через пять минут злобно шипящий я относительно пришел к себе: боль была невероятная! Болело сердце, а, точнее, как понимал я уже сейчас, некая магическая “нашлёпка” над ним, из-за которой я воспринимал свое новое тело “магом частично”.

Не источник и свободная связь “тело-эфир”, а явный орган, но не в мозге. А, когда я попробовал призвать “терминал архива” — орган меня “вежливо предупредил”, что пропускать ПОДОБНЫЙ поток эфира он не приспособлен.

Хм, а делать-то мне что, в таких раскладах? Чем, извиняюсь, магичить да и что магичить? Я, пардон, без эфира даже не факт, что к памяти мозга доступ получу, вон как всё в нём “травматично скукожено” отметил я, попробовав “повспоминать”.

Так, стоп. Я — не тело. Тело — якорь и проводник, не более. То, что я, как даймон, проявился в материальном плане — явление временное. Ежели я занял тело, то “я во тьме” должен пребывать в эфирном плане. Правда, несколько смещённый в нём, но, тем не менее.

И начал я пыжиться и стараться, чего, по счастью, особо делать и не пришлось. Бултыхался даймонический я в некоем эфирном плане. Уж насколько обитаемом — чёрт знает, но не пустом и замороженном точно: потоки эфира разных оттенков, некие “обрывки конструкций”, очевидно, присутствовали. Так, это славно, а Архива-то и нетути. А если его призвать тут?

Попробовал я, да и призвался терминал Архива вокруг меня. И, кстати, вполне мыслеуправляемый, что радует.

Попытка посёрфить, впрочем, ни к чему не привела. Довольно обидно, но, опять же, учитывая “земнокрайность” Магии Баз Данных — объяснимо.

Но сёрфинг был мимолётной проверкой. Главное для меня было — проверить взаимопроницаемость системы “тело-Архив”. Надежда на это была не беспочвенной: факт наличия эфирного органа давал весьма веские основания.

И надежда не обманула: доступ к памяти я получил. Правда к необработанной, целым куском. Что-то вроде того, что использовал Отмороженный (или я) для переноса копии памяти в клон (или меня).

Впрочем, если информация есть, то добраться до неё — вопрос эфира и времени. Благо инструменты для этого в Архиве имелись.

Далее, возникал вопрос, что за тело мне досталось? Ну, вполне абориген, явно биологически изменённый, мужчина — это и так ясно. Но что за магический орган над сердцем, какие биологические отличия, помимо очевидных внешне? В общем, запустил я “проверку себя”, вернувшись сознанием в тело — пусть Архив работает, на халявном эфире.

И тут же невольно поморщился: острой, почти нестерпимой боли не было, но эфирный орган над сердцем противно ныл. Ладно, ждём пока и выбираемся из лужи. И оружие с тела Гемина не мешает прибрать, уже в несчётный раз вздохнул я.

Рывком, с неожиданной лёгкостью поднялся, мимоходом отметил зыркающего с края лужи на меня акулмордого скакуна и... с размаху влетел мордой в лужу, заскользив по илу дна на выставленных руках.

Это, блин, звиздец, констатировал я, отплевавшись от воды. У меня, чтоб его, аномальное строение ног, а рефлекс тела ни черта недоступны! Я рулю им как “нормальным”, а оно, сволочь такая, модифицированное! Это ещё спасибо, что, кроме ног и спектра зрения, отличий нет.

В этот момент мимо меня пролетела некая жужелица, в ответ на пролёт которой наглое туловище отреагировало рефлексом, при этом обогатив меня результатами этого “рефлекса”. Ну и, заодно, тонко намекнув, что благодарить не за что.

Итак, иглы из-за башки встали дыбом, судя по отражению в воде — фактически в виде “афро” или ошетилившегося ёжика. Первое было похоже внешне, второе — верно методологически. После чего и так небедное зрение обогатилось “контурами”. И контурная картинка шла не только от глаз.

Контуры окружи, причём, именно живых объектов, разной “яркости”, воспринимались в сфере “от меня”, метров двадцати радиусом.

Хм, похоже локация. Точно не эхо — контуры только живого, даже мой мёртвый труп не виден. Видимо, электролокация, отметил я. Как я, в своё время, Лаксусу советовал... Или он сам придумал? Блин, забывать уже стал, не помню, признал я печальный факт.

Так, ладно. Пока архив шерстит данные, надо всё-таки прихватить Росси и боекомплект, да и выбираться из ставшей уже розовой лужи. Нехрен мне тут делать. И акула ещё эта, покосился я на зыркающую на меня акулу.

Впрочем, агрессии не проявляет, так что чёрт с ней.

Покачиваясь на четырёхсуставчатых ногах я кое-как подковылял к телу, снял Росси, боекомплект и аксессуары, ну и поковылял к берегу. Чудом не упал, бухнулся на задницу, прислонившись спиной к какому-то дереву.

Акулмордый подтопал ко мне, кося на меня то одним, то вторым глазом, заставив несколько напрячься и приготовить Росси.

Но, подойдя, он развернулся ко мне спиной и боком, шумно вздохнул и разлёгся на траве.

Ну и ладно, а я отдохну немного, заключил я и незаметно заснул.

Проснулся я резко, от хищного урчания. Огляделся и успокоился, но и взгрустнул немного. Дело в том, что тело Гемина уже догрызали какие-то падальщики: пара рептилообразных тварей, с трёхчелюстной, на всю острую морду пастью и голубыми, невинными глазами на стебельках.

Этими невинными глазами падальщики опасно зыркали на акулмордого, с урчанием и хрустом неподалёку от меня пожирающего их собрата.

Ну, тело — прах к праху, пусть так, отмахнулся я. От животин меня прикрыл

акуломордый, но с хрена ли я не проснулся сразу? Явно же не в мёртвой тишине падальщик харчился... Неважная фигня, впрочем, разберёмся.

И начал я разбираться, погружаясь в состояние “себя в эфире”, отметив пропавшую боль “эфирного надсердечья”.

А архив в эфирном плане гордо мерцал значками “выполненной задачи” аж два раза. Это хорошо, отметил я, перейдя, для начала, к разбору тела.

И это был... звездец, в хорошем смысле слова. Основой местных, явно и очевидно, был человек, но... Да тот же мозг, пусть и без “колдунского эпифиза”, был в среднем раза в два, а то и поболее, “плотнее” мозга простого человека. То есть, нервные клетки в нём были уплотнены, причём гармонично, причём не только в коре — куча процессов организма поддерживалось хоть и “автономно”, но более интеллектуально, нежели в “стандарте”. Да банальное пищеварение и рвотный рефлекс были завязаны не на простейшие триггеры, а сложнейшее сочетание хеморецепторов, определяющее “как переваривать, или не выкинуть ли пакость нахрен”.

Лёгкие сложносоставные, с отделами и, вроде бы, возможностью водного дыхания, при должном насыщении кислородом, конечно. Вообще, большая часть “рефлексов” удалена как факт, заменена “интеллектуальным управлением” прокаченного биологически мозга.

Но практика, реализованная мной-Геминим — не помешает и тут, не мог отметить я. Хотя и на “химозлектрических” нейронах, местные выходят весьма мощными созданиями. Впрочем, больше — не меньше.

Сердце двусоставное, работает только одна половина, вторая отдыхает. А вот “нашлёпка” довольно интересна. Некая гормональная железа, но что она “впрыскивает” и на кой — Архив так и не понял, но судя по расположению — впрыскиваемое от сердца по всему телу...

Хотя, насыщение крови эфиром и какой-нибудь глюкозонасыщенный коктейль, как пример, прикинул я. Погонял данные, выходило похоже. Но не точно — надо будет ещё разбираться. Но вообще, проще сказать, что “как у человека”. Улучшено и изменено всё, при общей “единой основе”. Тестикулы и пенис убираются в пах, оставляя снаружи кожаный мешочек, причём действие осознанное. Потовых и сальных желёз нет как класса, терморегуляцию и “смазку кожи” выполняют некие “единые” железы, которые, вдобавок, ещё и какую-то относительно сложную программу имеют и несколько типов секрета.

В общем, пробежал я по “оптимизации” и забил: слишком много всего, всё это разбирать месяцами, причём нужно учитывать, что в памяти реципиента может быть масса ответов на вопросы, возможно даже и все.

И присел я над расшифрованным массивом данных. Вообще — речь и письмо, похоже, всё та же глаголица, да и часть “слуховых файлов” воспринимаются “по-славянски”, хотя явно не “русски”.

Но при всём при этом, массив вышел весьма объёмный и тяжёлый. И, если по уму, надо было бы мне изучать полностью... Но. Есть у меня идея — попробовать сделать с этим блоком памяти тот же финт ушами, что и с клоном, только с эфирным собой. Объёмом памяти я не ограничен, более того, Архив — прекрасный инструмент работы, даже когда я буду “изнутри”, так что “шиза” мне не грозит.

А вот рефлексы, точнее, “драйверы управления” требухой, будут мне доступны сознательно. И когда мозг “отдуплится” а, высоковероятно, при “закачке” он это сделает из-за подобия подключаемого, я сохраню гораздо более “полный” контроль над телом.

Возможно, если захочу “рулить всем”, начну подтупливать. Но, “всем” мне нахрен не надо. А техника “нейронной прокачки” есть, так что через считанные месяцы смогу и “всем”.

В общем, вариант разумный, оправданный и интересный, так что надо пробовать. Начал я “пробовать”, более того, попробованное у меня получилось... и окрестный эфир огласила эмоция довольно истеричного смеха.

— Клань, блядь... Империя... Бояре, едрить их в дышло, — разрывался между смехом и челодланью я. — Ну пиздец, без шуток: “Высокая бицивилизация, опередившая мне известное на века”. Хрень какая-то безблагодатная...

На “слова” в эфире происходило очевидное и чёрт знает что несущее волнение, так что перестав баламутить округу, я занялся систематизацией узнанного.

Итак, для начала, мне охерительно везёт с реципиентом в тело. Второй раз подряд, а владелец — ну-у-у ту-у-упой. Причём, если с Гемином это нивелировалось талантом, а в рамках Замороженного Мира он был действительно выдающимся поэтом, то текущий реципиент... мдя.

Правда, в его оправдание можно сказать, что он — типичный продукт, сформированный средой и окружением, не более и не менее, невзирая на мощнейшие в потенциале когнитивные способности.

Впрочем, по порядку. Мир называется Беловодье, причём фонетически местный язык, повторюсь, весьма близок славянским. Вода в Мире действительно обильна, материков всего два, правда, ни черта нет океанов: просто тьмуца островов изобилует в море, собственно многочисленные моря (ну или единый океан) формируя. Есть у меня подозрение, что острова эти ни черта не естественные, ну да не суть.

Итак, два материка, на одном из которых я ныне пребываю. Полностью занят Империей, со вполне себе Императором во главе, из императорского рода. Или клана, если брать терминологию анимированного боярства, ну да не суть. Далее, существует множество родов, как в Империи, так и на островах. И роды эти имеют свои, весьма разнообразные и весомые преимущества, основанные, насколько я понимаю, на генетически запрограммированных эфирных проявлениях. Ну и производстве, но оно выходит вторично. Стригор, как звали протагониста, ни хрена не знал и не учил, а заставлял его не заставляли, но из точно известного: Род Стрижичей, с соответствующей приставкой-составляющей имени, владеет чем-то вроде магии воздуха. Перепады давления, воздушные взрывы, у “больших и толстых родовичей”, с наиболее выраженным “надсердечником” — вплоть до полёта. Род подхиревший, раскиданный по Империи, не слишком “родственный” — некогда значительная часть рода разосралась с Императором, покинула Империю, а оставшиеся “познали немилость”.

Далее, род Императора. Аномалия буркал, которые глаза: взор власти, видение истины, окаменение. Очевидно, менталисты, завязанные на эфирные глаза, а возможно — часть мозга. Подчинение, чтение мыслей (недостовверно, оценил я данные), паралич, массовый и индивидуальный, вплоть до смерти. И не факт, что это все проявления. Вдобавок, императорский Род владеет “пулом” весьма важных биотехнологий, но это отдельный пункт.

Ну и куча прочих Родов, про которые, даже соседей или кровников, Стригор ни хера не знал.

Далее, в Империи махровый, хотя логически оправданный, феодализм. Биосфера агрессивна, хочет кушать, человек кушать любит. Я ныне, например, нахожусь вообще в некоей пиздеце, называемой “Голодные Пуши”, судя по данным Стригора — выходит что-

то вроде локализованных “отходов экспериментов психованого генетика”. Таких, вроде бы, несколько, все изрядно пиздецомны и необъяснимо лютостью своей локализованы.

Так вот, выращивать покушать, в рамках осязаемого, доступного даже пейзажам, пула продуктов биотехнологий — труд нелёгкий, но и не чрезмерно тяжёлый. Основная проблема в том, что на урожай и самих пейзаж находится масса неразумных, но голодных охотников, с которыми справляться местным человекам, даже с учётом улучшений, выходит хреново.

И тут в дело вступают Рода, с их “эфирными перделками”. Которые пейзаж от зверья ранее, очевидно, оберегали лично, натурально закабалив. А ныне оберегают гвардией. Но не Стригор, по причине её отсутствия у семьи. Отсутствие же гвардии имеет место быть по причине долболюбизма и нищевродства. И, в незначительной степени, по причине Жопы Мира пребывания стригорьих земель.

Так вот, гвардия, выходцы из пейзаж, вооружаются биооружием типа заледеневшего щупальца, именуемого “кладенцом” (пожиже, конечно), ну и защищают и профилактически зачищают зверье. А родовые присматривают и феодализуют, с пьянством, блядством и прочими приятными излишествами. По крайней мере, папаша Стригора помер от оных излишеств несколько лет назад, оставив на не самого великого ума сынульке “защиту родовых земель”. Впрочем, парень худо-бедно справлялся, как с защитой, так и с окучиванием пейзажок, в смысле осеменением... то есть улучшением подведомственного генофонда.

В общем, картина по Империи (что на островах и соседнем материке — Стригор не знал от слова “совсем”, а мне даже выводы не из чего делать) такова: пейзажане пахут под защитой мелких родовых и гвардии, обеспечивая пожрать всем. При этом понятия “горожан” толком нет. Всё, вообще и совсем, производство — живое. Техники нет как класса. Дома живые, либо квазиживые (коралл), либо трупы, в виде тех же кораллов или раковин моллюсков. Одежды местные не носят как факт, исключение — доспехи, живые же. Транспорт, вплоть до воздушного — живой. Инструменты — в ту же степь, даже огня местные в бытовых условиях не знают, только как оружие, потому как “нагреватель” и даже “кипячитель” — и то живой.

Организмы разных типов и видов, потребляющие в пищу отходы и прочую низкокачественную органику, с ограниченным сроком жизни и несамовоспроизводимые. Воспроизводят их родовичи, в городках и городах, население которых составляют как раз они, купцы, ну и обслуживающий персонал.

По крайней мере, согласно имеющимся у Стригора скудным знаниям, выходило так. А в пуще он оказался в связи с весьма любопытным моментом. Итак, как я понимаю, невзирая на “Рода”, Империя совсем уж фикцией не была. Опять же, причины, способы влияния и давления неизвестны — но есть факт. А именно, после смерти “сгулявшегося отца” Стрибор стал “феодалом”, но не до конца. На феодализацию “следующего поколения” требовался ярлык Императора. То ли это было связано с печальным положением Стрижичей, то ли общее правило — хрен знает. Но факт оставался фактом, припёрлись в поместье пятёрка “комиссии”, о прибытии которых Стригора предупреждал ещё отец, ну и предложили тому два выбора.

А именно, сдача некоего “Имперского экзамена”, от чего парень сходу отказался. И “феодализацию по праву и чести”, а именно притаскивание комиссии башки (или ещё какого характерного куска) твари помощнее.

Парень поскакал в пущу, наткнулся на меня и... ведь понимал, паразит такой, что я не

тварь! Но ему было похер, даже не стал прилагать усилия, чтобы остановить “кладенец”. Последние мысли у уроды были, перед тем как я его слопал: “туда выродку и дорога”. Ну, инвертировав это внаоборот, можно сказать и так. Не сказать, что парень совсем гад... но я бы его даже “человеком” не назвал, по совести. Сильный зверь, не более, из Стригора выходил.

А вот с комиссией выходит всё весьма неоднозначно, призадумался я. Лен уже наш выходит невелик, всего три деревеньки и поместье (из сухопутного коралла, что любопытно, но, думаю, вблизи разберусь). Так вот, у Стригора есть младший братец, Стризар, который, на минуточку, не первый год учится в городке. В Имперской Гимназии, что весьма характерный момент, да и обучение закончит в этом году. Стригор в детали не вникал, но за обучение ещё отцом отправленного братца платил безропотно.

И вот, в год окончания, но ДО прибытия имеющего образование члена семьи, прибывает комиссия. И думаю я, что это неспроста, а именно с целью направить Стригора в пущу. Не прямое покушение — ну реально, тут Жопа Мира, медвежий угол. Но видимо, покушение “на полшишечки”: убьется парень — Империя наложит ручки на лен ДО явки образованного братца, а тому... останется идти служить на ту же Империю либо в примачи к родичам, которых мало и тоже богатством не блещут. Такая вырисовывается, изящная интрига, при которой Империя ни хрена не теряет, при этом получает “награду для верного” в виде лена, ну и высоковероятно — слугу-мага, что само по себе ценность немалая.

Ну а притащу башку — и молодец, забирай своё.

Хм, расклад учитывать надо, и к поместью возвращаться кругами. И да, тварь какую забить, начал я просеивать воспоминания, временами передёргиваясь — уж больно лютые твари в пуще водились.

Впрочем, чтоб не тратить время и не рисковать — воспользуюсь Росси. Вживаться “в тело”, я думаю, мне не один день, как бы не один месяц. И куча дел, от эфирных занятий до получения информации. И первый вопрос — КАК породившая Возвысителя цивилизация докатилась до этой боярщины позорной?

Стал думать-прикидывать, какую бы тварюшку прибить пулей. Кстати, нетривиальный вопрос: многие твари уязвимых мест просто не имели, требуя “разделки на куски”, подыхая от потери крови и прочих следствий расчленения.

Впрочем, тварюшка успешно нашлась, причём, как знал Стригор, неподалёку: тварь весьма гадкая, но не просто оседлая, а буквально вросшая в землю щупальцами. На берегу водопоя, собирая дань с местных тварей, впрыскивая в них желудочный сок и всасывая щупальцами. На тушку “с переваренным содержимым” Стригор наткнулся по пути, в страхе накричав на Индрика — семейного скакуна, наследие ещё от отца, ценность почище поместья: полуразумный, с развитой эмпатией, верный, преданный, быстрый, сильный... много эпитетов. И, кстати, узнав, “куда эмоционировать”, я послал зверушке эмоцию, на что тот ответил “успокоенно-ворчливой” эмоцией приязни и оттенка “волновался”.

Приятная зверюга, невольно улыбнулся я, возвращаясь мыслями к добыче. Так вот, трясинник, как звали тварь, была весьма гадкой и трудноустраняемой. Щупальца прорастали в пятнадцатиметровом, а у матёрых тварей — и поболее, радиусе, естественно тварь оберегая от опасностей и обеспечивая пожрать.

Но, при всей гадостности, тварь имела уязвимое место. Глаз, прикрытый прозрачным, фактически бронированным костяным наростом — который, впрочем, не факт, что возьмёт и Росси. Обычно, если трясинника воевали, кидали что-то ярко вспыхивающее, слепя тварь:

“на ощупь” щупальца были заметно менее опасны.

И вот за глазом, в не самой твёрдой плоти, скрывался мозг. И тут, даже если Росси до него не дострелит, то несколько выстрелов расплещут студень мозга гидродинамическим ударом — костей, кроме зазубрин-шипов на щупальцах и пластины на буркале (хотя, на глаз, совершенно не факт, что кость) тварь не имела. Собственно, если тварь убивали не “охренивая в атаке”, а по уму, использовался “живой метатель”, мечущая здоровые роговые копыя. Была такая тварюшка в поместье, но сдохла ещё до кончины отца, от старости.

То есть, уже серьёзно стал прикидывать свои возможности я, возвращаюсь, благо память есть; ищу дерево поскрюченнее — трясинник “заводился” на них, вживаясь в древесину и, предполагаю, использовал корневую систему как путь для первых щупальцев. Ну и отыскав тело — просто расстреляю. Глаз — как доказательство “доблести”, это более чем подойдёт. Потом к поместью, кружным путём, благо что-что, а окрестности Стригор знал как свои пять пальцев.

Ну а дальше посмотрим. Старт, конечно, не “платиновый ковш в жопе”, но на фоне местных пейзажей... В общем, неплохо. Куча интересного, даже с учётом позорного боярства. Может, кстати, всё не так плохо, а мысли Стригора — отсутствие образования. Ну реально, тип даже грамоту толком не знал, считал до ста “по памяти”, которая более чем хороша, как понятно.

Но, для начала, добыть глаз, потом изгнать комиссию и спокойно заняться разбором дел, как семьи, так и Мира с эфиром.

Придя к этому решению, я попробовал встать на ноги. Встал, не упал, но меня немного покачивало: старые рефлексывали с новыми, на часть сенсорики шёл шоковый ответ... Ну, в общем, с Росси оптимально, а то я в теперешнем состоянии навоюю до утраты и этого тела. Тут сидеть надо, в спокойной обстановке, разбираться, причём и в теле, и в эфирном плане, также используя Архив: что, куда, зачем и нахрена. И делать это придётся, похоже, долго.

Попробовал наладить эмоциональный контакт с Индриком: “хозяин хороший, но дурак” — это одно, а вот взаимодействие “боевое” — совсем другое. И, невзирая на “память”, были у меня некоторые опасения. Но беспочвенные: на “подойти-ехать” зверюга отмыслемоционировала согласием, да и подошла, подогнув ноги.

Вообще, в текущем моём состоянии, Индрик — единственная надежда на выживание. Тела, естественно, уточнил я, взгромождаясь на спину животине. И не без интереса отметил, как жёсткий мышечный каркас “подгоняется” под зад: Стригор на такие “мелочи” не обращал внимания. Эх, изучать, разбираться, учиться делать самому, с искренней улыбкой отметил я.

Хотя это, похоже, “обратная связь” от питомца-симбионта, искренне радуящегося, что “хозяин выздоровел” и транслирующего эмоцию мне. Впрочем, огорчаться мне, если по совести, тоже не стоит. Что-то потерял, а что-то нашёл, философски заключил я, подавая команду трогаться.

Через четверть часа мы были на опушке поляны с водопоем. Вообще, похоже, мне чертовски везло: пуша считалась “гиблым местом”, только недоучка-драчун типа Стригора мог сюда рваться. Но тварей не встречалось, повезло. А вот на границе поляны Индрик ощутимо начал подрагивать боками и выдавать эмоции тревоги: и трясинника почуял, и вопли Стригора вспомнил, так что к тревоге примешивалась обида.

Отослав мыслеэмоцию спокойствия зверю, я принялся разглядывать поляну перед

водопоем. Раздутой туши уже не было, трясинник пожрал и “прибрал за собой”, дабы не отпугивать будущих жертв.

А я вглядывался в деревья — глаз должен был быть заметен, раз уж трясинник видит жертв. Но пока не замечал: деревья с длинными, вытянутыми “пальмовыми” листьями повально были корявыми и разлапистыми, вдобавок, скрытыми хвощеподобным кустарником. Но понимание, что зверюга тут быть должна, ну и её нужность, особенно в моём состоянии, меня удерживала. заставляя снова и снова прочёсывать взглядом округу.

И раз, наверное, на десятый оглядывания, вращаясь на Индрике, как уж на сковородке, обнаружил желтый проблеск в зелени листвы. Замаскировался, паразит, но попался, мысленно отметил я, решив со скакуна не слезать. Мало ли кого вынесет к водопою, а выстрелить я могу и не успеть.

Погоняв животину взад-вперёд, я определил местонахождения тела трясинника. Реально замаскировался, трудно различим, но зная где — обнаружить можно.

В процессе поиска отметил очередную “биоплюшку” — при пристальном разглядывании глаза “перефокусировались”, подозреваю, даже внешне заметно меняли форму, не “приближая”, но увеличивая чёткость отдалённых предметов до, кхм, невиданного мной ранее уровня.

Посмотрел я на всё так же несомый в руках в кобуре Росси, на аксессуары и боезапас, на сумку “из плоти” на Индрике и решил по лбу себя не бить. Глупо и больно будет, особенно карабином. Но начал “в седле” разбираться, убрав боеприпас и собирая карабин. И столкнулся с проблемой: длинная шея, длинные руки... В общем, выходило, что упирать приклад в плечо и целиться банально неудобно.

Ну, навскидку точно не стоит, попробуем на вытянутых руках, удержу, думаю.

И удержать-то удержал, более того, “подстроившиеся” глаза позволили использовать оптику в тридцати-сорока сантиметрах от них. И даже Индрик стоял, как влитой, лишь недовольно прикрыв слуховые впадины ушными перепонками.

А вот мне было реально хреново — уши получили весомый удар, от которого звенело, казалось, во всей голове. А мне ведь стрелять ещё не раз, пригорюнился было я, но вдруг почувствовал, как звуки леса гложут. Проверив рукой, обнаружил, что листовидные уши не просто “поворотные”, но и складывающиеся: ушной канал был прикрыт плотно сложенными мышечно-хрящевыми пластинами. Причём на рефлекс, после мысли “щаз будет так же”. Ну и славно, заключил я, выпустив остаток обоймы в трясинника.

Подождал, посмотрел, перезарядил Росси, ну и дал команду Индрику медленно двигаться. И чуть не завизжал, как гимназистка, а Индрик, отскакивая, завизжал именно так: из травы высунулось на полметра щупальце, украшенное по рёбрам крючками-шприцами. И бессильно опало, шмякнувшись на траву. Вот, блин, зараза живучая, искренне возмутился я. И сейчас-то издох? Ну вроде бы издох, стал я пристально вглядываться в щупальце. Через пару минут трава под ним начала отчётливо жухнуть, ну и запах говорил, что сочится желудочный сок трясинника. Ну, значит помер, уверился я, слез с Индрика и, придерживая за его спину, потопал к глазу.

Кстати, выучка “боевой скотины” скакуна-симбионта выгодно отличала. На дохлых вражин, сколь бы они не были страшны, Индрик реагировал индифферентно, разве что в плане: съедобно или нет. Так что, дойдя до трясинника, я поковылял к нему, а скакун, с тяжким вздохом “опять хозяину неймётся”, бухнулся на пузо в траву.

А я доковылял до трясинника, встав перед реальной дилеммой: мне нечем было резать

труп. Вот вообще нечем, в качестве “режущего инструмента” использовался меч-хлыст кладенец. Вообще, неприятие местными “простых механических решений” выглядит несколько искусственным, задумался я.

Как бы не “родовое лобби”, привязывающее всех людей к своим биоартефактам. Впрочем, данных у меня толком нет: может так, может и нет. Часть решений из мне известного выглядят дурацки, но, учитывая “трахать-трахать” (тварей по голове, женщин в соответствующие отверстия) стиля жизни и знаний Стригора — совершенно не факт, что нет объективной, не “мирозаговорной” причины.

Так, а делать-то мне что, уже серьёзно призадумался я. Плоть “тела” трясинника не столь прочна и вязка, как у кучи тварей, но от дерева, с которым он почти сросся отличается не сказать что намного. Уж для голых рук — разницы вообще никакой. А нож я оставил на теле Гемина, вернуться что ли?

И, пока я размышлял, представляя клинок, “рукав” биодоспеха взбугрился, выпустив то ли костяное, то ли роговое лезвие. Хм, здорово, оценил я “сервис”. А Стригор и не знал, впрочем, доспех отца для него больше “статусная вещь” была.

И начал я “пилить трясинника”. Плоть и вправду была “деревянной”, но, скорее пробковой, нежели каким-то более суровым деревом. Так что четверть часа спустя я выковырял глаз, с полусферой “щитка” и мышечной подушкой. Немного подумал, да и решил потратить немного времени, для удовлетворения научно-исследовательского интереса.

Так что расширил дыру и обнажил мозг твари, точнее, его остатки — обойма из Росси его натурально расплескала. А щупальце дёргалось, аж передёрнулся я. Жуть, даже если был просто рефлекс.

Доковылял (уже несколько увереннее, “расхожусь” потихоньку) до Индрика и “дал ЦУ”. Зверюга была понятливая, так что давать шпор было не надо, да и нет их у меня.

Пока скакун трусил к опушке, я руку с Росси не убрал, но после выхода “на простор” расслабился и, послав Индрика “по дуге”, стал просеивать мне известное.

Скажем так, вероятность того, что комиссия отправила Стригора “на убой” — вот как ни крути, пятьдесят на пятьдесят. Очень подозрительно, но я, спасибо дебилу-рецепиенту, местных реалий не знаю. Разговор с прибывшими... Напрягся я, вспоминая, и понял, что “нихера не понятно”:

— Императорская комиссия предлагает вам сдать экзамен.

— Негоже хернёй маяться, я голову твари притащу! Силой право докажу!

— Как вам угодно.

— Со мной поедет кто из вас?

— Увольте.

— Ждите тогда, к закату буду!

И весь диалог. Довольно интересные интерьер и архитектура, зацепилась было мысль за память, но тут же была отброшена — не до того сейчас.

Так, тройка комиссионеров — точно тройка, в “транспортном звере” прибыли. Стригор ещё хмыкал о “изнеженных хлыщах”, а конструкция ведь... На этом месте я в медитацию впал, чтоб на мелочи не отвлекаться.

Итак, в особняк троика прибыла втроём, причём в биодоспехе лишь один. Чиновник, охранник и писарь, прикинул я, ну или их аналоги. Судя по положению друг относительно друга, вопросительным взглядам и прочему — выходит так.

Правда, вопрос мимики и жестов местных под вопросом, но всё, что я вытянул бегло,

указывает на “идентичность”. Даже согнутая рука и удар другой рукой по плечу есть, хмыкнул я на любимый жест Стригора.

И, в этом раскладе выходит что засады быть не должно. А “гости” лишь ждут результатов, как я и надумал: справлюсь — да и хрен с ним. Не справлюсь — только на пользу.

Так, но рискнуть — проверить имеет смысл? Хотя, риск весьма условный — поселение пейзаж с оградой (жуткие растительные колючки, причём частично подвижные. Там засада не выйдет, придётся штурмовать. А деревенька от ворот поместья видна, везде поля, хрен где спрячешься, припоминал я.

Точнее, если по мою душу есть мозголаз или ещё какой-то хитрый маг — то спрячешься. Но, вероятность охоты такого на владельца двухэтажного поместья и трёх деревень в Жопе Мира... ну, в фактически отрицательных значениях.

И, если такой скрытник и есть, то либо я его не замечу, а меня он и в поместье прибьёт. Либо замечу, но тогда “в поле” мне проще будет из России расслабившегося злодея пристрелить, пока он ко мне “примеряться” будет.

Принятие окончательного решения идти “прямым путём” и не быть героем, прервалось копошением и тряской Индрика. Открыв глаза я дёрнулся, чуть не обделавшись — в лицо мне летела зубастая пакость, с перепугу показавшаяся огромной. Почти ложась на спину Индрика я почувствовал тёплую влагу на лице, с перепугу подумав что не заметил, как потерял глаз. Но боли не было, а “тепло над сердцем” наталкивало на ассоциации, к которым я не возвращался: на меня пикировали два чешуйчатых, зубастых “крылатых желудка” — вороны. Неприятные, но опасные лишь для детей и трупов тварюшки, если не соберутся в большую стаю, припомнил я, ловя одного из воронов рукой в воздухе, благо кондиции позволяли.

И, разглядев “конструкцию твари” — глаз, крыло-тело, зубы и желудок, раздавил её насмерть в кулаке. Пользы от мелких хищников не было, а крупные стаи вредили урожаю и пейзажам, вынуждая время от времени проводить “зачистки” мест возможного гнездовья.

А после, уже бдительно оглядываясь, послал Индрика “к деревне”. И начал вспоминать, что и как я сделал, еле удерживая себя от “подключения к Архиву” — интересно, конечно, но мне и одного раза хватило.

Итак, выходило, что тело и именно тело, на рефлексе и с перепугу, активировало “родовую фишку” Стрижичей: владение воздухом. “Владел” Стригор им, прямо скажем, хреново — “воздушные лезвия” в пределах пары метров, не слишком эффективные. Хотя, на ворона, конечно, хватило. Но, не тренировал и не знал как, предпочитая гораздо более убойный и дальнобойный кладенец.

А лезвие — это выходит “рефлекс”, в самом что ни на есть прямом смысле, чуть ли не врождённая фишка вдобавок к “надсердечной железе”. Интересно-то как, аж поджал пальцы я, что со строением “мысочечной” стопы вышло на диво эффективно. Ну да ладно, остудил я полыхание, всему своё время.

Через десяток минут неторопливой рыси скакуна появился “купол” деревни, а неподалёку паслось “стадо”. Животины, которых выпасала парочка пейзаж, склонившихся в глубоком поклоне, были явными “мясными мешками”: ни орудий защиты, ни нападения. Безглазые бурдюки сала и мяса, всех костей — зубные пластины для перетирания травы. И это стадо “пастухи” перегоняли такими “живыми бичами” — насколько я понимал, стрекательным с чем-то парализующим аналогом “кладенца”. Точно не оружие, но отбиться

от большинства “не лютых” хищников, отбить стадо, ну и этим стадом управлять — милое дело. И ведь недешёвая штука, припомнил я покупки, с которыми Стригор волей-неволей знакомился. Но живёт долго.

И это хорошо, что коровы сами размножаются, а то тоже пришлось бы платить какому-нибудь “успешному роду”.

Заодно, вид пейзаж напомнил мне несколько смутивший момент. Одежды местные не признавали как факта, вот вообще. Только ли в нашей Жопе Мира, или везде — чёрт знает, но биодоспех был именно доспехом. И в поместье Стригор тоже ходил голым, настолько привыкнув к общей обнажённости, что я, просматривая память, не обращал внимания. А сейчас увидел, несколько смутился и забил — одежда нужна, когда нужна. А местному улучшенному человеку она как бы не мешала, есть из бегло мной просмотренного намёки на это.

Так, рассуждая, я приближался к деревне: куполу из шипастых лиан-деревьев, метров в пятьдесят диаметром и десять-пятнадцать высотой. Этакая “решётка-крепость”, в которой теснились пейзажные дома. Также живые, подозреваю, что-то типа “палаток”. Или что-то вроде того: купола метров трёх-четырёх диаметром, биологически что-то грибное, судя по всему.

Засад в деревеньке не было, а встречные и поперечные пейзажи низко кланялись, желая “долгих лет благому Стрижичу!”

А я, признаться, оконфузился бы, если бы не сидел “в седле”: ряд пейзажков были довольно привлекательны, хоть и экзотичны, кланялись весьма пикантно... В общем, если Стригору на наготу было похрен, то моя заматавшаяся “оценочная шкала” явно вызвала прилив гормонов.

И яйца у меня выкатились в прямом смысле этого слова, а доспех услужливо их приоткрыл. С другой стороны, когда я, не без иронии, стал отмечать тот самый прямой смысл фразы, они благополучно вкатились.

Вот и славно, обрадовался я угомонившемуся органу. И, кстати, я проехал деревеньку фактически насквозь, в процессе “гормональных разборок”.

А вообще, надо будет, в медитации и Архивом, разобраться с этим вопросом. Тело-то выходит весьма “психологически отзывчивое”, так что нужно категорически. Впрочем, это не первое и не десятое дело, с которым “нужно разобраться”.

А в первую очередь, выпнуть этих дурацких комиссионеров, ну и разместиться в спокойствии и одиночестве.

И стал я обозревать приближающиеся шпили семейного особняка. Шпили в самом прямом смысле слова — стены поместья образовывал самый натуральный бело-розовый коралл, в некоей сухопутной модификации. И три узко сходящихся шпиля над “господской частью” центральный, побольше, и два пониже над “домом слуг” и хозяйственно-складской частью, гордо возвышались над овалом стен.

Ну, хоть тут дверь без биоизвращений, припоминал я, сам себя оборвав и засмеявшись: “верёвки”, поднимающие на ночь “ворота-мост”, были явно живыми, очевидно, завязанными на “эмапатический центр” или “управителя” особняка.

Тогда ведь тварюшка небезынтересная, рассуждал я, уже на мосту и собираясь: надо всучить комиссионерам глаз и выпнуть их из уже моей жилплощади.

2. Длинный день

— Долгих лет, всех благ тебе, господин Стригор, — вразнобой поприветствовали меня несколько слуг во дворе особняка.

А я не особо обращал на них внимание, занятый натурным наблюдением и сверкой “памяти”. Плотная трава, “ёжиком”, покрывает землю. Сам двор прикрыт тремя... ну можно сказать, что зонтиками. Забавные растения — толстый, хвоцеобразный ствол поднимался и на высоте пары метров расходился воронкой, истончаясь. Вблизи ствола свет был слегка зеленоватым, но основная площадь “листа” была фактически прозрачная. И чертовски прочная — те же вороны внутрь проникнуть не могли. А вообще, похоже, эти хвощи — часть сложного биоценоза поместья, как и трава пола, растущая и в части помещений, вздутые пузыри явно химолюминисцентных светильников, “ров” с его насельцами за оградой... И всё это завязано на “управителя” — розовый цилиндр в “подвале” особняка, прорастающий ветвящимися и истончающимися щупальцами в стену. Стригор видел его всего раз, в раннем детстве, когда отец пролил на “пенёк” каплю стригорьей крови. Интересно-то как, поджал я в очередной раз пальцы ног, в очередной же раз отвесив себе мысленную оплеуху.

— Гден, — бросил я, не слезая с Индрика, поклонившемуся слуге. — Зови гостей, здесь говорить буду.

— Исполню, благодетель. Всех звать? — после поклона уточнил слуга.

А я призадумался, наткнувшись на противоречивую информацию, тут же разрешившуюся. Тройка и пятёрка было числом комиссионеров. Так вот, пятёркой было общее количество гостей, с учётом двух слуг. “Людьми” же сознание Стригора отметило чинушу, писаря и телохранителя. Причём “писарь” к невысокому большеголовому типу, снабжённому здоровенным заспинным коробом, относилось весьма условно, ну да и чёрт с ним.

— Всех зови, нечего им в особняке делать. Слуги их жрут, небось? — рефлекторно, в стиле Стригора бросил я.

— Жрут, благодетель, — поклонился слуга. — Не гневайся... — склонился он совсем низко.

— Говори, что? — уточнил я.

— Не поранило ли тебя, не позвать ли Макось-ведьму?

— Не звать. Кого звать сказал. Ждать мне прикажешь?! — кланяющегося слугу как языком слизало.

А я, спускаясь с Индрика, судорожно думал. Так, рожа у меня, похоже, в крови ворона: задумался, не стёр, а удивлённые взгляды пейзаж проигнорировал, борясь со “вставшим вопросом”. Слуги же глаз-то толком не поднимали, Стригор мог и треснуть “за наглый взгляд”, душевный был парень.

“Макось-ведьма” — баба, причём... мать Стризора, с некоторым недоумением вспомнил я. Отец женат не был, а мы с братом от разных матерей, принятых в поместье как прислуга. Хм, а не с этим ли связано “разгулье отца”? Нет “магического партнёра” — и сношает всё наугад? Может быть, нет данных, позже будем разбираться.

И Макось выполняла функции костоправа и штопольщицы ран. Травматолог и хирург, припомнил я. А ведьма в смысле “ведает, что делать”. И ожоги как-то врачевала, обнаружил я в памяти и такой факт.

А вот Стригор матери не знал, ну и не тяготился этим.

А пока я опять боролся с наплывающим потоком воспоминаний, стараясь “понять важное” но не влезть в кучу деталей, из господского дома появилась троица “комиссионеров”, а из “дома слуг”, встав на пороге, показались как раз слуги.

— Решили сдавать экзамен, Стригор Стрижич? — сквозь губу бросил чинуша. — Так зачем звали-то? В доме удобнее, — ухмыльнулся он и переменился в противной роже лица, после “шмяка” извлеченного глаза трясинника ему под ноги.

— Трясинник. Матёрый. Заверенный ярлык предоставьте, уважаемый, — с доброй улыбкой бросил я вслед глазу.

Чин рожей совершил эволюцию, от удивления, до гнева, но через плечо кивнул телохранителю, который кладенцом “слизнул” глаз с травы.

— Трясинник, матёрый, не менее дюжины лет. Убит недавно, кровь не свернулась, — озвучил телохранитель.

— Не находите, Стригор Стрижич, что ваше поведение...

— Нахожу, уважаемый, что моё поведение — не ваше дело. А ваше — ярлык. Либо вы отказываетесь выполнять “порученное Благим Императором дело”? — процитировал я слова чина при появлении.

Перекосило его совсем художественно, но кивнул он уже писцу. И тот, под моим заинтересованным взглядом, стащил с себя пятнистый, коричнево-рыжий короб, положил ладонь себе на лоб, вторую запустил в недра короба и замер. А, через три минуты, короб изрыгнул костяную пластину с надписью глаголицей.

— Имперская канцелярия подтверждает ваше право, Стригор Стрижич, прощайте, — выдал чин, приняв табличку, хлопнув по ней ладонью и потопал к складской башне.

А конюшня там, мимоходом припомнил я, взглядываясь в пойманную пластину. Последнюю чин метнул, видно в ответ за “глаз под ноги”. Ну и хер с ним — я реально не знал местных правил “вежества”, а модель “тупого аристократа из Жопы Мира” была вполне в стригорьем стиле.

На табличке пребывала надпись следующего содержания (которую реципиент, похоже, хрен бы смог полностью прочесть):

Сим удостоверяется право и долг Стригора, урождённого Стрижича, на защиту и кормление владения “Болотный Лог”. Право явлено правом Силы, засвидетельствовано дьяком Имперской Канцелярии Добронилом Всебитичем.

И всё, ни даты, ни черта подобного. Правда, некая эфирная хрень присутствует, “сердцем чую”.

Тем временем, слуги чина вывели из конюшни его... ну, можно назвать, скакуна, хотя можно и не говорить. Ну реально, смешная тварюшка — головы почти нет, длинное тело с “выемкой” по линии спины, на длинных, согнутых суставами выше тела, ногах. И кожистый капюшон “от зада”, как зонтик, прикрывающий впадину, куда уместились чин с телохранителем и писцом. Ну и ушуршала тварюшка, сопровождаемая бегущими слугами.

Забавно, но ведь как “дорогу держит”, отметил я “ровность” положения седоков, невзирая на активную работу четырёх согнутых лап.

Так, эти вроде свалили, отметил я с некоторым облегчением замыкание “подъёмных ворот-моста”. Вообще, понять бы, как взаимодействовать с управителем — не думаю, что в условиях феодальщины его функция ограничивается “автоматическими дверьми”.

Ну да ладно, стукнул я Индрика по хребтине, с мыслеэмоцией “домой”. На что получил

он зверюги косящий взгляд и ответную эмоцию: “совсем дурак хозяин!”

После чего зверь сдал назад и оттопырил набочную “живую сумку”. Это да, признал я, совсем дурак. И извлёк Росси с обоймами.

После чего Индрик потрусил к конюшне — разберётся, да и слуги обиходят. А я потопал к господскому дому — наконец “сесть и разобраться”, а то бардак.

Правда, сразу не удалось — за открытой, как и ворота, щупальцами дверью, меня ожидала девица. Весьма приглядная, причём, согревающая ложе Стригору время от времени, судя по воспоминаниям.

— Блага вам, Стригор Стрижич, — совершила девица телодвижение, от которого, с учётом её обнажённости, у меня чуть не “выкатилось” снова. — Гости не появятся?

— Уехали, — бросил я. — Пряталась? Приставали? — нахмурил я брови.

— Руки тянули, но я не далась, — был мне ответ.

— Ну и хорошо. Я к себе.

— Надо вам что, Стригор Стрижич? — поинтересовалась девица.

И, как показала память, без “двойного дна”. Просто спрашивала, не принести ли перекусить и прочего.

— В срок есть буду, — бросил я, идя по памяти к винтовой лестнице.

И тут было главное — не мешать рефлексам тела. По памяти я буквально взлетел по винтовой лесенке из коралла, а вот пробовал бы понять — непременно бы навернулся.

Второй этаж был, по сути, полностью “господскими покоями”. Пол был не “травяным”, а шерстяным, заваленным шкурами добытых тварей. Последнее было “геморроем” слуг, но “богато и доблестно”. Ложе также было застелено шкурами, несколько коробов. Один был с деньгами — костяными пластинками, напоминающими структурой “ярлык”, но гораздо меньше. Несколько коробов с мехами “про запас” и частями тварей типа зубов и прочего подобного. И пара коробов с некоей хренью, о которой Стригор ни черта не знал.

Широкое окно-щель было прикрыто аналогом “зонтичного листа”, а ночное освещение обеспечивали пузыри, в темноте начинающие светиться, но прекращающие это делать после щелчка по ним. Обычно этим занималась служанка, лежащая на ложе Стригору. И, на удивление, понял я, далеко не всегда сношаемая. А в деревнях — иной раз и по три-четыре бабы, припомнил я постельные подвиги реципиента, но забил и на это — надо снять доспех и разобраться по порядку.

Доспех снялся без проблем, просто стёк и скукожился мешком у ног, а я рефлекторно положил тёплую тряпку на короб. Присел на край ложа и... впал в некоторый ступор. Ну реально, дел столько, что непонятно, за что браться и о чём думать. Хотя... испачканная кровью морда. Был некий рефлекс, который я подавил, а теперь интересно, что это.

Расслабился, а на роже почувствовалась испарина. Которая через считанные секунды сменилась ощущением стянутой кожи, на которое тело привычно смахнуло с лица корку. Это... сильно, и одна из причин наготы местных, похоже, понял я. Универсальные подкожные железы выделили быстросохнувший и твердеющий секрет, который просто “страхивался” вместе с любой грязью. И действие сознательное, а их, секретов, не один тип, припомнил я. Чистящий, защитный, теплоотводный секрет точно есть. Защитный — не бронь, но плотная корка, которую насекомые, например, не прокусывают.

Так, ладно, тело — это хорошо и правильно. В магию хочется влезть до скрежета зубовного: раз на круг Архива “надсердечник” отозвался болью, значит круги Земного Края работают. Хотя хер знает как, ну и высоковероятно — только воздушные, но этот момент мы

проверим позже.

Сейчас вопрос в том, что мне делать с жизнью моей помещицей. Служанка Ола — это хорошо, “помещик” — ещё лучше, но уровень знаний о Мире прискорбно мал. И положение меня, с учётом “Имперских канцелярий”, выходит не незыблемое. Да и о пейзажах, хмыкнул начинающий помещик я, не помешает позаботиться.

Итак, три деревеньки производят несколько типов растительной продукции: видимо, модифицированную рожь, которая идёт на хлеб и подкорм скоту, корнеплод, нечто среднее между репой и картохой, ну и плодовые деревья, с сочными и сладкими плодами, в плотной кожуре, на вкус близко к яблокам. Ну и коров, с которыми всё понятно: мясо, жир и жирное молоко, используемое для кулинарии, а не питья.

Всё это добро скупается приезжими купцами, причём, денег крестьяне не видят вообще: деньги собирает Недум, старик-управляющий. Относит в короб, откуда и берёт, испросив дозволения. И, покупая у тех же купцов нужное — в основном, те же стрекательные бичи, несколько раз что-то для особняка... не вникал Стригор, махая рукой.

Ну, насчёт того, что старичок ворует — не думаю. Все слуги живут в особняке годами, друг друга знают, Недуму просто некуда воровать, разве что закапывать в землю.

Но вот то, что купцы “обдирают” — почти гарантированно. Да даже если нет — кусок душонки Стригора готов отдать, если “транспортные расходы” у них не менее пятидесяти процентов. Скорее более.

При этом, мытарь от Имперской канцелярии прибывает раз в год, причём, берет денег не так и много: обучение Стризора выходит куда дороже. И передаётся, кстати, тому же мытарю.

Припомнил я, да и подошёл к “денежному коробу”, став копаться и отбирать “бумаги”. И “квитанции” от мытаря нашлись: “мыто Имперское”, да и “плата учебная в Имперскую Гимназию города Росток, а также средства на содержание отрока Стризора Стрижича”.

И “ярлык” отцовский также нашёлся: хоть узнал, как его зовут, не без иронии хмыкнул я. Стривед он был, так что будем считать, что ведал, что творил.

А вообще — бардак. Если городок — владения родовичей, какая, извиняюсь, Имперская Гимназия там? И мыто ещё это... Копейки, но централизованное налогообложение, вдобавок с “транзакцией” через чиновника “на гимназию” и “содержание”. В общем, надо бы мне в город Росток наведаться, да и начинать разбираться в местном мироустройстве нормально. А то визит в сей оплот цивилизации в раннем детстве с отцом, ничего, кроме “мёртвого коралла” домов и реально напугавших людей (не более полусотни на улице, но мелкому Стригору хватило) в памяти нет.

И разобраться в ценах и скупке продовольствия. Есть у меня ощущение, что можно не шибко дорого прикупить какую-нибудь транспортную скотину, да и продавать еду горожанам без “купеческих посредников”. Да и покупать (а, для начала — понять ассортимент) без этих добрых людей выйдет гарантированно дешевле.

Это тезис раз, вне зависимости ни от чего. Добровольная самоизоляция с городком в дне пути (ну, на Индрике день, а так-то поболее) — бред. Как с точки зрения экономики, так и моих целей понять, что за хрень вокруг творится.

Это перспектива и самое простое для осмысления и планирования. А вот дальше выходит “весело” из букв “Ц”, “Е”, “П”, “Д”, “И” и “З”.

Два критичных направления: “биология” и “эфир”. Причём тут от пугающих объёмов и

непонимания "за что хвататься" опускаются руки. Хотя, если подумать...

А, если подумать, то как ни забавно, в первую очередь нужен именно "эфир". И мне как даймону, но это в рамках рассматриваемой ситуации вторично. Мне нужен инструмент изучения той же биологии, как самая простая причина, не говоря уже о "сильногогучем колдунстве" и прочем.

Например, возьмём надсердечник. Я знаю, что он качает эфир и выделяет его в виде "лезвий". Из легенд, рассказанных полупьяным Стриведом и трезвым Недумом — знаю, что у Стрижичей есть не только лезвия. И знаю, что надсердечник выделяет глюкозу и какой-то гормон. И ещё какой-то гормон, и не один. И понять какие "выделения", их критерии и даже "какой гормон", до момента выделения — Архив ни хрена не может. То есть, весьма значимую часть функций организма надо смотреть в динамике, не изучая "Архивные данные", а натурно, на себе.

Это просто пример, причём с собственной биологией. А "родильный дом", например? Вот что за, извиняюсь, хрень? Там бабы рожают? Но почему дом? Почему он есть и в поместье, и в каждой деревне?

То есть, спросить-то, конечно, можно, но таких "спросить" будет миллион с хвостом.

Недум, кстати, в этом мне поможет — собственно, он и был наставником Стригора, до поры, когда пацан от него не стал убегать, а Стривед веско постановил, что "кладенец важнее, меньшого учи".

То есть, старик выходит источником информации номер раз, при этом, фактический управитель поместья, казначей... В общем, даже учитывая, что ему вроде как "некуда" воровать, мне нужен какой-то аналог полиграфа, в противном случае я себя изведу паранойей.

Что опять же, возвращает к эфиру. И начнём мы, раз уж архив отозвался, с воздуха.

Через час я скорчился на ложе, полумедитируя и проверяя Архивом "целостность" жутко ноющего органа. Орган был на месте, физически и эфирно не повреждён, причём на удивление, активно делился. Не болью, хотя и это тоже, а рос в объёме. И, похоже, это вариант увеличения "колдунской силы" через тренировку. А мне нужен не Архив, а рабочие инструменты биоманта. Потому что "эфирный орган", судя по всему, работал даже не на клеточном, а на "органельном" уровне.

Помимо этого важного, но чертовски болезненного знания, я узнал "потолок" своего текущего колдунства. Итак, если оперировать надсердечником, Архив в материи, не говоря о каком-нибудь "Воздушном пространстве", я не вытяну, даже став целиком из надсердечника, в теории.

Однако, уже сейчас я могу использовать воздушную стрелу (почти безболезненно), заклятье ураганного чтения (больно, но терпимо, а, главное — смогу зачаровать артефакт), ну и воздушный взрыв (натуральный пиздец по ощущениям, не вырубивший меня потому, что я "сбежал" большей частью сознания в эфир). Но смог, причём как бы не namного "мощнее", нежели Отмороженный. Точнее, соотношение потраченного эфира и эффект, КПД колдунства — было запредельным. Воздушный хлопок разметал шкуры с пола пс комнате, оглушил, вполне "пушечным" эффектом. В общем, те "эфирные слёзы" что пропускал надсердечник, такой эффект не должны были давать даже при "перегрузе". Но эффект был, что указывало на почти стопроцентный КПД использования эфира в манифестации.

Но Архив, при этом, не тяну всё равно, прикинул я. Хотя, возможно, с надсердечником в

пару десятков килограмм (куда его ещё пихать-то, такой здоровый, непонятно), через несколько лет или десятков лет — вытяну.

И вопрос полиграфа открыт, потому что максимум, что я смог намагичить, кроме воздуха — снежинку. Обычную мелкую снежинку, сотворённую ледяным созиданием и растаявшую в считанные секунды. Скорее ностальгическое воспоминание, нежели реальное колдунство вышло.

Все остальные “виды и типы” магии в теле не отзывались как факт, так же, как и призывы в эфире. Кстати, именно в эфире отзывались любые круги непризывного толка, формировались, устраивали красочную иллюминацию... И нахер были не нужны, поскольку, единственным связным звеном с эфирным планом был надсердечник.

С другой стороны, манифестация тела даймона в местный материальный план возможна. Ушатывая душонку Стригора, я действовал “от материи к эфиру”, но проблема в том, что форсированный механизм захвата тела явно не предназначен для исследования. Это агрессивная, практически инстинктивная программа поглощения души разумного, ставшей частью эфирного меня. Страшного тут ничего нет, например, механизм пожирания человечины есть у любого человека: это рот и зубы. Но бить ближнего и дальнего своего по голове, дабы насытиться, люди не стремятся, уж точно не в прямом смысле слова.

Даже отдающие некоторым каннибальским душком кулинарные эксперименты Отмороженного это не опровергают: поглощалась полуэфирная плоть, не “сожрать ради еды”, а “использовать силы врага, для собственного развития и защиты своих интересов и близких”.

Соответственно, я-даймон имею инструмент пожирания души, но не имею такой потребности, а главное — этического императива так поступать. Кроме случая самозащиты и ответа на агрессию, безусловно. Вопрос с Геминим открыт, но там у меня просто нет данных и точно не было желания поглотить и навредить. А со Стригором — “сам виноват”, в самом прямом смысле слова. И акт душеедства был осознанным возмездием за неспровоцированное нападение.

Так себя я в том, что белый и пушистый (хотя чёрный и с рогами), и убедил. А на остальных похрен, не без иронии отметил я.

Но манифестация даймона в материи мне ничего не даёт, именно для жизни Стригором, возможно, только на данном этапе, но пока так.

Вариант “отрастить эпифиз”. Вариант небезынтересный, но категорически “нет”, на данном этапе уж точно. Теоретически, через Архив, посредством надсердечника, я это смогу сделать, но — не буду. Мозг местных — чертовски сложная, не понимаемая до конца даже Архивом штука, так что лезть туда с “новым органом” — слуга покорный. Особенно с однозначной уверенностью, что “обратный отклик” на тело даймона от тела физического гарантированно есть.

Улучшить нейроны — это да. Благо местный, гермафродит-возвыситель, проводил подобную операцию. А вот корёжить существующие структуры — точно нет.

На фоне вышеизложенного встаёт вопрос органа-проводника эфира в материю. Надсердечник хорош КПД, но слаб в абсолютном отношении и чертовски узко ориентирован. Теоретически, можно и “ветром” заниматься биомантией. Нужно отметить, что, вероятно, так делать и придётся. Но это вопрос десятков лет практики “ученого-вивисектора” (либо мутанта-мазохиста), не слишком мне угодный путь, невзирая на даймоничность.

А значит, с точки зрения логики, нужны мне иные образцы “эфирной требухи”, как для изучения, так и для возможного выращивания. Теоретически — возможно даже сейчас. Вот только... дон Стрижуан, в голос заржал я.

Так вот, для изучения Архивом “не своего тела”, мне нужно иметь с изучаемым весьма плотный контакт, фактически быть в обнимку, проникая в объект крупными эфирными частицами из надсердечника, несколько подряд часов. И вот тогда — да: Архив, пусть даже без полной расшифровки полученного, сможет снять полную информационную копию. И даже воспроизвести её в моём теле — медленно и печально, но сможет. И единственный вариант провести несколько часов в обнимку с магом-разумным, не подразумевающий подход “захватить и иммобилизовать” — понятен. Реально забавно, и, возможно, придётся осуществлять. А может, и нет, но как вариант учитывать нужно.

Так, резервный вариант “развития эфирного органа-якоря” я нашёл. Резервный, потому что трахать по “родовому признаку” видится мне не самым этичным, да и не факт, что “дадут”. Орд родовитых дамочек, непременно желающих сойтись со Стригором, я на подъезде к особняку не наблюдал. Несомненно, по причине выходного дня и подготовки к массовому паломничеству на эту самую тему.

Далее, встаёт вопрос грёбанного “полиграфа”. Я откровенно не хочу вести беседу с Недумом, фактическим владельцем поместья при формальном мне, без возможности проверить правдивость старика. Мне это некомфортно, более того, я УЖЕ его подозреваю, что, одновременно, вызывает чувство полуосознанной вины — дед весьма хорошо и преданно относился к Стригору, согласно его воспоминаниям. Соответственно, “меч” полиграфа разрубит “гордиев узел” этических противоречий, но...

Всё “воздушное” для определения истинности — это Архив. Точнее, Архив — лишь терминал доступа, но это не принципиально — оперировать Магией Баз Данных без оболочки я не умею и банально не знаю, как.

Спать с дедом “в обнимку” ради получения информации, конечно, возможно. Благо, будучи моим прямым подчинённым, он, даже если в его голову и придёт столь экзотическое желание как коитус со мной, будет в этом обломан.

Но всё равно, прилива энтузиазма подобный вариант не вызывает, ну вот совсем. Вплоть до “забить на проверку” и на свои мысли, а позже добраться до книг.

Не очень “по-научному”, конечно. Но нахер обнимашки с пенсионером, окончательно поставил веский вердикт я.

И как мне правдивость устанавливать-то? Местная эмпатия? Она есть, сам чувствовал, а проверю-ка.

Проверка показала неэффективность — “эмпатия” ни хера не была эмпатией. Мозг содержал электрочувствительный орган, работающий в ограниченном диапазоне, в нём же и воспринимающий. По сути — радио, уловитель и транслятор слабых ЭМ-колебаний. Предположительно — с индивидуальной “волной” у каждого, а “биоартефакты” и “звери” подстраивались под “волну хозяина”.

Теоретически эти волны пересекаются могут, но, на практике метров в десять радиусом связь выходит, причём жёстко завязанная на расстояние, “ближе — сильнее”. Не вполне, отметил я результат эксперимента: до полусотни метров у магов. Архив выявил крупинки эфира из крови, принявшие участие в попытке “достучаться” до Индрика.

Так, или звать деда и просто его слушать, или что-то придумывать, в очередной раз вернулся я к делу. А точнее, обозвал себя словами непрельстивыми и стал думать головой, с

точки зрения анализа:

Итак, у меня есть “магия воздуха”. Довольно удобное, многофункциональное направление магии, в том числе и сенсорной направленности, это тезис раз.

Далее, у меня есть, недоступный в материи, но прекрасно доступный в эфире Архив, по сути — мой основной инструмент познания, это тезис два.

Итак, у меня есть два этих инструмента, их возможности и ограничения и задача: проверить веру разумного в сказанное.

Отбросим Магию Баз Данных, которая, теоретически, может получить вообще любую информацию — я с ними реально не умею работать и не знаю “что это” на ощупать. Информация только косвенная через Архив.

Однако, имея два первых инструмента, я банально могу... снимать энцефалограмму и фиксировать гормональный фон мозга собеседника. Да, мне понадобится около двадцати минут. Да, работать с магом это будет хрен знает как. Но для начала попробуем с собой.

Через пару часов Ола принесла мне какой-то пожрать. Который я как-то пожрал, не особо поняв, что и чего. А ещё через час у меня был весьма достоверно работающий инструмент, в потенциале — телепатический. Более того, с учётом заклития “ураганного чтения”, с немалой скоростью загружающих данные в мозг, перспективы выглядят интересными. Но пока — просто полиграф. Архив выдал “на мне” вполне неплохие результаты, но нужны эксперименты.

— Ола! — заголосил я, а через минуту служанка явилась.

— Что угодно господину Стригору? — скромно опустив веки выдала она.

— Иди сюда, — поманил я девицу, ухватив и шмякнув себе на колени.

И стал на неё дышать, не без иронии отметив полную непонимания и афига мордашку девчонки, боящейся пошевелиться. Ну и свою индифферентность к обнажённому девичьему телу, сидящему у меня на коленях.

— Так, Ола, скажи ка мне... что Солнце зелёное, — через пяток минут выдал я.

— Но, господин Стригор, оно же, оно... ой, — заткнула она рот ладошкой на мою нахмуренную физиономию. — Простите глупую, зелёное, конечно, как скажете.

— Угусь, — довольно покивал я результатам. — Так, теперь что я добрый и милостивый господин.

— Вы и есть такой, господин Стригор!

— Вот и говори, — припечатал я. — А теперь что злобный и жестокий... Я что повелел!

В общем, через полчаса девица почти плакала, мне было немного стыдно, но результат того стоил. И да, она и вправду считала Стригора “добрым и милостивым”, что несколько вымораживало.

— Спасибо Ола, ты умница, — несколько отстранённо выдал я, потрепав девицу по щеке, от чего та разулыбалась. — Ступай теперь и позови ко мне Недума.

— А... — опять удивлённо уставилась на меня девица, но на поднятую бровь среагировал правильно — вскочила, поклонилась и почти бегом кинулась “исполнять”.

— Долгих лет, благ вам, Стригор Стрижич, — глубоко поклонился старик, через десять минут поднявшийся ко мне.

— Проходи, Недум, присядь, — озвучил я. — Присядь, я сказал! — старик начал мотать головой, но сел на рывк. — Во-о-от. Недум, я получил ярлык и стал настоящим владельцем... не перебивай и дослушай, — прервал я пытающегося что-то верноподданно вякнуть деда. — И теперь мне нужны знания, которые есть у тебя. Те самые, которыми я пренебрегал.

— Благослови Стрибог мысли ваши благие, Стригор Стрижич! — был мне ответ с широкой улыбкой. — Всё, всё, что могу, всё, что знаю, всё вам доступно.

Частил это старик, а я добавлял вопросы, хотя и находил часть ответов. Например, Стрибог, числился “богом воздуха” и прародителем, как ни удивительно, Стрижичей. То есть, в местной мифокартине — я полубог этакий, кровь божества. Чёрт знает, везде ли в Беловодье, но для слуг и пейзажей — именно так. И с чего на амурные похождения Стригора пейзажи смотрели с радостью — тоже частично понятно, “божья кровь”. Ну да ладно, пусть пока пославословит, а я надышу.

Дед начал выдыхаться, но “надышался”. А я начал фигеть — не вообще, на полшишечки. То есть несколько удивился: у деда был надсердечник. Совсем дохлый, незаметный, вряд ли вытянет легкий порыв ветерка, но был и насыщал кровь эфиром, пусть опять же, крупными. Интересненько, отметил я и перешёл к вопросам.

Затянулась наша беседа до принесённого Олой ужина, к приносу которого я дедка отпустил: “невместно” ему со мной трапезничать, тут вряд ли сила бы помогла, да и нахрен он мне, как сотрапезник, не сдался, если честно.

А вот информации была тьма, о ряде вещей дед явно “недоговаривал”, но не врал, был в целом честен и явно предан.

И, для начала, выходило, что ему более пары сотен лет. Учил отца, деда и прадеда. Сам учит правнука, “наставника молодому господину”, семейный подряд у него такой. И явный родич Стрижичам, хотя в этом случае все выходят родственники в нашей Жопе Мира, что, в общем-то, и непринципиально.

Итак, с продажами и покупками, насколько понимал сам Недум и смог предать — он торговался “от балды”. Цены узнавал отец, в лавках, лет десять назад. Ну такой себе источник информации, хотя дед выходит молодец — мы ещё по миру не пошли, даже на братову учёбу деньги есть, как и в кубышке что-то. Что — неясно, надо в Росток.

Далее, стоял вопрос “управителя”, и тут дед распелся соловьём певчим. Это реально управитель, запирающий отпирающий, способный переформатировать поместье в довольно широких пределах, быть запрограммирован на ряд действий... и заброшен со времён деда. Стривед забил, как, соответственно, и Стригор.

Правда, пока я от описанного функционала толку особого не видел: всё было, в основном, “фортификационного” типа, вроде наращивания стен, увеличения питания “медуз” во рву — тварей со стрекательными клетками, с нервно-паралитическим, как я понимаю ядом и прочее подобное. В теории небесполезно, интересно, но не слишком нужно: текущие фоновые “бытовые возможности”, вроде “строительного раствора” для починки и подновления стен, фонарей, открытия и закрытия дверей, аккумуляирования запасов воды и обеспечения живого биоценоза — порядково интереснее выходят.

Но “спуститься-пообщаться” с управителем надо, факт. “Забыть” он меня не забыл, но я его банально “не чувствую” за давностью лет, а со слов Недума — должен как Индрика, на всей территории поместья и “сто шагов окрест”.

Далее, с “городскими” — Недум ни черта не знал. Точнее, имел информацию “от своего деда”, сам поместье не покидая. Однако упомянул он такой небезынтересный факт, что при деде в поместье пригоняли, вместе с мытарем, десяток-другой человек. Вроде бы преступники, и дед их выкупал, направляя в деревни. Отец от этого отказывался, так что уже при нём “торговец живым товаром” являться перестал. Деталей Недум не знал, вроде бы “подведомственная популяция пейзажей” даже увеличивалась, но тоже тема для “ростковского

исследования”: вопрос людей, откуда брать, нужно ли это. И насколько они “бандиты”, если такие есть.

Третий ответ меня натурально выморозил. Потому что вопрос был о “родильных домах”. Итак, местные дамы были... яйцекладущими, чтоб его!

Не вполне так, конечно, скорее гибрид сумки и икры. В общем, со слов Недума, выходило такое “чудо рождения”:

Внутриутробная беременность протекала три месяца, после чего женщина откладывала... ну я бы назвал это живым маточным репликатором. Живое яйцо, скажем так. И роды, насколько я понял, не травматичные, хотя “ослабевают бабы, да два, а то и три месяца квёлые ковыляют”. Очевидно, запас веществ на яйцо и младенца немал, ну и организм роженицы ослабевает. При этом, яйцо автономно до месяца, в этакой “тибернации”. А вот в тепле и проточной воде за три месяца “доформировывается” младенец. Очевидно, запасы “еды” яйцо содержит, а проточная вода, заодно — канализация отходов.

Ну, в общем... круто, эффективно, обычные женщины только позавидовать могут, а я только восхищаться — безболезненный механизм родов, адаптированный не под биологию, а под социологию.

Ну и дома родильные, соответственно, и есть места с “тёплой проточной” водой, куда “икру мечут” и где младенцы рождаются. Как я понимаю, могут и в домах, но неэффективно, да и опасно. Проще “повивальную бабку” иметь, за “кладкой” присматривающей.

И, наконец, последний вопрос, который мы успели если не обсудить, то затронуть: магия Стрижичей. Вопрос, меня довольно сильно волнующий по понятным причинам. Но, увы, не слишком Недуму известный: кроме “усердно к силе Стрибожьей прибегать”, никаких рекомендаций. Но, что интересно: “как силушка прирастёт, дарует Стрибог сыну своему знания”.

А значит, высоковероятно есть механизм: либо готовых кругов типа Замороженного Мира, но прошитых базово, либо оперирование эфиром “инстинктивное”, как с лезвиями, и “прошито” в те самые органеллы, а зависит от “общего объема”. Докачался — сразу смог.

Последний вариант наиболее вероятен, потому как круги — не невнятное поведение требухи, в попытках смоделировать которое Архив завязывается бантиком с сомнительным результатом. Круги — предмет эфирный, любопытный, и они либо есть, либо их нет.

Архив их не видит, соответственно, и вариант инстинкта — самый вероятный.

Вот после подобного разговора я пожрал, да и завалился в шкуры. Кстати, еда была реально вкусной, и, оценив её, я пожевал с удовольствием.

А через несколько минут Ола проскакала по периметру комнаты, раздавая щелчки светящимся жёлтым пузырям, и в опускающемся полумраке скользнула мне под бок, прижимаясь горячим телом.

И... нет, наверное, решил я. То есть, возможно, и хочется, но чёрт возьми, СЛИШКОМ много ощущений, мыслей и впечатлений за сегодня. Один, один, чтоб его, чёртов день.

И не буду я даже в эфире шуршать, веско постановил я. А вот останусь сознанием в теле и банально, по-человечески, посплю. Может, это и самообман, и на самом деле “не надо”, но сделаю, потому что хочу.

Принял я это мудрое решение, лёг на бок, притянул горячую Олу, подоткнул шкуру, приобнял девицу, да и заснул.

Наутро выбирающаяся из шкур Ола меня разбудила, а я остался валяться, припоминая

вчерашний день и пытаюсь вспомнить сны. И последних я не наблюдал вообще, даже спросонья. Ну, крепкая здоровая психика, отсутствие воображения, либо мозг охренел до такой степени, что послал всё нахрен, включая сны. Вполне себе равновероятные варианты, хмыкнул я, потягиваясь и выбираясь из кровати.

Тем временем Ола притащила мне завтрак — кусок печёного мяса, сочного и мягкого, с незнакомыми мне, но более чем знакомыми Стригору специями. Горбушку ржаного хлеба, чашку каши и отвар из яблок. Всё вкусно, причём от еды получаю очевидное удовольствие, отметил я. Органично, но вполне приятно.

И, видимо в продолжение мыслей и “на десерт”, подошедшая Ола обдала меня теплом своего тела, принимая опустевшую посуду и... яйца у меня не то, что выкатились, а выстрелили.

Отмороженная порнуха

Девушка на выкаченное и боеготовое бросила взгляд, удовлетворенно улыбнулась, облизнулась и грациозно опустилась на колени между моих ног. И, без прелюдий, высунув язык запустила его под крайнюю плоть, оголяя головку именно языком.

А я замер — интенсивность ощущений от прикосновений очевидно превосходила всё, мной ранее испытанное. Ола же, наконец, обнажив головку, плотно сжав кольцо губ, начала ритмично насаживаться ими на член, вызывая накатывающие волны удовольствия.

При этом обильно текущая слюна стекала по члену и губам, язычок ритмично “оглаживал” головку, руки девушки, положенные мне на бёдра, ритмично сжимались, ушки подёргивались. И глаза, огромные глазищи неотрывно и с вопросом смотрели на меня.

Протянув руку, я стал перебирать в пальцах ухо девушки, вопрос в глазах которой пропал, а насаживаться на член губами она стала гораздо интенсивнее. Эрогенная зона, причём общая, мимоходом отметил я некоторые моменты памяти, хоть так возвращая любовнице её ласку.

Этот минет завершился чертовски приятно, но неожиданно быстро: сдерживаться я не стал, да и не уверен, что смог бы — разве что полностью ограничить эрекцию, уж слишком интенсивными были ощущения. В общем, через пару минут после начала наступил оргазм, да столь интенсивный, что меня натурально выгнуло, и я застонал в голос.

— Сладко вам, Стригор Стрижич? — невинно спросила девушка, облизнув губы.

На что мне хватило сил только кивнуть. Впрочем, эрекция... не пропала? Ну ни черта себе, мимоходом отметил я, чувствуя подступающее желание.

А любовница, поднявшись на ноги и сжав их, слегка присев, начала повиливать подтянутой и немаленькой попой, вызвав невольное подёргивание моих бёдер. Ну, стоит — и славно, махнул лапой я мысленно, схватив пискнувшую с весельем девушку за бедра и положив на ложе, раздвинув любовнице ноги. Чистая промежность, щёлка сомкнута, но сочится соком, а анус звёздочкой, но не отличается цветом, бледно-розовый, как и прочая кожа. И блин, нет никакого желания ждать, отметил я нарастающую пульсацию в члене, придвинул девушку к краю ложа и вошёл в истекающее соком лоно. Тёплое, хлюпнувшее при моём вхождении. А Ола “ойкнула”, но не болезненно, а сладострастно. Я же, сжав руками крепкие ягодицы, начал совершать фрикции, чуть не срываясь в “долбёжку” от накатывающего удовольствия — предыдущий оргазм ничуть не снизил чувствительность, а пребывание в довольно узком лоне и попадающие на пах тёплые капли, как и чертовски заводящий запах, делали соитие приятнее предыдущего весьма неплохого минета.

Вдобавок, тихие хлюпающие звуки фрикций и тихие, но сладострастные ойканья Олы

добавляли свою, заводящую пикантность соитию.

И мы заводились, и любовница, и я, она приподняла таз коленями, ойкая всё громче, а соки из лона заструились по ногам. А я, перестав сдерживаться, начал размашисто входить в неё, благо пенис был вполне “нормальным”, не конским.

Через минуту я уже не сдерживал голос, ухватив Олу за бёдра, насаживая её на член. По лону начали проходить осязаемые судороги, но оргазма у девицы не наступало, лишь в ойканье добавилась хрипотца. И через пять минут я, продолжая фрикции, начал кончать в лоно. Уже в голос рыча от удовольствия, когда подёргивающееся лоно сжало член почти болезненно и замерло, тогда как любовница тихонько подвывала на одной ноте.

Замерев на минуту, мы расслабились. Я вышел из любовницы, ощущая, как член опадает и втягивается. А она обмякла, опустив таз и тяжело дыша.

Размороженная порнуха

Это... было сильно, несколько ошарашено констатировал я, начиная приходить в себя.

— Лежи, отдыхай пока, Ола, — велел я вяло пытающейся встать девице.

— Благодарствую, Стригор Стрижич, — хрипло подала голос она.

И вдруг, перевернувшись на спину, ухватив себя пальцами рук за длинные пальцы ног и разведя их, начала качаться с бока на бок. Я, особенно учитывая открывшийся вид, подумал, что это “новый заход”, но прислушавшись, по-доброму улыбнулся.

“Ой хорошо, ой сладко”, почти напевала себе под нос Ола, перекатываясь, очевидно, просто разминая сведённое судорогой после оргазма тело.

Так, это сильно, это славно, но. Что со мной, чёрт побери, только что было? Меня “вело”, как Отмороженного с Джувиной, но там эфир, чувства, запрограммированные в нём. Ладно интенсивность эротических ощущений — улучшение, очевидно, затронуло и их. Но, с чего меня так “вело”, что даже “не хотелось” контролировать из эфира себя?

Призадумался я, впал в полумедитацию, и полуулыбка от вида Олы дополнилась улыбкой понимания.

Нанём с того, что Отмороженного к Джувии толкал не эфир. А гормоны и медиаторы, выделение которых и было спровоцировано эфиром. А тут ситуация аналогичная, но... завязанная на феромоны. Точнее, они — триггер, женское желание и его запах запускает механизм мужского, ну а дальше уже куча прочих механизмов.

И “странности” стригорьево “поведения полового” объясняются элементарно: он трахал только девиц “в охотке”. Нет, механизм можно контролировать (до начала коитуса, в процессе — практически невозможно). Неизвестен механизм реакции женщин на мужские феромоны, но общий механизм понятен.

И, скорее всего, биологически оберегает женщин от насилия — не абсолютно, конечно, но поговорка “не захочет — не вскочет” в Беловодье по-настоящему актуальна.

И Стригор на Олу и “не вскакивал”, кстати, именно потому — не хотела. Не сознательно, но рабочий и довольно положительный механизм.

Так, ладно, всё это замечательно, приятно и прочее. Но не очень интересно, а то, что у меня не будет потуг “трахать всё, что движется”, а подруга гарантированно будет “хотеть и получать удовольствие” — просто хорошо, не более.

Так что перейдём как мы к более важным вещам. Наверное, не у меня, с улыбкой отметил я уже просто нежащуюся на шкурах девицу.

— Лежи, отдыхай. Я прогуляюсь, — бросил я, сбегая по ступеням.

А во дворе выдал первому попавшемуся слуге (и Стригор его имени даже не знал):

— Недума позови ко мне, сюда. Говорить желаю с ним.

— Исполню, Стригор Стрижич, — поклонился слуга и потопал в дом слуг.

3. Херовая охота

Недум вскоре объявился, пославословил всячески, и был мной обрадован извещением: идём к управителю поместья. Спустившись в подвалы особняка, я начал ощущать лёгкое “постукивание” эмпатии, после чего управитель мне стал транслировать... ну, терминал управления поместьем, скажем так. Функционал и вправду обширный, не соврал дед, но в текущих реалиях и вправду не нужный, как и предполагал я. Не воюем ни с кем.

Единственное, что мне показалось интересным, так это как возможность “прорастить” пол моих покоев травой, от чего я, с некоторым сожалением, отказался: шкуры — это статус, да и вполне нормально, а хотелки по мелочи, ломающие миропонимание слуг... нахрен, по шкурам потопаю.

Правда, выдал я указание у себя вырастить удобное кресло — а то бардак, кроме ларей, сесть барину в моей роже некуда, только в койку. Ну и его как раз травой прорастить, помягче.

Управитель булькнул, щупальцами, в стены уходящими, запульсировал и замер.

А я пытался понять, разумный ли это объект. И, выходило, как ни парадоксально, что его и живым-то назвать с большой натяжкой можно. Вариатор программ действия, в широком диапазоне, но не более.

Ни размножения, ни самосохранения, ни центра принятия решений — только отработка прописанных программ.

В принципе, рассуждал я, уже поднимаясь, если основа управителя — протоцивилизации, а вот конечными изготовителями являются бояре анимированные, то всё логично:

Шаблоны, забитые на “замок феодала”, а всё “лишнее” изготовитель просто покромсал.

Сходил, перекусил, благо Ола от наших утренних упражнений отошла. Думал уже снова позвать Недума, как старик явился сам, пуча глаза:

— Господин Стригор, напасть! — тяжело дыша и пуча глаза, выдал старик, вбежавший по винтовой лестнице.

Я-то, признаться, невзирая на желание его призвать, с интересом разглядывал работу Управителя по формированию моего кресла. Дело в том, что процесс был не чисто биологическим, а биолого-эфирным. Причём, как я уже сам понял, Управитель был не просто биокомпьютером, но и частично эфирным созданием: тот слабый фон, который я просто не заметил, позволял ему улучшать и оптимизировать “рост коралла”. Вообще, выходил тот же КПД, что и при оперировании надсердечником, фактически стопроцентный, позволяющий получать ощутимую пользу из эфирных слёз, которые я привычно не замечал.

И срок жизни Неведа, кстати, мог быть следствием в том числе и крох циркулирующего в его теле эфира.

Так что на явку старика, будучи занят наблюдением и моделированием, я ответил небрежным поднятием брови:

— Что за напасть-то?

— Жорун, господин Стригор, Жорун на полях Весёлки буйствует, к людишкам подбирается! Только-только Сирина прислали, господин!

— Жорун, говоришь, — нахмурился я, припоминая. — Ладно, займусь.

А сам, приподнимаясь, впал в полутранс, вспоминая, о чём вообще говорил старик.

Итак, Жорун — восьминогий одночлен, хех. Ну, похож по крайней мере — диполодокоподобная тварь о восьми колоннообразных ногах, с очень характерной мордой на длинной шее, причём без глаз.

Длиной метров двадцать, тепловидение, эхо или термолокация или вообще эфирное зрение — Стригор не знал. Но быстрая движениями, хоть и медленно передвигающаяся тварь. И чертовски сильная, “купол” деревеньки может ударами “шеи” разнести за минуту. Всеяден — сжирает и посевы, и коров, и деревеньку, и пейзаж, если доберётся, причём мясо именно предпочитает, сжирая стада, если успеет, ну и целенаправленно двигаясь к деревеньке, сжирая по пути поля.

Малый, относительно, рот твари — не помеха, всё “горло” покрывают зубы, у морды смотрящие вперёд, а добычу в полуметровое жерло Жорун всасывает, аки пылесос, эпизодически вскидывая голову и отрывая сожранный воздух и застрявшие на зубах остатки пищи.

Из хренового — на спине жоруна могут поселиться вороны, причём, моя встреча с парочкой делает такой расклад весьма вероятным. Много, сотни тварей, уж не знаю, насколько “симбиотичен” этот союз, но при охоте на Жоруна твари своё “гнездовье” защищают самоотверженно.

А далее изюминка хреновости: башка-”член” — всего лишь рот и “тяжёлый тупой инструмент”, как и хвост Жоруна, прикрывающий твари тылы. Стригор жорунов “валил”, но это была “эпичная битва” на полдня, критически завязанная на кладенец:

В случае наличия воронов, подняв руку с кладенцом вверх, парень на Индрике нарезал вокруг жоруна круги, вне досягаемости башки и хвоста. А после, перебив играющих в гастелло крылатых наскоками полосовал всё тот же “член” и хвост твари.

Бессмертным жорун не был, плоть кладенец полосовал исправно, и за несколько часов тварь просто дохла от потери крови.

Уязвимых частей же туша жоруна просто не имела, согласно известному Стригору. Кружить и обескровить, блин.

А, при разделке (мясо твари было съедобным, часть костей и прочего скупали купцы, да и шиш куски гиганта на удобрение полей, вполне справедливо, как по мне) обнажался даже не мозг, а централизованный ганглий под полуметровым слоем мышц и шкуры.

В общем, ни хера мне не нравится расклад, хмуро констатировал я. Росси тут... да практически бесполезен, разве что попробовать повредить суставы всех восьми, чтоб его, ног.

Ну и хорошо, вот я, предположим, даже положу тварь “на землю”, прикидывал я. Да, деревню это защитит и неплохо, но. Он, скотина такая, не сдохнет! Более того, регенерация у твари запредельная, хоть и не “эфирная”, как у монстров Земного Края. То есть, глубокие обильно кровоточащие буквально потоками крови разрезы от кладенца её приканчивают, факт.

Кстати, не удивлюсь, если кладенец — также частично эфирное оружие, уж очень он хорошо, зараза, рубит, припомнил я располовиненный череп Гемина.

Ну да не суть, а суть в том, что даже иммобилизовать я тварь могу чисто теоретически, не более. А как убить — не представляю, хмуро думал я, влезая в доспех.

— Кладенец, господин! — подал голос Недум, сжавшись, в ожидании удара — за такое “напоминание” от Стригора можно было огрести более чем неиллюзорных люлей, я даже сам отметил порыв тела стукнуть деда.

— Трясинник сожрал, — хмуро бросил я, укладывая обоймы в “сумки” доспеха, как оказалось на нём присутствующие.

— Гос...подин Стригор... — пал на задницу на подкосившихся ногах старик. — А что ж делать-то?

— В Росток надо будет съездить. А сейчас разберусь, — бросил я, скатываясь по лесенке.

Как-нибудь, мрачно думал я, подзывая Индрика и взгромождаясь на него. По пути проверил “связь” с управляющим — ворота начали опускаться ранее, нежели я приблизился к ним. Работает, хом-мун-кулус, ухмыльнулся я, несколько приподняв своё настроение.

А покинув поместье, призадумался. Ну, положим, бросать пейзаж на прокорм жоруны — свинство эпическое и мне неудобное. Назвался феодалом, вон, служанку отымел в дыхательные и пихательные — будь любезен соответствовать. Это просто модус операнди у меня такой, и менять его банально некомфортно.

Однако как ентого восмилапого однохуя воевать-то? Блин, он — здоровая и неубиваемая скотина, а у меня и нет ни хрена, кроме воздуха и Росси.

Так, хорошо, начал по монстробойной привычке Отмороженного разбирать детали. Воздух мне с воронами поможет, уже хорошо. Лезвия есть, да взрывом, в конце концов изведу: больно, но потерплю, Индрик сутками может бегать, отойду на нём.

А вот дальше получается хрень. Воздушные лезвия? Так не смешно ни хера — там туша огромная и прочная. Тут эфира тонны надо... эфир... воля, желание, воображение! В башке вспыхивали огоньками слова, а на роже появлялась хищная ухмылка. Я — маг. Я — физик. Какая мне к чёрту разница, сколь велик враг, главное — он уязвим. Какая мне к чёрту разница, сколько у меня подконтрольного эфира — главное, что он есть.

Эфир, воля, желание и знание физики. Да, оперирование перепадами давления на больших площадях и прочее мне недоступно. Даже кристаллического воздуха я не создам, невзирая на “близость” моих проявлений к данной форме материи. И не сожму и не охлаждаю — в данном случае это неважно. Но выходит, конечно, печально.

Но есть “воздушные лезвия”: уплотнённый поток воздуха, с урезанным в рамках уплотнения, до ничтожных величин, за счёт эфира, трением. Причём свойство это базовое, иначе чуда в виде воздушных стрел-копий и прочей пакости просто не существовало бы.

Итак, форма им придана воле-желанием, да пусть даже “прошита” в органе-надсердечнике, непринципиально. Лезвие, серп, гранёная остроконечная пирамида в случае “стрелы и копья”. И нахера, пардон, мне это извращенство? Пластина в молекулу, пусть две, не более. Какая нахер заточка — я при трате эфира в сотни раз менее, получу инструмент в сотни раз более.

Не абсолютный — притушил я своё ликование. Пропитанная эфиром плоть резистентна, в определённой степени, эфирным проявлениям. Тут не Земной Край, но лезвие в пару молекул, прикинул я насыщенность своего тела эфиром... нет, не имба, пару миллиметров плоти, максимум. Просто не вытянет больше манифестация толщиной в пару молекул, почему я и делал в Земном Крае именно ЛЕЗВИЯ с мономолекулярной заточкой, а не пластины.

Но, я маг. Херовый, слабый, но маг. А жорун — ни хрена не эфирная тварь, слишком “продуман”, нет точки применения эфира... или зрение?

Хм, зрение — возможно, но насыщенность тела эфиром всё равно порядково ниже моего или того же Индрика. А значит: будет не пара миллиметров, а двадцать сантиметров

глубина раны, а то и все полметра — вязкость плоти, толщина шкуры и прочие мелочи эфиру, удерживающему “невозможное состояние” воздуха, похер. Ну а “невозможному воздуху” похер в силу невозможности.

Так что оружие у меня есть, уж против тварей — точно. Не всех, возможно, припомнил я проявления, могущие быть эфирными, но многих и многих. И надо думать, как физик. Лезвия — это хорошо, но арсенал боевого мага может быть намного шире. Знания, воля, воображение. Ну и тренировки. А ещё — хорошо, что есть Архив. Хреново, что не во плоти, но возможность проведения расчётов, пусть в медитации, уже радует.

На этом моменте я попробовал. Для начала — скосить траву (вообще — были это уже пейзажные поля, но я аккуратно и по верхам) “лезвием ветра”, сознательно сделанным мономолекулярным, потом дуомолекулярным и так далее. Эксперименты показали, что для вменяемого результата надо вообще шесть слоёв, но даже с ними итог впечатлял — три метра “сбритой” верхушки зелени. Затраты эфира столь ничтожны, что незаметны... правда, строчить пулемётом такими манифестациями я ни черта не смогу, скорее всего — пока: очень чёткое надо было волеизъявление. Причём было оно не “самоподдерживающееся”. Подозреваю, как раз из-за крупниц, в плане объёма, эфира. Надо было постоянно думать это лезвие всё время его существования, но всё равно — весьма и весьма.

Вторым экспериментом была проверка “на маге”, точнее — на биодоспехе. Жалко, конечно, но эксперимент нужен, да и маленький кусочек... надо, в общем. И результат был ожидаемыми — насыщенный эфиром отрастивший “тестовые куски” биодоспех резался херово. Но резался, и это при том, что “стандартное лезвие” просто не пробивало его кожуру. Но пара-тройка миллиметров, конечно, не лёд... Хотя, всё равно чит в схватке — пусть мелкая царапина, но неожиданная и в уязвимое место — будет крайне полезна. Это, если я с магами буду войну воевать. Что, впрочем, высоковероятно: тихо сидеть я не буду, “ареал интересов” расширю волей-неволей. Так что схватки с “задетыми” практически неизбежны, с точки зрения моей текущей информированности.

Уже с видневшимся на горизонте куполом Весёлок я припоминал, что это за пакость такая — сириин. И воспоминания тоже подняли настроение — это не чирикалы буржуйские, а нашо, беловодское! Похрюкав, я припомнил детально местное “голосовое сообщалово” — в основу двадцатисантиметровых птах, похоже, легли вороны. Но пасти сириин была лишена напрочь — вместо неё мягкий хоботок, поглощающий жирное молоко, или, при нужде, кровь. Но молоко гонцы предпочитали больше. Очень аэродинамичны, стрижеобразны, а главное — на спине птаха обитала мембрана, натуральный динамик по функционалу.

То есть сириновод “активировал запись”, сообщение надиктовывалось вслух, и птах, чуть ли не на сотне, а то и более километрах в час, летел к корреспонденту.

Как находил — хрен знает, может эфирно, может и по памяти. Но с деревеньками коммуникация была налажена прекрасно, что, в общем-то, в условиях Жопы Мира и Голодной Пущи — залог выживания.

На этом я въехал в деревеньку, приветствуемый натуральной овацией, пожеланиями всяких благ от Стрибога и искренней радостью пейзажей.

— Проводник до жоруна, — бросил я, не став терять времени.

— Дык... господин Стригор, видно поганого от врат лесных, — раздался голосок пожилой бабы, как удивлённо отметило сознание — старостишки Весёлок.

Странно, половая сегрегация должна быть, по логике, а её нет, точнее... родовая и, как следствие, магическая, скорее всего. Та же родовая магичка даст себя сегрегировать, как же!

Потом догонит и ещё раз даст, причём больно.

А у пейзажа вообще чёткое “разделение труда” наблюдается, припомнил я разные занятия групп по полям и возрастам. Так что и доминантность самцов выходит вещь несколько эфемерной, а вот эффективность и польза деревеньки — натуральной и важной. Так что умная и эффективная баба вполне может быть старостихой, если на своём месте. А тупого и сильного пейзажу за “матушку” отпиздят, возможно даже ногами.

— Тогда не нужен, — логично бросил я, направляя Индрика к противоположным воротам.

Пейзажу всячески ликовали и подпрыгивали, а я, миновав ворота, остановился. Взглянул на гору мяса на горизонте, поманил рукой старостиху.

— Что пожелаешь, господин Стрижич? — подсемила сельская администрация.

— Почему предупредили так поздно? — поинтересовался я.

Интерес был не праздный: до Пущи километров двадцать, жорун — тварь медленная, километра три в час делает, примерно. А раз виден из деревни — не один час пёрся, поганец.

— Воранами увешан, господин, аки гнездо на ногах, — выдала баба. — Коровушек, кормилиц наших, пожрал и Жильку с Стрешкой, пастухов... не убереглись от напасти крылатой. А как бабы увидели супостата — тотчас же вашей милости симурга послали.

— Понятно, жаль, — откомментировал я. — Ладно, пойду, прибью скотину. Приготовьтесь, если случится что — бегите в Топляки.

— Упаси Стрибог, благой Стрижич! Охранит он твою милость! Да и куда нам бежать, всё добро...

— Жорун сожрёт, Мёда, — припомнил я имя тётки. — Топляки не из пузыря, но потеснятся топлячане до поры. А вы — мои люди, велю не помирать! — самодурски заявил я, на что пейзажу закланялись.

Вот тоже средневековье, едрить их в дышло, рассуждал я, уже на трусящем к жоруну Индрике. Вот не приказал бы — и вправду могли тупо сожраться. В поле близ Пущи ночевать — конечно, вариант извращённого самоубийства, факт. Но до Топляков — полдня вразвалочку, а бегом и того быстрее, уж до темноты всяко успеют. И меж домов переночуют, как пример.

Ну, это, конечно, на будущее скорее. Потому как ни помирать, ни допускать жоруна до деревни у меня никакого желания нет.

Издали осмотрел жоруна, глаза опять показали себя выше всяческих похвал. Более того — блестяще получился один эксперимент — воздушные линзы, компилируемые в подзорную трубу. Тяжеловато для сознания (опять, пинать этот мозг ленивый и девственный надо!), но по эфиру ерунда. И работает, что не может не радовать.

А картина выходила такая — восьминогий одночлен целенаправленно чесал к деревеньке, не менее целенаправленно выжирая поля. А вот вороны веганами не были, и за жоруном тянулся “шлейф” птах, явно пирующих на остатках стада и пастухов, не сожранных “гнездилищем”.

Много, паразитов таких, с недовольством оценил я кучу летучих тварей. И, блин, выходят они поопаснее жоруна в рамках моих текущих возможностей.

Тот же воздушный взрыв — да, в хлам... но ведь они не на жоруне сидят, паразиты такие, как я рассчитывал. А значит, захреначить взрывом и страдать на Индрике, как гимназистка обморочная — путь на тот свет.

Одним лезвием от них отбиться — ну такое себе, прямо скажем. Не отобьюсь от стаи, факт. А значит, надо думать, как тварей воевать не локализовано, а вообще.

Области пониженного давления напрашиваются, но большие площади не вытяну, а от малых толку ноль. Как и вакуум в серьёзных масштабах.

Газ... угарный газ, улыбнулся я. Вообще, воздушнику-слабосилку запасы газов — милое дело. Но запасов нет, да и не мгновенно оксид углерода действует, хотя, того же жоруна таким травануть, если с лезвиями облом выйдет — сам я велел. Но запасов нет, а всё, что теоретически возможно “в полевых условиях” — недостаточно летально.

Пороха в патронах ни черта не хватит, на что-то серьёзное, но вот объёмный взрыв... о да, широко улыбнулась моя физическая научность. Вариант весьма действенный, осуществимый, а с учётом пусть и не абсолютного, но вполне возможного обогащения кислородом локального пространства — так просто замечательный.

Но вопрос, из чего “спрей” делать. За выпивкой или мукой в деревеньку смотаться? На последнем я натурально заржал, представив физиономии пейзажа, на моё: “мне выпить и пожрать, без этого воюется хреново, я пробовал!”

Ну ладно, отсмеялся я, как вариант — оставим, а морды я переживу, хрюкнул я. И устоялся на расположенный неподалёку стог сушёной ботвы: более чем, если измельчить, вообще-то.

И полчаса удерживал воздухом и мельчил в пыль кубометр сена. А подрыв у нас будет, прикинул я, локализованной концентрацией чистого кислорода, там много не надо.

Попробовал малую жмень: пыхнуло знатно, хорошо что подальше пыхал. Ну, вороны огня боятся, так что если и не накрою всех, то отпугну и справлюсь по частям. Далее, вопрос прикрытия. Индрику с его “акулей шкурой” на воронов чихать, в любых количествах, разве что поймает парочку пастью, на закуску. Доспеху тоже, но вот вопрос, почему Стригор морду не прикрывал? Он дурак, или разработчики биодоспеха — придурки?

Да даже если придурки, припомнил я эволюции брони по желанию, всё равно парень дурак. И стал я думать о защите, которая, после полуминутного “подтупливания”, напозла на башку. Дыры дыхательные есть, глаза прозрачными окулярами прикрыты, так что хер жоруна воронам, а не стрижичьего тела, порадовался я.

И, напихав “боезапас” в нагрудный карман, довольный я начал приближаться к жоруну. Вороны моё приближение отметили, затеяли грай, часть “облака” сменило направление. А я решил пока “траву” не тратить. Трава — вещь серьёзная, пыхать ей по делу надо, веско определил я.

А значит, собрать побольше воронов, нарезая их лезвием потихоньку, ну и тогда пыхать. Раз уж безопасность обеспечил.

И начал я подлетающее воронье кромсать. Индрик подёргался, но убедившись в моей неуязвимости, стал взирать на птах с акульим презрением, и вправду время от времени выхватывая пастью тварюшку-другую из копошащегося вокруг месива.

И, на определённый момент, стали меня вороны натурально пошатывать, хотя доспех, как понятно, не прогрызали. И свет, натурально, померк, потому что пакости крылатой выходило дохрена.

Выпустил я из живого кармана доспеха жмень травы побольше, и, морщась от попыток пакости её развеять, стал распределять, обогащать и вообще, занялся продуктивной деятельностью. Мозги плакали, стонали, но я сознательно ограничил “внетелесье” — пусть пащут и привыкают, блин! В общем, через пару минут этакий косяк полумесяцем из

любовно измельчённой травы имел место быть. Я его и пыхнул.

Пыхнул, нужно отметить, душевно: хлопок был почти как у СМИ в мире Мороза: почти оглушил, шатнул меня и обиженно квакнувшего Индрика взрывной волной.

Но вороний грай был ощутимее и сильнее — в птахах появился ощутимый просвет, не “пыхнутые” заметались заполошно, ну а я, помотав башкой, принялся заряжать косяк номер два. С учётом натуральных испытаний, конечно.

За час я, как опытный травопых, пыхнул ещё четыре косяка. От воронья остались жалкие ошмётки, штук тридцать тварей, не более, которых я успешно дорезал лезвием.

А вот насердечник начал побаливать: всё же перебор выходил для него по нагрузке, но для развития полезно, а гексамолекулярные лезвия, к счастью, орган колдунский почти не напрягали.

И да, парадокс того, что лютейший, всережуший режим — фигня неощутимая в плане эфира, а объемный взрыв, с топливом, с помпонами, золотыми пуговицами с драконами и прочими облегчающими процесс излишествами — с трудом осиливаемый труд, меня немало позабавил.

Но забава, как и вороны, всё-таки кончились, да и Индрик перестал подбирать с земли недопыхнутую копошащуюся пакость, “наелся”, оттранслировал он мне сытую мысль-эмоцию, полную довольства.

А передо мной был жорун. На вспышки он почти не реагировал, что сужало спектр его чувствительности, ну, в рамках моего понимания, до двух: электролокация и эфир. Причём, похоже, эфир, прикинул я целенаправленное движение к деревеньке. На обоняние не похоже, электролокация на подобные расстояния — фантастика не только антинаучная, но и антифантастическая.

Ну, в крайнем случае, будем гнать оксид углерода из стогов и травить пакость угарным газом, решил я. Но попробовать надо, подал я Индрика вперёд мысленным посылом.

Напряжённый зверь потихоньку стал к гиганту приближаться, ну а жорун замер, повернул ВЕСЬМА характерную башку и рванул её к нам.

Скакун отпрыгнул, а я, еще в прыжке, зарядил по нёсшемуся, кхм, отростку, лезвием.

И, через пару секунд воздух “вывернулся”, то есть заклинание рассеялось. Но, судя по длинной и обильно кровоточащей ране — ни хера твари эфира на нормальное сопротивление не хватает. Восьминог задёргался, оглушительно крикнул (ну вот не назовёшь иначе егоиную голосёнку, крик он и есть крик), да и начал отростком своим, попеременно с хвостом, в мою сторону хищно размахивать, пытаюсь приблизиться.

Ну а я резать, довольно отмечая, что эффект в разы, а то и на порядок превосходит кладенец.

Через час на поле валялся обрубок хвоста, ну идохлый жорун, почти кастри... в смысле с перерубленным ротовым отростком, да. И буквально море кровищи.

К животине я приблизился, отчётливо убедился в эфиризации, причём шкуры. И, кстати, понятно, почему купцы на шкуру точили свои зубы, в подобном раскладе.

Тем временем, от деревеньки, буквально бегом спешила немалая толпа пейза.

— Слава тебе, блага тебе, заступник, оборонитель! — ну и прочие славословия орала эта толпа, деловито накидываясь на тушу жоруна.

— Сам Стрибог, отец твой, благословил тебя, господин наш Стрижич! — выдала несколько подотставшая от общей массы старостиха, подбежав.

— Угусь, — не стал спорить я. — Слушай мой наказ, Мёда: шкуру снять, в поместье

доставить. Кости... да хрен с ними, сами смотрите, мне без надобности. Мясо — всё берите, сколько успеете до темноты. Соседям поможете, они коровами поделаются.

— Мудр ты и милостив, Стрижич, о людишках заботишься малых.

— О своих забочусь, — отрезал я.

— Господин Стригор, посети девиц деревенских, к рождению готовых, — вдруг вывалила старостиха. — Заждались семени стрижьего лона их.

— Недосуг, — через полминуты бросил я. — Дел невпроворот, да и коров бы вам надо... В общем, в следующий раз, — отрезал я.

Что примечательно, на рожках пейзаж, хоть и не всех, но большинства, появилась некоторая обида. Не в смысле “вот казёл!” — а вот реально, хоть и неприятная ассоциация, но как у сгоряча и без причины ударенной собаки. Так, обдумать, возможно — исправить позже, но “карнавала осеменения” сейчас не будет.

— Вернусь с Востока — заеду в Весёлку, порадую дев, и они меня, — выдал я результат размышлений. — И, Мёда, принеси мне пару бутылей сидора яблочного, точнее, пошли кого пошустрее.

И дело тут вот в чём. Я не заболел моралью религиозной и прочее, но память подсказывала, что “марафон потрахушек”, с учётом “в охотке” может затянуться на пару дней. Просто нерационально, в текущих реалиях. Вопрос стремления к беременности и соитию с господином... ну в принципе, объяснимо. От религиозного “семя Стрижича”, до чисто прагматичного: ребёнок с даром — гарантированный билет в поместье, к лучшей жизни.

В общем, похоже, марафоны осеменения мне в текущих реалиях проводить придётся, если не ломать быт и уклад пейзаж через колено. Что глупо и жестоко, прямо скажем, так же, как и обижать их небрежением. Но надо будет как-то это хоть организованно сделать, ну я не знаю, подумаю в общем. Всё же десяток-полтора девиц... ну как-то чересчур, хотя в воспоминаниях Стригора “силушки молодецкой” хватало. В общем, посмотрим, а на пути из Востока и вправду загляну, осеменю, раз уж обещал.

А вот второй запрос связан как с химией — сидр местный, на яблочках, содержал алкоголь, но вот сколько — было небезынтересно. В рамках надуманного мной воздушника-химика-отравителя — так и вообще необходимо.

А в поместье алкоголя не было вообще, подозреваю — трудами Недума, меня от “бутылки, Стриведа сгубившей” оберегающего.

— Так... нетути сидра, не гневайся, господин Стрижич, — забегала глазками баба.

— Врать не умеешь, — нахмурился я. — Господину врешь... и что с тобой делать?

— Пощади, Стригор Стрижич, — повалилась старостиха на колени и запричитала.

— Я слово молвил, — ласково улыбнулся я. — Мне долго ждать? — после чего какой-то паренёк рысью рванул в деревню, обогатив меня видом спринта местных со стороны — как-то раньше не наблюдал, а Стригор и внимания не обращал, но именно бег — довольно дикое и одновременно красивое и органичное зрелище. — Недум подговорил?

— Не губи, господин, — закивала всё так же коленопреклоненная баба.

— Не погублю. На первый раз прощаю, — нахмурился я. — Но помни, кто господин! Повторится ещё раз такое... — я не договорил, но старостиха аж физиономией в агрокультуры тыкнулась.

Вот же блин, ну да ладно, оценил я местный культурный код и форсированно прошёл все стадии, вплоть до принятия.

Тем временем паренёк прискакал ко мне и с поклоном протягивал пару... калебас? стручков? — ну, что-то типа того, булькающего.

— Узнаю, что не то, что просил, — подал голос я, убирая калебасы в индриковы сумки, — пощады не ждите, — на последнем общественность поёжилась, но признаваться, что “случайно” подсунули мочу осла — не стала.

Так что будем считать, что в бутылках что нужно, заключил я, двигая Индрика к поместью.

А вообще, мне было чертовски интересно, КАК Стривед смог загубить себя и относительно молодом возрасте. Я организм изучал, там печень гвозди пережует, да сыто отдуваясь, ещё попросит. Это что ж такое лютое местные в пойло мешают, что предок в кровати помер, хоть ещё и магом был?

А ещё я пытался спланировать поездку в Росток — вещь реально необходимую, даже в реалиях моих открытий. И ни хрена у меня, признаться, не выходило. Надо-то надо, но...

В общем, отец как-то ездил, факт. Причём пара дней дорога, да ещё в Росток три дня. Недум, саботажник антиалкогольный, точно знает, как, вот и потираню его на информацию, резонно заключил я.

С этими мыслями я и добрался до поместья. Управитель почувствовался и вправду метров за сто от стен, и, кстати, стал выдавать местоположение живых, довольно странное ощущение, небезынтересное, да и, возможно, полезное в перспективе.

Ну а заехав и отпустив Индрика, я огласил двор поместья громовым криком:

— Недум, щучий сын! Встань предо мной немедля!

Старик из недр поместья извлёкся, ко мне подсеменил, увидел бутылки в руке и пал на колени:

— Не пей, Стригор Стрижич, ба-а-атюшка-а-а-а...

— Козлёночком станешь, — хмыкнул я. — Ты, Недум, видно, на старости лет попутал, кто в поместье Стрижич, а кто Недумка-наставник. Ну да за службу беспорочную, да к древности твоей снисходя — прощаю. Но за спиной моей хоть разок узнаю, что козни строишь, против воли идёшь — покараю без пощады!

— В воле твоей, господин. Ты ж только не пе...

— Заткнись, Недум. И не лезь не в свое дело. А то и вправду наказать меня принудишь, хоть и не хочу.

— Жизни не пожалею, только не пей...

— Пиздец, — непонятно для местных высказался я. — Гден!!!

Через полминуты прискакал слуга, преданно уставившись на меня.

— Так Гден, Недум головой совсем скорбен стал, — задумчиво протянул я. — Или на ухо туг, что мне без разницы. С дня сего, носишь стрекало с собой и ходишь за ним. К себе позову Недума — с ним идёшь. И ежели он супротивить начинает, или по старости приказывать мне вздумает — ты пасть его прикрой аккуратно ладонью, со всем вежеством. И стрекалом по жопе вполсилы тресни. Может так до старого дойдёт.

— Э-э-э... — подвис слуга.

— Не понял слов моих и ты? — ласково улыбнулся я.

— Понял, Стригор Стрижич, не гневайся.

— Так какого лешего ты тут землю подпираешь, а не за стрекалом бежишь?! — на последнем слугу как ветром сдуло. — Понял, старый? Сам меня своим упрямством дурным принудил. В ум войдёшь — может, и отменю наказ Гдену, а пока так. И встань, Недум.

— В воле вашей, Стригор Стрижич, а только... — начал было старик, но заткнулся, после моего доброго взгляда.

— Вот, можешь же, — покивал я. — Но Гден с недельку проследит, от греха, — на что подбежавший со стрекалом Гден вид принял лихой и придурковатый, на Недума с пристрастием уставленный. — Ладно, к делу, Недум. Вопрос: отец в Росток ездил. И мне туда надо.

— Ой, надо, господин, без кладенца-то худо, лишь Стрибожьей волей...

— Ну да, а я рядом с жоруном постоял, а всё воля Стрибожья, — фыркнул я. — Так вот, надо мне. Но твари хищные и гости из Пущи меня дожидаться не будут. Как отец это решал?

В ответ дед поведал мне, что выдаются из арсенала поместья все стрекала, всем мужикам деревень. Сами деревни переходят “на осадное положение”. А, главное, недавно жорун был, а значит распуганы твари пущи. И три дня есть “как у Стрибога за пазухой”, а седмица — почти так. Не будет тварей страшных, от мелочи пейзаже отобьются. Потери в урожае будут, но не критичные, а “кладенец важнее”.

— Сам знаю, что важнее, — хмыкнул я, сам припоминая, что перед приездом комиссионеров Стригор размышлял, что давненько тварей не было, а значит вот-вот. — Далее, Недум, рассказывай мне: по каким ценам что купцам продаёшь, по каким покупаешь. Гляну в Росток, сколь велики хоромы, на нас купчинами отгроханные.

— Ой, велики, Стригор Стрижич, — покивал старик и озвучил “прейскурант”.

Последний я записывать в Архив не стал, да и записей не просил, а пинал мозг ленивый всё запоминать. Последний утратился, запомнил.

Ну а я, благо смеркалось уже, пошёл в свои покои, предаваться пьянству и прочим интересным вещам.

В покоях обнаружилось, что Управляющий трон мой для раздумий уже на десяток сантиметров от пола нарастил. А значит, последний к возвращению моему будет, что и неплохо.

Ну и присел на ложе, откупорив бутылку. Принюхался, пахло неплохо. Хлебнул, покатав на языке — вкусно, градусов с двадцать, наверное, если рецепторы не врут. Ну и сделал несколько глубоких глотков, скользнув во внетелесье, не без интереса проверяя туловище Архивом.

И выходило, что пойло даже покрепче, а вот с алкоголем выходило... забавно. Итак, до определённого градуса он вообще не вызывал никаких пертурбаций. А вот после “лёгкого опьянения” и выше — печень ставила стальной заслон, выводя из крови лишнее ультимативно. Проверил, перепроверил и аж поёжился, по прикидкам. Стриведу надо было, чтоб иметь шанс спиться, глушить годами это пойло, литров по десять в день, не меньше. Это папаша жёг, не по-детски в самом прямом смысле, констатировал я.

Ну, впрочем, может, печень повреждена была слабовосстановимо, припомнил я сеть белых, почти незаметных шрамов на теле Стриведа. Но всё равно, ощущение, что он сознательно самоубился, а не спился по слабости.

В общем, старика потерблю, а сам пить... ну иногда можно, а так не особо хочется. Иногда, для расслабления можно, но тут и полбутылки хватит, притом что лёгкое опьянение долго держаться должно, для отдыха неплохо.

Пришёл в себя, обнаружил скромно сидящую на краешке ложа Олу.

— Светцы погашу, Стригор Стрижич? — полюбопытствовала она, на что я кивнул, валясь на кровать.

А через минуту Ола скользнула под шкуру, поворочалась, посопела и развернулась ко мне.

— Так вы ж любится хотите, Стригор Стрижич, — выдала она, подтвердив и женскую “феромонную чувствительность”.

— Ты не хочешь, давай спать, — отмахнулся я, благо желание было, но такое... не слишком сильное, скорее как в теле Мороза с голой девицей рядом — можно вдуть, можно не вдуть, скажем так.

— Негоже мне Стрижича без ласки оставлять, — выдала девица, юркнув под шкуру и зашуршала там.

И весьма приятно и умело закрыла вопрос в устной форме. Умница какая, оценил вполне удовлетворённый я.

— Любо вам, Стригор Стрижич? — полюбопытствовала девица, поднимаясь из-под шкуры.

— Любо, Ола, — прижал я девицу к себе. — Спать давай.

— Как скажете, Стригор Стрижич, — довольно прижалась ко мне девица и вскоре засопела, уснув.

А я некоторое время полежал, подумал, поприкидывал расклады, что завтра делать и как. Ну и порадовался весьма приятной и понимающей любовнице, не без этого. Вот реально, от такой “на сторону” ходить не хочется, но... ей не в обиду, а мне надо. Ладно, на обратном пути из Ростока решу. Будут у меня, блин, половые повинности сезонные, хмыкнул я, засыпая.

4. Судьба купеческая

С утра, фактически на рассвете, меня поднял ментальным тереблением Управитель, на тему “толпы у ворот”. Дотопав спросонья до стены с чётким желанием прибить паразитов, я, на оных взглянув, решил их не прибивать.

Это весёлкинцы припёрли шкуру жоруна, о которой я изволил им выдать указания. Здоровая была она, полдюжины человек пёрла, но в целом — Индрик потянет.

Дело в том, что у меня и моих подчинённых не было средств передвижения, соответствующих скорости Индрика. То есть я за световой день (на Индрике — и ночью) мог добраться до Ростока. А вот караванами всяческими или даже “бегом” — два дня, как ни крути. В трети дня пути Индрика от поместья располагался постоянный двор, в котором что пешком, что “окоровленным” (а коровы могли использоваться как тяговая скотина, невзирая на свои “продуктовые” кондиции) надо было ночевать, и уже с началом светового дня двигать в Росток.

В противном случае путешественников ждала весьма неприятная ночёвка в поле (с вероятностью сжирания процентов в семьдесят) и, как просветил Недум — ехидно запертые до рассвета ворота городка.

Ну а я был во времени ограничен — в городке куча дел, а оставлять надолго подведомственные населённые пункты без присмотра категорически не можно.

И свинство былинное, и сожрёт какая-нибудь пакость из Пущи — тамошние пакости весьма в сжирании моих пейзажей были подкованы.

Так что был у меня план, прихватив денежку и шкуру, рвануть в Росток одному пораньше. Правда, не так “пораньше”, как вышло, но тоже ничего, заключил я, застраивая невыспавшихся слуг на тему “шкуру упрессовать в удобоваримый формат”.

— Стригор Стрижич, угодно ли вам чего? — подала голос Ола, проснувшись, когда я полез за денежкой и документом, уже в доспехе.

— Не успеем, — хмыкнул своим мыслям я. — В Росток я. Ола, гостинец тебе привезти?

— Ой, Стригор Стрижич, да не надо, есть всё у меня, — замахала ладонями вскочившая служанка. — Вы только сами быстрее возвращайтесь, грустно без вас.

— Вернусь, — посулил я.

И, про себя, не без иронии, напевая песенку “лучший твой подарочек — это я”, направился во двор. Взмыленные слуги совершили трудовой подвиг — утрамбовали шкуру в плотный свёрток, полутора метров длиной и меньше метра диаметром. Так что высказал я искреннюю похвалу, да и призвал Индрика.

Последний, лентяй этакий, глазом жалобно под поклажей на меня косился, но не разжалобил: сам лось здоровый, а его буркалом акульим только до недержания пугать, а не жалобить.

Перед отправлением подозвал я Недума, уточнил всё, что знает, получил тычок “куда ехать”. Благо одним из естественных, но мной не отмечаемых чувств было ощущение сторон света.

Подозреваю, электрочувствительность шевелюры выступала в роли компаса.

Ну и потрусил Индрик бодро к Росток, перестав из себя умирающего корчить.

Собственно, в дороге я ни на какие приключения не нарывался, любуясь округой и тренируя эфирные воздействия до лёгкой боли в надсердечнике. Медитировать было

откровенно страшновато: та пара воронов меня от щёлканья клювом в дороге прекрасно отучили.

Ландшафт представлял собой этакую лесостепь: разливные, заливные и не очень луга и время от времени встречающиеся рощи. Дорог не было как класса, а вот флора выходила чертовски приглядна — совершенно потрясающие по красоте цветы, что, с учётом более чем семицветья восприятия, было действительно потрясающим. Даже пожалел, что “у нас” не так, но сам себя опомнил: у меня всё под поля распаханно либо луга под пожрать коровам. Цветы — конечно, красиво, но пейзаже, быдлы такие, кушать хотят, а не цветочками любоваться.

Вообще, выходило земли-то дохрена, совершенно ненаселённой, но это, не менее очевидно — следствие агрессивной фауны (чувствительность даже сейчас цепляла всяческую живность, очевидно, затаившуюся, почувствовав Индрика) и отсутствия “защитников”. Ну и желания “в цивилизации” пребывать, тоже фактор: жизнь Стригора и его предков, в постоянном зверобойстве “пограничного баронства”, успешным родовичам, судя по всему, не по нутру.

В районе полудня проехал мимо “постоялого двора” — тот же купол, что и над деревеньками, только побольше. А внутри пузатый, похожий на детскую пирамидку своими округлыми сегментами, коралловый домик. И куча свободного места, разделённого на участки живой оградой — очевидно, для караванов и корованов, что, учитывая тягловых животных — и не ошибка.

Хотя надо мне будет, наверное, какой-нибудь биотранспорт присмотреть и прикупить, если денег хватит. Корован — звучит круто, но у купцов животины покрупнее и явно шустрее были, ну и потягловитее, факт.

Так что, ежели переориентировать экономику подведомственного пейзажа не на разъездных перекупщиков, а хотя бы осёдлых — специальные животные безоговорочно нужны.

Но заезжать в постоянный двор я не стал — у меня во всунутых свёрточках и бутылках еды и закуси было дня на три разнузданного жора, Индрик на воронах нажрал себе весьма увесистую жопу (без шуток, запас “расходного жира” и жидкости обитал в задних ляхах зверюги), которой ему на неделю хватит. Так что тратить время не стал, поскольку нахрен надо. Скорее всего, попаду туда на обратном пути, поскольку были у меня планы на караван, если средств, конечно, хватит.

Поскольку, если судить по содержанию братца (ну вот ни разу я не думаю, что родовича держат на голодном пайке, а учат бесплатно), я — богатенький буратина. А вот если по расценкам заезжих купцов — буратина я весьма среднеобеспеченная. А уж ценообразование на самовоспроизводимые, но эксклюзивные для родов биоартефакты — вообще вещь непрогнозируемая, так что поглядим — увидим.

На подъезде к Востоку я слегка прифигел, покопался в памяти Стригора-мелкого, ни хрена не понял, ну и поехал к городку непонявшим.

И дело было вот в чём: то, что мелкий реципиент воспринимал в детстве как рощу, оказалось натуральной крепостной стеной из деревьев. Притом, купол обитатели рода Хорсичей, “градообразующего семейства” виднелся из-за стен и был явно меньше стен на порядок. И какие-то башни коралловые виднелись, тоже ни хрена не понятные.

Ворот не было, как факта, хотя есть у меня подозрение, что они “зарастают”. И охраны, кроме пары явных родовых в биодоспехах — тоже не было, хотя даже на вид родовичам было

лет двенадцать-тринадцать.

— Кто таков, по какому делу? — уставился на меня один из родовых.

В ответ я молча, не отвечая, очень выразительно уставился на видневшийся над домами, причём растительными и явно живыми, родовой купол.

— И откуда вас столько непонятливых? — посетовал второй. — Стрижич, вроде? — на что я продолжил молчать.

— Хорбой Хорсыч, — со вздохом произнёс первый. — Десять лет как его Императорское величество поселение вокруг родовых земель признал городом, отдав роду на присмотр, за мзду с дохода. Так что, представляйтесь почтенный, а иначе враг вы.

— Стригор Стрижич, — представился и я. — Благодарю за пояснения, — слегка склонился в поклоне, закрутив павшую с ограды листву в воздушном смерче.

— Болотный лог? — последовал вопрос, кивок, на что родович сочувственно посмотрел. — Тогда и за вопрос свой извиняюсь — Пуца, почитай, под боком, как бы вы не первый раз место родное покинули?

— Второй, — ответил я. — А не подскажите, Хорсычи, где бы мне остановиться? Двор постоянный или ещё что, на день-другой?

— Отчего же не подсказать. Чистые места, почитайте. все в чистом городе, на наших землях родовых, — приосанился он, тыча лапой в купол. — Ну а если чинство не важно, так по этой улице в конце заведение есть. Вроде не худшее, — ткнул он рукой в одну из боковых улочек, отходящих от центральной травянистой улицы, явно ведущей к родовому куполу.

— Благодарствую, — кивнул я.

— А сие от жоруна шкура? — заблестел глазами страж.

— Его самого, — кивнул я, вызвав завистливый вздох.

Нашёл чему завидовать, мысленно хмыкнул я, прикидывая. Ну лично я, наверное, двинул бы на боковую улочку, факт. Просто смысла не вижу переплачивать, благо мне максимум пару ночей переночевать. Но “чинство” чтоб его, так что в “чистый город”. Хотя, что “грязного” в растительной застройке из луковицеподобных домов, сплетающихся “ботвой” крыш в защитную сетку — не знаю. Довольно приглядно, да и запахи приятные, еда да зелень, хмыкнул я.

Правда, ни хрена не понятно, чем тут люди занимаются, думал я, двигая по “центральному газону”. Народу выходит... да дохрена, даже если считать что в каждой “луковице” по одному жильцу. А они двухэтажные, самая мелкая — метров двадцать пять квадратных у земли. В общем, ни хрена не понятно ни чем питаются, ни чем живут, с учётом редких прохожих.

Впрочем, разберёмся, для того и приехал, заключил я. У входа в “коралловый купол” меня встретили пара хорсычей, уже в возрасте и поматёрее, затребовали документ, повзирали да и пропустили, тыкнув в располагающуюся почти у входа “Сень Хорса”, корчму и постоянный двор.

Кстати, купол был, по рассмотрению, далеко не сплошным — ажурная узорчатая и сильно сплюснутая полусфера возвышалась метров на пятьдесят и была затянута в прорехах изредка бликующей на вечернем солнце плёнкой. Так что “противовоздушная оборона” присутствовала и тут.

На улице, кстати, в отличие от “лукового города” народ как бродил с важным видом, так и сновал с деловым, как я отметил, заваливаясь в “Сень”.

На входе паренёк с чертами хорсычей, но не маг, полюбопытствовал, не “обиходить ли

зверя”. Зверь лениво хлопнул пастью и лениво улёгся у стены, а я проник в кабак.

Который оказался не кабаком, а именно гостиницей: за дверью была относительно небольшая комнатка с несколькими широкими лестницами наверх и единственным обитателем. Был это дядька в кресле за бюро с “гостевым диваном” напротив, который приподнялся, поклонился и осведомился, чем может быть полезен.

— Жильём на сутки, достойным, — начал перечислять я. — И, любезный, есть ли на примете человек, знающий торговые места? И могущий поведать мне, что в Росточе происходило последние годы, а то занятость на родовых землях к визиту в этот город не располагала.

— Господин...

— Стрижич.

— Почтенный господин Стрижич, Сень Хорса с превеликой радостью предоставит вам подобающее вам обиталище на потребное время, всего лишь за полгривны. С человеком же, ежели осмелюсь предложить, то закупщик Сени Хорса — муж в летах, основательный, с торговлей знакомый.

— Полагаю — подойдёт, любезный, — протянул я гривну. — Оставьте за труды, если человек ваш...

— Сей момент будет, почтенный господин Стрижич.

И метнулся мухой в недра гостиницы, вернувшись через полминуты с дядькой и вправду в летах. Выдал мне косяную “пластину от покоев, третья дверь направо, не ошибётесь, господин, пластина только к ним подходит. И зверя вашего пристроим и обиходим”.

— Щос, закупщик Сени Хорса, господин Стрижич, — отрекомендовался мужик.

— Ступай за мной, Щос, — поманил я дядьку, а на выходе тыкнул в шкуру. — Где продать выгоднее мыслишь?

— Жоруна это, господин? — поинтересовался дядька, на что я кивнул. — Ну, сталбыть, я бы мог сказать что лавка рода хорсова купит... но не скажу. В мануфактурьей скупке цену честную дадут, — понизил голос он.

— Успеет? — посмотрел я на закатное солнце, на что последовал кивок. — Тогда веди. И поведай, что за мануфактура такая.

И повёл меня дядька в “луковый город”, а по пути рассказал занимательные вещи.

Итак, мануфактура — именно такова. Правда, по-местному, по-биологичному: куча “биостанков”, “полуфабрикаты” которых между ними таскают “людишки”. Насколько я понял разведения руками, конвейер там толком и не поставишь. А творит мануфактура, на минуточку, стрекала, светцы, ряд хрени, мне просто неизвестной. И некие “мёртвые вещи”, которые оказались на проверку не био, а физической утварью, инструментами... простейшими, типа кастрюль и молотков, но в сотни раз дешевле “благородного”.

Хех, прикидывал я. Это мы в нашем Болотном Логе промышленную революцию проспали. Хотя не вполне, конечно, но урбанизация налицо. А Хорсычи ныне выходят не столько “хозяевами” города, сколько полицаями.

А владельцами города стала Императорская семья, государство, по сути, которому “средства производства” и принадлежат. Причём, Хорсычи, судя по всему, от счастья подпрыгивают — доходы выросли, перед кем кичиться крутизной, есть. А на деле — стали винтиком государства. Не сказал бы, что это плохо, но любопытно.

А ещё весело то, что находились мануфактуры... под “луковым городком”. Забавно решена проблема защиты от тварей и ряда иных проблем. И трудятся там, как рассказал мой

проводник, часов десять — просто роскошь, по сравнению с теми же пейзажами.

Вообще, похоже, что Император (как должность и род, а не как конкретный человек) пытается централизовать государство. И, по ряду признаков, началось это задолго до меня, как бы не пять поколений назад, с “исхода Стрижичей”. И не сказал бы, что это плохо: анимированным боярам прогресс невыгоден. Они — монополисты, на кой им болт развитие быдла? А вот Император делает ставку на подданных и, судя по всему, выигрывает. Хорсычи даже не заметили, как из “равных” стали дворянами, придатком к городу.

Впрочем, это предварительная оценка, но похожая на правду, отметил я.

В “скупке”, полуоткрытом домике с длинными столами, довольно молодой и не “хорсей крови” парень шкуру развёрнутую обнюхал-осмотрел, позвал тройку мощных детин, утянувших шкуру в недра, и выдал мне тысячу гривен.

Обращался с вежеством, но поглядывал искоса снисходительно. Впрочем, хрен бы с ним — я мысленно обдираю иглы с головы. За два поколения Стрижичей Недум накопил пять тысяч. Это на наших трудах купцы как бы не второй Росток отгрохали, прикинул я. И на обратном пути тиранил Щоса, где что почём.

Дядька подробно описывал, будучи надыхан “моим” воздухом — отвечал честно, за что гривной по прибытии был вознаграждён. А я, отдав Индрика (точнее, приказав зверюге за ентим человечком идти и его не жрать) и поднимаясь по лестнице, точно знал, что “поставкам в Росток” быть, а то пиздец самый натуральный выходит.

Номер был невелик, но прямо скажем — “богаче”, чем мои “барские покои”. Помимо овального, с мягким мхом и чистыми (хоть и бедными) шкурами ложа, был диванчик, кресло, аналог стола — причём с какой-то фигой типа живой ручки и даже бумагой, которой я и не думал тут увидеть! Видимо, одна из “мёртвых вещей” мануфактур.

Да даже “мойная” была: закуток с решётчатым полом, где я “пропотел” и отчистился жёсткой щёткой.

Ну блин, беспорядок. Надо в поместье цивилизацию какую-никакую привнести.

Впрочем, делать я это и так собирался, так что ополовинив “графин” с водой, завалился я спать.

— Господин Стрижич, не гневайтесь, завтракать изволите? — такими словами привела меня в себя молодая девица, дернувшаяся на порыв ветра в её сторону.

Дикари какие, стучаться не обучены, ворчал мысленно я, приходя в себя. Девица была вооружена грудой подносов с “ужином” до кучи, который “господин Стрижич не изволил принять”.

Ну чёрт знает, как его надо было принимать, но сожру, резонно решил я и сожрал. А после у меня было куча мест, в которые надо заехать и закупиться. Подкинув полгривны портье (в реалиях мной узнанного — весьма весомые деньжищи) за “ещё день”, я уточнил, что мне делать с “караваном” на ночь. На что портье оповестил, что место для “малых людишек и десять зверей с поклажей в плату входят, а ежели более надо — то за четверть гривны сверх примут всех, сколь бы их ни было”. Ну, в таких раскладах не столь грабительно, как я думал. А нижний этаж выходит не “кухня” которой столько пространства нахрен не нужно, а конюшни, место для сопровождающих и склады для постояльцев.

Ну и славно, заключил я, подзывая Индрика и направляясь в “торговые ряды”. Для начала — за гужевым транспортом, потом — за рабами. Хоть и называлась она “людишки негодящие”, а место работорговли — острогом. Но не в семантике дело, а в том, что в этом

месте пребывали “людишки на продажу”, причём не только тати, но и должники и прочая не самая преступная публика, как оповестил Щос.

Может, и не куплю никого, но смотреть надо. Популяции Болотного Лога в рамках мне известного точно нужны рабочие руки. И на девяносто девять и девять десятых процентов — не помешает свежая кровь.

Ну а по результатам — будем смотреть. Возможно, буду сам тягловую скотину в одиночестве за Индриком тянуть, возможно — нет.

С конными рядами вышло неплохо: “бегуны”, те самые забавные ящеры с “откидной крышей” капюшона использовались и в грузовых, и в пассажирских перевозках. Стоили пятьдесят гривен за голову, а пока торговец их расхваливал — надышался моим воздухом, и двух из пятёрки, мной приобретенной, ему пришлось поменять — какой дефект у животин был, уж не знаю, но точно был. Причём апатичность и послушность животных зашкаливали — шли рядом за Индриком, поглядывающим на них с некоторым удивлением, безропотно. И становились так же, так что у меня возникала забота не о том, не убегут ли, а о том не сведут ли моё приобретение. Впрочем, Индрик мои мыслеобразы принял, ну и посулил в ответных “еду хозяина оберечь”. Ну, пусть еду, хмыкнул я, заходя в острог.

Помещение сего работоргового заведения было весьма невелико, содержало имперского чинушу и пару здоровяков в биодоспехах. Правда, после демонстрации документа и объявления “людишек желаю” оказалось, что здоровенная тумба чуть ли не на четверть помещения — не тумба, а тяжёлые ворота, откинута мордворотом.

— Акым, покажи людишек господину Стрижичу! — проорал чин в развернутое недро. — Пожалуйте, господин.

Я и пожаловал, будучи встреченным в освещённом светцами подземелье стариком в биодоспехе. Был сей персонаж столь древен (или столь невосстановимо травмирован — чёрт знает), что натурально шепелявил, по причине отсутствия зубов. Но в движениях был резв и повёл меня за собой, бодро шепелявя:

— Пошалуйте ша мной, гошпозин Штришыч. Ешть людишки, ешть, правда не шлишком годные — но мош глянетшя хто.

— Негодные — это какие? — уточнил я.

— Ну, пошитайте, вшех работных мануфактура рашобрала. Отроков тоше, пошитайте, нет. Но ешть земледелы, пошти деревенька.

— И никому не нужны? — усомнился я.

— Пошему никаму? Нушны, но до урошя, когда купшы разберут — срок не пришол, вот и гниют людишки в оштроге пока, — провёл меня к камерам, человек на десять, проводник.

А в камерах, точнее в пещерах, вповалку валялись мужики и бабы. Не совсем заморенные, но несколько истощённые, а главное — все носили довольно заметные черты хорсычей.

— Так, Акым. Сколько их, и поведай, откуда они и почему в остроге? Что натворили-то?

— Пятъдешат один шеловечек, гошпозин Штришыч. Отроков порашбирали ушо. А натворить нишего не натворили...

И прошепелявил мне старик, что некий Хорсыч против “воли рода” пошёл, был умервщлён родом, а людишек его родовичи “ша тенгу малую” в острог сплавили. Поскольку пейзаюне Хорсычам на хрен не нужны, а последний “феодал” их рода в окрестностях этот “супротивник” и был.

Ну, не повезло, а мне повезло. Пятьдесят пейзаж — пригодится, пусть и немного, по сравнению с пятью сотнями популяции Болотного Лога, но всё равно не лишние. И дело аграрное знают, и приток генов нашей популяции будет не лишним. Даже если мои мысли насчёт обстановки в Логе излишне пессимистичны.

— Всех беру, земледелов. Мужиков и баб скопом, — озвучил я, а валяющиеся на мхе головы стали приподнимать да на мою персону поглядывать с некоторой надеждой, что и не удивительно.

— Шлавно, гошпозин Штришич, а то помёрли бы людишки, купшов не дошитаеь.

— Кормить лучше не пробовали? — всё же прорвалось от сердца.

— Так не на што, вшо кашелярией пропишано. Штоп шталобыть не померли, но долго больно шдать бы пришлось. Померли бы вше одно, не вше, но многие.

— Ясно, — не стал развивать тему я. — Кто ещё есть?

— Так пошитайте, никого больше. Тати дорошные, беш душегубштва на них, но вам и беш надобности? — на что я кивнул — куда мне дорожных разбойников тащить? — Ешть купшина проворовавшийша ш шемештвом. Нушон?

— Ну покажи, может сгодится на что, — выдал я.

— Шей миг покашу, — кивнул Акым и вдруг рявкнул: — Шаршовшане, шгупайте ша ошейниками наверх, гошпозин Штришыч ваш шебе берёт.

И потянулись эти бедолаги из пещер, частью на колени падая и славословя “благого господина Штришыча”.

Надо бы переучить, хмыкнул я, да и не стал задавать дурацких вопросов. Раз сидели просто в пещерах, да без решёток — значит, не буйный “контингент”.

А вот купчина, тоже истощённый, с бабой постарше — видно, женой, бабой помладше — похоже, дочкой, сидел в пещерке поменьше и уже с решеткой, по-моему — из стрекал, прикинул я.

— Как проворовался-то? — оглядел я истощённых.

— Вшаймы вшал у каншелярии и у Хоршищей, да в шрок не отдал. Имушештво шпустили, а его ш шемей к нам.

— А чего с семьёй отдельно не продали? — поинтересовался я.

— Не губите господин, — пала на колени баба, заголосив, что подхватили и купец, и дочка.

— Цыть! — нахмурился на них Акым, после чего голосащие и вправду замолчали. — Дык грамотен, в деле торгофом худо пушь, но шмекает. Вот и дешим с шемей, мош пригодитша как работник, будет ша шемью на шовешть штараться, — на что купчина с семейством молча закивали. — Ну а не пригодится никому — так отельно протафать бутем.

Так, грамотный и купец — это хорошо. Ну а если строптив будет — ну, пусть пейзажит с семейством. Торговые навыки мне его до лампы — мне информация нужна, а купец, сколь бы ни был “необоротистый”, ей всё равно владеет. А там посмотрим, на правдивость и прочие качества проверить смогу.

— И сколько за семейство? — полюбопытствовал я, поскольку что “люод работный и земледельный — десять гивен мужик али баба”, меня ещё чин просветил.

— Вошемдешят гивен, гошпадин.

— Отработаю, — забил лбом в пол купчина, получил от супруги локтем и стал вместе с ней и дочкой протирать лбами мох пола молча.

— Беру, — решил я. — Ещё кто есть, кроме татей?

— Нет, гошпотин Штришыч, — помотал головой Акым.

Неторопливо поднялся наверх, где “процесс шёл”. А именно на шею моего имущества ладили ошейники, мне же чин протянул живую кляксу, причём с мыслесвязью, как я определил.

Время было, стесняться незнания и “провтыкивать” важные данные я находил глупым, так что насел я на чина с вопросами.

Последний то ли лицо держал прекрасно, то ли рьян в службе был, но на вопросы отвечал, а из ответов егойных выходила экстрополяция ряда данных.

Ну, с ошейниками и “замком”, за который я, кстати, отдал две гривны и вынужден был окропить кровью “чтоб по ошибке людишки ваши с кем другим не ушли” — всё понятно. Сжимаются по воле моей, вплоть до смерти от удушения да направление на них через замок чувствуется.

А вот дальше выходил пердимонюкль, при котором снимать ошейники с “людишек” в городе не стоит. Поскольку это их документ.

И выходила такая фигня, что “ничейных” людей в Империи нет. Либо государевы, либо родовые. С родовичами сложнее, вот на въезде в Росток демонстрации “силы стрижьей” хватило, но это точно не тут.

То есть, например, если я в своём логе “людишку” без документа (или ошейника) увижу — он выходит мой, как он есть. Ну и в городке тот же расклад, как и вообще на “чужих землях” — либо документ, либо бегай над имуществом, на всех рявкая, что моё, вплоть до доказывания силой права.

Ну с этим понятно, как и наличие “сложных сословий” типа купцов и прочего, в основном, среди “имперских людишек”. В теории и родовичи могут документ сотворить, но думаю, не заморачиваются.

Так что дождался я задукоментления, вышел из сторожки, оглядел имущество своё новое — замороженные блин, выслушал “блага, лет долгих, господин Штришыч”.

— Стрижич я, Стригор Стрижич, — хмыкнул я на славословия. — От семени Стрибожьего. За мной ступайте, расположитесь, поедите. Ты, — тыкнул я пальцем в купчину, в обнимку стоящего с предположительной женой и предположительной дочкой. — Ко мне подойди, будешь на вопросы отвечать.

— Слушаюсь, господин Стрижич, — закланялся купчина.

И вот не было в его поклонах “вольной лёгкости” пейзажной. Вот непривычен, оценил я, похмыкал над тяжкой барской долей и начал купчине вопросы задавать, на пути к “Сени”.

Ну и надыхивал его своим эфиром, не без того. И выходила такая картина:

Звали купца Мил Гривна, занимался он скупкой товаров ростокских мануфактур и продажей в центральных землях, а оттуда в Росток тягал излишества всяческие.

Ну и надумал он то ли афёру, то ли ещё что — в сортах разбираться я не полез, в долги немалые вошёл и... был ограблен на обратном пути, предвкушая богатства немеряные.

В принципе — полезен, и немало, как консультант уж точно. В пейзажном быту он ни черта не разбирается, ну не эксперт, а в “промтоварах”, которые мне по большей части и нужны — точно “сечёт”.

— Бабы твои что умеют?

— Писать, считать, господин... Люба... ложе согреть вам сможет, — явно через силу выдавил он, на что край глаза отметил “встопорщившиеся” уши бредущих неподалёку купеческих баб.

— У меня этих “согревальщиц” не одна сотня найдётся, — искренне хмыкнул я, не без иронии припоминая “осеменительный план” на обратный путь. — В порядке живой очереди разве что, — изящно пошутил я, да и махнул рукой. — Делу обучены какому?

— Ярина лавкой управляла, складское дело знает, за хозяйством смотреть обучена, — подумав, выдал Мил. — Люба только гимназию закончила... вот, господин, — тяжело вздохнул он.

— Гимназия — это хорошо, — задумчиво бросил я.

Не в плане “всё же вдуть”, а в плане приобретения учебных пособий, если таковые найдутся. Ну или просто расскажет, если нет.

Тем временем добрались мы до Сени, где я сдал на руки как из-под земли появившихся служек пейзаж и жену купцову, которая мне нахрен не сдалась. И четырёх бегунов оставил, наказав имущество накормить “по-людски и от пуза”, на что получил “не извольте сумлеваться”. Тыкнул купцу с дочкой в бегуна, по дороге прикупил жратвы и закинул им пропитание. Сожрали за минуту, что, впрочем, и неудивительно.

— Я закупаться еду, но толком не знаю, чем. Из поместья второй раз в жизни выбрался, — не стал я пустословить. — Бегуны нужны, буду урожай в городе продавать, обстановка — тож понятно, ряды торговые. А вот с остальным — леший знает, что надо, что пригодиться может.

— А Люба зачем? — выверился на меня купчина, тут же забившись лбом об “обрешетку” рёбер бегуна. — Не гневайтесь, господин.

— Погневаюсь, но умеренно, без последствий, — решил я. — Ты мне нужна, поскольку гимназию посещала. Знаешь, где знания купить?

— Знаю, господин, — пискнула девица. — В лавке книжной, покажу, если пожелаете. И... — на последнем она зажала рот обеими руками.

— Пожелаю, но чуть позже. А что ещё хотела-то? Говори, не бойся.

— Вы, господин, не отец ли часом Стризара Стрижича?

— Брат, — фыркнул я. — Знала его?

— Знала, господин. Только видела, конечно, куда мне с родовичами знакомство водить. На ступень младше учился, учится, — вздохнула девица.

Забавно, но закономерно, хмыкнул я. Ну и начал купца на информацию тиранить, попутно заезжая в лавки.

В первую очередь я выяснил и закупил саженцы “луковых домов”. Относительно недавняя придумка и на удивление недорогой товар “Имперских торговых домов”, по сути — императорского рода. Здоровые, просторные — пейзажам моим не помешают, более того, “грибы” палаток в симбиоз с ними могут вступать, используясь как отопление, ложе да кухня. Удобная фигнюшка, стоит гроши и не помешает. Ну и рассаду “ограды” купил вдогонку. Пейзаж у меня полтысячи, ну с новенькими — чуть больше, не суть. А рассада стоила пять гривен, так что купил я двести домиков. Ну реально грибы ихние — ну совсем мелкие и вообще.

И через полгода, а то и раньше, учитывая “обильный прикорм”, станет в деревеньках получше. Что и неплохо.

— Мил, на тебе присмотр с семьёй будет, — подумав, решил я. — Справишься — следующий урожай в Росток под твоим началом пойдёт. Не подведёшь — в поместье с семейством возьму, значит, будет дело постоянное.

— А разве...

— Разве, Мил. Пока вы мне в поместье к кикиморе не сдались — и так половина слушничего не делает. А полезность покажешь — будем смотреть, — на что последовали поклоны. — Дальше, для дружины где бы снаряжение прикупить? И кладенец нужен.

— Так и то, и то токмо в Имперской лавке, господин.

Поехали мы в имперскую лавку, здоровенный, с несколькими “отделами” полугосударственный, как я понимаю, лабаз.

И там выяснилась довольно занятная закавыка: индустриализация-индустриализацией, а вот что имперский род — именно род, власти не забывали. И выходило, что практически всё оружие, да и биодоспехи, свой “полный функционал” открывают на пользователе эфира.

То есть, кладенец тот же — биоартефакт, с режущей кромкой, гибкий, щупальце. Но вот с крохой воздушного эфира он этикие “недолезвия” на себе создавал, что его “убойность” и объясняло. У дружинника же — щупальце с костяными зубьями, просто неэффективно, стрекало лучше.

А вот стрекало (которых я тоже прикупил), было совсем не “эфирным”, центральную мышцу бича нужно было сжимать с разной интенсивностью, что обеспечивало разную гибкость. И стрекательные клетки, растящие микрометровые кристаллические иглы по принципу крапивы.

В общем-то — и кнут, и оружие, зависит от умения.

Кстати, с метателями (которые были) та же картина: самострел, мышечный метатель кило на двадцать усилий, за пару часов выращивал дюжину костяных стрел внутри, но толк от него реальный был только для одарённого. У дружинника только с ядами, продаваемыми дополнительно, да и то, если “шкуру” цели пробьёт, что далеко не факт. Взял десяток самострелов и образцов всяческих ядов. А там подумаю, может и сам наядоварю, прикинул я.

И, наконец, тяжёлый метатель — ярло, такой же, какой помер у нас от старости. Подумал я, да и забил на покупку зверушки — тот же самострел, но “осадного” типа, дорогой, как сволочь. Нахрен не нужный — воздухом справлюсь и без него, а могучим тварям без меня он не помеха.

И, наконец, оказалось, что “прикладная генетика и селекция” также продвинулась. Ну, или её плоды до нашей “жопы мира” добрались. Например, коровы были не только как у нас, универсальные. Но и “мясожировые”, которых в корован не запряжешь, совсем медлительные, но для еды — ощутимо лучше. Как и аграрщина была злакового типа поразнообразнее нашей ржи. Тоже прикупил, молодняк коровий и рассаду.

Наконец, прикупил “роскоши”: в первую очередь “чесалку для спины”. Вообще — щётку для счистки “очистительной корки” но всё же. Двадцать штук прикупил, пусть будут, и буду ими чиститься. И Олу приучу, чтоб как нормальные, да и коже приятно, да.

А так — живое “одеяло”, аж массаж делающее и подтыкающееся. Дорогущая штука вышла, но хочу. Куча бумаги и “ручек” — недорого, да и пригодится, если что.

И направился я по указке Любы в лавку, где обнаружил... Те же самые “информационные листы”, что и в лавке возвысителя Стегаса. Правда, местные “виденьем эфира” в рамках мне известного не обладали. Но был “читальный прибор” — живая же полоска на глаза. Которая “в общем” эфир фактически не отображала, а вот чёткие и ясные буквы над листами — только в путь.

И оставил я в этой, недешёвой, прямо скажем, лавке, почти все свои денюжки.

Скупил и “программу гимназическую” и “размышления о природе магии”,

“рассуждения о природе государства”, “роман, полный любострастия” — всё скупил. Потому что интересно да и... соскучился по печатному слову. И Люба тут мне не очень помогла, потому как гимназистка только в программе и беллетристике разбиралась, приказчик норовил втюхать подороже... Ну, в общем, фактически весь ассортимент я и скупил, потому что всё надо самому проверять. Оставалось чуть больше сотни гривен, чего мне хватит с головой. А со следующего урожая денюжка появится.

И буквально вприпрыжку (потому что на Индрике) вернулся в Сень. Кышнул на Мила с Любой в плане “валите к прочему имуществу: питаться, спать, к походу завтрашнему готовиться” и потопал со стопкой “листьев” в номер.

Девушка, по-моему, губы на “небрежение” надула, но до её обид мне точно дела нет — тощевата, пусть пока. Любовница мне нахер не сдалась, на нём у меня Ола есть, не считая “планового осеменения”. Ну и не до неё, потому что книги.

И да, “наглазник” мне нахрен был не нужен, но прихватил для конспирации. И полночи читал — интересно, чёрт возьми! Хотя дури и дичи много, но это как и положено. Читать-не перечитать, хотя за месяц управлюсь, оценил я скорость поглощения “эфирного слова”.

Разбуженный на рассвете, осенил себя челодланью — с ентими книжками провтыкал ряд вещей. Да братца хотел навестить, в конце концов... Ну да ладно, год последний, скоро будет, а Лог без присмотра ещё на день оставлять не хочется, решил я.

Собрал пейзаж, нагруженных бегунов, да и потопали мы в направлении постоянного двора. За день не успеем, так и так в нём ночевать.

А я, уже не особо скрываясь, хапал с бегуна листы и ехал с ними. Временами оглядываясь, но в основном, читая. Пейзажам было индифферентно, а вот купеческое семейство пару раз удивлённые взгляды бросало.

Впрочем, мне было не до них — я просвещался. Напрочь забыв причину, по которой всю дорогу в Росток зорко оглядывал округу!

И нет, на этот раз “в себя” меня привели не вороны. Индрик, грозно квакнув, скакнул в сторону, чуть меня не потеряв, а по биодоспеху чиркнула какая-то фигня.

Не, ну вот я не понял, искренне возмутился я, оглядывая округу и чётко ощущая троицу каких-то паразитов в близлежащей роще. Это скоты какие-то меня грабить, точнее — убить вздумали! Искренне возмущившись подобным хамским поведением, я бодро нарастил на себе доспех, встречая следующие три “роговых болта” уже с прикрытой рожой, гордо... И офигел: нижние два стукнули по броне и отвалились. А верхний застрял, застрял чтоб его в линзе, прикрывающей глаз! И курился дымком...

Так, ни черта не смешно, рванул я Индрика косым прыжком к засадникам. И это не химия, огненная мана, похоже. И кому из родовичей нищий баронишка из Жопы Мира понадобился? Впрочем, похрен, убью сначала, а потом посмотрю, резонно рассудил я, выдёргивая кладенец и запуская лезвие ветра по бывшим уже неподалёку кустам.

И если две туши погасили лезвие в своих глубинах, явно сдохнув — там им разворотило всё, что можно и что нельзя, то третья гораздо раньше, хотя доспех пробился. Недомаг какой-то, определил я, зашебуршав кладенцом. И вот “чистое оружие” пусть и не мгновенно, но нижнюю лапу недомагу оттяпало вместе с куском биодоспеха. Который тут же, на моих глазах, зарастил культу.

А вот рожа недомага оказалась... знакомой. Купец, не раз и не два видимый мной в Логе, да и сейчас, кстати, видел я его. Но, балбес такой, не обратил внимания: взгляд недовольный отметил, когда закупался в рядах, бровь приподнял, а когда тип закланялся,

вспомнил, что купец. И ухмыльнулся открыто: ну реально звездец как наживался на Логге, паразит такой!

А он, скотина, на душегубство удумал идти! И, судя по огненной мане, да и роже — хорсычам прямой родственник по крови... Впрочем, явно не “родович” — слабоват.

— Чтоб ты сдох, Стрижич! Детушки мои, детушки! — завывало это чмо, простиря руки к двум исходящим кровийшей трупам, в сползающих биодоспехах.

— Ну и славно, возвращаться не надо за ними. Или есть ещё кто? — вежливо полюбопытствовал я. — Так я вернусь, Индрику скормлю, или в Пуще выкину... Или сожгу... — рассуждал вслух я.

— Сдохни, сдохни! — визжал придурок.

— Вот смотрю я на тебя и диву даюсь. Ты меня грабил, гнись такая. А когда лишили возможности — сам убивать пришёл. На что рассчитывал-то?

— Братец твой наследовал бы. Не ломил бы цену, — прошипел гад.

— Угу. А то, что он в гимназии учится, ты не знал, — хмыкнул я, увидев удивлённый взгляд. — Ну, не знал — и похер. Щаз я тебя мучить научно-исследовательски буду, раз уж попался, — честно предупредил я.

И начал я подвывающего гада научно-исследовательски мучить. Ничуть не жалея, а ряд процессов в теле местных интересны. И душегубить кого не буду, а в этом случае — сам я велел.

“Пересилил” волю доспеха, стянув со сволочи, ну и начал в организме “недомага” разбираться и реакциях этого противного организма на всяческие и разнотипные раздражители.

И “эфирным органом” у Хорсычей выходит у нас некий “налёт в лёгких”. Ну, у домага — налёт, а так, видимо — полноценная фигулина. Что, кстати, “Дыхание Хорса”, вещь даже Стригору известную, объясняет.

Ну да и чёрт с ним, выдрал кусок “налёта” воздухом, как образец, по дороге связки перерезал — достал визжать, как будто его... кхм, режут. Ну как будто не заслужил, в общем.

Проверил ряд регенеративно-шоковых реакций, да и оттяпал поганцу голову нахрен.

Прихватил тройку доспехов, самострелы, да и оставил купеческих разбойников гнить в роще. Вот реально, наглые и охеревшие паразиты, искренне возмутился я, возвращаясь к каравану.

Вопросов пейзаюне задавать не стали, как и семейство купчины, но взгляды “символизировали”, так что я решил не мучить народ.

— Тати дорожные, — не стал я “давать развёрнутый отчёт”. — Наказал до смерти. Двинулись.

И, под славословия и пожелания всякого (кстати, от Стрибога редко, в основном от Хорса, что и неудивительно), двинулся караван дальше.

Ну таких скотов охреневших вряд ли ещё увижу, рассуждал я в пути. Тут реально, похоже, умом купчина от прибылей поехал, “в праве” себя возомнил. Но, а ну нафиг такие сюрпризы в третий раз. Так что двигал я с оглядкой, а, подумав, морду с башкой прикрыл. А на всякий случай.

К вечеру дотопали до постоялого двора, оказавшись его единственными посетителями — до урожая времени было до хрена, так что, кроме хозяйской семьи и пятка дружины-слуг, и не было никого. Номер был простым ложем с мхом и светцом, но я не привередничал. А пейзаюне и скотину расположили на “расчерченной клетке” и накормили от пуза, я проверил.

Ну и славно, заключил я, почитав полночи и на рассвете, позёвывая, направились мы в путь. Ну я точно позёвывал, а как остальные — фиг знает.

И ближе к вечеру показался на горизонте купол Весёлок. И обещал, да и проще с деревенек начинать дела делать, рассудил я.

5. Научно-исследовательское осеменение

Весёлки приближались, даже какой-то подросток с весьма знакомым воплем: “Едут! Едут! Господин Стрижич едут!” — учесал в сторону купола деревеньки, вызвав искреннюю улыбку.

Караван же вполне бодро топал, даже прибавил шаг — близость укрытия людям придала сил, да и прямо скажем, хоть и заморенные недокормицей, но пейзаю не устали. Местная генетика постаралась на славу, и невзирая на бескормицу острога, двухдневный пеший путь довольно быстрым шагом дался им без проблем. Даже несколько поправились на обильных харчах последних дней.

Так, надо раздать распоряжения, и... блин, марафон осеменения. Вот сказал бы кто Морозу, усмехнулся я, что десяток вполне симпатичных девок, жаждущих секса, будут вызывать не энтузиазм, а лёгкое раздражение — ржал бы, как сумасшедший, факт.

Но блин, задержат же, паразитки такие! А у меня книги не читаны, да и, по совести, предпочёл бы я Олу — умела, старательна, да и прямо скажем, если не любит, то испытывает искреннюю страсть и приязнь. Ну а не особо умна — так, пардон, как воспитали! Я вот до сих пор “барские мозги” Стригора пинками подгоняю: тупят, саботажничают и вообще нороят от трудов мыслительных откосить.

Не “влюбился”, конечно, но: приятна, комфортна, вызывает приязнь и ненавязчива. Чудо, а не любовница, если подумать. А местные бабы с их “жаждущими семени Стрижича лонами”... Эх, ладно, надо дело делать, но не без пользы — в процессе “моим воздухом” они надьшатся от души, вот и буду научно-исследовательски трахаться, чуть в голос не заржал я, да и сплюнул.

Мои “осеменительные подвиги” — дело хоть и социально, биологически и психологически важное, но далеко не главное.

Въехал в широко распахнутый лаз, за мной начали втягиваться пейзаю и купеческая семейка. Веселяне, в количестве тридцати физиономий (день, все в полях и трудах), кланялись и желали благ и прочего. Наконец, из гриба вылезла Мёда, с довольно забавным и напоминающим каравай мясным пирогом.

— Отведай, благой господин Стрижич, не побрезгуй угощением, — с поклоном протянула она пирог, который я цапнул и, разламывая, стал поглощать.

— Я, Мёда, в прошлый раз не брезговал, а занят был, — усмехнулся я на “недосказанное”, старостиха же закланялась в стиле “прости дуру грешную”. — Пустое, Мёда. Устраивайся рядом, говорить будем, — присел я на траву, спиной прислонившись к лежащему Индрику. — И вы людишки новые, присядьте, передохните! — крикнул я новоприобретённым, подумал, снять ли ошейники, да решил отложить — лень.

Мёда подёргалась, по привычке думала, судя по движениям, на колени бухнуться, но всё же присела, скрестив ноги. А я поймал себя на заинтересованном взгляде и мысли “сорок пять — ягодка опять” и некотором интересе. Это что это, я не понял, востепенулся я, но окинув встречающих и вчувствовавшись, понял — пара молодых девок явно были “в охотке”, поглядывали на задёргавшийся (еле удержал) на пахе доспех. Это, выходит, феромоны фактически адресные, как бы не после вдыхания ими МОЕГО запаха сформированные. Ну блин, какая система любопытная — и ведь без принуждения прямого, а вид не вымрет, как и с “природной гормональной кувалдой”, только гораздо... органичнее и гуманнее.

Показал удовлетворённо, но "незаметно", как она думала, улыбнувшейся Мёде кулак.

— Вечером, Мёда. Дела сейчас решать будем.

— Как повелишь, благой господин, — закланялась Мёда.

— Так, первое — людишки сии, — тыкнул я перстом в рассевшихся около ящеров пейзаж. — Семнадцать из них под твою руку пойдут. Семнадцать — в Топляки, Семнадцать — в Стрибожье. По совести дели, на тебе это, чтоб обид не было промеж деревенек моих. Тебе это поручаю, — важно выдал я, опустив “потому что под руку подвернулась моей деспотичности”. — И пожрать им пока дай что, не обожрут?

— Не обожрут, господин Стрижич. С мясом только беда, скоро запас жоруна сожрём. А топловчане, жады, пять коровок только отжалели, — наябедничала старостиха, махнув греющим листовидные уши сельчанам рукой.

— Насчёт коров, Мёда...

И начал я “дары дарить”: коров, саженцы, позвал Мила.

— Сталбыть, господин Стрижич, простите дуру старую, да не уразумела я.

— Спрашивай.

— Почто нам дома новые? В старых тепло да уютно.

— Угу, и голову не поднимешь, — покивал я. — А в новых и в гости сходить, и детишек наплодить можно — место будет.

— Детишек — это хорошо, — задумчиво протянула старостиха. — Мудр ты, господин Стрижич!

— Угу, — не стал спорить я. — А ещё что узнать хотела?

— А вот ентот Мил, — тыкнула она перстом во внимательно вслушивающегося купца. — Кто по воле твоей? Под меня идёт, али наоборот?

— Ты под него, конечно, не идёшь, — выдал я, на что Мёда улыбнулась. — Но и он под тебя. Он домами занят будет, как в Весёлках, так и прочих деревеньках. Так что мой наказ — в деле этом ему ущерб не чинить, людишками свободными подмогу оказать. Но только в деле сем, а будет более потребного требовать — смело шли мне гонца, покараю, — улыбнулся я, на что купчина сжался. — Но и дело нужное, сама поняла, — на что Мёда кивнула. — Так что ты — баба умная, сама прикинь как дело справить, да и деревеньку не обидеть.

— А в других деревеньках, господин Стрижич?

— Забота не твоя, но людишек в сопровождение до Топляков давай каждый день. Чтоб не сожрали мне Мила! Жить он у тебя в Весёлках будет, но присмотр за домами каждый день нужен.

— Мне бегуна бы...

— Посмотрим, Мил. Может и выделю, через седмицу — как покажешь себя. Пока ты для меня — такой же, как земледелы новые — даже хуже, по совести, поскольку они дело земледельное знают. Уразумел?

— Уразумел, господин Стрижич, не подведу вас.

— Не подведёшь — и хорошо, — кивнул я, отсылая жестом Мила. — Далее, Мёда. Есть у меня доспехи, стрекала и самострелы ручные.

— Ручные? — округлила глаза старостиха.

— Они самые, как ярло, только, в руках, почитай, умещаются, поменьше.

— Дружину собрать желаешь, Стригор Стрижич?

— Обережников вам, а не дружину, — помотал я головой. — Те же пастухи, коль в

доспехе бы были, от воронов бы ушли, а то и отбили бы часть стада. И сами живы, и потравы жорун столь сильной не учинил бы. Потому, направь в дом мой трёх мужиков посмекалистей, научу их, как снаряжение использовать. А они других пусть учат. И чтоб троица мужиков, из тех что поближе к Пуще — всегда оружной была. Не воевать, а выжить да предупредить.

— Мудрёно, Стригор Стрижич, но мож, и на пользу пойдёт.

— Не пойдёт — и впрямь дружину творить придётся. И у вас на шее дармоеды сядут.

— Пойдёт, Стригор Стрижич! Справимся, неча дармоедов... как велите в смысле, — выдала старостиха, вызвав искреннюю улыбку.

На этом весёлкинская часть “аттракциона невиданной щедрости”, в плане раздачи подарков, закончилась.

Затребовал у Мёды симургов, как раз три штуки у старосты были. Уточнил (сам-то Стригор сообщалов не посылал) — и нет, не “привязаны” к месту птахи. К людям, а могут и в “место”, как их послать. Но, в любом случае, пока новичков размещали, кого в дома, кого на траве, да кормили, рассылал сообщения, как старостам, так Недуму.

Первые на указание “прислать, забрать и прочее” ответили молодцевато и придурковато, но в памяти Стригора были мужики умные, в Стрибожье вообще, как по мне, излишне хитрожоп староста был, крутил на пустом месте.

Ну да дело будущее, хотя проверить надо: стрибожские прям по струнке ходили, хором славословили, народу поболее других деревенок, а прибыли, согласно недумьим отчётам — менее всего. В общем, разобраться надо, а если что — покарать всех нахрен без разбору. В зависимости от вины, если будет.

А вот Недум ответил... да он издевается, паразит! Точно гденистого стрекала его тощий зад отведаёт: сколько, блин, сожрали, как Нидка-повориха ногу подвернула, а Макось её лечит... Хоть не “сколько посрали” сообщил, уже отойдя, хмыкнул я. В общем, будем считать, что “скучаем, любим, ждём дорогого барина”, окончательно решил я, набивая пузо дарами природы, на мощном притащенном ужине.

А по окончании пожрать, в уже сгущающихся сумерках увидел я десяток девиц. Привлекательных, впрочем, уродливых или страшных я тут и не видел. Стоят и на меня глазами лупают, феромонами фонят.

— Мёда, домик организуй, — крикнул я. — Там девками займусь. И по одной, — уточнил я, несколько излишне — группенсексом Стригор не трахался, хотя возможность была.

Вот только делал он это на улице, эксгибиционист фигов! Нет, тоже культурно обусловлено, да и распалённые девки, ждущие своей очереди, его гладили. Но тут хренушки: секс, всё же — дело интимное. Ну а с группенсексом — ну в принципе, можно было бы. Если бы любовницы были, для удовольствия взаимного и моего. А тут осеменение, так что пусть по одной.

— Э-э-э... — подвисла старостиха, но вскинулась. — Сей миг организую, Стригор Стрижич! Сил чреслам твоим, благодетель! — на бегу выдала она.

— Угу, — хмыкнул я, оглядев осеменяемое поголовье, стягивая биодоспех.

Так от них так феромонами шибануло, что “полуэфирное” сознание не помогло! Еле удержался, чтоб прям тут ближайшую не завалить, но справился.

И доспех Индрику, и силу воли тренировать, чувствуя, как выкаченное если не ходить, то танцевать точно будет мешать. И галопом заскочил в домик, в который указала Мёда, с

воплем: “девку ко мне, какую — сами решайте!”

В домике осмотрелся: реально первый раз был. И светец один на грибной стене, а так маленькое, овальное помещение без мебели. Фактически весь пол — ложе, щель “рта” — очевидно, живой очаг. Ну вообще — уютно, тепло. Неплохо, но семьёй тут жить — брр. Да и двоим, по уму, только сексом тут заниматься и есть — ни для чего другого места нету.

Научно-исследовательская порнуха

Через полминуты забежала полусогнутая девка — лет двадцать на вид, отряхивая с себя остатки “очистительной корки” и непрерывно нервно облизываясь — что и неудивительно: сомкнутые в обычном состоянии в “складку” внешние половые губы припухли, разошлись и сочились влагой. Да и клитор проступил, а у меня яйца от её запаха буквально запульсировали болью.

Так, первый блин комом, хрен я чего наисследую, краем сознания отметил я, хватая девку за руку и приземляя, взвизгнувшую, на пол-ложе. Ухватил за бёдра, раздвинул, но даже прицелится толком не успел — девка, исходящим соками лоном, “наделась” на меня, упираясь пальчиками ступнями в поясницу. Выдохнула сладострастно, дёрнулась и уставилась испуганными глазами — за такое “самоуправство” Стригор мог и выдрать в прямом, а не переносном смысле.

Но мне было не до чинства, да и неважно это, так что, подхватив девицу за поясницу, стал я её размашисто насаживать до основания.

Аж яйца о промежность партнёрши стучались, что в общем-то, с учётом аккуратного кожного мешочка — показатель. Но девка и местная физиология столь “экстремальному” соитию не препятствовали. Более того, убедившись, что “наказания” нет, она аккуратно коснулась меня пальчиками: ног — бёдер, рук — плеч. Вопросительно посмотрела на меня, постанывая, прикусив губу, ну и я, не прекращая фрикции, кивнул.

Оказавшись в двух кольцах: ног, скользящих по бёдрам и подталкивающих меня, и рук, оглаживающих спину. Подумал я, да и откинулся на колени, приподняв любовницу за поясницу. Она пискнула удивлённо, но ноги подогнула, поняв, став насаживаться на меня, в такт фрикциям, глядя не только спину, но и голову и уши — от чего я получал дополнительный, вполне эротический кайф: действительно, и болезненное, и эрогенное место оказалось.

А еще, у меня перед лицом оказались набухшие соски крепких и упругих грудей, которые я стал прикусывать и посасывать, по мере доступности.

Любовница от новой ласки начала буквально кричать, а не стонать, лоно, и так исправно массирующее мой член в такт фрикциям, фактически завибрировало, пальцы ног вцепились в мою задницу, что оказалось на удивление приятно, как и хватка рук на плечах.

А через полминуты криков девицу аж выгнуло оргазмом, залив меня соками, сжав член стенками лоно практически до боли — и удовольствия, потому что оргазм наступил и у меня, выплескиваясь потоком семени.

— Простите, Стригор Стри... — слабым голосом простонала девица, но я прикрыл ей пальцем губы.

— Пустое, — ответил я. — Не понравилось бы — сделал по-своему. А ты хороша, — хмыкнул я, приходя в себя.

— А уж мне как сладко... — аж зажмурилась девица. — Не гневайтесь, обождите чуток, а то от сладости помру.

— Угу, — кивнул я, кладя девицу на пол-ложе и присаживаясь.

Исследовал, блин, не без ехидства отметил я. Изучил, в эфир вышел “посмотреть”. Но вообще — не дело, блин, хотя чертовски приятно, не поспоришь. С этой девицей — так уж и быть, закончу ритуальные “три раза” по-нормальному. А остальные, блин, пусть сами трудятся! Ну реально, три захода на каждую, час — полтора выходит. И это ещё могут бабы в “охотку” войти в процессе осеменения, эта девятка, небось, феромонами на всю деревню фонит. А они, как я отметил, хоть и адресные, но на биохимию окружающих вполне могут влияние оказать.

В общем, после этой — буду лежать пластом, как нормальная ленивая задница. И хоть посмотрю реакции и процессы, а то бардак.

Тут девица, видно, отдохнула, перекадилась на попу, согнулась, и слова худого не говоря, лупая на меня здоровенными глазищами и пошевеливая ушками, высунула язык. И начала им облизывать кожаный мешочек, оставшийся от уже втянутых пениса и яичек. И, блин, начали они выкатываться весьма быстро — и вид, черт возьми, возбуждающий до предела, да и влажный горячий язычок, снующий по мошонке и кожице члена — не хухры-мухры. Так ещё, стоило головке только показаться, девица вытянула губы трубочкой, став как бы вытягивать член, ещё и язычком его теребя.

В боеготовность агрегат от действий этих пришёл чуть ли не с щелчком, а я девицу просто положил на спину — и так хорошо. Пристроился, благо щёлка после первого раза и так была слегка приоткрыта, да и опираясь на локти вошёл на всю длину, с довольно комичным, но и чертовски возбуждающим хлопаньем.

Девица застонала, опять обхватила меня руками и ногами, и, трясь своими затвердевшими сосками по груди, глядя спину, начала “помогать” и подталкивать мои бёдра в такт фрикциям.

Ощущения были ничуть не менее интенсивные, но видно, гормональный фон спал, так что я хоть думать мог, а не с рычанием долбить. Но всё равно — явно не до медитации и прочего — влажное, жаркое, сокращающееся лоно вокруг члена, поглаживание по спине и ушам, да и длинными пальцами ног девица мои бёдра и ягодицы поглаживала, внося немалый вклад в спектр ощущений. Единственное, что я толком отметил перед очередным, толчками выплёскивающегося семени завершившимся оргазмом, так это то, что феромонный запах девицы на приближение оргазма её слегка поменялся, на что тело ответило более интенсивными ощущениями от фрикций.

Очевидно, механизм “совместного оргазма”, опять же, феромонно-биологический, отметил я, несколько опустошённо сидя. Девица, распластавшись “звездой”, с улыбкой и полуприкрытыми глазами лежала, время от времени поглаживая свой живот и грудь.

И через десяток минут она вновь приподнялась, пригнулась и повторила возбуждающие оральные ласки. Очень хотелось, чтобы минет завершился полностью — реально чертовски приятно, и чисто эстетически возбуждает, помимо ощущений. Но девять её товарок вне дома... Нет, только в вагину, только хардкор, не без усмешки отметил я, благо девица, добившись стояка, начала отстраняться.

— Стоять, — ухватил я её, да и стал ставить на четыре кости — раз уж не валяюсь пластом, какое-никакое разнообразие.

Девица удивлённо взглянула, но вскоре поняла, не только встав, но и прогнувшись и оттопырив очень аппетитную попку. Не полную, скорее поджарую, но упругую и открывающую вид на влажные половые губы и опять, как и у Олы, в цвет кожи звёздочку ануса. Тоже проверить надо, подумал я, потискал попу. Девица издала стон удовольствия —

так же приятно, как и мне от её ножек, отметил я, да и стал пристраивать пульсирующий в такт ударам сердца член к щёлке.

Девушка опять, лишь почувствовав прикосновение, ко мне подалась, насадившись на член, ну и начал я в ней двигаться, ухватив за бёдра.

Да и на попку время от времени руку перемещал, потискивая — судя по стонам и подергиваниям обволакивающего члена лона — весьма и весьма любовнице нравилось. И тут сам удивился, довольно приятно, впрочем. Пальцы ножек девушки до моих бёдер не дотягивались — не та поза, но пятка-сустав “голени” позволила ей извернуться, ухватив пальцами ног мои икры. И сжимать их, в такт фрикциям, делая весьма приятный массаж.

Ну да ладно, это хорошо и чертовски приятно, но надо проверить. И направил я в звёздочку ануса палец, с целью проверить, как у нас там. Девушка почти взвизгнула, замерла, но через секунду продолжила подмахивать в такт движениям. А я эротически-исследовательски изучал: кольцо сфинктера мускулистое, но девушка расслабила и — вполне доступное, для двух и даже трёх пальцев, больше — туго. Запахов соответствующих нет — ну это я и с Олой проверил, да и в целом понятно — способ дефекации в чуть ли не в коконе слизи, очевидно, так и задумывалось. И весьма мускулистые, насколько прощупываются глубины, по ним аж волны проходят, да и девушка аж руки подломила, почти крича в такт фрикциям.

И как изюминка — начав лёгкий фистинг, я, помимо явно более интенсивных ощущений партнёрши (что отображали как смена позы и крики, так и подёргивающиеся стенки лона), получил точную уверенность, что попа — трахабельна по задумке биоконструкторов. Слизистая ануса стала активнее выделять смазку, девушка фактически “текла попой”. Ну и славно, вот с Олой и попробую, думаю, ей понравится, судя по реакции теперешней осеменяемой. И, введя в анус большой палец, стал в такт фрикциям вводить его и жмякать попку.

Не знаю, как объективно, но субъективно это процесс ускорило. Через минуту фистинга и жмякненья пальчики на лодыжках, анус на пальце, да и лона на члене сжалось судорогой, любовница застонала с надрывом и оросила мой пах смазкой. И я, чуть двинувшись, благополучно кончил, после чего любовница просто расплылась на разъехавшихся ногах.

— Сила... Стрибожья... в вас, господин Стрижич... Лепо как, слов не... найти, — пыталась отдышаться, но бормотала девушка. — Я сейчас, передохну малость, а то ноги не держат.

— Передохни, — хмыкнул я, войдя в полумедитацию и оценивая состояние организма.

И вот я не понял: энергии потрачено ощутимо, тестикулы активно восполняют запас семени, не из воздуха, между прочим. А у меня ещё девять баб, по три захода? Ну, положим, железы-то вытянут, им нормально. Но я же от истощения таким макаром если не загнусь, то буду близко!

Так, после следующей осеменяемой — пожрать, пусть передаст, решил я.

Тем временем девушка немного оклемалась и, пошатываясь, пошла из домика. “Блага и силы чреслам твоим, Стрижич” прилагалось, пусть и охрипшим голосом. И не поспоришь, хмыкнул я, покрываясь “очистительной коркой” и отряхиваясь от неё.

Следующая посетительница зашла, как только я развалился на полу, положив под голову ладони, с твёрдой решимостью ни хрена не двигаться.

Девушка также была возбуждена, покраснелась, торчала сосками и влажнела щёлкой, но! В руках у неё была бутылка и чан с аппетитно пахнущим содержимым. Умница, но мне

надо думать.

— Блага тебе, господин Стрижич, я... — несколько растерянно замялась девица, побегала глазами, уставилась на стрижечье тело, облизнулась и “зависла”.

— Ты, — не стал спорить я. — Сейчас меня накормишь и напоишь.

— С ручек? — вытаращила глаза девица, “отвиснув”.

— С ручек, — важно кивнул я, вызвав смущённый смешок. — А потом сама, — выразительно подёргал я бёдрами. — Справишься?

— Справлюсь, господин, — несколько растерянно, но начиная вновь возбуждаться, выдала девица. — А вы...

— А я ленив... в думах государственных пребывать буду, о благе вашем печься! — аж освободил я из-под головы лапу, воздев перст. — Отвлекать меня не можно, так что напрягайся, — барственно распорядился я, на что девица растерянно кивнула, но через миг решительно подошла, опустилась на колени и стала пичкать меня кусками мяса, сдобренными соусом.

Вот. Совсем другое дело, довольно оценило моё сибаритство. Тем временем девица меня докормила, напоила недобродившим сидром и, несколько раз лизнув полувставший от её близости член, решительно перекинула через меня ногу. И, перегнувшись, направляя член в лоно, на него и насадилась. А я отметил, что стоя “на мысочках”, то есть, по сути, нормально, она спокойно насаживается на член. Не “скользит” по мне, а именно привстаёт-насаживается, хлопая влажной промежностью и лоном по паху. И... стал я наблюдать, за гипнотически подпрыгивающими затвердевшими сосками, губкой прикусываемой, языком облизывающим губы... Да и вид лона, насаживаемого на мой член был весьма и весьма... и закатил себе мысленную оплеуху. Этак я всю девятку буду с самоотдачей и без мозгов трахать, а тогда и на жопе валяться не стоило. Хотя приятно, послабее, чем первый раз с первой, но чертовски приятно, факт, прислушался я к ощущениям. И руки так и тянутся грудь потикать, соски потеревить и пососать их. И попу пожмякать... Стоп, небось ещё и феромонами шибанул, девка вон как заподпрыгивала и губу чуть не до крови закусил. Так, пробуем в медитацию впасть.

Проверка показала, что ежели я тело “покидаю” перемещая сознание в эфир, эрекция нахер, в смысле на хере пропадает — тело удовлетворено, и ему не надо. А феромоны действуют на мозг, он — на гормональные центры. Так что в эфир целиком — не вариант. Но... хотя, дисциплина сознания — наше всё. И раскорячился я сознанием между эфирным планом и телом. Вообще, ни черта не удобно, вопли моей эфирной требухи и мозга, на два голоса, так и слышались: “либо крестик сними, либо платье надень!” — но я превозмог. И всё равно приятно, хотя не столь одуряюще, как воспринимая сигналы тела “во всей полноте”.

Девица исправно прыгала, стонала, ну и в достаточной степени надышалась моим эфиром, чтоб начать её исследовать. И, в силу того, чем мы на текущий момент трахались, стал я изучать её пихательные, промежность и репродуктивные органы.

Яичник — один, но без запаса яйцеклеток, то есть лимита на детей нет, а вот второй-то где? Яички и яичники — органы парные, их две штуки должно быть, не бывает без патологий один, раз уж у меня яйцов две штуки! Хех, а его, похоже, по стенкам матки размазало, вникал в данные я. И он участвует в формировании “икринки”. Любопытно, но понятно. Сама матка мелкая — тут тоже всё ясно, трехмесячная икринка — не полноценный плод, пузо не растягивает, как и, соответственно, матку. Сейчас вообще шарик, сантиметров

двух диаметром, с яичником чуть выше, и яйцеклеткой... какой занятной!

Правда, “видно” хреново, надо, блин, кончить — моя семенная жидкость и семя крохи эфира содержат, можно будет оглядеться. Но это подождёт пока.

Тэкс, влагалище мускулистое, железы всяческие часты, но это я, пардон, хером чую. А вот внешние половые губы излишне для стандарта мускулисты, не удивлюсь, что, при тренировках, девки местные ими “хлопать” могут. Но расслабленное положение — “сомкнутое”, и сомкнуты они обычно плотно — но это понятно, узкая щель. Очевидно, в гигиенических целях, оберегая влагалище от инфекций и прочего — всё же, с иммунитетом там не очень, нормальный набор лейкоцитов не заведёшь, а если лютый антибиотик — так сперматозоиды накроются.

Клитор — нормальный, эрогенный, аналог пениса, как положено, и в месте нужном — но это я сам щупал, а вот... Хех, ну затейники, оценил я. Ну, впрочем, на себе чувствовал, так же ли?

Проверил данными архива — та же хрень, только в профиль. Нервный центр “члена-клитора” вольготно раскинулся по промежности, частично затрагивая ягодицы и основание бёдер. То есть, не показалось, а реально эротическое удовольствие выходит.

Впрочем, как и обратная сторона, напомнил я себе — эротическая чувствительность автоматом ведёт к повышенной болевой, и если помякать попу, похоже, приятно и парням, и девчонкам, то порка весьма и весьма болезненна, почувствительнее человека обычного. Ну, впрочем, как и уши — и эрогенное место, и наказательное.

А вот с задницей, блин, ну не сказать, чтобы беда, но... как и влагалище, десять сантиметров от ануса вглубь кишку покрывали нервные волокна “члено-клиторного” нервного узла, не считая захода на простату у меня. Это блин, прям “очень тонкий” намёк на мужскую анальную половую ёблю, мдя.

Как — то психологически неохота, кроме того, с моим количеством “добровольно-принудительных” партнёров — в жопу мужеложество. В переносном смысле, само собой.

Так, это хорошо и славно, с пихательными разобрались, в целом — понятно, куда и как местных девок иметь, ну и какую часть своего организма беречь, а то привыкнуть можно.

А что у нас там с яйцеклеткой, благо, судя по всему, наш оргазм приближается?

Несколько “втелившись”, дабы насладиться (ну а что, не пропадать же усилиям девчонки) оргазмом, я полюбовался свекольно-красной, с непрерывно облизывающим губы языком, девицу, шало бегающую глазами, насаживающуюся на член. Соками она меня залила душевно — промежность, пах, собственно, я в луже лежал, что и не страшно. И, с буквально горловым бульканьем, девица выгнулась, упав назад и схватившись за мои ноги. А я начал кончать, слегка поведив тазом — любовницу реально “заклинило” и, после пары фрикций, буквально на доли сантиметров, кончил.

Девчонка посидела с минуту, думала слезать, но я посчитал совсем уж свинством. Поймал за руку, положил на себя, поглаживая спину и помякивая попку, на что девчонка прикольно попискивала, явно получая удовольствие.

Так, а что у нас так с яйцеклеткой-то, стал я “чують спермой”.

И выходила фигня весьма интересная. Яйцеклетка имела “двойную оболочку”, будучи вдвое больше стандартной. Не толстую оболочку-“тестер” Замороженного Мира, а две оболочки, с заполненным... странным секретом промежутком. Архив ни хера не понял, как и я. Но вот орешек влагалища был наполнен жидкостью, для сперматозоидов благоприятной, факт. И нахрена, резонно удивился я, став разглядывать поведение моих бойцов.

И вот, один стал во внешнюю оболочку... Блин, а тут несколько мембран с ходами. И тест в них, и... прощай, боец, родина тебя вскоре забудет, распрощался я с раздавленным товарищем. Следующий его буквально “пропихнул”, и каша стала растворяться в межоболочечной жидкости. Всё равно, ни хрена не понимаю, но очень интересно.

И блин, их по двадцать штук за раз тестируется... и давится. А среда, очевидно, для поддержания их в жизнеспособном состоянии. Так-то их несколько тысяч, но тысяча до проверки доживёт, а то и поболее.

Но блин “три раза” тогда — ни хрена не необходимость. Ну, впрочем, ладно, что уж, хотя “всунул-высунул” видится предпочтительнее.

Блин, вот приедет Стризар, скину на него эти “марафоны осеменения”, размечтался я, прерванный резким и приятным ощущением в паху — это девица, отдышавшись и отдохнув, орально меня приводила в “боеготовность”. И не хуже первой, и промежность с анусом массирует, что возбуждает, по уже понятным причинам.

Ну, пусть старается, благодушно заключил я. Так, с занятным разобрались, хотя на яйцеклетку поглядывать будем, но не думаю, что будет хоть одно оплодотворение: не вообще, а статистически, “на глазах”.

А теперь важное, а именно — генетика. И мдя, как я и думал — родственная близость на ДНК, лучше не задумываться, кем мы друг другу с текущей любовницей, да и всеми слугами и пейзажами, приходимся. При этом — рост популяции, при отце был явный бум. Хотя... он же, хер старый, трахал, всё что шевелится, не покладая хер. И пил, а с учётом истощения — мдя, страхался и спился в прямом смысле слова, организм не выдержал.

Вот только... ну, пусть насыщенное эфиром семя более фертильно, допустим. Но у него же на определённом этапе стоять не должно было, сколько бы он ни жрал! Надо Недума потрясти, хрена старого. А запереться будет — по жопе, стрекалом Гдена... и блин, это же реально больно должно быть, аж передёрнулся я. И буквально через несколько секунд начал кончать, еле успев изгнать образ старпера и Гдена со стрекалом из памяти.

Поймал падающую на меня девицу, ну и стал дальше разбираться. Так, а почему Стригор, пусть и не ёбырь-террорист (ну реально так выходит, в рамках его реалий — трахался только “по месту”), так херово помнит сам процесс? Ведь, хоть он трахался на природе, должны были его кормить, а то не вынес бы. А он лишь кадры сисек-попок, лица девичьи, страстью искажённые помнит, да и все, по сути.

Хрень непонятная, а значит — разбираться надо. И уже к концу “третьего захода” второй осеменяемой, разобрался. И чуть от сдерживаемого смеха преждевременно не эякулировал.

Дело в том, что прикручивая “повышенную чувствительность” к эротическим ощущениям, местные генетики не мензуркой бульон с культурой хлебали. И, в рамках нейромедиаторов, прикрутили весьма изящное решение. Итак, если сексом трахаться животным, не думать и не создавать триггеры памяти, то в долговременную ничего, кроме “хорошо-приятно” и не попадает. Вот кадры обрывочные, но не более. И если местный “тупой животный”, вне зависимости от пола, хотя и не факт, но скорее всего, ничего он не запомнит. И сексом трахаться хотеть будет, но умеренно, без животного стремления получать наслаждение, пока не помрёшь.

А думающий и триггеры создающий — запомнит. Но у такого, в общем-то, и других занятий, кроме “сексом трахаться”, хватает. Я вон вообще, пардон, научно-исследовательски это делаю, ржанул я, ну и, видимо, в честь этого, эякулировал.

Девушка на меня рухнула, я её помял слегка, потискал, умницей обозвал. Встала, пошаталась, пославословила. Через минуту, когда я “почистился” и сменил место на сухое, ввалилась третья девушка, с жратвой, видно, просвещённая предшественницей, пославословила и бухнулась рядом на колени, меня кормить.

Вот пиздец-то, с некоторой тоской отметил я. Приятно, но их, блин, ещё семь штук. Пр-р-ревозмогай! — ржанул внутренний голос, несколько подняв настроение.

И стал я пр-р-ревозмогать, параллельно исследуя. Степень родства с подведомственными пейзажами оказалась ожидаемой: похоже, все пять с лишним сотен популяции Лога смело можно считать близкой роднёй. В учётом защитных механизмов — в общем-то, и не страшно, и дёргать иглы на башке, после подвигов Стригора до меня — глупо. Инцест — дело семейное, а мы в Логе все одна семья. Да и продолжу я, деваться некуда — судя по всему, семя мага на порядок фертильнее не мага, причём гарантированно без патологий.

Но упорядочить, блин, это надо — раз в месяц ездить по деревенькам и брата, гимназиста фигова, в качестве работника подключить. Не хрен мне одному отдуваться, а так полегче будет.

Девки, пока я наблюдал и рассуждал, менялись. Особых отличий, кроме присутствия либо отсутствия опыта орального возбуждения в них не наблюдалось. Ну кроме одной — этакая пухляшка, восьмая, кажется, без сильного жира, но с валиками. Привлекла она моё внимание несколько отличными ощущениями — видимо, из-за веса она не скакала, а елозила. Ну, на фоне “конвейера” — разнообразие. И попискивала прикольно, когда я её за бочка и складочку над пахом пощупал. И грудь, пусть тяжеловата, но порадовала мягкостью и отличием.

А так — конвейер, как он есть. И зиготы ни разу не возникло, а интересно, блин. И ряд моментов понаблюдать, да и прямо скажем — часть функционала яйцеклетки нихера непонятны, ни мне, ни Архиву. И вот, на втором заходе десятой девушки, решил поставить эксперимент. Эфир податлив к воле и желанию, высоковероятно — именно Стрижики поддерживают и даже дают прирост популяции за счёт его. А если мне ПОЖЕЛАТЬ оплодотворить?

И пожелал, на свою голову, блин. Я думал, будет там что-то как-то. А вышло — надсердечник зашуршал, выделил в кровь гормонально-эфирный коктейль... И меня буквально вышибло из полумедитации в тело, а бёдра сами задвигались навстречу любовнице. И руки сами легли на талию, насаживая её на член.

Дело в том, что хитрый гормон обостряет чувствительность как бы не в разы, но явно в ответ на “магическое волеизъявление”. С трудом перейдя в полумедитацию, я стал наблюдать за собой. Так, состав крови немного поменялся, гормоны и эфиронасыщенный секрет добрались до тестикул... И я явно начал приближаться к оргазму, да и выделять “предоргазмический” феромон, судя по девчонке.

Сам оргазм опять меня “вышиб в тело” — было сильнее, чем с Олой, и “первый раз” за сегодня. Девушка просто потеряла сознание: очевидно, либо эфир, либо выделяемые феромоны резонировали. Так, а что у нас с яйцеклеткой, вошёл я в режим наблюдения, приобняв бесчувственную любовницу.

Сперматозоиды бодро шуршали к цели и через десяток минут дошуршали. Были они, очевидно, более эфиронасыщенны, чем предыдущие, а я внимательно вглядывался, на определённый момент просто выйдя в эфирный план, забив на материю.

И так, сперматозоид входит в мембрану-лаз. Начинается проверка, и... и происходит некая эфирная манифестация! Не “обман яйцеклетки”, нет. Сперматозоид “сверяется с критериями проверки и правит ошибки”, точнее, не он, а толика эфира-желания в нём! Блин, а учитывая интенсивность эротических ощущений, как бы не основная причина “страхивания” Стриведа-то, отметил я.

И сперматозоид был мембраной пропущен. Подёргался в “неблагоприятной” среде межоболочья, ну и рванул в яйцеклетку, преодолев оболочку, и началось создание зиготы.

Тем временем, ко мне стали пробиваться “звоночки от тела”. Сместив сознание, я чуть не выматерился — кожаный мешочек гениталий облизывала наблюдаемая мной девица, явно нацелившись “на третий раз”. Вот же неугомонная, блин, возмутился я, сознательно возбуждаясь. Трахай, блин, только не отвлекай! “Будешь трахать — не буди”, отозвался ехидный внутренний голос.

А я, мысленно усмехнувшись, вернулся к наблюдениям. Так, прочие сперматозоиды бьются в оболочку, но поздняк. Прощайте бойцы, Родина вас забудет, мысленно отдал честь я.

Так, а вот в зиготе начали происходить занятные пертурбации. Вторая оболочка, и именно она, “вытянула” из сперматозоида остатки эфира, закопошилась... и начала отмирать. А яйцеклетка, помедлив, начала процедуры деления.

Так, отметил я краем глаза эякуляцию, тупо перейдя в режим полумедитации несколько глубже. Итак, картина, согласно уже мне прочитанного и наблюдаемого, по родам, выглядит так:

Носителем основы для “магического органа” являются женщины. И это основа — универсальна, причём магичность женщин на тип органа не влияет. Только на вероятность рождения мага — у родовича от родовичи ТОЧНО и всегда рождается маг, родом, точнее, типом эфирного органа по отцу. А вот одарённые женщины во главе родов становятся, но... только в родах с кучей родовых. А одиночки, типа нас сейчас — всегда мужчины. Потому, очевидно, что женщина-магичка от пейзаина... не родит мага. Только пейзаина, невзирая на “заготовку” под клетки магического органа, в виде “второй оболочки”. Нужно семя мага, с “образцом” эфира органа.

Так, в этом случае понятно, довольно рассуждал я, отвлечённо поедая подносимую мне еду. Но, очевидно, всё не так просто. И, на данный момент, я похоже понял...

— Это ещё что такое?! — с искренним возмущением изрёк я, отвлёркшись от дум мудрых.

Дело в том, что жратву я поглощал отвлечённо, по уже привычке. Но оральная стимуляция гениталий меня привела в себя: осеменяемых должно было быть десять! Ну ладно, вздохнул я, пришла девка в охотку. Но распахнув глаза, я увидел, что над моим прибором трудится язычком девица с явными чертами хорсычей! И, блин, истощённая заметно.

— Не гневайся, господин Стрижич, — отпрянула девица от паха. — Ты же сам молвил, что твои мы... А я в охотку пришла — и пустили бабы после себя... прости рабу глупую, не наказывай, — закланялась она, всхлипывая.

Ну пиздец, блин, стало несколько стыдно мне. Так, ну ладно.

— Хорош кланяться, — буркнул я. — Не раба ты, а с ошейниками этими замотался, видно, не всем снял. Сниму позже. Раз в охотке — не землю целуй, а уд в готовность приводи. И ты одна из ваших в охотке?

— Трое, господин... — и зачавкала.

Ну пиздец номер два, ещё трое. Ну справлюсь, конечно, но уже кило четыре веса потерял, оценил я. И пузо полное, хорошо — желудок с высоким КПД.

— Сверху справишься? — оценил я удобу, но местным, вроде, несложно.

— Справлюсь, господин, благослови тебя Хорс, — оторвалась девица от орального дела, полюбовалась на вставший член, чмокнула его и принялась пристраиваться.

Блин, ладно, перешёл я полумедитацию. О чём я, блин, думал, до этой жертвы феромонов-то?

А, точно. Так вот, Недум и ныне дохлый купчина. Судя по мной виденному — редчайшая мутация, точнее, ошибка формирования зиготы: вторая оболочка получает ровно столько эфира, чтоб начать формировать клетку, но недостаточно для полноценного органа.

Вроде и ерунда, но нет: семя таких “недородовичей” попав в яйцеклетку родовой, образуют мага. Но — мага-мутанта, поскольку эфира матери в её теле навалом. Но не в яйцеклетке. А эфира недомага недостаточно. И получается как в наруте этой вашей, “смещение стихий”. Орган новый, магия смешанная.

Но, не сильнее, а слабее “правильной магии”. И, похоже, дело тут в “прошитых программах”, которых в новообразованном органе нет как факта. Он выходит стабилен, младших родов, судя по книге, до чёрта, и плодятся. Но нет “прошитых проявлений”, и КПД выходного эфира ноль целых, пять десятых от “правильного родовитого”. Не говоря о том, что чистая “волемагия”, а “искусство колдовское” в столичной Академии выходит вполне оправдано как раз для полукровок.

Вообще, патология, похоже, редкая, но в Родовой книге — полторы сотни родов младших, на дюжину старших. Так что встречается и бывает, хотя судя по мной изученному — не объясняется.

Хм, отловить бабу из младшего рода и в процессе впердоливания изучить? Да как же, даст она! Ребёнок Стрижич будет, а у нас род не пресёкся-то за счёт единиц, живущих в Жопе Мира. Или враждебным не стал Империи, из-за диссидентов на островах. Ну, всё равно интересно, будет возможность — надо посмотреть. Вдуть почему-то не хочется, мдя.

Так, а яйцеклетки-то исправно у новеньких оплодотворяются, отметил я. Практически с первого раза, что не удивительно, но не маги — что не удивительно тоже. Тут надо семя эфиром “за двоих” накачать, а мне пока наследника неохота. Эти дети — мои люди, а не отпрыски, как ни парадоксально и не слишком приглядно. Или придётся кучу детей из семей пейзажных отнимать, с воплем “моё”. И что я с ними делать буду? И с потерями людскими? Мы же не только “барин зажавшийся”, а социум-семья во фронтире! В общем, мои — только маги, как по местным раскладам, так и по совести. А остальные — “мои”, заботиться буду, но как и обо всех.

И на этом меня опять вышибло. Приподняв голову, я увидел, блин, голову купеческой дочки, краснеющую, с мерцающими глазами, облизывающую мой член.

— Ну пиздец! — уже в третий раз вслух выдал я. — В охотке?

— В охотке, Стригор Стрижич, очень. Простите, девицы сказали, что к вам можно... а мне хочется очень, а я лучше с вами... Ой, простите, вы очень красивый и желанный... — совсем покраснела она.

— Так, — встряхнулся и присел я, напротив девицы.

В теле была ощутимая слабость, но член бодро стоял, так что тяжело дышащая Люба,

“скромно” опустив глаза, на него уставилась и задышала ещё тяжелее.

— Значит, я рассчитывал, что ты, Люба, станешь служанкой братцу моему, Стризару. Благо знаешь его, — озвучил я. — Перетерпеть сможешь?

— Я бы по воле вашей, Стригор Стрижич, согласилась на что угодно, да моченьки нет, под отца-батюшку уж готова, — еле слышно прошептала она. — И любезнее вы мне Стризара Стрижича, простите... Но буду служанкой ему, по воле вашей.

— Прощаю, — хмыкнул я. — Я, Люба, собственник. Если я тебя сейчас отлюблю — моей станешь. А это проблемы, мда, — протянул я.

— А какие, Стригор Стрижич? — тихонько подала голос девица, робко касаясь члена руками.

— Да блин, какая разница-то, — хмыкнул я. — Давай любиться уж, а то совсем от страсти не соображаешь, — на что последовал робкий писк и кивок опущенной головы. — И поговорим тогда.

Ну, хоть и слабоват, но вытяну, отметил я, кладя девицу на спину, а её бедра на свои. И её блин реально от страсти колбасит, из щёлки струйка течёт, да и из уголка полуоткрытого рта, а смотрит блин... ладно, решил я, решительно входя в сомкнутое лоно. К удивлению, почувствовав сопротивление — не плевых, которой не было, а сомкнутых мускулов щёлки, впрочем, тут же расслабленных.

— Ой... ой... как хорошо-то, Стригор Стрижич... ой, сладко как, — забормотала девица, ойкая в такт моим фрикциям, этим весьма напоминая Олу.

Но при этом, лежала распластанная — впрочем, видно, от страсти и желания девка совсем обессилела, но надо дело закончить, двигал я член в буквально брызжущее горячей влагой лоно. А то блин, и не поговоришь. И вышло, блин, как-то... ну да ладно, если выделяться будет — пойдёт пейзажить. А нет — ну, польза будет, и грамотная. Да и симпатичная, что греха таить. Ола моя — красавица, но эта оттенит и дополнит. В общем, посмотрим.

Девица задёргалась в судорогах подступающего оргазма буквально через три минуты, так что мне явно “не хватило”, пришлось ещё полминуты совершать фрикции — даже феромоны не справились. И осел я с реальной слабостью.

— Ой, Стригор Стрижич, миленький, как же сладко это, как хорошо... Как же славно с мужчиной любиться, я и не знала, а вы красивый такой, сильный... я ради вас что угодно сделаю... — горячечно бормотала девица, полуприкрыв глаза и свернувшись клубком.

— Это... — вник я в сказанное и слегка взбодрился. — Ты это... в смысле “с мужчиной любиться”? Я у тебя что — первый любовник?

— Первый, Стригор Стрижич и такой умелый, мне так хорошо в жизни не было...

— Так, стоп, Люба. Тебе лет уже немало, — начал фигеть вслух я.

— Семнадцать... в остроге, — несколько посмурнела она, — исполнилось.

— Так, в семнадцать лет у меня девки третьего, а то и четвертого ребёнка носят, точнее — могут. Ты что, три-четыре года терпела? Блин, как тебя не порвало-то?

Ну реально офигеть — местный феромонно-гормональный механизм мягкий к “добровольности”, факт. Но, блин, очень действенный. А парни вокруг? Хотя, допустим, гимназия разделена — хотя братца видела... Ни хрена не понимаю, и сама по линии междуножья порваться должна была, да и фонила бы феромоном так, что на адресность похер — выебли бы и преподаватели, да отец бы тот же — просто не удержались бы. А тут...

— А мне батюшка лекарство специальное, из самой столицы привозил, Стригор

Стрижич. Чтоб в охотку не входила, вот и не хотелось... почти, — покраснела она.

— И на кой? — искренне полюбопытствовал я.

И поведала мне несколько “ожившая” девица такую историю: в центральных областях, среди “приличных” семейств неродовитых — как я понял купцов, мануфактурщиков этих всяких — мода на неопытную до свадьбы девицу.

— Придурки, — веско выдал я. — Ноги-то понятно откуда растут — от родовых. Но там девицы не “воздержанием” маются, а в роду любят. Вот с неродовитыми и родовичами со стороны — да, не стоит.

— А почему, Стригор Стрижич? С родовитым-то понятно — по батюшке род идёт, а...

— Неродовитый родится. А куда его в роду? — на что девица пожала плечами. — Вот, видно, недопоняли и завели “моду”. Все так?

— Вроде столичные только, Стригор Стрижич, но не знаю точно. Батюшка меня партнёру торговому сватал, так тот таков. А потом... — задрожала она присев. — Острог этот страшный... И голодно, Стригор Стрижич... И батюшка матушку любил, а сам смотрел на меня страшно... И я его хотела-а-а... А потом (хлюп!) просто лежали и смертушки ждали-и-и...

И зарыдала, рожу прикрыв. Вот блин, что с ней делать-то? А, похер, в прямом смысле, хмыкнул я, поднялся, подошёл, да и всунул в раскрытый в подвывании рот тот самый хер.

Девица губы на члене сомкнула, руки от лица убрала и уставилась на меня зарёванными глазами. Блин, и смех и грех, улыбнулся я, глядя на удивлённые глаза, пузырик из ноздри... Блин, от вида окончательно встал, что и не удивительно.

— И что ты Люба уставилась? Не знаешь что делать? Учить надо? — ласково полюбопытствовал я.

— М-м-м... шмыг, угу, — было мне ответом.

И девица, перестав рыдать, но шмыгая носом, принялась губами двигаться по члену. Хм, а язычком по головке, уздечке ездит, и в уретру острым кончик проникает. Ладно, потом узнаю, а пока пусть трудится, пречистая, блин дева, и слушает мои слова мудрые. Но какой видок, шик, улыбнулся я и начал.

— Так, Люба, в служанки я тебя возьму, никому не отдам. Разве что в пейзаже — если глупости творить будешь, — “Гнгуду” было мне ответом, не прекращая минет, и честный взгляд. — Итак, есть у меня служанка, Ола. И я не хочу ни её обижать, ни тебе не позволю, — погрозил я пальцем. — Она... ну не очень умна, почти не образованна, с чем ты поможешь — заниматься с ней будешь! — “мугу”. — Да. Но любит меня, наверное, а я не хочу её обижать, и чтоб её не обижали. Она очень добрая, — улыбнулся я своим и стригорьим воспоминаниям.

— Любите её, Стригор Стрижич? — с горящими глазами, причём романтикой, а не ревностью, выдала купеческая дочка, оторвавшись от важного дела.

— Ты это, не отвлекайся, — помахал членом я, тут же оказавшись в кольце горячих губ. — Ну, не сказать что люблю, — задумался я. — Но... не хочу её обижать, хочу чтоб ей было хорошо. Потому что она, сколько себя помню, старается, чтоб хорошо было мне, — “бубие”, не прекращая минет, с уверенным взглядом. — Не думаю, но считай так. И вот что, ты только это с удом мужским делать умеешь? А приласкать?

На это девица меня реально удивила — запустив руку мне в промежность, она начала перебирать и ласкать пальчиками, от ануса до мошонки. Но это-то нормально. А вот вставшие дыбом волосяные иглы довольно неловко изогнулись и начали ласкать покалывать

мошонку и пах. Блин, приятно, оценил я, да и видно, что “знает”, а не “умеет”.

И вскоре кончил, причём в финале меня выгнуло — девица, втянув семя, выпустила головку и запустила острый язычок в уретру. Неглубоко, но чертовски приятно, особенно после оргазма, аж застонал.

— Вам понравилось, Стригор Стрижич? — с искренней тревогой уставилась на меня девица. — Я много знаю, читала, но наверное умею мало и не всё получается... Но я научусь!

— Научишься, да и так очень хорошо вышло, — потербил я ушко девицы, в ответ радостно улыбнувшейся. — Так, ладно, устал я что-то... где бы тут погадить-то? — осмотрел я дом.

— А вы... простите, — извинилась на поднятую бровь девица. — Вот сюда, Стригор Стрижич, — указала она на одно из жерл дома.

А облегчившись, ухватил я намылившуюся на выход девицу, и, со словами “со мной сегодня спишь” положил на бок, пристроился сзади, приобнял. Крикнул: “Меня не будить, сам проснись!”

И уснул, чувствуя приятно горячее тело и думая, что в обнимку засыпать — всё же неплохо.

Конец научно-исследовательской порнухе

6. Пейзанская социология

Проснулся я в обнимку с Любой, которая ещё спала. И, даже не шевелясь, провалился в эфир: вчера я творил, говорил и планировал если не хрень, то и не самые обдуманые вещи. Именно по отношению к “купцовой дочке”, сексу с ней, неприятия варианта её секса с пейзажами и вообще, довольно неуместной в рамках местных реалий позиции “не отдам в любовницы брату”. Ему — точно будет похер, а мне, понимаешь, не годится...

В общем, начал я разбор полётов, благо “я в эфире” обладал массой субъективного времени и инструментами анализа.

И оказалась со мной такая вот фигня: марафон осеменения, конечно, некоторую роль сыграл, но весьма незначительную.

А значительную... мои собственные, причём именно личностнообразующего “эфирного я” фетиши, желания и комплексы. Итак, купеческая дочка была в ряде проявлений, частично внешне, частично в поведении и манере общения, похожа на одну лядь из Замороженного Мира. Ничего странного и удивительного, похожих людей много, но. “Но” заключается в том, что я, пусть и не будучи влюблён, к ляди той весьма привязался, строил планы на детей и будущее и вообще.

И её измену, фактически незаметно для себя, внёс в “комплексы и фетиши травматического толка”. Которые от “нетравматического” и отличить не особо-то выйдет через какое-то время, а времени прошло дохрена.

В общем, я через силу, со слабостью тела, трахал не “бедную девочку, сходящую с ума от воздержания”. Точнее её, но сознанием, объяснявшем сфера ли это мне надо. А подсознательно и на самом деле, я трахал изменившую мне девку, наслаждаясь возможной властью над ней и прочими “замечательными” вещами.

В общем-то, не очень приглядно, будем честны. А, с другой стороны: и чо? То, что загнанные в подсознание комплексы и обиды скомпилировалось в подобный порыв... да и пусть. Гнобить девчонку я не собираюсь, более того — она, если проявит разум, будет приятна и полезна, причём как мне, так и Оле, в силу ряда причин довольно одинокой и ограниченной в общении с бабами в поместье.

Ну а не будет — направится на грядки, трудиться кверху жёпой на благо Стрижичей и себя, чтоб жрать что было. И никакие “травматичные воспоминания” меня от этого не отвратят. А то что в сексе со своей второй служанкой я вдобавок получаю некоторое психологически-злорадное удовольствие — ну пусть будет.

Вообще, сам факт прорыва этих обидок в реальность, анализировал я, есть режим работы над собой, в плане “слома этических ограничений”. Житие Мороза базово относило многобабство к этакой “распушенности”, “греху”, невзирая на разумный агностицизм. Отрыжка выпестованный жрецами тысячелетиями культуры.

И вот, понимая, что в рамках культуры новой я совершаю не вымышленный грех, а наношу реальный вред людям, причём “моим” следованиям этим нормам, я енти нормы расшатывал и игнорировал.

Чем радостно и воспользовались “обидки”, реализовав и свои хотелки, которые сознание почти успешно “наобъясняло”.

В общем, пусть Люба будет, если не будет косячить, окончательно решил я. Да и относиться я к ней буду... странно, но всё же хорошо, даже улыбнулся я (хорошо, что без

внешних наблюдателей — морда сотканного из тьмы чёрта, с ледяными рогами и прочими соответствующими аксессуарами, делала мою кроткую и добрую улыбку немного настораживающей).

А вот с собой надо работать плотнее, порывы и желания отслеживать, и на всякую джигурду в желаниях и побуждениях не отмахиваться, в стиле “это моё, личностнообразующее, не буду трогать”, а пристрастно разбирать. А то девчонка-то ладно, но из неосознанного может такая херь непотребная вылезти, что даже представлять страшно. Не говоря о том, что я как “я” — вообще даймон на энтропийном эфире, в эфирном плане соответствующем положению души. И то, что я “человечен” по большей части — вообще может быть “остаточным явлением”, а истинной природой — байки жрецов, например.

Ну а та личность, что я сейчас есть, категорически этого не приемлет, соответственно, будем за всякими порывами и изменениями пристрастно следить.

Пришёл в себя, наткнулся на внимательный взгляд повернувшей голову Любы.

— А вы хотите, Стригор Стрижич, благого вам утра, то есть, — покраснела она.

— Сама чтоль не чувствуешь? — усмехнулся я. — Или головой можешь подумать, — легонько постучал пальцем по девичьему лбу, — сколько дев у меня на ложе вчера было.

— Ой, — совсем, вплоть до ушек и игл на голове покраснела девица. — Простите...

— Пустое. Как я вчера говорил: служанка ты моя ныне, доверенная. Будешь подле меня, беседы вести и нужды удовлетворять. И подругу свою учить и наставлять.

— Олу, служанку вашу?

— Её, но это обговорим. Ладно, поднимаемся, потрапезничаем, да в поместье направимся, — подытожил я.

Высунул морду лица из домика — а сидит на травке представительная делегация. Мёда, Мил, три мужика в летах. А окрест пейзаю новые широко раскинулись.

Так, для начала, надо эти ошейники дурацкие снять, напомнил себе я, и молча, мылезовом, подозвал Индрика. Похлопал животину по акульей морде, облачился в биодоспех, извлёк кляксу мыслеуправления ошейником и отдал приказ именно им ко мне ползти. Уверенности в осуществлении не было, но весь функционал на это намекал.

И оказался я прав — змеями соскользнув с шей новеньких, не слишком быстро, но поползли ко мне ошейники. Вот пусть будут, пригодятся, рачительно рассуждал я, прибирая в индриковы сумки зверушек. Как минимум — вместо документа для каравана в Росток, если удумаю без себя направлять. Да и со мной не помешают. И вообще, моё жестокое барское сердце перспектива рабовладения тоже радуется, да.

— Не рабы вы ныне, а люди мои! — огласил я. — Теперь можно говорить. И принести нам со служанкой моей новой пожрать, — ткнул я в Любу перстом.

Помимо славословий, довольно забавным были рожи подчинённого контингента, точнее трёх из них. Купцова жена, отиравшаяся неподалёку, ликом своим явила удовлетворение, неприятно напомнив несложившуюся в Замороженном Мире тещу, но в целом — довольно комично. Мёда физиономией обозначила незаслуженную обиду, пристально Любу разглядывая, на тему “чем ента ведьма ненашенская господина Стрижича окрутила? Наши девки пригожее, ядрёнее, всем девкам девки, а не всякое понаехавшее!”

Но самым выразительным был Мил. С одной стороны, дочку он явно любил, не столь оголтело, как в известных мне мирах — программа “отношения с потомством” явно была модифицирована, насколько — вопрос изучения. Но любил и хотел блага, а потому радость на роже была: в текущих реалиях она занимала высшую из возможных ступеней социальной

лестницы. Выше просто невозможно в принципе, хоть и ступеней этих не более пяти, а по совести — четыре. С другой стороны, егойные планы были на “втюхать дочуру” некоей столичной штучке, даже некие снадобья в угоду дурацкой моде таскал. В общем, то, что я, какой-то захолустный баронишка, буду в дыхательные и пихательные дрючить его “кровиночку”, восторга в бывшем купчине не вызывало от слова ”совсем”.

И вот эти весьма противоречивые эмоции создавали на морде купеческой весьма дивный мимический букет, на который я с искренним наслаждением любовался.

— Ростки домов, Мил, — прервал я своё любование.

— Э-э-э...Кхм... Блага вам, господин Стрижич, за Любушку мою благодарю...

— Угу. Ты, Мил, видно вопроса не понял. Что с ростками домов для Весёлков?

— Не гневайтесь, — с некоторым испугом выдал дядька. — Высадил, как повелели вы.

И прижились, расти будут, лишь уход нужен.

— Приглядишь, значит, — решил я. — Так, Мёда, кто в Веселках останется из новичков — решила?

— Прости, Стригор Стрижич, не успела ещё, нерасторопа старая...

— Ну и сама дура, — заключил я, тыкая перстом поочерёдно в пейзаж из новеньких. — Вот вы в Весёлках останетесь... Хотя... Муж али жена есть мной не выбранные?

— Муж мой, господин Стрижич, не изволь гневаться, — закланялась одна баба.

— С кем-то одиноким пусть поменяется, — мудро распорядился я, после чего совершилась замена. — Далее, Своих забрала, чтоб больше никого не меняла, — нахмурился я, на что старостиха закланялась. — Далее, пару мужиков со стрекалами направишь с остальными новичками и Милом в Топляки, да и сама с ними направишься, распоряжения мои в деталях передашь, Мил дома посадит. А оттуда — в Стрибожье с остатными, всё так же. Бегуна одного оставлю для саженцев, завтра чтоб в поместье привёл, — уточнил я Милу. — Всё понятно, али уточнять надо, что людишек и дары поровну разделить следует?

— Поняла, господин, — выдала Мёда, тогда как Мил просто поклонился. — А ты меня над прочими старостами ставишь?

— Вот, — продемонстрировал я бабке дулю. — Совсем ты, старая, ополоумела, развела “над и под”. Посыльная ты, на один раз, слов моих мудрых передатчица. А возомнишь больно много или своевольничать начнёшь — так и старосте в Весёлках недолго поменяться. Уразумела?

— Уразумела, не гневайся...

— Ты мне ещё поуказывай, гневаться или нет, — хмыкнул я. — Чиниться удумала на старости лет. Исполняй, а я прослежу, чтоб не своевольничала!

А сам я, с тремя бегунами, нагруженными книгами и прочей “моей” рухлядью, и тремя мужиками “на обучение”, ну и Любой, само собой, направился в поместье.

В десятке метров чуть не закатил девице челодлань — посадил я её на Индрика перед собой (ну все мои оборонительно-нападательные приёмы не требовали “прямых линий”, а мне приятнее), так что челодлань по стандартной траектории зарядилась бы в любину физиономию.

— Кушать хочешь? — охеренно пронизательно любопытствовал я у служанки, несколько издевательски, если смотреть со стороны, учитывая её заметное и осязаемое истощение.

— Немного, Стригор Стрижич...

— Кушай, — выдал я, вытаскивая из индриковых сум дорожные припасы.

А пока девица почавкивала и похрустывала питанием, начал размышлять. Вот чего этой Мёде неймётся-то? Вот вроде неглупая баба, понимает, что ежели я её “старшей над старостами” поставлю — так и дрючить за всех буду, с силой необоримой. А у неё и с Весёлками геморроя, по совести, дохрена. Но вот всё равно — чинится и к власти рвётся. Глупо до безумия, но как бы не естественный психосоциальный механизм, размышлял я. Глупая жадность человеческая: “надо больше”, а нахера — даже мысли не появляется. С деньгами, властью, да всем, фактически.

И, блин, не знаю я о куче таких механизмов ни хрена. В том плане, что Мороз был дядькой эрудированным и образованным, вот только он больше в психологию прикладную учился.

А тут вопрос психосоциологии, психологии масс, политологии, по большому счёту, как изящно называют стадные инстинкты большинства и безумную жадность меньшинства.

И ни хера я о них не знаю. Точнее, литературу читал, но вот спрогнозировать поведение и реакции социума, да даже отдельных личностей, толком не могу. Объяснить “почему” после совершённого и сказанного — без проблем. Ну или заведомо считать, что всё пойдёт по худшему из возможных вариантов. А вот спрогнозировать — фигу.

Не изучал, не интересовался, а натурных наблюдений нужно не одно поколение. Ну поменьше, но разрабатывать социопсихологию самому и с нуля — как-то по-идиотски. Впрочем ладно, буду за человеками наблюдать и делать выводы. А то у меня из неосознанного эфирной части второй “комплекс” прёт: я из Замороженного Мира, если по совести, сбежал. Нет, я там никому ни хера не должен, это все мне должны, а я весь из себя пострадавший, это само собой.

Однако, сам факт того, что я от ряда неприятных моментов социума решил отвернуться, а потом просто сбежал — неприятен, царапает. И в Чувство Собственного Величия неприятно уязвляет.

А тянется это... от Мороза, хмыкнул я. Правда, он не сбежал. Построил свою “башню чародея” в виде мотоклуба, пусть и коллективную. Но его, как разумного, подсознание время от времени попинывало, пусть и неосознанно, на тему “что-то делать, а не прятаться”. Не сказать, что он вообще что-то мог сделать — уровень пассивности и покорности неуважаемого большинства был его силами непреодолим. Однако, “зацепка” была.

А дальше Гемин пошёл “по тому же пути”, вот только у Гемина БЫЛА потенциальная возможность менять. А он “спрятался и убежал”. И вот теперь, когда я копаюсь в последствиях своей непутовой жизни и неосознанном (довольно иронична первопричина, ставшая толчком, *Ab ovo*, как говорили римляне), вылезло запихнутое чувство вины, стыда, беспомощности и самоедства.

В принципе — справиться можно. И нужно. Вот только надо мне с социумом знакомиться, а не убегать и отворачиваться. Глубинные причины, модели, в общем — понять, как все эти механизмы работают. Потому как та же попытка Гемина “в кусты”, например, может быть разумна и оправдана. Но точно я не знаю, самоедство процветает, а часть меня рвётся в Замороженный Мир взад: сделать всё по-моейному, невзирая на трепыхания под руки подвернувшихся.

В общем, надо разбираться и учиться, а Беловодье — в принципе, неплохой вариант. И достаточно “чужая” культура, притом достаточно схожие человеки, чтоб их понять. В общем, не только книгами и маго-физическими экспериментами надо заниматься. Но и социальными, хотя их проводить надо после длительного наблюдения и вообще.

Под эти мудрые мысли Люба дохрустела пропитанием, а наш караван дотопал до особняка. Встречающих особо не было — Стригор в своё время отучил, пинками направляя “делом заниматься, а не хернёй маяться”.

Призвал Недума, велел пню старому застроить слуг — пусть камердинером барским будет, с напоминательным Гденом за плечами.

Вот, кстати, в рамках мной надуманного, знаний, умений и наблюдений — Недум как раз как “надзиратель” годится лучше всего. Ну вот не стремится дед к власти и доминированию, ему это неинтересно.

Он скорее садовник (можно было бы сказать, что художник, но картины стрекалом по жопе не стучают, факт), который культивирует ради красоты и результата, и получает эстетическое удовольствие. А не бабуински подпрыгивает с воплями “трепещите, растения, вы в моей власти!”

Правда, моя резкая активность его “общий шаблон” сломала. Ну, присмотрю, если заносить будет — одёрну, а так пусть привыкает, что “главный лютик заговорил”.

Надумал я это, да и поперся в свой домик, Любу прихватив. Ола... ну вот чёрт её знает. В принципе, социокультурно, да и вообще — не ревнивая девчонка абсолютно. Испугалась, что прогону — это да. Но когда поняла, что нет — просто стала присматриваться к новенькой, без какого-то негатива, скорее с интересом.

Тут дело вот в чём было: слуги... ну скажем так, с мужиками она сама не общалась. Стригор ей ещё в детстве сказал: “ты моя” — и она от них если не шарахалась, то держалась подальше.

А вот бабы ей, прямо скажем, завидовали. В поместье Стригор трахал только Олу (что и неудивительно, учитывая, что практически каждый “монстробой” заканчивался конвейерным осеменением). А она была... ну фактически самой свободной в особняке. Бездельницей и никчёмой, как слышал Стригор краем уха и забивал.

В общем, с девчонкой общался только Недум, да и то редко. Даже Стригор только трахал, так что в целом — оказалось, что Ола в Любе видит не “конкурентку”, на которую ей наплевать, а возможную подружку, которую ей очевидно хотелось.

Сама же Люба... блин, напридумывала, глазами с меня на Олу бегала, ну в общем, считала, очевидно, что у меня со служанкой любовь невозможная и великая. При этом, на ларь с книгами взгляды кидала хищные... Ну, в общем, за эту часть своей жизни я был относительно спокоен — не те характеры у девиц, чтобы враждовать, притом они достаточно разные, чтоб найти не конфликтные точки соприкосновения. При желании, конечно, но оно вроде было.

Так что оставил я девок налаживать диалог, потрепал по попке довольную Олу, а, подумав, и Любу, да и направился “учить учителей”.

В том смысле, что надлежало троице мужиков из Весёлок овладеть самострелами и хоть в общих чертах — доспехами.

Вроде и ничего сложного, мыслеуправление, вот только был ряд нюансов, до которых “невоенные” пейзажи хрен додумаются, а это большая часть функционала.

Причём в поместье с промежутком в час и три ещё припёрлись троицы из Топляков и Стрибожья. И вот какой меня уже реально рассердивший момент: из Топляков староста явился, подтверждение приказов моих через Мёду и симургами получил и утопал. Вот нормальный подчинённый и хороший староста. А вот стрибожский хитрован троицей мужиков передал “занятость великую, в заботах о людишках твоих, мне препорученных”.

Охренел в край, надо лечить, веско постановил я. Прозанимались часов до двух пополудни — в принципе, более и не надо, да и поперся я в свои покои, пожрать. Девчонки притащили мне еды бадью: в общем-то, понятно и после подвигов традиционно. Слопал, полюбовался на выращенный трон, расселся на нём барственно, призвал девиц.

— Ну как, потолковали?

— Потолковали, Стригор Стрижич, — почти в один голос выдали они.

— Ты, говори, что думаешь, — тыкнул я в Олу.

— Ой, Стригор Стрижич, Любушка так знает много! И рассказывает вещи преудивительные и интересные. И жалко её, но с вами хорошо всё будет! — погладила она Любу по плечу. — И...

— Понятно, хорошо, Ола, — кивнул я с улыбкой. — Ты?

— Олочка добрая очень, Стригор Стрижич, — с некоторым снисхождением но и с приязнью взглянула на она на Олу и улыбнулась. — Как вы говорить и изволили, поладили мы, протянула она ладошку, которую Ола с улыбкой взяла.

— Ладно это, — довольно кивнул я. — Потолковать хотел, да дела...

— Стригор Стрижич, а...

— Говори, — кивнул я Любе.

— Книжки почитать дозволено мне? — жалобно глядела девица то на меня, то на ларь.

— Дозволено, но с условием. Книжку прочла — Оле перескажи, чтоб поняла она, — на что Люба нахмурилась, впад в тяжкую думу, а Ола радостно закивала. — А ещё можно Олу читать научить, — закатил глаза коварный я. — Тогда она всё потребное для понимания сама узнает.

— Поняла, Стригор Стрижич, исполню.

— А я читать смогу? — растерянно переводила Ола взгляд с меня на Любу. — Это ж искусство мудрёное, один Стригор Стрижич его знает, да Недум с внуком его, Горемиркой...

— Сможешь, — кивнула Люба решительно. — Не так там и мудрёно.

Ну, хоть дома всё у барина хорошо, заключил я. Вышел к девятке мужиков, отослал весёлковчан и топловчан в их деревеньки со снаряжением.

А троицу стрибожцев задержал, да стал им вопросы задавать и фигеть:

— Хорош ли у вас в Стрибожье староста? — задал я коварно завуалированный и хитрый вопрос.

— Хорош, господин Стрижич! — фактически хором ответила троица.

— И довольны вы всем? — проявлял я коварство иезуитскую мудрость.

— Как есть довольны, под старостой Аловьем, твоей волей над нами поставленным, господин Стрижич, — почти хором(!), опять выдали мужики.

— И никаких бед и нескладиц не учиняется?

Дружное “нет” и славословия. Но один из мужиков поморщился, почти незаметно, но всё же.

И начал я уже прямо спрашивать, но по “раскрытию картины”... ну вот хер знает, что делать. Аловый этот мошну себе не набивал, по причине отсутствия оной. И даже не сжирал урожай в три горла и не надкусывал несожранное. Видимо, по причине наличия горла одного, обделила природа.

А вот с подчинёнными... в общем, точно надо ехать и разбираться, поскольку навёл в Стрибожье сей мужик “порядок”. В кавычках, поскольку от такого порядку ни пейзажам лучше не было, ни мне. Ну ладно, подъём в одно время, “репетиции славословий” (ну

реально, они именно репетировали “хором”). Но “ротация кадров” на аграрных работах — бред.

Ну реально, сложилось, что бабы с рожью возятся, мужики — с картохорепой и коровами, а спиногрызы с деревьями яблоневыми. Это объективно правильно, на основании силы, выносливости, внимательности, да, банально, веса: на ветки, на которые мелкий подросток залезет без проблем, паразитов сшибая или листья мёртвые обдирая, мужик не заберётся.

А этому Алому Вью пришла в голову охерительная идея, что “пейзанин должен уметь всё”. И происходит ротация поло-возрастных групп, с закономерным ухудшением результатов.

И вот куча мелочей, а вот реально — болван и самодур выходит. Например, дочурку поморщившегося мужика, первый раз в жизни “в охотку вошедшую” направил сей мудрый староста к некоему старому пню. “Ухваткам любострастным учиться и перед господином Стрижичем не посрамить”.

Причём пень этот Аловью не сват, не брат, просто такой же пейзанин, просто с бабами сходявшийся и живший не раз.

В общем, тупо “строит” пейзаж, лезет туда, куда его никто не звал, и где он нахер не нужен ни мне, ни пейзажам, ни себе, если по уму. И ведь корысти-то никакой нет, вот в чём самый забавный момент.

В общем, нахер этого Вья, хотя по вые настучать до алости стоит. И сразу, не хрен ему над моими пейзажами глумиться.

Так что призвал я Индрика (неубедительно симулирующего немошь), да и поскакал рысью, которую и пейзаже вполне выдерживали, до Стрибожья. Доскакал без проблем, ну и застал охренительную картину: за пределом купола деревеньки Мил возился с рассадой. А Аловый реял вокруг него и раздавал надменные указания! Это при том, что в принципе не мог ничего понимать в новинках, паразит такой.

Вот реально, тут не разбираться, а карать без разбору надо, решил я, подскакивая к охренелому, лова за ухо и выворачивая его от души.

— И что ж ты, щучий сын, творишь? — ласково полюбобпытствовал я. — К господину прибыть — дела у тебя, а как приказам господина мешать исполняться языком своим трепливым да башкой дурной — время нашлось? И не стони тут мне, как девка в охотке, а отвечай!

— Всё... ммм... для блага... иии... вашего, господин Стри-и-ижич! Бо-о-ольно!

— Естественно, больно, — разумно констатировал я. — А будет ещё больнее. До смерти, наверное, — начал прикидывать я, отпустив ухо.

— Не губи, господин! Глуп, но исправлюсь, искуплю! — бухнулся на колени Аловый.

— Исправишься, — хмыкнул я. — Да мне до исправления твоего дела нет. Хотя искупить... искупишь. Лет тебе немало, ну да не старик. Пополешь рожь, за коровками походишь, дрянь в деревне пособираешь. Только не тут — в Весёлках, — оскалился я. — А там посмотрим, смертью лютой тебя убивать или не очень лютой. Как дома? — полюбобпытствовал я у Мила.

— Приживаются, господин Стрижич, ладно всё будет, — бросил на валяющегося бывшего старосту недовольный взгляд купчина. — А, если вопрос позвольте...

— Не позволю, — самодурски хмыкнул я. — Ну да ладно, приживается, ладно всё будет, — улыбнулся я Милу. — Так, хер с тобой, будешь на бегуне рассекать, но без охраны

— народу и так мало. Хотя... заскочи с утраца в поместье, — прикинул я.

— А где оно, Стригор Стрижич? Я-то и не знаю...

— И вправду не знаешь, — хмыкнул я. — Ладно, со мной поедешь, там и заночуешь, — на что купчина слегка посмурнел, но мне реально ещё о его жене, блин, заботиться чтоли?

Потерпит ночь, а не потерпит — хреновая жена была, сломалась, пусть новую заведёт.

— Ты, Олош, подойди, — поманил я пальцем мужика с “заинструктированной дочкой”.

— Значит, мне разбираться с тем, что паразит этот натворил, — потыкал я пальцем в коленопреклоненного Аловья, — недосуг. Староста ты нынче, моим словом. Не справишься — через месяц буду нового искать. Начнёшь бесчинство творить — просто прикончу, разбираться не буду. Но мужиков на деревьях, а ребятни с коровами чтоб не было! Всем своё место, да и с девками я без “учителей” управлюсь. Хотя лучше бы... — начал было я, но сам себя оборвал.

Всё таки, сентенции в стиле “заебали меня ваши девки” несколько в текущих реалиях... по-свински прозвучали бы. Хотя, чуть в голос и по-свински не хрюкнул я, полностью отражает положение вещей.

— Неважно. Так, ты, Олош, со мной с деревню — волю свою жителям скажу. Ты, Мил — коль закончишь до моего возвращения, ступай к деревеньке. Ты, Аловый — бегом в Весёлки. Земледелить там будешь, — ухмыльнулся я, решив прибить двух ушастых.

— Смилуйся, господин, вечер же...

— Ну так быстрее беги. Доложишь Мёде, старосте тамошней, что самодур и глупец, над людишками глумился не по делу. И чтоб к труду тебя приставила. Ну а нет — нет места тебе на земле моей, а в Пуцу и твари оттянут. По кусочкам! — добавил я уже в спину бегущему мужику.

Заехали в деревеньку, повелел я теперь Олошу старостой быть, взял симурга, да и надиктовал сообщение для Мёды.

Так мол и так, стрибожичий староста зазнался больно, да ко власти больно жаден стал. И теперь земледел он, под её началом, если добежит. Ну а нет — сожрали его, да и леший с ним. А Мёде сие урок, какой — пусть сама покумекает.

Подумал, да и добавил, что Мил в поместье заночует, раз уж заодно — то и сказать можно, что б бабе его не дёргаться.

Ну и поехали мы с купчиной в поместье. Его к слугам намылил, а сам к трону своему поднялся, служанок призвал, ну и повелел Любе рассказать, как и что в ентной гимназии.

И выходила с ней такая петрушка: заведение это имперского рода, то есть государственное. Учатся в ней и девчонки, и парни, в разных “светлицах учебных”, то есть классах. И ещё с нюансом: есть в гимназии пансион, тоже поделённый на мужской и женский, в котором, кстати, необязательно ученик пребывает. Живут там, в основном, родовичи из малых родов окрестностей Ростока, которым до дома добраться — приключение немалое. И Люба в нем же жила — хрен знает, почему: может, и ради “девства сохранения” бредового, которого и нет, по сути.

Далее, коитус в пансионе запрещён, вот вообще. Причина тоже ясна, вроде как: дети будут стопроцентно, рода разные, да и не родовитых сколько-то. Но многие в городе “гуляли”, лишь ночуя в пансионе. Иначе бы порвались и лопнули, как факт.

При этом, Люба подтвердила косвенно подмеченное по уже прочитанному “осуждение гомосексуализма”, как мужского, так и женского. Но очень “избирательно”, судя по всему. То есть родовичу никто слова не скажет, а простым людям — нельзя, вплоть до порки

стрекалами публичной. Что, в общем-то, может и смертью закончиться легко: стрекало — не только инструмент, но и оружие.

Например, сама Люба обитала с родовой из младшего рода, и вся из себя покраснев, призналась, что “любились в шутку”.

То есть, у её соседки на городские загулы банально не было денег — род Домычей был нам относительно соседен, и про одну деревушку я и сам знал. На кой девку отправили в гимназию — я не понимал, но было так. Ну и лесбиянствовала она с Любой, причём служки пансиона их за этим заставляли... и ничего. А вот пару парней и девиц неродовитых за это дело публично пороли до потери сознания.

В принципе, я не понимаю, на кой это нужно было вообще в гимназии. Особенно учитывая “гуляния” большей части. Разве что, с межполовым сексом гимназия, по договору бравшая на себя обязательства, не хотела связываться. А вопрос с гомосятиной — это уже “политика партии”, причём, как показывает закон, не только гимназическая, но и в целом имперская. Причина-то, в общем, понятна, и с точки зрения “централизованного государства”, к которому, судя по всему мне известному, стремился императорский род — оправдана.

А вот с предметами выходило так: математика не дотягивала даже до алгебры, хотя довольно требовательна к начертательной геометрии. Что на “искусстве чародейском” было — Люба, как понятно, не знала. Много художественных дисциплин — от стихосложения до изучения литературы, “мирознание” — география и карты, история — последняя крайне “политизирована”, как и империеведение — отдельная дисциплина, полная “величия Императора”.

Философия, риторика, домоводство — последнее было вообще основным предметом, судя по всему. Уход за живым домом, уход за живыми вещами, как понять, годная еда или инструмент, как ухаживать, чем кормить. Пейзановодство — как управлять и погонять простыми людьми, с основами психологии и прочего.

Секс — причём на “фалоимитаторах и куклах”, именно как практический предмет — возможно, кстати, причина “неразрывания и нелопанья”. Как, что, куда, и прочее. Кстати, тоже учебника по сему предмету не было, чисто практические занятия и лекции, как мужа ублажить. У парней, предполагаю, было внаоборот.

В общем, довольно странный выходил набор знаний, крайне неторопливо выдаваемый и, как по мне, настроенный на три вещи: патриотизм, не любовь к земле и роду, а именно преданность на уровне ценностей государству. Второе — создание умелой жены, это понятно. И третье — закладка базиса под становление чиновником или работником имперских производств. Слишком подробным, детальным и прикладным было знакомство с “живым инструментарием”, нахер “умелой жене” не нужным.

Да и управление людишками выходило не только родовыми, но и имперскими вроде рабочих и прочих подобных типов. Именно “подчинёнными”, а не “крепостными” или “рабами”.

Смушал меня момент с отдающими отпрысков родовыми, конечно. И гиперразвитой риторики с философией, по сравнению с прочими науками, хотя, если прикинуть “родовые знания-умения”, то менталистам-имперским это выходило “профильным”.

Ну, в общем, любопытно, как и то, каким вернётся Стризар — мне почему-то представляются выпученные глаза и “Ол хайль, Император!” Впрочем, не факт, что так и будет — пропаганда не столько “оголтелая”, сколько “бытовая”, что указывает на вполне

развитые знания разработчиков.

И да, монополистом эфиропечатания, как и на “костяник” (живой короб, изрыгающий костяные пластины документов с эфирной вязью), был имперский род.

Так что, поужинав, вместо чтения завалился я и стал подводить итоги узнанного и последних дней.

Итак, Империя действительно централизуется, причём “старшие рода” явно ослабляются. Стрижичи сбежали, Хорсычи продались, а младшие рода явно “продались за знания” — не имея “прошитой” программы эфирного оперирования, они вынуждены ей учиться, параллельно получая прививку “имперскости”.

При этом есть два фактора, мешающих Империи всех взять к ногтю и стать полноценной Империей, а не “центральными землями”, с россыпью феодалов родов вокруг. Первое: слабая рождаемость. Не столь тяжёлая ситуация, как в Замороженном Мире, но всё же похуже, чем “залёт от одной капли спермы”. Младенческая смертность фактически нулевая, но детская и взрослая — высока. В общем, Империи банально не хватает людей для планомерного заселения территорий.

И второй — острова. Родовичи оттуда с радостным улюлюканьем набигают на Имперские земли, за людишками, биоразработками и прикола ради. Родовые же устраивают подобные же визиты вежливости островитянам. А вот Империя без родовых — не вытянет в чисто военном смысле.

Полукровки, которые младшие роды — ну туда-сюда. Хрен знает, на самом деле — всё зависит от продвинутости “чародейских искусств”, но не тянут, пока, по крайней мере.

А так — девять родов, за вычетом фактически отсутствующих Стрижичей и явно “одворянившихся” Хорсычей — это “бояре”. Малые рода — явные дворяне. Ну и имперский старший род, который хрен знает как называется — цари, которые анператоры.

Самое забавное, что мне от всего этого ни тепло, ни холодно. Наше место — в Жопе Мира, и Стрижичи, запирающие Голодную Пущу своими деревеньками — скорее нужны Империи, да и прочим. Вон, какие-то там ододеревнённые дворяне могут позволить себе дочурку в гимназию отправить, потому что через Лог не прёт зверьё.

Причём, подозреваю, на центральных землях Пущи “заказники”. Но там и народудохрена, а так — судя по скупке, части с тварей мануфактурами востребованы.

И, похоже, хмыкнул я, “Башня Чародея” у меня будет, только в Логе. Бросить пейзажрука не поднимется, да и не так плохо тут, если по совести. На этом я пожмякал скользнувшую под новую шкуру Олу, да и заснул.

И ошалело завращал уже эфирной башкой: эфир моего пребывания был заполнен... криками и эмоциями. Вот блин, хрен знает, как иначе охарактеризовать не “объект”, а “состояние” окружающего эфира. Ощущения, крики, стоны, слова — калейдоскоп всяческой хрени, причём... не послание или что-то такое. Походило на оттиск в эфире, дрейфующий (а область состояния смещалась) в эфирном плане.

Причём Архив вообще не понимал, что я от него хочу, воспринимая ощущаемую мной дичь как “просто эфир”. Единственное, что указывало не на бред — область “уплотнённого” эфира, примерно соответствующая “области состояния”.

А так — эфир и эфир. Блин, ни хрена не понимаю, Архив ни хрена не понимает. Ну ладно, не встречал — и не встречал, допустим. Но почему оттиски мышления (а иным это быть не могло вообще) сотен и тысяч людей дрейфуют по эфиру? Причём, в области “пребывания души”? Скажем так, это весьма специфическое и не особо доступное место,

судя по всему, мне известному.

Тем временем облако оттисков оттащилося в куда-то дальше. Вообще — ещё один бардак. Пока его не было, не было направлений, кроме двух: от меня и ко мне. А тут добавилось, блин. Ну, надеюсь, свалит, и всё вернётся в норму. А то не быть центром своей вселенной — некомфортно как-то, хмыкнул я. Да и призадумался, а что это вообще за хрень-то тока шо была?

Интерполяция, экстраполяция, индукция и дедукция и прочие когнитивные упражнения после часа дружно развели лапами, ну и с видом лихим и придурковатым доложили: “хрень неведомой этиологии, хрен знает, откуда и нахрена нужная, насяльника!”

Порадовавшись могучности своих мозгов, я сплюнул, да и вернулся в тело — хрень утопала, а я бы, на самом деле, просто поспал.

И, блин, застал не спящую и ворочущуюся Олу. Принюхался и чуть не взвыл:

— В охотке? — со слабой надеждой, что это у меня глюки, после ударных потрапушек.

— Немножко, Стригор Стрижич, перетерплю, — был мне ответ красной и елозящей девицы.

Ну, блин, теоретически я, конечно, могу, подумал я, на что тело попыталось упасть в обморок. Ну да, как-то совсем перебор.

— Так, Ола, бегом в ложе к Любе, — нашёл выход я.

— А-а-а... — выпучила на меня глаза девица.

— Всё проверишь, почувствуешь, потом мне доложишь.

— Исполню, Стригор Стрижич, а...

— Иди давай, не мучься и меня не мучь, — шлёпнул я ойкнувшую девицу по попе.

Вот вообще, совсем и вообще, хмыкнул я, засыпая вновь.

7. Тощий песец

Утро встретило меня Олой, деловито тащащей за собой Любу. Девицы были нагружены тазиками пожрать — что более чем оправданно, оставили ложе... и я чуть не оросил вставших девиц полупережёванной пищей.

Дело в том, что Ола, подёргивая за руку краснеющую Любу, в деталях начала докладывать “как справлялись с охоткой”. Ну-у-у... забавно, как минимум, оценил я, дожав (внутренне доржав) и дослушав. Реально забавно, но дел невпроворот.

— Стригор Стрижич, скажите... — замялась Люба.

— Говори, не мнись... просто говори, — хмыкнул я.

— А вы не против, что мы с Олой... любодействовали?! — как с обрыва прыгнула, сказав купеческая дочка.

— Так я ж сам Оле наказал, — напомнил я. — И, ладно, слушай: вы — мои. И мне угодно, чтоб вам хорошо было. Ола в охотке была, ты, как я припомню, тоже не против, — на что последовал смущённый кивок. — И что мне, самому надрываться? Отдохнуть надо, отъесться, — окинул я руками тазики из под “завтрака”. — В общем, что вам там в гимназии наплели — мне похер. Но друг с другом — можно, позволяю, а если я не могу, а хочется — так и велю! — воздел перст я. — Всё, давайте, посуду приберите, а у меня дела.

Почистился новой охрененной щёткой, предварительно “пропотев” — реально, вещь! Ну и потопал барствовать и указания мудрые раздавать.

На самом деле, до одури хотелось в книги уткнуться — но нельзя, блин. Дела сами себя не сделают, а структура “феода” такова, что делать будут только указанное. Не по злобе или забастовке — а чисто социокультурный формат. Более того, за “своеволие”, в плане проявления инициативы, можно и огрести. Вот народ и ждёт, пока “благой Стрижич скажет”.

Недум, в принципе, часть обязанностей тянул, да и тянет, но он всё же дед уже. Не “въехал” в новые реалии пока, так что пока всё сам.

— Ми-и-ил! — огласил я двор поместья зовом. — Недум!

— Блага вам, господин Стрижич!

— Благого утра, Стригор Стрижич!

— И вам всякого и благого, — хмыкнул я. — Мил, будешь ты на бегуне разъезжать, за домами и рассадой приглядывать. Но у нас Пуща под боком, жаль бегуна... да и тебя, — хмыкнул я. — Так что дам тебе двух охранителей из слуг своих. Недум, пару мужиков покрепче со стрекалами сообрази. Чтоб с рассветом в Весёлки на бегуне приезжали, Мила везли сначала в Топляки, потом Стрибожье, ну и в Весёлки в конце.

— А после, Стригор Стрижич?

— В поместье после, что им в Весёлках делать. И так каждый день, пока дома не разрастутся и ограда не сформируется.

— Дык кого ж отобрать-то, — вслух задумался Недум.

— Ты ещё скажи, что два десятка человек в поместье света белого не взвидят, всё в трудах и заботах.

— Не скажу глупость такую, Стригор Стрижич. Однако и без дела не сидят...

— То, что дело им придумываешь — это ты, Недум, молодец. Но сейчас не придуманное, а важное дело. И где Гден? — прищурился я на деда.

Дед вид принял непричёмистый, а я поорал, подзатыльник стрекальщику для Недума выписал — ну не хрен моими указаниями ценными пренебрегать! — и призадумался, наблюдая за усакивающим на бегуне Милом со слугами.

Всё или не всё? Ну, в смысле, могу я почитать спокойно или ещё хренью какой барской маяться надо? Уже совсем решил, что “всё”, но понял, что “кошу”. Вздохнул, посмотрел на Недума, рядом стоящего.

— Пойдём, старик, — выдал я.

— Как повелите, Стригор Стрижич. А зачем?

— Ты будешь мне и служанке сказки рассказывать, на вопросы отвечать. И её послушаешь, в гимназии училась.

— Где Стризар Стрижич учиться изволит?

— Там, Недум.

И устроил я у себя до обеда “обзорный разбор полётов”. Вообще — очень нелишним оказалось, хоть и не книги. Недум вещал о быте пейзажном — вот казалось бы, Стригор всё жизнь тут прожил, а нихера не знал. Ну ладно, тонкости размещения навоза и “дряни” — органических отходов. А вот например та же “семейное устройство” — вещь немаловажная, познание которой ограничивалось покрытием “баб в охотке”.

И вот, кстати, довольно любопытный момент: в деревеньках моих процветал классический коммунизм, в самом что ни на есть прямом смысле. То есть, те же спиногрызы были... общими. Родство практически не учитывалось после отдачи эмбриона в “родильную избу” повивальной бабе — весьма уважаемой тётке, что и понятно. Несмотря на не слишком тяжёлую работу, должность была чертовски ответственная, в поместье была она на “ведьме”.

А вот дальше происходил любопытный момент: “своего” спиногрыза женщины, да и мужчины, “сердцем чуяли”, “запах родной” — ну тут понятно. А вот лактация женская была, судя по всему, завязана на специфический состав слюны младенца и с родством не связана. Потому большая часть детей была общинными. И воспитывались “устоявшимися парами”, мужем с женой, то есть. Ничем, к слову, к “браку” не понуждаемые, но зачастую проводящие вместе всю жизнь. Как я понял, именно “инстинкт” родительский отрубался на втором году жизни ребенка.

И были “многотрахи” и “многотрахицы”, были моногамцы и моногамицы. “Семя Стрижичей” в эту систему не входило, пребывая “над ним”, но, например, очень меня удивил факт, что некоторые замужние пейзажки, родившие Стрижича, отдавали ребёнка “подружкам”. Недум на этом моменте мялся, говорить не хотел, но негромкое волшебное сочетание слов “Стрекало и Гден” показало свою неборимую колдунскую силу и раскололо престарелого “партизанена”.

В принципе — понятно и, опять же, вполне терпимо, отметил я. Хотя, конечно, пейзаж банально жалко — не в плане, что я их трахаю — в этом случае вопрос скорее, что обидятся, если не буду. Сколько в плане развития и потенциала. Подумал я, да и пришёл к неутешительным выводам: пейзажить моим людишкам, даже если я зад порву, ещё очень долго. И учить читать-писать я их... не буду.

Дело в том, что Болотный Лог — сложившийся и устоявшийся социальный конструкт. Пейзанам я могу предоставить лучшие условия жизни — это факт, этим я, собственно, и сейчас занимаюсь. Могу, как Стривед, трахать всех баб без роздыха (только порадуются) либо начать расширять генофонд (чем заниматься ТОЧНО буду в заботе о своём времени и ЛИЧНОЙ жизни: конвейерное осеменение к “личной” относилось от слова “никак”). Мног

что могу, но не переделать их из пейзажей в “гордых кого-то там”. Это просто убьёт Лог и их, как это ни смешно.

Вариант “обеспечить всех колдунством” теоретически есть, но, блин, они сядут на шею и ни хрена не будут делать, факт. Что мне откровенно и нахрен не сдалось.

И выходит, что пейзажам я могу давать “удочку покруче”, а никак не “рыбы побольше”, это ещё один непреложный факт. После этого нужно, чтобы социум “устоялся”, и только тогда сформировать новый класс... ну положим “просвещённых пейзажей”, причём делать это через детей. И дело это на десятки лет, если вообще стоит этим заниматься — я вот, признаться, не особо готов класть жизнь на формирование у пейзажества Лога “интеллигентского сознания”. Банально лень, своих дел хватает, да и если вести социальный эксперимент — то точно не в нашей фронтальной Жопе Мира. Это “благоприятные условия” нужны, гораздо больше ресурсов и время.

А вот Люба выдавала информацию по “городским порядкам”, зачастую, в книгах не отражённую. И по “Центральным землям”, насколько она могла судить по рассказам, конечно: была она в них лишь в детстве, мало понимала и помнила.

И выходило, что я прав: Империя неспешно централизуется, предоставив охранную функцию землям родовичей. Которых в центральном регионе, старших родов, в смысле, толком и не появляется.

Далее, сказать, что государство “сословное”... ну, наверное, можно, хотя это не вполне так: на центральных землях все простые люди — по факту, “собственность” имперской фамилии. Больше половины населения Империи, кстати, судя по книгам.

И вот среди “своих игрушек” имперцы и наводят “классовое и сословное” деление. В писанных законах родов же сословия всего два: родовичи и людишки.

Далее, большая часть младших родов — так или иначе интегрированы в Империю. Как за знания, так и за “богатство”. Кстати я, как и, очевидно, все Стрижищи — дворяне. Поскольку не безраздельно владеем “землицей”, как нормальные рода, а получаем их по “ярлыку”. Вообще — момент спорный. Если служака младшего рода в центральных землях и вправду “милостью императорской” имеет деревеньки, а то и городки, то Лог... ну смешно, по большому счёту. Начиная от весьма оспоримого права Империи выдавать земли, которые она, по сути, не контролирует, заканчивая тем, что участок земли, перекрывающий выход из Пуши, никому нахрен не нужен, скорее наоборот.

И выходит такая картина: Империя старшие рода не контролирует как государство. Они “равные”, но. Под прикрытием родов Империя создаёт и потихоньку расширяет централизованное государство. Даже помогая родовым — дружиной “среднеродских” магов, ресурсами и людьми. Постепенно уничтожая сам смысл родовых земель, проводя прецедент “реализации законов Имперского рода” на территории рода чужого, вплоть до перевода старшего рода в дворяне, как Хорсычей.

И с архипелагами выходит всё не так однозначно: Империя “захватить” их, скорее всего, не потянет. Но вот отбиться, с вырезанием нахрен нападающих — без проблем. Но не делает, потому что нахрен надо. Бережёт ресурсы, людей, тогда как воюют родовые. А Империя “помогает” этим “равным”, постепенно делая их “должными”, а потом и “подчинёнными”.

Понимают ли родовые, что их ставят раком? Ну часть, безусловно, “да”. Но против Империи ни один род не вытянет, ни два, ни три — нужно, чтоб все или большая часть возмутилась “попранием свобод”, попёрли дружно на имперских, обессилев победили... и

были порабощены и разграблены набигающими с Архипелагов.

Так что, похоже, смирились. А Империя “не давит”, права и свободы родовичей прямо не ущемляет: ну смысл доводить до бунта и взаимной гибели? И так всё имперским станет, если не сейчас, то через несколько сотен лет.

И выходит, что Империя — ни хрена не “феодалное средневековье”. А Возрождение, с находящейся в процессе централизацией власти. Ну и, безусловно, со своими, “цивилизационно-биологическими” свистелками и перделками. Например, фантазия о “равенстве людей” тут не работает даже теоретически — “равный” родовой охреначит “равноправного” эфирной манифестацией. Естественно, возникновение оружия на физике если бы не уравнило “совсем”, то сделало более равным, факт. Вот только имперский род, как я уже отмечал — не идиоты. И “уровнителей” не дают, только “слегка равнители”, выводящие простых человек с уровня “добывающих пищу пейзажи” на уровень “ещё где сгодятся”. Ну и властвовать и доминировать над в чём-то понимающими послатце, чем над безропотным быдлом. Последнее чисто теоретически так выходит.

Это у нас политота. Ни хорошая, ни плохая — такая, как есть. Для социума Империя благо, для родовых... если не зло, то угнетатель. Сложилось так, по объективным причинам: центральные земли материка, с аж шестью Голодными Пущами, оказались для Империи прекрасной стартовой платформой — подозреваю, зверьё оттуда вылавливается и используется в пуле биотехнологий “изготовлено Империей”. При этом, внешняя агрессия приходится на прочие рода, ну а набрав популяцию — Империя начала ползучую социально-торговую экспансию.

Видимо, Стрижици прочухали картину ещё несколько сотен лет назад, она их не вдохновила, но прочих родовичей не убедили. А Имперский род реально силён, и в одно рыло Стрижици не справлялись либо ослабили бы неприемлемо. И свалили, не желая терять власть, на острова.

Для людей в целом, кстати, Империя — безусловное благо. Не будь её — простые люди пейзажили бы кверху жопой, даже не задумываясь об образовании или уровне жизни. Пожрать есть и жив — и слава “длинный список богов-родоначальников”.

И в какой социум это вылилась на текущем этапе? Ну, судя по всему, как раз в этакую условную Францию времен Ришелье. Без агрессивной экспансии на родовых непосредственно, а только опосредованно. Без гендерной сегрегации “в общем”, но с её оттенками, а, главное — жесткое влезание государства если не в рода, то в личную жизнь простых людей. Та же моногамия и именно “семья” не как репродуктивный союз, а именно “ячейка общества”. Империи это нужно и выгодно, отсюда и запреты на гомосексуальность — не хер херней маятся, Империи нужно больше человек!

Всё это прямо, безусловно, не озвучивалось: вещали Недум и Люба, слушали друг друга, отвечали на мои вопросы. Немало поднимала мне настроение до доброй улыбки Ола — сидела в сторонке, глазами на говорящих лупала, ушками вращала — ну реальная милота. Но слушала и запоминала, хотя, видно, понимала не всё.

Ну и как резюме можно сказать, что и “хер с этой политикой”, хотя интересно, конечно. До Болотного Лога все енти занятные пертурбации, с учётом неторопливости, доберутся не за одну сотню лет. Но продукция нужна, как и денежка и люди: например, теоретически, набрав сносную и продуктивно добывающую ингредиенты в Пуще популяцию, можно создать “добывающее производство” ДО “здрави” имперских чиновников.

И когда Империя придёт на порог, то есть вероятность “прогнуться” (а это придётся,

факт) не раком с раздвинутыми булками, а в несколько более удобоваримой позе. Причём, именно для “всего анклава”, а не для барственно-магической верхушки.

Хотя, конечно, геморно и лень. Но, время есть, реально не одна сотня лет. Так что на обучение его хватит.

В общем, получив информацию от Недума и Любы (и друг с другом они ей обменялись, тоже фактор), пообедал, разогнал всех нахрен (фигурально выражаясь — Люба с Олой пристроились с листом книги в уголке комнаты), я приступил к разгульному чтению.

Читал всё подряд: анализом информации имеет смысл заниматься после накопления должной базы. Ну и наблюдал за проращиванием заказанных Управителю столов, а девчонкам — ещё и сидений. Пусть нормально учатся, хотя как шаз, скрестив ножки на полу — даже чисто эстетически чертовски приятно выглядят, без “гормону”. Впрочем, рассмотреть я их и так со всех ракурсов могу, да и не только рассмотреть. А переводить закупленные листы бумаги удобнее за столом — на шкурах пола им явно неудобно.

После ужина Ола залезла под шкуру ко мне — и опять заворочалась, шибая феромоном. Блин, похоже, лейсбийские ласки не прекращают гормональный бум, а выравнивают его. И психология, блин... В общем, отправил девицу к Любе повторно, заодно убедившись, что “без меня” они не обойдутся. А сам стал, раз уж сложилось, просеивать эту “охотку” Архивом, как женскую, так и мужскую.

Весьма сложный и поливариантный механизм, завязанный как на психологию, так и физиологию, оценил я по итогам. Для возникновения “охотки”, нужен ряд взаимозаменяемых факторов: здоровье, сытость, фертильная яйцеклетка у женщин (последняя наличествует постоянно, кроме трёх дней месячных) и потенциально готовый к соитию партнёр. А вот дальше — море разлитых вариантов. От психологической нужды до феромонного обмена. Вплоть до того, что две разнополые особи человека не “в охотке”, но в одном помещении. И вот, положим, парень глядит на девчонку и думает “ябвдул, но не сейчас, а когда захочется”. И всё, отвлёкся. При этом, организм отреагировал выделением запаховых маркеров, довольно незначительно. И девчонка, которая вообще о трахен-трахен не думала, вдыхает. Причём даже не осознаёт — просто организм отмечает “самца, который б вдул”, проверяет состояние, ну и даёт феромонный ответ “ну-у-у... в принципе можно”. Сама же девчонка об этом даже не думает, но вдруг чувствует, что и не против, смотрит на парня и начинает феромонить. Тот вдыхает, и через десять минут — взаимный и с удовольствием трахен-трахен.

Ну это так, сферически и в вакууме. В теории механизм регулируется волевым усилием, хотя чтобы его полностью контролировать и подавлять — нужна стальная воля. Ну и нужда в “подавлении”, что, по большому счёту, редкость. Те же мои служанки: Люба просто не имеет опыта подавления “охотки”, спасибо лекарству. А Ола желания и нужды — ей хочется, но проще потерпеть, пока Стригор Стрижич “в силу войдёт”, чем над собой издеваться и принуждать.

На этом тело уснуло, а я продолжил изыскания в эфире — что логично, даймон в сне не нуждался, но что удивительно — спать при желании мог. Чисто “по желанию”.

И вот, приносят мне значит, с утра, девицы очередные тазики пожрать. Потребляю, они заходят, прибирают посуду, а я вдыхаю и понимаю, что последствия конвейерного осеменения меня отпустили. Ага, обрадовалась моя похотливость, частично заткнув, а частично консолидировавшись с любознательностью. Ух, как я сейчас девчонок приятно и небезынтересно отжарю! И пару... нет, даже на три часа на чтение забью...

— Песе-е-ец! Стригор Стрижич, песе-е-е-ец! — донеслось со двора.

Ну, блин, точно писец. Всем и каждому, в особо жестокой форме, расстроился я, да и стал вспоминать.

Песец — это рептилия с птичьими элементами, промежуточное звено между ящером каким и зверем. Знакомая не только Стригору, но и персонально мне тварюшка: это эти скоты голубоглазые тело Гемина схарчили. Я вот на них тогда не дёргался особо, что оправдано, а вот дёргаться не мне — стоило, что оправдано также.

Четырёхногая песцовина, без шерсти, но с весьма прочной и эластичной шкурой. Задние копыта несколько длиннее передних — прыгают, скоты. Далеко и метко, хотя двигаются всё же не прыжками. Буркалы на выдвигаемых ниточках, притом имеют глазницы и даже щитки на них, при опасности. Голубые такие, с раскидистыми ресницами — последние, не будучи волосами, подозреваю, исполняют функцию электролокации, как головные иглы.

И самая прелесть этих песцов — пасть. Треугольное вытянутое рыло с россыпью зазубренных крючковатых зубьев внутри. И расходящаяся на три треугольника “челюсть без челюсти”. Основу “челюстей” составляли на диво прочные, но относительно гибкие хрящи, ну и чертовски сильный мышечный каркас.

И разверзает эту гибкую трёхлепестковую пасть песец, прыгает ей, развёрзнутой, на свой пожрать и начинает убегать. А куски мяса пожратя выдираются смыкающейся пастью, оставляя глубокие рваные раны. Не говоря о том, что пасть эта пакость не чистит, так что “подранному песцом” человеку ещё и срезать часть раны стоит.

А изюминкой этих трёхчелюстных голубоглазиков является то, что они, сцуко, стайные паразиты. Всегда кратные трём, в основном — шестёрками, редко — девятками, ну а про дюжину и пятнадцать только Стривед байки рассказывал.

Не очень страшные: биодоспех твари не прогрызали, как и Индрикову шкуру, не хватало прочности у хрящевой челюсти. А вот пейзамам и коровам пиздец — эти паразиты жрали, пока жрётся, раздувались шарами, но продолжали жрать. И что самое херовое — пока что-то шевелится — атаквали именно шевелящееся, поубивав это. А потом жрали добычу, если не прибить и не отнять — не один день.

То есть, если бы не выделенные мной доспехи — писец был бы не просто полным, а писец-писец. Пастухам, стаду, да и немалой части пейзамам. Ни хера стрекала против шестёрки, а то и девятки песцов не помогут. И немалые потери подведомственного пейзамства огорчали моё домовитое сердце.

Но доспех песцам не поддастся, пастухи будут бегать и рыпаться, да и самострелы... ни хера не помогут толком, признал я. Но отвлекут. То есть песцы сейчас в футбол пастухами играют, скорее всего даже стадо не особо портят (вот как ни неприятно, а целостность стада критичнее Топлякам в целом, чем жизнь пастуха-другого).

Хм, смеси, отравы-кислоты, заметалась мысль и получила по думалке: не стоит метаться, как птиц безголовый. Сначала — изучение, потом — компиляция и анализ. И потом за практику. Те же “яды-кислоты” — против кого? Песцов, может, и возьмёт. А псоглавцу только закуска будет, не говоря уже о Лихе.

Нет, пока действую в рамках намеченного: изучаю наличную базу, думаю, а только потом что-то делать буду, а то нихера толком не выйдет.

Пока думал мудрости эти, притопал в мою обитель взъерошенный Недум. Песцы, шестёрка, напали, как я и думал.

— Недум, ты вот о чём подумай, — хмыкнул я невольному каламбуру. — Я вот

разъезжаю, как бы мне симурга приспособить, чтоб мог я послание передавать? А то только получать выходит. И не пошлешь вас, бездельников, к лешему, — посетовал я.

— И не пошлешь, бездельники как есть, Стригор Стрижич, — покивал Недум. — Так соображу, отчего не сообразить: в корм симургам сок василька добавить, через пару седмиц молоденький и народится. Вам его с собой возить, да молоком с каплею крови поить. Тогда вас за дом принимать и будет.

— Если так — пои васильками. А я — пошёл, — метнулся я по лестнице, немало напоминая себе одного небезызвестного волка.

Вскочил на Индрика и поскакал к Топлякам. Блин, а там опять бабы... мысленно взвыл я. Скажем “нет” конвейерным потрахушкам, окончательно решил я. Это, блин, не смешно ни разу, и не хочу. Точнее хочу, но у меня служанок и так полон дом, блин! Соберу завтра старост и построю график приемлемый, а то пиздец, как он есть, выходит.

Под эти размышления до Топляков я и доскакал. Мил, кстати, паразит такой, отсиживался в деревеньке, а не ухаживал за домами жопой к небу!

— Мил, шучий сын! Почему делом не занят?!

— Так песец, Стригор Стрижич, не гневайтесь.

— Я сам тебе писец устрою, морда ленивая! Где песцы?! Не зрю! Пшол трудится, блин! — задал я педагогическим пинком вектор саботажнику, да и уставился на старосту.

— Блага тебе, Стригор Стрижич, заступник наш! — заславословил староста, поддержанный “задним вокалом” прочего топлячьего пейзажа.

— По делу, — отрезал я. — Где?

— На четвертьсолонь, благодетель, пара вёрст, — уж Михутка и Фароб с ворогом милостью твоей...

— Угу, — угукнул я, выдвигаясь в указанном направлении.

По дороге обнаружил тройку воронов, питающихся говядиной. Последняя, очевидно, разбежалась, но Лог — не коровье ранчо, так что харчуны на говядину нашлись.

Прибил паразитов на ходу каденцом — моим пейзажам говядина полезнее. Ну и доскакал до мизансцены “противостояние нихера не могущих сделать песцам пейзаж с нихера не могущими сделать пейзажам песцами”.

Последнее, кстати, было явным преувеличением: метрах в двадцати валялся в мёртвый труп в съезживающихся биодоспехах. Видимо, сломали насмерть, вздохнул я, отмечая двух живых, но заметно поломанных пейзаж.

Песцы на новую цель, в наших с Индриком мордах, отреагировали ахреневанием. Несомненно — в атаке, очень, видно, тварей раззадорили неубиваемые пейзаже.

Тройка паразитов буквально с места рванула на нас в прыжке. Одного кладенец если не располовинил, то ощутимо надрубил и сбил, скулящего, на землю. Второго поймал пастью Индрик, довольно отмыслемоционировавший: “Еда сама в пасть лезет! Хорошая еда, однако!”

А третьего я решил магически-исследовательски задушегубить. Тварь плюмкнула челюстями по “лифчику” доспеха (произвольно меняющие форму и даже количество полости в нагрудной части, по сути — карманы), попробовала их пожевать, безуспешно и начала глазки свои подлючие закатывать, падать оземь, сучить лапками и всячески помирать.

А я получил ценный опыт — воздух вполне мне подвластен и в лёгких, причём эфирной твари. И для того, чтоб вражину удушегубить — совершенно не нужен вакуум какой.

Довольно игры со структурированием — основы воздушного лезвия, создание эфирно-кристаллической “газовой решётки”.

То есть, лезвие — это примерно десятая часть молекул воздуха в области “эфирного проявления”, которые структурированы в лезвие. Я делаю стопроцентные лезвия в шесть молекул — ну это вопрос отдельный.

Так вот, структурировав в лёгких твари ТОЛЬКО кислород, я лишил её его самого. Притом, извне поступали такие крохи, что даже не смешно, и на альвеолы попадали такие слёзы, что они есть, что их нет — без разницы.

А смысл опыта был в том, что песок — тварь магическая. И надо было натурно понять, будет ли внутри егойных лёгких достаточно эфира для сопротивления. Оказалось — не было, так что порыпался песок и помер.

Поглядел я на выталкиваемый биодоспехом из “лифчика” обломанный клык, заодно понял, как твари пейзаж так поломали сильно: прокусывать-то не прокусывали, но цепляли и дёргали.

А оставшаяся троица, то ли постарше, то ли по жизни умнее, рванула к пуще. Ну а я с гиканьем и улюлюканьем за ними: помимо того, что надо популяцию уменьшать, за ряд trebuхи и челюсти песцов мануфактура давала весьма приличные денежки, как я выяснил.

Правда, Индрик, пролот, треть преследуемого финансового благополучия сожрал, акула капитализма, блин. Ну да ладно, ему можно, решил не гневаться я и зарубил парочку песцов кладенцом. Им же зацепил туши и поволок за недоумённо оборачивающим голову скакуном.

Дошёл до поломанных пейзаж: шевелились, стонали и вообще не особо боеспособны. Даже в ноги бухнутся толком не могли.

— Лежать, — прервал я славословия. — Я в Топляки, приведу людишек. Песцов моих не жрать! — уточнил я на всякий.

— Как не жрать, господин Стрижич? — офигел один пейзажин, да и второй очи выпучил.

— Никак не жрать! Ни ртом, ни чем вы там ещё жрать удумаете — чтоб не жрали! — понятно объяснил я, двигая в Топляки.

Они денежек стоят, а в Росток можно всякого полезного закупить.

На подъезде к деревне увидел я удаляющегося бегуна, ну и ускорил Индрика, Мила перехватив.

— Не гневайтесь, Стригор Стрижич, все обиходил...

— И молодец, — отметил я. — Стрибожские дома денёк без обихода не помрут?

— Не должны, так-то раз в три дня надо, но вы повелели...

— Правильно я повелел, присмотр не лишней. Но сегодня — не нужен. За мной езжай. И Щек, Дум, — обратился я к “телохранителям” — вы зверьё разделять умеете?

— Умеем, Стригор Стрижич, как не уметь, — закланялись стрекальщики.

— Вот и ладно, — умеренно порадовался я, ведя бегуна за собой.

На месте перетащили поломанных в бегуна, туда же доспех, самострел и стрекало мёртвого. Направил я Мила в Топляки, с наказом вернуться тотчас, как поломанных сгрузит, да и напустил телохранителей на песцов.

В принципе — и сам мог, благо кладенец есть, и Стригор разделявал не раз. Но лень и вообще, а эти и так ездят, нихрена не делают. Ну а с разделкой — какой-то хренью, но всё же заняты.

Подумал я, а нужны ли мне тощие и в рабстве пейзажи — и решил что нахер. Они и так не слишком тучные, а статус их, в общем-то, и так не особо от рабского отличен.

Тем временем, Щек и Дум песцов разделали, а я, завернув челюсти в снятые шкуры, стал их в индриковы сумы утрамбовывать. Тут дело вот в чём: полостные карманы, хоть и требовали чистки время от времени, но были, не без помощи эфира, антибактериальны напрочь. И не портилось там ничего и не гнило. Для трофеев с животин — самое то, подозреваю, специально сделанное.

Тут подвалил староста Топляков с народом, заславословил всячески.

— Помолчи, Трисил, — хмыкнул я. — Давай по делу. Коров людишек послал собрать?

— Как есть послал, Стригор Стрижич, — закивал староста.

— Годно. Пастухам поломанным, может, Макось потребна? Знатная ведьма.

— Дык, Стригор Стрижич, и наша Поливна — ведьма не из последних, поставит мужиков на ноги.

— Ну смотри, проверю. Ладно, задержался я...

— Стригор Стрижич, не гневайся! Девы семени... — замолчал староста обзревая дулю у носа.

— Через три седмицы, Трисил, дождутся. Не до дев мне ныне, дел невпроворот. И прибудь с рассветом в поместье. Других старост тоже позову, будем порядок в осеменении этом наводить, — сам себе пробормотал я. — Всё, поехал я. Чтоб на рассвете был!

И ускакал нахрен. Тоже, паразиты такие — девы там, лона алчут. А у меня трофеи и общее улучшение быта подведомственного пейзажа. И моей барственной персоны...

На этом я несколько приуныл — мне, блин, опять пару дней не читать, но что делать... Зато... а почему бы и нет?

В общем, добрался до поместья, наказал сумки индриковы не трогать, разослал симургов старостам.

И слуганок своих решил... ну не знаю, порадовать наверное.

— В город хотите съездить? — огорошил я Олу и Любу вопросом.

— Э-э-э... — подвисла Люба, тогда как Ола глазами засияла, закивала радостно. — А зачем, Стригор Стрижич? Надоел... Ой! — последнее девица изрекла в ответ на шлепок по попке с пожмякиванием.

— Глупости не неси, Люба. В город на день по делам. Ола и не выбиралась из поместья никуда, почитай, всю жизнь. А ты и развеешься, да и поможешь рухлядь отобрать, про которую врала завлекательно. И... леший, девки, спать идите, — хмыкнул я, глядя на темноту. — На рассвете выедем.

— А с вами можно, Стригор Стрижич? — спросила Ола.

— И мне? — потупилась Люба.

— Можно, но любиться не будем сегодня — времени нет, — отрезал я.

Правда, когда два горячих тела юркнули под шкуры я чуть не передумал. Но, внутренний голос выдал: “пррревозмогай!” — с несколько иным оттенком, нежели раньше. Ну на самом деле, успею.

Девчонки поворочались, по мне ладошками поелозили, но всё же уснули. А я, совершив подвиг аскезы и воздержания (ну реально, самого начала бесить “ведомость”), удовлетворённо уснул. Правда, в несколько ином смысле, нежели хотело тело, зато в том, в котором желалось мне.

8. Погибельная матримониальщина

На рассвете проснулись вместе: я от извещения Управителя, девчонки от воплей со двора “благому господину Стрижичу”. Это старосты мои припёрлись, указания мои мудрые слушать.

Ну а я, намылив девчонок за пожрать, себе и им, направился ожидаемое раздавать. И Недум, камергер грибной, в сторонке ошивался, уши грел. Но Гден острекаленный над пенсионером бдил, так что я лишь кивнул одобрительно на “блага вам, Стригор Стрижич”.

Ну и славословия старост завернул, а развернул свою речь:

— Значит так, старосты. Зверьё я бить буду, как и вас оборонять — сие и право моё, и долг. А вот с девками, как прежде — не будет...

— Не погуби, Стригор Стрижичь, не лишай семени Стрибожьего, помрём...

— Цыть! — рывкнул я на Мёду и даже не стал поднимать: нравится бабе коленями траву протирать — пусть её. — Естественно, осчастливливать лона я буду, сам понимаю, что надо. Но не как ранее: есть зверь — любодействую, нет зверя — нет. Введём очередь, и по времени всё будет. Через три седмицы наведаюсь в Топляки, осеменю, — мат я опустил, будучи охерительно культурным. — Через семь седмиц — в Стрибожье. И через одиннадцать — в Весёлки. И дом новый специальный заведите, где я с девами любиться буду. Из тех что растут, — уточнил я. — Будет любодейская или, — хмыкнул я, — ёбская изба.

— Не гневайся, Стригор Стрижич, — выдал Олош.

— Посмотрим, может и не буду. Чего хотел-то? — кивнул я свеженазначенному старосте.

— А отчего так, а не как ранее?

— Дурень! — протянула поднимающееся Мёда. — Сам-то хоть одну девку в охотке ублажи, со всем чайньем! А Стригор Стрижичу подчас и пару десятков приходится, сила Стрибожья в нём, но на всё видно не хватает... Ой... — наткнулась баба на мою ехидную физиономию взглядом, бухнулась в траву, стала её не только коленями, но и любом протирать и заблажила. — Прости меня, Стригор Стрижич, дуру грешну-у-ую-у-у.... Не губи-и-и...

— Верещать прекратила, — хмыкнул я. — Да и права Мёда. Отец мой, Стривед Стрижич, коему бы жить не один век — через то и помер. Сил-то много, но и усилий слишком много, не вынес.

— Так детишки же, Стригор Стрижич...

— А на коего лешего я вам новых людишек везу? — уже возмутился я. — Будут детишки. И вы это... ну не заставляйте, но способствуйте, если с новенькими сходиться будут. Не они промеж собой, а с урождёнными у нас людишками. Но чтоб без принуждения! — явил я кулак. — Домик новый вне очереди, послабление в труде таким парам — не на глупости, а чтоб любодействовали, на срок небольшой. Уяснили?

— Уяснила, Стригор Стрижич, мудр ты, — начала опять подниматься Мёда.

— Ну вот у бабы спросите, если сами не поняли, — фыркнул я. — И, кстати, Мёда, на кой я Аловья тебе прислал — уразумела?

— Чтоб трудился, рожь обхаживал, дрянь прибирал, — приняла старостиха вид лихой и придурковатый.

— Мёда, — ласково улыбнулся я.

— Поняла я, Стригор Стрижич! Да ни в жисть...

— Ну вот и хорошо, — кивнул я. — Всё, исполнять слова мои мудрые, а то дел невпроворот.

Перекусил, причём с девчонками — времени ни хрена, не до чинства. Ола ушки прижимала, страшилась, но после того как я, да и Люба, ей еды с рук в рот пихнули — отошла, поулыбалась, да и захрустела пропитанием.

А у меня вырисовывалась такая картина: я кучу всего провтыкал в Ростоке, что, в общем, и неудивительно. Ехать я туда собирался, но как минимум после “осеменения Топляков”. Однако песец настал моим планам. Не критичный, скорее приятный, но. Тех же девчонок Индрик прекрасно доведёт вместе со мной: здоров, как лошадь, даром что акул. Но мне в любом случае в особняк хочется часть вещей прикупить. Например, Люба закатывала глаза, описывая “баню”. На самом деле именно баней, судя по её рассказам, купленный “батюшкой в имперских землях” биоконструкт не был. Да и воды, как таковой, не содержал: по любиным словам, это этакий “икрин” с тёплой жидкостью внутри, метров двух с лишним диаметром. И именно мыться там не стоило, только чистым влезать. А там он и температуру повышал, и даже “пузырьками и струйками булькает, приятно очень, Стригор Стрижич”.

В общем — джакузя, как она есть, гидро и пузырьковый массаж, и вообще хочу, да. И не только: мне вот сейчас на девчонок ошейники нашеить придётся, а это мне не очень приятно. Ну и вообще, костяник докуметопроизводящий нужен. Что я за барин, раз документ соорудить не могу?

И Стризара всё же навестить: судя по сказанному Любой, в саму гимназию мне “не можно”, но обитатели пансиона в перемещении не ограничены. Да и, по уму, средство перемещения братцу надо предоставить: конец занятий скоро, три месяца. Ему до Лога добираться, а встретить я не факт, что смогу.

В общем, дела есть, но в свете того, что покупки делать надо, задумался я о том, а не взять ли бегуна. Ну и если брать — то девчонки в нём поедут спокойно. А то у меня гормон играет, ехать с ними в обнимку приведёт к закономерным последствиям. А у меня достаточно происшествий было, чтоб понять — в дороге надо за округой следить.

А то займусь я посреди пути сексом, а пакость какая, разумная или нет, меня в жопу услужливо подставленную уязвит. И, по совести, сильно повезёт в таком раскладе, если только отымеет. А мне и такое “везение” ну вот совсем нахрен не надо, не говоря о невезении.

Так что через полчаса выдвигались мы в сторону ростка одвузверь: я на Индрике, проявившем высокий уровень артистической одарённости, всячески страдаю и мучаясь напоказ от “переполненных” сумок. Ну и девчонки на бегуне, который по причине отсутствия толковых мозгов артистизмом был обделён, топя, куда надо, без мизансцен. Сами они читали, точнее, Люба читала вслух, а Ола внимала — я не вспомнил, но Люба смотрела на книжный ларь такими глазами, что не понять было невозможно. Так что выделил несколько листов из уже прочитанных, сказки всякие, про земли и людей, ну и повязку читабельную не забыл.

Ну а я, несколько “продвинувшись” в понимании не столько даже магии, хотя и в ней тоже, сколько тела и сенсорных возможностей, как себя, так и Индрика, “дал шпоры”. Времени было мало, уложиться в Ростоке следовало в один день, причём именно этот. Индрик тянет, а бегун — за ночь в Ростоке отдохнёт.

В общем, миновали мы трактир ещё до полудня, а к Востоку подъезжали не только засветло, но и часа в два пополудни где-то. Стражи из молодёжи Хорсычей наличествовали незнакомые, но табличка документа их с моим проездом смирила. На девчонок бросили лишь взгляд, отметили ошейники, но пырились если не “пубертатно”, то пристально. Да шаз, моё, мысленно хмыкнул я.

В чистом городе, пройдя стражей, я, не мудрствуя лукаво, направился в Сень Хорса — бегун явно подустал, а мне он ещё нужен.

— Накормить, обиходить, — ткнул я пальцем в бегуна служке Сени, взглянул на девчонок, простёр в них перст. — Не обижать, накормить, оби...

— Не гневайтесь, Стригор Стрижич, вы же за покупками? — выдала Люба, явно испуганная собственной смелостью, на что я кивнул. — А с вами можно? Мы рядом побежим, Олочке интересно, да и я посмотрела бы...

Ну, вообще, прикинул я, я девок с собой брал как раз чтоб на город посмотрели и развлеклись.

— Нечего рядом бегать, — хмыкнул я. — За мной поместитесь, Индрик вытянет. Поедем, трофей сбудем, людишек в остроге глянем, — на что Люба заметно передёрнулась. — Не бойсь, — хмыкнул я. — На Индрикe меня подождёте. Потом к гимназии, с братцем словом перемолвлюсь, ну и костяник возьму, — определился я. — А после сюда вернёмся, бегуна возьмём, да за покупками. Время не позднее, всё успеем, — прикинул я.

Индрик от бабского нашествия страдал артистично, мыслеэмоционировал в стиле “Никто меня не любит, никто не понимает. Вот помру я под ношей невыносимой, жестокой Стригоркой на меня взваленной, вот что хозяин делать будет?”

Но на ответный образ в виде колбас, окороков и прочей индричатины акул собрался и бодро потрусил к мануфактурьей скупке, мыслеэмоцирнуя уже: “А я чо? А я ничо”.

Скупка челюсти и требуху специально обученным человечком на кондиционность проверила, да и скупила хабар за весьма приятную цену. Ну а я двинул к острогу: демографический вопрос меня волновал по массе пунктов, аж перечислять лениво. Правда, если людишки будут — задержит наше возвращение, но в целом, как я прикинул, оправданно.

По дороге наткнулись на лотошника, громогласно оповещающих о “жар-птицах вкусных, лакомых, сладких, как девы лоно, как мужа уд!” Ну вот хрен знает, меня маркетинг не впечатлил, но Люба на вопрос выдала:

— Сладко, вкусно, Стригор Стрижич. Из фиалок императорских творят. Я люблю... очень, — потупилась девица.

Ну, любит Люба — пусть будет. И Оле, да и я попробую. Хотя маркетинг... мдя, ухмыльнулся я, закупая этих “петухов на палке”. И не стал жрать: меня, признаться, оттолкнул не рекламный слоган, а вид. Уж не знаю, что за жар-птица послужила прототипом — у нас не водилась, в книгах пока не встречал. Но товаром были натуральные ктулхи на палочке. Щупольцастые, крыластые и вообще пакость. Не буду я такое жрать, веско постановил я.

Но девчонкам несколько штук, благо разноцветные ктулхи, со слов Любы, имели разные вкусы.

И был подло обломан Олой, которая сунула мне под нос облизанного ктулха и выдала: “попробуйте, Стригор Стрижич, вкусно очень и сладко”, — аж зажмурилась девица. Ну не

обижать же, мысленно вздохнул я и снял с ктулхи пробу. И... ну карамель, в общем, с цветочным привкусом. И вправду сладко, не поспоришь. Так что похвалил, по щеке довольную Олу погладил и оставил лакомство ей. Ни я, ни Стригорье тело сладкоежками не были, нам бы клюкву... Древовидную, раскидистую и с сенью, хмыкнул я.

Добрались до острога, где встретили меня, как родного. Знакомый чин с сожалением развёл руками — с утра некий паразит увёл у меня из-под носа пяток пейзажных семей. Ныне только трудяги мануфактурные, да тати разной степени душегубности. Подумал я, да и решил на пролетариат местный взглянуть, да и полюбопытствовать, не желает ли он сменить благоустроенный острог на пейзаж в Логе.

Акым также наличествовал и, шепелявя, отвёл меня в подземелье.

Там располагались четвёрка именно семей, подчас с совсем малыми детьми. Что меня, уже ознакомленного с рядом “имперских законов”, не удивило. Семья в имперских реалиях была именно “семь я”, где один за всех и все за одного. Один объект для закона, скажем так. Накосячил, положим, мужик — жена и дети также отвечают. Последние, правда, до обзаведения своим домом. Ну и приживалы, ежели такие есть, также в “коллективно ответственную единицу общества” входят. Правда, с детьми мне повезло: обычно мелких, насколько я понимал, разбирали сразу: воспитывали потребных человечков.

С другой стороны, силком тащить... А с третьей, мне что, спрашивать их, в конце-то концов? Пусть радуются, что семьи не распадутся, а так — мануфактур у меня нет, будут аграрствовать со страшной силой жопой к небу. Ну и генофонд Лога улучшать, не без этого.

— За что в острог загремели? — полюбопытствовал я, кивнув в сторону пещер.

— Тык, гошпотин Шртишыч, жнамо жа што — товар мнуфатурный попортили, бежтельники.

— Хм, ты, — тыкнул я в мужика, вслушивающегося в разговор. — Почто товар испортил?

— Смилуйтесь, господин Штришыч, невиноватые мы! Седобор, управитель товар негодящий купил, дык мы-то откуда знали? А товар и попортился, а мы виноваты во всём оказались, — понурился мужик, что учитывая его коленопреклонённость, было непросто.

Но справился, хотя чёрт знает, конечно, что там в мануфактурах всяческих творилось. Может, и вправду сырьё дрянное, а эти — виноватые, которые непременно, согласно этноменталитету, должны быть. А, возможно — косячники ленивые, криворукие. Впрочем, мне, по большому счёту, похер: в Логе саботажничать соседи и старосты не дадут, ну а мелочь — вообще пейзажить будет со страшной силой.

— Беру всех, семьями, — отметил я.

А пока их обошейничали (карапузов, кстати, тоже), я радовался мудрости своей. Вот не прихватил бы бегуна, покупать бы пришлось: спиногрызов много, всех родные не уташат на скорости приличной. При этом, пятый бегун мне хрен знает, на кой сдался. Хотя тройка на перевозку урожая и не помешает.

А на выходе, когда я уже взгромоздился на Индрика, один мужик запнулся и что-то замычал.

— Говори, что хотел, — хмыкнул я.

— Господин Штришыч, а вы часом не Стрижич из Болотного Лога? — закланялся мужик.

— Часом он самый и не Шртишыч, а Стрижич.

— Ой горе-е-е-е... — заголосило несколько баб, правда, не все, да и мужик побледнел и

на землю бухнулся.

— Так! Вой прекратить! Ты, — ткнул я в мужика, — не смей помирать, когда моя родовитость с тобой общаться изволит! Ответствуй, как на духу: чего бабы орут, и ты от службы достойной улизнуть, подло померев, пытаешься?!

— Так не гневайтесь, господин Стрижич, так Лог, почитайте, Пуща самая, людишки мрут и мы...

— Дурак, — хмыкнул я. — И вы дуры, — просветил я подвывающих баб, к которым после слов “Пуща” присоединились товарки. — Полтыщи человек живут, сотни две с полтиной лет. И всё помирают — не помрут никак. А вот с вами сразу всё, научатся. Пуща — рядом, но живут у меня людишки, не жалуются. И вообще, ты откуда, щучий сын говорливый, узнал, что я Стрижич?

— Не гневитесь, господин Стрижич! Индрик-зверь у вас, а никто, кроме Стрижичей, ими и не владел.

Хм, вот не знал, мысленно хмыкнул я. Нет, взгляды на Индрика видел, да и слова стриведовы, что Индрик ценнее всего, что есть в Логе. Да и нечастые конные в Ростоке были на каких-то недоразумениях, с горбом. Морда сальная, то есть сомовья, жопа колоссальная, как есть. Но мало ли, может, мода на усы вислые и жопы увесистые. Да и учитывая количество родов и биоразработок — неудивительно. Но вообще, надо со зверюгой разобраться, посмотрел я на зверюгу. Зверюга на меня, башку акулю повернув, повзирала скептически, но отмыслеэмоционировала “хозяин хороший?” причём именно с вопросительным посылом.

“Хороший, хороший, не будет тебя научно-исследовательски вивесексировать”, отмыслеэмоционировал зверюге я.

— Так, выстроились и потопали со мной! — решил я разброд и шатание будущих пейзажей прекращать. — Тому, дурни и дуры, радуйтесь, что семьи ваши все вместе. А то баек наслушавшись, на мой гнев праведный нарывааетесь. А меня в Пуще... боятся, да.

Чуть не заржал, да и замолчать успел. А то реально: “каждый песец знает”. Уважаемый со всех сторон в Голодной Пуще Стрижич человек, фыркнул я.

Ну а паникёры эти... ну разве что затыкаются иглами волосяными насмерть. Только хрен выйдет, а всякие суициды и прочие “гормона прекрасные порывы” местная физиология не подразумевает. И вон, пошли, как миленькие. А вот начал бы я убеждать и уговаривать... Да бабы бы до сих пор рыдали бы, и вообще, дисциплины поправление и барственных прав моих.

Догнал пейзажское пополнение до Сени, сдал служкам. Бегун немного отдохнул, так что сгрузил я девиц на него.

— Стригор Стрижич, вы же брата вашего уважаемого, Стризара Стрижича навестить хотели, — тихонько пискнула Люба.

— И костянику купить, не во гнев вам будет сказано, Стригор Стрижич, — добавила Ола, покраснев и испуганно поджав ушки.

— Знаю, но не с собой же этих плакс таскать было, — хмыкнул я. — Наблюдательные и памятливые какие, — с улыбкой уставился на девиц, которые, не зная, как реагировать, очень забавно копошились.

И поехали мы за документооборотным биоартефактом. Последний был в разы меньше, чем у писца — там “Имперские бирки и ярлыки творятся, господин”, пояснил мне служка. А мне коробочек выдали, сантиметров двадцать на тридцать, аж “пять документов породить

может, словеса представить надо, на него длань положив, да силу чародейскую в конце приложить — вот и будет документ”.

Денег, правда, содрали, паразиты, две с лишним сотни гривен. Мироеды и вообще несимпатичные люди, думал я, двигая к гимназии. И за Любой искоса наблюдая.

Вообще — занимательное было зрелище. То окрест посмотрит, нахмурится. Но на меня взгляд бросит, на Олу, да и на листы книжные — улыбнётся. А если, если подумать, учитывая все реалии Беловодья, то девка если не на “вершину жизни” забралась, то уж точно и не на дно. К “вершине”, для неродовитой, всё же поближе выходит.

Гимназия, как понятно, располагалась в “чистом городе”, но нам надо было не к ней — довольно комично-пузатому двухэтажному и широкому зданию белого коралла, а к “пансиону”, вход в который Люба указала. Стояли там два типа, со стрекалами, но без доспеха — педели или ещё какие служки. Ну и “со всем почтением” уведомили благородного меня, что в пансион “не можно”.

— Знаю я, — хмыкнул я. — Мне Стризара Стрижича видеть потребно, родня он мне. И, — подкинул я крошечную пластинку аж в десять копеек.

— Сей момент сообщу. Как доложить, господин?

— Стригор, род, чай, не забудешь, — выдал я, после чего, как ветром, сдуло служку.

Вернулся он через минуту, с мордой столь скорбной, что я решил денюжку всё же втюхать, чем-нибудь нагрузив болезного.

— Обучаемый Стризар Стрижич вне пансиона обретается, господин Стрижич.

— И где — не ведаете, — хмыкнул я.

— Не ведаем, господин Стрижич.

— Ладно, тогда так. Конюшня в пансионе имеется? — уточнил я Любины слова.

— Как есть, имеется.

— Тогда скакуна возьму, да послание напишу, коль не явится к моему возвращению. Передадите? — на что служки наперебой закивали. — Вот и ладно, — подытожил я.

Гуляет, с-с-студент, хмыкнул я. Ну да пусть гуляет, пока в лапы мои эксплуататорские не попал.

И направился я, чтобы дела родственные завершить, к барышнику звериному. Причём знакомой морде, которую я принудил бегунов поменять. Морда знакомая при виде меня стала столь приветлива, что поставь рядом не то что молоко, воду — и то бы скисла, невзирая на невозможность этого. Ну, приятно, когда тебя знают, порадовался я.

— Скакун нужен, — поделился я радостью с торгашом.

— Как изволите, господин Стрижич, — радостно ответил торговец. — Для дев ваших?

— Отчёт ещё перед тобой держать? — полюбопытствовал я с доброй улыбкой.

— Велес упаси, Стригор Стрижич, да рази я такое помыслить могу?! Просто скауны-то разные у меня, вот и интересуюсь.

— Да? — приподнял я бровь, на что кивками барышник чуть башку себе не оторвал. — Ну тогда ладно. Но очи протри — не видишь, что ли, украшения нашейные?

— Простите слепошарого...

— Посмотрим на твоё поведение. Родович, взрослый, скакун боевой, навроде Индрика.

— Да уж где нам Индрик-зверя-то иметь, — посетовал торговец. — Но глядите, хороший горбунок.

И отвёл меня к зверюге с щучьим рылом и горбом. Ну... до Индрика не дотягивает, конечно, но ничего зверюга. И не врёт торговец, так что с ещё парой сотен гривен я расстался.

Но с торгаша ещё и данные поимел, кто щук да сомов разводит. А ведя щучью морду к пансиону, прикидывал.

Итак, Индрик у нас выходит чуть ли не трёхсотлетний. Ну, две с полтиной сотни лет ему точно есть. Потому как Индрики — Стрижичий биоэксклюзив. И затерявшиеся предки в Жопе Мира как одного имели, так и я имею.

Однако ымперцы своими генетиками, хотя, судя по виду щучьих и сомовьих скакунов — химерологами с не шибко прямыми руками, разработку попытались воспроизвести. И в целом — пожиже, дым пониже, но ничего себе так. А Индрики если и встречаются, то у Ярычей, которых мои родичи набегами тревожат и некоторый списочный состав и имущество оставляют “за беспокойство”.

Ну и да, цены на этих единичных Индриков запредельные, да и не даёт цены никто толком. Потому как живут недолго, в отличие от моего.

Ну а генетикой у имперских точно не пахнет, поскольку имея клеточный образец, вывести клона — не проблема. Значит — наследие биоцивилизации в плане “геномомешалки на интуитивном управлении”, которую тычут и получают сынов щучьих всяческих.

Ну да ладно, хотя любопытно и мысли о не шибко высоких базовых знаниях при доступе к шибко высоким биотехнологиям, подтверждает.

Довёл я щурёнка до служек, на руки сдал — как Люба, так и они божились, что “не сведут”. Припёрли мне ручку-бумажку, за что десятью копейками, с учётом последующих трудов, были вознаграждены. Ну и на Индриковой хребтине (сначала саботажничал, паразит, а потом хребет как стол сделал. Правда ктулху на палочке пришлось мыслеобещать — акул унюхал и слюни ронял на лакомство) разразился эпистолярщиной такого толку:

Благ будь, братец Стризар.

Дела рода нашего, тебе прекрасно известные, моего присутствия в Логе Болотном, почитай, неотлучного требуют. Однако памятуя об учёбе скором окончании, хотел встретиться да узнать, нет ли нужды у тебя какой. Не застал, но до рассвета завтраго пребываю в трактире Сень Хоруса и видеть тебя, да и помочь при нужде, буду рад.

Притом, коль не случится оказия такая, оставляю тебе скакуна в зверинце пансиона, дабы до дома родного мог добраться невозбранно. Труд приложу, чтоб тебя по окончании обучения в Ростоке встретить, но Болотный Лог — место беспокойное, так что как выйдет.

За сим прощаюсь, блага желаю, брат твой Стригор Стрижич.

Совершив над ни в чём неповинной бумаженцией сие эпистолярное надругательство, всучил я её служкам, да и направился в торговые ряды. И в особняк излишеств всяческих моей барственной персоне угодных присмотреть, ну и вообще взгляд бросить.

С зародышем баньки вопросов не возникло — был, приказчик крест на пузе не рисовал исключительно в силу нераспространённости в Беловодье этого казнийного приспособления. На тему что всё в поместье с управителем ладно будет и вообще.

Я кулак на всякий случай явил — не утратился, так что будем считать, всё сносно. И принимаюсь. Пахло в лавке на удивление приятно... фиалками?

— Фиалками тянет, — полуконстатировал-полуспросил я.

— Как есть фиалки, господин. Не желаете ли?

— Не знаю ещё. Яви, обскажи, а я подумаю, — резонно выдал я.

— Те самые, из которых ваших ктул... жар-птиц ладят? — вполголоса полюбопытствовал я у стоящей рядом Любы.

— Те самые, Стригор Стрижич, — покивала девица.

Тем временем приказчик припёр горшок, обитатель который меня немало позабавил, да и удивил: выглядела эта “фиалка” как белая тыква сантиметров тридцати радиусом, из которой вместо черешка пёр здоровенный цветок. Не фиалки, а скорее лилии какой — натуральная цветоножка, без стебля. Сам цветок был голубоватым, с довольно затейливым узором, смещённым в инфракрасный спектр. Пах приятно.

А вот дальше шли удивления: ни хрена это было не растение, а животное, это раз. Далее, была эта животиная довольно эфиронасыщена, это два.

Пристрастный допрос установил, что этот довольно недешёвый биоконструкт предназначен для “лакомства, благоухания и украшения”, растёт как в почве, так и коралле. Жрёт, проглот такой, мясо и требует для жизнедеятельности “силу чародейскую”, хоть “толику небольшую”.

Девицы на меня так смотрели, что я б купил, даже если бы просто для красоты было, но было это не вполне так.

Я вообще, благо статус позволял, лапу вскинул в плане “не галдеть” и призадумался.

Итак, со сладким, вообще-то, в Беловодье неважно. Не вообще, но для людишек уж точно. Мне-то, например, те же яблоки с их кислинкой вполне заходят, но... Недаром “сладко” сохранилось как синоним “хорошо”. И с половым занятием сексом “сладость” сравнивают, тоже фактор.

И вот, выходит, что для “людишек” сладкого-то и не выращивается. Пул известного аграрствования просто не содержит данного “баловства”. При этом, у родовичей есть енти фиалки. Прикольная штука, дающая не только запах и вид, но и слабодоступное лакомство.

И денежек, кстати, данная фиалка приносит каким-нибудь хорсычам пожиже вполне сносные, судя по ктулхам на палках и ценам на них. Это я, охотник на монстров, охрененно денежен и вообще, а так-то двадцать копеек — дохрена денег, на это мануфактурный трудяга с семьёй день живёт, а то и два.

Ну да не в деньгах дело. Вопрос в том, что мясо и эфир — это... туши мной забиваемых тварей. Которые не поедаются целиком, а подчас сгнивают. И как мне под окном фиалковый газон пригляден, так и пейзажу моему сладкое не помешает.

А ещё эти мысли позволили внутреннему голосу достучатся до сознания, породив диалог. “Дурак ты, Отмороженный”, — вещал он. — “Сам дурак, но в чём-то ты прав”, — ответил я.

Итак, выходит такая петрушка. Я думал, у моих пейзажистов генетика Стрижичей, тырыпыры. Это, конечно, так, но в целом, моё пейзажничество выглядит не хуже родовичей. Чуть смазливее, чем прочие людишки, девки, чуть поплечистее, да и на морды не столь отвратны мужики.

И выходит, что это следствие пожирания набитой добычи. Эфир, чтоб его, как он есть. И рождение одарённых — не факт, но тоже может стимулироваться мясом твари колдунской.

И как это выглядит: зарубил, положим, я песцов. Ну шкуры, часть trebuхи, челюсти — это понятно. Но мясо зажевали пейзажане, не пропадать же.

Так вот, эфир, пребывающей в теле, пластичен и послушен желанию. Без органа управления — хрен наколдунствуешь, хотя, если подумать — варианты есть. Только не используются, потому что никому нахрен не надо. Но на чёткое и страстное желание отреагирует и, в рамках своих возможностей, осуществит.

И далее получается такая картина. Кто-то желает по сильнее-красивее стать, кто-то — здоровее. А кто-то детёнок. Для рождения мага от меня этого... да тоже не хватит, крохи, да и трахал девок Стригор сразу после твари убиения. Но, после этих потрапушек, вне зависимости от отцовства — чадобум. Не всеобщий, но в рамках прямо скажем, инбридинговой генетики Лога и защиты от патогенных мутаций — реально снисходит “благословение Стрибога”.

Это-то ладно, но вот в чём дело. Будучи Отмороженным, я жрал тварей, куски магов и качался с силой страшной в плане магии. Качал орган чисто эфирный, источник. Но совершенно не факт, что тот же надсердечник от эфиронасыщенной пищи (пусть и не уровня Земного Края, конечно) не получит буст к развитию. Вплоть до того, хмыкнул я, что в центральных землях могут быть натуральные “культиваторы”. Пилюль из монстров вряд ли навертишь, но в целом некий буст “эфиронасыщенное питание” дать может.

Ну да ладно, проверить не помешает, но надо уже вердикт выдавать. А то стоят, молчат, очами на мою задумчивую персону лупают.

— Ола, Люба, возьму я фиалки эти. Но расти будут они под окном дома. Силой колдуской я их поддержу, но уход и прочее за ними — на вас будет. Согласны? — две радостно кивающие мордашки стали мне ответом. — Сколько есть фиалок у тебя? — обратился я к приказчику.

— Дюжину найду, господин.

— Тащи, — распорядился я.

И вот, помимо баньки, нескольких живых шкур, но не одеяльного, а подстилочного и даже простынного типа (на трон мой вполне подойдёт, на ложе, да и вообще, классная штука) погрузили на бегуна дюжину фиалок. Тем временем Индрик во мне чуть дыру буркалом укоряющим не проглядел, так что пришлось искать ктулху на палке. И девчонкам брать, на чём я аж задумался и в полумедитации проверил. Но нет, слюна антибактериальная, в пасти почти стерильно у нас, а значит, кариозными монстрами в постели я не обзаведусь.

И направились мы в ряды аграрные, и бродили по ним до сумерек. В принципе — мелочей набрали, но не сказать, чтобы бесполезных. Жужелицы специальные, для яблонек, от паразитов. И плодятся, как и фиалки, к слову, что весьма неплохо.

Ну и травок всяких, специй, в основном. Вполне укроп был, а я его уважаю в еде и пейзажу своему разводить и уважать велю, довольно заключил я. Девочку прихватил, в номере разместил, думал уж яйца выкатить... А они спят. Вымотались, впечатления там всякие и прочее.

Ну, в принципе, без их хотелок феромонных не так уж и хочется. Да и кто-то там возвещал, что он примат. Не только биологически, но аж духом над телом, ехидно всплыло в памяти. Так что, наверное, посплю просто, заключил я.

Да и место для секса не то, чтобы небезопасное... Но дома лучше.

С утра ввалившаяся служанка, помимо внушительного пожрать, передала мне записулину. От Стризара, а значит — не совсем загулял братец.

Блага тебе, брат мой старший, Стригор Стрижич.

Радостен я, что не забыл ты меня за эти годы, за дар твой вельми благодарен. Однако ж, нет нужды тебе от дел родовых отрываться ради нужд моих. Да и не испытываю я их, по совести. Даром своим ты единую нужду решил, да и то, добрался до Болотного Лога я б и без скакуна.

Засим ставлю в известность тебя, что по окончании учёбы с соучениками моими отпразднуем мы, а тотчас после — направлюсь я в земли родные, тебе на подмогу и на пользу. И в сопровождении нужды не испытываю, буде оказия случится — справлюсь, в чём тебя уверяю.

Брат твой покорный меньшей, Стризар Стрижич.

Ишь, с-с-студент, хмыкнул я. Не забыл, понимаешь. А денежки на учёбу и содержание Стригор, видно, прикола ради посылал. Ну да ладно, в памяти Стризар довольно симпатичный карапуз был, а что выросло — посмотрим. Ну и что караулить недоросля сего не надо — тоже неплохо.

И выдвинулся мой караван после завтрака из Ростока. Девчонки ехали со мной на Индрике, поскольку недра бегуна были забиты всякими полезностями и спиногрызами пейзажными. Последние телепались нога за ногу, с лицами скорбными и печальными. И, очевидно, чтоб отдалить свидание с Болотным Логом, телепались нога за ногу.

Логика охеренная, тихо фигел я. В Логе, значит, смертушка неминуемая. Поэтому будем ползти, как улитки, ни хрена не успеем в трактир, ну и сожрут нас не в Логе, ночью.

Попокрикивал, постращал ночью без крыши — немного ускорились, на пару минут, и опять — еле копыта свои пролетарские переставляют.

Достали, саботажники, возмутился я и стал охаживать отстающих кладенцом по ленивым жопам. Не в боевом варианте, как понятно, но вроде, с трудом, через задницу, но до пролетарских мозгов дошла связь между “ходить быстрее — не огрести люлей”. И даже в жизнь это воплотили, замечательные люди, фыркнул я.

Ладно, мне это пролетарие до деревеньки довести, до Топляков, наверное, да и забыть, как страшный сон. К Мёде не стоит, а то бабка реально короной обрастать начала. До Стрибожья далековато, так что Топляки — самое то.

Ну а специально обученные старосты пролетарщину всякую из бошек быстро выбьют, на социально полезное пейзажничество заменив. На то и специально обучены.

В общем, дотелепался караван потихоньку до трактира. Уже в сумерках, так что остановка была просто необходима. Служки стенающих пролетариев (а не хер жёпы в луковицах отращивать. Ну реально, десятичасовой рабочий день по текущим реалиям — не то, что гуманно, а жоподутие для мануфактурных работников от Империи выходит) в огороженное место завели, корм задали, сеном спальным обеспечили. Бегуна также, кроме сена.

Кстати, на соседней площадке тоже караван с людишками обретался. Видно, кто-то из соседей в Росток заатарился, прикидывал я, двигая Индриком к трактиру.

В “благородном стойле” обретался горбатый сом довольно внушительных габаритов. Индрик, в стойло заведённый, впрочем, на сома поглядывал с насмешливым превосходством, даже мыслимоцию выдал в стиле “зелен виноград”. Что учитывая его габариты более сома на треть, не меньше — в принципе, оправданно.

Ну и завалился я в трактир, оплатив стол и кров. Девчонок со служкой направил, а сам стал пожрать выбирать — в трактире этом на постояльцев специально готовили, ну а я сегодняшнюю ночь рассчитывал разнообразно и небезынтересно провести, что с учётом дороги потребует пропитания как до, так и после, да и с утра поплотнее.

Наказывать-то толком не успел, как с жилого этажа спустился родович. Высотой я его немного превосходил, но в плечах сей дядька меня мало, что не в два раза шире был. Что довольно, к слову, странно: физиология беловодских к выраженному половому диморфизму

склонна не была, треугольники вверх-вниз острыми концами были редкостями, мной только у нескольких девок “вверх” виденных, ну и вот сейчас “вниз” на родовиче.

Биодоспех, кладенец на поясе — дресс-код соблюден. Весьма в годах — лет под пятьдесят на вид, но не старик, так и пышет жизнью. И рожа смугловатая, с жёлтыми буркалами. А кто енто ты такой красивый, причувствовался я, входя в полумедитацию.

И, выходило, что предо мной “смесок”, младший род, то есть. Причём смесок Стрижичей и Хорсычей — эфир “ощущался” как эфир “низкотемпературной плазмы”, с оттенком “высокотемпературного окисления”. Огненный эфир, не плазмы, а именно огня — видно, “гены сыграли”.

И кто это такой красивый-то, прикинул я известных соседей и нихера не понял: Стригор знал разве что, сколько примерно деревенок, ну и кому в бубен бить сразу и без разговоров. А кому — можно поговорить и не бить.

Ну да ладно, представлюсь, да и узнаю.

— Приветствую, Стрижич, — вдруг выдал дядька с улыбкой. — Стригор, если не ошибаюсь? Я-то Погислав Погибич, видеться-то мы не виделись, — ещё раз улыбнулся он.

Вывалился я в эфир и начал доступное шерстить. Погибичи, младший род, соседи непосредственно нам — полдня от Весёлок до ближайшей погиблой деревушки. При деде, как упоминал Недум, общались, точнее, дед общался иногда. Стривед — не общался, впрочем, он, кроме сидра и баб, разве что на Стригора со Стризаром отвлекался ненадолго.

И всё, ни имён, ничего. Ну да ладно, поздороваюсь да пообщаюсь с соседом. Интересно, что скажет, интересно, какую форму приняло смещение альвеольного композита Хорсычей и надсердечника Стрижичей.

— Приветствую, Погибич. Стригор Стрижич я, верно вы сказали. Рад знакомству.

— И я рад с внуком Стримысла знакомство свести. С батюшкой вашим мы и не общались, всё в делах он был, а ведь соседи близкие. Ну да то дела былые, не откажетесь со мной сидра выпить, Стригор Стрижич?

— Отчего бы не выпить, Погислав Погибич.

И сказал я это... ну не сказать, что на свою голову, но вскоре дядька стал раздражать. Излишней многословностью — ну это-то ладно, бывает, да и в черед “как мы со Стримыслом гудели” были крупницы и дельной информации.

Например, я окончательно определился с “типосоциальными группами” языка. То есть, пейзаже в принципе общались языком архаичным — ну и не удивительно. Даже “вы” было редкостью, уважительность определялось полным именем и приставкой “благой”. Был язык почти современный, с минимумом “поеликов”, был письменно-церемонный.

В общем, через трёп Погибича я окончательно определился, “с кем как” в рамках нашей Жопы Мира вести диалог. В других местах, может, и по-другому, но это проблемы других мест.

Вторым полезным, точнее, небезынтересным моментом было то, что органом эфирного оперирования Погибичей оказались лёгкие. Не слой “увеличенных альвеол” Хорсычей, у матёрых из мной проверенных разраставшийся в лютый лабиринт в лёгких, а именно лёгочная ткань. А “широта плечевая” собеседника связана с развитием колдунского органа: лёгкие, и именно лёгкие росли, расширяя и рёбра грудной клетки, и плечевой пояс.

Дядька выходил эфирно сильнее меня раза в полтора, кстати.

И польза на этом кончалась. А вот негатив... блин, ну вот не сказать, чтоб вот охренеть какой гад, но! Начал вменяемую беседу дядька с того, что задал вопрос.

— А девки мимо меня проводились часом не ваши, Стригор Стрижич?

— Часом мои, служанки.

— Ну да, одна прям с вами одно лицо. А продайте их мне, ценой не обижу.

— Нет, — отрезал я с милой улыбкой.

Блин, я и так знаю, насколько мы с Олой похожи. И генетику нашу разбирал, блин. Но педалировать это неделикатно, о ряде вещей я просто старался не думать. Ну и девать девчонку, изначально воспитанную как постельная грелка и более ничего не умеющую — я не хочу. И понимаю, что в любом другом месте ей банально будет хуже — я её если и не “люблю”, то действительно хорошо отношусь и в благополучии заинтересован.

Ну и вообще — увидел девчонок, так сразу “куплю”, купец нашёлся. Даже бороды для седины нет, а уже бес в ребро.

— Ну нет так нет, — слегка поморщился от лаконичности Погибич и продолжил трындеть.

Вторым моментом было то, что этот деятель отгрохал уже семь деревенок. Ну молодец, не спорю, вот только узнав, что я прикупил людишек, как я и думал — вскоре после него, он громко и долго сокрушался, пусть и полушутливо, но ставя это мне(!) в претензию.

То есть, Лог и земли Стрижичей прикрывают этого паразита (ну и вообще всех) от основной части тварей Пущи. Река в районе Лога уходит под землю, делает его болотным, ну и выходит далее. И сухопутный путь от Пущи только через нас. Летучих тварей не так много, а через реку протопать даже у жоруна порошу не хватит — там у Пущи такие “рыбки”, что с костями схарчат.

В общем, благосостояние этого Погибича строится напрямую на Стрижичах — из Пущи до егойных земель твари не добираются, а не пушные — распуганы. Пейзан и урожай никто не жрёт, вот и жирует. И мне, морда наглая, в лицо, и похер что полушутя, претензии выставляет, паразит такой!

Ну ладно, справился с собой, даже ласково не улыбнулся собеседнику. А он, тем временем, начинает про детишек своих трындеть. Которых у него две штуки, разнополых, в гимназии учатся и...

— Дружбу мой Погисил с братцем вашим, Стригор Стрижич, Стризаром свёл. И дочка, Погимудра, тож, — и подмигивает, старый хрыч.

И на что это морда погибельная намекает? Что братец её сексом трахает? Так ребёнок Стрижич выйдет, по всем канонам и поконам наш. Зажилить хочет? Так, блин, в таких раскладах это прямой “наезд” на старший род, сколь бы захиревшими мы не были. У меня выбора-то не будет, согласно всему читаному, кроме как его войной воевать.

— А не откажете братцу своему в дозволении к свадьбе? — несколько пояснил, но и совсем озадачил меня дядька.

А это-то ему на кой? Ну, положим, учитывая, что дети — одногодки, есть немалая вероятность, что они у него близнецы, причём однойцевые. Генетика такое позволяет, я прикинул: яйцеклетка на стадии первого деления разделяется, а половой диморфизм уже в икринке происходит, а тут их должно быть две. Так что чуть разные условия — и разнополые близнецы возможны.

То есть, оставлять девку “в роду” Погибичу смысла никакого. Это у больших родов типа Хорсычей девки в роду остаются, да даже возглавить его могут, хоть и редкость. А тут инбридинг с однойцевым близнецом или папашей, либо неродовитые от пейзан. В первом случае никакой эфир не справится (ну, если конечно не проводить осознанную и

целенаправленную коррекцию), а второй нахрен не нужен.

Соответственно, выдать замуж — дело разумное. Но вопрос вот в чём. Приданого Беловодье среди родовых не знало, скорее выкуп. То есть, за девку можно для рода некие блага поиметь. А что с, в общем-то, нищих опальных Стрижичей поиметь-то можно? И нихера я не верю во вспыхнувшие чуйства, жук сей — корыстолюбец и выжига, весь разговор это пусть и не прямо, но подтверждал.

Тем временем к столу подрулил подавальщик с новой порцией сидра, да и склонился ко мне.

— Откушать готово, господин. Прикажете на стол?

— Прикажу в комнату, служанкам моим. И передай, что задержусь я. Чтоб спать ложились, не ждали.

— Исполню, — выдал подавальщик со столь недоумённо-противной мордой, что рука сама дёрнулась к уху кривляки, ухватила и к столу подтащила.

— И что ж ты гримасничаешь столь отвратно? — ласково полюбопытствовал я в выворачиваемое ухо у поскуливающего служки. — Не по нраву наказ мой?

— Господин, сми-и-илуйтесь, отпустите ухо.

— Да сейчас. Ответствуй, как на духу, почему морду свою отвратную кривил препогано, — затребовал информацию я.

— И-и-и... перед рабынями отчёт...И-И-И-И! — совсем уж взвыл дурак от сплющиваемого уха.

— Не тебе решать, что, как и когда родовому служанкам сообщать, — доносил я до хама правду жизни. — Еду принесёшь, доложишь служанкам моим, как я велел. А если удумаешь дрянь в еду подкинуть или ещё как подгадить... убивать тебя не буду. Отсеку руки и ноги, да и помереть не дам, — широко улыбнулся я. — Понял?

— Понял, господи-и-ин.

— Вот и молодец. Напрягайся, — отпустил я печально обвисшее ухо.

Подавальщик ускакал напрягаться, а собеседник, проржавшись (вот охренительно смешно, блин!), пасть свою разинул и стал оттуда комментарии изрыгать и вопросы глупые задавать.

— Изрядно, Стригор Стрижич, так и надо с хамами, — выдал этот тип не столько имея в виду “хамство”, сколько “хамское сословие” — неродовитых. — Однако ж, на кой леший вам отчёт перед служанками держать?

— А на той леший, любезный Погислав Погибич, что я о людишках своих забочусь. И бессоньем девок морить, МОИХ девок, я, в угоду кому-то, кто из-за чинства над людишками глумится бесстыже, не намерен.

После сего спича Погибич впал в раздумия тяжёлые, но глыбу в свой огород не усмотрел, хмыкнул чудаковатости.

— А насчёт вопроса вашего, о супружестве меньших... подумаю я, Погислав Погибич. Тут же дело такое — глянуть надо, какова дева-то. И не в том дело что дурна, но в гимна-азиях обучается, — скривил я губу. — А как наберётся мудрствований чрезмерно? Жона дом хранить должна, да детей рожать, а мудрствования всяческие для городских потребны, — выдал я, подумал, не вытереть ли нос рукавом, но передумал, по причине фактического отсутствия оногo. — Да и меньшей братец оженится, вперёд старшого. Можно-то можно, да неудобье, хоть и подумать надо. А главное, что в выкуп вы за родную кровь пожелаете? — жёстко уставился я на собеседника, благо моим эфиром он надышался, хоть и сопротивление

было весьма ощутимым.

— Да какой выкуп между своими, соседи — они, почитайте, как семья, — замахал дядька руками и врал, как дышал. — И девки мудрствовать стали неместно, это вы правы, Стригор Стрижич. А ежели вам Погимудрушка глянется — так я только порадуюсь, муж вы видно основательный, о роде печётесь...

— И всё же, Погислав Погибич, выкуп-то какой?

— Да не будет выкупа, что вы, Стригор Стрижич, как на торгу, право слово. Наоборот, поможем по-родственному, с доставкой в Росток товаров ваших, чай, тяжко вам осторожность блюсти и скакать, как заяц какой, в Росток, — выдал этот тип.

Ну, в общем, ясно. На трофеи с тварей зуб точит, выжига такой. Нет, совсем не ограбит и дочурку спихивает не на голодную смерть. Но жаден без меры. Не сказать, что глуп, для “своего рода”, в общем-то, старается, но явно меня за болвана деревенского, жизни не видевшего, держит. И, хотя ныне сомневается, но удочку закинул. И, кстати, со Стригором-то могло и проканать.

— Подумаем, посмотрим, Погибислав Погибич. Благо срок скоро подойдёт. И о делах рода побеседуем, думаю, случится оказия.

— Радостно слышать это, — не вполне радостно выдал дядька. — Ну да пустое это, значит, увидим да обсудим. А вы, Стригор Стрижич, поведайте, как жизнь ваша протекает?

Ну и с милой улыбкой, от которой собеседника передёргивало, начал я тварей пуши описывать наиболее злостных и лютых. Их пиршества пейзажные, ухватки милые и привычки кулинарные.

Дядька проникся, вздрагивать от улыбки перестал, но побледнел и слушал. В принципе — не зря побледнел, тот же жорун, хер ходячий — звездец как он есть, когда человека всасывает. Да и песцы — тварюшки милые, да и много кто есть.

А он об этом богатстве только слышал. Правда, мелькала на дне тревожных буркал искорка жадности: знал, паразит, сколько запчастей от тварей стоят, и явно норовил свою клешню алчную запустить, да за наш счёт поживиться.

Ну да и пусть его. Не враг, но и не доброжелатель. О роде пекущийся родович, а что алчен... ну, бывают и хуже недостатки, да и не гадил он ничем и не собирается.

Да даже девку для Стризара, если там любовь невозможная, можно прибрать. Мне-то пока нахрен не сдалось, детей заводить. А вот Погибишна под рукой, как образец исследований и возможный реципиент для расширения органа эфирной манифестации — а почему бы и да? Ну а прибыль в таком раскладе жадина этот получит... но умеренную. По совести, причём по моей.

Так, досидели далеко за полночь, да и разошлись. Девчонки уже спали, а я опять, святой барин, не стал будить. Блин, как celibat уже, с учётом МОЕЙ нарастающей охотки, хмыкнул я, засыпая. Впрочем, гормоны я могу и эфирно угомонить, так-то нечего ныть. Но забавно выходит, что есть, то есть.

На рассвете выдвинулись, Погибичу я ручкой сделал, он мне, да и расстались, как в море корабли.

А на подъезде к Логу шмякнулся на меня симург и заполошённым голосом Недума прогундел.

— Беда, лишенько, Стригор Стрижич! Лихо одноглазое на Весёлки идёт, землю губит! Да они, блядь, издеваются, начал натурально звереть я.

9. Лихие выводы

Впрочем, на мои порушенные планы Лиху, очевидно было накашлять. И даже пейзамам и полям Весёлков — эти саботажники изволили портиться и помирать от присутствия Лиха. Хамски не спрашивая моего барственного дозволения.

Ладно, до особняка, стал прикидывать я, километров пять. Но, блин, совсем без охраны караван оставлять тоже нельзя — их, извиняюсь, вороны заклюют. В самом прямом смысле слова, блин.

— Бегом! — гаркнул я. — Отставших ждать не стану, Пуца близко. Отстанете — сдохнете. По лени и дури своей! — припечатал я, да и пустил индрика рысью.

Пролетариат бабьими (и частью — мужскими) голосами заныл, запричитал, но... А ведь не отстают, симулянты, хмыкнул я. А вскоре и выть прекратили — бежать, завывая “ой горе-лишенько!” неудобно выходит.

К поместью я ускорился, обогнал и пролетариев, и бегуна. Недум мою барственность встречал и подпрыгивал.

— Людишек накормить, остальное сам сделаю, — ткнул я перстом в шурующих где-то километре от особняка пролетариев.

Кстати, замедлились паразиты, вблизи особняка, мол, безопасно.

— И стрекалом последний десяток по жопе, — дополнил я. — Не увечить и не до смерти, но чтоб прочувствовали, как мне прекословить. Всё, в Топляки я. Лихо давно появилось?

— Недавно, Стригор Стрижич, часа не прошло...

— Вот и ладно. Ну, я пошёл, — и поскакал я к Топлякам.

По дороге злобно вспоминая и раскладывая по полочкам, что это за пакость такая — Лихо Одноглазое.

Итак, было это лихо не просто одноглазым. Антропоморфная скособоченная фигурка оканчивалась вверху не столько головой, сколько костяной глазницей, содержащей в себе одинокий глаз во всю башку размером. Единоглазым, чтоб его.

Вообще — весьма похоже на то, что лихи — это отход формирования эфирного органа. Как бы не имперских пучеглазов, когда в процессе выпучивания глаз чрезмерно выпучился. С анатомией Лиха Стригор знаком толком не был: лихо никто не жрал, было ли оно ядовитым или из-за схожести с человеком — чёрт знает.

А вот с эфирными проявлениями знаком был прекрасно, и Лихо — это... лихо. Оперирование гравитацией, судя по всему, к счастью, кривое, но к несчастью — запредельно сильное. Тщедушное тельце никаких особых защит не содержало, рубилось кладенцом влёт, но до него было крайне непросто добраться.

Итак, буркал, вращающийся в башке-глазнице — гравипуха, локально увеличивающая гравитацию до запределья. В свое время Индрик ногу сломал от “краем пойманного” лихого взгляда. А это показатель, блин.

Единственное, что хорошо — не сразу, тяжесть наваливается за пару секунд до критических величин, а само Лихо весьма неповоротливо, глаз же вообще стационарен.

Далее, начиная с примерно метра от Лиха, начинается этакое защитное поле переменной гравитации. То есть, пырнуться своим буркалом ему уже ни хрена не надо. И варьируется эта гравитация, очевидно, лихой волей. Кладенец ни хрена не помогает —

попадает в зону повышенной тяжести и падает на землю. Опять же, из личного опыта Стригора, если шмякнется слишком большая часть, усилия Индрика и меня приведут к отрыву куска кладенца. Десятки, если не сотня Же.

И если бы не “волеуправление” а “автоматика” — хер бы я что с Лихом, которое к магии, судя по всему, довольно устойчиво, сделал. А так — Стригор нарезал круги вокруг Лиха, старался не попасть на прицел гадкому буркалу и, в зависимости от везения, за минуты (в первый раз, повезло) или часы (второй раз, тоже повезло, но меньше), затыкивал пакость кладенцом со спины. Видимо, ловил момент, а плоть мелкой дряни кладенцу сопротивлялась херово.

Далее, что это пакость вообще делала: а просто шла к ближайшему скоплению людей и тупо плющила в блин всё на своём пути. Посадки и землю, до тонких блинов из сена и каменной слёженности пластов почвы. Коров, пейзаж и прочее — в тот же блин, но до поры. И добравшись до деревеньки — лихо зажигало. Играло с людьми, как кошка с добычей. Надавит-отпустит, надломит-отпустит и в таком духе, пока всех не сломает нахрен.

Единственное что было хорошо, причём без кавычек, развлекалось оно так с чувством и расстановкой, так что заставший в свое время в Стрибожье Лихо Стригор обнаружил не груды, а всего пару трупов. Поломанных, правда, было дохрена, но справились в итоге.

А мне сейчас вообще повезло. Час — буквально подарок, Лихо еле вытягивает на своих кривых ходилках километров пять в час, даже меньше. И, соответственно, обнаружили его не позже часа пути от Пущи. То есть, на полдороге, а жертвы умеренные. В то, что их нет — верить хочется, но не стоит. Поганая, в общем, тварь.

Правда, как воевать эту лихую погань, совершенно непонятно. Точнее, кроме как стригорьим кручением, с заходом с тыла. В теории, это лихо должно прекрасно... Хех, хмыкнул я. А почему бы, в конце концов, и нет? Стрелять в тварь бессмысленно, те же самострелы не помогут, имеющегося импульса банально не хватит, чтоб продолжить полёт ставшей многократно тяжелее метательной фигни. Но, я-то могу... просто уронить самострельный болт НА лихо. С векторами гравитации (хоть и дурацкое, но понятное понятие), Лихо, очевидно, не работало: только увеличивало текущее. А попавший в тварь кладенец всё равно утяжелелся — правда не в десятки раз, а в разы, так что определённое “поле повышенной гравитации” есть постоянно.

Далее, то же использованное мной на ворохах пыхательное оружие объёмного взрыва. Муке из соломы — похер, насколько возрастёт тяготение. Она станет тяжелее, и воздух её окружающий тяжелее. Хм, непонятно тогда; теоретически, от твари должны дуть и притягиваться к ней ветра, от перепада давления, а их нет. Значит, область локального повышения гравитации аномальна. В физическом плане, естественно, так-то понятно, что сам факт магии аномален.

Ну, впрочем, посмотрим, заключил я, выдёргивая из близлежащего стога жмень сена и мельча его в труху. Для начала — болтами с высоты. Не поможет — пробую пыхнуть. А если и всепобеждающая трава не справится — буду по-старинке, то есть по-стригорьи нарезать вокруг твари круги. И думать — прямое магическое воздействие вряд ли пройдёт, но есть и иные, не только мной надуманные.

А пока сосредоточимся на двух, заключил я, выщёлкивая из самострела болты (вычавкивая, если быть семантически точным, хех).

К Топлякам подъехал, был обрадован целостью пейзажа.

— Токмо коровушек пяток Лихо окоянное удавило, — докладывал мужик-пастух в

биодоспехе. — А дар твой, благой господин Стрижич, оберёг, — похлопал он по биодоспеху. — Увернулись от ока поганого да и утекли с коровками.

— Угу, окаянное только, — хмыкнул я.

— Да как же оно окаянное, когда око у него — во? — удивился мужик разведя руки. — Окоянное оно, господин Стрижич. Иль окаянным быть ему велишь?

— Как желаешь, так и называй, — отмахнулся я от пейзаина, стараясь не заржать — ну и вправду: “Око — во!”

Сделал пейзаинству рукой (просто помахал, да даже не на них), ну и направился Лихо убивать. Индрик то ли почувствовал, то ли образ считал — мог в теории, у нас с ним связь была предельно “плотной” и начал яриться, но и опасаться — помнил лапу поломанную, как ему на трёх скакать пришлось.

“Не боись, животин, близко к ноголому быть не надо, только быстро бегать” — отмыслеэмоционировал я. “Какой хозяин себе щупалец полезный отрастил, длинный” — порадовался за меня акул.

Блин, а мне ржать нельзя — надо собираться и вообще клювом не щёлкать, улыбнулся я.

И стала наваливаться тяжесть, причём, Лиха ещё было не видно. Впрочем, Индрик клацнул челюстью и припустил, а тяжесть пропала. И, в почти сотне метров, обнаружилась скособоченная фигурка, с гладкой проплешенной утрамбованного всего сзади. Вот паразит-то какой, возмутился я.

Вообще, зона “уверенного поражения” у Лиха была метров в пятьдесят от него. На меня он “кинул тяжёлый взор”, но это так, десятая Же от силы. А вот с полтинника начиналась реальная опасность — хрен знает, сколько Же, но много.

И вот, пока Индрик рванул по кривой спирали покруг Лиха, стал я возносить болт над Лихом. И — первая неприятность. Пакость свой неповоротный глаз за мной водить перестала, а стала отслеживать, изгибаясь, эфирную манифестацию. И уронила, пакость такая, болт оземь. Нет, упал-то он душевно, вошёл в землю на запредельной скорости и, очевидно, глубоко. Вот только нихрена не в Лихо, более того, эта пакость своим буркалом подлючим выбила эфирные крохи моего воздействия за доли секунды.

Это... херово, признал я. То есть, лихая пакость, судя по ощущению эфира, меня в разы сильнее эфирно. Ограничена, конечно, но судя по воздействию, всякие лезвия и прочее вблизи от него будут развеиваться, не долетая.

Так, а если пыхнуть? Вряд ли получится, но попытка — не пытка. Выпустил я на пакость толику травы и даже Индрика остановил.

Выходила довольно забавная картина: Лихо упорно пырилось на облако травяной пыли с эфиром. С полвзгляда вымывало эфирные крохи контроля, но пыль не падала. А контроль я возвращал, не давая траве осесть.

Правда, по приближении к Лиху пришлось прилагать всё больше усилий — “защитный периметр” всё же вымывал эфир, пусть и не как “прямой взгляд”. И туповато Лихо, факт: на меня вообще перестало внимание обращать, кружась на месте и стараясь поймать облако в “прицел”.

Так, это славно и пока тяну, прикинул я. Но, той травой что пыхну, с того расстояния, что есть — ну подкопчу тварь, максимум. А ближе к ней уже эфирные усилия таковы, что не только траву не удержу, но даже пыхнуть не смогу.

Так, пробуем комплексный подход, решил я, запуская ещё один болт. Лихо “подвисло”, начало пытаться “взглянуть” на болт, но я подал в траву чуть больше эфира, ну и

сосредоточилось одноглазое на ближайшей цели.

А я вывел болт на нужную траекторию, благо Лихо стояло и вращалось вслед за нарезающим вокруг него круги облаком травы.

И ускорил я болт, на полдороге к Лиху потерявший мой эфир, но заметно ускорившийся — очевидно, попавший в поле действия магии гравитации. И... всё. Прошил Лихо насквозь, лопнул глаз, вошёл в землю. Лихо даже лапками не засучило, а пало смертью дохлых на утрамбованную проплешину.

— Это лихо я, — изящно скаламбурила моя поэтичность вслух. — Так, а что у нас в тебе такого интересного? — полюбопытствовал я, приближаясь к дохлому трупу.

Правда, ждал меня фактический облом: плоть твари была очень слабоэфирной. Глаз — да, но глаз растёкся слизью, у него даже оболочки не было, по сути. И эфир терял весьма бодро.

Ну, в принципе, хрен бы с ним, хотя несколько обидно, признал я. Проверил тушку — хоботок на подбородке вместо рта, то ли кровушку хлещет, то ли нектар какой. А так — человек, причём без местных улучшений: стопа как стопа, позвоночник без защитного кожуха. Правда, полу среднего, ни сосков, ни органов, кроме уретры. И пупка нет, что при отсутствии полового размножения логично.

В общем, похоже, я прав: отход экспериментов. Или попытка улучшить уже местными. Но он же размножаться не может ни хрена! В принципе организм на репродуктивную деятельность не заточен.

Это, выходит, в глубинах Пуши некая матка плодит Лих, а скорее всего, не только их. Иначе ни хрена не понимаю, братья им неоткуда.

Так, а если подумать, то выходит, что Пуща более чем может быть центром биоразработки уровня стегасского возвысителя, до которого добрались анимированные бояре. И стали биотыкать в биокнопки. Наплодили биопакости, которая их сожрала, либо убежали, неважно. И вот, лаборатории-Пуши клепают немного, всё же не завод, а лаборатория, хотя в биоцивилизации понятие размытое, но всё же. В общем, клепают пакость, которую в нашем случае выносит к Логу.

Вопрос: какого хрена биоценоз лабораторий одинаковый... хотя это, скорее, ответ, хмыкнул я. Не все тупые бояре, а один особо выдающийся наплодил. А программа шарашит, поскольку Пуши синхронизированы.

Далее, видно, ДО озверения биолабораторий родовичи надёргали не столько продукты, сколько инструменты биопроизводства и разработки. Ну и, может быть, у имперских экспедиции бывают, у прочих вряд ли — пороха не хватит. Пока похоже на правду, но мне ничего не даёт на данном этапе: переть в недра пуши пороха у меня не хватит точно. Причём, не факт, что хватит когда-нибудь.

И, нужно отметить, что надуманное мной — ни хрена не истина. Так, теории на слабом обосновании, что цивилизация возвысителя тут была — а не, например, что Беловодье не “Дом” а “Биолаборатория” и “Социальноэкспериментарня”. Да и критерии оценки у меня всё же технократа. При этом, у не бояров, а именно трансгуманистической биоцивилизации оценки и критерии... да вообще любыми могут быть. Так что всё это мной надуманное — вилами по воде писано.

Под такие мысли я добрался до Топляков, просветил пейзаж на тему “кончилось Лихо”, да и затребовал себе симургов. Разослал и Трисилу местному сообщил: так, мол, и так, забирайте людишек по деревенькам.

И поскакал в поместье — с Лиха хрен что полезного, как мне, так и на продажу выйдет, ну а ждать выдвинувшихся за “людишками” сопровождающих барственному мне не можно.

Доскакал, обнаружил табор пролетариата, часть из которых художественно страдали, симулянты: ну реально, даже рассечений кожи нет, а стонут, как потерпевшие.

Тем временем подскочил ко мне Недум и ябедничать начал:

— Стригор Стрижич, служанки ваши...

— Знаю, Недум, сам повелел, — отметил я копошение девчонок с фиалками под стеной барского дома. — Пусть будут. И взор усладят, и не только.

— А Лихо...

— Гден, слегонца, — отдал команду я, на что острекаленный перечник подпрыгнул. — Во-о-от, — довольно отметил я педагогическое воздействие. — Сам башкой своей старой подумай, ежели я тут, то что с Лихом?

— Не гневись, Стригор Стрижич, уразумел, — незаметно потирая острекаленный филей, выдал Недум.

— Это хорошо, что уразумел. А вообще — мудёр я, — оценил я благотворное воздействие стрекальщика на замещающего властные должности. — Вот всем бы такого стрекальщика, — размечтался я, но решил не мыслеблудить. — Так, мне четверо слуг потребны, занести добро в покои. И пожрать, девки заняты, пусть в покои мои на троих будет. За этими, — тыкнул я в пролетариат, — от деревенок людишки придут. И знаешь, Недум, — прикинул я. — Сам их раздели. И... дели по уму, а не по семьям. Вот, леший подери, не нравятся они мне, а так — и живы будут, ну а в деревеньках посмотрим, как пойдёт. И не буду этих мануфактурщиков больше брать, — окончательно решил я.

— Всё исполню, — выдал Недум.

Разгрузил Индрика, затащил имущество в покои, после займусь. А чуть позже ввалились Люба с Олой, груженные подносами.

— Там снестать располагайтесь, — тыкнул я в угол комнаты с ларями...

— Мы... — начала было Ола, но Люба ей на ухо “зашептала”.

— Стригор Стрижич велел, исполнять надо.

— И то верно, — рассудила Ола, уместилась с Любой на лари и принялась питаться, болтая ногами.

Так, несколько успокоился за едой я. Ну, со зверьём понятно, с соседом — тоже. С братцем разобрались, Управитель прорастает в баню в уголке и в пару фиалок — на последнее я дозволение прямо не давал, но и не запрещал, так что пусть будут.

В общем — всё более ли менее сносно, присмотра не требует. И, наконец-то, смогу я всячески моих служанок отжарить, отметил я, отметив выкачивание яиц. А после займёмся чтением — у меня листов целый ларь не читанный!

И отжарил я девчонок во все дыхательные и пихательные. Всякие места интересные у них оказались, как и указывало расположение нервных волокон, более чем чувствительные. Им приятно, ну и мне дополнительное разнообразие.

Правда, групенсексу их учить и учить, но это скорее приятно, чем нет, отметил я, передыхая после занятия, наконец-то, не осеменением, а сексом.

И ударился я в ударное чтение. За две с лишним недели перделки свежкупленные в покоях ожили-развились, служанки занимались уже за столом, но я даже выросшую баню не посещал — не до того было.

Появлялась большая стая воронов, шла к Стрибожью, но тут я только “сократил потери

поголовья скота”, причём рогатого — пастухи в биодоспехах со стрекалами и сами бы справились, пусть не так быстро, но без риска для себя.

И возникла... да чёрт его знает. В общем, я возможность допускал, но сам факт меня несколько озадачил. Люба икринку носила, от меня притом, вот как ни удивителен такой биологический выверт. Не маг рос, и тут... да блин, не меньше половины детей во всех деревеньках за последние годы — от меня, если по совести. И если этого карапуза “выделять”, то и остальных надо. А ровесники его и те, что чуть постарше и помладше?

Ну, в общем, выходит картина, в которой будет этот спиногрыз слугой в поместье. Причём не потому, что от меня, а потому что от служанки.

И проявлять всякий nepoтизм к спиногрызу — этически неприемлемо. Либо проявлять его ко всем отпрыскам, но тогда Логу пиздец. Либо ни к кому вообще. Благо механизмы родительские даже биологически порезаны, а через год, если дитёнок будет не с матерью постоянно жить, она его... ну, не забудет, конечно. Но относиться потихоньку начнёт как к дальнему родственнику на старушке-Земле: приятный человек, к которому расположен, которому можно помочь. Но не более.

Так что на факт “отцовства” я просто забил. Не без внутренних пертурбаций, но внутренний голос мне ехидно напомнил, что через полторы недели у меня этих отпрысков с десятком зачато будет, а то и более. Не считая прочей орды.

И вызвал Недума, на тему “а как в нашем Логе дела-то обстоят”, а то прямо скажем, с этими книжками дошёл до того, что девчонкам, кроме первого раза, самим на мне скакать приходилось. Не отвлекался ни на что.

— Благолепие у нас, Стригор Стрижич, трудами твоими неустанными, — завёл шарманку дед.

— Это я да, в поте лица, — “читаю”, дополнил я недоговоренное. — И не только лица, — припомнил я предстоящий визит в Топляки. — Ты не славословь, а по делу говори.

А по делу и вправду выходило неплохо. Домики подрастали, часть из них уже начали заселять — дорастут до “взрослого” размера они ещё через седмицу, ну а “раскормить” их можно и больше, но жить уже можно. И, соответственно, ограды “старого места” и “нового” соединены, что и неплохо.

Пшеница принялась, то есть будет у нас теперь хлеб не только ржаной, как и специи, меж домами засеянные (ну это я по укропу уважаемому в питании определил, даже несмотря на пребывание “не в мире сем”). Яблони новые сдохли нахрен — пушанские жужелицы и прочие плодоярки ростки нахрен сожрали. И, видимо, будучи справедливым человеком, Недум настоятельно интересовался, а, собственно, кого и сколько пороть барин за погубу и потраву велит? Справедливость старика заключалась в том, что ежели его престарелая жопа время от времени отведывает стрекала, то надо бы и прочим приобщиться.

— Нехер людишек не по делу пороть, — обломал я недумское стремление к справедливости. — Не прижились — да и леший с ним, я в том, что прочее приживётся, уверен не был.

— Как велите, Стригор Стрижич, — тяжело вздохнул отсправедливленный в одну физиономию Недум.

А вот коровы новые весьма бодро жиреют, плодятся, и их активно приходится забивать, чтобы не сожрали окрестные луга.

— Мяса от пуза, Стригор Стрижич, балуете вы нас, людишек своих.

— Ну и хорошо, что от пуза, — прикинул я. — Конечно, хорошо бы сохранять его, да

только хрен я тварь консервную куплю, — вздохнул уже я.

— Простите дурня, не понял вас, — свёл очи на носу Недум.

— Да в мануфактурах есть тварь специальная, мясо в кожу заворачивающая, да хранится там мясо год, не менее, и не портится. Но не продадут, жадины, — вздохнул я.

— Вот диво-то полезное, — покачал головой Недум. — И речёте праведно и мудро: жадины как есть, — веско покивал он.

— Ладно, а людишки новые как? — перестал печалиться я.

И выходило, что хорсовские вполне прижились, что и неудивительно: для них ничего не поменялось. А вот пролетариат до забастовок не дорос. Но “своевольничают и супротивствуют”, за что стрекалом регулярно огребают. Но в целом — пейзаж, а некоторые и радуются: мол, столько пропитания ни в жисть не видели.

Но брать я эту пролетарщину точно больше к нам не буду, заключил я, дослушав доклад. И призадумался, благо с утра по моим планам надо было Топляки осеменить.

Так вот, ежели всё пойдёт нормально, то со жратвой у пейзаж выйдет не просто до хрена, а явный переизбыток. Собственно, он уже сейчас есть. И трудятся они поменьше, тоже оправданно. И встаёт вопрос, начинать ли социальное расслоение?

Просто избыток пожрать и внешняя угроза предполагает защитничков. Это и мне удобно — на мелочь типа воронов и шакалов, ну и прочего “фонового” тварья меня дёргать не будут.

Но социальное расслоение — вещь, вообще-то, неважная. И, что самое забавное, не обязательная. А если подумать, то в рамках Лога вообще можно повинность ввести всеобщую. Собственно, как я “на полшишечки” сделал: все мужики, в свой срок — защитники. Ну а могут и не в свой срок, а по нужде. Вот вроде и не слишком хорошо, а на деле наоборот. Времени у пейзаж, выходит, освободилось, придумывать, “чем занять”, как Недум слуг — нахрен надо. А вот защищаться обучить да баб с детьми оборонять — самое то.

Без меня вообще — не справятся, но в частности, как я подумывал, “да”.

Ну а “бунт” поднимут... Не те расклады у нас, а главное — так я и не против. Сделаю ручкой, пожелаю ибаться, как хотят, да и займусь делами, которых у меня валом. Служанок только прихвачу, да.

Но не будут бунтовать, если по уму. А “повинность” скорее за благо примут, что и к лучшему.

В общем, на следующий день с рассветом направился я в Топляки. Надо, блин. И вот, подъезжаю я, значит, к уже двум соединённым друг с другом куполам, как Недум и докладывал, ну и слышу — ноет кто-то тихонько. Купол с новыми домами ворот не имел, так что объезжал я, а тут, понимаешь, всхлипывает кто-то. Подъезжаю, потихоньку, смотрю — сидит на корточках девчонка, вроде из новеньких — игл головных колёр не нашенский и не хорсычей. И рыдает, понимаешь, тихонько и самозабвенно, ладошками физиономию прикрыв. И, принялся я, в охотке, не запредельно, но явно того.

— Ты чего реवेशь? — полубопытствовал я, но девчонка, хоть и дёрнулась, ладони от физиономии не убрала и продолжает рыдать.

— Тебе, шмыг, какое дело? Иди своей дорогой, — выдала она.

— Вообще, тебя тут твари сожрать могут, — напомнил я.

— Чай не сожрут, хнык. А и сожрут, и пусть. Отстань, иди себе.

— Не пойду, пока не расскажешь, с чего рыдаешь, — резонно выдал я.

— Меня этому Стрижичу-у-у хотят отда-а-ать, — зарыдала она уже навзрыд. — А ты сейчас, как маменька скажешь — бла-а-аго сие-е-е... А я не хочу-у-у...

— Не хочешь — не буду, блин, — уже заржал в голос я.

Ну реально, я, значит, еду в Топляки, долг исполнять, мне эти девки бесконечные нахрен не сдались, у меня своих времени-то не особо. И тут какая-то плакса ломается. Да я только за, нужна она блин мне!

— Стригор Стрижич, не гневайтесь, — шмыг.

Посмотрела, на колени бухнулась, мордашка зарёванная, блин.

— Не гневаюсь я. Рыдаешь-то что? Нешто кто силком тянет? И не бойся, правду говори, не обижу.

— Не тянет, Стригор Стрижич. Но ведь страшно, батюшка говорит больно сие и страшно, а матушка затрещину дала, та батюшка её поколотил...

— Так, блин, какое нахер больно?! — офигел я, даже эфиром не поленился проверить — никаких плев колдунским образом не нарисовалось. — Ты, отвечай, что за глупостей тебе наговорили!

И начала всхлипывающая девчонка рассказывать такую историю, от которой я не только уверился, что нахер этих пролетариев приводить, но и задумался, а не послать ли мне их нахер, в смысле в Пуцу, избирательно. Уж очень некоторые напрашивались.

В общем, семья у неё, отец-мать, пара сестрёнок младших и совсем мелкий братишка. В охотку она, кстати, первый раз в жизни вошла, молодая девчонка совсем, хотя и вполне “созревшая”.

Но огребла с папашей своим стрекалом по прибытию. Тот, засранец, выдал “неча ноги бить”. Жена у виска пальцем покрутила, девчонку позвала, но эта, видно, “папина дочка”, вот и нарвалась на порку.

И вот говнится этот пролетарий и на херовую работу, и вообще на всё. Девице голову задурил, что вот будет “хуже чем стрекалом, со Стрижичем жестокосердным”. Притом, мамаша дочку “агитирует”, за что пару раз была бита. В общем, бардак и неустроение.

— Не хочешь — не приходи, мне всё проще. Рыдать прекратила, пошла у стремени к деревне, — обозначил я диспозицию.

Пошла, правда носом шмыгала и косилась. Ну а в деревеньке, выслушав славословия, сполз я с Индрика.

— Трисил, а подай ка мне Добромудра из мной привезённых, — озвучил я.

И объявился довольно плюгавенький мужичок, со столь невинными голубыми глазами и благостным выражением морды, что, даже не зная его художеств, рука так и тянулась облагородить фасад фингалом-другим.

— Так, Трисил, как сей Добромудришка трудится, поведай, — поинтересовался я.

— Трудится, благой господин Стрижич. Но болтает много и не по делу, ноет часто. Три раза стрекалом потчевать пришлось, неугомонного, — озвучил Трисил. — И жену вроде поколачивает, но не жаловалась баба, а что кричит — так в доме всё...

— Угу. Так, староста, моей волей сей мужик ни к жене ни к детям своим более не приближался. Посягнёт — пороть стрекалом нещадно. Далее, есть ли баба постарше да постатнее, — оценил я тщедушные стати мужичка. — Одинокая, но чтоб в охотку ещё входила?

— Есть, как не быть, господин Стрижич.

— Вот выдай ей стрекало и отдай Добромудришку на перевоспитание, — решил я. —

Родители ума не вложили, пусть перевоспитывает. Ну и бабе отрада, — логично заключил я. — Пощади, Стригор Стрижич...

Вот ещё, слушать буду я саботажника, хмыкнул я. И ведь ладно сам, так близким жизнь портит, паразит.

Ну и попёрся я в ёбскую избу, с печалью отметив, что девиц до хрена.

Через полутора суток я на Индрике буквально растёкся, усталый и вымотанный, но, блин, осеменивший. И тронулся в поместье.

И началась довольно... на удивление спокойная жизнь. Нет, твари набегали, но каких-то особых неприятностей не доставляли. А я скорее из упрямства, нежели по нужде, упорно доосваивал библиотеку. Не горело вроде ничего, так что решил я с этим закончить.

Мила намылил урожай сбывать — съездил со слугами, сбыл. Честно и с прибытком, проверял. В общем, наверное, ему внука и поручу, будет как с Недумом — династическим слугой, только не управителем, а торговым представителем.

И упирался в эти книги, не отвлекаясь на дела особо, только девчонок своих время от времени сношая. Посетил с осеменительной миссией Стрибожье, оттуда уползал, но в принципе — вышло сносно. Терпимо, скажем так, ещё б с месячными служанок синхронизироваться — совсем сказка выйдет. У них месячные, а у меня осеменение и пара дней отдыха-отжирания, хех.

Но книги подошли к концу. И, наконец, уселся я в мудрой позе, нацедил себе бокал сидра, да и стал прикидывать и думать.

Итак, мысли мои насчёт Империи и централизации — уже факт, это точно. Далее, в центральных землях и столице — именно возрождение, даже книги развлекательные на это указывают.

А у меня... а у меня выходит облом. В плане того, что в Логе я налаживаю жизнь, да и налажу, факт. Вот только нихера это моих социокультурных планов не затронет. Я как возился с “башней чародея”, так и вожусь: создание анклага, отдельного от социума, удобного мне и обитателям. Свой мини-социум. И хер меня чему это научит, кроме местных специфических особенностей: я уже УМЕЮ строить и поддерживать в порядке “башню чародея”, что клуб, что гильдия в примере.

Но, с другой стороны, буду просто изучать магию, в конце-то концов. Бросать Лог на погибель — меня категорически не устраивает. А из всего реально неприятного — только конвейерное осеменение. И выматывает, и раздражает, если честно.

А, в остальном — приятно, комфортно, дело по “уходу и руководству шпаньём” знакомо и скорее нравится, чем наоборот.

А значит, надо заниматься уже не “читкой” а делами нормальными, заключил я. Для начала — осмотрю Индрика, как собирался. Интересно, что за создание, а то обещал себе, но забыл.

Вечерком... затащу Олу с Любой в баню: девчонки там регулярно плещутся, судя по запахам — с шалостями интимного толка, а я тоже хочу, вот.

А с завтрашнего дня начинаю работать в плане увеличения магического арсенала всякими физическими явлениями и банальными материальными предметами. Тот же газ, например, то же Лихо вообще без проблем удавит. И для охранников деревенских, наконец-то, надо яды подобрать. Да и гранаты можно... в общем, подумаю ещё.

И направился я к Индрику, который моему явлению ошутимо обрадовался — подзабыл я на животину, впрочем... ну такой я, куда деваться. И начал на него воздействовать научно-

исследовательски, благо, моей магии Индрик не сопротивлялся, а, скорее, помогал.

И... ну в общем, охренеть, блин. Поставив такой веский научный вердикт, приступил я к его расшифровке.

Итак, Индрик, для начала, был примерно пятисотлетним. Структура костей на это указывала, Архив выдавал “примерную” цифру, но плюс-минус пятьдесят лет. И бессмертным, в плане старения. Вообще, причём в эфирном плане тоже клетки системно не имели предела деления.

При этом, создавали его всё-таки дикари. Правда на очень эффективных технологиях. Итак, Индрик у нас химера, именно акулы, моллюска, в плане части клеточного строения, и... бера. Которого дурачье суеверное и трусливое медведем обзывает.

Подобные, кстати, вполне в Беловодье водились, но не в окрестностях пущ.

Это несовместимое совмещено, имеет стабильное ДНК и кучу свистелок и перделок явно не осознаваемых создателями химеры. Делать на таких технологиях ездовое животное — гораздо смешнее, чем забивать шуруп микроскопом.

Далее, животина бесполоа. Опять же, базово и системно не имеет пола как класс. Но... имеет заложенную систему размножения! Точнее, клонирования. Весьма и весьма похожую на икрометание человека, судя по всему — весьма успешный и реализуемый в ряде решений механизм. А у Лиха не было, ну да не суть.

Правда, инициация “развития клона” непонятно чем делается. Волежеланием, что-ли?

И... охренеть. Реально волежеланием, готовая клетка-зародыш в основании пасти начала делиться. Ну блин, а эфир, похоже, Индриком используется только для улучшения физических кондиций и вот как сейчас, зарождения клона. И... а пусть будет. Стризару, например. Тут главное — не более одного, а то как бы имперские с вежливым визитом не явились. Так-то не по “имперскому закону”. Но в Жопе Мира, да ещё к Стрижичу — могут.

Так, ладно, с этим разобрались, хотя чертовски интересны детали — мозг Индрика, например, явно бера-моллюсковый. А ряд обменных процессов — не менее явно акульи.

Ну да в целом — ничего странного. А вот акулёныш новый — забавно. Очевидно, на определённом этапе формирования Индрик икрину срыгнёт. Выращивать я её, наверное, буду у себя. Тёплая проточная вода. А даже для слуг — найду в Пуще. Ради конспирации.

Надумал я всё это, ну и несколько пришибленный узанным (и сделанным), направился в покой.

— Ола, Люба, готовьтесь. В баню пойдём, — оповестил я девиц.

— С вами, Стригор Стрижич? — разулыбалась Ола.

— Чистись давай, — хмыкнул я, счищая щёткой с себя корку и шлёпая девчонку по попе. — С вами, с вами.

— Ой, здорово как, Стригор Стрижич, я сейчас, — засуетилась Ола.

Завалились мы в пузырь, который изнутри просвечивал розовым светом. Что, учитывая его цвет, и не удивительно. И сопрягся я с мозгами бани, на удивление сложными. Но, в чём-то, оправданно — куча “режимов”, как секрета “воды”, так и поведения мышц и трахей массажа. И температура регулируется, однако ж.

— Погреемся для начала, — бухнулся я на мягкое дно, отдал команду бане и усадил довольно взвизгнувших девиц по штучке на колени.

И чертовски мне и банька понравилась, и девицы в баньке. И отдохнули и, наконец то, сексом занялись. А то у меня начали возникать мысли, с суетой последних дней, а не прокля на мне какая, злостная. Самим собой, в плане целибата, на себя неосознанно наложенная.

Но практика, в различных позициях, по отдельности и вместе, сказала однозначное “нет”. Чем порадовала и меня, и девчонок. Более того, ряд типов массажа... ну скажем так, “помогали” в плане соития в интересных позах. То есть, не столько баня, судя по всему, а эротический аксессуар для богатеньких буратин. Которым моя барственная персона однозначно является, окончательно постановил я. Ну и внёс баньку в наш совместный с девчонками досуг, в обязательном порядке, да.

10. Братские чтения

В общем, банька была что надо. Не банька, конечно, но чертовски приятная, а в компании — так и вовсе расчудесная вещь.

Ну а на следующий день принялся я, наконец, за эксперименты и тренировки эфирные и эфирно-химические. В плане биологии эфирных органов мне не хватало образцов: вот как ни крути, а имевшийся у меня даже от Хорсычей был несколько дефектным. То есть, клетки есть, но архитектура организации органа была на уровне более глубоком чем ДНК. Очевидно, не химическая, а на эфире, но Архив инструментов столь чувствительных либо не имел (что вряд ли, учитывая атомарную точность наблюдения в Земном Крае), либо должен был быть проявлен в материи, чего не тянул уже я.

И, признаться, даже несколько точил я научно-исследовательский зуб на Погибишну. Ну, конечно, если с братцем там всё сложится, но образец готового и рабочего органа эфирного оперирования заполучить очень хотелось.

Ну да это дело будущего, а у меня были эфирные манифестации разного типа и вида, ну и работы с химией, ядами, простыми и сложносоставными.

Вообще, я довольно сильно обломался с твёрдым кислородом и в целом с масштабными воздействиями. Банально не тянул, да и вообще, “магия воздуха”, в отличие от “магии созидания льда”, оказалась магией структурирования, причём на моём этапе овладения — отдельными атомами. Вдобавок, непременно отдельными. Спектр работы Отмороженного с веществами был порядково выше, но там и сама магия “состояния и созидания”, да и эфира столько, что мне завидовать хочется. Но не буду — мне и так хорошо, в общем-то.

Например, сам факт того, что такое “воздушное лезвие” Грей не знал (ну или не знает, мда). Привыкнув к ледяному созиданию, бухая тонны эфира, он просто не осознавал, чем оперирует.

Ну да ладно, а вот меня моя эфирная ограниченность да интерес к биологии толкали не к “больше эфира”, хотя качал я надсердечник до боли и каждый день, а к “выше чувствительность и тоньше воздействие”. Например, имея три компонента стандартного воздуха, работать с нейтронами, создавать изотопы и даже невозможные вещества — теоретически было возможно. Хотя на практике выходило не очень. А с квантовыми пертурбациями вообще выходил швах: электронная остановка базово создавала конденсат Бозэ-Эйнштейна самим фактом своей остановки. Впрочем, была у меня надежда, освоив “структурирование” до должной степени, точнее чувствительности, работать как нейтронами ядра, так и электронами орбит.

А пока у меня была возможность в относительно вменяемых количествах (малых до слёз, но на одиночного вражину — хватит) создавать оксиды азота и углерода различных конфигураций. Газ, при попадании на слизистую (вообще, реагирующий с водой), дающий азотистую кислоту, да и сам по себе весьма опасный и токсичный — азотистый ангидрид. Угарный газ, диоксид триуглерода — довольно приятные мне и неприятные вражинам соединения.

Впрочем, таковое нужно только в том случае, если лезвия плоть не берут, а лёгкие эфиронасыщенны, препятствуя структурированию свободного кислорода.

А вообще, рассчитывал я на “перекачку” гексамолекулярных лезвий эфиром. Получалось пока хреново, но “хреново” — не “никак”, так что был это вопрос времени.

Круги Замороженного Мира не работали, так что Росси, похоже, со мной до поры, пока я не расстреляю боезапас.

И выходил мне пока облом со стрелялами. Эфир воздуха снижает трение болта самострела, как в воздухе, так и в плоти — это было оптимально. А взрывное расширение на эфире давало весьма посредственный КПД с моими текущими возможностями.

Ну и с “начинками” для болтов я закономерно обломался — органо-эфирные яды, продаваемые в Росточе, были мной невоспроизводимы и гораздо более эффективны, чем всё мной придуманное.

Разве что, наделал я пейзамам газовых гранаток с тем же ангидридом. Милое дело на условно-крупную пакость, правда намучался с техникой безопасности, обеспечив ведём работой. Но, вроде бы, освоили, так что дёргали меня “на зачистку” пореже.

Вдобавок, осваивал недоосвоенное по биомагии. Чисто теоретически: к сожалению, из инструментов “непосредственного оперирования” был только Архив, а из родильных чанов — только моё тело. И вот как-то не готов я был “порождать всяческую жисть”. То ли отморозился недостаточно, то ли чрезмерно — чёрт знает.

Ну а самое главное — запустил Архивом программу перевода работы нейронов на прямую, а не электрохимическую, электрическую деятельность. Не без опасений, но начал, причём периферийную нервную систему поставил в приоритет — спарка мозг-даймон в критических ситуациях и так давала пристойную скорость (хотя, безусловно, больше — лучше), а вот тело отставало.

Так прошла ещё пара месяцев, в деревнях начался ожидаемый чадобум — вливание от новичков, да и я периодически толику эфира в семя на осеменительных рудниках добавлял. Пейзане Стрибожья отбились монорыбно от трёх песцов — пристрелили одного, траванули двух, покарябали доспехи, но это некритично. На то доспехи и био, всё-таки.

А после начался миничадобум у меня — для начала, разродилась Люба, причём как беременность, так и метание икринки на ней, кроме лёгкой слабости, не сказалось. Собственно, она, насколько я понимаю, меня-то оповещать не собиралась. Но мне было интересно, так что я с ней направился к Макоси.

— Человечек, не родович, — выдала ведьма печально вздохнувшей Любе. — Жди, девка, как народится дитёнок, позову. Угодно ли вам что, господин Стрижич?

— Нет, Макось, просто заглянул проведать, — выдал я, да и подхватил Любу под локоток, по дороге помякав попку и вообще показав, что “бросать” не собираюсь.

А вот способ определения магичности был довольно интересный — этакий мазок по икринке травяной кашей, очевидно — эфирочувствительной.

Ночью, ударно поуспокаивав Любу во все дыхательные и пихательные (что характерно — успокоилась, родительский инстинкт, конечно, не отсутствовал, но был заметно менее патогенным, а уж икринка вообще ничего, кроме тёплых чувств разума, не вызывала — это с младенцем, как я понимаю, начнётся биохимия с гормональщиной), я уснул и был разбужен до рассвета мыслеэмоцией Индрика “хозяин, срочно!”

Выбежал на порог спросонья, увидел раззявленную акулю пасть которая обдала меня потоком слюней и слизи! Отплевавшись, я обнаружил автоматически пойманную ладонями икринку. А акул, паразит такой, отмыслеэмоционировал “Индрик сделал своё дело, Индик может уходить” и гордо утопал в конюшню.

Всего заплевал, гад такой, возмущался я, чистясь и оглядывая икрину. Вот ничем она от человеческой не отличалась, кроме зародыша. Видимо, и впрямь универсальный и

отработанный “производственными процессами” механизм, прикрученный к человекам, чтоб не мучились, рожая и вынашивая.

И за пару дней сотворил Управителем в покоях родильный пруд с проточной и тёплой водой. Так-то у меня было не меньше месяца, но интересно было чертовски.

Люба, кстати, интерес к новой мебели проявила (внутри хрен заглянешь, но округлая тумба — заметна), но к ответу “колдунство страшное, не поймёшь” отнеслась ровно. Вообще, девчонки фактически переехали ко мне, против чего я не возражал совершенно — не шумели, взор услаждали, Ола читала уже сама потихоньку.

Да и разнообразие сексуальное весьма мной оказалось востребовано. На фоне “поточного осеменения” уж точно. А так, тихонько подойти, например, к той же Любе, нагнувшейся над тщательно выводящей каракули Олой, да ка-а-ак засадить в наиболее приглянувшееся отверстие. И ойкает прикольно, да и сама не против, а потом вообще обеих девчонок уже в койке повалить. Хорошо, в общем, да.

Ну так вот, Люба мне периодически вопросы о моих занятиях задавала, на часть я отвечал, часть отказывался, так что к “барственным делам” я эту почемучку приучил.

В общем, последующие три недели, которые понадобились мелкому индрику на формирование, я пристально за оным следил и вообще интересовался. И, насколько я понял, эфир зародыш начинал тянуть из эфирного плана самостоятельно, через неделю после начала “созревания”. Ну и ряд прочих тонкостей я подметил, которые подводили меня к тому, что надо бы начинать ставить эксперименты по воздействию воздушным эфиром на живые организмы. Первое время, понятно, что всё будет через задницу, но навык развивать надо.

Правда, останавливало меня то, что подходящих экспериментальных организмов не было. Биоинструменты в принципе не годились, у них подчас и ДНК-то отсутствовало (без шуток, часть живых инструментов не имела наследственной информации как класса, особенно из “несамовоспроизводимого”, типа стрекал, пула). Разве что корову у пейзажиста спереть в ночи глухой иль свести при свете дня, не без ехидства отмечал я, представляя реакцию слуг. Барин, затаскивающий мясомолочную бурёнку в свои покои... просто шик, хихикал я.

Но мелкий индрик народился, к чему я, наблюдающий его состояние, был готов. И, насобачив биодоспех, приоткрыл чан-тумбу, схоронив фигеющего от всего окружающего акулёнка в карман.

— Чародействовать еду, — бросил я продирающим глаза девицам.

Было это дело нередким, а отчёт о действиях... ну блин, девки со мной спят, живут... Даже не знаю, насколько это “семья”: всё же ряд моментов был сильно отличен от Миров с подобными социальными конструктами, но точно — небезразличные мне люди.

— Удачи вам, Стригор Стрижич, и возвращения ждём.

— Блага вам, Стригор Стрижич, и возвращайтесь. Лучше с вами, — улыбнулась Ола, породив из просто доброй, лыбу во всю пасть.

Вот умеет же девчонка, невзирая ни на что, приятное сказать, хмыкал я, взгромождаясь на Индрика.

Акулёныш тем временем что-то очень невнятно мыслеэмоционировал, чего я ни черта не понимал. Но Индрик, двинувший к воротам, навёл коммуникационное понимание: “жрать хочет мелкий”, — отмыслеэмоционировал он на моё мысленепонимание.

Хм, желудок у зверушки пока слабенький, прикинул я, да и направил Индрика в

Топляки.

Прибыв в деревеньку, моя барственность прервала славословия и посылы “по стрибогу” хотелкой:

— Молока мне желается, парного, Трисил.

— А на кой тебе, Стригор-батюшка? Ой, понял, будет тотчас, — вник он.

Вот даже косвенное стрекало, через Недума, весьма плодотворно действует. И вообще, хороший я барин... кабы только бы не осеменения эти бесконечные, данных бы мне побольше, да и народу, мысленно пожаловался на неустроение я.

Тем временем припёрли мне плошку тёплого, градусов тридцати восьми, молока. Ну и вытащив из кармана квакнувшего акулёнка, я его морду к молоку поднёс, но он закопошился, выскользнул из рук, плюхнулся в плошку и стал там натурально плавать, питаться и всячески выражать мыслеэмоциями радость и довольство.

Забавная такая животина, с улыбкой разглядывал я копошащуюся в заметно уменьшившемся в объёме молока акулину.

— А, Стригор Стрижич... — с любопытством пырился на мизансцену староста, но спросить боялся.

— Индирк-зверь. В Пуще наткнулся, дозором её обходя, покой оберегая Лога.

— Так это Стрибог-милостивец вам за труды неустанные награду пожаловал! — вытаращился на меня староста. — Второго Индрик-зверя, людишкам на радость, вам в подмогу.

— Угусь, — принял я теологическое и вполне приемлемое объяснение.

Пейзанство, столпившееся вокруг, изволило радоваться и ликовать всячески, гудя и прочее, а я почувствовал “адресный феромон”, который хоть и с трудом, но стал отличать от общего фона на запах.

А ну его нахер, у меня ещё неделя, мужественно решил я, делая пейзажу ручкой и направляя Индрика к воротам.

И тут мне на плечо бухнулся симург, и, голосом заслуженного пенсионера управленческих дел, проскрипел:

— Счастье великое, Стригор Стрижич! И радость нам — Стризар Стрижич пожаловать изволил!

Пейзанство ликования продолжили, а я Индрика подогнал. Всё же, как воспоминание Стригора о братце рисовали вполне симпатичного карапуза, так и я имел виды на сего с-с-студента. Ну, может, в Топляках через недельку меня подменит, размечтался я. В крайнем случае, кхм, разделим “лона жаждущие” по-братски. От этого студентик точно не отвертится. И вообще, интересно, как уживёмся и всё такое, с искренним интересом и предвкушением двигал я в поместье.

Стризара я увидел, как только открылись ворота: парень стоял, беседовал с Макосью. Ну, как по мне — несколько слишком отстранённо, хотя, прямо скажем, в этом случае и сословные различия, да и отсутствие сильных родственных чувств при длительной разлуке. Скажем так — именно общался, морду не кривил и, в целом, невзирая на довольно снобское выражение на морде лица (научили, блин, такой карапуз хороший был, по воспоминаниям Стригора), был явно благожелателен.

Я тихо сполз с Индрика, перехватив миску с посапывающим акулёнышем, не желая мешать, но братец меня углядел, Макось отослал (последняя с поклоном в мой адрес удалилась), ну и дотопал до меня. Кстати, были мы с ним чертовски похожи, разве что

вытянулся парень и меня даже немного перерос. Правда, был суховат и тощеват. Впрочем, откормим, потирал мысленно лапы я. У нас работы поле, кхм, нетраханное, да.

Подошёл, значит, изобразил какой-то невнятный и довольно вычурный поклон и изрёк:

— Приветствую, брат мой старший Стригор Стрижич. Выражаю надежду, что пребываете вы...

— Угусь, — покивал я. — Зар, тебя по башке в гимназии сильно били?

— Только по заднице... — потеряно выдал парень, но встряхнулся. — Я, признаться, получая ваше послание, брат, полагал что вы...

— А не соизволит ли мой многоуважаемый меньшей братец Стризар, снизойти до убогого, пребывающего в тени Пущи, старшего братца? — поинтересовался я. — И впрямь, Зар, оставь эту официальщину для чинов да встреч с посторонними. Родня мы, как-никак, и хватит меня на “вы” величать.

— Как скажешь, Стригор, — поморщился этот велеречивый паразит. — А здесь... фиалки? — наконец заметил он.

— Они самые, — покивал я. — И вообще, Зар, пойдём перекусим с дороги и... Леший приехал ты весьма вовремя. На, — протянул я ему миску с акулёнышем.

— Индрик?! Откуда?! — вытаращил парень глаза.

— В Пуще нашёл, — решил я пока не вываливать на парня часть информации. — Стрибог одарил.

— Стрибог... в Пуще... — бормотал парень нахмуренно, перекосясь, встряхнулся и глубоко поклонился. — Благодарю за дар бесценный...

— Угусь, жрать пошли, — кивнул я. — И акулёныша покормишь.

— Акулёныш? — нахмурился парень. — Странное имя.

— Ты где доспех-то потерял? — не стал я акцентироваться.

— На Мудрозвоне оставил, не подобает достойному мужу в доме в доспехе... И что я смешного сказал, брат?!

— Бугагашеньки, Мудро... звон. И это у меня имена странные, гыг, — проржался я. — Ладно, прости Зар, это я не над тобой, а над своей мыслью смеюсь. В честь зазнобы своей назвал? Погимудры?

— А ты откуда знаешь?!

— Да общался с соседом, — хмыкнул я. — От тебя-то симурга леший дождётся. Дурь, как по мне, с доспехом, да дело твое, в поместье и вправду неважно. И что, в гостях тоже снимешь?

— Конечно, прилично так! — вытянулся парень.

— Значит, буду неприличным, — решил я. — Всё, пошли трапезничать. И сказки мне расскажешь, о житье-бытье гимназическом.

— Расскажу, — кивнул несколько пришибленный парень.

— Служанки мои, Олу помнишь, наверное, — выдал я, заводя братца в покои.

— Помню, помню, привет тебе, Ола, — на физиономии Зара появилась искренняя улыбка.

— Привет и вам, Стризар Стрижич, блага вам и поздорову, — выскочила девчонка и поклонилась.

Люба тоже склонилась в поклоне, на моё “Люба, тоже служанка моя”, просто кивнул. Не вспомнил либо не придавал значения, да и не факт, что внимание в гимназии обращал.

И под сидр начал братец рассказ свой. Как учился, как пороли. Какой охренительный

тип Погибыч, и как у Зара пипирка, которая сердце, на Погибишну стоит.

А вообще — напряжён парень был, оглядывался и в меня всматривался пристально, когда думал, что я не вижу. Ну, я-то эфиром всё равно замечал.

Ну и чёрт знает. Так-то на правду “в общих чертах” проверял, хотя тяжело было: мой эфир в “родном”, стрижичевом, буквально растворялся. А взгляды, похоже, из-за несоответствия ожиданиям и воспоминаниям.

В общем, перекусили от души, Зар повеселел, стал на девчонок взгляды кидать.

— Моё, — отрезал я. — Ступай, Зар, в свои покои, отдохни. А коли ласки желаешь — девок в поместье полно.

— Как скажешь, Гор, — выдал братец, под градусом всё же скинув официальщину. — И вправду пойду, присмотрю, — и ускакал.

А я уселся на трон свой мыслительный и принялся мыслить мысли мудрые. Похоже, что Погибыч брата чуть не с первого класса в друзья-собутыльники определил. И вот не удивлюсь, что с подачи папаша своего, жука хитрожопого.

Ну да ладно, с этим разберёмся. Шесть дней у парня на “отдупление”, а потом я его в Топляки направлю. Нехрен, потому что. Справится и не заебётся — отлично, мне головной (в определённом, хех, смысле) боли меньше. А не справится (что очень вряд ли) или бузить начнёт — так подменяться будем. Совсем от осеменительной каторги я ему откосить не дам, факт.

Но это ладно, а что мне с ним, таким красивым, делать-то? Ну реально, у нас три деревеньки. Хотя... туплю: раз нас двое, то, например, те же части тварей можно в Росток сбывать сразу, не портя часть ингредиентов ожиданием доставки. А то я всё с Милом отправлял, только при оказии и то, что сохранилось. Да и людишек ещё можно будет набрать, а через полгода — четвертую деревеньку отгрохать, к примеру.

Что непонятно — по объёму эфира братец от меня отстаёт. Не сказать, чтобы сильно, но у него, вроде как, “искусство колдовское и чародейское” в гимназиях всяческих давалось. А Стригор в принципе не развивал эфирную требуху. Те же слёзки, что потребляет кладенец... Хотя стоп. Биодоспех, который Стригор снимал вне поместья, только чтобы потрахаться. Ну и кладенец, постоянные схватки и тот же постоянный трах на износ, которые, так или иначе, вынуждали эфир тратиться, а надсердечник трудиться.

Но всё равно странно. Хотя, может, и я так сильно раскачался...

И вот на этой прекрасной мысли надсердечник вдруг пронзила резкая боль, одновременно с которой в кровь поступила лошадиная доза серотонина, дофамина и эндорфина. Я от всего этого шасья бодро щеманулся в эфир, откуда с некоторым опасением наблюдал... хым, а енто, похоже, “уровень” взялся, оценил я просыпающиеся в мозгу “пустые” отделы. И чё енто нам такого полезного наплющило-то?

А наплющило нам “воздушный взрыв”, “воздушную подушку” и “воздушную сферу”.

И, блин, это... надо смотреть, считать, думать и моделировать.

— Ложитесь без меня, — бросил я девчонкам, развалился на троне, впад в полумедитацию.

Итак, поздравляю, Отмороженный, ты балбес, радостно поздравил я себя. Разобравшись в принципах функционирования “воздушного лезвия”, моя идиотичность просто... остановилась. Отметила, что Грей нихера не понимал, ну и радостно... не додумала мысль до конца. Вот ведь позорище, поджал я пальцы на ногах, с некоторым облегчением понимая, что наблюдателей моей тупости нет. И с некоторой печалью отмечая, что сам-то я всё знаю.

И болван, но буду лечиться.

Итак, что есть воздушный взрыв с точки зрения физики: некий объём воздуха сжимается, стягивается в эфирно удерживаемую область высокого давления. И освобождается, ентот самый взрыв и совершая. Подушка и сфера — явления одного типа с лезвием, там всё понятно, но вот с взрывом, который моя идиотическая персона могла осуществить, пусть с напряжением, но с самого начала... У-у-у, блин, стыдобень, в общем.

Значится, начав работать не с “воздухом”, а с его составляющими, что прекрасно возможно в рамках эфирного оперирования, я могу... да охренеть что я могу!

Мне не создать твёрдый кислород, факт. Но я, блин, пыхал косяки травяной муки КИСЛОРОДОМ! Мне нахер не сдалось делать его твёрдым, да даже делать взрыв! В двухметровой сфере чистого кислорода нормального давления, белковая и не очень органика... сгорит нахер. Белым или голубоватым пламенем, вопрос состава. Вообще не нужны ни яды, ни сложные соединения!

И, блин, что самое смешное, хер эфир от этого поможет, судорожно высчитывал я на терминале Архива. Ну, не вполне так, но, от части последствий высокотемпературного, а то и взрывного окисления, ЗНАЯ, чему противостоять, или сознательно и сильно желая “не гореть” Эс-ранг или Богоравный имеет шанс... отделаться нахер выгоревшими лёгкими и обширными ожогами всего себя. Восстановится и не помрёт, но, насколько, блин, простая и действенная магия! А что лютые монстры не помрут — так пока они будут мучиться и страдать от ожогов, их и пнуть до смерти беспрепятственно можно.

Хотя... хотя нахер рассуждения о Земном Крае. Я тут, а тут это тут, а не там. Маги местные сгорят весёлым огоньком. Хотя, биодоспех: надо проверить. Довольно сложная в нём органика, эфиронасыщенная. И монстры: тоже не факт, что все “сгорят весёлым пламенем”. Да и сжигать их кислородным огнём, как бы это... накладно, вообще-то. Куски монстров денежек стоят. Я их сожгу, а амфибия душевная — меня удавит, да и скажет, что так и было.

Но, при всём при том, получил я, чтоб его, весьма действенное и мощное оружие. Тестировать надо, только не в покоях.

Надумал я эти мудрости, накинул биодоспех, да и попёрся во двор, проверять. И, через пару часов пшиканий, вспышек и прочих признаков научно-исследовательского тыка, пришёл я к таким выводам:

Доспех кислород не возьмёт, это раз. Мага он не возьмёт в плане “сразу и в пепел” это два. Но, нанесёт местному магу слабосовместимые с жизнью травмы, это три. С магами Миров других — всё не так однозначно, да и хрен бы с ними, пока, по крайней мере.

То есть, если маг в доспехе полностью — то доспех получит ожог шкуры, на этом всё. “Плоть” доспеха на кислород покашливает высокомерно. Если из доспеха торчит кусок — то маг этим куском сгорит нахрен. Далее, даже будучи в биодоспехе, стоя на траве, например, маг чертовски уязвим. Эта трава, на минуточку, даст пламя от двух с полтиной до трёх тысяч по цельсию. И, кстати, аккуратнее надо быть с такой фигнёй, факт.

В общем — ультима ратио де Стригор у меня есть. Но, уж слишком этот ратио ультима, прямо скажем, так что хоть его наличие радует сердце, но все мои прочие наработки не лишние и нужны. В ангидриде ведь тоже есть свое кислотное очарование, между прочим.

А дальше, раздухарившийся я начал экспериментировать с плоскостями и геометрическими фигурами структурированного воздуха. Благо, новые колдунства дали мне вполне репрезентативную выборку типов и состояний. И, например, летать я могу уже

сейчас. Точнее парить, создав этакий структурный планер, довольно эфирозатратно и недолго, но могу. Прямо как толстые, прокаченные и могучие Стрижики.

В общем, ладно, поспать не удалось, но братца надо на информацию трясти, заключил я, получив от Солнца в глаз.

Из покоев Зара выскользнула служанка, Рада, вроде бы, поклонилась и поспешила заниматься имитацией бурной деятельности под началом Недума. А я ввалился к братцу, со своей классической и введшей парня в ступор фразой: “Вот ты не ждал, а я припёрся!”

И начал вопросы задавать, а после вообще вытащил парня на улицу, с деспотичным наказом “показывай!”

Показанное меня несколько удивило, заинтриговало и прочее. А именно, искусства чародейские были ими самыми. Вот только... во-первых, чисто местная разработка: конвертор эфира в нейтральный на глаголице. С запредельным и непредставимым мне ранее КПД в семьдесят процентов. Во-вторых, знал Стризар дюжину заклинаний, именно кругов и именно на футарке(!). Что, мягко говоря, местному человечеству, несколько несвойственно. А круги на футарке были довольно мне знакомыми огнешарами, воздушными лезвиями, молниями, телекинезом вульгарис. В общем, не только у возвысителя были круги, в Беловодье тоже остались. И конвертор — блин, реальное совершенство, я, признаться, до столь изящного выворачивания эфира наизнанку для придания ему нейтральности хрен додумался бы. Но итоговое КПД трат эфира, с учетом последующих потерь, выходит не более тридцати процентов, а эфирный орган качает довольно слабо, само оперирование кругом “конвертором” режет объём эфира. Это преодолимо, но нужно ЗНАТЬ, как это делать, а Стризара не учили. Видимо, в Академиях столичных “продвинутый курс”, хмыкнул я.

Позавтракали у меня, братец, посмотрев на присевших в уголке Олу с Любой с книгами, слегка прифигел. Поинтересовался и был доофигенен коробом с книжками.

— Бери, читай, я всё равно прочёл. Только читала у меня нет... — задумался я о повязке эфирного виденья — не хотелось у девчонок отнимать.

— У меня есть, — отвечивал дважды офигевший Стризар. — И ты ВСЁ прочитал? Тут не меньше половины книжной лавки, Гор!

— Тут ВСЯ книжная лавка Ростока, — хмыкнул я. — И да, всё.

В общем, удалялся братец в смятённых чувствах и олитературенный. А я поулыбался, да и стал прикидывать, как бы мне братцевы кондиции монстробойные проверить. Спарринг, что ль, устроить? А то Стрижики, но чёрт знает, чему его учили и как. Сам вообще со стрекалом каким-то странным был, с собой не носит, кладенец, видно, с доспехом бросил. В общем, проверить не помешает. А то сломают мне такого полезного помощальщика в трудах осеменительных песцы какие, обидно будет — писец как! Ну и немного жалко, не без этого.

В общем-то, может, и монстра какая-то появится, прикидывал я на совместном обеде. И, кстати, надо трапезную барственную сообразить. А то у меня и спальня, и баня, и кабинет, и чёрт в ступе, а не покой.

— Погибишне своей симурга шлешь? — с доброй улыбкой полюбопытствовал я.

Дело в том, что из покоев и в покой братца аж дважды мотался туда-сюда симург. Зар на вопрос аж слегка покраснел и буркнул “угу”. Хех, как гимназистка краснеет, а не гимназист, отметил я. Странно, а не приворожили ли, кстати, братца какой химией феромонной искусственного толка? Теоретически возможно, впрочем — разберёмся со временем.

И... не хочу сейчас спаринговаться и прочее, отметила моя сытость. Желая я девчонок моих, заключил я. И отжелал их всячески почти до вечера. Кстати, с Любой я стал перед эякуляцией семя стерилизовать. Не так травматично и всё такое, но не хрен. И вообще. Пока, по крайней мере.

И вот, валяюсь я довольный и удовлетворённый, девчонок уставших лениво помягкиваю, как со двора вопль:

— Господин Стрижич! Беда-напасть! — голосом недумьим.

Ну, заодно и братца проверю, философски заключил я, являя морду свою барственную из окна.

— Чего голосишь, Недум? У нас беда каждую седмицу если — удача великая, — тонко отметил я.

— Дык... — подвис старик. — Положено так, Стригор Стрижич. Беда ж!

— Ну, можешь кругами побегать, поголосить. И руками помахать, раз беда, — внёс я оригинальное предложение, полюбовался на кислую физиономию деда с полминуты и продолжил. — Ну не хочешь — не бегай. Что стряслось-то?

— Псоглавцы, Стригор Стрижич, Весёлки обижать идут.

— Много?

— Не ведаю, один точно есть, а большего Мёдка не доложила.

— Бардак какой, — отметил я, на что не вполне понявший меня Недум пожал плечами, но согласно закивал. — Ладно, выдвигаюсь.

Спустился к Стризару, вщемился, узрел дрыхнувшего с читалом на морде братца.

— Вставай, Стризар, нас ждут великие дела! — огласил я, пробудив соню.

— А, что... Гор? Что случилось? — просыпался он.

— Псоглавец или псоглавцы, леший знает, на Весёлки идут. Утомонить надо. А ты со мной, — обрадовал я родственника.

— А... Хорошо, Гор, я сейчас, — потопал он к ларю, извлекая биодоспех.

Надел, секунду призадумался над корзиной с мелким Акулёнышем, но понял, что брать карапуза с собой — бред. И... нацепил на себя всё то же, тонкое и короткое стрекало!

— Зар, где кладенец? — предчувствуя нехорошее, полюбопытствовал я.

— Нет у меня, Гор. Сулиман не хуже, в руках умелых, а кладенец для войны...

— Херь. Дай взглянуть, — отрезал я, требовательно протянув руку.

Зар своё стрекало отстегнул, а я стал рассматривать пакость. И, блин, это не стрекало. Это скорее меч, как он есть, отметил я. Эфир вообще не проводит, со стрекалом общего — только очевидная управляемость сжатием в незначительных пределах и такое же удлинение. Органика на гранях — хитин, фактически бритвенной остроты и сегментный.

Вообще — лучше стрекала в плане поражающего фактора. Но с кладенцом — и рядом не стоит, как в плане гибкости и дальности, так и пропуска эфира.

— Ну так, забавная игрушка, — хмыкнул я. — Людишкам от воронов отбиваться — милое дело. Но нам, Стрижичам, кладенец потребен и пристоеен, что бы тебе в гимназии ни ввали. Меняемся на сегодня, — отцепил я кладенец и кинул брату. — Как пользоваться хоть, не забыл?

— Не забыл, Гор. Но в приличных... — начал было он, но был прерван моим натуральным ржачем.

— Бугагашеньки, Зар! “Приличных”, не могу, гыг. У нас Пуца в дне пути, трети дня бега, мать её!

— Э-э-э... а ты?

— Ну, твою ковырялку я взял, — помахал я сулиманом ентим, приноравливаясь. — И вообще, псоглавцы нынче — твоя забота. А потом расскажешь, с хера ли благородный кладенец “неприличным” стал.

И поехали мы к Весёлкам, я на Индрике, Зар на своём, гыг, Мудрозвоне, щучьем сыне.

А по дороге братец меня просвещал, что, вишь ли, кладенец ставит в вопросах благородных родовича превыше человека любого, даже чиновника имперского, неродовитого, а это “не благородно”.

— Херня из-под Жоруна, — отрезал я. — Зар, все “имперские чины” — людишки императорской семьи. Не более и не менее. И то, что род императорский норовит благородных родовичей с теми людишками, кто ихней же волей возвышен... — на этом я задумался.

Ну, в принципе, с хрена ли это начинание образовалось — понятно. Создание именно сословий неродовитой бюрократии, да и чем бес не шутит — неродовитых дворян. Родович в силе, кстати, и с ентим шампуром неударённого разделаёт, позёвывая. И в общем — цели на централизацию я скорее одобряю, но вот вбивать в гимназии такое родовичу... А ведь вбивается, окинул я Стризара взглядом, да и продолжил.

— В общем, Зар. На своих, ленных земляцах имперская семья и вправе. По праву силы такие правила ставить. Но нам... Ты-то сам понимаешь, что такие же людишки они, чины неродовитые?

— А ведь и правда твоя, Гор, — ошарашенно уставился на меня братец. — Но Император...

— Хер с ним, есть причины, я и не сказать, чтоб осуждал, но позже потолкуем, — тыкнул я перстом в приближающиеся купола Весёлок. — Но нам на эти имперские фантазии, в Болотном Логе, да и в Росточе... — на этом я демонстративно сплюнул. — Уразумел?

— Странно сие, но уразумел, — задумчиво выдал братец.

Подъехали к Весёлкам, Мёда рассказала, что псоглавец один, яблоньки ломает и яблочки жрёт, пареньком каким-то закусил. Мужики со стрекалами и доспехами подтянулись, но нападать опасаются.

— И правильно делают. Ладно, пойдём с братом моим, Стризар Стрижичем, угомоним напасть.

— Блага вам, господа Стрижичи...

— И Мёда, чтоб тебя! Симурга шлёмь — говори, сколько тварей, чай, не девчонка сопливая!

И поскакали мы к садам, благо недалеко. А я припоминал что за зверь такой — псоглавец.

Вообще, выходил он этаким “развитием бера”. Подозреваю, именно из-за них беры вокруг Пуц и не водились: опасались.

Только псоглавец был бера раза в полтора поболее, с носорожьей шкурой складками, покрытой редкой щетиной, которая (щетина, в смысле) на башке превращалась в густую шерсть. И морда была более вытянутая, чем у бера, что, подозреваю, прозвище “псоглавец” и породило. Впрочем, беры и так волкоподобны, но тут морда более “псовая” выходила, очень чётко выделяясь волоснёй на фоне всей прочей туши. В общем, псоглавец, как он есть.

Добрались до садов, проехали мимо мужиков и увидели шатающего яблони псоглавца

— был у него, как и у бера, аппетит к сладкому. Впрочем, окровавленные клочки неподалёку указывали на аппетит и к человеческому.

— Действуй, поддержку, если что, — бросил я братцу, придерживая Индрика.

И тот... блин, я чуть в челодлань не впал! Начал братец тыкать кладенцом, как ковырялом своим. Ну, хоть эфир кладенец брал, так что шкура толстая хотя бы пробивалась. Но щучий Мудрозвон дёргался, при этом стоял на месте, вместо нанесения массы порезов — тычки, причём чёрт знает, с хрена ли не в буркалы и оскаленную пасть. Псоглавец рванул на братца, тот щучину свою отдёрнул, но не до конца — шкура псоглавца стесала шкуру, а задняя лапа — вырвла кусок мяса скакуна и приложила Стризару по ноге. Мудразвон этот впал в истерику, стал на дыбы вскакивать, Зар, вместо того чтоб спрыгнуть — успокаивать начал...

— Пиздец, — охарактеризовал я увиденное вслух. — Ну реально — с-с-студент, слов других нет.

И послал Индрика наперерез возвращающемуся псоглавцу. А то хер кто меня на херовых повинностях заменит.

И попробовал своё новое убойное колдунство. А именно, создал в лёгких зверюги воздушный хлопок. Слабенький, да и эфиранасыщена была тварь от души, но псоглавцу хватило. С рёвом вскинулся на дыбы, реально дымя пастью и ноздрями и получил моим тыкалом в нёбо. И помер, чуть на нас с Индриком не рухнув, паразит такой!

— Кладенец отдай, — подъехал я к усмирившему своего щука Зару.

— Дружинники должны...

— По жизни должны, только у нас их нет нихера. Будем учить. С-с-с-студент, — скептически посмотрел я на братца, от неловкости даже не отреагировавшего на некорректное название.

А я, размышляя о печальной участи моей, всеобщей неустроенности и всеобщем же гадстве, начал псоглавца кладенцом разделявать. Тварь эфиранасыщенная, да и съедобная, не хрен пейзамам деликатесы в одну коллективную ряжу жрать, я тоже хочу! Ну и клыки и печень псоглавца в скупке принималась, не без этого.

— Домой едем, — бросил я печально молчавшему Стризару. — Там потолкуем. А завтра в Росток. Кладенец тебе нужен. Да и учить тебя буду.

— Хорошо, Гор, — ответил с-с-студентик, следуя за мной.

Хотя нихера всё это было не “хорошо”, мудро отметил я.

11. Родственные неурядицы

В поместье хотел сожрать все пять кило мяса псоглавца в свою барственную харю: девчонкам без толку, разве что Люба забеременнеет вновь, чего не хотелось. А братец-с-с-студентик не заслужил! Но, по здравому размышлению, решил я с ним поделиться. Тренировать надо, а главное — я, блин, все эти пять кило хоть сожрать-то смогу, но с третьего буду давиться и страдать. Желудок справится, но оно мне нахрен не сдалось.

Ну а с утра вытащил я позёвывающего братца и поскакали мы в Росток. По дороге я зорко оглядывался и Зара теребил, на тему — на что он рассчитывал-то? В плане — сидеть в поместье, пока я тварей воевать буду, или как?

— Нет, брат, не оскорбляй меня так! — аж возмутился он.

— За-ме-ча-тель-но, — порадовался я. — Тогда скажи, Зар, как ты своими ухватками против людишек тварей воевать собирался?

— Дружину набрать мыслил. И мыслю! — вскинулся он. — Негоже нам, Стрижичам...

— Ой, дура-а-ак... — осенил себя челодланью я. — И скажи мне, братец, ты эту херь сам надумал?

— Не херь это! Многие в округе так живут! И наставники в гимназии...

— Людишки имперские? — ехидно осведомился я, на что Зар досадливо поморщился и кивнул. — Ну да, доки по тварям Пущи, куда деваться. А живут как Погибичи твои, ненаглядные, нашими силами прикрывающиеся и мощну набивающие?

— Не смей! Друзья они нам...

— Ты мне, братец, ещё поуказывай, что сметь, а что не сметь, — ласково улыбнулся я братцу, на что тот побледнел с чего-то. — Убеждать тебя я не буду, но поживешь парутройку седмиц в Логе, да сам поймёшь. Чай не идиот, а с-с-студент.

— Да что ж ты меня словом таки непотребным обзываешь? И что значит оно? — возмутился Зар.

— Очень даже потребное. Как раз про тебя, — хмыкнул я. — Школяр недоученный, знаний наглотававшийся, а применить их не могущий. Да и не понимающий до конца.

Парень надулся, аки трясинник на лихо, и отвернулся. Ну, блин, подкинула судьба родственничка, рассуждал скорбный я. Подросток в самом гормоне, да и вообще... Хотя я сам телом его на год старше, не более, мысленно хмыкнул я.

В общем, будем надеяться, что его пубертатность на осеменительных рудниках поможет. И к Погибишне я его пока, точнее её к нему, не подпущу. И так ветер в голове, а что дочурка жука-Погибича подростку на уши наплетёт и как ум за разум завренёт — никто не знает. И даже Небо, и даже Я.

И цацкаться с ним нельзя, тоже, блин, фактор, но и не перегнуть. Мне, чтоб его, соратник нужен: тогда и жизнь в Логе можно сносную организовать, причём с перспективами не худшими, да и на свои дела время останется.

А соратник — это не соплей подтирание. И ряд вещей Стризар сам должен понять, своим умом.

В общем, до Ростoka доскакали в молчании: я мысли мудрые, полные педагогичности, думал. Зар дуться изволил на мою во всём правую персону.

В городке, даже не задерживаясь, подскакал к скупке, запчасти псоглавца продал, взглядом орлиным по расценкам пробежался, в плане, не налюбливает ли меня Мил. Так-то

проверен и перепроверен, но мало ли.

Братец, судя виду ошарашенному, расценюк не знал. Несколько раз пастью похлопал, глазёнки на переносице свёл и промолчал.

— А ты думал, Зар, откуда деньги на обучение твоё да и прочее?

— Так мы же в деньгах купаться должны, Гор!

— Должны, если самим продавать. А так явится раза два в год купчина, купит что сохранится по десятой доле скупки — вот и всё купание. Я полгода как в Росток выбираться стал — и то, считай Лог в постоянной опасности.

— А сейчас?

— А ты думаешь мы тут задержимся? — хмыкнул я. — Сейчас тебе кладенец купим, да в Лог.

— Ночью, брат?! — ошалело посмотрел на меня Зар.

— Ночью, брат. Ты Стрижич, леший подери!

— И на дружину денег завались, — буркнул в сторону парень.

— И из кого ты её наберёшь, Зар? А главное, с тварями Пущи никакая дружина не справится. Из людишек наших? Так мало их! А в такой дружине после твари каждой убыль будет! Покамест — наша это ноша, Лог от тварей пущи беречь!

— И всё ж деньги решить вопрос могут!

— Не все вопросы, Зар, деньгами решить можно. Нам — да. А людишки наши на прокорм тварям пойдут. Я этого не желаю.

— Да и я не желаю! Но наёмиты есть, сильные! Да Хорсычей...

— Да ты, братец, совсем в своёе гимназии охерел, — констатировал я. — Мы, блядь, землёй владеем и людишками! Не пользуем их, а ВЛА-ДЕ-ЕМ! Уразумей! Не дар это, и не право! А долг и тягота наша, по праву и рождению Стрижича!

— Не поспоришь с тобой, Гор. И всё же...

— Ой, всё, — изящно завершил я диалог. — Сам всё увидишь и поймёшь, сейчас я тебе только ветром в уши дую. Месяцок в Логе поживи, подучись, посмотри. Вот тогда и спорить будешь. Вообще, дружину бы и можно... но только не нужно. То что у нас есть — получше дружины любой будет.

— Да что есть у нас...

— Увидишь, — отрезал я.

Завалились мы в лавку имперскую, я сходу кладенец хапнул, да и призадумался.

— А скажи, любезный, сулиманы есть у тебя?

— Есть, как не быть, господин. Лучший сулиман, для родовича благородного!

— Угу. Дай-ка мне дюжину, — прикинул потребности Лога я.

Может, позже и больше возьму, а пока хватит. И в принципе — повесомее, чем стрекало, аргумент енти сулиманы выходят, причём как раз для неодарённых.

— Сколько?!

— Да ты ухом слаб? — заботливо осведомился я.

— Нет, не слаб, простить прошу, господин...

— Прощаю. Сулиманы тащи.

— Но его один...

— Достал. Где сие написано? — демонстративно огляделся я. — Тащи дюжину, щучий сын! Или сразу говори, что родовича не уважаешь, глумишься бесстыже, ну и прочее там. Я тебя и излечу от недугов этих, — доброжелательно пообещал я.

— Уважаю, господин, уважаю, — продемонстрировал своё страшной силы уважение приказчик и побрёл на склад.

— А зачем тебе дюжина, Гор? — заинтересовался Зар.

— Рук себе дюжину отращу и буду тварей разить с силой необоримой, — изящно пошутил и блеснул аллегорическим подходом я.

Впрочем, с-с-студентик этого, похоже, не понял и опять надулся. Ну и хер с ним, как раз этот самый хер на днях понадобится.

В общем, припёр мне приказчик дюжину сулиманов, нагрузил я их на печально квакнувшего Индрика, да и выдвинулися мы домой. Братец в седле елозил, наконец, разинул клюв и вверг меня в челодлань в очередной раз:

— Гор, ты людишкам хочешь сулиманов отдать? Так это оружие благородное, негоже...

— Иди в жопу, Зар, — отрезал я.

— Ну и...

— И не нуди — следи за округой. Смеркается.

Примолк, но башкой завращал. Хотя, по совести, скорее мне его оборонять придётся.

Впрочем, налетевшая на нас в ночи глухой стая сов — ночных хищников, с довольно неприятными звуковыми, “у-у-ухающими” атаками, показала что Зар не совсем пропащий: четвёрку из девяти он зарубил, причём сулиманом своим. И с щучины своей спрыгнул, как только та от звука блажить начала.

Этак мы из него и приличного Стрижича со временем сделаем, размечтался я.

И тут мечты мои были самым препоганым образом нарушены.

В нагрудные карманы доспеха, вызвав гневный писк “моего” симурга, врезался симург тоже мой, но посланный Недумом. И противным (а, блин, какой может быть голос у послания, в ночи глухой, с окрестностей Пущи?!) голосенком начал причитать.

— Бесы, Стригор Стрижичь, бесы в Топляки ломятся! Тьма их, беда-горюшко!

— Пиздец, — ёмко охарактеризовал я ситуацию. — Так, скачем изо всех сил. Сколько бесов — леший знает, да и не углядят точно во тьме людишки. Если развалят ограду, поганцы — смерть Топлякам.

— С-скачем, — не стал возражать братец. — Гор, а что ты так о людишках убиваешься? При деньжищах таких и закупить можно?

Вот честно, хотел злобно рывкнуть, но блин, нельзя и глупо. Тут вопрос именно миропонимания и мироощущения, который, как мне бы хотелось, чтоб братец воспринял.

— Первое, Зар: людишки эти нас кормят и поют. И не перебивай — знаю я, что денег на тварях столько, что ужраться и упиться можно. Но! Едим мы не деньги, а еду. А за еду ту и труды свои людишки от нас подмогу получают и защиту. Не только они нам должны. Мы им тоже.

— Странно сие...

— Просто подумай, на досуге. Это нас Стрижичами, родовичами и делает. А не кичливось заносчивая и сила волшебная.

— Подумаю, — не стал спорить братец. — А вторая причина?

— Да вот леший знает, поймёшь ли ты меня. Но все мы в логе — родня близкая.

— Так это-то ясно, но всё одно — не родовичи.

— Не родовичи. А родня, всё одно. Свои, понимаешь?

— Не очень, Гор. Но есть правда в словах твоих, уразуметь только её надо.

— Ну вот со временем уразумеешь, — хмыкнул я.

В общем, скакали мы, как на пожар, хотя ожидавшее нас бедствие было похуже. И вот какого беса эти бесы в Топляки-то припёрлись? Мёдом им там намазано? Так Мёда в Весёлках, вообще-то, хмыкнул я.

А весёлого в бесах не было ни беса. Полуметровый кожаный мешок без костей, прыгучий, зараза, да ещё и слабым эфирным пламенем пыхающий. С костной челюстью, соединённой с рогами таким псевдочерепом. Рогами эта пакость тоже орудовала. И прыгала, и каталась, и огнём пыхала. И жрала принципиально человечину: хер знает, как в Пуще, но вне её — точно. Что живые коровы, к примеру, что туша — бесам похрен, рвутся к человечине.

Так-то, от одного мужик со стрекалом отобьётся при толике везения. Вот только твари были стайными, или роевыми — Стригор не знал, а мне смотреть надо. Судя по всему — всё же роевыми, поскольку чем бесов больше, тем паразиты умнее. И атаки синхронизируют, сволочи.

То есть, если сейчас стая, положим, в пару десятков бесов (средняя для них численность) жжёт ограду Топляков, то к часу перед рассветом — ограды не будет. А на рассвете заночуют в домах новые обитатели. Не любят бесы солнца, прячутся от него, хотя вроде даже глаз толком не имеют. А шкуру их паскудную и кладенец не сразу берёт.

— Кладенец бери. И не коли им, как сулиманом ентим. Руби и режь, не стой на месте, гоняй своего Мудрозвона ленивого, — бросил я, мимоходом сшибая сову в пасть Индрику.

Индрик в ответ отмыслеэмоционировал: “Хозяин хороший! А бесы гадкие и невкусные!” — Было у акулыча с ними неприятное знакомство, припомнил я, аж шрамищи на губе остались. Бес подкатился, скакнул, Индрик по привычке пасть раззявил радостно — ну а чо, жратва сама в пасть прыгает, радость, однако.

Вот только жратва рогами в верхнюю губищу вотнулась, стала нижней жевать. И изрядно пожевала, пока охреневающий от происходящего бардака Индрик не смахнул беса в пасть языком. Язычина у акула знатный, вполне можно как дубину использовать.

Так вот, помимо распаханных губ, заживавших почти седмицу, что для Индрика нонсенс, бес ещё и глотку акулу обжёт, пыхнув эфирным огоньком. Очевидно, оскорблённый попранием евонных прав на акулятину.

В общем, не любил акул бесов и охотился за ними со злопамятностью самого себя. Но акkuratно, поскольку знакомство было явно не самое приятное.

— Зар, чародейство у тебя водяное есть и световое? — уточнил я, вроде было в кругах, но в медитацию впадать явно не время.

— Есть, — буркнул братец. — Бич водяной, коль вода рядом, да светляк ночной.

— Ну, насчёт воды — хер знает. А вот светляком в бесов потычь для пробы. Солнца не любят, авось и светляком поймёт, — выдал я.

— Как скажешь, Гор, — выдал родственничек.

Ну вот реально, надутый, как гимназистка. Его там, пардон, Погибыч не пользовал тишком? Впрочем, похрен, да и хрень я несу, из мира Мороза.

Те же триста спартацев, не скудоумными янки снятыми, а настоящие — вполне себе мужеложцами были, как, впрочем, и баболожцами. Что им не мешало персияк, кстати, всячески гендерно верных, а не в как в фильме дурацкой, злостно запинывать тысячами.

Ну да ладно, но вопрос в том, что какие-то у братца реакции чрезмерно эмоциональные. И не проверишь ведь толком — воздушный эфир не развеивается, а ассимилируется стриживым организмом очень быстро, хрен толком статистику соберёшь.

Но, вроде бы, всё же не опоён. А значит, просто засраты мозги. Ну а кем — гимназическими мозгоклюями или Погибичами — совершенно пофиг.

Под эти мысли мы и поскакали в темноте к Топлякам. Бесов было до хрена, под четыре десятка, но я, автоматом посчитав, неверно оценил не прочность, а протяжённость ограды. Впрочем, сам факт бесовского присутствия это всё не отменяло. Так что, пустил я и так раззадоренного Индрика “мстить жгучим сволочам”. Сам же, тем временем, отслеживал краем глаза Зара. И создал кислородных хлопок, относительно небольшой.

Последствия — хреновые. Шкуру бесячью кислород не брал. И они, сволочи такие, похоже, и не дышали — по крайней мере, оказавшийся в кислородном пузыре бес корчился от горячей травы, а не от кислорода, как такового. Впрочем, хреновость была несколько условной: первое — от вспышки окрестные бесы просто замерли и сжались. Хрен знает, временная реакция у них на неожиданность или вообще на свет. Но терять время было глупо, так что ускорил я Индрика и начал неподатливую бесовскую плоть полосовать. Воздушные лезвия, кстати, на неё не действовали вообще — не уверен, что даже царапины оставались, уж очень эфиронасыщенная плоть.

Зар, тем временем, светил своим светляком, глуша им бесов и вполне успешно их кромсая. Индрик включился в развлекалово, отвешивая тварям мощных пинков и давя их — жрать бесов, после давних событий, он опасался.

А я, встречая прыгающих из темноты бесов рубящими ударами кладенца, призадумался. И даже вошёл в полумедитацию: и да, мудрый я оказался прав. Бесы координировались, да фактически создавали коллективный разум стаи в эфире. Вот я вам сейчас малину то и подпорчу, порадовался я, портя бесам малину. И... чуть не угробил нас с Заром.

Дело в том, что после уничтожения эфирной связи, уровень интеллекта бесов упал до величин чуть ли не отрицательных. И вся эта пакость, без какого бы то ни было порядка, радостно запрыгала на нас. Но — отбились, хотя и с трудом. Мне ногу рогом задело, пробив доспех. Зару — руку, так же. Но все бесы были благополучно прибиты.

— Уф, — почти синхронно вырвалось у нас, улыгнулись, но братец тут же посмурнел.

— Гор, ты использовал огонь. Как? — требовательно уставился он на меня.

— Я — маг воздуха. И это мой воздух, — привычно, ещё со времён Отмороженного ответил я.

Братец надулся, как мыш на крупу, но я решил развернуть ответ.

— Это и вправду воздух, Зар. Постараюсь научить, — с некоторым сомнением выдал я.

Дело в том, что без чёткой НКМ в башке — хер знает, что выйдет. В данном случае я не собирался зажимать знания, уж по воздуху — точно. Но вот удастся ли донести до этого с-с-студента принцип работы с атомами отдельных веществ — жорун ведает.

Братец на мои слова скривился, покивал в стиле “верю, ага-ага”, но я решил пока не устраивать разбора полётов — реально не до того пока.

А тем временем из Топляков вывалила орда пейзан. Подпрыгивали, ликовали и славословили “господ Стрижичей”.

— Ты это, Трисил, — поманил я старосту. — Пожрать нам сообрази. Лошадям тоже. И доспехам не совсем уж дрянь — кости, кожу. Хер они бесами нажрут, — констатировал я.

— Нешто попятнали, благой господин Стрижич?!

— Ты, бес подери, Трисил, не умничай, а веленое исполняй! — возмутился я.

Отчитываться ещё, блин, перед ним! И сам как будто слепой, не видит — в местах повреждений биодоспех горбился этаким шрамом, помогая телу и себя латая. Но пожрать

ему после “травмы” нужно, а то срок жизни ощутимо сократится.

И вот, развалились мы уже в Топляках, питались, биодоспехи в кучу шкур и костей (да и мяса там хватало) скинули. Индрик тоже питался, так что за отсутствующими ушами пищало, да и щучий Мудрозвон что-то потреблял.

Пейзанство широко раскинулось вокруг нас, славословно гудя и негромко славословя. А я принялся, хмыкнул, да и поманил Трисила.

— Во охотке девки-то, Трисил?

— Ой как в охотке, господин Стрижич!

— Ну вот и радость им, — счастливо улыбнулся я. — Зар, братец мой!

— Чего тебе, Гор? — настороженно уставился на мою лыбу с-с-студентик.

— Сыт ли ты, не тревожат ли раны? — проявлял заботу я.

— Благодарствую, сыт и не тревожат, — совсем занервничал парень.

— Ну и заебись, — обрадовался я, не столько ругаясь, сколько пророчествуя. — Трисил, сегодня семя Стрижичей... ну и всё такое, — завернул я излишний пафос. — Брат мой, Стризар Стрижич, дев осчастливит, с лонами ихними. Веди в избу ёбскую.

— Так сами побегут, Стригор Стрижич!

И вправду, пара десятков греющих уши девок, оглядываясь, щеманулись к избе.

— Гор, я...

— Пойдёшь и отлюбодействуешь всех, — отрезал я. — Бремя наше, Стрижичье это. А коли разум приложишь — поймёшь, зачем.

— Так отец же...

— Стривед помер от зелий да невоздержанности. А у меня всё по расписанию, раз в четыре седмицы деревенька. Мне что, уламывать тебя прикажешь?

— Да... ну... пойду я?

— Бегом!

И поскакал, горным козликом, феромоны тоже почувал. Вот и зашибись, растянулся довольный я на траве, положив под голову бочину довольного и сытого Индрика.

— А ты, Стригор Стрижич отчего...

— Отстань, Трисил, — продемонстрировал я старосте дулю. — Пусть братец отдувается. Ну а не справится — куда я денусь. Осчастливорю, дев с ихними лонами алкающими, — вздохнул я. — Но, думаю, справится, так что не мешай отдыхать.

— Понял, господин Стрижич, удалось, чтоб не мешать?

— Удаляйся, и остальных прихвати. Тут брата дождусь, — помахал я на пейзаж лапой, в стиле кыш-кыш.

И вот, валяюсь я спокойно, с чувством глубокого удовлетворения, как ни парадоксально это звучит, учитывая, от каких трудов я откосил. Мысли думаю мудрые, расчёты в Архиве провожу, и прикидываю, а не вздремнуть ли мне.

И тут, значит, просто шибает феромоном женским, причём адресно, причём меня! Вот ведь, фигня какая, вскинулся я, стараясь вкатить выкатившиеся на рефлексе яйца. И вижу, стоит значит давешняя девчонка, которая от “любодейства с жутким Стрижичем” ревмя рыдала и вообще. Смотри на меня, яйца выкаченные и губы нервно облизывает.

— Ты знаешь, я бы спросил, надо тебе чего, — вздохнул я. — Но и так всё чую. Ты что, с тех пор в охотке?

— Да, господин Стрижич... я с вами хочу!

— Героиня воздержания, блин, — закатил я глаза. — Ладно, иди сюда. Будем

экспозиционизмом и педагогизмом страдать, — вздохнул я, осознавая, что это даже не карма, а полный кармец.

И от повинностей осеменительных мне, похоже, откосить не удастся. Ну да ладно, одна всё-таки, а не толпа. Да и симпатичная, и забавная, главное — не привязываться, у меня и так служанок полные покои, друг друга удовлетворяют, по причине занятости моей время от времени!

— А почему страдать, Стригор Стрижич? — испуганно округлила глаза девчонка, но всё же шагнула ко мне — у неё аж бёдра влажные были.

— Хорошо, я страдать, ты наслаждаться, — дозволил барственный я.

И отымел её во все дыхательные и пихательные. Сама пришла, да и возбудила меня своим феромоном концентрированным! Впрочем, жертва имения, хоть и страдания стопами тихими проявляла, но после первого захода сама придвинулась и хобот потербила. Ну, значит, не прониклась, решил я и проник по новой.

Впрочем, на фоне ударного осеменения прошлых раз, сегодня как-то вообще целомудренно. Даже в удовольствие, довольно потянулся я, когда девица на подкашивающихся ногах и с ошалевшей мордашкой брела к дому.

Интересно, там Зара насмерть не затрахают, лениво думал я, но забил: хрен с-с-студента затрахает. Он сам кого хочешь затрахает — меня вот, своей студентностью уже.

И, часика через два после рассвета, заметно отошавший и шалой Зар выполз из ёбской избы. Проблеял что-то нечленораздельное, но на щучину свою взобрался бодро, на ёбскую избы оглядываясь.

Правда, я так и не понял — с ужасом или ожиданием? Хотя, по-моему, и с тем, и с тем.

Отъехали мы от Топляков, братец снесь какую-то грыз, ну и решил я просветиться.

— Понял что сегодня?

— Больше трёх девок — боле мука, чем удовольствие!

— Бугагашеньки, — порадовался я. — Ну, не совсем мука, но прав ты. А ещё?

— Не думаю я, Гор, что к моему возвращению ты такое устроил.

— Естественно, делать мне нехер, тебе девок поставлять. Сам не маленький!

— И про отца речь вёл. Да и в охотке девки... И ты говорил — раз в месяц. Но всё одно не понял — на кой?

— Блин, вот ты с-с-студент. В Логе мы все родичи, сложилось так. И дети...

— Родятся редко. А у родовичей... — дошло до парня. — И постоянно?

— Раньше — да. Сейчас раз в месяц в деревеньке. И рассчитываю, что с этим и ты, братец, справишься.

— А ты? Впрочем, коли раз в месяц, то труд не велик. Правда Поги... неважно.

— Ну, справишься — и отлично. А у нас тренировки предстоят, — по-доброму улыбнулся я, на что братец побледнел с чего-то.

Впрочем, перед делом, отловил я Мила, да и задал ему барственное ускорение в сторону Топляков: там бесовские черепа валяются, а они, между прочим, денежки стоят!

И начались у нас тренировки. Вообще, как я и прикидывал, делали из Зара в гимназии более дуэлянта, нежели бойца. А магия вообще — развлечение больше, нежели оружие. Довольно странно, если бы не одно “но”: гимназия — лишь начальный этап. И, насколько я выяснил, родовичей из младших родов ждала столичная Академия. Где, очевидно, учили не только херне всякой.

Ну да парень он молодой, а что ныл “Сердце болит, мочи нет! Пошади, Стригор!” — это

он по глупости. У меня тоже надсердечник болит, почти каждый день — но не ною же!

Правда, по-моему, я немного переборщил — парень от меня шарахаться стал. Не бегать, да и хер от педагогичного меня убежишь, но дёргался и зыркал исподлобья.

Впрочем, решил я месяцок, точнее уже две недели подождать, до осеменительного визита в Стрибожье. И вот после, спокойно с ним поговорить ещё раз. А то, по-моему, он считал, что я свои многочисленные садистические склонности на непричёмистом ём материализую.

Впрочем, разговор у нас случился несколько раньше мной намысленного. Причём не слишком удачно: предаюсь я, понимаешь, ради смены деятельности и вообще вдумчивому группенсексу с Олой и Любой. Как вдруг вваливается ко мне Зар. И стоит, паразит такой. Ну я-то ладно, мне если не похер, то принципиально останавливаться не стал. А девчонки попискивают и вообще охотку теряют.

— Братец мой Зар, — ядовито обратился я. — Не видишь, заня-а-ат я! Погоди с пол... с часок у себя, будь ласков!

— Хорошо, — буркнул и удалился оскорблённо.

Тоже блин, это мне тут оскорбляться впору, хмыкнул я, возвращаясь к вдумчивому группенсексу.

А закончив дела, побрёл к этому обломанному обломщику: ну не только же ради гадсти доброму мне он в покои вщемился.

В обиталище брата я аж присвистнул — Акулёныш, зверюга, вымахал до размеров крупной понятины.

— Вот, — потыкал братец в индрика. — Здоров стал, невмоготу с ним.

— Зар, а я тебе на кой? Лениво самому, так слугам в конюшни отвести вели. Или тебе дозволение надо? — на что последовал кивок. — Ну, позволяю, — дозволил добрый я. — И на кой оно тебе понадобилось-то?

— Кхм, эм, неважно, — охерительно понятливо ответил братец. — Брат мой старший Стригор Стрижич! Как старшего и главу, прошу тебе позволить мне в брак вступить, с сазной мой, Погимудрой Погибишной.

— Ну ты, блин, даёшь, — хмыкнул я. — Нет, Стризар...

— Понятно, так и думал я, — помрачнел парень. — Прости...

— Не прошу нихера! Ты какого лешего меня не дослушиваешь?! Покамест нет. Полгода или год потребен.

— Ясно, брат Стригор, — опять с оскорблённой мордой поконился братец. — Отведу, с дозволения вашего, индрика на конюшню.

— Да что хочешь делай, и... А, похер, — махнул я рукой вслед удаляющемуся.

Вот, блин, непонятно, чего он хочет-то. И вообще, возникает ощущение, что живёт в своём мирке. Ладно, надумал — так и поговорю через пару недель.

Но и следующий наш разговор с Стризаром состоялся гораздо раньше, и в гораздо более напряжённых обстоятельствах. А началось всё с того, что наутро разбудил меня Управитель с сообщением, что к воротам поместья приближается пара десятков человек.

12. Свет в конце Пущи

И что это за двадцатка, резонно задумался я. Для мытаря имперского и рановато, да и не бывает с ним столько народа. Даже если, положим, мытарь, с ним купец, взамен виновно убиенного — всё равно слишком много.

Сосед с дружеским визитом? Так только если визит “дружеский” с большими и ярко выраженными кавычками.

В общем, слишком много народу. И не в тех мы местах, чтоб народ таковой спокойно бродил по округе и в гости намыливался.

С этими мыслями я выскользнул из-под живой шкуры, которая, будучи живой, позволила мне девчонок не разбудить. Ещё секунду подумал, влезая в биодоспех, да и извлёк из ларя Росси, да и свинтил с него приклад. Кондиции из него позволяют с рук стрелять, а так он как раз в карманы нагрудные упирается, с парой обойм притом.

Ну и не стоит забывать, что против меня не твари, которым подчас и стрелять-то некуда. Проще застрелиться, обломав пакость Пущи, чем что-то пулей с ними сделать. А приближаются... Какого, мать его, хера?!!

Буквально кувырком ссыпавшись по лестнице, я наблюдал замечательную картину: двадцатка “гостюшек” в биодоспехах, с самострелами, фонащими эфиром, вваливались в открытые Заром ворота...

— Пиздец тебе неминуемый, с-с-студент! — не стал я скрывать мысли, одарив братца многообещающим взглядом.

Бррратец сжался, встряхнулся, поднял голову и с вызовом посмотрел на меня. Ну всё, точно пиздец неминуемый, я его пейзажам в качестве бесплатной рабоче-трахательной силы сдам. И выпорю, придурка, минимум два раза.

Вторженцы рассыпались полукругом, вскинув самострелы, наведённые на меня. В принципе — хер знает, быстро оценил я. Болты эфиром перекачены, вроде и алхимия гадкая. Десятку я положу, но... неприятно может быть.

— С чем пожаловал, тать поганый? — приветствовал вежливый я неспешно въезжающего на соморылом скакуне Погибыча.

— Да ты ополоумел...

— И невежда презренный, — покачал я головой, прервав пицание Погисила, кажется. — Хамишь хозяину в его доме, незваным явившись. Вон пошёл, вежества наберись сначала, бесово отродье.

Последним я Погибычу наносил весьма чувствительное оскорбление. Учитывая их родовую склонность и типичную бесовскую магию, это как если сильно курносого свинским сыном назвать. Понятно, что нет... но похож ведь, хех.

— Да... ты... чтоб! — натурально задымился Погибыч, притом что явно некурящий. — Дуэль, невежда! За право владения леном! А коль откажешься, пристрелить дружинным велью, как пса!

— Угу, только братец...

— Для него и стараюсь, — царственно бросил Погибыч, слезая со своего сома.

— А что ж ты сам мне вызов не бросил, братец? — не без ехидства осведомился я у молчащего придурковатого родственничка. — Или... не попросил, хотя бы? — уже ржанул я, но собрался.

— Негоже младшему родичу на старшего... — начал было Погибыч.

— Ну да, плесень худородная типа Погибычей на Старший Род куда как гоже.

— Да я тебя! — рванул с пояса Погибыч кладенец.

И начал охреневать. В смысле использовать колдунство своё подлючее, довольно ловко, кстати. Повышение температуры объектов, хер знает на каком расстоянии, но неприятно. Впрочем, именно бойцом он всё одно не был. Напыжился, держа кладенец в опущенной руке, колдунствуя. И, с начала выронил кладенец из рассечённой руки, а потом сверзился на траву, посечённый кладенцом, в ужасе смотря на жало в нескольких сантиметрах у глаза.

В этот момент я еле успел увернуться, да и то не до конца. Пидорские дружинники! Видимо это не “дуэль”, а банальное убийство, с каким-то псевдо прикрытием. В этот момент доспех напознал на голову, оберегая от жара, стора задетым плечом, вместо моего.

А я прикидывал. Валить надо, непонятно только куда. Во дворе меня положат, брать щенка-Погибыча в заложники — не успею, палить будут. Со всеми не справлюсь, меня нахрен спалят. Дом... опасно, у них в болтах магия весьма штурмовая. Ну, значит, будем штурмовать свой особняк. С нормальной позиции мне эти чмошники не противники, решил я, мыслевзревел Индрику “ко мне!” и рванул в открытые ворота, пропустив два болта за спиной. Сжёт кислородом рожи двух ближайших дружинников, сделал из лба Погибыча кладенцом задницу — очень утончённо и аллегорично.

Походя отвесил придурку-братцу пощёчину (возможно, чуть слишком сильно, но меня смертью убивали, не до сантиментов), ну и выскочил из ворот. И тут, разметав троицу дружинников, прихватив в качестве провианта полруки в биодоспехе, вылетел довольный, как слон, Индрик. Я подпрыгнул, зверюга ввинтился под меня, ну и втопил зигзагом.

Так, а Зар врата-то закрывает, через полминуты почувствовал я. Ну и хрен с ним, мне даже проще, да и заложил дугу к стенам поместья.

Дело в том, что Управитель, при всех своих урезанных особенностях живого организма, оставался живым. И на посыл Зара, конечно, ответил. Вот только я нашу связь “обновил”, да и регулярно пользовался. То есть, я просто запретил биокомпу оповещать Зара о моих действиях.

В общем, подогнал я Индрика, повелел управителю сделать мне выбоины на стене — что, в отличие от наращивания, он делал буквально за минуту, да и заторопился я на стену. Просто два каких-то уroda вваливались в мои покои, а мне это не нравилось. Впрочем, девочек, вроде бы, не трогали, а медленно спускались по лестнице, правда, вместе с ними.

Так, время есть, надо думать и наблюдать, решил я, извлёк Росси и стал приглядывать за творящимся во дворе, в прицел.

Так, полторы дюжины дружинников расползлись по двору, периодически рывкают на высовывающих из людской физиономии слуг. Сам факт, что невзирая на рывки, всё равно высовывают — положительный. Плюс им в карму, отметил я, ну и переключился на братца и его дружка.

А эта парочка изволила сраться, с жестами и перекошенными мордами. Погибыч, правда, щель на лбу, превращающую его башку в то, чем она и является, лапкой прикрывал. И вот, ругаются, тремя лапками размахивают, и тут погибычевая дрянь отвешивает по перекошенной моей оплеухой заровой морде оплеуху! Ну вот хамство, возмутился я. Конечно, симметрию я и сам уважаю, но гвоздить братца по мордасам имею право только я!

Братец рожу скорчил скорбную, отшатнулся, но примолк. Ну вообще пиздец, испортили мне Стрижича, мимоходом опечалился я. Это этого придурка либо и вправду в сексуальное

рабство пейзажам, пока не боится до смерти. Либо долго и упорно воспитывать. Как дитё малое, не считывая на “догадается”. Он, с-с-студентик, уже надогадывался. На предательство Рода, брата... В общем, буду воспитывать с нечеловечески жестоким педагогизмом. Или помрёт, или станет человеком, блин!

Тем временем, пара дружинников, тащивших, скоты такие, МОИ лари, показались, подгоняя криками МОИХ служанок. Я несколько озверел, начав прикидывать, как щаз буду творить леденящий сердце орднунг, как...

Какой-то поганый дружинник протянул лапу, да и стукнул по попе Олу. Мою Олу!

А я... поймал отмороженный флешбек. Сознание расклячило между телом и эфиром, похоже, процесс оптимизации нервных клеток, причём в районе мозга, скачкообразно продвинулся. Судя по неслабой боли в башке и явному, просто на глазах проявляющемуся дефициту массы. Впрочем, это меня не волновало. Перед сознанием промелькнула картина встречи нашей археологической группы и поганых готтийцев. И вся моя сущность веско сказала “нет!” подобному развитию событий. А раскляченное сознание, по-моему, включившее в когнитивную деятельность элементы Архива, стало в предельно ужатые сроки просчитывать варианты, отмечать цели и очерёдность.

И верно, определился я, вытаскивая сначала обоймы, потом “наплывая” доспехом на гребень стены, а потом и Росси. Нужны две руки и одной початой обоймы не хватит, скользили мысли. Дружинники... в расход. Ни пользы, ни выгоды, высок риск.

Далее, лживое чмо погибильное... нет. Изувечить и пленить. Объект исследований, возможный заложник и предмет торга.

Зар... нет, в качестве объекта устранения не рассматривается. Остаётся своим. Условно и пока, но “свой”.

Цели есть, головы открыты, впрочем, Росси и биодоспех прострелит без проблем — там несколько иной принцип защиты, больше от болтов и плавного наращивания усилия.

Ну, вздохнул-выдохнул я, поехали. И мозги тянувшего к Оле лапу уroda испачкали стену. Через долю секунды — его соседа.

Следующим, в порядке приоритетной очереди был Погибыч — и на нём вышла заминка. Колено гавнюка превратилось в фарш, рожа плаксиво и жалко перекосилась, но биодоспех удержал. Пришлось тратить ещё один выстрел, дробя вторую ходилку.

А дальше я застрочил по дёргающимся дружинникам. Понять бы они ничего не успели, но задержка на Погибыче и необходимость перезарядки привела к тому, что моё положение четвёрка оставшихся в живых определила. И выстрелили. Хер знает, попали бы или нет. Но стрелять я не стал, оскалившись, наблюдая, как четыре болта стучаются в воздушную плоскость. Разрушили, но потеряли энергию и опали на землю. Блин, кто ж знал, хотя... там земля рядом, а она могла с погибычевой магией начать гореть под ногами, температура в тысячу градусов, не меньше, судя по повреждению биодоспеха.

Впрочем, не время мысли думать. Время ещё будет. Пристрелил оставшуюся четвёрку, заменил обойму на полную, убрал в карман. Вздохнул, перевалил через стену, прыгнул и под взглядом пяти пар выпученных глаз (Недум морду из людской высунул), спланировал во двор на воздушных плоскостях. Зар аж на жопу упал, тряся башкой. Ну или пытается прикрыть филей от праведного педагогизма, но нихера не поможет.

— Ола, Люба! — рывкнул я, но слегка улыбнулся. — В покои мои, бегом.

Девчонки с писком фактически исчезли в доме. А я, доведя улыбку до поистине ангельских кондиций, неторопливо пошёл к сидевшему на жопе Зару и подвывающему

Погибычу. По дороге подумал, да и не снимая доспех, нарастил питательное щупало — они мне доспех повредили, они его потери пусть и восполняют, справедливо заключил я. Ну и психологический эффект — тоже вещь небесполезная, отметил я ужас в глазах парочки, когда доспех стал поглощать труп дружинника.

— Стригор...

— Заткнись. Разинешь пасть без дозволения — лишу руки или ноги. Отошёл к стеночке, встал — и ждать, не дёргаясь, — по-доброму огласил я родственничку. — Уразумел?

— Я... уразумел, — поник парень и отошёл к стеночке.

Хм, а не сломаю ли? Хотя и хер с ним, если сломаю. Тут реально совершенно не факт, что это, когда-то бывшее симпатичным паренёком-почемучкой, годится на что-то, кроме спермобанка для популяции Лога. Сломается — туда и дорога, окончательно махнул я лапой.

— Погибы-ы-ыч, — почти пропел я. — И что же делать с тобой, лживый тать?

— Я...кх-х-х... не...

— Тать поганый, лжец, честь поправший, — покивал я. — Ты людишек привёл, их деяния — твои. Вмешательство в схватку было, покушение людишек на жизнь благородного исподтишка — было. И ты их главный. А значит тать поганый и бесчестная тварь, снисхождения и обращения достойного не заслуживающая.

— Отец...

— Не бойсь, — подмигнул я парню. — Визит нанесу. Он же глава рода, а значит также преступная мразь.

— Он не знал!

— А мне похер, Погибыч. Ты начал кровную вражду со Стрижичами. И я вас просто истреблю. И глава рода, породивший такую погань, как ты — виновен, как и прочие родовичи.

— Не тронь Погимудру-у-у-а-а-а! — взвыл братец, от хлопка чистого кислорода, опалившего неодоспешенный торс.

— Я тебя, Зар, предупреждал. Сейчас тоже предупредил. В последний раз, ещё раз гавкнешь — будешь кусочки терять. Себя кусочки, — уточнил я.

Осмотрел ещё раз внутренний двор, более поле боя напоминающий, после того, как всех на поле перебили. И впал в полутранс, чтобы понять, а что мне, собственно, делать.

Погибычей вырезать? Ну, в принципе, можно. Потяну теоретически, риск не столь велик. Людишек приберу, девку на опыты... И на хер мне это не нужно и неинтересно.

Хотя, уточнить пару моментов не помешает. В том, что о “гостевом визите” Погислав не знал — этот придурок не врал. Но, Погислав — жук ещё тот. Мог и “не знать” напоказ. Впрочем, меняет это немного.

— У тебя есть шанс сохранить жизнь, — обратился я к Погибычу. — Если ты полно и честно ответишь на вопросы. Соврёшь, отмолчишься — ты не родня мне, Погибыч. Начну на ломтики кромсать, уже без промедления. Итак, вопрос первый, подговаривал ли Погисил тебя к дружбе со Стризаром Стрижичем?

— Нет... И-и-и-и! — заорал потерявший ухо парень.

— Я предупреждал, — солнечно улыбнулся я. — У тебя есть возможность ответить, и подумай, прежде чем врать. Ушей всего два, пальцев двадцать... много не наврёшь, и враньё я вижу.

— Не под-подговаривал! — всхлипнул парень. — Говорил, что для рода благо будет...

— Продолжай, — слегка пихнул я голень крепящуюся к размозжённому колену.

— Благо будет, коль Стрижици на него поработают... и им, непутёвым, доход какой-никако-о-ой... — натурально зарыдал парень.

— Так вот, братец дорогой, уразумел?

— Уразумел. Сил, да как же так?

— Да я другом тебе был, да и есть, — шмыгнул Погибыч.

— И по челу меня от дружбы бил, — припомнил Зар. — А Погимудра?

— Отвечай, — поизвивал я кладенцом.

— Отец велел! Но глянулся ты ей!

— Не вер...

— Зря, Зар. Не врёт. Но может, и не знает. А теперь к тебе вопрос. Спокойно, подробно и честно ответь: что хотел, что думал и почему. Соврёшь — сам видишь, что будет. Родство меня не остановит, ты меня уже убивал предательством, — улыбнулся я.

— Нет! Я... мне Сил обещал, — сморщился братец, понимая как всё это ныне выглядит, — что от тебя только отречение от главы рода потребует, после победы, в мою пользу.

— И ты поверил, а главное — род предал, с наймитом подлым. Из-за чего? Честно говори!

И поведал мне братец такую, в общем-то ожидаемую историю. Так и так, в гимназии сошлись с Погибычем, сидр пьянствовали и обсуждали, как никто нихрена не понимает, а они молодые-прогрессивные и понимают всё. А уж мща у них у-у-ух...

И надумала эта двоица, что вот негоже какому-то бирюку из Лога, тупому и читать не умеющему, родом рулить. У Стризара лучше выйдет, ну и, соответственно, он рулить не будет. Но против рода итти не хочется, вот и Погисил, который в потешных поединках был весь из себя лучшим в гимназии (от самоубийства челодланью меня спас только могучий разум и крепкий череп. Впрочем, от самой челодлани не спас). И вот, соответственно, приезжает Зар в Лог и видит — а братец не тупой, а совсем наоборот.

— И прощения прошу у вас, Стригор Стрижич, — неожиданно поклонился парень. — Огонь ваш и вправду воздух, как опалило — сердцем почувал.

— Из всего что натворил — за это прощения просишь? — не без ехидства полюбопытствовал я, а Зар насупился и взгляд опустил. — Так, ясно, а что ж, ежели всё оказалось как есть, ты этого, — тыкнул я в Погибыча, — позвал?

— Погимудра, — почти неслышно прошептал он. — Люба она мне...

— И чё? Сказал же, не против я, — хмыкнул я.

— Погислав Погибыч рёк, что сговорился с тобой её тебе отдать, — выдал братец. — И ей к тому готовиться повелел. А ты в браке отказал...

— Пиздец, — охарактеризовал я расклад. — Я с Погибычем ентим один раз беседу вёл. И между делом сказал, что не слишком гоже меньшому вперёд старшего жениться. Но потерпеть можно! А вы, да и жук этот погибельный вон оно как всё повернули, — сплюнул я. — И что с тобой теперь делать-то Зар? — опущенная голова и пожатие плечами. — Охренеть. Ладно, вали в покои свои. Вылезешь — прибью. А пока с этим разберусь и думать буду.

— А...

— Бегом, — улыбнулся я, после чего парня как ветром сдуло. — Так, Погибыч, сейчас я, для начала, тебя научно-исследовательски помучаю, — потёр я чистые и сухие лапки.

Ну а что — развитый и функциональный эфирный орган. Я на Погибишну своё исследовало точил, а тут и пораньше вышло. И ни жалко ни хрена, если честно.

— Не надо... — заскулил Погибыч, скорее всего, кроме “помучаю”, ничего не понявший, но и этого хватило.

— Надо, Погибыч, надо, — констатировал я.

И плоскостями воздуха отколупнул немного лёгких, несколько десятков клеток — больше и не надо.

Парень, видно, всё равно прочувствовал, задёргался, взвыл от отсутствия коленей потревоженных.

— Во-о-от, — довольно схоронил я клетки в карман. — Помучили, а теперь я тебя в узилище заключу. Так-то смерть жестокую заслужил, — вещал я, таща кладенцом подвывающего парня. — Но может, и сгодишься на что. Ещё помучить там, или подобное что.

Парень натурально рыдал — впрочем, страх его понять можно. Но жалости испытывать... да щаз! Этот пиздюк меня и убить мог, а уж что с девчонками бы было с его подачи — а ему пофиг... Убить всё же, что ли, прикинул я, да и плюнул. Раз уж братца-придурка смертью не убиваю, то и этот придурок путь живёт. Пока.

А там посмотрим, что с Погибычами выйдет. Может и отпущу... за выгоду большую. А может и нет, посмотрим.

Управитель, пока я волок болезного, прорастил в стене подвала восемь щупалец побегов, я пленника в них ткнул, а они охватили торс и конечности, вызвав ультразвуковой визг. Управителю на травмы кого-то там индифферентно, он приказ исполняет.

— Рыпнешься или колдовать будешь — узнаю. Ждать, чего я надумаю — будет кусок тебя поменьше, чем сейчас есть, — выдал я, на что последовал судорожный кивок с поскуливанием. — Ну, я пошёл, — скорее себе сообщил я.

Поднялся, оглядел широко раскинувшиеся трупы по двору, особенно полуобглоданный скелет доставлял. Хмыкнул я, да и заголосил:

— Недум!!!

— Чего изволите, Стригор Стрижич?! — материализовался ветеран управленческих дел.

— Какого хера двор засрат, а его никто не убирает? — полюбопытствовал я.

— Э-э-э... виноват? — попробовал найти вменяемый ответ старик.

— Вообще-то не очень, — отметил справедливый я. — Скорее даже местами молодец. Но всё одно, порядок навести!

— А-а-а...

— Ты, Недум, петь больше не вздумай. Хреново выходит, — честно сообщил я. — Так, доспехи и оружие — отчистить и в арсенал. Мясо вражье — управителю скормить. Ну и вообще прибрать.

— Не извольте сумлеваться, Стригор Стрижич, всё справим, — метнулся, как молодой, ветеран, и двор заполнился суетой.

И подошёл ко мне и смотрит этак жалобно-вопросительно. Я в думах пребывал, но от пырины этого пребывать перестал, хмыкнул и осведомился:

— Хотел что, Недум?

— Стригор Стрижич, не гневайтесь...

— Посмотрим. Говори.

— С Стризаром Стрижичем что будет? — поинтересовался старик, аж зажмурившись от

собственной смелости.

— Хороший вопрос, — оценил я. — А ты, Недум, понимаешь, что он сотворил?

— Как не понимать, Стригор Стрижич, — печально поник старик.

— Вот не знаю я. Понимаешь, Недум... Он главой рода стать тщился.

— Казнь...

— Похер на традиции, — отмахнулся я. — Понимаешь, Недум... Душно мне в Логе. Хорошо, нужен я тут, а всё одно душно.

— Не погуби...

— Встать! Дослушать! — рявкнул я на повалившегося на колени управляющего.

Паразит такой вставать не желал, но на моё задумчивое “и где стрекальщик мой?” — вскочил, как молодой.

— Во-о-от. Я хочу по Империи попутешествовать, Недум. В Академию столичную попасть. Не бросить Лог — это и подло и глупо. Но... отдохнуть, поучиться. Понимаешь, старик?

— Понимаю, Стригор Стрижич, но людишки...

— А вот тот, о котором ты спросил — сам подставился, — оскалился я так, что старик от меня отшатнулся.

— Поясните, будьте ласковы, Стригор Стрижич, не уразумею я вас.

— Он либо научится быть тем, кем тщился стать, — ответил я. — Главой, защитой и опорой. Или сдохнет в учении!

— Сие... вам виднее, Стригор Стрижич! Справедливы вы и милостивы!

— Со страшной и неотвратимой силой, — хмыкнул я. — И никто не уйдёт обиженным... Недум! — дёрнулся я. — Людишек в людскую, сам укройся!

— Нечто напасть какая?!

— Бегом, — тихо произнес я, чего хватило.

Просто управитель докладывал о приближении к особняку группы в полсотни с лишним человек. И вот опять же, как-то не верится в добрососедский визит.

Рожу мою пересекла, похоже, въевшаяся улыбка, в полуприбранном дворе поднялся сквозняк, ледяной, судя по изморози на траве. Ух как я могу, отметил я, не без иронии отметив, что небось, рога из тьмы и льда в материи проявились.

Ну, гости дорогие, добро пожаловать, мысленно поприветствовал я визитёров и с разбегу взобрался по стене. И чуть не сверзился обратно во двор, наткнувшись мордой на разъявленную, огромную акулю пасть!

— Напугал, скотина! — возмутился я.

“Я жду-жду, а хозяин-дурак не зовёт! И не отзывается!” — возмущённо отмыслеемоционировал Индрик. — “Ну я сам и забрался”.

— Ну да, виноват, — признал я. — Дам сахара фиалкового.

“Точно?” — недоверчиво уставился на меня акул, повернув башку.

— Точно. В конюшню сам доберёшься?

На что Индрик фыркнул, перевалил через стену и с осязательным сотрясением рухнул во двор. После чего вальяжно направился в конюшню.

Ну, вообще-то, к лучшему, отметил я. Если бы не акул, я бы реально устроил леденящую кровь резню. Не то, чтобы она была не нужна — тут ещё посмотрим. Но я “посмотреть” был не готов. А был готов “кромсать-убивать всех, кто под руку подвернётся”. Демонею, что ли... хер знает, разберёмся, отмахнулся я от несвоевременных мыслей.

И устался в воздушную зрительную трубу, ехидно оскалившись. Соседушка, Погислав свет Погибыч, в силах тяжких. И ярла два припёр, казёл, и полсотни дружины... Так, надо вежливо начать переговорный процесс, прикинул я, вытаскивая Росси, вздохнув над патронами, да и выпустил три пули.

Первые две в основания шеи ярлам, отчего самоходные осадные самострелы изволили лапками посучить и сдохнуть. А третью — в щучину Погибыча. Тот с подыхающей скотины ссыпался, отрадно по траве покотившись.

Ну а я начал воздух неподалёку от него колебать, и колебания же воспринимать — вообще, к стыду своему, только догадался, но догадался.

— Поздраву, соседушка, — раздался мой голос над ухом Погибыча, плавно меняя место источника звука. — С чем пожаловал, ответствуй. И не тужься, тут я тебя везде услышу.

— Стригор... Стрижич, — собрался дядька. — Я... в гости...

— Бугагашеньки, — с реверберацией и свистом ветра отозвался ветер вокруг Погибыча. — К отродью своему в гости, который меня бесчестно погубил? Так не вышло у него, уж не обессудь, — после чего раздался хохот, с хлопками воздуха.

— Сын мой жив?

— А скажу мёртв, по ветру клочки злодейской разметало?

— Не глумись, Стригор Стрижич! Говори, жив или нет!

— А ты мне поуказывай, тать, родитель татя, — хмыкнул ветер.

— Коль мёртв... уйду. Но кровь между нами!

— Да кто ж тебя отпустит, татя гнусного? И людишек твоих?

После чего локоть одного из дружинников пробила пуля. Жалко было боеприпас, но аргумент нужен, а в другое место... так и пулю найти можно. Если переговоры будут. А это лишнее. В тварях никто искать не будет, да и не возьмёт никто, а вот убивать ещё мне не хотелось. Но врачеватель пулю гарантированно найдёт.

Дружинник взвыл, а Погибыч, уже вставший на ноги, вдруг бухнулся на колени, махнув дружине рукой. И они бухнулись.

— Пощади, Владыка Воздушный, не губи, Стрибожья сила! Одно молю, скажи — жие Погисил?

— Жив, — хмыкнул я, обдумывая ситуацию.

И искренне хмыкнул — вот сам не подумал, да и оставались только легенды. Давненько Владык не появлялось, раскачавших эфирный орган до А-ранговой, по моим меркам, магии. Хрен знает, почему, но это полёты, бури, и прочая воздвигина у Стрижичей, стены огня и подобное у Хорсычей и так далее.

Почему не появлялись — в общем я понял только сейчас. Много слишком стало родовичей. Нет жизни на грани смерти десятилетиями, а одной тренировкой, подозреваю, не раскачаешь орган. Тут и стрессовые гормоны нужны, и волежелание... Много факторов. Вплоть до посвящения стихии, как в Земном Крае, хоть и по-другому — объём эфира-то не тот.

И вот, Погибыч принял меня за того самого Владыку. Что, в общем, логично — дистанция поражения, поливариантность воздействия. Он “что-то чувствует”, но не более. Ну а что при встрече почуял, что я его слабее (а так и нынче есть), так я “настолько сильнее, что не чувствует всей мощи моей”.

Вдобавок Стрижичи — вообще редкость, а их Владыки — легенды изустные, поскольку письменных нихрена не осталось.

Ну, ладно, пусть считает, милостиво разрешил я. Такому жуку считать, что жив лишь милостью моей — полезно. Может, и впрямь терпимым соседом станет, хмыкнул я.

И в рамках нового ампула несколько рискнул. А именно, спрыгнул со стены и плавно, по диагонали спустился в точку в паре десятков метров от коленопреклонённых. Жажнуть их кислородом насмерть у меня сил точно хватит, а если без резни — то и нормально выйдет.

Утвердился на травке и уже лишь чуть усиливая голос низкочастотным подвыванием ветра, изрёк:

— Встань, Погислав. И подойди. Приглашаю тебя в дом свой, на час. А там посмотрим.

Дядька вскинулся и подбежал, заглядывая в рот.

— Жив Погислав. Решать будем, что с вами делать. Зачем дружину привёл? — уточнил я. — И помни: ложь — погибель твоя Погибыч.

— Я у Погимудры выведал, куда сын двинулся, — вздохнул дядька.

— Угу. Отбить мыслил сына? — на что Погибыч молча кивнул. — Ну... Не в том вина, — определил я. — Заходи, — а после входа во двор присел я на воздух.

Погибычу осталось садиться на траву, что он и сделал.

— Да, вина в том, что сын твой на битву меня честную вызвал. А когда победил я — дружинные твои в бой вмешались, убить меня тщились. Есть что сказать, Погибыч?

— Есть, Стригор Стрижич. Повелел я телохранителям беречь Погислава пуще жизни своей. Кто ж знал...

— Ты знать должен был! — простёр я перст. — Они ж и брата моего совратили, ведаешь?

— Ведаю, не губи...

— Не губить?! А делать мне что велишь?! Спустить с рук? — ухмыльнулся я.

— Нет, Стригор Стрижич, не молвлю я глупость. Но...

— В общем, думал я семя ваше извести... Но передумал, — успокоил я дёрнувшегося дядьку. — Слушай меня Погислав: пойдёте всем родом под Стрижичей из Лога. На богатства из тварей Пущи зарился? Ну вот и получишь. Но с тяготой, — ухмыльнулся я.

— Погоди, Стригор Стрижич, это ж...

— Слушай как поступим. Я братца своего, Стризара, буду от дури, твоими детинушками ему в голову вбитой, лечить. Может, и померёт от лечения того, — пожал я плечами. — Но туда и дорога. А коль не померёт — отдашь за него Погимудру свою.

— А коль померёт?

— Мне отдашь, — вздохнул я. — Те же полгода твой сын будет у меня в обучении. Знаешь, зачем? — на что понурый дядька помотал головой. — А затем, что тварей Пущи будет учиться бить. И богатство Погибычи получают. Трудом своими, как и нашими.

— А не померёт?

— Не померёт, если супротивить не будет. С него спрос иной, — хмыкнул я. — Пойдём, потолкуешь с сыном.

А пока Погислав натурально пиздил сынульку — без жалости, у него не такие уж и страшные местным раны, я обдумывал свои планы.

Итак, мне в идеале надо скинуть на несколько лет Лог на кого-нибудь. На Зара, в идеале. Но веры в то, что вытянет — пока нет. А вот на парочку одарённых — а почему нет? Более того, у Зара точно в таком раскладе народится наследник.

И в таком раскладе, я спокойно смогу помотаться по Империи, собрать знаний, может, на Архипелаг метнусь. Да подучусь, как мыслил, в плане управления и понимания его.

Лог бросать не буду и вернусь. Но со знанием, что делать. И стану в стороне — если Зар справится. А если совсем как глава справится, то можно и башню свою совсем отдельно построить. С Олой и Любой, а больше мне никто и не нужен долго будет. Постигать всякое, учиться, найду чем заняться, да и выбираться буду, не по нужде, а по желанию.

Но это совсем идеал, вряд ли достижимый. На другом конце — Зар сдохнет. Обидно. И даже по-человечески жалко будет. Но послаблений и “онжедеть” не будет. Сломается — хер с ним.

Будет у меня цепной Погибыч, которого я учить “в лёгкую” буду, а при нужде дрессировать. Ну и Погибишна в койке. Нахер она мне не сдалась, но надо. И Погислава придерживать. И наследник нужен, а с Олой, как мыслил, хер знает, когда выйдет, да и выйдет ли.

В общем — посмотрим, что выйдет. Но может получиться совсем хорошо. А может просто лучше, чем было. Хуже точно не будет, довольно заключил я.

Тем временем Погибыч колотушками донёс до Погибыча программу партии. И усталился на меня.

— Пойдём, — кивнул я ему. — К Погисилу ведьму направлю, пусть обиходит.

— Благодарствую.

— Не за что. Уже и моя забота, — хмыкнул я.

Во дворе послал Макось к Погисилу, Погислава — нахер. В смысле в его владения посулив симурга послать, со своими наставлениями мудрыми.

Тот на колено бухнулся и предал жисть и Род в руки мои. Ну, молодец, а то я и забыл.

В итоге, после сваливания дядьки, я призадумался, Зара посвящать в мои планы на его персону? А то все, кому не лень, в курсе.

Впрочем, подумав, решил, что нахрен. Мне требуется отдохнуть, принять баньку с девчонками и вообще расслабиться. И Индрику сахара накиннуть, раз уж обещал.

А вот завтра — займусь педагогизмом со страшной силой, заключил я, юркая в свои покои.

13. Полная педагогизма глава

Наутро я поднялся с рассветом, потянулся, пожмякал девчонок, рядом лежащих, за места интересные. Аккуратно, чтоб не разбудить, что и вышло — заулыбались во сне, что и мне настроение подняло.

А после выскользнул с ложа, да и направил ходилки свои к Зару, педагогизмом заниматься со страшной силой. По пути Управителем проверил, а как там мой ручной Погибыч страдает? Последний страдал в отведённом закутке, что не могло не радовать.

— Вставай, Зар, ждёт тебя... многое! — радостно поприветствовал я дрыхнувшего братца.

— Гор, ой... — вскинулся он, спросонья не помня, что вчера было, но вспомнил, чуть не в ножки поклонился. — Здравия и блага вам, Стригор Стрижич!

— Угу, его самого, — не стал я спорить. — В общем, я тут подумал, Зар, что с тобой, мордой предательской, учинить... — замолчал я, полюбовался на сжавшегося парня, удовлетворённо кивнул. — И решил, брат мой: хотел ты стать владыкой Лога. Так будь им!

— Э-э-э... — выпал в каплю парень. — Это как, Стригор Стрижич?

— Ну, считай, первую проверку ты прошёл. Вот стал бы ликовать и радоваться — быть тебе бы битому. А так — правильный вопрос, Зар. Но и отвечать на него придётся нам вместе. Вот ты пожил со мной, пусть мало. Кто такой Владыка Болотного Лога? Не по званию, а по сути. Для людишек, для себя?

— Подумать могу? — уточнил Зар, на что я кивнул.

Посидел парень, пальцы позагигбал. Похмурился, но через пару минут всё же выдал:

— Родитель?

— Ну, в общем, близко. Не вполне, но именно родитель. Защита, опора. А что надобно, Зар, чтоб таким стать? И не мысли дурь, насчёт дружины: что с теми же бесами, что ты видел, дружина сделает?

— Чародеем сильным надо быть.

— И всё? — ехидно уставился я.

— Ну, девок брюхатить, — хмыкнул он. — Ой!

— Сие подзатыльник мудрости. Хрен знает, поможет или нет, а мне приятно, — изрёк я. — Давай подход комплексный применять. Итак, есть Болотный Лог. В нём живут людишки, растят еду, ублажают нас и прочее. Но мало их, родичи друг другу, соответственно, девок брюхатить — не развлечение, сам же вроде понимал.

— Да, понял я. Но новых людишек...

— Откуда? Из Ростока? Я набрал, — хмыкнул я. — Полсотни мануфактурных работников. Знаешь сколько через две седмицы в живых осталось? — на что пожатие плечами. — Три десятка, Зар! Это наши людишки над ними тряслись, как над единственной яблонею!

— Твари?

— Да если бы, — досадливо поморщился я. — Но и твари, но не лютые. Вороны, блядь!!! — взорвался я, тут же себя успокоив. — Эти блаженные не слушали, о чём им талдычили! Летит тройка воронов — людишки пригибаются, а тут стоят, буркалы выпучили, пасть разинули... ну и ей ворона и поймал. И таких считай два десятка. Кто от воронов, кто “сладкую ягодку”, волчатник сожрал, — махнул я рукой.

— Землепашцев братъ?

— А откуда ты их наберёшь столько? — хмыкнул я. — В общем-то варианты, есть, особенно с Погибычами в младших...

— КАК?!

— А, ты и не в курсе, — хмыкнул я. — Не стал я их семя изводить. В младший род взял, был тут Погислав, присягу принёс.

— Э-э-э...

— Эгэ, — покивал я. — В общем, если ум и силы приложить, то девок брюхатить можно не по нужде, а по охотке. Что, не по нраву пришлось? — ехидно уставился я на братца, который вид принял невинно-похотливый.

Вот реально — талант, я бы так не смог, оценил я.

— В общем, поддерживать численность, а лучше прирост иметь среди людишек в Логе. А уж умом или удом — дело десятое. Далее, Зар, потребно, чтоб людишки жили хорошо. Не надрывались, могли на то же любодейство время и силы иметь. Лучше б и читать умели, — задумчиво выдал я. — Но сие не к спеху, но развлечения какие-никакие имели.

— А зачем? — офигел братец.

— Ну про то, что родня они нам, я говорил. Но даже не в том дело. Внемли истине: довольный за четыре часа сделает более, чем несчастный за восемь. И не по лени, поркой ты это не поправишь. Тут природа человеческая себя являет.

— Что-то в гимназии говорили...

— Ну не всем же там недоумками круглыми быть. Могут и квадратные встречаться. Ну и людишки, повторюсь — часть нас как родовичей. Сам прочувствуй — ТВОИ людишки сыты, довольны, гордятся, что они — твои! Прочувствуй, Зар.

— Сие... и вправду приятно, Стригор Стрижич.

— Во-о-от. Потому не только тварей прибил, девку повалял. А думать надо, как им живётся, чем леготу им дать, а где и напрячь — лишняя легота тоже не на пользу пойдёт. Ну да посмотришь, подумаешь, чай не дурак. А сейчас, братец Зар, — широко улыбнулся я, отчего братец Зар глазёнками забегал, явно тщась от педагогического меня сбежать, — тренировка.

— Не-е...

— ДА! — ликовал я. — Бугагашеньки! И так как ты, братец, бед наделал — пожёстче, чем, была!

Обречённо Зар попёрся за мной. А через пару часов добрый я своими лапами дотащил натренированного, почти без синяков, даже слабо постанывавшего (а значит сил дохрена осталось!) братца до его покоев.

— Жрать хочешь? — сердобольно поинтересовался я.

— Ой... смертушка моя пришла... — понятливо ответил скрюченный братец.

— Значит, хочешь, — логично заключил я. — И Зар, я тебя с дружкой твоим, Погибычем, на тварей Пуци пускать буду. Спасибо за науку скажешь!

— Уже... Стригор Стрижич, благодарность границ не знает...

— От какой молодец! — порадовался я. — Значит завтра на четверть часа подольше потренируемся! — и с радостным гогогом, под умирающие стоны, удалился из братцевой комнаты.

Заскочил в людскую, повелел тащить Зару пожрать, побольше и повкуснее. Да и себе тащить — сам не жрамши. Да и надсердечник побаливал, прямо скажем. Но — надо.

А за завтраком с девчонками стал мысль думать. Ну, с тренировками понятно, раз в день, когда Погибыч оклемается — и его подключу. А вот как раз с ним, точнее с его кусочком магического органа надо разбираться уже сейчас. Потому как карман биологию-то сохранит, а вот с эфиром — чёрт знает. Так что заниматься надо побыстрее.

Надумав это, я до биодоспеха доскакал, кусочек прихватил, на трон уместился. И, в полутрансе, начал рабочий эфирный орган исследовать.

И выходило, что приживлять я себе его... не буду, как это ни прискорбно. Дело в том, что эфирный орган — не только связь и канал с эфирным планом. Но и сложная биологическая железа, с кучей программ. Например, вот я пожелал детёнка и запустил программу. Так вот, стать наркоманом-трахателем — реально можно. А будет органа два — так будет не объединение, а синергия. И так меня ощущениями из эфира вышибало, а “с двух стволов”... И это только то, что я ТОЧНО выявил критерием истины. А в потенциале эфирный орган реагирует на массу вещей, чего я либо не заметил, будучи занят упокаиванием твари, или не попадал пока в нужную ситуацию. И всё это гормоны, нейромедиаторы, приправленные эфиром, притом.

В общем, как ни прискорбно, а ну его нахер, эфирный орган Погибычей.

Но, при этом, вчера не то, чтобы открылся, а скорее напомнил о себе ещё один путь эфирного развития, помимо стрижичьего воздуха.

Итак, судя по внешнему виду даймона моей души, он — это лёд и тьма. И именно воздействие этих стихий проявилось в материи на момент наивысшего эмоционального напряжения. При этом, надсердечник в данной манифестации просто не принимал участия, я бы почувствовал, а этого не было.

Соответственно, выходит, что раскорячившись между эфирным планом и материей, я МОГУ использовать неисчерпаемые океаны эфира даймонической сутью для воздействия на материю. Вопросов “как” — немного, но все без ответа. Но, направление перспективнейшее, вне зависимости от КПД результата — с той стороны эфира реально бесконечно, так что ничтожные доли процента — это любое, возможное и невозможное воздействие.

Хотя, конечно, это в идеале. Так-то должна быть куча подводных камней, в противном случае даймоны Земного Края... хм, а они работали только с телом как медиумы. А, например, даймон в даймоническом теле, питающий Сердце Феи, не имел ограничений на эфир. И мог пребывать только в специально созданном артефакте. Защитная реакция Земного Края? Возможно, но тут её то ли нет, то ли тот вариант одержимости-симбиоза, что я использую, в рамки защитных механизмов не укладывается. Интересно-то как, аж поджал я пальцы на ногах.

И поскакал во двор, проверять надуманное. И через ещё пару часов уныло возвращался к себе: как ни пыжился я, как ни злопыхал на всеобщую нечуткость и гадство, никаких леденящих ветров и света помрачения не вышло. Притом, что вокруг меня-даймона прям буря буревала и вообще.

Значит, чего-то не знаю и не учитываю, надо будет разбираться, узнавать и учитывать, заключил я, растягиваясь на койке.

— Стригор Стрижич, а нам к вам можно? — вдруг спросила Люба.

— Хочется очень, Стригор Стрижич, — покивала Ола.

А после приятного и довольно продолжительного групенсекса до меня дошло. Девчонки были не столько в охотке, сколько почували моё расстройство, ну и порадовали, как могли.

— Хорошие мои, — приобнял я девиц и поочерёдно чмокнул в макушки.

Девчонки прижались, довольные, а я стал гораздо более позитивно рассуждать. Ну, пусть даже и не выйдет у меня с прямой эфирной манифестацией. Я УЖЕ принимаюсь более чем опытным боевым магом за Воздушного Владыку — будучи щеглом, по большому счёту. За счёт разума своего могучего. А как докачаться я уже понял. В общем, не пропаду. И даже смогу самым толстым жабычем на болоте стать. Конечно, хочется больше и сразу. Но это жадность глупая.

А повалившись, я направился в людскую, прихватил Макось, да и направился проведать Погибыча. Последний выглядел неважно, но, очевидно, памятуя вчерашние люли от батюшки, попробовал на колено встать. Раздробленное, мдя... я аж поморщился, испытав некоторое сочувствие, душевный я... даймон, чуть в голос не ржанул я.

— Лежи, Погибыч. Помрёшь ещё, а от тебя живого проку больше, — бросил я. — Как он, Макось?

— Родович, Стригор Стрижич, — поклонилась ведьма. — За седмицу отойдёт, ходить будет. Через две — бегать.

— Если кормить от пуза, — протянул я.

— Истинно речёте, — подтвердила Макось.

— Ну так передай Недуму, чтоб кормили почаще, — выдал я. — Мне он побыстрее нужен, а не бока налёживающий.

— Исполню, Стригор Стрижич, — поклонилась Макось, а я покинул подвал.

И продолжились тренировки с Заром, который в конце тренировок страдал более выразительно. И даже начал под нос гадости бормотать в мой педагогический адрес. Что мой несравненный педагогизм подтверждало — я нагрузки увеличивал, а у парня даже на ругань силы оставались!

Через четыре дня симург пришёл от Весёлок — песцы. Я подумал, да и сам смотался. На тварей надо бы натравить Зара и Погибыча вместе. Чтоб неправильную субординацию поправить, ну и чтоб подчинённому даже в страшном сне не снилось на братца граблю свою подлючую поднимать. В общем, выстроить иерархию правильно и верно.

А через неделю отожравшийся, как сволочь, на наших харчах Погибыч выполз из подземелий. Строил из себя пострадавшего, но это он пострадавших ещё не видел, щ-щ-щенок.

— За мной ступай. Видишь полено?

— Вижу, Стригор Стрижич.

— Сделай чародейством из него два. И чтоб половины не горели!

— Так я ж не умею!

— Учись, — бросил я. — Приказ сие, а за непослушание кара последует.

И гордо удалился, сам у окна притаившись и наблюдая.

— А что это он делает, Стригор Стрижич? — заинтересовалась Ола.

— Ум напрягает, — ответил я.

— Так зачем он руками машет-то? — всплеснула руками Ола.

— Как умеет, так и напрягает, — честно ответил я под сдавленное похрюкивание Любы.

Впрочем, Ола нахмурилась, посмотрела на мою улыбку, любино похрюкивание, задумалась, а потом и сама захихикала.

А Погибыч умом не блеснул. Но что-то как-то сделал, а именно — спалил к чертям половину деревяшки. И скорбно стоял над ней, ожидая кар неотвратимых.

— Херово, — констатировал я. — Но на первый раз не покараю. Срок тебе до завтра:

умом сам дойдёшь, как мой наказ исполнить — молодец. А если нет — расскажу, как. Но учить не буду, буду дрессировать. Уразумел?

— Уразумел, Стригор Стрижич.

И отвёл парня в каморку неподалёку от заровых покоев. А сам притаился, да стал подслушивать и подсматривать.

Встреча лучших друзей, с-с-студентика и щ-щ-щенка меня порадовала. Рядом моментов, как-то: Зар на сжавшегося Погибыча замахнулся, резонно желая оплеуху вернуть взад. Но остановился, фыркнул, да и не стал бить. Это неплохо, отметил я.

Но в целом, нашли общий язык парни. На тему “какой Стригор душевный, редкого педагогизма человечище!”

Это вы, друзья, ещё хорошего человека меня не знаете, мысленно фыркнул я. Но ничего, узнаете.

Потрепались вьюноши, с часок, да по обиталищам расползлись.

А на следующий день Погибыч порадовал меня пережжённой деревяхой. Криво, косо, ни хрена не напополам, но молодец. Так что включил я его в тренировки, не как собачку дрессированную, а как ещё одного с-с-студента.

Ну а Лог оставался Логом, так что через недельку от Стрибожья прилетел симург, с посланием о паре псоглавцев.

— По скакунам, — бросил я. — Доспех вздеть, кладенцы взять. Ваша работа нынче.

Парни засуетились, ну и через пару минут мы выезжали. Псоглавцы ожидаемо терроризировали яблони, люди успели драпануть. Ну а я в видимости тварей спешил, расположился на травке, цветочек какой-то сорвал (вонючий, заррраза, попался!), ну и махнул лениво в сторону тварей:

— Бейте их, а я отдохну пока.

Вздохнули парни, но поскакали. И вот тут опыт Зара сказался: закружил он своего Акулёныша вокруг псоглавца, нанося режущие удары. Вроде против носорожьей шкуры и не очень, но кровь текла сносно. А уж когда псоглавец на дыбы стал, так братец и вообще молодцом оказался: видно, не щёлкал клювом, когда я при нём псоглавца воевал. И засадил кладенец в нёбо раззявленной пасти. Псоглавец и помер.

А вот у Погибыча выходило неважно. Сомыч его валялся с порванным боком и страдал всячески. А Погибыч бодро драпал от бодро догоняющего псоглавца, приговаривая на бегу всякие глупости о судьбе своей тяжкой.

Я цветочек понюхал, чихнул (ну реально, гадость а не цветочек), одобрительно на догонялки покивал.

— Погибыч, — используя воздух, чтоб не отвлекать псоглавца от важного дела. — Что ты силу ног тренируешь — дело доброе. Но когда ты псоглавца убивать то будешь, зачем тебя и послали?

— Стригор... Стрижич, не берёт тварь кладенец!

— Ну да, а Стризарка до смерти псоглавца напугал. Зар, выручай дружка, а то сожрут его, — добавил я в воздушную связь и братца.

Тот миг помедлил, но ускорил Акулёныша. И, что опять же понравилось — псоглавца не воевать, а отвлекать стал, Погибычу показывая, в какую сторону воевать надо. Тот клювом пощёлкал, на направление воевательное повзирал, ну и стал воевать псоглавца. Ну и обескровили его за четверть часа.

— До-о-олго, глупо, чародеи вы, а не людишки, — брюзгливо заворчала моя

педагогичность. — Ну да ладно. Итадакижрать.

— Чегось? — несколько окосел тяжело дышащий Зар.

— За угощение спасибо, говорю. Так уж и быть, с вами поделюсь, с-с-студенты, — расшифровал я.

И пошёл к псоглавцам — а то знаю я с-с-студентов, нихрена не умеют, вкусняшку загубят и вообще.

— Смотрите и запоминайте, — разделявал я туши. — Мясо тварей пуци — вещь полезная. В чародейском развитии в дело годное.

— Так вот как вы...

— Да щаззз! — возмутился я. — Братец, тут одно за другое цепляется, как в косице. Откуда думаешь мясо тварей? Сидел я на жопе ровно, а оно мне в пасть падало?

— Не думаю я...

— Заметно, — веско поставил диагноз я. — Не чудо это, а легота малая. Не месяц тренировки, а три седмицы. Уразумел?

— Уразумел, Стригор Стрижич.

— И хватит меня родовить. Сам Стрижич, глупо сие.

— Как скажете, Стригор.

— Так и скажу. А ты меня родови, — потыкал я в Погибыча перстом.

— Как скажете, Стригор Стрижич, — понуро ответил Погибыч.

— Что кислый такой? — любопытствовал душевный я. — Что от псоглавца херово бегал — не беда, ещё не так бегать научу, — посулил я передёрнувшемуся парню.

— По Быстросилу печалюсь, Стригор Стрижич, друг он мне, — печально выдал Погибыч, помявшись.

И указывает в сторону сома своего, который всё ещё дёргался и кровил.

— Хм, ну давай посмотрим на твоего Быстросила, — прикинул я, направляясь под недоумёнными взглядами к скакуну.

Влил в него жмень эфира, впал в полутранс, стал прикидывать, что я могу Архивом сотворить и вообще. Тренировка, как-никак, да и работа эфиром с тварью эфирной. Не корова, у пейзаж стыренная, в ночи глухой, как-никак.

И выходило, что тварюшка имела чисто внешние повреждения. И, теряя кровь, страдала, как ни парадоксально, кровопотерей. Причём основным препятствием для дальнейшей жизни была перебитая довольно крупная артерия — остальное худо-бедно терпимо. Так, на клеточном уровне я пока не потяну, а вот Архив через меня — надо пробовать.

Наложил я лапы научно-исследовательские вокруг раны тяжело дышавшего зверя, пластинками структурированного воздуха свёл края сосуда, да и попробовал Архивом структурную целостность восстановить. И, в принципе, получилось. Правда через жопу: Архив — ни разу не инструмент изменения, он — инструмент работы с информацией. И своим лечением я чуть тварюшку нахрен не прибил: пусть локально, но клетки получили приказ делиться с силой страшной. Рака или там краба какого не появилось, но энергия нужна. А КПД при ускорении падало катастрофически.

Но команда “делиться” была, так что клетки стали фактически пожирать окрестные, хорошо, что не сосуда. В итоге сращивание артерии обошлось сомлевшей скотине в двести грамм мяса.

Но, срослось, остальная часть раны уже не кровила.

Посмотрел я на тварь, на Погибыча и братца, очи на меня ошалело пучивших, взял кило

псоглавятины, легонько пнул сома по мордасам, да и всунул в пасть разинутую вкусняшку. Жалко, блин, но ладно уж.

— Стригор... сие воздух?! — не удержался Зар.

— Я — Стрижич. И это мой воздух, — веско покивал я.

— Не понимаю, как целить воздухом можно?!

— Целить головой можно, зная процессы тела живого, подправляя да помогая. А воздух — орудие. Чем плоть разрубишь — без разницы, что кладенцом, что стрекалом, что сулиманом ентим вашим. Если разрубишь, конечно.

— Понял, — что-то, скорее всего, понял с-с-студентик.

Погибыч тем временем к тварюшке подковылял, осмотрел, убедился, что помирать скоропостижно последняя не собирается, ну и поклонился в пояс.

А тут и пейзаж налетело, подпрыгивало, радовалось и ликовало всячески. И зуб свой пейзажский на мою псоглавятину точили, паразиты такие! Моё, блин! Хотя толику оставлю, им тоже не помешает, вздохнул добрый я.

И, принявшись, расплылся в доброй улыбке. Прикинул сроки, и улыбка стала совсем доброй, аж сам, не видя, испугался.

— Беж... — вскинулся было Зар, но поник скорбно.

— Точно, догоню, бугагашеньки! — ликовал я. — Так, девок в ёбскую избу, праздник у них нынче!

— Блага тебе, Стригор Стрижич! А какой?

— Лон осчастливление пораньше, с аж двумя родовичами! — ликовал я. — Братец мой, Стризар Стрижич, расстарается. Ну и наперсник его, Погисил Погибыч в трудах праведных друга не оставит.

— Как скажешь, милостивец! — выдал староста и ускакал поля осеменения для с-с-студентов готовить.

— А...

— Бегом в деревеньку! И чтоб девки довольны были, а то накажу. Со страшной силой, — уточнил я уже в спину студентам. — Вот паразиты, а мне с ихними скотами возится, — посетовал я.

В общем — сложилось неплохо. А эти паразиты из ёбской избы вывалились относительно бодрые и довольные.

— Стригор Стрижич, а почему? — не выдержал Погибыч.

— Лениво мне отвечать, у Стризара узнавай, он вроде понял, — отмахнулся я.

А сам уши наострил, воздухом им помогая. И послушал: объяснил Зар, как понял, но что порадовало — не всё выболтал. Растёт с-с-студент под моим чутким руководством, порадовался я.

И потянулись дни. Через пару месяцев эта парочка, угнетённая моим педагогизмом, удумала бунтовать. На пару, блин, причём что радуется — с подачи Зара. Что не радуется — эти заговорщики даже не прибить меня хотели. А напирать “за мучения свои беспримерные”. Ну, какая-то дурацкая цель, хотя пусть их, рассуждал я, выписывая парочке лешей и навешивая люлей.

— Безобразно, — констатировала моя победоносность над поверженными. — Ну кто так меня смертью убивает?!

— Мы... не смертью... замучил ты нас, Гор!!! — вырвалось из братца.

— А мозгов понять, что если бы не мучения сии, вы бы только очами лупали, пока я вас

на ломтики разделяваю, не хватило? — участливо полюбопытствовал я. — А так — раза три задели. Легко, как девка приласкала, но всё ж! — воздел я перст. — Умом надо работать, придурки! И вот повергли вы меня, оболтусы. Невероятно сие, но положим, — прохаживался я взад и вперёд. — И что далее то? Меньше тренировать я бы стал?

— Э-э-э... не хотели зла тебе Стригор, но мочи нет...

— До хера в вас мочи! А вот разума нихера. Ладно, буду теперь учить, как колдунствовать нормально. И головой работать, а то позорище.

— А кара?

— А надо? — участливо полюбопытствовал я.

— Нет!!! — на два голоса, прям хор.

— Посмотрим, может и покараю. Но не сразу, я — Стрижич непонятный и загадочный, — выдал я, удаляясь в покои.

Вообще — закономерно. Это если бы я болванчиков тренировал, бунта бы не было. А так нормально, причём парни лучше оказались, чем я ожидал, хоть и глупо. В плане я-то полноценного покушения ожидал, а никак не “напинать педагогичному хорошему человеку, чтоб он толику мучений нестерпимых наших познал”.

Ну и твари, само собой, были. В принципе — парни справлялись, хотя на жоруна, лихо и лешего я с ними работал. Сильноваты для них мощные твари пока.

И вот, через три месяца после встречи парочки с парой псоглавцев, приперается в поместье пейзаночка младая. С икринкой родильной, притом. А Макось берёт и выдаёт вердикт: родович, но не Стрижич.

— Чадо? Моё? — ошалел Погибыч.

— Ну толп родовичей по Логу не шастает, — задумался я. — Так что твоё.

— А что будет с ним?

— Родится, — открыл тайну мироздания я. — А вот дальше... Ну смотри, Погибыч: дитя твоё, отнимать никто не будет. И мать его... — посмотрел я на девку, мнущуюся в сторонке. — В служанки возьмёшь?

— А можно?

— А нужно, — хмыкнул я. — Хочешь — с тобой тут останется, хочешь — к вам поедет... Хотя, знаешь, подумал я, да решил. Ты, в принципе — болван криворукий... Но терпимо. И подмогой Стризару станешь. Да и роду Погибычей. Так что народится дитё — призову Погислава. Вместе решим, что и как, — заключил я.

В общем, к рождению Погибёнка к Погиславу полетел симург. Я, смотря на счастливо улыбающегося Погибыча, даже позавидовал на полшишечки — парень реально был счастлив. Причём, почему маг родился — я понял. Парень реально думал, что я его умучаю или там тварям на прокорм пущу. Ну и размножиться желал с силой страшной и неодолимой: род продолжить.

Ну да ладно, прибыл через день Погислав с дочуркой — повелел я её прихватить. Ибо.

— Значит, Погислав, для начала — сын твой возмужал, сильнее стал, да и ума набрался, — вещал я. — Маловато, но как есть. А главное — внук у тебя, — выдал я, после чего девчонка с карапузом подошла, а Погислав аж слезу пустил. — И теперь думать будем, что и как делать. А, пока не забыл, — протянул я Погибычу-старшему тяжёлый мешок.

— Это... гривны, Стригор Стрижич? — удивлённо воззрился на меня дядька.

— Они самые. Четверть цены тварей, твоим сыном убитых, — просветил я. — Говорил я тебе, получишь ты богатства с тварей пущи, но с тяготой. Вот, почитай, получил. И

получать будешь, коль не совсем дурак.

— Благодарствую, — поклонился корыстолюбивый Погибыч.

— К делу давай, как жизнь устроим.

И стали мы обсуждать, я Мила и Недума подтащил. И выходил у нас такой расклад — девицу Погибыч к себе заберёт, взамен свою прислав (а не хрен, у нас и так народу мало!). Ну и дитёнка, само собой. А жить Погисилу ныне на два дома: две седмицы в Логе, дол младшего рода отдавая, педагогизмам подвергаясь, ну и денежку роду зарабатывая, не без этого.

А сам старший Погибыч пусть мотается в Лог раз в те же две седмицы. Сынульку забирает-привозит, не из недоверия, а за товарами с тварей. Мил будет скоропортящиеся запчасти гонять, а объёмные и ждущие — пусть Погибыч торгует.

Дядька морщился, явно “монополию” хотел, но понимал, что не светит. А прикинув, что часть товара его будет — и вовсе рукой махнул и повеселел.

— Ладно сие, Стригор Стрижич, благодарность вам от сердца, — поклонился, наконец, дядька. — Одно сказать прошу, зачем Погимудру велели привезти?

Оглядел я девку — в целом хороша. Но мои девочки лучше, факт. Да и вообще.

— Пойдёшь за Стризара? — в лоб ошарашил я Погибишну.

— Э-э-э... Пойду, Стригор Стрижич! — фигела девица.

— Ну, совет и любовь, значит, — подытожил я, оглядел присутствующих и натурально заржал.

Вот леший ведаёт, что они от меня ожидали, но явно не этого. А Зару и вправду жена, да и ребёнок не помешает. В ум входит, я потихоньку от вопросов Лога отхожу, со стороны приглядывая.

Сыграли свадебку, которая пьянка, после чего Зар намылился свою зазнобу окучивать, а Погибычи к себе с пополнением намылились.

Вот, кстати, девка оказалась в тему — на тренировки педагогичные она зыркала, а с-с-студентствовать перед ней Зар стеснялся. Так что это я мудёр, оценил я.

И в целом — выходило ладно всё. Правда, у меня с эфиром затык выходил. Надсердечник исправно качался, но никаких прорывов не наблюдалось. Но, опять же, с “программированием эфирным через Архив” я потихоньку продвигался. Так что ряд моментов, возможно, и смогу улучшить в обозримом будущем. Той же Оле, будет девчонке радость. Она и так не страдала, а будет счастлива, судя по всему. И Любе, чуть позже... Но не сейчас, а когда в Лог вернёмся.

Поскольку мои воздушные замки “помотаться по Империи, на людей посмотреть, фигу им показать” становились из воздуха структурированного, неразрушимого: Зар потихоньку из с-с-студента переформатировался в Хозяина Лога.

Ну а вопрос субординации и прочего в роду — не критичны. У нас не сотни родовичей, так что двоевластие, где я главный — приемлемо. В принципе, можно и не возвращаться, но не нужно: дел в Логе куча, а место при всех прочих равных не худшее, да и долг — вещь такая: раз уж принял — надо нести.

В общем, прикидывал я уже потихоньку, что и как. И выходило, что прихвачу я с собой Олу и Любу. Угодно мне так, потому что, а бегун девчонок вытянет.

Но вот возникал вопрос с денежкой. Так-то, по уму, вся казна Лога моя. Но как-то не очень. Так что подумал я, да и решил в Пуцу наведаться. С дружеским визитом, ради поправки благосостояния личного, да и для тренировки, не без того.

Решил я это, да и стал наведываться, Лог на Зара оставляя. И, в принципе — справлялся. Да и Погибыч исправно появлялся, помогал.

А я не менее исправно занимался ностальгической, леденящей сердце монстрорезнёй. Ну и Пущу изучал, не без этого. И выходило, что километр от опушки — пиздец. Вот просто пиздец, нет слов других. Живые деревья-мясоеды, трава-вомпэр, прочая нечисть и гадость, которой в Логе глазом не видно, слыхом не слышно. То есть, продвигаться можно было только сжигая нахрен всё, включая пару метров вглубь земли, а то сожрут.

Но мои предположения, что в центре Пущи охрнительная производственная биолaborатория, толкали мою исследовательность на новые попытки в новых местах.

Впрочем, ни хрена я в центр не попал. Даже не долетел — щупалами подлыми в меня целилась как бы не тварь конкретная, а сама Пуща. О мелочах типа воронов, нетопырях, ну и прочей мне неизвестной крылатой пакости, в числах несметных, можно и не говорить.

Правда, получил я пользу от своих рейдов. В плане мозгов прочищения очередного.

Итак, натыкаюсь я, значит, в один из попыток в центр пущи пробиться на НЕХа. Дело-то привычное, вглубь пущи НЕХи — более чем автохтонное население. Но этот конкретный НЕХ был очень уж неведомым, запредельно ёбаным и херово целенаправленным.

А именно, учуяв меня не иначе как эфиром, бесформенная груда мышьячистой плоти километрах на десяти в час бодро чесала за мной.

Проверить, с какой целью — не хотелось. Учитывая мимоходом сжираемое (или раздавливаемое, хер знает) в недрах НЕХа всё.

При этом, тварь была предельно энергонасыщена, гонялась за нами с Индриком часа три и категорически не убивалась. Судя по индифферентному отношению к овевающим её потокам кислорода — пакость даже не дышала, а шкура ейная на газ кашляла фигурально, потому что в реальности было ей пофиг.

И выходила у меня картина неважная — тащить в Лог НЕХа я категорически не хотел. Но что с ним делать — непонятно. Не режется, подлюка, ни воздушными лезвиями, ни кладенцом, подлю протягивая подлючие ложногожищи в адрес моей персоны. Не горит категорически, ни в кислороде, ни в открытом высокотемпературном пламени от травы и деревьев.

В общем, пребывал я в печали и расстройстве. Кручине, можно сказать, потому как выходило, что если тварь не отстанет, путь мне не менее чем на месяц, от Лога. Ловушку ладить типа лютой ловчей ямы, авось поможет.

И вот в момент печали-кручины, стал воздух леденеть. А радостный я нахер заморозил оболочку твари, не всю, но и метрового куска хватило. А вот внутри тварь прекрасно прогорела, ну да не суть.

А суть в том, что для манифестации даймонического эфира в реальности надо мне просто... желать. Но, не как обычно, а сильно и страстно. И вот так — работает, а внаоборот — нихрена.

Про КПД и прочие моменты говорить смешно — как бы не материк заморозить можно теми океанами эфира, что в бурю вокруг меня-в-эфире бурлили. Но лазейка есть, а желать всякого разного — это у меня получится, это мы постараемся, со всем нашим желанием.

Вот с такими итогами я грузил немного вещей, денежки и Олу с Любой на бегуна.

— Ты вернёшься, Гор? — печально интересовался братец.

— Вернусь, — ответил я, потрепав мелкого племяша по макушке — ну, как ни

удивительно, народилась карапузина у Погибишны с Заром.

Есть у меня подозрения, чем они для этого занимались, но не проверял, факт.

— И будут тренировки там, слова мои мудрые и всё такое, — посулил я всякого. — Ладно, долгие проводы — долгие печали. Всем пока, дела сделаем — вернёмся, — заключил я, да и покинули мы особняк.

14. Центральная централизация

Направлялся я на Индрике и девчонки на бегуне в трактир на пути к Востоку — торопиться смысла не было. А по пути я мысленно подводил итоги годичного пребывания в качестве Владыки Лога и педагогического со всех сторон наставника.

Итак, Лог не сказать, чтобы процветает: это возможно при длительной работе на десятилетия, да и то не факт, что получится. Но пейзажство живёт получше, да и детишек народилось немало, плюс приток, пусть скудный, но всё же, из Востока был. Это раз, и это хорошо.

Далее, братец мой, с-с-студентик уже женатый и племяшом отягощённый. Ну, в целом, также более чем неплохо. Правда нихрена я в его бестолковку принципа работы с фракциями веществ не вбил — вот хоть кол на голове тещи, не понимает. Но, например, принцип “уплотнения структурирования” понял, что уже неплохо. В общем, с тварями справляется, как и регулярно набегающий Погибыч. Картина с тварями выходит даже получше, чем была до моего появления, прямо скажем.

В плане управления — вроде сносно. Более того, братец с Недумом, на которого Стривед сбросил братцево обучение, в отношениях прекрасных, а старик, да ещё и со стрекальщиком за спиной — прекрасный управляющий и действительно умный дядька, заинтересованный в благополучии как Лога, так и Стрижичей.

В плане планового осеменения, хмыкнул я, парни справляются. Что-то Погибыч пристрастился, хотя, если раз в месяц и “на двоих” — не такая каторга, как была у меня.

Ну и, наконец, наш младший родович, присягу принёсший — Погислав. Его я, признаться, откровенно запугал: дядька — реально хитрый жук, но площадным выжиганием был впечатлён до мозга костей, а в предупреждение “я вернусь и проверю” — поверил, факт.

В общем, в Логе выходит всё относительно ясно и понятно. А вот с моими целями в плане попутешествовать... Ну, по большому счёту, их две, обе связанные с получением информации. Причём вторая — несколько виртуальная, не факт, что осуществимая. И обе связаны со столичной Академией, как ей самой, так и её библиотекой, которые многие авторы из мной читаного превозносят как “уникальную сокровищницу знаний”.

Итак, цель раз — получение академических и библиотечных знаний. На текущий момент меня с практической точки зрения интересует школа магии, преподаваемая в Академии. Не критично, конечно, но очень перспективно. И чистое любопытство — история, становление текущего социума. Ну реально, плоды высочайшей биомагической цивилизации, жители Беловодья, живут в дикарстве средневековом хрен знает сколько тысячелетий. Это “жу-жу” неспроста. Как и потоки мыслей и эмоций в эфире, кстати: пару раз за год меня “накрывало волной”. Но вот что это за монструозная хрень — нихрена непонятно. Откуда она в душевной части эфира — непонятно вдвойне. Стихийное явление из мыслей и желаний разумных, блин. И ладно это — но с хрена ли они столь сконцентрированы, почему так безумны — там даже навскидку оттенки десятков, если не сотен миллионов разумных... В общем, непонятно, но тоже интересно. И, возможно, смогу найти эту информацию.

А вообще, в идеале, добраться бы до информационных закромов имперских пучеглазов. Но это так, из разряда “хорошо бы”. Всё же профильные менталисты, держащие Империю в кулаке, с которыми, в свое время, мощнейшие Стрижичи не стали связываться, предпочтя

свалить на архипелаг. В общем, надо смотреть и думать на месте.

И вопрос Пуц открыт, я-то хрен в нашу пробиться смог. Много интересного может в библиотеке (да и не только) содержаться.

Ну и на Империю посмотреть небезынтересно. Всё же книги — не вполне то, особенно в текущем формате. Слишком формальные, куча деталей упускается, считается “само собой разумеющейся”, а вот для меня это нихрена не так.

В общем, как любой приличный попадун, нагибатор и прочее подобное, пёрся я в учебное заведение. Дабы всех застроить и отбиться от гарема. А то гаремы в академиях ентих заводили в добровольно-принудительном порядке все, кому не лень. А у меня всё, что нужно, есть, улыбнулся я моим девчонкам.

Не слишком торопясь, доехали до трактира, переночевали, также до Ростока — я вот, если честно, просто отдыхал. Не в том плане, что в Логе перетруждался — после сброса осеменительного тягла на маладёш-ш-шь всяческую, выматываться мне толком не приходилось. А от постоянного, пусть и лёгкого беспокойства, на тему “а нет ли где беды или прочего несложения какого?” Вот пусть Зар теперь беспокоится и познает в полной мере груз власти барской. А я вот буду отдыхать, ибо заслужил.

И вот, покинули мы Росток в направлении крупного города Славска, можно сказать, столицы нашей округи. Ну, имперские так считали, а спорить с ними охотников не находилось, так что было так.

По отсутствию дороги попадались трактиры, в соответствующем дневном перебеге бегуна с грузом, так что двигались мы спокойно. А на четвёртый день — чудо чудное, и диво дивное! — появилась дорога. Мощёная коралловыми плитами, условно-живыми, прорастающими в грунт, четырёхпутка.

Нет, для Империи, конечно, дороги — вещь архиважная, задумался я. Но, извиняюсь, на кой болт дороги в Беловодье? Телег, блин, нет. Ну, по крайней мере, я не видел. Ну и, соответственно, крупных армий тоже. В общем, выходят понты, причём пусть на поддержание живого тракта трат не много, но на момент выкладки — дорогие. И нахрена, почесал я затылок.

Впрочем, вскоре я “нахрена” понял. Телеги таки были, просто нихрена не годились нигде, кроме ентих самых трактов. Одинокий бегун, в сопровождении группы простых людей, влёт за собой поезд телег со всяким пожрать пейзажной выделки.

Сами телеги были явно “имперско-мануфактурные мёртвые вещи”, из дерева. С небольшими колёсами, которые без тракта никуда и не уедут толком.

А вот пейзажане, судя по всему, пользуются, отеснив жадных купчин в города. Ну, в принципе, неплохо, одобрил я, под всяческие поклоны отогнавших ближе к обочине свой поезд пейзажан.

И вот, едем мы значит, потихоньку, оставив поезд за спиной. Я за округой приглядываю и мысли мудрые думаю, девчонки шушукуются и книжки читают. Благодать, в общем.

И тут углядываю я пяток конных точек вдаль, навстречу к нам шурующих. Собрался, само собой, встопорщился. Но не твари, а люди. Что подчас и хуже бывает, напомнил я себе, не впадая в благоглупость.

И вот, подсказали. Все на сомах, все в биодоспехах, морды суровые. Предводитель — какой-то родович из мелких, в его эфире такой сумрак накосоверчен был, что я даже вникать не стал, мысленно махнув рукой.

— Подорожную и документы предоставьте, уважаемый, — выдал этот главный,

перекрывая дорогу.

— С дороги, — внутренне офигев, лениво бросил я. — Силу чародейскую не чувствуешь, стражник?

— Чую, а документы...

— Да ты охерел, — ласково улыбнулся я под поднявшийся пока лёгкий ветерок. — Мне от тебя не потребно ничего, чтоб что-то доказывать. И кто ты, чтоб у родовича старшего Рода что-то требовать?

— Подорожная стража Империи, и...

— И вали нахер, с людишками имперскими в игрушки играть. Когда мне угодно от имперских людишек что-то будет, тогда и явлю документ. А ты тать, небось, — оскалился я, под переползание кладенца на руке.

— Ты... я... — надувался патрульно-постовой родович. — Развелось беззаконцев, — сплюнул он, разворачивая сома.

И ускакал по дороге со свитой своей, да и со словами не поспоришь — беззаконцы, как они есть, от нас ускакали. А девчонки на бегуне сжались, а после ускакивания Люба подала голос.

— А почему, Стригор Стрижич? Есть же у вас документ.

— Есть, конечно, Люба. Но тут заковыка вот в чём. Чтоб с меня что-то спросить, нужно мне что-то дать. Смекаешь?

— Не очень, — помотала головой девчонка.

— Ну смотри, был бы я с Империей чем связан, обязан ей чем-то, да людишкой имперским был бы, как ты до поры — то и служба имперский право имеет с меня документ требовать. Но... чем я, Стрижич из Лога Империи задолжал?

— Э-э-э... не знаю, — признала девчонка. — Но вы же на въезде в город...

— Это другое, Люб. МНЕ надо в город. МНЕ надо что-то от чина имперского. И тогда ; документ и предъявлю. Чтоб получить мне потребное от того, кто это потребное имеет и говорит, как он отдать готов. А тут... ничего я этому подорожнику не должен. И ничего мне от него не надо.

— А ежели вы тать? — уже заинтересовалась Люба. — Они же покой берегут!

— Как каравана Мила? — ехидно уточнил я. — Который тогда был ИМПЕРСКИМ человеком, мзду им платил, да беречь его имущество в их долге было? — на что девчонка погрустнела и головой покачала. — В общем, что я не тать, это подорожник загодя почувял, силу чародейскую, — уточнил я. — И тут либо сходу рубить татя-чародея надлежит, либо хернёй не маяться.

— Но земли-то имперские!

— А я Родович, которому Императорский Род в путешествии по своим землям препятствий не чинит. Потому что мзду с меня имеет. И они мне за это должны, Люба, а не я им. А подорожник сей, пусть и не со зла, как я допускаю, но саму суть нарушает: нет надо мной его власти. Ни я этого не признаю, ни Империя, прямо. А что такими “проверками” исподтишка подчинить тщится — так я и посылаю. Хотят владеть — пусть купят сначала, — криво ухмыльнулся я.

Вообще, можно было бы и документом в ментовскую рожу тыкнуть. Но не нравится мне сам подход: Империя ещё толком ни хрена не сделала, а уже ведёт себя, как будто право имеет. Вот пусть придёт к нашему Логу, даст то, за что её государством почитать можно. И даже не нам, Стрижичам, а пейзамам. Вот тогда я и буду подданным правильным. А пока —

на полшишечки, в тех делах, которые мне угодны.

Впрочем, мой посыл несколько неприятно аукнулся: на въезде в подорожный городок Кисляк привратная стража начала гадствовать. Ждал пару минут, пока родович, их главный, в документ пырится будет.

— Ну? — бросил я.

— Погодите, разобраться надо, не тать...А-а-ай!

Это я щеку проверяльщику обжѐг, да и документ вырвал воздухом из лапок.

— Поединка желаешь, за слова поносные? Или в татьбе обвинить бесчестно? — уточнил я с широкой улыбкой. — Так я вас тут и убью, да в город поеду, родовичам голову твою на посмотри предоставлю, как лжеца.

Скушал, смотрел волком, но скушал, морду мерзкую скорчил. И людишкам, на него смотрящим, команды не давал.

Впрочем, я сам понял, что в городок нам лучше не лезть: тот послатый наябедничал, а у них, видишь ли, цех. Сильно нагадить вряд ли смогут, но мне и слабого ментовского гадства не надо.

Так что сплюнул я демонстративно на землю перед стражей, да и погнали мы вокруг города по тракту — до темноты как раз к трактиру успели, хоть и подустал бегун.

Ну, впрочем, ничего страшного, отметил я. Хотя, не стоит забывать, что чем ближе к центру Империи, тем государственные институты сильнее. Совсем уж прогибаться не стоит, но и помягче надо быть. А то прибьют нахрен.

Кстати, встретили на следующий день пятёрку подорожной стражи. И ничего, ни “сержант Мздоимцев, предьявите кошелёк”, ни прочего. Проскакали навстречу, просто кивнули, почуяв эфир, даже не останавливались.

А я начал задумываться о дальнейшем пути. В принципе, можно за три недели доехать до Стольного Града, даже нашими ленивыми темпами. Но на кой?

В Славске было ни много ни мало, а аж воздушное сообщение со столицей. Некие Тарпаны, небесные кони. Вообще, судя по всему, опять обращение к геномомешалке с не вполне внятным пожеланием — тридцатиметровая зверюга с непробиваемой шкурой, с плоской хребтиной, на которой и летали. И с крошечным ртом, летала эта тварь на коровьей крови, сама питаться толком не умела. И было у меня подозрение, нахрена ей такое лютое пузо — был Тарпан довольно похож на крылатого кита, со столь мелкими плавниками-крыльями (хотя, безусловно, побольше китовых), что ясно — от земли эту тушу они оторвать никак не могут. Ну, судя по описанию.

Так что был я практически уверен, что по сути кит этот — биодиржабль. Правда, возникала масса вопросов. Ну, положим, у самой твари кожа непробойная, это описывалось. Но в беловодских небесах хищной пакости дохрена и больше. И если об Тарпана они зубы, клювы и прочие причиндалы обломают, то вкусные и питательные человеки на ките такой шкурой не обладали. А их не жрут, да и летают, судя по книгам, на тарпанах регулярно.

В общем, довольно интересные тварюшки, которых хотелось бы эфиром потыкать и проверить, как оно работает.

Ну а пока мы двигались по дороге, нас догнала кавалькада их десятка одоспешенных всадников, два из которых были родовичами. Двигали они вдоль нас, внимание не обращали, но я заинтересовался.

— Благого дня вам, уважаемые.

— И вам благого, путник, — слегка поклонился один из родовичей, придерживая скакуна.

— У меня, признаться, появился вопрос, — признался я. — Вы же не подорожная стража? — уточнил я, вызвав лёгкую улыбку.

— Нет, путник. Мы — Егерская Служба Его Императорского Величества, — гордо выдал он.

— Хм, не читал и не слышал, — протянул я, глянул на Любу, та тоже плечами пожала. — А не расскажите ли, уважаемый, а в чём ваша служба. Стригор Стрижич, — представился я, поскольку беседа была уже слишком длинной, для простого дорожного перебрасывания словами.

— Родмир Домыч, егерь, — представился собеседник. — Отчего не рассказать, расскажу, но кратко — служба не ждёт, — указал он на обгоняющий нас отряд, на что я с пониманием кивнул. — Его Императорское Величество, в заботе о подданных, сотворил особую службу, охотников на тварей зловредных. Бьём их, гнездовья разоряем, покой путешественников и обитателей бережём, — гордо приподнялся он. — Но дела не ждут, прощайте, доброго пути!

— И вам удач в делах и успешной дороги, — пробормотал я.

А то я думаю, с чего это тварей ни черта нет в округе дороги? Ну реально, едем как не по Беловодью, а какому-то спокойному месту. Но если служба специальная, то в целом понятно. Тут не пуца, ну и пара-тройка таких отрядов может окрестности тракта надёжно зачистить, с минимальной опасностью от тварей. Если балду не гоняют, но эти, похоже, не гоняют — щучьи скакуны у них со шрамами, да и сами держаться не как с-с-студенты.

Да и отсутствие тварей — прямой показатель их добросовестной службы, прямо скажем.

А значит, нужды в родовичах, именно как защитниках пейзажа, Империя в своих реальных, а не писанных границах не имеет. И, в таких условиях, вполне может себе позволить те же документы с народа требовать, но и не более.

Впрочем, пока у моих родных пейзаж всего этого благолепия не будет — ни хрена я “родовую честь” ронять не буду. И не поймут, да и самому неприятно, хотя тут отголоски тяжёлого наследия, наверное. Подумал я, да и махнул лапой — просто не хочется, так что нахрен.

И вот, едем мы, я реально встопорщил своё всё, проверяя — и реально, ни вранчика заваливающего, ни бера, ни ещё какой твари с кулинарными устремлениями в наш адрес. Совсем расслабляться не стал, но слегка всё же расслабился. На девчонок поглядывал, природами всяческими любовался и вообще.

Так вот, в процессе этого променада смотрю я — синее в удалении от дороги озеро. Я глаза напряг — небольшое такое, синее-синее, с песочком по берегу. Так, хочу, блин, искупаться, решил я. С водой, насколько я понимал, у людей Беловодья было не слишком — просто не нужно, гигиена своими железами обеспечивается. Для удовольствия та же банька — не с водой, а маслом-секретом. Тоже приятно, но не то. А мне поплавать, да или просто поплескаться в воде, на песочке поваляться часок, благо время позволяет — хочется.

— А куда это мы, Стригор Стрижич? — подала на этот раз Ола, с интересом вращая головой.

— Проверить кое-что хочу. Ну и просто на солнышке полежим, погреемся, если что...

— Если хотите, полежите, — с готовностью закивала Ола, улыбнувшись.

Как-то она меня не так поняла, хотя посмотрим. В принципе, если аккуратно — то, наверное, и можно, прикинул я, направляя Индрика к озерцу.

Было оно и вправду небольшое, метров десяти диаметром, почти круглое, с песчаным дном и прозрачное — ключ, наверное, вздохнул мысленно я. Холодное, небось. А так-то обитателей, кроме мелкой рыбёшки, нет толком, да и её мало.

Тут Индрик подо мной напрягся, отмыслеэмоционировал, на тему “пусти поплавать, хозяин, а? И еда там вкусная плавает, хочется очень”.

По здравому размышлению, засад и тварей засадных в округе не учуяв, я акула в озеро отпустил. Индрик с мощным плеском в воду бросился, брызгами нас обдав, а я отметил, что водичка-то и ничего вроде. Не молоко парное, но и не ключевая с почти нулём.

Акул в воде бодро и радостно плескался, уменьшая поголовье местной рыбы, а я через связь с ним пробовал понять, а не уязвят эти караси меня в место какое, для уязвления не подходящее. И, выходило, что не уязвят — видно, насекомояды.

Так что я, под удивлённые ахи девиц, в воду плюхнулся и начал в ней барахтаться и плавать всячески. Ну и бегуну команду отдыхать дал, после чего девчонки с него слезли и, с опаской глядя на меня, подошли по золотому песочку.

— Стригор Стрижич, а чего это вы делаете?

— Плаваю, — доходчиво ответил я. — Можете тоже, водичка приятная. А за округой я приглядываю.

— В воде? — удивлённо хихикнула Ола, на что я на неё ентной самой водой плеснул.

Девчонка взвизгнула, но к воде подошла. А через минуту мы уже втроём плескались на мелководе. Индрик на нас акульим глазом покосил, но устраивать “Челюсти”, ни первые, ни вторые, не стал. А отмыслеэмоционировал: “погуляю, осмотрюсь?” На что я, занятый вознёй с девчонками, дал добро.

Что любопытно, плавучесть тел была явно выше нулевой. Незначительно, но потонуть местный может, только если топиться целенаправленно и самоотверженно будет, отметил я мимоходом.

В общем, поплавали, послушал я щебет девиц на тему, что “почти как наша банька”, даже поностальгировать о классном имуществе, всяким там братцам на поживу оставшемся.

Ну и взяли мы, да и сексом занялись — и девчонкам хотелось, да и мне. Довольно экзотично вышло — на природе, которая ввевшимися рефлексамии воспринималась как “смертельно опасное место”, причём у всех троих. Но ничего так вышло, приятно, да.

И вот, не только довольные, но и удовлетворённые, валяемся мы на песочке, я лениво думаю, что через четверть часика надо выдвигаться, чтоб не надрываться и в поле не ночевать. А то чёрт знает, что там егери зачистили, но ночных тварей я опасался. В плане того, что лично мне поспать точно не выйдет, а я поспать не против. Да и с девочками ещё повозиться, но уже в трактире, обстоятельно.

Думаю я, значит, эти полные человеколюбия (в своём и девчонок лице) мысли, как вдруг... Ну вот не знаю, смеяться или плакать: выносит на нас Индрика, почти полностью, извиняюсь, канареечно-жёлтого цвета. Только морда вокруг пасти и глаз нормального колёру. И говорит мне эта чуда-юда индриковской мыслеречью:

— Я, хозяин, травку нашёл, противную на вкус — гадость! Но повалялся на ней — приятно-о-о... И красивый стал, — аж зажмурился акул.

А я принялся, почуял лёгкий запах кислоты. Всполошился, подскочил к канарейской акуле, проверил. Жив, бодр, здоров. И жёлтый, как сволочь, ржанул я, на что не знающие,

как реагировать, девчонки всё же захихикали.

Это, выходит, нашёл акул кислотосодержащий сорняк. Которым устроил себе пилинг, что его шкуре только на благо пошло, да и “приятно”, как он мыслеэмоционировал. Только, видимо, помимо средней кислоты, сорняк содержал жёлтый пигмент. Который теперь в слой кожи намертво въелся.

И будет у меня ездая канарейка, ржанул я снова, аккуратно похлопав зверюгу по морде и направляя купаться.

— А что это с Индриком, Стригор Стрижич? — полюбопытствовала, улыбаясь, Люба.

— А это он, Люб, красивым стал.

— Отмоется? — посмотрела она на плещущегося в озерке акула.

— Да нет, это надолго. Будет у меня самый красивый Индрик в Империи, да и на всём Беловодье, — не без ехидства отметил я, на что последовало гордое акулье “Да!”

В общем, нормальный у меня получился Индрик, оценил я канареечного акула уже в пути. И народ встречный и поперечный в ужасе не разбегается, а служка трактирный даже очи не выпучил. Впрочем, на довольно оживлённом тракте, видно, и не такого насмотрелся.

В общем, через несколько дней дотопали мы до Славска. Город был действительно большим, заметным издали, с коралловой стеной и вообще. И с нас местные гаишники, которые стражники привратные, даже денежку малую стрясли, какой-то местный курортный сбор, на то, чтоб провал дальше не проваливался.

Я сначала хотел в позу уязвлённого в кошелёк родовича встать, но передумал — деньги небольшие не только по моим, монстробойно-олигархическим меркам, но и вообще. Может, и вправду не пропьют, а провал там укрепят. Или в лужу какую плюнут хотя бы, раз засыпать не удосужились.

В общем, ввалились мы в Славск, который от ворот отличался архитектурой — никаких растущих домов грибного или там растительного типа не было и в помине. Коралловые дома, коралловая мостовая. Правда, общего купола не было, а был, очевидно, коллективный — с придомовых участков пёрли полупрозрачные зонтики, сплетаясь кронами с соседскими. Как домой попал, улыбнулся я.

И решил путь свой с девчонками направить в конюшню для тарпанов. Ну реально, если в Славске и есть диковинки какие-то, интересные до одури, так и в Нерезиновске, который Стольный Град, они будут. Ну а не будет, можно и вернуться со временем. А меня Академия ждёт, слёзками горючими обливается, по причине отсутствия моей научно-исследовательской персоны.

В общем, отловил я криком карапуза, видом пронырливого — аж жуть. И продемонстрировал ему пятикопечную пластинку, с веским уведомлением, что если сей карапуз мою барственность к коням небесным проводит, то копеечки будут карапузьи. А не проводит — не будут. Пусть пронырливость в качестве чичероне проявляет, побыстрее нас проводив.

— Так это вам, господин, в конюшню небесную надобно, — выдал паренёк.

— Да хоть в коровник окрестный, — хмыкнул я. — Надо мне на тарпана попасть. И без промедлений и блужданий, тогда деньга, — подкинул я монетку под алчным и пронырливым взглядом, — твоя.

— Исполню, господин! За мной пожалуйста! — врубил пронырливость в нужную сторону паренёк.

И повёл нас по проспекту, а потом боковым улицам — но в общем, в одном

направлении, так что я не напрягался. Прохожие на красивого Индрика в меру своей культуры клювами щёлкали, но не орали. Девчонки оглядывались, но без особого любопытства. От центра Ростока окружение не сильно отличалось, так что они, как и я, ждали, когда на тарпанов попыриться можно будет.

И вот, чешем мы, значит, целенаправленно, ведомые чичероной, и вот, после закутка, у какого-то вроде постоянного двора некая родовишна на шукке сидит верхом, который скакун. Ждёт, видно, кого-то, или просто стоит посреде улицы, себя являя — так-то, девка вполне себе ничего, с пронзительно-зелёными глазищами и вообще. Но у меня лучше, факт.

Так что поклонился я слегка, не останавливая Индрика.

И вот, эта со всех сторон бескультурная личность женского полу, простёрла граблю свою быдлючую, оттопырила перст невоспитанный, да и начала, тыча ентим перстом в Индрика, нагло и в голос ржать!

Вот ведь, паразитка какая, отметил я. И ведь вроде как мы все из себя провинциалы, а здесь культурие невозможное. Вот, аж похрюкивает и пузыри носярой пускает, культуру великую удержат не в силах, отметил я. Бросил вполголоса: “Сама дура”, да и продолжил путь. Ну что с убогой возмёшь, даже на анализы не сгодится, тоже дичь какая-то невнятная в смысле органа.

И вот, в спину мне вдруг раздаётся гневный вопль:

— Извинись перед родовишной, хам!

— И ты дурак, — оборачиваясь припечатал я крикуна.

Присмотрелся: весь из себя подбочиненный, лет под тридцать. Явный Хорсыч, аж шибает огненным эфиром, весь из себя гневается. И вот какого, извиняюсь, хера?

— Жди, — бросил я чичеронину, который к стеночке прижался, но покивал.

Перспектива обогащения явно пересилила желание драпануть от этих долбанурых родовичей.

— Надо-то что, невежа непредставленный? — полюбопытствовал я.

— Да ты... Хоргор Хорсыч я, невежда...

— Да сам дурак, говорил уже. Стригор Стрижич, Владыка Болотного Лога. Надо-то что Хорсыч?

— Как смеешь ты, в невежестве оскорблять, сам благородную родовишну оскорбив премерзко?!

— Енту что ли? — куртуазно потыкал я перстом в наблюдающую прищуренными глазами ржунью. — Так я её не называл. В воздуха изрёк.

— Ваш скакун очень потешен...

— Над скакуном смеётся... только дурак. О чём я воздуха оповестил, ну а коль вы, сударыня, на свой счёт приняли — так, видно, от ума большого, — задумчиво отметил я.

Какое-то на меня наплывало дежавю, что-то ента ситуация мне напоминала. А не пророчу ли я, часом, задумался я, но тут вспомнил — что. Забавно, ухмыльнулся я, но тут Хорсыч, явно в моей доброй улыбке углядев оскорбление своего скорбного ума, рванул сулиман с пояса:

— Поединок, здесь и немедля, оскорбитель и невежа! — и рванул ко мне.

— Ой, да пожалуйста, — буркнул я, пыхая у мордаса этого Хоргора малым кислородным хлопком.

Невзирая на родную стихию, Хорсыч довольно потешно взвизгнул, вскинул лапы, уронив ковырялку, и стал очи свои протирать. Было бы что, я ж не зверь какой, мысленно

хмыкнул я, прихватывая поединщика кладенцом за шею, да и подтягивая к Индрику.

Хм, рыпается ещё, научно-исследовательски отметил я. А аорта пережата, вроде и вырубиться должен. Логичный вывод — мозгов нет. Ну, устроим ему кислородное голодание междушной кости, решил я.

Тем временем, какие-то наглые служки гостиницы выбежали со стрекалами, ими растеряно в мою сторону помахивая.

— Сдурели? — участливо полюбопытствовал я, обдавая сдуревших прохладным ветерком — ну, может, охолонут.

Охолонули, стрекала попрятали, вперёд мужика постарше выпустили.

— Так, господин, эта... — очень символично потыкал лапой в поверженного мужик. — Постоялец мой. За постой...

— Не убью, — бросил я, пошевелил кладенцом тушу, да и отпустил шею. — Отлежится — заплатит. Ну или отработать ещё как заставишь...

— Хам! — подала голос ржунья.

— А вы, сударыня, дура. На этот раз сообщаю это не воздусям, а непосредственно вам, персонально и лично, — уточнил я. — Вся случившаяся херня — следствие вашей невоздержанности и выдающихся характеристик вашей глупости. На сём позвольте откланяться, — куртуазно поклонился я, да и двинул на Индрике, стараясь не заржать.

Ну реально, забавно получилось, уже в дороге рассуждал я. А Хорсыч этот какой-то психованный. Не менее пары благородных свидетелей на поединке, или ещё какая-то хрень вроде полагалась. Ну, насколько я припоминал, конечно.

Ну да леший с ним, мысленно махнул я рукой на блаженных, с довольно комичным напоминанием из Мира Мороза, об альфонсах, преступниках, изменниках государства, которые почему-то герои.

Хотя, если подумать, то в те времена государство, как формат, как раз находилось на стадии формирования. Всякого дурацкого “патриотизма” в те времена не было, была именно личная преданность и дворянство. Так что изменой поведение четвёрки обалдуев смотрится только с точки зрения, современной Морозу.

А эти господа оммаж, например, королю приносили? Ну вот чисто теоретический вопрос. Потому как если нет, то купил их король на время службы, за что жалованье и платил. А в остальное время — чисто дворяне как дворяне. И если блаародному дону возжелалось помочь блаародной донье угаить развесистые рога супруга от третьего дона — а почему нет? Вроде там за енто денежки отсыпали, да и потрахаться завернули. В свободное от службы за жалование время, между прочим.

В общем — вопрос занятный, но изменой, похоже, в деяниях четвёрки и не пахнет.

Это потом государство на людей права заявило, как на собственность. Ранее не организация, а конкретные люди были объектом преданности, конкретные обязательства несущие. Ну и патриотизм, как защита не людей, а организации стали вводить, в виде — положено так, а кто не такой — гад. В сущности, права на людей всегда были, но опять же — личные.

Ну а к моменту сакраментального грузовичка с мороженкой у Мороза дома была вообще красота — патриотизм был уже даже не “за государственный институт”, что само по себе бред. А за шкурные интересы власть предержащих. Платишь им налоги и ИХ интересы защищаешь, на минуточку, за свои же деньги — ай молодец. А не защищаешь — пердатель родины и сволочь, мдя. Ну как же, разумение своё имеешь.

Впрочем, в нашем случае до этого, похоже, не дошло, да и не дойдет, надеюсь. Как-то крепостничество почестнее выходит, если честно.

Вот под такие философские мысли дотопал наш чичероне до огромного, из зонтиков гигантских составленного ангара.

Где чичеронствующий пацан получил свою копеечку и с ней, радостный, ускакал. А мы направились к ангару с целью поглазеть, ну и билет там, или место в электричку до Столенграда приобрести.

15. Отсутствие перевязи

В ангаре, в результате натуральных наблюдений, я нашёл кучу ответов на кучу вопросов. Первое: как енто пассажиров не жрут, хотя журунов в небе хватает с избытком?

Так вот, спину здоровенной, валяющейся в этаким бассейне-луже (ну, для неё — точно лужи) покрывали... сельские домики-грибы. Небольшие, толстостенные, явно не по зубам и по клювам воздушной мелочи.

В целом — более чем разумно, да и в домик этот и Индрик, и бегун влезут (правда, по отдельности, конечно). Но на планах попыриться на Беловодье с высоты и девчонкам показать, похоже, надо ставить крест.

Далее, пыхтящий, как кит, тарпан и вправду выходил биодиржаблем. Сейчас, валяясь в своём тарпаннике, он колыхался в нём “сдутыми” боками. А для полёта, очевидно, нагнетает газ, причём водород — самое вероятное, поскольку вопросы пожарной опасности и противопожарной безопасности перед организмом не стоят.

И, наконец, к моей персоне подскочил служка, с физиономией угодливой до приторности.

— Чего угодно благородному господину и его... — на этом служка замаялся, поскольку идентифицировать моих девчонок на взгляд — хрен получится, а магом служка, как понятно, не был, — ...спутницам? — довольно удачно вывернулся он, хотя за паузу можно было бы и пнуть (но лень).

— До Стольного Града нам угодно, — не стал рассусоливать я.

— Тогда вы пришли... — раскаркался вороной служка, но морду лица мою столь художественно перекосило, что он аж поперхнулся словами.

— Сколько и когда? — не стал я тянуть резину.

— В полночь отправится, господин, — потыкал служка в плюхающего плавниками и хвостом кита. — Вы все отправляться изволите?

— Изволим, — изволил ответить я.

— А барышням...

— Со мной.

— Понятно, как вам будет благоугодно, благородный господин. Стало быть, одну светлицу вам, да две скакунам. Сталбыть, дюжина гривен выйдет.

— Я за эти гривны несказанно рад, — ввёл я служку в пучины когнитивного диссонанса. — Нам сейчас садиться? И корм нужен.

— А-а-а...

— Всем, — фыркнул я.

— Дык, поместить-то я вас хоть сейчас помещу, — задумался служка. — А пропитание... — закатил он глаза, ну и с видом героя на баррикадах рубанул: — Гривна! — и зажмурился, явно ожидая люлей за жадность.

— Пусть гривна будет, — солнечно улыбнулся я. — Однако, коль звери будут недовольны, а тем паче мы, вкусом и количеством провизии, то я и из Стольного Града вернусь, времени не пожалею.

— Всё будет, не извольте сумлеваться! А Акимка, — потыкал он в кита, — надуваться сейчас будет, не угодно ли полюбопытствовать?

— Угодно, — заинтересовался я.

И на наших глазах в пасть (реально маленькую, сантиметров десять диаметром, пяток дюжих служек принялись опорожнять бурдюки с кровью. А сам тарпан, поглощая угощение, принялся диспропорционально количества собранного надуваться. Вчувствование эфиром показало, что, не без помощи локальных эфирных проявлений, зверюга на самом деле производит внутри реакцию, надуваясь водородом. А кровь расходуется как на энергетические нужды, так и на восполнение потери массы, так как водород зверюга извлекал из специфических жировых отложений.

Наконец, зверюга надулась, служки засуетились, тягая плавник, против чего трапан не возражал, создав этакий пандус. На которой мы и поднялись, ведомые служкой. Для начала завели Индрика и бегуна в домики, причём служка божился, что накормят от пуза, в чём я не слишком сомневался. Ну и нам домик выделили. Вот совсем тот самый деревенский, как у моих пейзажей, был: небольшой, со светящимися железами, где и не разогнёшься-то толком. Впрочем, дорога наша, как уверил служка, закончится на рассвете, а до того времени и места хватит, да и занятия найти можно.

И пожрать нам притащили, возможно, слишком много; ну да много — не мало. А через час перепады притяжения и покачивания показали, что трапан полетел.

Девчонки испуганно сжались, но метод успокоения был, помещение позволяло, так что засыпали мы спокойные, довольные и в обнимку.

А на рассвете в мембрану входа поскреблось и человеческим голосом изрекло, а не угодно ли благородным пассажирам полюбоваться на Стольный Град, поскольку мы к нему приближаемся.

Вздвигаясь, прочувствовав эфиром, нет ли гадостей каких снаружи, я пришёл к выводу, что нам угодно. И выполз с испуганно держащимися за меня Олой с Любой.

И зрелище, представшее перед нами, было как весьма приглядно, так и порождало вопросы.

Итак, столица была исполнена в виде почти правильного круга, обнесённого стеной метров в тридцать, а то и поболее. Состояла она из всяческих кораллов, причём в различной цветовой гамме: от типично бледно-розового, в различных оттенках, до красного, вплоть до интенсивного пурпура и даже серого и чёрного.

И архитектура... вот чёрт возьми, ампир, причём именно эклектичный, середины двадцатого века. То есть элементы эллинистического ордера сочетались с устремленностью в небо неоготики. А по-простому — центральное здание Столичного Града, невзирая на материал (светло-бежевый коралл с розовыми включениями), до боли напоминал небезызвестные Семь Сестёр.

И прочая городская архитектура была в том же стиле — приземистые, с избытком колон многоэтажные, от трёх и более, здания венчались островерхими башенками, заострёнными крышами, а то и вообще коронообразными надстройками.

Вообще — чертовски красиво, если честно, особенно в свете восходящего солнца, не мог не признать я.

Вот только оставался вопрос банальной безопасности. В пиетет тварей перед местным Нерезиновском я нихера не верил, а вот заграждений ПВО не наблюдалось от слова “совсем”!

Впрочем, напрягшись, напыжившись и отрешившись от восторженных писков девчонок (да и не только их, всяческое пассажирие тоже морды из домиков явили, пырились, пищали и подпрыгивали), я, вчувствовавшись в эфир, отметил некую... область? поле?

Скажем так, некую зону ментального воздействия, с запасом накрывающую Стольный Град.

Так, всё нахер, мне надо понять, решил я, шмякнувшись на задницу и впад в полутранс. Подключил для обработки Архив и стал разбираться в результатах. И, выходило, что защита эта более техническая, точнее, биотехническая. Точно в механизмах её осуществления я уверен не был, но согласно всему прочувствованному и понятному выходила такая картина:

Несколько высоких башен (три десятка навскидку, но не точно), содержат биоретранслятор и усилитель телепатического сигнала. А где-то, скорее всего — во дворце, сидит имперский пучеглаз и, пуча глаз, морщит ум. Транслируя довольно неприятный для хищных тварей сигнал.

Почему человек? Так очень тонкое, не распугивающее человек или там домашнее зверьё воздействие. Ну а что ретрансляторы... Так имперский Род многочисленностью никогда не отличался, для них, подозреваю, пост во дворце — уже напряжно. А тридцать постов... просто нереально, это “беззаветная служба Империи до гроба”. И ладно бы это, но у имперских, вообще-то, и без прикрытия от зверья дел дохренилион. Даже если в придачу разгульному гедонизму, наслаждение властью и прочие, милые сердцу представителям правящего класса не учитывать.

В общем, подлетели мы потихоньку к Стольному Граду, тарпан плюхнулся в специальный посадочный бассейн, который, в отличие от “открывающегося эллинга с лужей” был явно проточным и вёл в недра стационарного стойла.

Причём, никаких временных стоек. Коралловый пандус, на который тяжело вздохнувший кит положил ласт.

И, соответственно, начал народ покидать транспортного зверюгу. Присмотревшись, я обнаружил ряд показно-надувающихся родовичей, различного типа и вида. Пришибленные видом столицы, да и перелёт, пусть и незаметный, для них просто не прошёл.

И были не менее явные чинуши. Щёки не надували, а целенаправленно чесали в паружетажное коралловое здание, скорее всего — некий аналог привратной стражи воздушного порта столицы.

Так что я извлёк зверюгу, и пока первый раз завалившиеся в Нерезиновск щёлкали клювами, потопал с девчонками в здание.

Встретил меня чин, видом столь заморенный, как будто он не только что притопал на службу (рассвет ведь), а месяц, без сна и отдыха, отравлял окружающим жизнь бюрократией.

— Документы, будьте любезны, — умирающе простонал он, а я с некоторым удивлением отметил, что чин был родовичем.

— Будьте любезны, — тыкнул я в чина пластиной, где в вольной форме в свое время наказывал, что аж какой владетельный Стрижич, и всем надлежит трепетать со страшной силой.

— Стригор Стрижич, — на этих словах щель рта чина, с печально опущенными уголками, искривило подобие улыбки.

— Он самый, — ангельски улыбнулся я.

— Да не волнуйтесь, господин Стрижич. Просто ваш родич сидит, знакомец мой, — тыкнул он персом в отдалённый стол.

Где и вправду сидел родович, несколько менее заморенный, нежели мой собеседник. А волна эфира показала, что и вправду Стрижич. Последний дёрнулся, обвёл взглядом окрестности, остановил взгляд на мне, кивнул. И углубился в бюрократщину.

— Бывает, родовичи Великого Рода часто встречаются, — не без ехидства протянул я. — Вопросы ко мне ещё имеете?

— Только один — барышни сии с вами?

— Служанки. Документ имеют, — отрезал я.

— Что ж, хорошо, в таком случае привратная стража Стольного Града вопросов к вам более, Стригор Стрижич, не имеет. Добро пожаловать, — равнодушно выдал он и отвернулся.

А я, на секунду задумался, да и подтопал к столику родича.

— Стригор, Владыка Болотного Лога, — представился я.

— Стриблуд, безземельный, — ответил парень лет тридцати. — Могу чем-то помочь, родич?

— Да, родич. Осознаю, что вы на службе, но...

— Не столь в текущий момент обременён. Десяток минут на беседу найду, но не больше, уж не взыщите.

— Буду признателен, — коротко поклонился я.

Вышли мы из стражницкой... таможенной... да хрен знает, как это здание идентифицировать, уже со стороны города. Ну и начал я в родича вопросы задавать.

— Не подскажите ли, Стриблуд, такие вещи: мне нужно жильё, для меня, служанок и зверей. Я планирую поступить в Имперскую Академию...

— Понятно, Стригор, простите что перебиваю, но по делу будет быстрее. В средствах вы...

— Вполне обеспечен.

— Прекрасно, тогда рекомендую арендовать флигель или этаж рядом с Академией. Она предоставляет аренду и сама, недорого... но масса ограничений и проживание со служанками или рабами будет затруднительно.

— Ясно, благодарю.

— И ещё один момент, Стригор. Кто вас рекомендует в Академию?

— Кхм, мне казалось сам факт того, что я родович старшего Рода — уже неплохая рекомендация, — несколько напрягся я.

— Так-то так, да не так. Вы думаете я тут, — тыкнул он перстом в здание, — от нечего делать службу несу? Ценз выслуживаю, для службы более достойной. Тяжеловато нам, Стрижичам, в Империи. Да и немного нас.

— Не возьмут, значит, в Академию?

— А леший знает, Стригор. На словах-то препятствий нет, а вот как на деле будет...

— И похер, — быстро обдумал я. — Не возьмут — сами себе дураки. Аренда мне всё равно нужна, уж лавки букинистические в округе точно есть?

— Есть, как не быть.

Хотя, признаться, я в случае, если академики имперские говниться будут, точил зуб на две вещи. Первая — репетиторство у студента. Денежек у меня и вправду дохрена, могу позволить. А вторая — разведческая деятельность в академических библиотеках. Это которая, если не мной осуществляется, шпионаж подлый.

Чёрт знает, насколько осуществимо, но смотреть надо. В общем, в любом случае надо жильё найти. И, даже если с Академией облом будет — на месяц-два в столице задержусь. А там посмотрим.

— Ну вот и отлично. Благодарю за помощь, родич...

— Погодите, — задумался собеседник. — Горисилка!!! — вдруг рывкнул он столь громко, что и без чувства эфира можно было сказать, что использует нашу родовую магию.

От рывка этого из здания явился некий Горисилка, с видом лихим, молодцеватым и даже придурковатым, но в меру.

— Чего изволите, Стриблуд Стрижич?! — рывкнул призванный, пожирая глазами явное начальство.

— Сходишь с родичем моим, Стригором Стрижичем, до домов доходных близ Академии. Приглядишь, чтоб не... — запнулся он, полюбовался на мою улыбку, сам криво усмехнулся и продолжил. — Чтоб лишних калек, а то и трупов среди домовладельцев Стольного Града не появилось, по жадности их да глупости.

— Не извольте сумлеваться! Всё сполню, Стриблуд Стрижич.

— И если потребен будешь — считай, сегодня свободен от службы. Родич, думаю, не обидит? — вопросительно взглянул он на меня, на что я показал всем своим видом, что не по делу обижать точно не буду, а как уж выйдет по делу — посмотрим.

— Благодарю, родич.

— Пустое, несложно мне было. Удачи вам, Стригор.

— И вам благ всяческих Стриблуд, — не остался в долгу я.

И за приданным нам служкой потихоньку потрусили в недра столицы. Вообще, кроме как архитектурой и ощутимой даже в столь раннее время многолюдностью, от того же Славска я отличий не наблюдал. Хотя, были всё же: например, подчас народ таскал с собой даже не бурдюки, а мешки на лямках, типа сумки.

А ряд девиц бесстыже одевались, аж мысленно хрюкнул я. Ну, не совсем, это были скорее украшения: на предплечьях и бёдрах отдельных модниц примостились выющиеся растения, типа как браслеты, с цветами, вполне живыми. Довольно симпатично, если честно, но, кроме как украшения, эти приблудины явно функционала не несли.

В общем, через полчаса довёл нас провожатый до места, откуда купол Академии был заметен. Описание этого заведения мне часто встречалось в литературе и было довольно достоверно: растительный полупрозрачный купол, в полкилометра диаметром, сплюснутый до стометровой высоты. На кой это было сделано — чёрт знает, как бы не подпустить удушающих газов, ежели студии предадутся любимому студенческому занятию. Впрочем, шутки шутками, а вопрос жилья стоял, так что вместо академического пузыря направились мы обходить дома по кольцевой улице. И вот как-то хотелось что-то своё, а не квартиру, сколь бы то ни было большую.

И, невзирая на приближающиеся экзамены, после озвучивания моих хотелок, привёл нас Горисил к особняку, в саду которого был относительно небольшой, но более чем объёмный флигель из бордового коралла. В два этажа и вообще — понравилось.

— Сдаю, — чопорно ответила домовладелица. — Но вы уверены, господин, что средства ваши... — что прервал мой искренний ржач.

Дело в том, что дамочка была хоть и родовишной, но из какого-то мелкотравчатого рода. И того момента, что Индрик стоит поболее её конуры вместе с Академией (ну, последнее, возможно, преувеличение, но в плане зданий — точно), не просекла. Невзирая на колёр, который сам Акул почитал “самым красивым”, а я, не самый глупый разумный, не находил обоснованных аргументов, почему нет.

Вдобавок, в сумке бегуна хранилась сума с суммой... ну Лога три-четыре я купить мог, причём в Центральных областях, а не Жопе Мира. Почти год ударного монстробоя, причём

редких, а, подчас, уникальных тварей моё личное благосостояние подняло на достаточную высоту, чтобы о деньгах просто не думать.

— Смешно, госпожа, — наконец, проржался я, с иронией взирая на поджавшую губы дамочку. — За то, что подняли мне настроение, к тем пяти десяткам гривен за квартал, я добавлю пару десятков. Реально повеселили, — фыркнул я.

— Да... вы... — не находила дамочка слов, сражённая моим всем.

— Ну не сдаёте — и хер с ним, — махнул лапой я.

— Сдаю!!! — выпучила очи жаба дамочки так, что это отразилось и на дамочкиной внешности. — Но вы могли быть... поделикатнее, господин Стрижич.

— И вы могли, госпожа Шептовна. Так что давайте или арендую, или не будем тратить время друг друга.

— Хорошо, — мученически закатила глаза домовладельца, посвёркивая искорками алчности в глазах. — Сдаю. Стол?

— Мои служанки прекрасно готовят, — отметил я. — А вот продукты нам будут нужны. В остальном, думаю, разберёмся со временем.

— Ваша правда, господин Стрижич. Давайте посетим управу...

— Госпожа, господин Стрижич только что прибыл в Стольный Град, — вдруг подал голос наш провожатый.

— Да? — удивилась дамочка, на что я кивнул. — А как же в Управе...

— Ну я не у них жильё арендую, — тонко намекнул я, что груз больной головы ей и останется.

— И всё же, господин Стрижич, вы же прибыли для обучения в Академию?

— Возможно, как минимум — ознакомлюсь с ней.

— Пусть так, но когда определитесь с учёбой или службой — будьте любезны пройти со мной и встать на учёт в Управе.

На что я просто кивнул, внутренне матерясь насчёт разведённой бюрократии.

Флигелёк нам достался пустоватый, но сносный, а мебели всяческие можно и докупить. Правда, возникала дилемма — я собирался топтать в Академию. И не терпелось, да и “тонкие намёки” сородича несколько беспокоили.

Но вот с девчонками надо что-то делать. Точнее, им что-то делать, да и вообще... В итоге, отпустив сопровождающего нахрен, я обратился к домохозяйке. Осыпая гривнами, сия дама в ситуацию вникла, пригрозила подбросить продуктов, ну и до флигеля посторонних не допускать.

Так что, с относительно спокойным сердцем, потопал я к центральному входу Академии, о котором узнал у нашего сопровождающего. Под здоровым, почти непрозрачным у основания тёмно-зелёным куполом была этакая коралловая проходная, с башенками и финтифлюшками. Куда я Индрика и направил.

Встретила меня пара на редкость здоровых стражей, с мордами, преисполненными собственной значимости. В лапах они сжимали что-то типа посохов-жезлов, но чувство эфира показало, что это, наверное, самые первые из виденных мной магических инструментов для простых людей (которыми и были привратники). До полноценного родовича эти биоартефакты, безусловно, не дотягивали, но вжарить молнией какой, судя по циркулирующему в них эфиру, могли больно, а возможно — и совсем.

— Блага тебе, путник! — на два голоса пробасили мордovorоты, охреначив ни в чём неповинную мостовую своими электродрынами. Кстати, лёгкие разряды статики имели

место быть в месте охренивания. — Что привело тебя к порогу Имперской Академии?

— Дорога меня привела, — хмыкнул я. — Внутри желаю, стражи. Пора испытаний вступительных ныне?

— Так это, — важно покивал стражник.

— Зверя бы мне пристроить, да куда идти узнать, — закинул удочку я, подкинув десятикопеечную пластинку в руке.

— Негоже, — сказал левый, но нахмурились оба. — А за зверем конюх приглядит, да и проводит служка вашу родовитость.

И не обманули — где-то через минуту к Индрику подскочил служка, которого Индрик, снабжённый указанием не есть, есть не стал, а им увёлся. А я взвалил на плечо бурдюк, полный денег (признаться, чувствовал себя с этим рюкзаком новым русским из анекдота), и увлёкся служкой за номером два, совсем ещё подростком, даже младше меня, в недра Академии.

По пути любовался довольно занятой округой: кроме центрального здания, Академия закрытых строений не имела, кораллы кораллами, а архитектура типично эллинская, коринфского стиля площадки, без стен, которые заменяли колонны.

И вот к одному такому гимнасиуму служка меня и повёл. Было помещение практически пусто, но три дядьки в возрасте, с физиономиями, обезображенными интеллектом, валялись полулёжа на некоем подобии дивана, но при нашем появлении изволили валяться полусидя.

— Приветствую, соискатель, — изрёк центральный, закатил глаза, явно вчувствуясь в эфир, поднял брови. — Стрижич?

— Стрижич, Стрижич, — покивал я. — Стригор Стрижич из Болотного Лога.

— Хм, понятно, — непонятно выдал он. — А какую гимназию вы кончали, юноша?

— Никакой, — отрезал я. — Насколько мне известно, обучение в гимназии не является условием поступления в Имперскую Академию. Лишь знания и деньги.

— Известно вам верно, однако вы забыли упомянуть службу, — на что я покивал не без ехидства. — Что ж, извольте представить документ и давайте проведём беседу.

— Уже испытание? — уточнил я.

— Беседа, Стригор Стрижич. На ней мы определим, достаточны ли знания и умения ваши, чтоб испытания проходить. Или столь обширны, что и испытания не понадобятся.

А вот я несколько напрягся, признаться. Троица академиков почти незаметно переглянулась на “Стрижиче”, да и поменялись каким-то мгновенным эфирным пакетом друг с другом. Которого я, по причине слабости и кратковременности не то что понять, а сам факт его наличия почувствовал с трудом.

Это, выходит, чтоб такую своеобразную телепатию, причём построенную на явных кругах, послушать — надо постоянно в полутрансе быть, с Архивом наготове.

Придя к этому выводу, я впал в полутранс и наготовился.

— Давайте побеседуем, Стригор Стрижич, о явлениях природных. Что есть дождь небесный, природа его?

И началась “беседа”, которую, по совести, имело смысл назвать экзаменом. Троица интересовалась физикой, математикой, историей... Благо объём прочитанного мне позволял в отвечать без проблем, а в ряде направлений — скорее скрывать объём знаний.

И опять — странность. Спрашивали меня с интересом, но на правильные ответы, часто расширенные и с нескольких позиций... кислели. Ну реально, рожи делали если не мрачные,

то несколько недовольные.

Ну я эфира напускал, и если не мог читать мысли, то уж полиграфить точно. Впрочем, посмотрим, что и как будет, резонно заключил я.

— А как у вас, Стригор Стрижич, с искусством чародейским? — наконец полюбопытствовал один из дядек.

— Прекрасно у меня с ним. Родовыми навыками я овладел в полной мере и с преизбытком.

— Я не про это, — поморщился он. — А про искусство, на знания и умения завязанное.

— А-а-а, так вы про фокусы гимназические? — с усмешкой не остался в долгу я. — Баловался я глупостями этими, зрите.

И продемонстрировал вытащенные из Зара и Сила эфирные недозаклинания с жутким КПД.

— Мда, — протянул средний, довольно невесело. — И не желаете ли, Стригор Стрижич, на службу Имперскую поступить?

— Не понял, — несколько возмутился я. — Извольте объяснить, Велидуб Велесович, какого лешего мне, старшему родовичу, под чей-то род идти?! За науку? Так деньги за то требуются, и немалые, которые платить готов!

После чего троица переглянулась, вновь обменявшись взглядами и эфиром, из чего Архив успел выцепить “жаль” и согласие на это.

— Что ж, Стригор Стрижич, показали вы себя юношей разумным, в науках знающим, но увы, — выдал Велесыч. — На год сей академия учащихся набрала с преизбытком, попробуйте...

— Врёте, нагло и в глаза, Велидуб Велесович, — не стал я разводить реверансы, искренне возмущённый. — Коль врёт род императорский, что “Для всех родовичей Академия”, лишь деньги плати, то покрываете вы ложь постыдную. Или все втроём, — улыбнулся я, — кривдословы. Могли и сразу отказать, время моё не тратя. Пустобрёхи, — припечатал троицу я.

— Да как вы... — начал было левый.

— Да так и смею, господин Ярыч, — солнечно улыбнулся я. — Правда глаза колет? Так давайте поединок, мне только в радость, — совсем широко улыбнулся я.

Последний эфир топорщить стал, получил по наглым эфирным лапам, ну и просто отвёл взгляд.

— Вот то-то, — припечатал я. — А правду вы про себя... академики, — почти плюнул я, — слышали потому, что собеседованием прикрываясь, совесть свою тщились убересть, на незнании или неумении меня поймав. Но беречь-то и нечего. Прощайте.

— Стригор Стрижич, — с очень... сложным выражением лица, от гнева, до вины, окликнул меня Велесович. — Слова ваши... неважно. Коль в Академию желаете поступить, путь Стрижичам только через служение.

— Благодарю, — на сей раз, пусть и неглубоко, но кивнул я. — Сказали бы сразу — и благодарность бы моя была полней и честней.

И потопал я к выходу Академии, строя планы праведных разведывательных мероприятий. Вообще, в принципе, мог бы и сам подумать, отметил я. Стрижичи — род, который, на минуточку, Империю грабит радостно. То что мы, местные, “не такие” — ну так вишь ли “доказывать должны”. Вот только хрен. Не должен я ничего, а в Стольном Граде поживу, да и до закров академических доберусь. Благо я эфир ВИЖУ, а Архив позволит с

книг снимать натуральные копии, за секунды на каждую. А уж почитать и потом можно.

Но настроение мне, конечно, испортили, паразиты такие. Резоны, в общих чертах, понять можно. Но враньё на государственном уровне, типа лохотрона, это государство, а главное — власть предрержащих, делает как раз этими самыми лохотронщиками.

Врущий гражданам, подданным, любой государствообразующей популяции правитель, неважно, единоличный или коллегиальный — жалок и омерзителен. И причина его вранья — не важна. “Неправильно доложили” — так он выходит не только презренным лжецом, но и бездарным, некомпетентным правителем, поскольку подчинённые, правильно докладывающие — его прямая обязанность и ответственность.

Иду я, значит, уже покинув Академию, ведя Индрика в поводу — ну захотелось пройтись, очень уж ситуация взбесила, голову проветрить, ноги размять.

Как вдруг прёт на меня, с видом царя всея Беловодья, некий родович. В не слишком широком, но всё же потоке народа его персону людишки огибают, но мне, да ещё и с паскудным настроением, глубоко на этого шагальщика похер. Особенно если учесть, что движение в Империи “правостороннее”, а вышагивает этот несимпатичный хрен мне навстречу.

И не отворачивает, гад такой! Ну и хрен с тобой, золотая рыбка, мысленно хмыкнув я, ну и, хищно оскалившись, прибавил шагу.

Ну и врезался корпусом в вышагивающего, откинув и чуть не сбив с ног. А в этот момент почувствовал некоторую вину: дело в том, что в месте столкновения биодоспехов, в этот самый момент столкновения, я почувствовал у шагальщика... ну, отсутствие пары рёбер и куска бока. Биодоспех это до столкновения успешно скрывал, но дыра в шагальщике была знатная, факт.

— Вы, господин, невежа, — совершенно ровно произнёс оттолкнутый, хотя на бледной физиономии появились бисеринки пота, да и в запахо-феромонном спектре пахло от него явным дискомфортом, если не больше.

— А вы глупец, — отпарировал я. — С вашими дырами, господин хороший, дома лежать, эти дыры латать. Кроме того, вы в бок дырявый, а не в очи. Какого лешего вы не по своей стороне улицы пёрлись? — осведомился я у Чернобожича.

Поскольку от бледного явно и ощутимо несло энтропийным эфиром, столь милым моей даймонической части. Ну а из всего читанного, подобным обладали Чернобожичи.

— Истинный родович шествует там, где ему угодно.

— А мне угодно шествовать справа, на помехи всякие, — смерил я взглядом всякую помеху, — внимание своё ценное не обращая.

Выдал я это, да и потопал дальше. Ну реально, не морду же этому увечному бить, хоть и хамло наглое. Как-то реально неудобно выйдет.

— Пойдите, господин торопыга! — повысил голос Чернобожич. — Вы нанесли оскорбление родовичу, разрешить это может только поединок чести!

— Ну и хрен с тобой, золотая рыбка, — буркнул я. — Добью, чтоб не мучился. Где и когда, только не тратьте моё время. Стригор Стрижич я, если что, непредставленный господин.

— Братомасл Чернобожич, — выдал он. — Завтра, на рассвете, у капища всех богов.

— Буду. Свидетели...

— Приведу двух друзей, господин Стрижич.

— До встречи, господин Чернобожич, — ответил я, потопав дальше.

Ну вот, блин, псих какой. Хотя, учитывая плотность и направление эфира... Скажем так, не будь я мной, мне и безрукого и безногого Чернобожича опасаться стоило — очень уж у них ядовитые проявления. Правда, малочисленны они, как бы не из-за колдунства своего. И, кстати, интересно, куда у них орган припрятан, не преминул отметить научно-исследовательский я.

А вот моя завтрашняя жертва (научного исследования — точно, а дальше как пойдёт), явно из рода “исторгнута”. Имя поскольку у родовичей по богу-прародителю идёт, должен он бы быть Чернобрат какой, или Черномысл.

В общем, иду я, мысли думаю, почти успокоился, нацелил нос на вывеску лавки букинистической. И тут в меня влетает симург мелкий! На скоростях запредельных, блин! Врезается, шмякается на дорогу, ну и начинает, видно, от сотрясения ума, пищать послание, голосом женским причём:

— Стати твои весь день мне видятся... Уд твой, сахарный, так в уста и просится... — и прочую подобную порнуху, на всю улицу пищит.

Быстро оглядевшись, я увидел картину, как некая родовишна в лице физиономии гневной стала, да и зарядила родовичу, с которым общалась, оплеуху. Пощёчиной называемую.

А сам этот родович пырится на меня глазом злобным и щёку свою потирает. Причём, нужно отметить, что в том, что это родович — только отсутствие сисек и указывает. А так — subtilen, задом подтянут и обширен, не сказать, чтобы женоподобен... Да блин, смазливый андрогин, как он есть! Я бы его за Стригосского возвысителя принял, но сиськи мужеские, две штуки, и узелок кожаный в паху, а не щель сомкнутая.

В общем, позыркал на меня этот тип бешено, глазки закатил, ну и со слащавой улыбочкой и злыми глазами подскочил.

— Почтенный, а вы в курсе, что чужие послания...

— Неприлично кидать в невинных прохожих, в курсе, — хмыкнул я, опять ощущая накатывающее дежавю, не зная, плакать или смеяться.

— Вы оскорбили честь почтенной родовишны!

— Мы оскорбили, — переглянулись мы с Индриком, взглянули на андрогина и дружно заржали. — Уважаемый, вы в МЕНЯ своим симургом кинули. Хоть обернулись бы, ради приличия. Ладно, претензий я к вам не имею...

— А я, почтенный, имею! Вы повели себя недостойно родовича... что с вами?! — изумился он.

— Вы со мной, — честно ответил я, вылезая из пучин челодлани. — Так, хрен с вами, поединок чести и прочая херь, леший с вами. Через час после рассвета, завтра, у капища всех богов.

— Э-э-э... хорошо, — слегка окосел андрогин. — Ладомысл Ладыч, взыщу с вас долг...

— Стригор Стрижич, должны мне тут только вы, — хмыкнул я. — Ладно, пока-пока.

И вскочил на Индрика, а то ну его нахрен. И, то ли в связи с тем, что был я на скакуне, то ли с тем, что биодоспех извращений типа богатой перевези не предполагал, но ещё одного поединка, в связи с разными точками зрения на детали туалета, со мной не учинилось.

А учинился таки набег на букинистическую лавку, которую я, кроме сдублированных и более томов, выгреб подчистую. Так что до места моего обитания и пребывания девчонок меня сопровождал магазинный бегун, груженный листами, как сволочь. И, кстати, цены на литературу оказались раза в три дешевле, чем в Росточе. Что, в общем-то, оправдано

логистикой и спросом.

Девчонки наготовили вкусный похруст, искренне обрадовались груде литературы, так что и перекусили, и любилась мы с удовольствием. А вот засыпал я не в одиночестве, но именно засыпал один: обе девицы читала на глаза надели и предавались разгульному чтению.

Ну а я успею, а пока лучше высплюсь, разумно заключил я и заснул.

16. Три родовича

Наутро я поднялся пораньше, вытащил себя из койки ветром — девчонок будить не хотелось. И задумался над судьбой своей бредовой. Ну ладно “милядь” и полупридушенный “рошфор”, бывает. Благо индриков колёр, мысленно хмыкнул я, как минимум оригинален. Но увечный Чернобожич и явный бабник-Ладыч это... ну, в принципе, может быть совпадением, хотя несколько напрягает.

Впрочем, вопрос “ирреальности реальной сказки” вставал ещё в Земном Крае. В общем, если абстрагироваться от флешбэков Земли, то ничего из ряда вон выходящего не происходит. А совпадения — бывают, кроме того, не такие уж они и “совпадения”. По крайней мере, у меня мешок капиталов, а не “пара экю”, хмыкнул я.

А после перестал ерунду думать, да и попёрся взбираться на Индрика. Небо самым вопиющим образом розовело, а у меня вроде как дуэль. А на деле — интересные подопытные, мысленно потёр я лапы, уже влекомый акулом. Энтропийный эфир Чернобожича и явный жизнь-витаЛ Ладыча.

Кстати, вот интересный момент, а не связана ли андрогинность Ладыча с дуальностью божества? Хотя, если использовать бритвенный прибор старого монаха, скорее выходит наоборот — боги-покровители из старых легенд достались тем, кто наиболее подходил. Или... кодовые названия разработчиков, по старым богам — тоже нельзя исключать вариант. А выжившие и обеспамятевшие (вот тоже вопрос вопросов — с хера ли обеспамятевшие, ЧТО произошло, откинувшую цивилизацию небывалых высот в пусть и биотехнологичную, но дикость) образцы-носители соответствующих эфирных органов имели, скажем, бирку какую, с надписью “Модель Хорс”, “Модель Чернобог” и прочее подобное.

И кто у нас безымянные имперцы — тоже интересно... хотя это так, фоново. Да и не слишком я, к своему стыду, пантеон славянских богов знаю: в основном, грецких всяких и прочих варяжских.

Место дуэли, в виде окрестности “капища всех богов”, было довольно любопытным. Не самым фактом некоего пантеона — это-то при многобожии и централизованном государстве норма. А тем, что жрецов Империя вообще, ну и это самое капище в частности, не знали как класса. Все обязанности жречества, если таковые и были, осуществляли “семя соответствующего божества”. И, соответственно, родовичи и были жрецами. А вот капище... в читаном мной вообще непонятно: у Хорсычей, например, ряд связанных с огнём деяний носил ритуально массовый, с привлечением людишек характер. А у многих родов — ни хрена не было. Что и неудивительно, например, для рода одного из моих подысследуемых — Чернобожича. Уж какую “массово-религиозную” хрень можно учинить энтропийным эфиром — хрен знает. Но в увеличении религиозного рвеня или ещё какой подобной хрени непричастных очевидцев я не уверен. А вот в разбегании их, с визгами, писками и даже молча — уверен на сто процентов.

Тем не менее, “капище всех богов”, как этакий архитектурно-парковый ансамбль, имел место быть в стольном граде. Видимо, ещё одна “закладка” под централизацию государства, сделанная имперским родом полсотни лет назад. Кстати, ряд Родов и вправду осуществлял на “своём месте” какую-то деятельность, те же Ладычи, например, насколько можно было доверять читаному, раз в месяц “исцеляли страждущих во славу Лада и Лады”, совершенно

бесплатно, то есть даром.

Количество нахрен раздавившихся в погоне за халевным исцелением, не упоминалось (а было, подозреваю, не менее, а то и поболее исцелённых), но сам факт подобной деятельности был отражён. И не только Ладычей, но с этими жизнью вообще довольно занятно, в плане того, что именно их Род в централизации был заинтересован не менее, а более всех остальных. Поскольку, опять же, согласно читаному, жизнь имели широчайший спектр лечащих воздействий, были физически чуть ли не сильнейшими. Что и неудивительно: я прекрасно понимал что, невзирая на subtilность, Ладыч завяжет меня бантиком на чистой физике, по крайней мере до начала работы мной не только с нервной, но и спокойной системой организма.

Так вот, при всём при этом, никаких “боевых вирусов”, остановки сердца, взрывного орачивания противника Ладычи вроде бы не имели. Воюя чистой физикой, будучи крайне заинтересованы, чтобы воевали всякие остальные, а Ладычи, соответственно, лечили со страшной силой за обильные блага.

Ну, тут чисто мои умозаключения, согласно читаному, что, к слову, совсем не факт. Например, описывалось несколько конфликтов Ладычей с Императором, считай имперским Родом, хотя, по логике, эти два Рода должны радостно друг друга облизывать и в задницы взаимно дуть.

Так, за мыслями о всяком разном и интересном, доехал я до довольно обширного парка, по которому были раскиданы как раз всяческие капища всяческих богов соответственно. Народу, по раннему времени не наблюдалось, так что сделал я, в качестве ознакомления, некоторый променад по капищам. И идолица как идолица, поганости умеренной, к богам, которых я знал по Земному Краю, к счастью, отношения не имели. Статуя, некоторые из них слегка фонили эфиром, характерным для соответствующих родов.

От Стрибога ничем не фонило, что неудивительно. Впрочем, идолице было в меру ухоженным и меня невольно заинтересовавшим тем, что имело довольно приглядную морду (в отличие от большинства прочих, которыми только запоры лечить) и... множество глаз по всему телу. Фигня какая-то, рассуждал я, направляясь к центральной поляне капища, этакому травянистому стадиону. Ну реально, откуда тысячи глаз? Хотя легенды о самом Стрибоге довольно бледные, в основном, описывались были, где Стрижики со страшной силой всем вваливали при помощи Стрибога. Или наоборот, но уже при его попустительстве.

И вот, утвердился я, понимаешь, в центре поляны, с Индрика слез, присел и жду подопытных, в смысле поединщиков. Рассвет, между прочим, давно в полноценное утро перерос, солнце нагло пытается бить в глаза и вообще. А этого Чернобожича нет ни хрена! Он там вообще, от его дырки не помер часом, задумался я. Впрочем, он, паразит такой, о каких-то там свидетелях блял, должны были явиться и должить ожидающему мне о неуважительной причине неявки на поединок в виде смерти или хвори там тяжкой.

А нет никого, я как дурак, уже полчаса жду, блин! Ну и хрен с ним. Самое смешное, если ещё и Ладыч не припрётся. А сидят эти двое в кустах окрестных, сидр жрут и ржут надо мной, например.

Подумал я это, реально проверил ветром — но нет, пусто в округе, никого нет.

Ну и хрен с ними, логично заключил я, разлёгшись на травке. Поваляюсь, небом полюбуюсь ещё часок. А не будет этих поединщиков, значит, они — пидарасы. Я, хех, Д'Артаньян, соответственно.

Ну и по мордасам всяким “поединщикам” буду бить сразу, а то видно шуточки у них

такие, столичные, умеренно злопахнул я.

Жду я значит, и тут чешет какой-то тип неясной родовой направленности, судя по эфиру. Ну чешет и чешет, объехал капища, на меня зыркнул и учесал на щучьем скакуне.

А я несколько как задумался, так и напрягся, поскольку посетил меня представитель имперского рода, судя по более детальному знакомству, точнее, анализу Архива эфирных потоков, которыми меня этот зыркатель обдал. Ментальное колдунство, довольно странное, Архивом окончательно не идентифицируемое, но на семьдесят с хвостом процентов — телепатия, как она есть. Точнее, нейтральный эфир с спецефической телепатической присадкой и ещё хер знает чем.

А поскольку иных менталистов в Беловодье, кроме Имперского рода, не водилось, видимо, это он и есть. Хотя и полукровка может быть, но уж очень “структурированный” зырк, более похоже на работу запрограммированного органа.

В общем, внешне этот пучеглаз особой пучеглазостью не отличался, но вот радужка была у него интенсивно-ультрамариновая, подозреваю, в темноте натурально светящаяся, не отражённым, а собственным светом. Не прожектора, конечно, но малая доля паразитного эфирного излучения в виде свечения точно выделялась. И зрачки-иголки, практически незаметные, так что с десятка метров казалось, что их и нет толком.

А вот в плане “воздействия”... Довольно любопытное, очень... простое и тонкое. Почти меня напугавшее — потому что мысли этот менталист не читал, в прямом смысле этого слова. Он, как бы это поточнее, обозначил в пространстве вокруг меня даже не вопрос, а ощущение, с посылом “кто ты?” В общем, если бы я на ментал не встопорщился, то на это воздействие мог и прощёлкать клювом, восприняв за собственные ленивые мысли.

Но не прощёлкал, выдал что-то вроде “ходють-ездють придурки всякие, небом любоваться честным Стрижичам мешают!”

Имперец ускакал неторопливо, а я стал думать, как с этими мозголазами себя вести. И, судя по всему, выходило, что никак: вот если бы с Академией срослось, то смысл думать бы был. А так... я студента-репетитора искать буду, ну и книги скупать. В принципе, особых пересечений с этими типами у меня и не предполагается. Так что лучше вообще держаться пока подальше, если что, хотя интересно, конечно.

В общем, надумал я это, оценил, что и Ладыч уже опаздывает, ну и решил домой двигать. Видно, и вправду то ли Чернобожич помер смертью в бок дырявых, то ли приколы столичные, не для наших жопомиристых умов.

И тут почувял, как чешут в моём направлении уже три родовича. Причём парочка — соответственно Чернобожич и Ладыч, ну и имперец давешний с ними.

Ну охренеть теперь, не то, чтобы там сильно обиделся, но решил как минимум обильно обдать презрением опоздунов я, продолжая валяться и любоваться небом.

— Господин Стрижич! — раздалось от Чернобожича.

— А, господин Чернобожич, явились, — лениво помахал я лапой. — Я, признаться, подумал, что вы подзабыли о нашем деле.

— Вы... — надулся бледный. — Сударь, место встречи было оговорено БЛИЗ капища всех богов, на рассвете! — чопорно выдал этот дырявый тип под кивки Ладыча, в знакомстве с которым Чернобожича сомнений не осталось.

Да и не было, по большому счёту. Я даже выглядывал проглоты здорового, но последнего не завезли.

А вот имперец держался отстранённо, зыркал буркалами своими на всех поочерёдно и

вообще был явно не при делах — этакий свидетель поединка, взятый “до кучи”.

— Именно, сударь, — лениво кивнул я, продолжая валяться и покачивая закинутой на колену ногой. — И вот я, с рассвета жду вашу несимпатичную персону. А вашу несимпатичную персону я жду около получаса, — зыркнул я на Ладыча. — Жду, прошу заметить, в центре этого капища...

— А не близ! — уже повысил голос Чернобожич.

— А вы, сударь, не соизволили уточнить, где это ваше “близ”, — ядовито отметил я. — А центр один.

— Традиционно встречи подобного толка проводятся у восточных ворот капища всех богов, сударь, — снисходительно бросил андрогин.

— Таблички я там не зрел, что вот лично вы, господин Ладыч, так считаете, — резонно отметил я. — Ладно, раз уж явились вы, хоть и с опозданием преизрядным, — начал подниматься я, — мы поединок проводить будем или лаяться глупо? И вы, господин? — требовательно уставился я на имперца.

— Млад, свидетель поединка, — нейтрально бросил имперец с равнодушным видом.

И всё. Но позыркивал, паразит такой. Чего он выглядеть своими пучими глазами хотел — леший знает. Но я, в полутрансе, занудно мыслил о всяких “неприлично зыркающих пидарасах”, так что вскоре аж еле заметно нахмурился и зыркать прекратил.

— Естественно, поединок будет, после ваших всё продолжающихся оскорблений! — надулся Чернобожич. — Извольте следовать за нами, господин Стрижич!

— И куда? — резонно заинтересовался я, приподняв бровь.

На что дырявый заметно замялся, позыркал на небо, на спутников, ответивших ему пожатием плечами.

— Вот леший, времени до службы толком не осталось, — посетовал бледный. — Давайте тут, хоть негоже, но времени нет.

— Ну давайте тут, — поднялся я, разминаясь. — И чего негожего-то?

— Да служители не одобряют... впрочем, пусть их. Пропустим ритуал? — уточнил Чернобожич, на что я кивнул — всякие там “не угодно ли примириться?” нахрен надо.

— Погодите, господа, — нейтральным голосом изрёк имперец, так и не слезший со скакуна, в отличие от моих поединщиков. — Уточняю как свидетель — поединок до смерти?

— Да как-то не горю желанием, — честно ответил я. — Господин Чернобожич и без моей помощи успешно справляется, — на что бледный покраснел, выпучил буркалы, как пучеглаз какой. — Да и господин Ладыч заслуживает скорее порки, — добил я андрогина, который похрюкивал, но похрюкивать тоже перестал и уставился обиженно-оскорблённо на мою персону.

— Да, юноша чрезмерно остёр на язык, ему нужно преподать весомый урок, — отщёлся от плевков в душу Чернобожич. — Но убивать нахожу излишним, — благостно изрёк он.

Ладыч от плевков в достаточной степени не отщёлся, так что просто кивнул на слова бледного. На что кивнул уже имперец, которому кивнул я... в общем, покивали друг другу, да и выпустили мы с Чернобожичем кладенцы.

Кстати, нужно отметить, что набедренные хваталы биодоспехов всей троицы были как у Рэмбов каких — кладенец, сулиман, стрекало, метатель... Дурачьё, припечатал я дурачьё. У меня вот тоже с собой много всякого, но у Индрика в сумах, как умному и положено.

И вот, делаем мы первые выпады, как вдруг на поляну самым хамским образом выносит пятёрку каких-то родовичей, с мордами гневными, сулиманами размахивающими. И орут на

разные голоса эти несимпатичные личности на всех присутствующих слова всяческие. Мимоходом, по отдельности и купно, обвинив нас в некропедозоофилии, эти персонажи обвинили троицу нас в оскорблении Велеса и начали в нас тыкать сулиманами!

Причём, имперца, паразита такого, сидящего в сторонке на щучиче — не тыкали. А он на всё творящееся взирал снисходительно бесюче.

Вообще, бред какой-то, отметил я бред происходящего. Притом, Велесичи, которые на нас и ахреневали в атаке, были магами камня. Кристалла, земли — сложно, тоже кривой, специфический, до конца не идентифицируемый Архивом эфир. Но по книгам и вообще было понятно. Так вот, на нас они не магичили. Правда... довольно оригинально работали с сулиманами. Так-то кладенцы это довольно неплохое пыряло перережут нахрен, особенно напитанное моим ветром или энтропийной пиздецомой Чернобожича — его кладенца я реально опасался, без шуток.

Но Велесичи немагическое живое оружие магичили, причём весьма искусно: кристаллизировали в момент парирования и нанесения удара. Превращая роговой слой в алмазной твёрдости грани. И колющие удары этими пырялами наносили урон кладенцам! Причём ладовичевому было, в данном случае, проще всего — он зарастал за доли секунды.

Но вообще бардак какой-то, гвардейцы, едрить их в дышло, Велесинала, мысленно хмыкнул я, занятый отскакиванием от пырял. И что с этим бардаком делать...

На этом я слишком задумался и получил колотый прокол плеча! Болючий, блин! От чего несколько преисполнился праведного гнева, решив устроить всем окружающим пиздец, начав стягивать потоки воздуха.

— Остановитесь! — вдруг подал голос имперец.

Нужно отметить, приправленный ментальной командой, не сказать чтобы ультимативной, преодолимой, но ощутимой и тонкой.

— Кровь пролита, вы удовлетворены? — спросил он у отступивших Велесичей, а я отметил, что дырявый обзавёлся ещё одной дыркой, а биодоспех Ладыча рассасывается шрамом.

Нет, Велесичам тоже досталось, но всё это уровня порезов и прочего. Вот разгневанный я реально мог устроить если уж не тотальный пиздец, то хорошо прожарить присутствующих, до невозможных увечий. И, в общем-то, хорошо, что этот пучеглаз меня остановил, а то уж излишне я изволил разгневаться на происходящий бардак.

— Кровь пролита, оскорбления Велесу смыто. И устраивать ваши шутовские поединки близ капища, во время тризны — оскорбительно, господа! — довольно злобно выдал один из Велесичей. — Извольте перебраться в более подходящее место!

И вся пятёрка утопала, злобно ворча про казлов и вообще неприличных типов, поругателей светуны и памяти павших.

— Кхм, — откомментировал я происходящее, почувствовав себя несколько неудобно. — Неудобно получилось.

— Да, надо было всё же отойти, — пробормотал дважды дырявый, разглядывая свежую дырку. — А на службу и так и так опоздали...

— Вы поединок продолжите, отложите, господа? — поинтересовался Млад.

— Да я как-то не горю желанием, если честно, — признал я. — Вроде, как бы, подрались, в определённом смысле. Да и повод поединка был...

— Могущий быть разрешённым без поединка, — изящно выразился Ладыч. — Что ж, будем считать случившееся между нами недоразумением, господин Стрижич?

— Не вижу тому припятствие, — не менее изящно ответил я. — Господин Чернобожич?

— Подрались, разошлись, — махнул рукой бледный. — Вы в казарму, господин Млад?

— Естественно, господин Братомысл, — кивнул имперец.

— Будьте любезны передать мои сожаления об отсутствии на службе по уважительной причине, — выдал бледный.

— Передам, меня это нисколько не затруднит. Ваши тоже, господин Ладомысл?

— Буду вам крайне признателен, господин Млад.

На что имперец кивнул, да и ускакал нахрен. В смысле, очевидно, в какую-то там казарму, где и служили эти типы.

— Позвольте, господин Стрижич, — вдруг протянул ко мне лапу андрогин, на что я несколько напрягся, но решил пока не отбиваться.

И правильно сделал — обхватив лапкой биодоспех в районе плеча, он совершил целительное воздействие, оставив из оставшейся троицы дырявым только Чернобожича. Ну и подкинув мне и Архиву шмат натуральных наблюдений и занятной информации, не без того.

— Мировую? — довольно нейтрально предложил Братомысл.

— Ну вообще, неплохо бы, — выдал я, в расчёте на источник информации.

Да и в целом, невзирая на какие-то дикие параллели, мне надо с народом общаться. Потому как я дохрена умный и начитанный... но ни хрена не знающий из “бытовых моментов” нормальной, а не жопомирной жизни. В общем, посидеть с этой парочкой небезынтересно. Помимо кучи информации об их колдунских органах и методе эфирного оперирования, чисто бытовых.

Да банально интересно, что свело в как минимум приятелях исторгнутого из Рода Чернобожича и Ладыча. Да ещё и на некоей “службе”, где подвизается молодой имперец. В общем, куча вещей, пусть не критичных, но чертовски интересных.

— Да, благодарю вас, Ладомысл, — несколько вопросительно выдал я, в плане не против ли “по именам”. — И, господа, вынужден признаться, что мне необходимо уведомить домашних о возможном отсутствии. Это не более четверти часа неспешного хода скакуна, но без этого я буду вынужден...

— Не видим никаких препятствий, — выдал Ладыч, переглянувшись с приятелем. — И не стоит благодарности, господин Стригор.

В общем, невзирая на расхождения в деталях, я оказался Дартаньяном, не без иронии отметил я по пути. В некотором смысле, довольно иронично, уж охеревашие в атаке велесовичи, блин, уже в голос ржанул я.

— Что-то забавное припомнили, Стригор?

— Да, признаться, несколько... вспомнил свою реакцию на Велесовичей. Я как-то не знаком со столичными традициями и полагал их... да чуть ли не разбойниками.

— Довольно забавно, — хмыкнул Чернобожич. — А ваше незнакомство заметно. И нам надлежало... в общем, мы с другом были в отношении вас несколько неправы. Не учли ваш возраст и...

— Провинциальность? — сгладил я затруднение, на что последовал кивок. — А как вы это заметили? Мне в данном случае довольно интересно. Речь?

— Да причём тут речь, Стригор? — вытаращился на меня андрогин. — От вас веет чародейской силой, как при подготовке к атаке! Не знаю, как Братомысл, но я от вас ожидал атаки в любой момент беседы, приняв за задиру.

— Я, признаться, также, кроме того... впрочем, это не важно.

И тут до меня, блин, жирафа жопомирного, дошло. Я постоянно фоню эфиром, как сволочь. В сенсорных и исследовательских целях, но окружающим-то этого не известно! Они чувствуют концентрацию и циркуляцию эфира, особо чувствительные — так и структурированного.

То есть, в том же Ростке на это родовичи реагировали нормально. Про Погибычей можно и не говорить. Но в остальных местах... блин, стыдобища, дошло до меня, до поджатия пальцев.

То есть, вышагивает этакий научно-исследовательский Стрижич, который для окружающих выглядит, как готовый вот-вот йопнуть каким-нибудь колдунством. Такие вещи в детстве, блин, вбивают совсем мелким родовичам... Ну а я с грацией парового трактора, как бы да... Это ещё хорошо, что только тут поединок, а так мне встречались на диво уравновешенные и понимающие (ну или трусливые, тоже вариант) родовичи.

Поскольку если экстраполировать ощущения окружающих, то я размахивал сжатым кулаком перед их мордасами всё время. И что говорил в это время — неважно. От меня ждали нападения, потому что я кулаком грозил и рожи корчил соответствующие, пусть в эфире, но...

А парочка вернулась из “экспедиции”, точнее отражения особо мощного набега родичей с архипелага... В общем, я Братомысла реально зауважал — железной выдержки человек.

— А вас, Братомысл, простите за любопытство, Стрижичи? — указал я на бочину спутника.

— Нет, Стригор, — поморщился бледный. — Моё чародейство.

— Прошу прощения? — свёл очи на переносице я.

Это... блин, как это возможно-то? Так, блин, не бывает! Эфир вырабатывает соответствующий орган, соответствующего формата. Он НЕ МОЖЕТ навредить носителю это... ну блин, как собственной кровью отравиться. То есть, задохнуться от лёгочного кровотечения можно, но это надо, мягко говоря, прилагать немалые усилия.

— Моё чародейство, чрезмерно сильное... вы не находите, что порог вашего жилища — не самое удобное место для подобных бесед, Стригор?

— Нахожу, — признал я. — Буквально минуту, господа, — оставил я спутников холле, заскочил в спальню на второй этаж, чмокнул девчонок, поручил читать и приготовить что-нибудь вкусненькое, да и ускакал.

— Готовитесь к Академии, Стригор? — вдруг спросил Ладыч.

Так, первый этаж... а, ну логично, у меня лавка книжная фактически полным собранием по ларям распахана, сложно не заметить.

— С Академией у меня не сложилось. Просто чтение для развлечения и досуга, — отвечал я, на что андрогин покивал.

В общем, посидели мы тройку часов в кабаке, пообщались, попили сидр и разбежались. Что и к лучшему — причин становиться лучшими друзьями у нас не было. Впрочем, ребята (кстати, биологически старше меня лет на десять), оказались вполне симпатичными и интересными... Но разные подходы, цели и пути.

Впрочем, прежде чем анализировать результаты, полученные сегодня, я вернулся во флигелёк, отведал довольно вкусной еды, немного отведал готовильщиц — очень уж аппетитно они смотрелись, да. Ну и сел думать и подводить итоги.

Для начала, мой “инструмент познания” в виде источника эфира — хрень безблагодатная, и такими темпами меня скоро прибьют, просто из паранойи, окружающие. Нужны иные методы, или более тонкое, не попадающее в диапазон эфирной чувствительности колдовство. Какое, кстати — ни хера непонятно. Но это будем думать, а пока “инструмент познания”, как я и изначально предполагал, более подобает для половых партнёров, чем для окружающих невиновных и непричастных.

Это тезис раз. Тезис два — на идее приживления эфирных органов, похоже, надо ставить крест, по крайней мере, временно. Потому как андрогин Ладыч — таким и оказался блин. Не гермафродит, но “на грани”, что внешностью и отражено. Надпочечники гипертрофированные были эфирным органом Ладычей. Кстати, видимо, ещё одна причина отсутствия боевых заклинаний у Ладычей — они ме-е-едленные. Относительно, конечно. Но, пока Ладыч надпочечником своим раскачается... в общем, именно в схватке и против монстров — смысла нет.

Так вот, помимо эфира, эти надпочечники шарашили лютым количеством не только андрогенов, но и эстрогенов. Но это бы ладно, у Ладыча было зашкаливающее количество прогестагенов в крови, то есть от, пардон, беременности его удерживало только отсутствие полноценной матки. Притом что неполноценная была, в зачаточном состоянии.

То есть, если довести Ладычей до логического завершения — выйдет как раз стригасский возвыситель, стабильный гермафродит. А так, Ладычи, похоже — прототип. Вроде бы и справляющиеся со своими перекосами, точнее, прекрасно справляющиеся — что-что, а физиология и психика у представителей родов была идеально сбалансированной.

Но, например, становится понятна малочисленность жизнюков. Что, казалось бы, бред, а на деле их гормональный коктейль, за счёт дикой мешанины, делает окно фертильности, что мужской, что женской, очень узким. Ну, по логике и моделям выходит так.

Дык вот, притом что сам, например, Ладыч, как и его сородовичи обоих, кхм, полов, вполне нормален, то есть формировался “по программе” и всё такое, то я, например, вживя себе подобное надпочечное украшение, с гарантией уеду кукухой. На сколько по времени — хрен знает, могу и навсегда. Причём без всякого эфира, просто за счёт нахрен улетевшего гормонального баланса, а уж с эфиром...

Далее, у Чернобожичей, опять же, веселуха: щитовидка. То-то они бешеные такие везде описывались, вне зависимости от их энтропийщины. А Братомысл, с его преувеличенной отстранённостью, с базовой психопатичностью борется, причём вполне успешно выходит.

Но опять же, выходит что нахрен надо. Поскольку я получаю в придачу к толике эфира кучу гормональных, физиологических и психофизиологических побочек, не говоря о “эфирно-гормональных” программах, до которых я толком так и не добрался.

Так что путь даймона, в плане эфирного развития, выходит предпочтительнее. В эфире я кукухой уехал в той мере, которая меня устраивает, больше, при развитии, вроде бы, далее не уеду. А вот цеплять на невинного лёдоэнтропийного душежора, который замещает должность моей души и сущности, психические отклонения тела — негуманно.

При этом, довольно любопытную “лазейку” дают пучеглазы. Не в плане “надёргать буркалы имперских учих”. Глупо и не дадутся, прямо скажем.

А вот косвенное воздействие на промежуточную, эфирно-физическую область, с вливанием столь мизерного количества эфира, что как воздействие это фиксируется только анализом результата воздействия... Вкусно, но надо думать и эксперименты экспериментить. Воздух для этого, по крайней мере, на первый взгляд, не подходит. Так что

нужен пробой с эфирного плана, где мне ну вот совершенно похрен на КПД конвертации. Для бурь ледяных во мрачной тьме такой вариант не подойдёт. Но как инструмент познания и получения информации, не вызывающий у родовичей желания прибить агрессивного психа — вполне вариант.

А вот сами мои собеседники оказались личностями небезынтересными и в чём-то даже мне близкими. Но по порядку: служили эти ребята, как, к слову, и Млад-имперец, в имперской, как ни удивительно, службе. Шотландская гвардия Императора, выполняющая не только и не столько функции защиты, сколько агрессивной защиты. Как раз экспедиции по отражению мощных набегов с архипелага, поддержка карантинных гарнизонов Пуш (которые в Империи, кстати, вполне были и карантинили их) при особо мощном прорыве тварей. Вообще, с Пущами выходило занятно, и ситуация Лога — ни хрена не показатель.

Просто Пуща — десятки на десятки километров. И в районе Лога река и тонкий перешеек делало набег... ну не Пущи полноценно, а её небольшой части. Вокруг имперских Пуш возводилась фортификация, карантинные гарнизоны и всё такое. Вырезающие всё, что из пущи выбирается.

А у нас огузок, тогда как большая часть тварей утопывало “на ту сторону”, где, со временем, сдыхало. Тоже факт, мной вычитанный — вне пущи твари жили не более года. Что и логично, учитывая дикие выверты физиологии.

Ну да не суть. Обережная дружина Императора состояла, в основном, из родовичей старших родов. Была именно наёмной — Империя покупала этих родовичей, выставя довольно высокую планку боеспособности. И обычно у этих родовичей были некоторые разногласия с Родом — иначе на кой хрен им в наёмники идти?

Кстати, покупались наёмные родовичи не за деньги. Точнее, деньги им платили, но в большинстве своём они выслуживали земли. То есть, становились дворянами совсем-совсем, персонально, вне зависимости от Рода в целом. Довольно грамотная политика Империи, особенно учитывая, что земли такие дворяне получали тучные и относительно спокойные.

Вот служба имперца, причём не одного, в таком наёмном легионе... а вот хрен знает, странна или нет. Имперских немного, но и немало. Могут желающие пожить на своей земле быть — никто таковым существовать не запрещает. Ну законы физики и магофизики — точно.

А может быть, и контроль над наёмниками, тоже ничего препятствующего таковому нет. Мягкий, типа сослуживцы и свои ребята.

А могут и оба варианта невозбранно существовать и даже быть взаимопроницаемыми целями, поводами и причинами.

Ну да ладно, в этом случае понятно. Далее, мои противники-собутыльники попали в наймиты из-за несогласия с родовой политикой. И например, Братомысла из Рода никто не исторгал. Как я понял из умолчаний и недоговорок, он сам психанул и исторгся, самоназвавшись неродовым именем.

Потому что этот энтропийщик был... экспериментатором. Не исследователем чародейства вообще, которые были в той же Академии, а именно экспериментатором с “силой чернобожьей”, в смысле с тьмой или энтропийным эфиром.

То есть сознательно использовал эфир не по шаблону. Учитывая его ядовость — последствия очевидны. Но есть два фактора. Братомысл ещё жив и с руками, ногами и головой — а это ОЧЕНЬ весомый показатель. А второе — колдунством, растворившим ему кусок его, он нескольких Стрижичей дефрагментировал нахрен, мгновенно, с довольно

большой областью пространства. А это совсем весома, да и страшновато, прямо скажем.

Но ещё на заре экспериментов щитовидные психопаты-родовичи пожелали, чтоб Братомысл перестал маяться хернёй (и, подозреваю, ломать нахрен окружение, хорошо, если не людей). А щитовидный психопат Братомысл послал родовичей далеко, исторгся в наёмники, где выслуживал себе поместье. В котором рассчитывал предаваться постижению “истинной чернобожьей силы”, причём на благо Рода и Империи, что занятно.

Ситуация с Ладомыслом была без психопатии и драм, хотя чёрт знает, как в глубине души. Парень хотел жить сам себе хозяином и выслуживал владение. Были ли причины скрытые или нет — хрен этого андрогина знает.

Сошлись в друзьях уже в обережной дружине, более того, лечением Чернобожича Ладыч долго и безуспешно маялся. Вот удивительно, почему безуспешно, ехидно подумал я, ну и высказал задумчиво, что ежели силу чернобожью истощить, то в этот момент сила ладова может и сработать.

Чёрт знает, прислушались или нет, в общем-то, выходил у нас скорее “синдром попутчика”, чем какая-то там дружба. Ну, например, на семнадцатилетнего меня почти тридцатилетняя парочка смотрела, как на щегла, временами. В общем — масса факторов. Так что разбежались мы довольные беседой — я тоже не сидел, уши развесив, а про тварей пущи ряд, как выяснилось, неизвестных и небезынтересных моментов огласил. Ну и разошлись, как в море корабли.

Двоица по своим делам, а я по своим. А вот теперь у меня, выходит, появился путь с обучением “в мушкетёры”. Вот только... ни хера меня этот путь не привлекает. Своя земля в центральных областях Империи — это реально вкусно, многие родовичи, не ссорясь с родом, на такое идут, как я понимаю. Но мне нахрен не нужна земля, а служить “за науку”... Ну жирно больно Империи будет, за не слишком мне необходимые знания на десяток лет такого замечательного меня заиметь. И вообще, не люблю строем ходить, да.

А вот добраться до библиотеки Академии мне хочется, факт. Поскольку пусть литература книжных лавок была в ряде моментов более подробной и прочее, но интересующих меня моментов не затрагивала. Небезынтересно для общего развития, но ни магии, ни биологии, ни истории в той мере, что мне угодно.

А значит, буду я по лавкам шастать, книжки искать. С девчонками развлекаться, да и вообще посмотрю на столичный быт — тут, блин, оказывается, театры есть! И концерты бывают, певческие. Небезынтересно, факт.

И прикидывать методы проникновения в закрома жадных академиков, само собой. И надо, как посоветовали мне собутыльники, вжиться в столичный быт, чтоб казусов типа дуэльных не происходило.

Ну, “вживаться” мне, честно говоря, лень. А вот информация о традициях и обычаях столичных — вещь небезынтересная. И есть у меня планы нанять кого-нибудь, рассказчика-ответчика какого. Может, и чиновника имперского, а может, студента какого — тут посмотрим.

17. Йоперный театр

Надумал я всё это и со следующего дня начал “обнюхивать” территорию Академии. Параллельно совершая всяческие променады, с девчонками и один. В лавки и просто так.

Променады мне в целом понравились, девчонки радовались, да и приобрёл я им растительные “шмотки”. Живую лозу с цветами, которой столичные модницы увивали плечи, бёдра и талию. Симпатичные такие цветочки, пахнут приятно, да и прямо скажем — лично мной они воспринимались скорее как эротическое бельё. Стимулируя после променадов на всяческие приятные времяпрепровождения с девчонками. Не то что без цветочков этих этого не было... но с ними тоже ничего, да.

А вот с остальным, в смысле Академии и ихних закров, выходило довольно кисло. Устроили, понимаешь, бункер-крепость антимагическую из обители знаний! Я башку сломал, думая, как внутрь незаметно пробраться, но как-то выходило кисло. Стены не просто живые, а с током эфира, причём на разрыв потока реагировали чутко. И чётко, чтоб их!

То есть, я экспериментально попробовал, в процессе променада, в ток эфира внести изменения — так какие-то сволочи через секунду с той стороны прискакали! Чем там маялись — хрен их знает, постояли и срулили, как только нарушенный ток эфира возобновился.

Но скорость реакции и сама реакция не радовали от слова “совсем”. Подключая стена реагировала даже не на эфирную манифестацию — на эфирный организм, искажение. И на манифестацию — тоже, скотина такая.

Это я ещё ни хрена не понял, что внутри у Академии, в плане библиотеки. Сам я изучал маршрут, до куда дошёл... ну так, не слишком там было эфиронасыщенно. Но я толком и не был нигде, вот в чём дело. Зданий в Академии дохрена, я гулял, по сути, по парку. При этом, судя по стене — здания защищены, как сволочи. Потому что внутри Академии студентики, и там защищать надо так, как снаружи и не снилось. А то и не было внутри ничего, кроме руин.

В общем, на третье утро после моей невнятной дуэли проснулся я с чёткой мыслью: надо пыжиться, напрягаться и пробовать прорваться телом даймона на материальный план. Один раз у меня получилось, хотя ни хрена не понимаю — как. Значит, и ещё раз получится.

Просто в теле мне только и остаётся брать штурмом обитель этих академических жадин. Так прибьют же, сволочи! Или... представил я, как Стригор, в моей роже, с натугой, десятилетиями, напрягает надсердечник. И ещё прочую требуху эфирную в себя пихает. Всё это под стенами Академии, хоть с девчонками, хоть что-то в представимом хорошее...

И вот, через десятилетия, перекорёженный, как Лихо, с крышей не просто протекающей, а хлещущей, как ниагара какая. Задроченый эфирно до упора, берёт, значит, наш гипотетический Стригор штурмом Академию. Руины и россыпи тел прилагаются, всё, как в лучших домах. И вот добирается он, значит, до библиотеки, лапками, перекорёженными многочисленными эфирными трансплантациями, открывает книгу. И видит там художественно выполненную, анатомически достоверную, ну и в целом — очень символичную фигу.

Поржал, настроение себе поднял, хорошо, что девчонок не разбудил. И стал думать уже серьёзно. Академия, ну помимо того, что обитают там жадины и вообще сволочи, очевидно,

возводилась как крепость. И её только штурмовать — уж не знаю, специально так сделано от шибко умных Стригоров, или от тварей эфирных. По логике — раньше твари в Столенграде были, это сейчас их нет толком.

Вообще, интересно, чем была Академия, в плане здания, до того, как её Академией сделали, задумался я, но махнул лапой — интерес праздный, при случае удовлетворю.

Подкоп — не вариант, там стены прорастают, насколько чувствительности хватает, по логике — совсем глубоко, если вообще в купол не смыкаются.

Пролёт, вполне Стрижичам вообще, и мне в частности свойственный — тоже не вариант. Там в куполе чувствительность ещё выше, чем в стенах. На летучих тварей, очевидно. А учитывая, что тварей в столице нет... Ну, встречать меня после такого залёта, похоже, будут не только любопытные академические охранители. Но и толпа имперских, на тему: а что енто за тварь наши конструкторы прорвала?

Так, а какие у меня есть варианты, если подумать? Ну с даймонической разведкой — всё “в общем” понятно. То есть, могу точно, как могу — хер знает. Но разберусь со временем, факт. Только то, что нет никаких оповещалок, а то и ловушек, на эфирную живность — уже не факт. Ну с ловушками, положим, сломаю, чисто по логике — у даймона базово доступ к бесконечному количеству эфира, плюс энтропия, ну в общем, ловушка — не слишком опасно, по предварительной оценке.

С оповещалками вообще непонятно. Но в любом случае — убежать в эфирный план я смогу точно, а Стригора никто не обвинит. Ну такой, шаткий, но вариант.

А если всё же “по-честному”? Ну-у-у... контракт у дружины десятилетний. Многовато и неохота, хотя, по рассказам “мушкетёров”, не слишком напряжно. Отметились на службе раз в день, раз двадцать в год дежурство какое, по суткам. Ну и одна, много — две, экспедиции. Отражение набигающих с архипелага родовичей, или из Пущи тварей.

В жизнь не лезут, в казарму не загоняют. Блин, неплохой вариант, если подумать-то. Но десять лет — слишком, однозначно.

Искать варианты службы на Империю менее длительный? Ну, возможно. Годик, а то и два, я бы отслужил, благо есть не только библиотека Имперской Академии. А, например, Библиотека Императора “собрание всех знаний прошлого, настоящего и будущего”, как ввали приобретённые книжонки.

Ну ввали-то ввали, а интересно. И в разумных пределах за знания можно и заплатить. Хотелось бы, конечно, деньгами, но можно и службой.

Так, а насчёт “деньгами”, задумался я. Мздоимцы — сволочи, и должны быть выпотрошены и скормлены жоруну, это факт. То есть, это базовые сволочи, которые не выполняют обязанностей, вредят людям... клетки раковые социума, болезнь, подлежащая истреблению.

Но я себя на данном этапе имперским не признаю, продолжил рассуждать я. То есть, не “отдала” мне, даже не мне как мне, а мне как Стригору, достаточно, чтобы я считал эту организацию чем-то, кроме посторонней силы. То есть, сильным Родом со своими, а никак не моими, планами. Любопытными, перспективными, но не более. И на её интересы, а уж тем более болячки — мне, по большому счёту, плевать.

Если с этой позиции — так мздоимец библиотечный меня устроит. Доступ к знаниям, а уж с ним и его должностными преступлениями пусть Империя возится. Без моего участия, да.

Хотя неприятно, конечно. И, наверное, поиск мздоимца я отложу, как последний

вариант. И, кстати, совершенно не факт, что такая сволочь, мне локально полезная, найдётся — контракты, эфир. А имперцы идиотами не выглядят, а выглядят они совсем наоборот, если по совести.

Так, выходит: как мне и советовали “мушкетёры”, ищу себе “гида дел бытовых”. Студента, всё же, постараюсь. И получаю знания не книжные, а бытовые. Ну и на их основе уже буду думать, что и как. Может быть, блин, с чёрного хода библиотек дверца, с надписью “для Стригоров всяческих”. А я, как дурак, в парадные лбом ломлюсь. В общем — посмотрим. А чтоб посмотреть — поищем.

В общем, примерно, что делать — определился, так что девчонок поднимал в позитивном настроении. И зарядились позитивным настроением на целый день, дело полезное и приятное, да.

А вот завтракая, я мысли думал, где мне всё-таки студентика отловить, за денежку закабалить и трясти его, болезного, на интересную информацию.

Вот только мои думы были прерваны стуком в дверь. Высунул я морду с некоторым интересом — как-то ко мне гости не частили (вообще их не было, если сам не притаскивал, удивительный факт), и увидел троицу.

В дверь стучал служка домовладелицы, я его, признаться, знамом не знал, по этому поводу не переживал и вообще. Припирает продукты, на пороге оставляет, ай маладца, в общем.

А вот двоица молодых ребят за служковой спиной были любопытны. Я аж эфиром пыхнул, в научно-исследовательских целях. Парочка слегка поморщилась, но бузить не стала.

Итак, на моём пороге стояли Ладычи, две штука. Явные родственники, а не просто родовичи. Фактически, одно лицо, один возраст... ну, разница в немного более широких бёдрах у девчонки и чуть более выраженной груди у неё же. А так — близнецы. Причём однойцевые, задумался я, впадая в медитацию. Так-то разнополые только разнояйцевыми бывают. У беловодцев, я в своё время, думал что бывают, но нет. Те же Погибычи, брат и сестра, единоутробные, но разнояйцевые, две икринки было. Причём от родовишны, что двойню эфирно оправдывает. Но вот в случае андрогинов-Ладычей выверт с одной яйцеклеткой и, при этом, разным полом — возможен. У ихних парней, пардон, влагалище зачаточное имеется, ну и внаоборот тоже должно быть.

В общем — любопытный феномен, оценил я любопытный феномен. А чего енто они, такие красивые, ко мне припёрлись-то? Ну в принципе — да, симпатичные ребята, как, впрочем, большинство жителей Беловодья, а тем более родовичи. Но не в том дело, а в цели их визита. Ладно, хорош медитировать, ничего не придумаю толком, только намыслеблудствую. Послушаем, чего скажут.

Благо времени в моём полумедитативном состоянии прошло немного, менее секунды, пока я прикидывал. Полумедитация, да и нейроны разогнанные, мимоходом погордился я сам перед собой.

— Господин Стрижич, к вам посетители, — провозгласил служка.

Вот хоть стой, хоть падай, “посетители ко мне”, хмыкнул я. Просто эталон капитанства, хоть бы представил гостей... ну да ладно, не мой слуга, не мне его и наставлять. Под дверью от широты душевной не нагадил — и то хлеб.

— Приветствую вас, господин Стрижич, — подал голос парень.

— Мы к вам с рекомендациями от Ладомысла Ладыча, господин Стрижич, — в той же

тональности подхватила девчонка.

— Стригор Стрижич, из Болотного Лога, — представился я, для начала.

Ребятки еле заметно, синхронно и в одних и тех же местах покраснели. Я аж залип на секунду, не то чтобы удивляясь, но так... любясь даже, насколько они похожие. Занятно, на самом деле.

— Ладонез Ладыч, студент Академии, сударь, — склонил голову парень, после чего произошла еле заметная заминка.

Судя по всему, переглянувшись, родственники определялись, кто продолжит быть “говорящей головой”. Заминка ну совсем крошечная, не был бы я мной — хрен бы заметил. Но была, и роли не поменялись.

— И сестрица моя, Ладонеза Ладозна, студент Академии, — продолжил парень, тогда как девчонка совершила подобие книксена.

— Блага вам, Ладычи, — не стал зажимать блага я. — Пожалуйте ко мне, потолкуем.

Служки, как понятно, приглашение не касалось, так что он с мордой, переполненной чувства выполненного долга, свалил вдаль.

А я завёл парочку в гостиную, думая о затейливых извивах в уме родителей этой парочки. Ну ладно — близнецы, бывает. И фамилиё у них, соответственно, родовая и одна — удивительно, но факт. Но вот одно имя — это уже явный перебор. Как ни крути. Хотя со стороны — кажется и логично, и изящно в чём-то.

Расположились на сидушках — этаких креслах-мешках, обильно уставявших гостиную, чисто хозяйская мебель, но, как выяснилось — довольно забавная, если туда с разбегу плюхаться. И мне, и девчонкам понравилось, в общем.

— С чем пожаловали, сударыня, сударь? — обозначил я лёгкими кивками собеседников.

— Дело в том, сударь Стрижич, что получили мы давеча, от Ладомысла Ладыча, — начал парень.

— Кузена нашего, — вставила девчонка.

— Довольно интересное послание.

— А в нём про вас, сударь Стрижич.

— Речь шла. О нужде вашей...

— Погодите, уважаемые. О какой, к лешему, нужде? — удивился я. — Не нуждаюсь я, хвала Стрибогу.

— Наверное я...

— Мы.

— Мы, неправильно выразились, сударь Стрижич. О желательной потребности вашей... Вот ведь заковыка, — задумался парень, да и выдал. — А давайте я вам послание обскажу, так толковее выйдет, а то — всё не то.

— Лучше я покажу, — выдала девчонка, вытаскивая из сумки-браслетика на руке листок.

Вставить мне было лень, так что подхватил я ветром протянутую бумаженцию, девчонке кивнул и вчитался в эту эпистолярщину. Благо была она вполне на бумаге, читаемая даже.

Любезные мои кузен и кузина!

Шлю вам слова приветствия и благие пожелания. А окромя того, хочу поведать, что намерен познакомиться я с юным родовичем, который имеет некоторую нужду. Как и вы, любезные родичи мои, но иного толка. А именно, юноша сей весьма образован и разумом силён, но обитал он в местах столь отдалённых от Сотльного Града, что даже название сего

места из памяти выветрилось.

На этом месте я мысленно посулил, как истинный патриот Болотного Лога, непременно сделать гадость забывчивому “Арамису”. Ну, как минимум, на спину плюнуть. Метров со ста, и ветром плевок бережно доставить, да. Ну реально, хамство какое: “из памяти выветрилось”! Наветрится на спину, тогда, посулил я.

А посему, памятуя, дражайшие родственники мои, о ваших некоторых затруднениях, рекомендую вам сего юношу навестить и предложить ему себя, в качестве наставников в быту столичном. При том, хоть возрастом Стригор Стрижич с вами схож, умом и опытом он весьма горазд, так что коли моему совету последуйте, обращайтесь со Стригором Стрижечем со всем вежеством и уважением, как с владетельным родовичем, главой Рода. Кем он, если на некоторые конфузы родовые внимания не обращать, и является.

Засим прощаюсь с вами, дражайшие родичи, остаюсь всегда ваш любящий кузен

Ладомысл Ладыч

Ну-у-у... или не буду плевать, посмотрим. Так, сложности Ладычей напротив меня очевидны — деньги. В своей состоятельности я “мушкетёров” уверил, как прямо в смысле “в средствах не нуждаюсь”, так и косвенно, просто отмахнувшись от описаний жалования, мол, неважно это.

Но возникает ощущение, что передо мной не родовичи лет семнадцати, а дети. И в письме намёки, да и само письмо, мне переданное, что, мягко говоря, странно.

Хотя, если подумать — дети, только онижедети, скорее всего. Некий конфликт в роду, устройство в академию, вот только опыта жизни у гостей с гулькин нос. При том, в “жизни столичной”, а, скорее всего, и студенческой, они жоруна съели. И при этом, согласно письму Ладомысла, воспринимают меня не как постороннего, а знакомого “по рекомендации”. Ну, по крайней мере, видится мне ситуация таковой, быстро прогонял я мысли в полутрансе.

Интрига, с письмом и смущашками... а зачем? В доверие пробиться? Опять же, вопрос — а нахрена?

Ладно, не столь важно. И так, и так наставник нужен, о чём я сам себе решил. Будет двое — не проблема. Ладомысл, при всех прочих равных, себя сволочью или ещё кем подобным не проявил. А значит — попробуем просветиться с помощью этих кузнечиков.

А информацию, по возможности, проверять я и так, и так собирался. Безоговорочно и развесив уши доверять я не буду в любом случае.

— Насколько я понял, сударыня и сударь, прибыли вы ко мне с намерением, по рекомендации Ладомысла Ладыча, просветить меня в быту и обычаях Стольного Града, на вопросы, мне неизвестные, отвечать? — уточнил я, а то мало ли что.

— Точно так, Стригор Стрижич.

— Это славно, — кивнул я. — Но обучение у вас, да и время своё потратите. Негоже сие без награды оставлять, — наградой на это мне стали весьма бодрые кивки парочки. — Так что давайте решать, сроки, сколько средств ваше участие и труды скрасит.

И стали мы решать. А я не то, чтобы поразился... ну скажем так, несколько удивился. Дело в том, что эти студентики, конечно, учились. Вот только обязательными к посещению в Академии были лишь три занятия в неделю! Причём ещё хер поймёшь какие — “клятва на нас, Стригор Стрижич, о делах учебных и академических с профанами речи не вести”, — развела руками девица, под кивки парня.

Ну... ожидаемо, хотя не желанно. Имперцы не “Учение, всем, даром! И пусть никто не уйдёт незаученным!” — а прагматики и продуманы. Собственно, на что-то такое меня

ассортимент книжных лавок и натолкнул. Ограничение гимназической программой, плюс-минус. Художки и всякой популярщины тьмуца, а учебников и наставлений — шиш. А так могло быть либо при жёсткой цензуре, с изъятием “неудобных книжек”. Чего, судя по мной наблюдаемому, не наблюдается.

Либо ограничение на распространение знаний их носителями, что и наблюдается вот прямо сейчас.

А если разобраться, местные академики — сами профаны. И жадины, и вообще. Всё равно, даймоном в ихние лабазы проникну, постигну всё со страшной силой, и... Ну посмотрим, что там дальше, не стал я залезать в дебри долгосрочного планирования.

Собственно, позвал я девчонок, они нам перекус сообразили и присели в уголке, слушать. На этом я сам настоял. Были у меня полуоформленные мысли насчёт Олы и Любы, но это вопрос будущего.

И стал парочку пытаться вопросами. И вообще, выходило, что массу информации моя профанистая физиономия получила по недоговоркам, переглядываниями и прочему подобному. И тут не поймёшь, то ли я такой дохрена умный, то ли близнецы “дозволенным способом, в обход клятвы” информацию вываливают.

Просто то, что я их за “онижедетей” принял — вопрос такой... Могут они такими быть, факт. Но в то же время — академия, куча родовых, а они выживают без родовой поддержки, даже с денюжкой у них напряжёнка.

То есть опыт интриг и социальных взаимодействий, причём в аристократической среде, у этой парочки может быть побольше, чем у меня за все упомянутые жизни.

Ну да ладно, это вопрос анализа и наблюдения, не срочный и не критичный, интерес, не более. А вот с Академией выходила такая довольно интересная картина.

Итак, есть три предмета, которые студентки обязаны изучать. Их парочка не назвала, по понятной причине, но экстраполяция выдала их таковыми: история, причём скорее история Империи. Теоретическое чародейство — насколько теоретическое тоже нихрена не ясно. И законы Империи, устройство её и прочее подобное. И всё, больше ничему студентки, за немалые деньги притом, учиться не обязаны. Не заставляют и не принуждают, рай для митрофанушек.

Но, при всём при этом, СДАТЬ экзамен и получить знания студент может по куче дисциплин. Экзамен, скажем так, “включён в стоимость”, ну и нужность его сомнительна, если не встраиваться в имперский механизм. А вот учиться — в той самой библиотеке. Что, вроде бы, как бы и возможно, но... всё же самостоятельное освоение довольно напряжно. А лекции читаются, но преподаватели даже не стараются утрясти расписание. То есть несколько лекций необязательного списка могут идти в одно и то же время, судя по оговорке — близнецам удобно, ходят в разные аудитории.

И, вот бардак и поношение, но никто не мешает платить за консультации и факультативы. Судя по всему, это основной доход преподавателей, ну и ситуация понятна, хотя делает образование в Академии совсем неподъёмным, для большинства родовичей уж точно.

Что решается понятно и просто. Служи Империи. И не удивлюсь, если немалая часть студентов, которые в Академию припёрлись, о службе и не думая, подписывают с ней контракт на будущую службу на второй-третий год.

И сказать, что это звездец как хреново-то, не выходит. С точки зрения государства и интересов Имперского рода — нормально. А сам имперский род, при всех прочих равных,

для людей выходит скорее благо. В общем, с точки зрения этики и социологии — всё сложно.

Но с точки зрения моей персоны — понятно и просто. Жадины, мироеды и сволочи, которых раскулачу, да.

Ну и ряд моментов обсудили, как раз насчёт фонения эфиром. Например, вот в своём доме — нормально. Твоё право и вообще, ты заботу о госте на себя берёшь, его впуская. Ну и он, соответственно, впираясь в сень — доверяет самим фактом впираания. А вот на званом обеде там, или общественном месте каком — фонить эфиром не стоит. Ну а про наулицу я и сам понял прекрасно.

Так и просветили мою любознательность, насчёт заведений культурного досуга. Типа театров всяких там, опер и прочего высококультурия. В плане, какому типу тамошней публики нужно на ногу изысканно наступать, а кому не очень изысканно можно.

На этом ребятушки отказались от обеденного пожрать (ну и сами себе дураки — девчонки классно готовят, и мне больше достанется, да), поладились, что через пару дней будут, прибрали денежку, аристократично оставленную на кресле, и ускакали.

А я стал питаться и думать об узнанном. Ну, помимо важного, были моменты насчёт того, что Академия — здоровый... кхм... да даже не бордель, групповушник. Все со всеми, просто в виде досуга и отдыха от учёбы. Но преподаватели — ни-ни, это факт. И, подозреваю, что невзирая на пол, всё в этой Академии через задницу, в силу физиологических, хе-хе, причин. И нежелательных беременностей.

Ну это так, фоновые намёки. А главное — преподаватель, отловленный мной во тьме глухой, или при свете дня там — не будет меня учить. За деньги уж точно, разве что пытаться и мучить, не научно-исследовательски, а мучительно и пытая.

Далее, академические знания, ну не в плане “ол хайль, Император!” — которые история и законы, а в плане библиотеки — ценность, и её оберегают. По сути, покупая за неё родовичей, так что хренушки мне, а не дверца на библиотеках “Стрижичам сюды, добро впожаловать!”

И со службой выходит тухловато, судя по рассказам Ладычей. Проверю, конечно, но судя по всему, экспедиционный корпус — самый “быстрый” способ, с его десятью годами. Чиновникам, городской страже типа полицаев, что тоже очень родовичей в своих рядах привечают — и полвека, ну а четверть — минималка выходит.

В общем — логичная ситуация. А у меня: не хочу служиться, хочу учиться. Насчёт каких-нибудь хитрых вариантов, типа: я вам годик тварей Пущи повырезаю, а вы мне — читательский билет, я, конечно, пошуршу ещё. Но подозреваю — хер мне.

Так что выходит, мне надо сидеть в столице и пытаться даймоном проникнуть в материальный план. И повторять предыдущий опыт мне категорически не хочется. Но намёки есть, хотя меня они... пугают, да.

И дело вот в чём. Те полтора раза, кроме первого, когда стрижичья тушка обретала даймоническую, пусть и призрачную атрибутику, были связаны с очень сильными эмоциями. И охренительно негативными, прямо скажем. С точки зрения эфирных манифестаций это, в целом, оправдано. И логично.

Но мне категорически не хочется становиться даже не даймоном, а демоном из завиральных легенд. А интенсивность эмоций, необходимых для материального воплощения, достигается, похоже, только негативом. Ну такие мы, человеки, ничего не поделаешь: положительных эмоций меньше, они слабее. А всяких злостей, злобы и прочей зависти —

вагон с прицепом.

И вот, есть у меня обоснованное подозрение, что злобствование и прочие замечательные вещи на меня в эфире окажут прямое влияние. Соответствующее испытанному. А у меня и так, если честно, проблемы нарисовались. Со чтоб ее, человечностью, пригорюнился душевный человек я. Некоторые намётки я сделал, даже выправлять буду.

Но, вопрос в том, что злобствующий для того, чтобы в материальный план пробиться, я, злобным хмырём от этого злобствования буду становиться. Быстро и злобно. Высокочастотное, что так, хотя эксперименты не помешают. И шкала “злобности”, несколько поржал я, представляя на эфирном терминале архива соответствующий циферблат со стрелкой. Ну и рогами в одной стороне циферблата и нимбом с другой, хех.

В общем — посмотрим, но не сегодня. А завтра ходим в оперу с девчонками. Ладычи насчёт этого развлекалова не слишком изобиловали подробностями — то ли не любители, то ли дороговато. И вправду — дороговато, по их словам, но богатенькой буратине мне — пофиг.

Дело в том, что оперными певцами, судя по всему, были не человеки. А биоконструкты, хотя, повторяюсь, Ладычи больше по “правилам поведения и вежества” трещали в случае оперы, от деталей изящно уклоняясь. Ну если были пару раз ещё с родовыми — понятно, да и не критично.

И вот на следующий день девчонки нацепили цветочные подвязки, я взял себя в руки, чтоб яйца не выкатывать, ну и погрузились мы на скотину ездовую, выдвинувшись в сторону йоперной театры.

Сама эта театра была небольшой, этаким куполом, натуральной полусферой, метров в пятьдесят-шестьдесят диаметром. Что на элитарность, мягко говоря, намекает. В общем, служба, подбежавший к остановившимся перед ажурно-лианным входом, нам бегуна и Индрика обещал обиходить, а Индрик, соответственно, службу не кушать.

После спешивания вытянул я лапы, на них девчонки ладошки положили, и только мы потопали было в арочный вход, как увидел я спешащего к нам родовича. Реально, чуть ли не бегом чешет, что как-то странно. И бежать ему, кроме нас, не к кому. Так что задумался я, послал всё в бездны, пыхнул облачком эфира. Ну, если к нам — то потерпит, а если не к нам — мимо пробежит, и хрен с ним.

Но, судя по всему, к нам, поскольку глазами он на наши персоны лупал. Так что я ход придержал и даже полуобернул наш шествующий конструкт в сторону подбегающего. Набегающий был каким-то младшим родовичем, как выяснилось по мере приближения. Какое-то слабо идентифицируемое смешивание, свет и вода, что-то такое. Я, собственно, даже чей он смесок, понять не смог толком, да и хрен с ним. Набежал этот родович, значит, башкой дёрнул, обозначив поклон.

И совершенно ментовским тоном, аж нога пнуть зачесалась, вывалитет:

— Стригор Стрижич из Болотного Лога?

Я на это рожу кирпичом держу, только бровь поднял. Но уже интересно: я с плакатом “Стригор Стрижич я, восхищайтесь мной все со страшной силой!” по столице не хожу. А этот знает, что любопытно.

— Гореслав Горич, — поморщился этот тип, через пять секунд молчания. — Подьячий опричного приказа.

— Стригор Стрижич, хозяин Болотного Лога, — слегка кивнул я.

— Вам Стригор Стрижич, надлежит явиться...

— К лешему идите, — вежливо перебил я.

Ну реально, охерел этот подьячий в край. Во-первых, наплодили, блин, приказов — я про такой читом не читывал. Развели бюрократии, как сволочи!

Во-вторых, “надлежит” что-то служкам имперским. И их людишкам. Я — Родович! Империи и её службам, даже в ихних законах, обязанный налог платить, крайне скудный. И не убивать их, совсем уж без причины. Причём с причиной — могу и убить, так, на минуточку. И ежели хоть самому Императору от меня что-то там понадобится — ну, коньячку кружечку в моём симпатичном обществе испить, или ещё чего, то служба имперский может меня ПРИГЛАСИТЬ, по его августейшему велению. А явиться или нет — уже моё суверенное дело.

Безусловно, есть нюансы. И к анператорской морде, если ей меня пригласить в голову придёт, я побегу. Или из Империи подальше — тоже вариант. В обоих направлениях, в зависимости от раскладов, побегу. Не теряя тапки только потому, что не ношу.

Но “являться” — это из другой оперы, так что я крайне вежливо ответил. Посылать можно было, если уж совсем начистоту, не только к лешему, но и подальше. И даже импульс ускорения придать, в направлении посылы.

— Вы... — выпучил на меня буркалы хам. — Пьяны? — принялся он. — Вас зовут в Опричный Приказ, Стрижич...

— Вон пошёл, пока не прибил, щучий сын, — тихо, с улыбкой, произнёс я. — Ты, видно, мозги потерял, к честному родовичу со своей приказчицкой бесчестно домогаться.

И аккуратно девичьи ладошки отпустил, неторопливо кладенец на предплечье перемещая. И формируя атакующий конструкт.

Хам на меня глаза выпучил столь сильно, что я бы забеспокоился, не выронит ли он буркалы свои хамские на мостовую. Но поскольку было мне на хама похрен, беспокоиться я не стал, пребывая в полутрансе, ожидая реакции.

— Я ещё вернусь, щенок! — пригрозил этот тип.

Причём, ускакивая от меня вдаль, блин! Вот ведь херня какая, озадачился я. А он вообще — служба приказной, или дурачок местный там, юродивый какой? Хотя меня знает. Бред какой-то, охреневшие подьячие культурным досугом наслаждаться мешают.

— Стригор Стрижич, а что это было? — непонимающе поинтересовалась Люба.

— Да, что? — с интересом и полуулыбкой уставилась на меня Люба.

— А вот хер его знает, девчонки, — честно ответил я. — Сам не понимаю.

— Я спрошу, Стригор Стрижич, — выдала Ола, чем искренне порадовала.

И не предстоящим, это радовало базово и системно. А тем, что произнесла это преувеличенно серьёзно, но со смешинками в глазах. А такие вещи у Олы меня всегда искренне радовали, поскольку бытие её было до моего появления сходным с бытием скорее домашней скотины, чем человека. Обласканной и всё такое, но девчонке даже поговорить-то толком было не с кем, почти всю её жизнь.

— Потом мне расскажешь, что поведал, — в тон девчонке ответил я.

Посмеялись немного, я ладошки взял, и потопали мы в йоперную театру.

После увитого ползучей ажурной лианой арчатого кораллового прохода, впёрлись мы в комнатуху, тоже полусферическую, с несколькими мембранами выходов. Встретил нас там служба, исполнивший танцевально-изящный поклон. То есть, беловодцы базово уклюжи и изящны, но тут было сложное и на удивление красивое движение, обозначающее поклон.

— Чем Оперный Театр Стольного Града может вам служить, уважаемый господин?

— Стригор Стрижич. Песнями, чем ещё может служить Оперный Театр, — пожал я плечами.

— Как скажете, господин Стрижич, — несколько замялся служка. — А...

— Примите, — протянул я гривну.

— Ложу на троих изволите?

— Изволим.

— Какие-то особые пожелания? Приватность особая...

— Просто послушать, — отрезал я.

Ну хрен знает, что, как и куда. А мы просто послушать и посмотреть пришли. Может, какие-то “опции” интересные и есть, но это если послушать понравится, на следующий визит, резонно рассудил я.

— Понял, господин Стрижич, пожалуйста за мной. И вы, сударыни, — склонился служка.

И повёл нас в один из разомкнувшихся мембранных ходов. А из другого выскочил служка, ну, не близнец первого, конечно, но похож точно. Уж жестами — один в один. И занял место нашего провожатого.

Сам театр был, как выяснилось, не просто невелик. А ОЧЕНЬ элитен. Никаких там галёрок, только ложи, тридцать четыре штуки, оценил я. Сама сфера разделена на тридцать шесть сегментов, в середине — круглая сцена. И один сегмент — вход, а один, очевидно, выход артистов.

Притом ложи широки, комфортны, а часть вообще затянута пузырём — видимо та самая “приватность”, о которой трындел служка. Ну нам без надобности на текущий момент.

Провёл служка нас в ложу, где мы с девчонками расположились на скамьях-диванах, выстланных мхом, поверх которого валялись живые шкуры.

— Угощение изволите, господин, сударыни?

— Сидра принеси, и перекусить что-нибудь, не есть, а на зуб кинуть, к сидру, — озвучил я.

— Исполню сей секунд, — ускакал служка.

И исполнил, правда секунды через четыре — нерасторопный какой, мысленно хмыкнул я. Но копеечкой оделил: старался, бегун.

— Концерт начнётся, дорогие гости, через десять минут. Коль понадобится что — сожмите, явлюсь тотчас, — указал он на слабо мерцающую полусферу в центре кораллового столика.

И смылся. А мы с девчонками сидр пригубили, саранчой креветкообразной в сахаре похрустели. Вот на вид — гадость гадостью. А на вкус очень даже, и к сидру подходит, оценил я.

Тем временем, незатянутые пузырями ложи оперативно занимались. Особо не вглядывался, но родовичи, в основном поодиночке или парами. И часть занятых лож затягивалась пузырём. Видимо — изнутри прозрачным и звукопроницаемым, отметил я.

А после стали появляться певцы, затянув несколько нот. И вот тут я был сильно заинтересован. Потому что пели в йоперной театре натуральные Алканосты. Или Симурги, не настоящие посланники, а мифические. Женские и мужские торсы на птичьих ногах, с крыльями. И перьями.

Пели, заразы, не просто хорошо, охерительно пели: реально пробирало. А-капелла, роль

музыкального сопровождения выполняли певцы же. Дюжина, три самца и девять самок.

И вот меня интересовало множество моментов. Что это за химеры, откуда. Насколько разумны, и вообще. И вообще, как к этому относиться.

И пока певцы выводили свою, действительно охренительную, песню, девчонки заслушались, я подавал струйку эфира. На которую одна из... ну пусть певиц мелко и изящно перебирая ногами приблизилась, не переставая петь. И начала поворачиваться немного перед нашей ложей, красуясь.

Ну а мне только того и надо, так что я собирал информацию. И... ну, скажем так, ни хрена мне стали птицы не интересны, с точки зрения биомании. Вот ЧЕМ их сделали — ОЧЕНЬ интересно. А сами они... биороботы. Уровень интеллекта собаки, умной собаки, не более. Память, правда, охеренная. Весьма интересный метаболизм, но на этом всё. Хотя прошитые навыки впечатляли — в ряде моментов на звуки песни меня дрожь пробирала, а девчонки, не скрываясь то слёзки роняли, то светились, как солнышки, в такт песне.

Но всё равно — не намного сложнее Ярла осадного. Антропоморфность торса — внешняя, человеческого почти ничего, метаболизм не позволяет. Эти птицы, помимо пения (причём тянуть ноту могут более десяти минут!), могут натурально летать. Притом костная структура не птичья, а млекопитающая. И не эфирные, биологически-автономные создания.

Хотя, судя по всему, их потрахируют, мысленно хмыкнул я. Впрочем, зверушкам это скорее в радость. Как и зоофилам, чуть в голос не ржанул я.

И задумался, а не завести ли себе такую певунью? Не для койки — а ну его нафиг! В качестве магнитофона и вообще. Ну реально — симпатичная такая птаха. И поёт красиво. В общем — посмотрим.

И остаток концерта я как наслаждался пением, так и не без иронии вспоминал свои предположения насчёт изготовления мутантов из людей.

Тут вопрос ведь даже не столько гуманизма какого. Просто сложность работы по созданию жизнеспособной химеры такова, что никто этим заниматься не будет. Ну это звездец какие извращения нужны, примерно прикидывал я, как надо надругаться над обменом веществ, нервной, спокойной и прочими системами человека, чтоб получить такую птаху.

Выходило, что это будет краткоживущее, калечное создание, жрущее эфир, как сволочь (без этого не живущее от слова “совсем”), и единственное, что это бедное успеет за свою краткую жизнь “пропеть”, так это просьбу прибить и избавить от мучений.

И направились мы домой. Вообще — диковато, но красиво. В смысле общего ощущения, как от песни, так и от вида. И девчонки глазами, как звёздочками, сверкают, хмыкнул я, оборачиваясь на едущих в бегуне девчонок.

А вот с подьячим... подумал я, да по приезду направил своему “социальному наставнику” Ладычу послание, на тему “срочно надо, отблагодарю”. Как-то выяснять у домохозяйки, что за “опричный приказ”, желания не было, мдя.

18. Паучья сеть

Наутро двоица Ладычей явилась с рассветом, причём вдвоём, невзирая на то, что обращено послание было к парню. Что в очередной раз подтвердило, что парочка эта идёт по стопам “богов-прародителей”, во всех аспектах.

Собственно, момент, что они посещают разные лекции вразнобой, я выявил по гримасам неудовольствия. Им дискомфортно не быть рядом друг с другом, довольно забавный выверт. Вообще, интересно на ребяток посмотреть именно с точки зрения души. Вот серьёзно, вроде и разные люди, а вот как душевно — небезынтересно.

Я, конечно, удивлюсь, если это, например, один человек с двумя телами. Но не слишком, есть для этого масса предпосылок эфирного толка.

Впрочем, парочка, похоже, будет со мной не один месяц, так что успею. Пока моя души только шатать и кушать, даже толком непонятно — один раз я нямку потребил, или два. Или вообще — три... хотя нет, три — этого точно не было! Не желаю, и даже если так и было — не желаю знать, отрезал я.

На этом не самом приятном предположении, затолканным в самый уголок, кхм, души (и ещё потоптался по нему, на всякий!), я Ладычей в гостиную провёл, в мешочек с денюжкой потыкал. На что физиономии близнецов стали по-настоящему рассветными: бодрыми, внимающими и полными энтузиазизма.

— Первое, сударь Ладыч и сударыня Ладышна, — сложил я пальцы домиком перед мордой лица. — Вчера, на пороге Оперного Театра, случилась у меня презанятная встреча. Подошёл ко мне родович малого рода, признаться, незнакомого. Горичем назвался.

— Есть такие, сударь Стиржич, — покивали близнецы, ответив парнем.

— Давно земель не имеют, служивый род, — дополнила девица.

— Ну и леший с ними, мне признаться, до рода ихнего дела нет, — отмахнулся я. — В другом дело. Представился сей родович отменно нагло и оскорбительно! — аж воздел перст я. — Подьячим Опричного Приказа.

По физиономиям близнецов пробежала тень, показывая, что не местный юродивый нам к йоперному искусству приобщиться думал помешать. Ну в общем, как и предполагалось, мысленно хмыкнул я.

Вопрос ещё в том, что в беловодском языке куча “ложных друзей переводчика”. Тьматьмущая, прямо скажем. Причём при общем “славянском” куча явных латинизмов и гречких слов, дойчизмов, франкицизмов... Намного меньше русского Мира Мороза, но хватает. Так вот, ну первое, что приходит в голову, при слове “опричный” — это гвардия Ивана Грозного, за свирепость егоиную прозванного Васильевичем. Мётлы там, бошки собачьи и прочая стильная атрибутика.

Вот только “опричь” — это не терминальная степень ментовщины под руководством всяких Василичей. Это просто... “другой”. Другой Приказ, если по смыслу. И вот быть он “другим” быть вот вообще каким угодно. Старшие подтиральщики анператорской задницы, а “другие” — чтоб благозвучнее, вполне возможный вариант.

— Данный Приказ мне не встречался ни в книгах, ни в сборниках законов Империи. И вот интерес мой первый таков: что за Приказ, чем занят, почему в законах о нём ничего нет?

Переглянулись близнецы и принялись на два голоса, с запинками, рассказывать. А я уточнять и вникать, потому что Империя, выходило, далеко не только “Законом”

руководилась, но и вполне себе Родовой традицией. Так-то логично, сам понимал, но вот именно столкнулся непосредственно первый раз.

И выходила такая петрушка, что Опричный Приказ даже не спецслужба какая, а... ну представители Императора, как бы. Как бы, потому что не думаю, что они с каждым вопросом к его личеству бегают и вообще. А по факту, Опричный Приказ создан и действует в рамках императорских указов. Область действий Приказа — то ли представители, то ли ревизоры. Аналогий много, но суть такова: это именно порученцы императора.

При этом, само существование Приказа в судебныхниках и прочей законщине не отражено. И ревизируя что-то там, они в морду ревизируемых тычут имперским указом на конкретное ревизирование.

На этом моменте я даже задумался, а не тыкало ли вчерашнее хамло в мою персону бумаженцией с надписью: “Подать Стригорку пред мои буркалы! Антператор”. Вроде такового не наблюдалось, после тщательного припоминания определился я.

А значит, подьячий, как, собственно, в любой бюрократической службе и свойственно, ежели она не контролируется жёстко, привык, что его унылые вяки воспринимаются как слова императора.

А наличие указа — вопрос второй. “Все знают” — и этого достаточно.

Ну, значит, поступил я с мордой охеревшей верно. Не только по-совести, закону, но и по уму. Но подготовиться “бежать к Логу”, а то и подальше, с девчонками надо.

Потому как мелкий служка, преисполненный Чувства Собственного Величия, от того что его нахер не посылали — это одно. Это где угодно, в плане организации, может быть. Не сказать, чтобы нормально, но свойственно человекам.

А вот организация — хрен знает. По логике — должна быть нормальной, а Горич хамский — это у нас “эксцесс исполнителя”. Ну не выглядит имперский род как упыри-однодневки, сама Империя на это указывает.

Но по логике — одно, а вот ставить своё и девчонок благополучие на кон я не буду.

При этом, узнали обо мне что-то, что заинтересовало настолько, что “приглашение прислали”. Про форму промолчим, но заинтересованность налицо.

И... блин, варианта два: бежать из Стольного Града, пробиваясь силой, если мешать будут. Что вот совсем не факт, что получится, учитывая потенциальное количество мешальщиков.

А второй — держать девчонок под рукой, ну и ждать. Если заинтересованы и не упыри — последует более удобоваримое приглашение. А если упыри... и так, и так пробиваться. А с моими навыками и возможностями “подготовленная группа захвата” даже предпочтительнее плана “всем ловить Стрижича нагло!” Сожгу эту группу захвата кислородом, и драпанём с девчонками из столицы.

Так, это обдумать подробно, чуть позже. И к худшему варианту надо готовиться, но жить им глупо. Так что кивнул я благодарно на рассказ Ладычей — кстати, про городских тоже рассказали, тоже “не всё просто”, ну да ладно. И задал чисто бытовой вопрос, точнее по досугу, комфорту и вообще.

— Благодарю за рассказ. И второй у меня к вам интерес. В оперном театре люди-птицы...

— Стратимы, сударь Стрижич, — подала голос девчонка, на что я благодарно кивнул.

— Так вот, я про них не знаю ничего. Ни откуда берутся, ни кто продаёт-производит. А знать хочу.

— Мы и сами, сударь Стрижич... — начала было девица, но замолчала при лёгком покачивании головой парнем.

Потому что он правильно сынтетрировал мой, с задранной бровью, направленный на мешочек с денежкой взгляд.

— На днях поведедем, сударь Стрижич, — заверил парень.

— Вот и славно. Блага вам, Ладычи, дверь вам всегда открыта, — распрощался я.

— И вам блага, Стригор Стрижич, — откланялась парочка.

А я, пока девчонки спали, решил посидеть в гостинной и подумать. Подумал, распустил ветряную сеть до предела чувствительности, убедился в отсутствии соглядатаев от всяких подозрительных контор, которые Приказы.

Последних не наблюдалось, так что стал я думать дальше. О девчонках и себе. И Мире, куда деваться.

Дело в том, что, невзирая на свою непонятную природу и прочее, я себя соотносил с Морозом, с Отмороженным. А это, в общем-то, даже в худшем раскладе — не так. Слишком много изменений, воздействий разной степени травматичности и прочего. Я — даймон в эфире, один вид которого заставит жреца Мира Мороза поверить в маркетинговые сказки, которыми он загаживал мозги паствы.

При этом, личность моя — в общем, человеческая, но. Очень неприятно по мне прошёлся Замороженный Мир, прямо скажем. И тут, в Беловодье, я отмякнув на время от впечатлений, стал “затягиваться” ледяной коркой. Перестаю воспринимать людей за людей, вижу функцию и себя, стороннего наблюдателя.

Причины — понятны. Эмпатия — это не только приятно, это и чертовски больно временами. Но надо, чтоб оставаться тем, кто мне нравится.

И вот, в качестве связующего звена “с людьми” из всего моего окружения есть только девчонки, две мои служанки. Ола вообще влюблена в меня беззаветно, видит в Стригоре свою жизнь. Люба... ну тоже недалеко ушла, постепенно принимая меня как неотъемлемую часть Мира.

А для меня они... как зверушки домашние и маструбаты органические. Ну если совсем начистоту. То есть, проблески человеческого отношения есть, но такие, фоновые.

И думать я сейчас стал о них по одной простой причине. Моделируя возможность противостояния с Приказом, чисто гипотетически, я вероятность их потери рассматривал как печальную возможность. То есть, думал, как пожестче отомстить. Что в принципе неприемлемо.

Да и вообще, рассматривал я довольно бредовый вариант, где девчонки станут целью. Но прочистив мозги, например, я понял, что в рамках беловодских реалий их брать в заложники или ещё что... никто не будет. Потому что глупо: я — родович, они — людишки, служанки. На этом всё, как рычаг давления уровень: я твой карандаш сломаю, если не свяжешь себе руки, раком встанешь и прочее.

Бред, в общем. Девчонкам из-за меня ничего не угрожает, их максимум как имущество рассматривают даже не родовитые горожане — собственность родовича. Вот без меня — да, факт.

Но это всё хорошо, а вот отношение, как к маструбатам, меня самого покорило. Неправильно это, мерзко. Нет, отказываться от всяких приятных извращений я, безусловно, не собираюсь. Но надо с ними больше времени проводить, как с людьми. Да с той же Олой, хоть в салочки поиграть — как бы по-дурацки это ни звучало, но надо, если ей понравится.

Хотя девчонка если не блещет умом, но уровень ума не такой уж и детский показывает. В общем, проводить с ними больше времени, стараться подружиться, найти интересы общие. Не столько даже для них, сколько для них ради себя, хмыкнул я.

С этим понятно и сделаем. Да банально книги обсудим, что они читают — с чего-то начинать надо. Точнее, продолжить — начинал я, но забил.

А вот с Приказом этим сложно. Порученцы, понимаешь. Ну в принципе — спецслужбе прямого подчинения главе государства, это понятно. Но и свои интересы у них имеются, это тоже понятно.

В общем, продолжаю жить, как намеревался. Но уши держу на соответствующем месте макушки. Если всё совсем хреново — надрываю надсердечник, выношу нас с девчонками из Стольного Града воздухом. Индрик не пропадёт, догонит. Сбить нас вряд ли успеют — мозголомная защита привела к отсутствию служб слежения, это я в эфире прочувствовал.

В варианте плоскостей-биплана — вытяну, в этом случае и Архив подтверждает. Ну а родовичи какие бы то ни было на расстояние от тела манифестацией критически завязаны. В общем — уйдём высоковероятно, факт. А уйдя, буду слёзки ронять (потому что уже сейчас страшно, насколько больно будет), ну и думать, что делать. Пока — мыслеблудство, кроме расчёта самого побега.

В общем — определился с планами и действиями. Конечно, паранойя подсказывала, что надо брать девчонок и даже не с визгами и писками, а в тиши глухой рвать когти из Стольного Града. Всё знакомство с “конторами”, пусть и шапочное, говорило, что “надо”.

Но логика и разум говорили, что бред. И Империя, при всех прочих равных, “немножко” отличается от образцов, с которыми паранойя сверялась. Факт того, что принимающий решение ГАРАНТИРОВАНО разумен — уже успокаивает.

Но даже не в этом дело. Интерес уже проявлен, причём смех-смехом, может быть этот интерес праздным. Да, может, в Академию меня, такого замечательно, Империя желает позвать, блин! Вот не может без меня, впечатлились экзаменом, стукнули в контору, мол, так и так, талантище немеряный без образования академического чахнет!

А вот я драпаю. И по логике как человека в целом, так и контор всяческих в частности — ату его! Базово и системно, убегает — надо догнать.

Так что дождался я пробуждения девчонок. И, помимо ставшего уже ритуальным и обязательным групсекса, почитали вместе. И поговорили. И в салочки, хех, поиграли, причём и Люба подключилась, азартно попискивая.

И просто поиграли, и с эротическими элементами, и вообще. Хорошо, в общем, вышло, а на сердце полегчало: путь разок (но будет регулярно, факт!) мне стало по-настоящему хорошо и весело. И девчонки довольные, глазёнками сверкают, улыбками светятся... Хорошо, в общем, довольно заключил я.

Проверил окрестности — в пределах чувствительности чисто. И по-быстрому прикинул: по моим планам мы сегодня должны были почтить с девчонками своим блистательным присутствием театру. И не Йоперную, а Имперскую, с антрактами и прочими выкрутасами. Ну и людьми — играли в Имперском Театре люди, а не биоконструкты.

Люба на эту театру глазами блестела, рассказывала, как чудесно, мол, с детства помнит. Олу тоже заразила, загорелась девчонка.

Ну а я... любителем никогда не был. Но посмотреть любопытно, да и девчонок после сегодняшнего обламывать, мягко говоря... да просто не хочу! Свинство будет, а мне хорошо, когда им хорошо, и точка.

И если приказчики эти противные вот опять нам культурно наслаждаться помешать будут пытаться, пошлю вдаль. В меру вежливо, по мере попытки помешать. А если “группа захвата”... не завидую, оскалился я. Убежим, но после себя я точно только пепел оставлю. В назидание — нехрен честным Стрижичам мешать к культуре приобщаться.

В общем, часам к четырём пополудни перекусили мы с девчонками, да и стали готовиться. Точнее — они “готовиться”, а я со стороны наблюдать, получать эстетическое наслаждение. Ну и недоумевать немного.

Мы, как бы это, беловодцы. Максимум “сборов” — биодоспех нацепить, и то родовичу. Одежды нет и не предвидится, да и нахрен она не нужна. Всякие косметики и помывки — в ту же степь. Хотя, если всё нормально пойдёт в ближайшие дни — баньку прикуплю, да. Очень мы этот аксессуар с девчонками уважаем, мимоходом улыбнулся я.

Ну да ладно, вопрос в том, что до выхода — полтора часа. Девчонкам разве что лианы свои надеть, минута максимум. А они со сосредоточенно-обеспокоенными лицами суетятся. Барахло перебирают, листы писчие, готовку то затеяют, то бросят... Ну, в общем, Имитация Бурной Деятельности, как она есть. И мордашки такие, как будто их пустая суета — наиважнейшая вещь в Мире. И самое главное — ВЕРЯТ в это, вот ведь закавыка.

Наверное, самоуспокоительное что-то, рассуждал я. Или биологическое, хромосома у женщин, хитро сдублированная. Ладно, хорошо, что я барин — а то, судя по бросаемым взглядам исподтишка, запрягли бы и меня, как птица безголового, бегать.

А так — сидю, эстетически наслаждаюсь, на взгляды енти барственно киваю. Хорошо-о-о, довольно расплылся я в лыбе, под почти осуждающими зырками девчонок.

Но в итоге эта суета дотянулась до времени выхода. Накинул я доспех, пыхнул на пороге напоследок эфиром, да и поехали мы в театру.

Но был я, как понятно, рожей улыбчив (и ускоряющиеся и передёргивающиеся от моей доброй улыбки прохожие — просто дурачьё!) и наблюдателен.

В общем, едем мы, едем неспешно, а какая-то невнятная троица за нами в отдалении чешет. Причём от дома, там я эфиром пыхал, но явно дальше, чем я доставал, ныкались.

Родовичи, правда, без биодоспехов, но со самострелами на предплечьях и с россыпью всякого живого холодняка на бёдрах. И виду не особо показывают, но следят, паразиты. И за нами чешут, да. И вот что с вами, сволочами, делать, задумался я.

Подумал, ну и решил, для начала, поговорить. С предосторожностями, но с ходу бить в бубен соглядатаям — нелюбезно. И учитывая конторский интерес... в общем, спрошу, чё надо-то, окончательно решил я, направляя Индрика в переулочек, вроде безлюдный.

Девчонок вперёд пустил, а сам Индрику мыслеприказ отдал — к входу переулок. Скакун азартом отмыслеэмоционировал и вдул. В общем, перед тремя мордами соглядатаев вместо наших тылов была улыбчивая Индрикова, ну и добрая моя физиономии.

Девчонки метрах в пятнадцати сзади, озираются недоумённо, но мою руку, успокоительно поднятую, увидели и если не успокоились, то дёргаться прекратили.

И пара прохожих, дядька с тёткой средних годов, в стенку вжались и с опасением на творящееся лупают. Ну, не помешают, заключил я оценку мизансцены. Главное — не прибить случайно, если что.

Сами же соглядатаи клювами щёлкали и буркалами лупали, пытаюсь понять, а что происходит-то. Не профессионалы, задумался я, но махнул мысленно рукой: на всё Беловодье “правильных” следильщиков может и вообще не быть, только следопыты какие.

— Вечер добрый, уважаемые, — расплылся я в совсем доброй улыбке, от чего троица с

чего-то поёжилась.

Но насупились и собрались. И очень мне их жесты, к оружию, не понравились. Так что собрался я, прикинул, как их в фарш или пепел, по обстоятельствам, крошить. Ну и продолжил.

— Вы следуете за мной от самого моего дома. Извольте объясниться, что за нужда вас к этому побудила?

— Да вы пьян... — начал было один из троицы, на вид — самый молодой.

И был прерван типом постарше, судя по жестам и диспозиции — старшим. Тот младшего жестом остановил, тот и заткнулся, подтвердив мои наблюдения. После прищурился на меня недобро, с улыбочкой, гадкой и противной, а не как у замечательного меня.

— Поучить вежеству тебя надо, Стрижич, — выдал этот тип, вскидывая руку с самострелом.

Хорошо вскинул — рука, распрямившись, не остановилась, а полетела вверх. Воздушная плоскость прекрасно с незащищённой биодоспехом плотью справилась.

Дело в том, что, может, я бы и не стал столь “жёстко и быстро”. Но... на траектории самострела были девчонки, не всю траекторию, конечно. Но рисковать я не хотел. А слова этого типа однозначно указывали, что если он и “передаёт приглашение”, то прелюдия мне ни хрена не понравится.

Так что пребывающий в трансе я сформировал шестимолекулярную полосу, которая клешню подлючую в самом начал траектории от плеча и отделила.

Лапа с самострелом продолжила полёт, однорукий рожей скорчился, кровищей из культи брызнул, начав концентрировать эфир. И потерял голову. Оттяпав руку — по башке не плачу, отметил я. Не рыпался бы — были варианты, а так — явно атакующий конструктор. Рефлекс, не рефлекс — пофиг, прямо скажем.

Хотя, я же поговорить, блин, хотел, несколько растерянно, хотя не прерывая отслеживать замедленно, из транса, двигающихся двух живых. Оправданно, но...

И тут мой взгляд отметил пару вещей. Сначала — тень на стене дома сбоку. Мою тень. И полупрозрачные теньюшки, по форме рогов. И когти, ледяной тьмы, полупрозрачные, отметил я, на руках. А я не бесился, не раздражался, холоден, расчётлив... до ледяного ужаса испугался за девчонок. Блин, меня пугать — опасно для жизни, куда деваться.

— Стоять! Тронете кладенцы, вы — трупы! — рявкнул я.

Не послушали, так что не успел рявк затихнуть — пришлось устраивать мясорубку, в самом прямом смысле слова, плоскостями ветра. Заготовил, ну а что их... ну не в фарш, но так, душевно покромсало, оценил я не слишком крупные куски на мостовой.

Напугали, сволочи такие, отметил я, быстро обзревая обстановку. Девчонки пригнулись, сжались и зыркают. Как и парочка в возрасте — вот просто вдавились в коралл стены, но глазами лупают оба.

Так, ну у беловодцев с психикой и шоковыми реакциями получше, чем у обычных человек, в принципе. Так что нормально, в обморок падать никто не собирается, ну и заблёвывать всё лучами соответствующей субстанции — тоже. У меня-то, признаться, по старой памяти импульс, в плане проблеваться, появился, на развесёлую расчленёнку глядячи. Правда, организм на это фигурально пожал плечами, молодецкато отрапортовав, что пожрать в нём — должного качества, наружу не просится. Но если очень надо... На что я отбой дал — не хрен пищу переводить, да и девчонки старались.

Так, массу интересных вещей узнал про себя. Это хорошо, вот только делать что? Я тут троицу спецслужбистов... мдя, фрагментировал нахрен.

Ну, в принципе — имел право, нападение, “бесчестное” притом. Прямо скажем, на тычок самострелом в нос ответ адекватный, как по законам, так и традициям. Бежать — не стоит. Стоит стоять и ждать — эфирный всплеск мощный, причём на улице. Ладычи говорили, что за такими вещами городские пристрасно бдят. Есть места, где нет, но на улицах точно.

Так что подозвал я мыслиемпульсом бегуна — если что, девчонки рядом, драпать удобнее будет. И вышел из медитации — подождём ентых городских.

Только я вышел из транса полного в полутранс, как от Индрика пришёл мыслиемпульс: “Сколько жратвы преподает, а Стригорка, жестоковыйный, опять покушать не даст!” — сетовал акул.

— Мало тебя кормлю, проглот ненасытный?! — искренне возмутился я.

— Нормально кормишь. Но жратва-то пропадёт! — сетовал акул.

На что я махнул лапой: Акул он Акул и есть, не людоедствует без дозволения — и то хлеб. А то и так видок, блин, смерил я расчленёнку взглядом расчленителя. Если ещё Индрик перекусить изволит — совсем беда будет. Вообще и совсем.

Тем временем бегун подтопал. Я в сторону девчонок эфиром пыхнул, проверил. Взволнованы, немного испуганы, и кхм, немного возбуждены. Да уж, не кисейные барышни, при всех прочих равных, хоть на нарубленное стараются не смотреть.

Но в целом — в порядке, что замечательно.

И тут в переулок ввалилась троица в биодоспехах, с мордами полными “при исполнении” и сулиманами наизготовку. Пара простых людей и родович, Велесович, что любопытно, держащий своё “окаменение”, причём, не только на сулиманах, но и на биодоспехах, делая их фактически алмазными.

Бегло поводит глазами, и, не сводя с меня пристального взгляда, выдал:

— Городовой Пристав Стольного Града Велеполк Велесович, — слегка кивнул он, не отводя взгляда и держа сулиман наготове. — Извольте объясниться, — слегка повёл он рукой на кучки мяса.

— Стригор Стрижич, хозяин Болотного Лога, — озвучил я, фоня эфиром, как сволочь. — Извольте, пристав. Эти родовичи, трое, — уточнил я, потыкав свободной рукой в разделанное, — Следили за мной от дома. Владение на Академической...

— Знаю, господин Стрижич. Моё приставное, — выдал городовой.

Хм, а я городских и не замечал, хмыкнул я. Впрочем, насколько я понимаю — он меня в рожу физиономии мог и не видеть, домовладелица добропорядочно доложила. А Стрижич, живущий в элитном районе Стольного Града... думаю, не самое распространённое явление.

— Следовали от дома, следили, старались скрытно, но, — отмахнулся я, на что городовой легонько кивнул. — Заехал в переулок, чтоб не подвергать горожан лишнему риску. Родовичи, но леший знает, что на уме. Спросил, что надо — напали. Зря.

— И вправду, зря, — хмыкнул городовой, но тут тётка отлепилась от стены.

И обрушила натуральную Ниагару слов на невинных окружающих! Какой-то запредельный речитатив, членораздельный на удивление.

— Напали, господин городовой! Как вас вижу — видела! На молодого господина напали бесчестно, но он не промах! Супостатов на кусочки, как Бова-королевич...

И начала тётка трюндеть, причём, подробностей выдавая всё более, на тему как

накинулись на мою персону орда супостатов, а я их героически на фарш разделал. Супостатов, по мере рассказа, становилось всё больше и больше, фарш — всё нежнее. На определённый момент выходило, что супостаты — весь Стольный Град, включая стариков и беременных детей, поголовно. А разделал я их на кванты, как минимум, в секунду. Героически и “как Бова-Королевич”, мдя.

Её спутник, очевидно, супруг, с рассеянной улыбочкой кивал в такт супружническим словесам. Со столь блаженным видом, что не было сомнений — ликует, что целью тёткиного красноречия хоть на какое-то время оказался не он.

— Молчать!!! — рявкнул пристав через пять минут, явно опасаясь в словесном водопаде утонуть. — Городовой служка Несон, выслушайте горожанку!

Один из подчинённых на пристава взглянул столь скорбно, что я его пожалел. Но ментовское сердце городского было к тонким материям чуждо, так что служка отправился на церебральное растерзание в уши.

А мы услышали изумлённый голос Олы.

— Любушка, так вроде трое татей же было, как мы не заметили-то? — полюбопытствовала она у подружки.

Люба на это зашушукала Оле на ушко, а мы с приставом фактически синхронно улыбнулись, но потом не менее взаимно рожам посуровели.

Тем временем, избавленный от церебрального изнасилования служка приподнял откатившуюся башку главного.

— Извольте взглянуть, Велеполк Велесович! — помахивая добычей сказал городской.

— Да уж, — задумчиво протянул пристав. — Забияки известные. Судьбу наши, давно искали.

— Забияки, господин пристав? — полюбопытствовал я, чувствуя, что размер геморроя может быть и меньше, чем я ожидал.

Так-то я был готов к воплям “лови татя” и бегству, с предварительным локальным звездецом для ловильщиков. Или разбирательству — как-то, были у меня подозрения, что троица — служки приказа, просто ещё более отбитые, чем вчерашний. Но если городской их “забияками” кличет... Надо разбираться.

— А вы... ах да. И господин Стрижич, извольте силу чародейскую не являть, сделайте милость!

— Да, после боя...

— Так я не в претензии, но нападать на вас не тщусь. Я порядок блюду! — приосанился Велесыч.

Ну и перестал я фонить, благо надыхаться Велесыч уже успел. И поведал он такую историю, что троица, точнее, пятёрка родовичей — забияки. В смысле бретеры, не вполне, но близко. Вроде как “по закону” задирались, что заканчивалось как увечьями, так и смертями задираемых. И, судя по недомолвкам, именно наёмники, а вот со мной — сам городской плечами пожал, мол, не ведает, с чего. Обычно вызов, оскорбления. А в подворотне... на этом посмотрел на меня городской ментовским взглядом, потом на кучку запчастей забияк, да и махнул рукой.

Откланялся, да и утопал. Претензий предъявлять не за что и некому. Служки (первый, после общения с сыто отдувающейся, аки упырь, тёткой слегка пошатывался и обозревал Мир расфокусированным взглядом) занялись прибором мясокомбината. А я, отъехав от места раздел... разбор, обратился к девчонкам.

— Вы как? Домой сегодня?

— Стригор Стрижич, а в театр не поедем? — обиженно надулась Ола.

— Сами смотрите, девы. Можно поехать, а если взволнованы...

— Поедем! Пожалуйста? — выдала забавную конструкцию Ола, на что Люба покивала.

— Значит, едем, успеваем вроде, только побыстрее надо, — решил я.

Ну решили, а мои мысли о “душевных травмах”... Да я сам, похоже, больше травмирован, чем девчонки. В дьявольскую душу, телу-то пофиг, отметил я. Ладно, а вообще — что это, мать его, было-то?

Ну, положим, нарывалась троица на дуэль. Возможно. Но не успели — моя дуэльная перчатка оказалась тяжелее. Летально, мда.

Но они — “забияки”. Не будут они, по логике, просто так нарываться. Как минимум — им заплатить должны. Или настоятельно “попросить”, напомнил я сам себе вчерашнего хама. Ну, возможно, хоть и странно.

Или академики могли, которых я после экзамена ихними мордасами в их же фекальность словесно макнул, начал прикидывать я. Вроде больше никого в Стольном Граде моя куртуазная изысканность не сумела задеть. Ну и леший сдохлыми трупами бретеров, в принципе.

Вопрос с манифестацией дьявольской атрибутики важнее. Но, наверное, отложим на ночь, прикинул я, увидев здоровенные деревья-колонны Имперского Театра, возвышавшегося на противоположной стороне немалой площади.

Я тут культурно время провести, в конце концов! И никакие хамы и быдлы, вдобавок ещё и дохлые, мои культурные, социальные и романтические порывы не остановят!

На этом моменте я начал натурально звереть. Давешний хам и ещё какой-то родович целенаправленной парой чесали к нашей троице, пересекавшей середину площади.

“Только не насмерть!” — пискнул в сознании голосёнка, видимо — здравого смысла. И здравый смысл прав, признал я, несколько сбавив в озверении. И даже с кладенца лапу убрал, добрейшей и уравновешеннейшей я души человек!

— Стрижич! — проорал хам. — Вам велено... кхххх... — ухватился он за горло, но горло было ни при чём.

А что кислород в альвеолы не поступает — сам, блин, виноват. И не насмерть я, вырублю — и пусть полежит, да. Ну реально — достали честного Стрижича, блин!

Спутник корчившегося хама растерянно забегал взглядом с него на меня. Кстати, был он Погибыч, с гиперразвитым плечевым поясом и грудной клеткой.

Ну а я, дождавшись, когда хам вырубится, колдунствовать перестал, с улыбкой уставился на Погибыча.

— Хамил, — ткнул я лапой в прикорнувшего хама. — Опричный Приказ?

— Ээээ... мда... это... Да, господин Стрижич, — взял себя в руки родович, убедившись, что хам не помирает смертью хамских. — Подьячий Опричного Приказа, Погимудр Погибыч. Голова приказа шлёт вам привет и приглашение, господин Стрижич, — на этих словах он склонился над хамом, извлёк из хамских недр костяную пластинку и протянул мне.

— Благодарю вас, господин подьячий, непременно буду, — не стал я кривляться. — Блага вам, опаздываем, — махнул я лапой в сторону театры.

— Блага, успеете, господин Стрижич, действие не скоро, — слегка улыбнулся подьячий и выразительно потыкал в хама.

— Без сознания. Воздуха не хватило на слова поносные, просто воздуха не хватило, — на что Погибыч понимающе кивнул.

Ну, терпимо, в целом. Что-то из-под меня надо, но не сильно. А Горич ентот, или как его там — и вправду хамло охреневшее. А может — стандарт “работы с населением”. А вежливый Погибыч появляется, если хамы по рылу получают, тоже вариант возможный. Но так же хамов не напасёсси, хмыкнул я и забил. Театра нас ждала.

И была театра вполне себе театрой. С ложами, галеркой, сценой. И играли там люди, правда, хрен поймёшь, родовичи или просто — далеко. Мы с девчонками расположились в ложе, на высоте метров десяти над сценой, ну и в отдалении. Но тут “театральные бинокли” были явно не нужны — строение глаз позволяло за действием следить. И строение ухов — слушать.

И... ну так, интересно. Не в плане сюжета постановки — довольно типичная история любви, ненависти и прочего там подобного. Интересно было то, что театр был архетипичным. То есть, актёры масок не носили. Но были ими. Любовник, Злодей, Герой — именно архетипы. И учитывая, что играли они именно их, а не пытались рядиться под людей с театрализацией головного мозга — выходило именно интересно.

То есть, не могу сказать, что мне вот прям понравилось, но всяко лучше показных ужимок. И ходить, если девчонки захотят, буду. Не самое раздражающее времяпрепровождение, даже иногда интересно немного, отметил я.

В общем, досмотрели пьесу, где все всех убили и отымели — что интересно, не на сцене, всё архетипично, эротикой и близко не пахло.

— Понравилось? — уточнил я у девчонок, по дороге домой.

— Очень, Стригор Стрижич, — выдала Люба.

— И мне. Но опера мне больше понравилась, — выдала Ола.

— Ну значит будем и туда, и сюда ходить время от времени, — постановил я.

А после извлёк из лифчика доспеха пластинку. До того я принципиально не смотрел, чтоб не портить вечер. И было на ней нацарапано такое послание:

Сим приглашается родович Стригор Стрижич, из Болотного Лога, в Имперский Опричный Приказ. Поелику имеется к рекомому Стригору Стрижичу у Приказа вопросы и интерес.

Г.И.О.П. Тенетница.

19. Паучий танец

Прочитав эту записулину, хотя, скорее эфирулину — костяная пластина с вытравленной эфиром надписью, я впал в глубокую задумчивость. И так же задумчиво доехал до дома, задумчиво перекусил, задумчиво был перевозбуждёнными девчонками оттра... любовью, в общем, они с задумчивым мной позанимались. И уснули под боками, задумчивым мной приобнятые.

Первое — это нихера не “официальное послание Приказа”. Не по форме — по форме-то всё нормально. По содержанию — официальное делопроизводство гораздо более велеречиво и архаично. То есть, если подумать, выходит такая картина: хамский Горич направляется к моей персоне, посылается в соответствующем направлении. И, похоже, подбегает к этой Тенетнице, ябедничать, как в егойную хамскую душонку плюнули. После чего эта имперская дама (а ток остаточного эфира от пластинки однозначен — разум) небрежно, даже не задумываясь, ляпает костяную пластинку. Типа как приглашение на обед, или что-то такое. И пихает в хамского Горича, откуда тёзка моей золовки пластинку и извлёк.

А даёт это нам вот что: мной, таким замечательным, и вправду не особо заинтересованы. Ну так, наполшишечки. Непонятно, чем я этих опричных товарищей заинтересовал, ну да ладно.

Далее, вопрос самой этой Тенетницы, паучихи этакой. Женщины имперскими приказами не руководили, вот совсем и вообще. То есть, в Родах было по-разному. В среднем по родовнице — выходил перекосяк в патриархат, в этом случае роль играла чистая физиология. Но пробивная и зубастая дамочка не раз и не два возглавляла Род. На данный момент три старших Рода, вроде бы, возглавляются Хозяйками, а не Главой.

Но у имперского рода показной, хотя чёрт знает насколько показной, патриархат. Имперские дамы не мелькают в книгах, не видел я их нигде (хотя и не особо где-то был, но имперцы встречались, не раз. А вот имперки — шиш). В целом — оправдано проводимой Империей политикой моногамии и социокультурными вывертами.

Точнее так: в рамках законов Империи, они просто ими руководствуются. В том, что патриархат в Империи так уж нужен — я вот нихрена не уверен, но политика такова. Не махровый он, но ощутимый, как ни крути.

И вот, глава спецслужбы — дама. Вопрос не в том, что три К, а в том что это не принято, странно. Особенно учитывая, что “женские” Приказы, типа там Призрения Немоощных (довольно любопытный, хотя невнятный эквивалент минздрава с социальной помощью в одном флаконе. Ну, например, как я понял, при неурожае именно эти призрельщики разверзают закрома и голодающих подкармливают, да и лечат) возглавляют мужчины, а вот тут — спецслужба...

В общем, занятно, если не мыслеблудствовать. Ну и имечко данной дамы символизирует. Паучиха, да уж.

Ладно, сметаюсь я в этот Приказ, никуда не денусь. Моя барственность в лицо нахер изволит посылать, а не через посредников и вообще. А что посылать придётся — почти сто процентов, единственное из реального, что в голову приходит, это на службу позовут.

А идти на службу я, как бы, не собираюсь. Хотя... ладно, посмотрим, но вероятность посылки весьма высока. И как бы после него мне из Стольного Града валить бы не пришлось, и хорошо, если спокойно, а не бегом.

Впрочем — надо будет, так и свалю. Вернусь в Лог, займусь занятиями сам. Правда, вернусь, наверное, через другие города, пусть не столичные, но покрупнее. Посмотрим, что там интересного, может и найдётся что, прикинул я.

Но обидно, конечно, тут не поспоришь. И ключик к “даймону в плоти” постепенно проявляется. Мне бы месяцок, я бы... Да ладно, есть как есть.

Так, девчонки дома остаются, это раз. Далее, бумажку им надо справить и денежку оставить. Так-то она и так у них под рукой, но дозволение надо. Чтобы, если симурга пришло — садились на бегуна и валили в Лог. Охранителя бы им ещё, Впрочем — с Любой поговорю, купеческая дочка.

А я — либо догоню... Либо тоже догоню, но уже не Стригор, мдя. Потому что в то, что с даймоном местные что-то сотворить смогут — верится с трудом, а вот тело прибить — более чем. Ну а потенциальные убивальщики в добровольные доноры вызовутся, в этом случае ничего не дёрнется. Да и опыт есть...

Блин, вот я балбес всё-таки, дошло до меня. Мне же, чтоб до закромов академических добраться... Хотя нет, это СЛИШКОМ, из любого положения. И Стригор помрёт, потому как тела без души такое свойство имеют, а я девчонок потеряю, с-с-студентика и Лог брошу. Не вариант, в общем.

Ну и попасть в тело, не сожрав душу, я теоретически не смогу. А жрать души у меня желания нет никакого. Вот убийцы, например — запросто.

Хотя, если разобраться, Стригор, Гемина убивший... Ну не слишком по-скотски поступил. Скажем так — сейчас, в центре Пуши, встретив какого-нибудь хреномордого кракозябру, эфиром фoniaщего, я тоже могу кракозябру этого прибить, не задумываясь. По большому счёту, не повезло нам обоим, но Стригору больше, подвёл итог я. Конфликт культур и реалий, виноватых, по большому счёту, нет. А итог мне, по большому счёту, нравится. Ну и Стригору пусть нравится, раз уж мы то, что едим, казуистически отметил я.

И стал прикидывать расклады на случай полной жопы. В смысле меня в Приказе смертью убьют, ну а я новое тело займею.

Для начала — надо Стрижичем становиться взад, в таких раскладах. Девчонок я не хочу терять категорически. Они — и ответственность, и радость, и связь с людьми. А объяснять, почему они с посторонним хмырём должны групенсексом трахаться и вообще — любить и радоваться, хрен выйдет.

И выходит, что надо моделировать и корячиться не в биологической лаборатории и подопытных, а на потенциальном себе. Так, ну образец ДНК и надсердечника я займею, они сейчас я. И погрузился я в эфир, а в эфире — в терминал Архива.

В процессе расчётов мимо пролетел ком стенаний и мыслей, всё как в прошлые разы, но я просто переместился к терминалу, махнув на всякие эфирные пертурбации. Интересно, конечно, что за фигня, но не до того.

И в очередной раз я с прискорбием убедился в собственной интеллектуальной незрелости, мдя. Не гений я, даже туповат, как ни прискорбно признавать.

Мне НЕ НУЖНО тело человека, родовича и прочее, чтобы после смерти текущего тела стать живым Стригором. Не мешает, безусловно, это банально удобно, но...

Но я могу сейчас вырастить клона. Идеально идентичного, без души. И будет он спокойно храниться лет десять-пятнадцать, ожидая моего вселения или не вселения.

И мне нахер не надо разбираться в куче биологических, психологических и эфирных механизмов, вот в чём заковыка-то! Нет, надо, конечно, для понимания, образования и

вообще — интересно. Но для клонирования — не нужно, факт. Механизмы, воздействия и Архив у меня УЖЕ есть. И кусочков себя хранить не надо — полный информационный оттиск уже есть, блин. Хотя, обновить — не помешает, отметил я, запустив процедуру сканирования заново.

Итак, выходит, что мне понадобится тело, причём родовича, только потому, что я балбес. А так в подземельях Лога меня мог дожидаться свеженький, здоровенький, даже с улучшенной нервной системой клон. Обидно даже немного.

Хотя, учитывая моё место пребывания, хрень тут творящуюся... ну хрен знает, я, кроме непонятных “сгустков мыслей и эмоций” вроде и не видел в округе ничего. Но тут будем честны — в эфире я младенец. А уподобляться пейзажину, искренне уверенному, что Мир — это его деревня, а вместе с городком в дне пути — так и Вселенная, не стоит.

И кучу клонов заводить не стоит всё-таки. Занесёт в такого клона пакость какую-нибудь, типа меня, но гадскую. Так что нахрен, до поры уж точно, а после неё — посмотрим.

Но, тем не менее, сама возможность после гипотетического умерщвления встать и даже пойти, самим собой — искренне радуется. И да, Стригор я всё-таки выхожу, по собственным ощущениям. А значит он и есть.

В общем, утро встретил довольный, хотя всё-таки несколько смущённый я. Протупил-то феерически, как ни крути.

Но отдавая инструкции Оле и Любе про “вас догоню, может, уже в Логе” с чистой совестью. Девчонки немного поволновались, но умеренно. Дела рода, а вы — умницы, и я в вас верю — хватило. Люба сама маршрут до Лога прикинула, правда с денежкой волновалось, но в целом: воздухом — не проблема. И охранителя нанять можно, хотя... Впрочем, тут уж ничего не поделаешь, или с ним, или без него. До Ростока киты не летают, про Лог и говорить нечего, а опасность от охранителя или каравана — гипотетическая. А от тварей — реальная, так что без вариантов, только на разумность девчонок и остаётся полагаться.

В общем, в полдень, собранный и готовый я вышел на порог, сел на Индрика, сделал морду мужественную и суровую... и заржал. Совершенно искренне: я подготовился ко всему, включая собственную смерть, всё предусмотрел и вообще. Вот только КУДА ехать — я не знаю.

Впрочем, то, что Приказы ютятся близ Императорского Дворца, здания, меня искренне поразившего и ностальгически порадовавшего сходством с Семейю Сёстрами родного города — я знал. Так что, похмыкав, направил Индрика к логову его анператорства. Сроков не назначено, а пригласившие меня приказчики всё равно где-то в тех степях ошиваются.

И эти логичные выводы успешно подтвердились. Уже на подъезде к дворцовой площади я поймал взглядом троицу в биодоспехах с сулиманами, родовича и двух людей.

Продолжив день логичных умозаключений, я предположил, что эти личности — городовые. В биодоспехах на столичных улицах родовичи были редкостью. Служивые всякие, ну и я, который с канареечно-жёлтого Индрика честно и с улыбкой кашлял на “принято”. В данном, конкретном случае — уж точно.

Ну а не родовичи в биодоспехах — тут даже сомнений не возникало. И да, оказалась троица приставом и служками, на мой интерес одарили меня ментовскими взорами, но направление указали.

И нетипичность Опричного Приказа сказала и тут. Прочие Приказы имели свои отдельные здания, а вот Опричный располагался во дворце. С чёрного хода, скорее, как мне

описал, потыкав лапой, Дажьич.

Вот кстати, тоже “ложный друг сказался”. В книгах эти товарищи не фигурировали, в плане, чем они вражин крошат в капусту. И я вот думал что Дажьбожья силушка — вариант огня, плазмы или чего-то такого подобного. Ан нет, свет, как он есть. “Чистая” стихия, фотоны, судя по задумчивому анализу Архива.

Ну да ладно, встряхнулся я, подъезжая к натуральной терновой ограде и такой же проходной. Цвета молодой листвы узорчатые сплетения, с шипами столь лютыми, до метра длинной, что страшновато. И эфиронасыщенная ограда, как бы сама, при желании, в нападающих шипами не тыкала, будучи от стихий и эфира в немалой мере защищена.

А вообще — такое, специфическое зрелище. Как колючей проволокой зелёного цвета часть основания дворца перевита, причём по словам Дажьича — ориентир на вход в опричный приказ.

— К кому пожаловали? — не слишком приветливо полюбопытствовал непонятный родович малого рода.

И блин, меня под прицел ещё взяли, не родовичи, людишки, отметил я.

Сам-то родович сидел в ажурной “проходной”, образованной этими даже не лозами, а поленьями. И сидел на одной из них, шипов вроде как лишённой. Но не вставал, так что хер знает, мысленно хмыкнул я.

Спешилсся с Индрика и молча, поскольку пинать невежу желание было, но последствия не устраивали. Но и тратить время на разговоры не желал, так что молча продемонстрировал пластинку приглашения.

— Проходите, — буркнул родович, махнув рукой, после секундного прищуривания в пластинку.

И самострелами в меня целиться прекратили, что, в отличие от хамского привратника — весьма любезно.

Так что направился я с Индриком за спиной к относительно небольшим распахнутым воротам. Конюшни или чего-то подобного не наблюдалось, как и служек каких, так что хмыкнул я, отмыслил Индрику “ждать тут”, ну и попёрся в логово службистов.

Логово было внутри розовым и алым, впрочем, как и сам дворец. И странным — небольшая стойка, за которой притулился простой человек, за спиной которого виден был здоровенный трёхметровый проём, затянутый плёнкой. А по бокам двумя полукругами вверх поднимались лестницы-жёлобы, крутые. И невзирая на почти двадцатиметровую высоту, видим был только второй этаж, метрах на десяти-двенадцати, куда эти лестницы и вели. Видно, приказ там, а за спиной секретаря — вход во дворец, прикинул я.

Сам дядька, почти старик, за стойкой умеренно низко поклонился, и, в отличие от привратника, расщедрился на разговор.

— Блага вам, сударь. Что привело вас на порог Опричного Приказа? — полюбопытствовал дядька.

— Блага, Стригор Стрижич, вот это, — отвечивал я, демонстрируя пластинку.

— Без срока, господин Стрижич? — удивлённо поднял брови дядька, полюбавался моим пожатием плечами и ехидно поднятой бровью. — Понятно, обождите мгновение, — выдал он, начав копошиться под стойкой.

И копошение вызвало довольно ощутимые колебания эфира, заинтересовавшие меня, я аж эфиром начал дышать и... тут же перестал, блин. Управитель то ли дворца, то ли конкретного крыла на мои эфирные копошения отреагировал выращиванием небольших

шипов из пола, ориентированных на мою персону. В пол же и втянувшихся, когда я эфиром фонить, от греха, перестал.

Блин, параноики какие, посетовал я, сам же посмеявшись про себя — спецслужба, блин. Конечно, параноики, а вот этот лютый Управитель — а он реально лютый, какое-то чудовищное количество эфира, судя по насыщенности щупалец-шипов — как раз и объясняет отсутствие орд охранников в приёмной.

— Господин Стрижич, госпожа Глава примет вас в скорейшем времени. Извольте обождать провожатого, — выдал дядька, очевидно, по результатам эфирных копошений.

Заметил ли он реакцию Управителя — хрен знает, вида не показал. Так что я кивнул и стал рассматривать коралловые узоры на стенах — явно “подправленные” управителем, потому как изображали они какую-то батальщину и мифологичщину, в трёх красках, белом, алом и розовом.

Интересно, задумался я, а красный спектр для глаз беловодцев так же утомителен, как у людей? Хотя вряд ли, сам себе ответил я — спектр расширен, скорее утомителен инфракрасный, почему на горячее долго не помотришь.

Но долго предаваться рассуждениям мне не дали — по жёлобу скатилась миниатюрная девчонка, мне показалось — ребёнок, но потом понял, просто миниатюрная. Хотя и молодая, не больше двадцати лет. И чертовски развит эфирный орган Дыйешны, как отметил я. Ну не могла никем, кроме этих электровеников, девица быть, как вокруг неё статика разрядов не играла — один эфир ведает.

— Стригор Стрижич? — требовательно и очень серьёзно уставилась на меня девчонка.

— Он самый, уважаемая... — ответил я, подумав, что очень бы ей пошли очки — ну вот прямо напрашиваются.

— Следуйте за мной, — не стала представляться девчонка и засайгачила по ступенькам.

А я засайгачил за ней — при всех прочих равных, притом, что никаких особых мыслей девчонка не вызывала, но видок сзади спешащей по ступенькам Дыйешны вполне окупал спешку.

Лепо, оценил я, но собрался — я не в танцевальном театре каком, девицами люблюсь. А эта девчонка, например, того же Стригора в бараний рог разрядом движением пальца бы завязала.

И старика Погибыча, да даже Братомысл с его тьмой не факт, что справился бы, уже серьёзно призадумался я. Как это её так раскачали-то люто? Или вообще — у Дыйечей с этим проще? Вот чёрт знает, не почувствуешь толком из-за параноидального Управителя.

Поднялись мы на второй этаж, на площадку, откуда расходились прямые коридоры, а между ними — соединительные, как отметил я. Паутина, блин. И эфир. Мне не нужно выпускать свой, я чувствую носом — вокруг десятки имперцев, заняты чем-то магическим, эманации телепатии так и звенят в воздухе.

Это куда это меня занесло, и не пора ли выйти в окно, поёжился я. Впрочем, до стрельчатых окон прихожей было далеко, а провожатая вела меня по паутине, повиливая попкой.

Походка или провоцирует? Хрен знает, феромонов нет точно, а эстетически любоваться — я на лестнице налюбовался, там лучше и больше видно, хех.

И сомкнутые створки мембран-дверей, у одной из которых, ничем не отличной от десятков нами уже пройденных, девчонка остановилась.

— Вам сюда, Стригор Стрижич, — указала она на дверь и... ускакала!

Ну реально, трусцой, попкой повиливая (всё-таки походка, мимоходом отметил я), учесала вдаль.

Ну ладно, сюда так сюда, подошёл я к мембране, слегка коснулся, она и разошлась.

— Имя? — бросил глубокий женский... бас.

Ну, контральто, конечно, но с басовыми нотками. Занятный голос, в полноценной медитации отметил я, не пересекая порога.

И владелица голоса — дама колоритная, и вообще — всё, мной в проём двери увиденное — занятно и интересно.

В первую очередь — мебели небольшого кабинета с тройкой стрельчатых окон.

Не материал — коралл, поросший мхом или затянутый кожей, стандарт для кораллового дома с Управителем. А дизайн, который в Беловодье я видел только... у себя в поместье. В своей комнате. Потому что письменный стол, кресло... ну, в общем, обстановка везде больше тяготела к ложам и ларям, нетипично и странно. То есть, даже чиновник за стойкой (и не только в этом Приказе) имел сзади не спинку, а ложе, на котором сидел, а мог и полежать. Как и скамьи-диваны в кабаках. А тут именно кресло со спинкой.

Это интересность номер раз. Далее была владелица кабинета, внимательно на меня взирающая светящимися аквамариновыми глазами. Лет ей было между тридцатью и сорока на вид. Матрона в самом соку, если можно так выразиться. И морщины, мимические, очень явные, как и то, что не от старости. Ну и внешне — родовишна как родовишна, черты лица вполне имперские, с поправкой на пол. И фонит эфиром, блин, как я обычно. А мне нельзя, пригорюнился я, но собрался: надо выяснять, что, как и куда. Вот только хамства терпеть не надо, крепко обиделся я, что менталистка должна была почувствовать.

— Не знаю, — отрезал я. — Жду.

— Стрижич... Стригор из Лога? — на что я слегка кивнул. — Тенетница, проходите, — таки представилась тётка.

Поколебавшись секунду — а не послать ли мне хамоватую тётку, я решил пока потерпеть. Всё же неприятностей она мне может доставить **ОЧЕНЬ** немало, так что норой свой можно до определённой степени смирить. Но только “до”, пошлю нахрен, если что, сам себе посулил я.

Прошёл в кабинет, присел на диванчик, уставился на тётку. Тётка пырилась на меня своими демонскими гляделками. На мгновение мелькнула дурная мысль попыриться даймонскими гляделками на неё, ради гармонии. Но обдумав, решил я, что не стоит. И ситуация неприятная тем, что эфир вокруг ПРОПИТАН ей. А я пока не хочу слишком светиться, к чему полное отсутствие мыслей и эмоций, при более или менее вменяемом переводе мышления в эфир, приведёт. Так что приходится, блин, как на минном поле — полный контроль эмоций, а мысли — на грани тела и эфира, смазанные главные и выпяченные остальные.

И ведь в претензию ей это по традиции не поставишь, блин — она хозяйка, а я “у неё в гостях”, даже формально. Меня пригласили, куда деваться.

— Что вы молчите, Стригор Стрижич? — вдруг выдала владелица кабинета.

Так, меня, похоже, провоцируют. Отслеживают реакции, иных вариантов нет. Ну ладно, как солнышко, засветился я улыбкой, молча демонстрируя костяную пластинку в поднятой руке. После чего, так же молча и улыбаясь, откинулся назад, сложив руки на груди.

Тётка пристально вглядывалась мне в морду лица, но кроме широкой, доброй, фирменной улыбки углядеть ничего не могла. Хмыкнула, чему-то кивнула, ну и выдала:

— Хорошо, Стригор Стрижич. Вы желаете поступить в Имперскую Академию?

— Нет, — не переставая улыбаться ответил я.

— Извольте пояснить ваш ответ, — выдала тётка, отвела взгляд и извлекла из недр стола папку. — Давеча, Стригор Стрижич, вы проходили экзаменационные испытания...

— И с блеском прошёл их, госпожа. Но Имперская Академия столь скудна преподавателями, что места для меня не нашлось. А освободить место, выкидывая какого-нибудь бедолагу-родовича... Не стоит, госпожа, право слово. И переотягощать наставников Академии — видно, так мало их, что лишний студент, сдавший экзамен, лишит их крох и так недолгого сна, — сочувственно покачал я головой.

Тётка во время моего спича откинулась (и ей, заразе такой, было гораздо удобнее — спинка), сложила руки на груди — то есть скопировала мою позу. И взирала на меня буркалами не распахнутыми, а прищуренными.

— Понятно, Стригор Стрижич, то есть в Академию вы попасть не тщитесь, — на что я покивал, мол, не тщусь, нахер ваша академишка мне не сдалась. — А чародейское воздействие третьего дня на стены Академии? — ещё более прищурилась она, с улыбочкой.

А я плюнул на всё, впадая в глубокий транс и отрубая эмоциональную активность тела. Потому что с эмоциями не справлялся. И побился рогатым черепом о терминал Архива, назвав себя охерительно умным и вообще.

Блин, идиотизм я, что ли, подцепил?! Сеть, мать его! Сеть над ВСЕМ Стольным Градом! Пугательная, как же... НЕ НУЖНО тридцати ретрансляторов, да ещё и на башнях Она отпугивает, конечно... но это, в первую очередь, сеть слежения!

И весь, весь клятый Столенград контролируется, они видят в нём всё! Впрочем, я не особо налажал, несколько успокоился я, перетраживая память. И вряд ли они следят вообще за всем. Даже если центр паутины здесь — а количество активных имперцев на это ТОНКО намекает — они не вытянут ВСЁ, сожгут мозги. Но за интересными личностями — следят. А я таковой, очевидно, признан.

Ну да ладно, кроме “тестового эфирного воздействия” на стену Академии мне ничего предьявить не могут. Да и оно... не атака, так, даже не шалость. Блин, да я мог просто проверить, это нигде не запрещено. И блин, валить из этого Стольного Града, похоже, надо. Побыстрее, но вот сюда я пришёл верно — хотя бы понял раньше, чем у охеревающего имперца перед пучим глазом хрень какую-то не совершил. Прощайте, библиотеки, вдохнул я, ну и вернул себе контроль над телом. Эмоции и прочее — нахрен, уже терять нечего.

— Простите, госпожа Тенетница? — с улыбкой приподнял я бровь.

— Третьего дня, в два пополудни, Стригор Стрижич из Болотного Лога провёл чародейское воздействие на защитный периметр Академии, — показно прочитала тётка.

— Не помню такого, — пожал плечами я. — Прогуливаюсь, иногда, тренируюсь. Вреда не наношу. Мог и на стену академии неоформленный поток ветра послать. Там, госпожа Тенетница, надписей запрещающих нет. И про периметр, уважаемая, от вас впервые слышу, — развёл я руками, после чего вновь сложил на груди.

— Надписей нет, — протянула тётка, задумчиво. — Понятно, Стригор Стрижич. Выходит, Имперская Академия вам не интересна?

— Не интересна, госпожа Тенетница. В столице я отдыхаю, приобщаясь к культуре, книги читаю. Отдохну и вернусь в родной Лог.

А тётка по мере моего монолога всё больше прищуривалась. И... блин, она давит эфиром! Это фактически атака, взлом мозга, а он не реагирует, дошло до меня после

секундного “проверочного нырка”. Блин, что делать-то? Ответить? По логике — да, но в центре паутины... Так, ладно, руки опускать не будем. Окна есть, выйти всегда можно.

И уже в полутрансе, поскольку валить тётку наглухо придётся посредством тела, я забегал глазами. И... блин, стал натекаться на бегающий, как мой, взгляд Тенетницы! То есть, я прикидываю, как пойдёт воздушная атака, а она **ОТСЛЕЖИВАЕТ** этот взгляд прикидывает, как выхватит кладенец или сулиман — и уже Я отслеживаю, прикидываю как отразить удар!

И... в помещении потекли потоки воздушного эфира, сплетаясь с менталом. А мы с Тенетницей начали синхронно покачиваться. Она смотрит на явный сигнальный артефакт, я прикидываю, как её перехватить. Я прикидываю, как выйти в окно, она — как пристрелит меня в спину. Это было ВИДНО, чувствовалось, мы уже не прикидывали, выбирали момент для атаки или защиты... практически танцуя, сталкиваясь взглядами, чуть ли не с искрами!

И... мне это **ПРАВИЛОСЬ!** Какой-то завораживающий танец нереализованных возможностей, это было... приятно, чёрт возьми. И физиономия Тенетницы, заблестевшая испариной, как и моя, улыбалась! Не скалилась, а улыбалась, искренне, как девчонка!

Ах, какая женщина, то ли с восхищением, то ли с недоумением промелькнула мысль. Мне б такую, мда.

Ну как-то... да слов нет, чтоб объяснить, наш совершенно безумный танец из путей “как убить, сломать остановить” стал приобретать явный эротический оттенок! Агрессивный, как иммобилизовать, завалить, но... это тоже чувствовалось! Бред какой-то, на секунду замер я.

И “выход из танца” вызвал рывок Тенетницы. Впрочем, прогибался назад, заготовивая воздушное лезвие я зря. Вскочившая на стол Тенетница не атаковала, а, помотав головой, взглянула на разошедшийся у меня в паху биодоспех с выкаченными яйцами. Приподняла бровь, очень иронично хмыкнула, уже смотря в лицо.

На что я взглядом указал на стоящие колом соски и разошедшуюся краями, влажную щёлку стоящей на корточках Тенетницы. И повторил выражение её лица. Последовал ещё один хмык, и дама, девица... блин, я даже не знаю, как её назвать, но уже явно не тётка изящно скользнула в своё кресло.

— А вы интересный юноша, Стригор, — с хрипотцой произнесла она.

— И вы интересная женщина, Тенетница, — ответил я, наконец, втянув яйца и принимая сидячее положение.

— И ваши навыки...

— Болотный Лог, Пуща, уважаемая.

— Ну да, Болотный Лог, Пуща, — преувеличенно серьёзно покивала она.

— А ментальная атака, аж в Приказе, после приглашения? — закатил глазки я.

— Какая, говорите, атака, Стригор Стрижич? — с удивлённым лицом похлопала ресничками Тенетница.

Блин, попал, констатировал я. Взгляд Владыки, мозгокрут... нет в Беловодском “ментала”. А Тенетница меня поняла. И знает это слово, блин. И... в жопу.

— Ментальная, уважаемая Тенетница, — нейтрально ответил я. — Так именовали...

— Я знаю, что такое ментал, дражайший Стригор Стрижич. А вот откуда знаете вы?

— Я могу ответить — не ваше паучье дело, дражайшая Тенетница, — отразил я улыбку. — И быть в своём праве. А могу ответить — знаю от предков. Правда, мне казалось, что такая архаичная речь осталась только в глухих местах, вроде Лога. У изгнанников, вроде Стрижичей.

Вроде — отмазался, хотя, конечно, так, на полшишечки, констатировал я практически незаметные мимические искажения, причём архивом — столь быстрые и незаметные они были, что даже улучшенная нервная система не справлялась.

— Хорошо, Стригор Стрижич, — перестала кривляться Паучиха. — Давайте так, вас я оценила, приятно удивлена. И предлагаю вам принести присягу...

— Нет, — с каменной мордой ответил я, но решил объяснить. — Болотный Лог. Он мой и я его. Пока МОИ люди не будут ходить в театры, не бояться выйти поле без охраны — Империя моей присяги не получит. Это принципиально, уважаемая Тенетница.

— Довольно... похвальная позиция, — без выражения выдала Паучиха. — Родовичи... хотя “посильнее и поумнее” довольно забавно звучит, — сама себя прервала она. — В общем — нет. Хорошо. Договор о службе?

— А за что, госпожа Тенетница?

— А что хочет Воздушный Владыка за службу?

— Не дорос я ещё, уважаемая. А за службу... а какую? Понимаете, госпожа глава Приказа, я не ради красного слова Лог помянул. Я туда вернуться хочу. И десять лет в столице — несколько больше, чем я готов тут провести.

— Даже так?

— Даже так.

— Библиотека Академии вам интересна? — не в бровь, а в глаз спросила Паучиха.

— Да, — через пять секунд обдумывания выдал я.

— Тогда предлагаю вам, Стригор Стрижич, место ассистента профессора Академии.

— Просто так? — наивно захлопал я ресницами.

— Конечно... нет, — не менее наивно захлопала ресницами Тенетница. — Нет, ну вы положительно очаровательный юноша, Стригор!

— А вы — очаровательная женщина, Тенетница, — кисло констатировал я, вызвав искренний, пусть и короткий смех.

— Хорошо, вкратце — в Академии происходят некоторые события, которые мне интересны. Возможности узнать, — пощёлкала она пальцами, — есть, но они мне не нравятся. Я хочу, чтобы вы, Стригор, узнали для меня, что там происходит. И с какой целью. А место ассистента профессора представит вам возможность как ознакомиться с интересной вам библиотекой, так и узнать мне нужное.

— Детали я узнаю после согласия или отказа?

— А в случае отказа, Стригор, я попрошу вас вернуться в ваш разлюбезный Болотный Лог.

— Понятно, — задумался я.

Ну, в принципе, это как раз то, на что я ГОТОВ пойти, обдумывая варианты. Не смущает, что испытательное задание — и вся библиотека Академии к моим услугам. Вот крадётся подозрение, что ни черта я там полезного и интересного не найду. Впрочем — посмотрим.

Самое главное, что пары-тройки дней мне хватит, чтобы перечитать ВСЮ библиотеку. Точнее, скопировать, сколько бы там не было книг. Архив мне в помощь, хех.

И узнать — возможности есть. То есть испытательное задание вполне может стать и последним — я в “разлюбезный Лог” вернусь по его окончании. Или нет, посмотрим. Но пока — всё выглядит сносно, хотя опасения “запутаться в паутине” есть.

Но и резоны... интересно, кто из Погибычей стучит? Больше некому

“Воздушновладычность” мою провозглашать. Хотя, задумался я. Это не тайна, а Погибычи — не Стрижичи, может Погимудр связь с родичами иметь. О чём я банально не подумал. А он о “хождении под руку”, с причинами, сообщил. Ну и до паучатника это дошло.

Так, в общем, Паучиха вербует чертовски мощного мага. Проверки были, но наш с ней танец — не проверка, факт. Это... недоступный уровень, даимон в эфире танцевал, омываемый потоками ментала, и ТОЖЕ был возбуждён. Овладеть ей было искренним желанием. В общем, это — не проверка. Просто когда-нибудь, в другой жизни, в другом Мире я узнаю эту душу. Возможно, мысленно и печально улыбнулся я. Обидно, блин, но... не вариант. Тут и сейчас — точно.

— Согласен, госпожа Тенетница.

— Прекрасно, господин Стрижич. Мой посланник навестит вас завтра, сообщит всё необходимое.

— А...

— Узнаете мне потребное — жду. Нет — возвращайтесь в Лог, Стрижич.

— Один вопрос.

— Не обещаю ответа.

— Фамилия Имперского Рода?

Ответ был таков, что рожа моя перекосилась, невзирая ни на что.

— Старший Род?! Владыки Империи?!

— Представьте, да? — озорно улыбнулась Тенетница.

— Да были мысли, — буркнул я.

— А я сразу подметила, что вы интересный юноша. Прощайте, Стригор Стрижич.

— Прощайте, госпожа Тенетница.

И выперся я, несколько охреневший, из кабинета Главы Опричного Приказа Империи, госпожи Тенетницы Лихьшны.

Ну, впрочем, бывает, думал я, бредя за всё так же задорно повиливающей попкой — Дыйешна меня поджидала. Ладно, завтра посмотрим, но весь оставшийся день я точно буду не думать, а охренивать.

20. Преакадемические сборы

Вышел я из Приказа в растрёпанных чувствах, на Индрика взгромоздился, да и поехал домой. Правда, похоже, несколько переоценил я свои таланты к охрениванию — умные мысли начали копошиться в голове по подъезду к флигельку. Так что перекусил я, присел, девчонок на коленки себе посадил, приобняв. Не ради извращений приятных, это потом. А потому что тёплые и... родные. Приятно и успокаивает, в общем. А они ко мне прижались, читала надели и к печатному слову приобщаются. Хорошо, в общем. И думается неплохо, да.

И стал я подводить итоги своего путешествия в паучатник. Итак, контроль над городом у них запредельный, собственно, мог бы и сам подумать. Даже не в структуре этой эфирной паутины дело — Ладычи мне говорили, что городские на чародейство в городе РЕАГИРУЮТ. А Стольный Град эфирно перенасыщен, в сотне метров хрен, что толком почувствуешь. В общем, полицаев реально не так много, факт.

С этим я, на удивление, почти не подставился. Только подтвердил “подозрения-предположения”.

Итак, паучатник (а не только столицу они контролируют, гарантированно) получает информацию о Воздушном Владыке. Самое забавное, что ничего в таковом “вообще” запредельного нет. Что воздушном, что огненном, что чёртовступном. Сильный чародей, сильнее прочих, но никак не что-то “ух ты!”

И в литературе этих Владык на ленточки разматывали. Сильный маг в общем, не более. Но живой, уязвимый и всё такое.

В то, что имперцы не знают, “как” эти владыки появляются, нихера не верю — они, сволочи, умные. И что владык этих нет не первое десятилетие — показатель, что они Империи не нужны. Очевидно, из-за побочек. Видно, крыша протекает от запредельного напряжения, выбраковка выходит слишком большая. Ну, в общем, понятно, что выходит нерационально: положим, надо двадцать родовичей, скажем, загубить, чтоб одного владыку получить. Так те же десять его уделают без потерь, при подготовке. И пять, да даже один, при удаче — возможность “большой дубина” от хронического кинжала под лопатку не особо поможет.

Вот с Ладычами — да, в этом случае создать владыку может быть оправдано. Но вот я, кажется, догадался об истинной причине конфликта жизнюков и менталистов. Малочисленные Ладычи просто послали имперцев с программой “супердоктор”, как раз из-за выбраковки.

Ну да это так, теории, хотя и небезынтересные. А мне в плане “прогнозирования поведения” даже полезные, ну да ладно.

И вот, есть информация о Воздушном Владыке, ВРОДЕ БЫ крышей не протекшем. И имперский Приказ, естественно, от такого не откажется, но. Это Стрижич, пусть не прямо по писаному, а по факту и традициям враждебный Империи Род. Обитающие на территории Империи Стрижичи реально угнетаемы, им нужно массу усилий приложить, чтобы стать на позицию простого родовича. И непонятно что у него, владыки этого, с мозгами.

В общем — есть и есть, пусть в своём Логе сидит, части тварей сдаёт, Имперских подданных от тварей защищает.

И вот он, такой красивый, приперается в Столицу. При всех прочих равных, внимание на меня контора обратила явно не сразу. Думаю, звоночком, привлёкшим ко мне внимание,

была успешная сдача экзамена в Академии с последующими справедливыми словами в адрес скотских профессоров.

То есть, на меня взглянули уже по внутренним отчётам, соотнесли с прочими докладами и... заинтересовались. Но не более, при этом следить стали пристрастно, и, до поры — просто следить.

То есть, первое именно ДЕЙСТВИЕ — это хамский Горич. И вот совершенно не факт что он хамский, что самое смешное. Меня изучали, смотрели, насколько у меня протекла крыша.

С забияками этими дурацкими — тоже ведь проверка. Именно на боевую магию, которой я толком и не пользовался. И вот тут сложно — можно ли понять, что воздух, которым я пользуюсь, нестандарт? Вот хрен знает, честно. По эффекту — да, это должны быть чудовищно перенасыщенные эфиром манифестации. Более чем в десять раз более эфиронасыщенные, чем на самом деле.

То есть, всё, решили опричники или лично Паучиха, что я — Воздушный Владыка. И тут момент такой — делать такого невыгодно, но от готового никто не откажется. При этом и негативные факторы есть, типа того, что я Стрижич и вообще. А просто убивать, из паранойи, не врага... Ну, имперцы слишком рациональны для этого. Зачем? Либо служит, принося пользу. Либо валит в Лог, принося Империи пользу, что Тенетница, собственно, и озвучила.

И, не прекращая проверок, меня позвали на поговорить уже серьёзно. Припёрся я, и если исключить наш с Тенетницей “танец”, всё было, как и должно быть. А вот с танцем энтим, хех. Ну ладно, почувствовали мы с ней “душевную близость”, созвучие друг с другом — это ладно. Как я уже думал — не в этой жизни. Не те расклады, меня и мои девчонки более чем устраивают, поплотнее приобнял я сидящих на моих коленях девчонок, которые потерлись о плечи, поудобнее пристраиваясь. Да, более чем, улыбнулся я.

Так вот, идёт вербовка-проверка, и тут Тенетница перестаёт от меня чувствовать мысли и эмоции. Вот совсем и вообще.

И тут вилка. Либо меня на мозготрах и так, и так проверять собирались, что более чем вероятно. Либо Тенетница ответила на непонятное шаблоном действия. Тоже вполне вариант.

Ну и начала “продавливать” защиту, которой и не было. Мозг когнитивную деятельность прекратил в принципе, а известные мне способы ментального воздействия — работают не прямо, а как раз через работу мозга. Да, убить могут, но мозготрахаемый САМ себя убивает.

И вот, пыжится, значит, дамочка, неслабый маг, нужно отметить, с нулевым результатом. При этом, ментал — вещь тонкая. Это не “охреначить посильнее”. Она, давя — открывается, это базово, то есть её разум становится восприимчив.

Дальше, я чую атаку, начинаю просчитывать варианты, а она ЧУВСТВУЕТ малейшие нервные импульсы, направление взгляда — вообще всю нервную деятельность тела, столь сильное воздействие осуществляет. Начинает готовить ответные действия, сама прикидывать, как нападать. А я выделяю эфир, начиная чувствовать её. Не менталом, как она, а дαιмоническим чутьём.

И, в этот момент, наши соприкасающиеся эфирные эффекторы “узнают друг друга”. Души соприкоснулись, можно сказать. И паучиха — извращенка, поставил диагноз я. Ну, или душа ейная, поскольку вожделеть даймона из льда и тьмы... ну извращенкой надо быть.

Впрочем, дэмон моей души — тоже не факт, что нормален: у паучихи может Арахна какая, не только фигурально, но и реально, в качестве души быть.

А у меня и яйца выкатились, и пипирка встала, хех. Ну да ладно, этот эпизод — на разбор, когда я знатным душеведом стану. Сожаление лёгкое, правда, есть, что вместе нам не быть... Но тут и вправду — не быть. Не те расклады.

И в целом — ситуация Тенетницу ОЧЕНЬ выбила из колеи. Не поломала “игру с будущим агентом”, дамочка слишком опытна и профессиональна. Но она боялась — не меня, а своей непонятной реакции на меня, факт. И наша беседа вышла очень скомканной и странной.

Мой провтык с “менталом” — ну так, терпимо. Если Имперцы знают, то и Стрижици в Жопе Мира могут. Не невозможный вариант, с точки зрения Тенетницы, что микромирика показала.

И, наконец, вопрос с Академией. Это явная “заготовка”, пусть скомканно, из-за выведенной из равновесия Паучихи, преподнесённая.

То есть, мой интерес к Академии выявили, ну и в виде заманухи подвесили морковку. Другое дело, что думают, что морковка одна, а я овощебазу обнесу, подчистую. Ну да ладно, сам “заказ” это у нас выходит вообще — как?

Подумал я ещё, да и пришёл к таким выводам: что-то в Академии и вправду творится. Причём паутинник, в силу неких причин, доступ в Академию имеет ограниченный. Скорее всего — конкурирующие Приказы. При этом, Тенетница не врала — она МОЖЕТ получить информацию, но ей это “не нравится”. И да, это не что-то там мегаважное — непроверенного непойми кого на мегаважное не пошлют. Но и не придуманное — нерационально, а имперцы ОЧЕНЬ рациональны.

Выходит, происходит какое-то шебуршание, привлечение внимания спецслужбы. Скорее всего, учеников, поскольку преподаватели — это уже серьёзно. Да и среди преподавателей агенты паучатника есть — меня в ассистенты ладят не абы кому, стопроцентно.

И вот, какое-то копошение студюозов вызвало пока не слишком серьёзный интерес. Вообще — логично, всякие декабристы там, да и марксисты, анархисты и прочие сисисты из такой среды и вылезли.

При этом — сами имперцы те ещё сисисты. Менталисты в смысле, а паучатник — это десятки Лихычей, хмыкнул я.

Вот, кстати, подтверждение моей теории: именно образцы, с браслетами или подобной фигнёй, “образец Стрибог”, “образец Чернобог”, и “образец Лихо”, да уж.

Впрочем, “неудачные прототипы” могут быть у всех родовичей, просто название иное. Но орать про такое фамилиё менталистам и вправду не стоит. Впрочем, кто надо, да и родовичи старших Родов — гарантированно знают. А вот людишкам и младшим Родам знать не стоит. В противном случае хрен бы мне Тенетница рассказала: промолчала бы или в дали дальние послала на этот вопрос.

И, наконец — библиотека Академии. Мне к ней дают доступ. СЛИШКОМ легко. Это “замануха”, наживка, в которую тыщи знаний не положат. Нерационально.

И даже с учётом того, что Паучиха не знает о возможности упихать в Архив вообще всю библиотеку, сколько бы там ни было знаний, всё равно чего-то серьёзного там может и не быть. Я бы вообще сказал, что такового точно нет.

Вот только они банально не знают, что мне нужно. И что мне важно. То есть, нет там серьёзных эфирных разработок. Так они мне и не нужны особо! Мне история интересна,

общие теории. Да беллетристика обычная — если сохранилась с “докатастрофических” времён. В общем, шанс на важное и интересное есть. Но поменьше, чем я рассчитывал.

Так что ждём посланца, узнаём детали и поработаем. А если что — просто откажусь и направлюсь в Лог. Физиономию Паучихи бы в этот момент увидеть... но не стоит. Или дракой закончится, или сексом. Или обниму и утешать начну, хмыкнул я.

А самое главное: мне, балбесу такому, нужно перестать относиться к местным как к недоразвитым дикарям. Они обладают меньшим объёмом знаний, в этом случае “да”. Но не все, мне действительно не помешает учиться, на минуточку.

При этом, они не глупее меня. Я, блин, сам рассматривал механизмы мозга местных, восхитился и... забил. При этом, тот же Недум или Мёда, если разобраться, заткнут за пояс любого не только “эффективного менеджера” (этих-то за пояс заткнёт и силикатный кирпич — он воровать не будет, и итоговая эффективность его менеджмента будет намного выше), но и всех известных мне настоящих управляющих. Высокопрофессиональные многопрофильные управленцы, прямо скажем.

Далее, да та же Ола моя ненаглядная. Девчонку до шестнадцати лет фактически не учили и практически не общались. Она ДОЛЖНА была вырасти тупой куклой для секса. При этом, получив доступ к общению и информации, она развивается, очевидно и заметно. Да, в этом случае сказывается фактор того, что я для неё — центр Мира, и она видит, что мне нравится, когда она развивается. Но не в этом дело — то, что должно было быть тупым животным, смешно шутит, разумно рассуждает и прочее.

А в Стольном Граде, профильные менталисты... ну, в общем, считать себя янкой из Коннектикута в окружении тупорылого средневековья в Беловодье — надо балбесом быть.

Поздравляю, Отмороженный, ты балбес, искренне порадовал я себя. Подумал минуту, тупорогий я или полорогий, но пришёл к выводу, что пока ни то, ни то: рога мои были на загляденье острыми и не полыми ни разу.

В общем, позицию “многомудрый прогрессор в окружении дикарей” — забыть, как страшный сон. Потеря тела меня не убьёт (и вот опять — слишком я уверен, могут, реально могут быть демоноборческие круги, которые меня нахрен распидорасят!), но даже в таком раскладе я его терять не хочу. А тупоумное зазнайство и недооценка разума окружающих меня к такой потере и приведёт, факт.

В общем, разобравшись с последствиями вчерашнего, потратил я остаток вечера на девчонок, во всех смыслах. И ночь, когда Ола с Любой уже посапывали, провёл в раздумьях и моделировании — как-то протрезвило меня от Чувства Собственного Величия уже вчерашнее. Так что прикидывал я, моделировал, не колдунство какое, а мотивы и модели. А то вот тоже — надумал, весь из себя охренительно умный, а окажется всё внаоборот.

Но модели мои выводы, в общем, подтвердили. Конечно, шанс на внаоборот оставался, но он всегда есть. И в данном случае был маловероятен.

А на утро, не успел я толком пробудить тело (ну а что ему бы не поспать, пока в эфире шуршу?), как в дверь постучали. Только я задумался про ночь глухую и отличительных особенностях не спящих в эту пору паразитов, как солнце засандалило мне в свежооткрытый глаз.

Ну ладно, пойдём посмотрим, решил я, потирая стукнутое и спускаясь к входу.

А был там давешний служка, выглядящий так же, как я себя чувствовал, толком не проснувшись. И Велесыч средних годов с мордой, преисполненной собственного величия. Ну или спросонья так показалось, всяко бывает.

— Тенетница прислала, — без всяких там “здрости” процедил дядька.

— Проходите, — не стал и я тратить красноречие.

А проводя Велесыча в гостиную, я думал, что этого типа надо не присылать, а посылать. Ну да ладно, бухнулся я в кресло-мешок, махнул на такое же лапой, уставившись на посетителя.

А тот заложил руки за спину и, мерно шагая туда-сюда начал натурально вещать.

— Я — Веледум Велесович, наставник ухваток воинских в Академии Егс Императорского Величества. Вы, — тыкнул он в меня граблей с оттопыренным перстом. — Стрислав Стрижич, отслуживший в Обережной Дружине, по нездоровью договор завершивший.

— Сослуживцы? — приподнял я бровь.

— Не перебивать!

— Посмотрим, — широко улыбнулся я.

Ну в самом деле — хрен с бугра, какой-то. Хамит, как будто в рабство меня заимел. Он — передатчик информации, ключ к Академии. Всё.

На моё тонкое замечание Велесыч попучил буркалы, желваками поиграл, но скушал. В общем-то — как и ожидалось.

— Если вы, Стрислав, имеете в виду возможных соратников, то таких у вас не будет. Скрытнич, прознатчик, а старшина подтвердит. Ваша задача, помимо участия в потешных боях с учениками — выяснить цели формируемого вокруг Семаргдумы Семарглишны и её родовичей круга. Это понятно?

— Конечно... нет, — продолжал улыбаться я. — Вы, Велидум, более подробно расскажите, что за, как вы выразились, “круг”. Что за “потешные бои”. В общем, я, конечно, понял. Но до “понятно” мне ещё далеко.

— Извольте обращаться ко мне как полагается, Стрижич!

— Только после вас, Велесыч.

— Вы ассистент, подручный!

— Это отменяет вежество?

На последнее дядька покраснел столь интенсивно, что я за его здоровье стал опасаться, как бы удар хрыча не хватил. Так-то вроде и пофиг, но это ключик к Академии, помрёт — нового может и не быть.

А вообще — сильный маг, факт. Но, похоже, давно преподавательствует, слишком давно. И не факт, что часто покидает Академию, если вообще покидает. Ну и сформировался у него “стиль” — или преподаватели вокруг, или студенты. Меня он в последние заочно зачислил, а теперь мучается и страдает из-за того, что его картина Мира рвётся с треском.

В общем — его проблемы, если начистоту. Мне он не нужен и неинтересен. Чем его Тенетница за сморщенные яйчишки держит — клещами золотыми или калёными — тоже похрен.

Дело свое сделает, в Академию проведёт. А даже “порученное дело” мне, если по совести, не особо важно выполнять. Так что пусть потрещит шаблоном, мысленно дозволил я дядьке трещать шаблоном.

— Нет, СТРИСЛАВ СТРИЖИЧ, — прошипел дядька, на что улыбочивый я одобрительно покивал. — И учтите, на занятиях — вы просто Стрижич! Нет у меня времени ваше тщеславие тешить!

— На занятиях, Веледум Велесович, так уж и быть. Уговорили, — согласился я.

И чего так буркалы-то пучить? Они и вывалиться могут, отметил я про себя.

— Давайте к делу: сколько делятся занятия, сколько у меня будет свободного времени? Есть ли возможность покинуть Академию во время службы? В каком виде будут проводиться занятия? Каким документом и как будет оформлена моя служба?

Дядька опять покраснел-попучился, но так, на полшишечки. Видно, всё же, ЧСВ не совсем мозги затянуло.

И начал, правда, цедя через губу, меня просвещать. Несколько излишне... ну в общем — препод как он есть. Со стадом с-с-студентиков, в общем-то.

И мне он буквально разжёвывал, с “вы поняли, Стрислав Стрижич?” и прочими элементами.

Особенно комичной была его реакция на высунувших головки девчонок — рывк на них “Опазд...кхм-кхм”, с отведённым взглядом, показывал что дядька с кафедры по жизни не слезает.

Кстати, промелькнула мысль, Велесычи, похоже — самый многочисленный Род. Должны быть Ладычи, но у них слишком МНОГО гормонов. А так — земляные Велесычи и один из самых сильных родовых анклавов имеют, да и в Стольном Граде их дофигищца. И один из богатейших родов, с пулом биоразработок чуть ли не столько же, сколько у Имперцев.

Интересно бы в бою посмотреть, задумался я. Ну, по логике — камнями кидаются и укрепляют всё невозможной прочности кристаллизацией. А вот на деле как будет, в полноценном бою — интересно.

— Веледум Велесович. Уточнение — я, как чародей, владею лишь Стрибожьей силой. В бою, — уточнил я.

— То от вас и потребно, Стригор Стрижич. Вы, на занятиях противник потешный, наставляемым мишень.

— Только мишень?

— Не... не только, но увечья, а тем более смерть наставляемых — НЕДОПУСТИМА! — взревел он, пуча очи. — Меня уведомили, что в боевых ухватках вы умудрены достаточно, чтобы с сим справиться! — с сомнением уставился он на меня.

— Достаточно, — произнёс я.

Хм, наблюдение, доклады... кустарщина, с возможной смертью студентов. Хотя, если дядька этот будет приглядывать... Посмотрим, в общем.

Тем временем лекция продолжалась. Девчонки, тихо, как мышки, проскочили мимо нас на кухню, приготовили пожрать. И Велесычу ентому, ну, впрочем, гость, блин. Ну хоть кивнул, жуя, лекцию свою не прерывая.

И выходил такой расклад: я — ассистент шесть часов в день. Время, когда ухватки отрабатывают. И именно манекен для битья — не безответный, но понятно, что с-с-с-студентиков и вправду убивать и калечить не стоит. При этом, Академия базово противниками полагает родовичей с Архипелага, какового мне в “потешных схватках” изображать и придётся. Велесыч даже покивал одобрительно, описывая енту деталь, что логично — Стрижичи на Империю набигают, вполне “тать с Архипелага”, куда деваться.

Кроме этих шести часов, трёх пар, по сути, обязанностей у меня нет. Ну и должен я к этой Семаргловой кровинушке в доверие попасть, или ещё что — “ваши проблемы, Стрислав Стрижич”, бросил дядька.

Ну и в библиотеку и даже на лекции в свободное время вход свободный. Как и в

перемещениях мою персону никто не ограничивает, в отличие от студентов. Например, близнецы-Ладычи, похоже “под поруку” Ладомысла Академию покидают — без “родового поручителя” “наставляемым” хода с территории Академии до его окончания нет.

И да, сексом трахать студентов я могу, о чём перекосившийся Велесыч сообщил. Завидует, бедолага, мысленно хмыкнул я. Вообще — ни на хрен, ни в задницу мне эти с-с-студентки не сдались. Но как вариант “исполнения заказа” — возможно, и придётся. Если вообще этим буду заниматься, в смысле выполнения.

И да, насчёт “студенческого клуба”, деятельность которого мне вроде как придётся расследовать. Академия по отношению к преподавателям была довольно жестка в плане ограничений. Довольно разумно, вообще-то. Ну и к “жилым светлицам наставляемых” их не пушечный выстрел не подпустят. Там орудовали имперские людишки и имперцы, соответственно, факт существования “клуба” как бы не мой собеседник доложил. Но что, как — не ясно и хрен выяснишь. Ну, с его манерой — не удивлюсь.

В общем — расклад понятен. Не слишком серьёзно, но как проверка мне — самое то. И приглядывать за мной будут, пристально и пристрастно. Впрочем, в моих целях это мне не мешает.

Правда, довольно неприятный момент с Олой и Любой. Я вот думал, буду регулярно девчонок навещать, благо возможность вроде как есть. Вот только, если имперских пучеглазов идиотами не считать, то это просчитывается с полпинка. И излишняя привязанность, ну и возможность использовать девчонок как рычаг давления.

Риск, сильный. Но бросать их не хочется. Но...

— Конюшня в Академии есть?

— Вы сдурели, Стрислав Стрижич? — брызгая ядом, полубопытствовал Велесыч. — А коровник вам в обители знаний, часом, не потребен?

— Не помешал бы, — покивал я. — Но нет, так нет.

А это уже выход — вечерами-ночью, благо никаких “часов комендантских” Стольный Град не имел, навещать Самого Красивого Индрика. Вообще — вопрос я задал несколько дурацкий. В сторожке-проходной конюшня то была, туда Индрика заводили. Но мелкая, на десяток стойл. А главное — канареечно-жёлтый акул это... ну уровень будёновки и волочащегося парашута за штандартенфюрероом Максом.

Так что спокойно буду выбираться к акулу. Променад на нём конный совершать и всё такое. И, заодно, служанок попользовать. Ну а что ж не попользовать, раз пользуются.

А если Индрика, как рычаг давления, использовать... не удержался и в голос ржанул я на этой мысли.

— Поведайте, Стрислав Стрижич, что столь потешного сказал, что вы смеётесь?

— Слова, — честно ответил Велесычу я и перешел к следующему вопросу. — Моя внешность, Веледум Велесович. Наставляемые могут сопоставить...

— Амулет, — пафосно бросил дядька, бросив в меня полоской кожи, выглядящей, как полоска кожи.

— Хм, а в Академии...

— Ну естественно, только с ним, Стрислав Стрижич! Что за глупости вы спрашиваете?!

— Нормальные глупости, — ответил я, вызвав новые переливы кумача на дядькиной роже.

Ну перед служками академическими “не палиться”, снимая амулетину, а так нормально. И разобраться с ним...

— На рассвете завтра чтоб были готовы, Стрислав! — бросил дядька и срулил.

Ну и туда и дорога, пожелал я дядьке, подключая Архив к изучению цацки. Цацка, ожидаемо, была творением имперцев — биоконструкт, мимикрирующий под кожу, на которую надет как браслет — не важно на руку, ногу или даже шею. Подходит только для родовича или эфиронасыщенной среды — втягивает свободный эфир, на человеке будет заметен, на родовиче — нет.

И типично имперское, очень кондовое по смыслу, но, подозреваю, действенное воздействие. Вбито “восприятие” некоего Стрижича, лет двадцати пяти где-то. Именно восприятие, характерные особенности, а не облик. И... проверить что ли, решил проверить я, цепляя на себя цацку.

— Ола, Люба! — позвал я девчонок.

— Ой, а вы кто? — вытаращила глаза вбежавшая Люба.

— Ой, что с вами, Стригор Стрижич? Вы как постарели... — прикрыла ладошками рот Ола.

Занятно, Люба меня не настолько знает. Но воздействие амулета сместило восприятие так, что фактически год совместной жизни не помог — она хмурится, вглядывается и явно не узнаёт.

А вот с Олой, с детства бывшей рядом, сложнее. Она слишком хорошо меня знает. Во всех подробностях, да даже сейчас иногда, бывает, привстаёт и разглядывает с улыбкой, думая, что сплю. Довольно... приятно и мило, да. Но не суть — даже она под воздействием хоть меня видит, но не таким.

В общем — неплохая вещь, причём, хрен поймёшь, на человека смотря. Разве что имперец, да и то не факт. Амулет не обманывает, а “меняет точку зрения” скорее.

— Амулет это, чародейский, — огласил я, снимая цацку.

Люба облегчённо улыбнулась, Ола вообще всплеснула руками, аж запрыгав от радости, что со мной всё в порядке. А я подумал, да и решил, что надо объяснить. Не то, чтобы надо “вообще”. Но не помешает, раз уж сам себе обещал не относиться к девчонкам, как к мастурбаторам.

— Идите сюда, слушайте, — начал объяснять я, положив цацку на подлокотник.

И вот, кстати, фактически сразу получил пользу от своего “великого просветительского деяния”. Люба, как и Ола, хлопала глазами, но уже после нескольких фраз нахмурилась и, после кивка, выдала:

— Так это, Стригор Стрижич, выходит как приворотник!

— А что это, Люб? — заинтересовался я, как и Ола.

И выяснилось, что есть “очень дорогой и редкий, только у самых-самых в гимназии был” артефакт. Правда, формы его Люба не знала, но, подозреваю — то же самое, что и полоска у меня. И вот эта приبلудина, которая “приворотник”, акцентирует внимание смотрящего... Да на фетишах егойных в смотримом. То есть, та часть лица, тела и прочее подобное, которая наиболее желанна — заслоняет образ человека “в целом”.

Любина сожительница-любовница в гимназии, например, один раз одалживала. И Люба, покраснев, сказала, что у неё “перси стали желанными, прекрасными... и ушки” смущалась девица. Ну такие, нормальные фетиши, не стал я лыбиться во всю пасть, чтоб и так смущенную девчонку не засмущивать.

А главное — очень она точно подметила “однотипность” воздействия. Ну, в принципе — логично. И вот мне, например, в ту же лавку с “девичьей рухлядью” в голову бы не

пришло заглядывать. А вот зря, вещь-то очень небезынтeресная, и если бы не Паучиха — клювом бы мной прошёлканная.

Подумал я, прикинул. Вариантов масса, но, наверное, “заказ” я буду выполнять. Это, банально, порядочно, раз уж взялся. А я скотина столь порядочная, что самому страшно, да.

Соответственно, в Академии мне торчать не день и не неделю. А минимум две, а то и больше. “Индрика навещать” я, конечно, буду. Но не каждый день, да и в целом, “отставлять в сторонку” девчонок не хочется. При том, что в Академию я их с собой не протащу, да и с учётом возможного подбирания к цели через “постель”... Ну тут скорее мне будет неудобно, чем им, но всё же.

В общем, останутся девчонки одни. Ну читка читкой, однако у них целые дни свободны будут. Раньше это время переждалось сексом, да и начал я, жираф, с ними “время проводить”, но надо им занятие какое найти. И им небезынтeресное, ну и мне, в идеале, полезное.

— Слушайте меня, девы, — озвучил я. — С завтра я буду делами занят, сильно. И в доме появляться буду только ночами, да и не каждую.

— Ой, как же, Стригор Стрижич? Ну, ежели надо, то вам виднее, — погрустнела Ола.

Люба тоже бурных восторгов не проявляла, а посмурнела. Вселив в моё даймоническое сердце радость и ликование, вот такое я я.

— Видеться будем, да и не только, — пожмякал я девичьи попки не без удовольствия. — Но у вас цельные дни освободятся. И мыслю я вам, девы, дело поручить! — воздел перст я.

— А какое, Стригор Стрижич?

— Да, какое?

— Посильное, думаю — интересное, — веско провозгласил я. — Найдём вам охранителя, ты и найдёшь, — потыкал я в Любу. — Ходить будете в ошейниках — мне спокойнее, да и охранителю проще будет.

Тут дело в том, что ошейник — это автоматом “имущество”. И привлечение охранителя — не “непонятная привязанность”, а забота о сохранности этого имущества. И охранителю проще, в самом деле. Не непонятных людишек оберегает, например, против подвыпившего родовича. А доверенное ему имущество.

— А что мы делать будем? — понятно кивнула Люба, прекрасно поняв часть с охранителем.

— А вы будете в лавках диковины покупать. Вот приворотник тот же интересен мне. И не только. Силой чародейской созданные диковины. Разные, — уточнил я. — Приказчиков расспрашивать, запоминать, и мне по приходу подробно обсказывать, что узнали и зачем диковина.

Девчонки задумались, начали широко улыбаться, и вдруг Ола как прыгнет мне на колени, обнимая и целуя, со словами “Стригор Стрижич, миленький, какой вы хороший!”

В общем, на пару часиков пришлось отвлечься, мда. Люба тоже меня хорошим нашла и к нам присоединилась. А вот после внепланового, с использованием кресел, взаимного времяпровождения, довольный я деланно нахмурился.

— Сие не развлечение вам, а дело важное, мной порученное!

— Поняла, Стригор Стрижич, исполним, — покивала Люба.

— И всё равно, вы хороший, Стригор Стрижич! — аж зажмурилась Ола, ойкнув от лёгкого щелчка по носику.

— Хороший, уговорила, — признал я, сражённый тяжестью аргумента.

На самом деле — посмотрим. Масса всякого интересного может быть, мной не замеченного. Вот банально, был бы у меня тот же приворотник год назад — ряд воздействий “познавательного типа” можно было сделать проще, незаметнее, не столь фونهاщими эфиром. А что ещё есть в биозакромах родовичей — леший знает, а интересно мне. Так-то с Логом я правильно в прагматичность упёрся, но интересные решения найдись даже в эротическом аксессуаре могут. Хотя этот приворотник... ну такая, напрягающая штука, вообще-то. С девчонками я попробую, и себе, и им, интересно потому что. А вот с посторонними — мдя.

В общем, за вычетом перекуса провели мы с девчонками оставшееся время в полезных и приятных извращениях. Даже к фармакологии пришлось прибегать, для девчонок же — уж слишком старались, а даже беловодская физиология — не железная. Это мне эфир помогает.

Так что вымотанные девчонки просто вырубались уже на рассвете, а я постигал мудрость выражения “голому собрату — только подпоясаться”. Ну и подготовил всё для девчонок и стал ждать Велесыча.

21. Спарринго-библиотечная глава

Велесыч изволил явиться всё так же, на рассвете. На ненадетый амулет хмыкнул, изволил поприветствовать кивком, поманил лапой. И почесали мы по утренним пустым улицам.

Через тройку сотен метров дядька зарулил в подворотню и с надменным видом потыкал в амулет, точнее, в наплечную сумку на предплечье с амулетом.

И да, биодоспех я не надоспешил. Вообще, судя по поведению Велесыча, объёму информации и прочим моментам, либо Паучатник — дилетантищи матёрые, заслуженные, либо это полноценная проверка, а дело, мне предстоящее — не просто ерунда, а ерунда-ерунда.

Ни чётких инструкций, само выполнение задания — как хочешь, так и сношайся. Легенда дырявая, моя возможность в неё вжиться — под вопросом... В общем, выходит расклад, что, возможно, мне имеет смысл академическое задание с блеском и треском завалить. И отстанут от сильного, но туповатого Стрижича. Подумаю над этим, посулил я, нацепляя амулет.

— Блага вам, Веледум Велесович! Отменное утро сегодня, не находите? А вы красноречивы, как никогда, — осветился я не хуже утреннего солнышка.

— Кхм... да... Блага, Стрислав Стрижич. Не болтайте, дела не ждут. А у нас занятия! — наставительно воздел перст он.

Чудной души, культуры и воспитания человечие мой формальный начальник, отметила моя наблюдательность. Ну и почесали мы к воротам Академии — единственный вход в обитель этих жадин. Я проверял, блин.

И преодолели мы ворота и проходную... вот вообще без каких бы то ни было задержек. Велесыч важно прошествовал, я за ним просеменил, служки почтительно поклонялись.

Правда, будучи осведомлён о Паутине, я постоянно пребывал в полутрансе, пусть и не фоня эфиром, как сволочь, но определённую толику его выпускал. И выходила такая петрушка:

Следящая паутина над Столенградом в Академии не действовала, как факт. Впрочем, она и в домах действовала через пень-колоду. Если в наулице можно отслеживать человека, то в доме, согласно мной изученного — только сам дом. И фoniaщий от дома эфир, ну грубо говоря, “кто там из родовичей, теоретически, есть”. А если будет, к примеру, Стрижич и Хорсыч — то и того не поймёшь. То ли их двое, то ли Погибыч особо эфиристый.

Ну и купол академический от паутины наблюдения отсекал, факт. А вот на меня местные конструкты повесили метку. Не искать конкретно — хер заметишь, именно имперский, фоновый ментал. Метка дохлая, просуществует сутки, не более.

А вот Велесыча местные эфирные конструкты лизнули и отдёрнулись. И я локализовал место “пропуска” — ухо велесовье, очевидно — серьга-гвоздик в тон кожи, хрен заметишь.

И почесал дядька широкими шагами к комплексу видеющихся домов и домишек.

— Договор будет какой, и где, Велидум Велесович? — полюбопытствовал я.

— Вас нет, Стрислав Стрижич! Какой, к лешему, договор?! — рывкнул дядька, ответив на незадаанные вопросы о “прослушке”.

Очевидно, её нет. По крайней мере вне академических помещений. А вот слежка — есть гарантированно, проходя через невесомые и не слишком частые полосы структурированного

эфира, метка пульсировала.

Вообще — почти идеальное решение. Чувствительность родовичей к эфиру разная, но даже самый чувствительный эти подёргивания не заметит. Пассивная следилка, по сути, имеющая смысл только с паутиной уже академической. И записать она тоже ни хрена не может, констатировал я после анализа Архива. Так-то было почти точно, что просто метка: эфира в ней — паучок наплакал. Но после проверки стало спокойнее, факт.

— Вы — мой ассистент, мой инструмент для обучения наставляемых! — продолжал разоряться дядька. — И я несусь в сих стенах благословенного знания ответственность за вас! Посему, напоминаю: вред наставляемым...

— “Сверх необходимого в обучении и кроме как для защиты жизни — недопустим,” — процитировал я. — За шесть раз, Веледум Велесович, я смог это ваше изречение запомнить.

— Ыыыы... — покраснел и аж остановился Велесыч.

Попучил в очередной раз буркалы на мою памятную персону, явно хотел сплюнуть и гадость сказать. Но поглядел на добрую улыбку и честные ясные очи, махнул лапой и дальше потопал.

— Запомнили, — пробурчал он. — Ныне мы идём на поле тренировочное. Наставляемые появятся через полчаса, — сверился он с солнцем.

Кстати, довольно интересен был биологический механизм определения времени. Я долгое время думал, что это именно отсчёт, но со временем обнаружил рефлекторные(!), зашитые в мозг механизмы. Высота Солнца и положение четырёх ключевых звёзд, точнее — планет.

В общем — спорный механизм, но для планетарной цивилизации оправданный. Ну и корректируемый, то есть не безусловный рефлекс, тоже фактор.

— Далее, для вас предусмотренный договором срок испытательский. Договор в канцелярии Академии. Сегодня ваша задача: беспрекословно мои указания выполнять. А я за вами присмотрю, пойму, в каком виде вы употребимы.

— Не думаю, что употребим, — задумчиво протянул я. — Яда многовато, — отметил я своё качество.

— Я ЗАМЕТИЛ, Стрислав Стрижич, — столь ядовито ответил Велесыч, что где-то в неведомой далёкой вселенной, один зельвар завистливо вздохнул.

Ну, по крайней мере, появилось у меня такое ощущение.

А вообще — логично и не настолько “криво”, как я думал. То есть, Велесыч меня именно проверит, а не отдаст студентиков на растерзание жуткому Стрижичу.

Дотопали мы до расположенного в отдалении от домиков песчаному полю. Побольше футбольного, факт. Чуть в сторонке была травяная поляна с натуральной кафедрой — хоть и несколько отличной внешне. То есть, там наш Велесыч несёт свет знаний, в с-с-студенческие бестолковки, отметил я. Только ли там — посмотрим.

Далее, были созданные явно велесычевым колдунством довольно сложные болваны. Я бы даже сказал — големы, но не скажу. Потому как антропоморфные болваны из песка содержали немало эфира, который их укреплял, удерживал форму, как показал анализ Архива — позволял анимировать. Но только на внешнем управлении, очевидно — Велесыча. И я дядьку немного зауважал, гипотетически — если он рулит ими в бою, одновременно, против разных противников (пусть даже и с-с-студентиков), то голова он, а не только напыщенный засранец с профессурой головного мозга.

Ну и поле разлитое песочка, вызывающего ностальгические мысли. Причём весь

этот песочек, пусть следово, но ощутимо нёс оттенок магии Велесовичей. Довольно удобно и разумно, для наставника и вообще, признал я.

— Первые занятия, вы, Стрислав, выполните функцию обучающего болвана, — потыкал в песчаных болванов Велесыч. — А я присмотрю. Нужны же вы для поединков, но для начала — мне нужно понять. Это вам ясно?

— Это мне ясно, — не стал спорить я. — Тип воздействия наставляемых?

— Тренировочный кладенец и чародейство, конечно! Что за дурацкие вопросы?!

— Какие ответы, такие и вопросы, Велидум Велесович, — вновь подновил я кумачовые переливы на роже дядьке. — Что за тренировочный кладенец?

— О, Велес! — закатил выпученные очи дядька. — Вот это!

С этими словами он создал из песка под ногами этакий макет кладенца, напитанный его же эфиром.

— Поддерживаете чародейство вы?

— Естественно, Стрислав!

— А в чём обучение? — заинтересовался я. — Суть кладенца — проведение силы чародейской.

— Вы болван! — хамски выдал дядька. — Проведение силы чародейской потребно лишь тогда, когда кладенцом НАУЧАТСЯ пользоваться! Вам понятно?!

— Бред какой-то, — вежливо выдал я. — Впрочем, вы — наставник, дело ваше.

— Моя благодарность, Стрислав Стрижич, границ не ведает, — столь ядовито процедил Велесыч, что я стал оглядывать песочек вокруг него.

Ну, ища следы от кислотного окисления в виде дыма. Но, удивительным и парадоксальным образом его не обнаружил. Бывают же чудеса, подивился я.

— Подойдите, Стрислав, — бросил тем временем Велесыч.

Ну, ломаться, как гимназистка, я не стал, подтопал к надутому дядьке. Посмотрел он на мою улыбочивую физиономию, поморщился досадливо и потянул лапу к моей голове!

Так, бить дядьку пока не будем, но лапу его до моего вместилища дум не допустим, быстро прикинул я, создав плоскость воздуха на пути лапы невежливой.

Дядька, кстати, показал довольно высокий класс владения эфиром — лапа ход не прекратила, но в мгновение окуталась эфирной манифистацией. Каменная кожа, как она есть, бегло оценил я.

Каменокожая лапа наткнулась на плоскость, отдёрнулась, потыкала в неё. Дядька мордой совершил довольно занимательную эволюцию, закончившуюся внимательным зырком на меня.

— Возможно, что-то вы и вправду умеете. Хотя бы Стрибожьей силой, — изрёк он. — Надевайте сами, раз уж столь искусны! — с этими словами он уронил мне в ладошку некий биоартефакт, типа кольца.

Живой, мышечная полоса в коже, как и личины, но поменьше. Серёжка, что ли, разглядывал я фигулину, потирая мочку.

— Да за что ж мне всё это, Велес?! — пробурчал дядька, цапнул фигулину.

Потом ухватил меня за щупальце на голове и насандалил на него колечко. Я за его противоправными деяниями следил пристрастно, но кроме самого факта хамского лапанья моей персоны — гадостей дядька не творил.

Ну ладно, протупил немного, сам признал я. Довольно удобно с учётом головных щупал. На палец такую фигулину хреначить глупо — совсем слабенькая эфирная активность.

Вообще — опять имперский эксклюзив. Как я понял вместе с Архивом — конвертор электроимпульсов мыслесвязи в эфир. Приёмник-передатчик, которому на голове самое место.

— Слышите меня, Стрислав? — выпучил на меня буркалы дядька, не щёлкая пастью.

— Слышу, слышу. А вы слышите завывания ветра, Веледум?

— В удручающей пустоте, жуткие завывания! — отрезал дядька. — Не предназначенное ушам наставляемых — через говорун. И слушать, что я скажу!

А может, и сработаемся, хмыкнул я. Про пустоту — это он изящно, факт.

Хотя, конечно, всё равно кустарщина всё это. Но, с другой стороны, я подхожу с мерками “лютых контор” с весьма дебильными ухватками в плане отношения к человекам. А ещё исхожу из того, что паучатнику **ВООБЩЕ** надо это задание. Что вот вообще не гарантировано ни разу. Вполне может быть продолжением проверки, причём запланированным, невзирая на некоторое смятение Тенетницы.

Тем временем подвалила группа с-с-студентиков, три десятка рыл, морд и даже лиц. Большая часть полукровки, с мешаниной эфира. А вот Семарглычей не было. Эти товарищи владели магией воды, под стать булькающему имени своего божества-прародителя. И, признаться, не видел я их особо — обитали они как раз на берегу моря, что учитывая их родовую склонность — более чем оправданно.

— Уверены, Стрислав? — с явным недоумением связался со мной артефактом Велесыч.

Дело в том, что он представил меня студентикам, ну и сказал про потешные схватки. Я на это улыбочиво кивал, даже ручкой сделал. Ну и отцепил кладенец и сулиман с набедренной... ну подвязки, хрен знает, как это держало назвать. И положил в сторонку.

— Я могу создать вам...

— Не стоит, — отрезал я.

— Стрекало не удержит удар моего чародейства!

— И что? — полюбопытствовал я.

— И то, Стрислав, что силой чародейской к наставляемым я вам пользоваться запрещаю! — выдал дядька, продолжая втирать студенчеству всякое разное.

— Да и не собирался, — честно ответил я. — Ну если меня смертью убивать не будут, конечно.

— Делайте, что хотите! Но неумеху и невежду я держать в ассистентах не буду, сами с Приказом разбирайтесь!

Ну, сам так сам, пожал плечами я. На самом деле несколько чрезмерно самонадеянно — но я не собирался “фехтовать”. Работа кладенцом вообще довольно сложна, и я просто... ну не умел толком парировать там и прочее. С тварями это не надо, а с родовичами я работал на “противоходе”, уклонении и встречной атаке. Ухватки Зара и Погибыча меня к этому приучили.

Так что работать эфирным конструктором Велесыча, да ещё впуская в него свой эфир — а это будет волей-неволей, я не собирался. С кладенцом — бред, порежу с-с-студентиков, или пользоваться не буду. Сулиман — не стал рисковать. Не слишком привычен, а успеет ли Велесыч защитить от колющего удара студента — хрен знает.

Вот и выходило стрекало как оружие. Не самое удобное, но если меня с-с-студентики уделают... ну вернусь печально в Лог, лечить своё травмированное ЧСВ и тренироваться, как проклятый.

Правда, вышедший против меня Горич несколько меня смутил. Дело в том, что Велесыч

нарастил на парне что-то вроде песчаного биодоспеха. Тоже тренировочного, но у меня в доступных зонах поражения — только шея и голова. Причём лицо не особо стоит — стрекалом глаз вышибить с полпинка.

Ну, посмотрим, хмыкнул я, расслабленно стоя напротив надувшегося Горича. Похоже, он посчитал меня идиотом, ну и посмотрим, насколько он прав.

Парень согнул ноги, вскидывая руку — естественное движение, но совершенно лишнее с кладенцом. А я просто отступил, пропуская конец песчаного кладенца в нескольких сантиметрах от себя.

Парень опешил на секунду, но собрался и стал меня своим песчаным пырялом тыкать, как Погибыч в своё время. От чего я просто сдвигался в сторону. Улучшенная нервная система позволяла заметить и обдумать, а парень то ли не успевал, то ли тренировочный кладенец не обладал скоростью настоящего. Скорее — не успевал, потому что все свои атаки он сопровождал совершенно ненужными мышечными усилиями.

Так продолжалась минуты полторы: с-с-студентик меня тыкал, я уворачивался. Единственным рубящим ударом был самый первый. И тут дело-то не в том, что против человека рубящий удар лучше — совсем нет. Но видно, что не успеваешь, а рубящий удар хотя бы заставит противника держать дистанцию.

Но нет, пыряет, как заведенный, кладенцом, как сулиманом. Видна "гимназическая школа", а первый удар, очевидно — то, чему уже после научился.

Велесыч, тем временем, тыча в нашу парочку лапой, вещал, какой мой противник рукосуй и дебилушка, ничуть егойные нежные чуйства не щадя.

Парень же, вместо подумать головой, слушал ушами, ярился, тыкал с всё большим физическим усилием...

Ну, тупил, в общем, типично с-с-студенчески.

Видимо, сейчас первогодки припёрлись, или "наставляемые первого круга", как их в Академиях беловодских обзывали.

Только-только из гимназии (а без неё попадание в Академию возможно, но не слишком вероятно). И опасаться мне из всей тридцатки стоит только старших родовичей: прошитые эфирные программы и, возможно, родовые тренировки. Хотя и их не особо, скорее всего.

В этот момент совершенно кумачовый лицом Горич (а Велесыч-то оказался охеренным педагогом — за пяток фраз научил столь полезному навыку цветовой мимикрии!) замер, помахая своим кладенцом туда-сюда и пыхнул эфиром.

Я на секунду замер, но манифестация оказалась не менее гимназической, нежели кладенцемашество: конвертор и круг на футарке, ме-е-е-едленные. Не раз мной виденные от братца и его наперсника, так что решил я всё это безобразия прекращать.

Пока Горич пыжился, подсек я его ходилки в присяде стрекалом: парень кладенцом отмахивался на средне-высоком уровне, пузо и бошку оберегая, на ноги забив, за что и поплатился, рухнув на песочек. Кладенцом что-то там пытался сделать в падении, но, блин, — опять с мышечными усилиями, так что нихрена не успел, получив по загривку стрекалом, довольно забавно взвизгнув.

— Ошибки вашего соученика мы разобрали, наставляемые, — вещал Велесыч. — Если есть желающие — наперсник мой, Стрислав Стрижич, вам в потешном поединке не откажет. А пока рассмотрим...

На телепатический артефакт же этот душа-человек изволил буркнуть "Сносно, Стрижич". Ну, чуть ли не в ножки поклонился, учитывая его замечательные качества,

хмыкнул я.

Через четверть часа несколько с-с-студентиков изволили выказать желание мне мордас начистить. В смысле, крутизну свою окружающим явить, но никак не пинусами помериться — три с-с-студентика из пяти их, по причине полу женского, не имели.

Вообще, выходило что девиц-то побольше парней, отметил я состав студенческой толпы. Ненамного, но всё же.

Интересно, это особенность данного потока или вообще? В принципе, есть намёки на то, что механизм “война — больше мужчин, мир — больше женщин” популяционно работает. То есть, по мере продвижения к Стольному Граду виделось на улицах всё больше дам-с, например. Но не факт, да и если работает — не ультимативно. Хотя, отсутствие Владык — показатель, так что гендерное смещение вполне возможно. Посмотрим на другие курсы, решил я.

И вот с тремя из пятёрки проблем не нарисовалось — от Горича пара девчонок и парень ничем не отличались, ну плюс-минус, оказавшись мной острекалены с необоримым педагогизмом.

То оставшаяся парочка, из парня и девчонки заставили если не попотеть, то станцевать, а не стоять со скучающей мордой лица. Парень был Ладыч, и взял, да и забил на кладенец, как факт.

Точнее, использовал его именно для контроля моего стрекала. А сам рванул в сверхближний бой.

И, по уму — охрененно умно сделал. Прокаченные биомагией андрогинны были чертовски сильны, быстры, прочны именно телом. И парень, без шуток, мог при желании, порвать меня на пару Стригорчиков.

Тут даже эфирное улучшение спокойной системы организма — не панацея: надпочечник Ладычей ПОСТОЯННО работал на улучшение и поддержку их организма, да ещё с высочайшим, несомненно, прописанном в этом же надпочечнике, КПД.

То есть, если этот subtilный андрогин меня поймает и зафиксирует — мне пиздец. Ну, не совсем: вряд ли убивать, конечно, будет. Хотя хрен этих с-с-студентиков знает.

В любом случае, люлей он мне на чистой физике навешает, лещами оделит. Это ещё не считая того, что какое-то мордобойство парень явно знает.

Это всё я обдумывал, рванув от парня, рванувшего ко мне. В глубоком погружении в эфир. Так, а что я могу? Он медленнее, факт. Но не намного, тело андрогина запредельно прокачанное. Попадаться мне в его лапки нельзя, но я просто не успеваю... хм, сопротивление воздуха, мышцы-то вытянут.

И парень кидается “быком” на сближение — тут просто не успевает уже его мозг обработать информацию.

Ну значит, немного помогу себе воздухом, заключил я, приземляясь на песочек и отскакивая вбок от траектории “перехвата”. Ну и острекалил, в отпрыге, “быкующего” андрогина по затылку.

— В-в-в-ы-ы-ы ч-ч-ч-т-т-т-о-о-о т-т-т-в-в-в-о-о-о-р-р-р-и-и-и-т-т-т-е-е-е, С-с-с-т-т-т-р-р-р-и-и-и-с-с-с-л-л-л-а-а-а-в-в-в? — чудовищно быстро, но чертовски замедленно выдал связной артефакт.

Занятно, я думал, тут “пакетная связь”, эфир-мыслеобраз. А получается — трансляция, с соответствующей скоростью. А вообще — может, и специально сделано, понял я. Эта фигулина — боевой связной артефакт, по логике. И в бою пакетная расшифровка может

мозги натурально “перегрузить”, утробив нахрен.

— Наставляемый чародейскому воздействию не подвергается. Согласно вашим указаниям, Веледум Велесович, — с соответствующей “задержкой” оттелепатил я.

И продолжил отскакивать, острекаливая андрогина по загривку. Вот тоже — биомаг перекачанный, блин! Стрекало — это БОЛЬНО! Ему прилетает по шее и иглам затылка, другие родовичи после второго удара скорченные бы на земле подвывали. Просто слишком больно, без вариантов. А этот только мордашкой андрогинной исказился и... плачет. Блин, жалко даже, признал я.

— Довольно! Наставляемый Ладодуб, вы должны были понять, что Стрислав Стрижич в данном поединке победил.

Парень кивнул, носом шмыгнул, глаза вытер.

— Вы молодец, Ладыч, — вполголоса сообщил я, кивнув.

Ну реально — впечатлил, с-с-студент, куда деваться. Более того, имел все шансы заломать, если бы я клювом щёлкал. Реальный молодец, без шуток.

Парень, продолжая шмыгать носом — как я понимаю, чистая физиология, в ответ на болевую реакцию, улыбнувшись, кивнул и утопал.

А мне оставалась девица, Ярышна. И смотрела на мою симпатичную персону эта девица ОЧЕНЬ недобро. Что, в принципе, понятно — Стрижичи архипелажные, в целом — набигали по широкому куску побережья. С теми же Семарглычами, например, тоже резались с заслуживающим лучшего применения энтузиазизмом.

Но Ярычи в плане “Стрижичами обиженные” занимали почётное первое место. Например, Индрики в Империи были только у Ярычей, настолько люто резались ребятки с родичами. Даже на Архипелаг несколько раз наносили “ответный визит вежливости”. Люто огребли, но отступили, а не полегли нахрен, что показатель.

И вот пырится на меня эта девица своими янтарными глазищами, как будто собирается дырку прожечь. Вообще — может. Не лучи, а “солнечный эфир”, этакое эфирное извращение именно с лучами солнца. Чертовски мощное, но днём, как понятно.

Как я понимаю, резня с родичами у ребяток происходит по принципу: Стрижичи набигают в ночи глухой, Ярычи вяло отбиваются. Потом начинается утро, ну и набигающим наступает звиздец. Если не свалили в море, конечно.

Но в данном, конкретном случае — злобное зыркание Ярышны несколько напрягает, вне зависимости от обоснованности.

— Можете использовать в этом бою чародейскую силу, Стрислав, — аж расщедрился на дозволение Веледум, показав, что он всё же препод.

И неплохой, прямо скажем, признал я. Засранец, правда, заносчивый, но это терпимый недостаток. Учил он, невзирая ни на что, неплохо, судя по мной услышанному. И “руку на пульсе держит”.

— Но не подвергайте жизнь наставляемой опасности! — дополнил он.

И не собирался, блин, красноречиво промолчал я. И стал поджидать Ярышну.

Девица подошла, всё так же буркалами меня сверля. И закрутила кладенец — грамотно и правильно, как в лучших домах.

То есть, расслабленно стояла, тогда как кладенец бешено метался в передней полусфере, неритмично притом. Учитывая показанную мной скорость — девица разумно не собиралась в ней со мной соревноваться.

И, не отводя ненавидящего взгляда, начала эманировать эфиром. Ну а я закономерно

заинтересовался, что за гадость мне Ярышна готовит.

Вошёл в медитацию, запустил Архив, проверил. Поёжился и аж вслух, хотя и в эфире, выдал веский диагноз:

— Совсем ёбнулась девка!

Дело было вот в чём — эта гневливая дурында использовала силу Ярилы. Лучи солнца, куда деваться, как ей и положено, эфиром завязываемые в антинаучное надругательство.

То есть, на текущий момент, над нами формировалась... ну скажем так, аккумулятор солнечных лучей. Фотоны от светила напитывались эфиром и замирали “в готовности”. Вообще — для магии это надругательство нормально, эфир как раз и не давал остановленным фотонам перестать быть, давая им массу покоя.

Ну и для Ярычей подобное в целом нормально. Просто дурында... ну прочих с-с-студентов не заденет, разве что опалит чуток. А вот в фокусе разряда этой манифестации — мегаканделы, а то и гигакандеры. Запредельная температура и прочая веселуха. Безусловно, не лазер — но с теми мощностями, что собирается обрушить на квадратный метр песочка со мной поверх — нахрен не надо когерировать этот поток. И так прожарка гарантирована.

И ладно бы мне — дуре-то тоже звездец неминуемый, несколько тысяч градусов и лужа расплавленного песочка гарантирована, а она в паре метров. Так что в данном случае — ёбнулась девка, по другому не скажешь. Видимо, Стрижичи близких изрядно проредили или что-то такое.

Ну да ладно, а что мне с этой гастеллой женского полу делать-то? Кстати, Велесыч доспехом на девке дёрнулся, но делать ничего не стал. Разумно и то, и то: явно хотел манифестацию прервать, девку вырубив. И не стал, потому что не поможет — девчонка эфирный орган выжимала, и манифестация уже работала.

Тут, скорее укрепить и защитить... но с последним Велесыч возиться не стал, очевидно, представляя мне самому с гастеллихой разбираться.

Ну, делать тут нечего, надо вытаскивать себя. И дуру эту тоже: тут вопрос даже не её отношения — видно, что отбита на всё междушье. А вот показать охренительное блааародство “Имперских Стрижичей” студиям не мешает. Ну полегче, может, будет Родичам не архипелажным, не лишнее.

Ну и жалко её, если совсем уж честно: молодая девка, такой жить и жить.

Так что прикинул я сроки, время, прочность позвоночника, ну и окутавшись плоскостями воздуха, рванул по дуге к дурынде. Сместился за спину, ухватил за конец стрекала защищённой воздухом рукой, захватил стрекальной петлёй шею гастеллихи и, до боли в мышцах, оттолкнулся, тягая нашу конструкцию от запустившейся манифестации.

Девка ещё в полёте задёргалась и сомлела — позвонки выдержали, как гаррота стрекало вышло не слишком эффективное, но чисто болевой шок. Ну а что, определённый педагогический звиздюль нужен, а стрекалом по горлышку — самое то.

Манифестация, тем временем, успешно завершилась: особого “луча” не было, так, довольно бледный поток. Правда по песочку отжёг он душевно, тот натурально закипел, светясь белым светом.

И от этого ещё прикрывать, блин, посетовал я, прикрывая нашу двоицу от настигающего жара.

Веледум в секунду возвёл песчаные стены, прикрывающие прочих студентиков. Ну а я сбросил слабо трепыхающуюся девицу на песочек, ну и принялся проводить оценку нанесённого моей ценной персоне ущерба.

Выходило, что не особо я пострадал — так, пара лёгких ожогов предплечий, сами сойдут за считанные часы.

Бросил взгляд на Ярышну — красна девица, как она есть. Мордочка с ровным ожогом первой степени. Ну, заслужила, куда деваться.

Кстати, муляж биодоспеха из песочка явно выполнял функцию “колодок”, тогда как тренировочный кладенец рассыпался песком хрен знает когда.

— Яромила Ярышна, вы только что совершили посягательство на жизнь академического служащего! — высунув не менее красную, чем у Ярышны, морду лица, заорал Велесыч.

— Претензии не имею, Веледум Велесович. Не справилась родовишна с силой родовой — бывает, — подал я голос вслух.

— Кхм, гррр... — натурально зарычал Велесыч. — Что ж, Яромила Ярышна, Стрислав Стрижич в вашем проступке покушения не усматривает, — на что я с улыбочкой бодро покивал. — Однако! — воздел перст он. — Нарушение правил Академии налицо! И наказание за него вы отбудете в полной мере!

Ошалевшая Ярышна, по-моему, толком его не воспринимала, валяясь на песочке. На меня смотрела, глазищи не отводя. Интересно смотрела, я аж залюбовался — ненависть и искреннее удивление. При учёте выразительности мимики беловодцев — очень занятно выходило.

Впрочем, пыриться я на девку вскоре перестал, подтопав к пышащему жаром кому стекла. Начал его воздушными плоскостями выковыривать, но послышался громopodobный, хотя не без одобрения, хмык. И стеклянная глыба, силой Велеса влекомая, нахрен укатилась с площадки. И песочек в порядок пришёл.

— Вы, Стрислав, понимаете, что сие было не неумение, а покушение? — профессорски выдал Велесыч, когда нахрен разогнал студентов.

— Вы не поверите, Веледум — понимаю. Но девке жизнь ломать из-за глупого порыва... Да и хер бы с ней, честно вам признаюсь, — решил я не кривить душой. — Всё ж, наставляемые сие видели. И когда академическое обучение завершат — легота Стрижичам будет. Небольшая, да и будет или нет — Стрибог ведает. Но всё же, — развёл я лапами.

— Кхм... ну... грхх, — выдал замечательную по своей информационной наполненности фразу Велесович. — Право ваше, Стрислав, — подытожил он. — Следующий поток — также первого круга наставляемых. А после — второго, там уже и воздействиям на наставляемых чародейским — моего запрета нет. Но наставляемых...

— Не калечить, не убивать, и прочее. Я помню, Веледум, — озвучил я, после чего Велесыч вновь порадовал мой эстетизм разливами кумача на физиономии.

И, подтверждая поговорку, что первый блин — комом, второй поток с-с-студентиков лично мне проблем и неожиданностей не доставил.

Был Стрижич, кстати, немного постарше прочих, очевидно — из-за “выслуги”, но парень со мной спарринговать не рвался, так что я его присутствие просто отметил.

Спарринговальщики прочие же были плюс-минус гимназического уровня, ни волевых андрогинов, ни гастельных девок не наблюдалось. Так что повалял слегка военов и воительниц, острекалил по шеям, да и всё. Ну и лекцию Велесыча послушал — такая, небезынтересная. Не без спорных моментов, конечно. Но и небезынтересно, факт.

А вот “второй круг” меня как обогатил натурными наблюдениями, так и ни хрена не впечатлил: наблюдением именно “боевого” применения спарки “нейтрализатор эфира-круг”.

Ну а не впечатлил результативностью: всё равно ме-е-едленно. И КПД режется ощутимо, хотя, как я и предполагал, в Академии давали схемы “перекачки” эфиром круга, так что не практически шуточные гимназические выходили.

В плане владения кладенцами же было заметно получше. Но на мою “отпрыгнул, увернулся, поймав на противоход” ловились второкурсники исправно. Да и из семи “поединщиков” после первых трёх — никого не осталось. И никто в “струсивших” перстами не тыкал и не обзывался, так что молодцы, с-с-с-тудентики.

А потом, после сваливания третьей группы, начал я теребить Велесыча. На тему — а всякая там дуельщина и сулиманщина?

— Это, Стрислав, на премудростях поединка, — поморщился Велесыч. — Учатся там те, кто в чины канцелярские тщится. Все кто в бою побывать думает — у меня, — аж надулся он. — И, Стрислав, хочу вам сказать, что вы меня удивили. Но завтра наставляемые будут третьего и пятого, — воздел он перст, — круга! И кладенцы у них не потешные. Так что добрый вам совет...

— Благодарю, значит буду с кладенцом, — слегка кивнул я.

— Таким вот образом, — пожевал желваками Велесыч. — Да, я, Стрислав, в учебные залы, — потыкал он лапой. — Если желаете — можете послушать, об ухватках военных, хитростях.

— Непременно послушаю, Веледум, — поклонился я.

Ну а что — невзирая на засранство, показал себя пока Велесыч преподавателем неплохим. Только засранцем.

— Однако, коль не возражаете, хотел бы я заглянуть в Библиотеку Академическую. Мечта с детства, — на что Велесыч, хмыкнув, кивнул.

— Как пожелаете, Велеслав. Библиотека — тыкнул перстом он в приземистый купол. — Светлица для служащих, — тыкнул он в довольно стандартный коралловый домик.

Таких в столице было немало, я внутрих не бывал, но судя по окнам и прочему — многоквартирник, как он есть.

Ну и потопали мы в разные стороны — Велесыч наставлять с-с-студентиков всяческих, как не только не убиться самому, но и подчинённых загубить не совсем уж без толка.

А я направился к куполу библиотеки. Куда меня беспрепятственно пропустил престарелый, заслуженный ветеран библиотекарства, Лихыч. Главное — не привыкнуть, сам себе хмыкнул я, да не ляпнуть в разговоре. Неловко может получиться, да.

Буркалы престарелого пучеглаза таинственно сияли в библиотечном полумраке... И всё. Ни консультаций, ничего подобного, как любезно сообщил мне дедулька. Вот библиотека, каталогов нет, ебитесь, Стрижич, как вам благоугодно.

Библиотека, кстати, внушала — полусферу занимали четыре яруса, буквально забитые стеллажами с листами.

Ну, итадакижрать, потирая лапки, сам себе сказал я с улыбочкой. Правда, появились у меня опасения, с моими замашками, не морфирую ли я в глазастое, щупальцастое и библиотечное?

Впрочем, ничуть не хуже даймона из тьмы и льда, сам же отверг я опасения. Ну а в щупалах есть своё, тентаклистое очарование.

И занимался я вот чем: подходил к стеллажу, пыхал эфиром — кстати, практически незаметно. Ну и Архивом копировал закорючки, именно как закорючки. Учитывая “формат” хранения данных на читальных листах — вышло зашибись, отметил я. Правда, Архиву

придётся в данные переводить, но справится. А я ещё контекстный поиск прикреплю, потирала эфирные лапки моя любознательность.

И выходило, что мне таких библиотечных походов надо ещё два, чтоб вытащить из жадин академических знания подчистую, бугагашеньки, умеренно поликовал я.

— Нашли, что искали? — со скрипом древних фолиантов, но и не без ехидства, спросил библиотекарь на входе.

— Ищу, думаю когда-нибудь — найду, — выдал я, снимая читало с носа.

Ну просто таскаться по библиотеки часами — реально слишком подозрительно.

— Двери Библиотеки Академии открыты с рассвета до заката, — прошелестел дедок.

На что я кивнул, да и пошёл к общаге для служащих. Последняя была всё же “многоквартирщиной”, правда, комната была метров в тридцать квадратов, часто утыканная биоартефактами — от сортира до варила.

Ну, впрочем, я тут не надолго, да и не каждую ночь буду, заключил я, бухаясь на моховую кровать.

Запустил Архив на распознавание собранной информации, да и решил поспать — не помешает.

22. Небывалое вежество

И выпался я, в том числе и в эфире. Была, конечно, довольно естественная потребность исполнять дикарский танец вокруг терминала Архива и вглядываться в каждый разобранный информационный блок. Но не слишком разумно выходило, да и самодисциплина — вещь не лишняя. На сбор всей библиотеки понадобится ещё два дня после занятий. И ещё день на окончательное приведение собранного в удобоваримый вид. Вот тогда, спокойно, можно и нужно с добычей знакомиться, а не танцы дикарские исполнять.

В общем, проснулся я, сгрыз припёртый служкой пожрать. В очередной раз убедился, что девчонки у меня замечательные — на фоне их подготовки хотелось прихватить принесённую фигию и на голову службе вывалить в знак протеста. Хотя сносно было, если не придираться.

И попёрся я на тренировочное поле. По дороге обменялся кивками с несколькими родовичами — очевидно, тоже ассистентами и прочим подобным. Но ни времени толком не было, ни желанья к беседе встречные-поперечные не проявили, так что покивали друг другу и разбежались. Что вот ни разу, почему-то, не расстроило: и так дел уйма, а тратить время на праздную болтовню нет никакого желанья. По крайней мере — пока, а что дальше будет — посмотрим.

Дотопал до тренировочного поля, где уже торчал Велесыч, также приветствовавший меня молчаливым кивком. Я уж задумался было, не день ли тишины какой в Академии. Но Велесыч кивнул на травяную поляну, где я углядел кучу биодоспехов и кладенцов.

— Учебный инвентарь, Стрислав. Но доспехи настоящие, как и кладенцы, — убедившись, что я разглядел указанное, выдал Велесыч.

— Ну и неплохо, Веледум, — пожал я плечами, подходя к ближайшему биодоспеху. — Кладенец свой использую?

— Как вам угодно, Стрислав, — вновь выпучил глаза и покраснел дядька.

А я задумался — ему в удовольствие буркалы пучить и краснеть? Ну блин, очевидно же — я его чинопочитать и родовить буду только взаимообразно, отчётливо я это продемонстрировал и вообще.

Видно, и вправду нравится Велесычу пунцовать физиономией и очами пучиться. Ну, пусть пунцует и пучится, я не против, окончательно решил я.

Биодоспех, как и кладенец — вещь, в принципе, универсальная. В управлении ими больше важны команды, отдаваемые носителем, ну а они зависят от опыта. Есть, правда, тонкости — в своём мне было бы всё-таки удобнее — урезанные даже не мозги, а рефлексy “подгоняются” под носителя. То есть, новый биодоспех не хуже, но будет реагировать чуть медленнее. Вроде и не критично, но определённая задержка неприятна.

Впрочем, варианта смотаться домой за своим у меня нет. Хотя, пойду навещать Индрика — прихвачу всё-таки свой. Пусть будет.

— Нанесение наставляемым... кхм, помните, — начал было парить мне ум, но запнулся, узрев мою физиономию Велесыч. — Поединки потешные, наставляемые в курсе. Но, ежели повторится ситуация с Ярышной, — поморщился дядька, — действуйте на своё усмотрение.

— Очень ценное указание, — покивал я, насладившись новыми оттенками кумачовых переливов.

А пока студентики собрались, ну и слушали велесычевы речи, я прикидывал: какую всё-таки роль играет этот тип в Паучатнике? Ну вот не верится, что “Воздушного Владыку” скинули на постороннего типа, временного агента. И поведение Велесыча... ну вот если считать всех кругом дурачьём, то просто напыщенный засранец с профессурой головного мозга.

А вот если подумать головой, то выходит, что дядька может, конечно, засранец. Только засранство своё он проявляет довольно грамотно, в плане выявления реакций. То есть, составляет психопортрет, проверяет реакции.

В принципе — пусть составляет. Мой “внешний образ” вполне соответствует “внутренним потребностям”, так что ничего страшного. Но вот относиться к нему так, как постоянно хочется, в смысле как к болвану — явно не стоит. И всё-таки за своим поведением и словами пристально приглядывать. Не в плане не говорить мудрости всякие и прочее — позлословить можно и покруче, чем я уже злословил. Да и не злословил я ещё, прямо скажем, так, наполшишечки. Но делать это не из любви к искусству, а по делу.

И вот начались в процессе лекции поединки. С болванами песчаными, весьма бодрыми тварюшками, как показала практика. А ко мне подтопал Хорсыч, слегка поклонился, ну и выпустил кладенец.

Я в ответ кивнул, слегка свой кладенец приспустил и стал ждать — нападать никакого желания я не имел. Хорсыч ухмыльнулся... и буквально “взорвался” атаками.

Кладенец рубящим снизу ударом. Пасть Хорсыча потоком пламени, да ещё и начал он какую-то фигню кругами творить, правда, всё равно относительно медленно.

Неприятная атака, отметил я в полёте-отпрыге, блокируя поток пламени воздушной плоскостью. Плоскости, закономерно, настал кирдык, но и Хорсыч — не ранцевый огнемёт, так что факел спал.

А вот круг, начал анализировать я, похоже, гравитационное воздействие, локальное увеличение гравитации. Этак он меня маневра лишит, придётся либо сливаться, либо наносить урон, чего делать неохота. Так, ну, положим, кислород я использовать не хочу — и ультима ратио, да и вообще не стоит паучатнику вообще и Велесычу в частности его видеть. Но вот мои наработки с ангидридом — самое то. И, кстати, эта кислотная прелесть имеет возможность локального воздействия, а не выжечь всё в пепел.

Так что, в полёте же, сделал я кладенцом выпад, заблокированный Хорсычем. Кстати, вперёд он не рвался, но тут мы поможем, хмыкнул я, формируя сзади парня облачко ангидрида. Хорсыч на манифестацию отреагировал, но опасности не усмотрел. Стал приглядываться к уже стоящему мне, думая, как меня воевать, и тут у него пригорело. В самом прямом смысле — затылок и доспех стали прожариваться кислотой.

Реакция была ожидаемой — парень рванул вперёд, из области поражения. Ну и нарвался на тройку ударов кладенцом плашмя.

— Признаю своё поражение, — выдал он.

— Стойте, Хорсыч, — придержал парня я. — Надо удалить последствия чародейства.

Ну и счистил я с его затылка и доспеха остаток кислоты воздушными плоскостями.

— А что это была за отравка, Стрислав Стрижич? — с искренним интересом спросил парень.

— Я — Стрижич. И это — мой воздух, — честно ответил я.

По-моему, парень не слишком мне поверил. Но шушукание в компании “поединщиков” мою позицию принимало — народ закономерно ничего, кроме “Стрибожьей силы”, не

чувствовал.

Следующий поединок был с младшей родовишной, Домишной. По-моему — гибрид имперцев и Ладычей, причём именно этот гибрид был силён и без всякий прошитых эфирных программ: усиление разума и тела, что девица прекрасно продемонстрировала. Не желая подставляться, как Хорсыч, она постоянно перемещалась, атакуя кладенцом, уклонялась от обмена ударами и на бегу готовила круги.

Вообще, я окончательно определился с отношением к местной магии кругов. Точнее, хер знает, насколько “местной” — футарк Беловодью нифига не автохтонен. Скажем так, используемой универсальной магии. Она базово и системно не может быть конкурентом прошитым “рефлексам” эфирного органа старшего родовича. Вот никак — низкое, относительно, КПД. Время наложения чародейства — долгое, как ни крути — всё равно долго.

При этом — поливариантность воздействий. Та же гравитация — очень действенная манифестация. А, главное, всё равно гораздо эффективнее, чем удары относительно “сырым” эфиром младших родовичей. И не только — у Ладычей своей боевой магии нет. У Ярычей в пасмурную погоду и ночью круги — тоже спасение.

В общем, выходит, что штука нужная и важная. И самому подучить не помешает, кстати — скорость наложения у меня будет повыше, это раз. И перекинуть эфир от даймона я уже могу, хоть и немного, относительно, но вполне сопоставимо с выработкой надсердечника.

А Домишна меня собиралась воевать “пескоструйкой”, как выдал Архив после анализа. Ну, небезынтересный вариант, хотя не самый разумный против Стрижича. С другой стороны, в окружении песка действительно не худший вариант.

Вот только мне совершенно не обязательно использовать эксклюзив. Воздушные лезвия использовать не стоит даже “ типовые ” — они либо не порежут биодоспех, либо “повредят наставляемую”.

Но вот воздушный взрыв — самое то, тепло улыбнулся я явно занервничавшей девице. Ну и подорвал у неё в ногах небольшой воздушный взрыв, подкинувший её на пару метров. Девчонка в воздухе довольно быстро сгруппировалась, приготовилась атаковать и... не касаясь песка, вновь подкинулась воздушным взрывом. Сделав ещё тройку хлопков, кинувших несколько дезориентированную противницу к ногам, я обозначил ударами кладенцом плашмя поражение.

С оставшимися противниками этого потока, как и следующего, прошло как по накатанной, с одним нюансом. Дыйич, электровеник ходячий, не столько заставил попотеть, сколько потрястись. Ну реально, шарашил своим ляпиздричеством, как сволочь, мегавольт фигов! Меня потряхивало в пяти метрах, невзирая на биодоспех, блин!

Правда, слился парень сам — он явно свои силы переоценил, и устраивая ЭМ-шторм по площади, в полминуты выложился по полной. То есть обессиленного парня я похлопал кладенцом, обозначая поражение, через минуту после начала поединка.

Но при всём при этом, был он прокачан, как сволочь, факт. Эфирный орган Дыйичей выходил какой-то аномалией нервной системы — то ли центральной, в плане позвоночника, то ли периферийной — времени толком идентифицировать у меня не было. Но по эфирной мощи парень не особо отставал от преподавателя Велесыча, что показатель. А учитывая Дыйишну в паучатнике — видимо, и вправду ребятам качаться проще других родовичей. Не стопроцентно, конечно — пару родовичей сложно назвать репрезентативной выборкой. Особенно если учесть, что одна из них — спецслужбистка, а второй — целенаправленно

задрачивающий боёвку студюоз третьего курса. Но высоковероятно.

— Стрислав, сейчас придут наставляемые пятого круга, — после ухода студентиков выдал Велесыч.

— Вы вчера говорили, Веледум, — напомнил я забывчивому профессору.

— Кхм, гхым, грыгх, — обогатил мой словарный запас дядька. — Да, говорил. И сейчас говорю, и извольте меня выслушать, Стрислав!

— Изволю, — с улыбкой покивал я.

— О, Велес! — закатил очи вместо традиционного выпучивания Велесыч. — Слушайте, я присмотрелся. Вроде бы вы не неумеха, хотя в сказки про вас рассказываемые, Стрижич, я не верю, учтите!

— Учту, — покивал я. — А что за сказки-то, Велесыч? А то я не в курсе как-то.

— Кхм... Неважно. Так вот, наставляемые пятого круга выйдут против вас не один на один. На этом круге наставляются они в командном взаимодействии. Я пригляжу и нанести вам ущерб не дам, — наглядно закрутил дядька песочек волной. — Это вам понятно?

— Что вы, Веледум Велесович, очей не сомкнёте, о жизни моей заботясь — это я понял, — озвучил я, на что Велесыч опять начал багроветь — вот вообще непонятно с чего. — А вот “не один на один” — это сколько? Все тридцать наставляемых потока?

— Нет, конечно, что за глупости! Три, много — пять наставляемых. Больше не допущу, просто не смогу контролировать, — невесторженно признал дядька.

— Ясненько. Сильно их не бить...

— Вы просто невыносимый тип, Стрислав, вам говорили?! Ну что опять за глупости несёте? Это не молодёжь из гимназии! А пять лет наставляемые, — надулся дядька, — лучшими наставниками родовичи! Вы не проиграйте хоть минуту, чтоб польза в поединке была!

— Ну да, понял, — хмыкнул я.

Нет, ну всяко, конечно, бывает. Но вот что-то мне слабо верится, что Велесыч за пять лет из с-с-студентиков сотворил лютых чудищ, которые меня за минуту разделают. Ну опять же, я, конечно, ограничен, да и убивать-калечить с-с-студентиков не стоит. Но если брать тех же “мушкетеров” — состоявшихся боевиков, на минуточку, то вот даже шансы против пятёрки я имею, в описанных условиях. Небольшие, прямо скажем — я не великий всенагибатор. Но есть, несмотря ни на что. И вот в лютых студентиков, которые круче осторожных дружинников... ну скажем так, с трудом верится.

Велесыч, в своих лучших традициях, очи попучил, мордой покраснел, зубищами поскрежетал (что-то новое, однако), но вдруг совершенно серьёзно выдал.

— Наставляемая Семаргдума Семарглышна будет на занятии присутствовать.

— Хм, — задумался я. — Ну, хоть посмотрю, кто такая и прочее. В поединке участвовать будет?

— Маловероятно. Я просто вас предупредил, Стрислав. И в первые минуты занятий укажу.

— Понял, перстом в неё не тыкать, очи не пучить...

— Какой вы понятливый ассистент, Стрислав!

— Вот видите, как вам повезло, Веледум! — улыбнулся я.

В ответ послышалось бормотание, несомненно, полное восхищением и радостью от такого замечательного меня. А матерные конструкции — от переизбытка чувств-с, я точно знаю.

В общем, припёрлись эти пятикурсники, мою персону им представили, как наперсника и сильного дружинника. И хоть со службы по нездоровью Стрислав Стрижич отставлен, но сила и хватки его велики.

Ну, это ладно, а я разглядывал цель “заказа”, хоть и исподтишка. И пару родовичей цели заказа — держались они вместе. Первое, потому что я Семарглычей до сего момента не видел, а было интересно. Ну и как на цель заказа тоже взгляд бросил, правда, чтоб запомнить больше.

И были Семарглычи довольно занятыми. Головные иглы у них были откровенно и ярко рыжего цвета, это раз. Кожа — алебастрово-белая, не мел Грея, конечно, но очень бледная, факт. И веснушки, по всему телу и лицам, россыпью.

При этом, вся троица Семарглычей, две девчонки и парень, отличались... излишним весом. Не совсем жиробасы, конечно, но на фоне среднего беловодца — реальные пухлики. Правда, несколько странно: у ребятушек были “участки” лишнего веса. То есть, у девчонок это смотрелось даже интересно — тяжелая грудь, не обвислая притом, такая, массивная задорно торчащая корма, складочка над пахом — в общем, девчонкам эта “пухлявость” скорее шла. А вот парню можно только посочувствовать — “спасательный круг”, как он есть: пузико, бочины мощные, толстые, смыкающиеся за спиной. И задница монументальная, как и у девчонок. То есть вся троица была как раз “треугольниками остриём вверх”.

Впрочем, в этом случае чисто мой эстетизм, сам себе напомнил я. В общем-то, мне и “стандартный” беловодец временами кажется несколько ксеносом. До момента, когда даймон из тьмы и льда не вспоминает, что он даймон из тьмы и льда, хех.

А почувствовать, что там в плане магии — толком не вышло. Фонить эфиром, как сволочь, мне никто не мешал, но дело в том, что фонили, как сволочи, все студентики. Так что хрен что поймёшь.

— А посему, предлагаю я вам, наставляемые, провести поединок в составе руки против Стрислава Стрижича. Дабы хватки усвоенные закрепить, силы свои проверить в бою, от настоящего мало чем отличного, — вещал тем временем Велесыч.

— Против одного, Веледум Велесович? — с отчётливым скепсисом выдала девица из младшего рода.

— Против одного, Щурмила. И вас лично я до поединка не допущу — ваши успехи нахожу недостаточными. И толку ни для вас, ни для соучеников, от вашего участия не будет.

Ну реально: душа-человек и гений педагогизма, умилился я. До меня, правда, не дотягивает. Но у меня, надо признать, свобода манёвра пошире была, в плане: “научись или сдохни”. А у Велесыча глупости всякие ограничительные, типа вреда там, не убиения с-с-студентиков, да.

В общем, я отошёл к центру поля, приняв позу “непобедимого огородного пугала”. Так-то ещё много как её назвать, хоть белый хрен на конопляном поле, но если начистоту — просто встал на две ходилки.

А студентики закопошились, пятёрку из своих недр исторгли, от Велесыча благословение получили, ну и рванули биодоспехи насандаливать.

— Стрислав, да прекратите вы дуть, это просто безобразие! — возмущённо оттелепатило начальство.

— Не безобразие, Веледум, а получение информации о противниках.

— А вам не всё равно, Стрижич?!

— Представьте себе — нет, Велесыч, — ехидно оттелепатил я.

Ответа не последовало, очевидно, мои честные слова дурак-Велесыч воспринял за плевков в душу, а теперь занимался оттиранием несуществующих слюней.

А я прикидывал. Погибыч, Горишна — это из младших родов. Семарглна, правда не Семаргдума, а которая вторая. Дыйич, который меня уже заранее напрягал. И на закуску — Лихыч, который имперец.

Впрочем, зря я удивляюсь, сам себя остановил я. Имперцы в Академиях учились, как и прочие, просто не часто. А так — политика Империи, чтоб имперский род в блуднях, им организованных, участвовал своими родовичами. В общем-то — скорее уважения заслуживает, чем наоборот.

И вот, надоспешила эта пятёрка биодоспех, похватали кладенцы, выстроились в шеренгу из пяти физиономий, в пару метров между ними... И начал я напрягаться, не трястись, но в полноценный транс впал сходу: дело в том, что морда имперская, пучеглазая, сияя своими буркалами сильнее обычной “статики”, создавала очевидную телепатическую сеть. Между всей пятёркой, а это может быть... крайне неприятно, прямо скажем.

По сути, мне будут противостоять не пять студентиков, а синергия из пяти студентиков. Это даже без эфирных манифестаций ОЧЕНЬ неприятно. А с ними — даже совсем беда может быть.

Ладно, варианта три: с воплем “не догоните!” драпануть. И вправду, хрен догонят. Постоять, попыжиться пугательно, ну и за секунду до боя сказать: “я сдаюсь!” И, наконец, думать головой и действовать по обстоятельствам.

И несмотря на очевидные и многочисленные достоинства первых двух вариантов, выберу-ка я, пожалуй, третий.

И стал я, покачиваясь с ноги на ногу, отслеживать медленно приближающуюся цепь поединщиков. И из-за восприятия в транс медленную, ну и не торопились ребятаки, аккуратно шли.

— Стрислав, вы чем заняты? — с соответствующим подвисом выдал Велесыч.

— Жду атаки, Веледум, — честно ответил я.

— Да вас сразу же выбьют, болван! Поединка, даже короткого, не будет!

— Как скажете, многомудрый наставник Веледум. Может, от боя меня отвлекать перестанете?

— Леший с вами, Стрижич.

Вот же душа-человек. Хотя намёк интересный — “даже короткого не будет”, хех. Впрочем, ладно, есть у меня идея, придумал я, начав выпускать эфир не вообще, а аккумулируя этакое облако перед собой.

И ждал — тут чем ближе ребяташки будут, тем лучше. Но и не пропустить момент надо.

Ребяташки двигались равномерно и неспешно, и тут, не сбившись с шага, начали коллективное чародейство, явно направляемое имперцем. Собственно, чего я больше всего и опасался. Ну и позволять чего сотворить ребяташкам нельзя — на выходе вполне А-ранговая, с претензией на Эс-ранг может выйти.

А значит — время, отпустил я накопленную эфирную мощь. Ударившую... в песок. Поднявшую натуральную бурю, охватившую и меня и противников. А я сорвался вперёд — надо было студентиков из боя выводить по-быстрому. А вообще, внутри прозвучали слова одного старого гриба: “Честный бой, жёсткая борьба! МОЧИ!”

Вот реально, улыбнуло искренне, но ненадолго. А я начал звереть, точнее даймонеть. И

не без причины!

Эта засранная профессорина начинала КОНТРОЛИРОВАТЬ поднятый песок. И ладно бы, в сенсорных целях — это-то было понятно. Нет, эта земляная пидарасина МЕШАЛА моему продвижению!

Так, взял себя в руки, дал сам себе по рогам я. Пока это не покушение. Это засранство и, ВОЗМОЖНО, покушение. И, если “возможно” станет “точно” — сжигать гавнюк кислородом, ну или драпать, а потом думать.

А пока — пластины воздуха. Посмотрим, как твой писочег помешает Стрижичу, хмыкнул я. Ну и получил даже ускорение, ну а пыжинье Велесыча ни к чему не привело. Видимо, и вправду “студентикам подыгрывает” гавнюк, а не покушается.

По дуге зашёл копошащимся в тыл, ускорился и выбил, точнее, ухватил за шею кладенцом имперца и утянул в песчаную бурю, бугагашеньки. Сам пучеглаз совещание творил, ну и сенсорика была “вперёд” настроена. А воевал ты не в ту сторону, мысленно припечатал я пучеглаза, потерявшего сознание.

А вот без координирующего мозголаза у с-с-студентиков выходило кисло. Нет, не совсем тупили, конечно, но... Ну Дыйич начал хреначить разрядами по площади, подпалив заодно выматерившегося Погибича и взвизгнувшую Семарглшну.

Не насмерть, конечно, но ощутимо. Девица, кстати, на подпаление отреагировала как бы не на рефлексе, оставив на морде электровеника ссадину. А я понял, что это за жиры. Которые, на деле, отёки. Вода для чародейства, в собственном теле. Не много, но и немало, в общем — разумный вариант для магии эфирного органа.

Ну, впрочем, надо с-с-студентиков повергнуть. А то они сами повергнутся, друг об друга. Как-то неприлично выйдет.

И заскользил пустынный дэв, в моей, Стрижичевой, физиономии, между противниками. Вырубил Погибича простым ударом по шее, подорвал воздушный взрыв между срущимися Дыйчем и Семарглшной.

И чуть не получил в хребет от Горишны — затаилась, партизанка. Но пластина удар кладенца погасила, хоть и распалась. А мой кладенец сплёлся с девчоночьим в канат. А пока она дёргала оружку взад и клювиком щёлкала, рванул я к девчонке, ну и ударом по шее вырубил.

Так, осталось двое, электрогенератор бешеный, который пусть пока разряжается. Не электромонтёр я, на такие дуром переть. Ну и Семарглшна, которую и ведьмой крови назвать можно. Хотя, конечно, к магии крови её эфирное оперирование отношения не имеет. Чистая вода, с некоторой ностальгией вздохнул я.

Но дело надо делать, а не ностальгировать. А девица... а молодец, оценил я. Встала, собралась и окуталась этакой водяной паутиной. И кладенец наготове. Но опять ошибка, причём, похоже, стандартная — ноги не прикрыты. Так что лёг я на плоскость воздуха, как на сёрфинг какой, ну и рванул к девице. Не совсем к ней, рядом. Ну и кладенец вытягивал, так что меня девчонка, похоже, не заметила даже.

А вот кладенец, захвативший её лодыжки, очень даже. Протащило девчонку пару метров, сбilo манифестацию, я подскочил...

— Сдаюсь, Стрижич! — отбросила кладенец девчонка.

Ну... ладно, поверим, всё же поединок “потешный”. Но если что — сломаю что-нибудь. В процессе наставления, естественно, решил я.

И припустил за Дыйечем, который... просто убежал с поля, а сейчас снимал доспех.

Ну ладно, я в очередной раз Дартаньян. Все, соответственно, пидарасы. А Велесыч... На этих мыслях я ангельски улыбнулся зыркающему на меня засранцу.

Ну ладно, подожду. И подготовиться не помешает — дядька-то силён без шуток. А то есть у меня ощущение, что либо я буду бить профессорское рыло без сопротивления... Либо с сопротивлением, тогда и подготовка не лишняя.

Велесыч тем временем каркал студиязам певчей вороной, даже из песочка муляжи создал. Видно, всё-таки не только мне гадил, заслуженный засранец педагогических дел, но и мониторил, что и как творится.

На моё ехидное: “Веледу-у-ум Ве-е-елесы-ы-ыч,” — телепатией буркнул: “после занятия, Стрижич!” — Ну и всё. Ладно, подождём, всё шире улыбалась моя терпеливость.

Даже несколько перебрал, по моему. Как-то с-с-студентики на мою улыбчивую персону стали с опаской коситься. И отходить подальше.

Правда не все — Семаргшла, которая вторая, зыркала, но не отходила. Ну и хер с ней, махнул я мысленно лапой, не до неё.

Тем временем, занятие закончилось, студентики разбрелись. И тут Велесыч, ветеран засранства, выдаёт такое — хоть стой, хоть падай.

— Доспехи соберите с кладенцами, Стрижич.

Я это оригинальное предложение обдумал всесторонне, начал просто исходить эфиром, ну и ответил:

— Идите жоруну на хер, Велесыч.

— Вы совсем ополоумели, Стрижич?! Вы мой ассистент...

— А не служба, барахло носить!

— И вы загубили учебный процесс! Наставляемые ДОЛЖНЫ были победить, поверить в свои силы!

— Что вы говорите, Велесыч? А в вашу тупую голову не приходило, что такие вещи надо сообщать ДО поединка? Я загубил... своим ущербным чародейством вы и вправду чуть наставляемых не погубили — вы меня РАЗОЗЛИЛИ, — улыбнулся я.

— Вы совсем зазнались, щенок, — на удивление спокойно выдал Велесыч. — Надо порку устроить, не хочется дело из-за болвана губить.

— Вот просто мои слова, а вам их к себе стоит обратить.

На этом разговоры и закончились, потопали мы в центр песчаного поля. Вообще — засранец-засранец этот Велесыч. Типа поединок, только посреди напитываемого его эфиром не один год поля. Ну реально — скотина редкостная.

Хотя, не стоит забывать, что если я “не самый умный”, то...

Впал я в транс, просто отключившись от реальности — там и доли секунды не пройдёт, и стал считать и модели строить. Проверка, меня. На психологические реакции, возможности. Вполне может быть.

И Велесыч — не тупая профессорская задница, а хитрожолая профессорская задница. Впрочем, много это не меняет, кроме того, что ряд своих разработок являть ТОЧНО нельзя. Ну, или если явить придётся — то валить тогда наглухо при попытке выжить.

Впрочем, вроде не придётся. Воздух я насыщал эфиром долго, качественно. Велесыч хоть и морщился недовольно, но дышал. Так что “дуэль” выйдет так, как этот засранец думал. Только наоборот: на МОЕЙ территории, хех.

Вышел я из трансa, ну а Велесыч начал песчаными щупалами в мою персону тянуться. Вот реально — показуха и проверка. Он не идиот, я и видел и слышал. ВЕСЬ песок — его. А

он именно “тянется”. Ну да и хер с ним, заключил я, структурируя кислород в лёгких Велесыча.

Щупала через секунду опали, сам дядька скрылся в коконе бешено вращающегося песка. А я с интересом вчувствовался в творимое сильным магом противодействие... и ржал. Ну не совсем, но посмеялся. Дело в том, что Велесыч напитал область лёгких эфиром, очевидно, рассчитывая “сбросить чародейство”. Вот только к лёгким, как понятно, структурное уплотнение кислорода никакого отношения не имело. Потом попробовал сделать себе искусственную вентиляцию лёгких — как понятно, опять без толку. Ну и стал заваливаться, а я напрягся.

И не зря — несколько песчаных кольев буквально подкинули меня, разрушив воздушную плоскость. Чёй-то, как-то, мне на песочек не хоттся, не без иронии отметил я, формируя плоскости-планеры, зависая метрах в трёх над поверхностью.

Тем временем песчаный купол опал, предъявив Велесыча, порадовавшего очередным оттенком егойной физиономии. На этот раз — чёрной, вот какой редкостно разноцветный тип.

Повзирал на меня он, значит, стекленеющими глазами, ну и, видно, совсем собрался помирать.

Ну а в мои планы это не входило, так что отменил я манифестацию.

С минуту дядька дышал, как сволочь, промышленным пылесосам на зависть. Продышался и выдал:

— Прошу простить, Воздушный Владыка.

— Прощаю, — отмахнулся я, опускаясь на песочек. — Подобные проверки, уважаемый Веледум Велесович, чреваты смертями. Я не слишком кровожаден, но доводить мою миролюбивую добродушность — не стоит.

— Учту, Стрислав Стрижич.

— Ну и замечательно. С кем завтра занятия, Веледум Велесович?

— Второй и четвёртый круг, Стрислав Стрижич.

— Благодарю, до завтра, Веледум Велесович.

— До завтра, Стрислав Стрижич.

Какие мы стали охренительно вежливые, не без иронии думал я, топая с поля. Причём оба: прям Иван Иванович с Иван Никифоровичем, куда деваться.

И вот, топаю я, значит, прикидываю, что, похоже, в этом случае я прав. В плане — вокруг меня не идиоты, а меня проверяют. И результаты проверки... да мне, вообще-то, похер, в голос ржанул я. Библиотеку скопирую, да и нафиг паучатник с их проверками и прочими столицами. Ну... скажем так, скорее всего.

Но даже если нет: Воздушный Владыка, заносчивый хороший человек (это Велесычи всяческие — засранцы, а никак не я). Но вменяемый и договороспособный, если не борзеть. Так что тоже сносно, по большому счёту.

Предаюсь я этим мыслям, как вдруг чувствую: в кустиках неподалёку — родович. Это кто енто такой любопытный за нами следил, заинтересовался я, топая к кустикам. Так-то далеко, услышать без эфира — нереально. Да и факт “Велесыча поворачивания” — ну не сказать, чтобы однозначный, кустики далеко. Но кто енто такой любопытный — любопытно, вот такой вот каламбур, отметил я.

Даже приготовился догнать, если что. Но засадник кустистый не убегал, а даже приблизился. Хм, Семарглышна, отметил я. И чего тебе надо-то, задумался было я, но тут

порыв ветра мне “что надо” пояснил.

Э-э-э... задумался я, вгоняя сознание в эфир. Нет, ну в принципе — мне ещё близнецы “тонко” намекали на предпочтительный способ досуга студенчества. И как вариант “подобраться к цели” я рассматривал, в том числе и через трахен-трахен. Далеко не как основной вариант, благо с воздухом в чисто шпионском плане можно очень многое сотворить. Но допускал, факт. И тут на меня выносит Семарглшну в такой, ОЩУТИМОЙ охотке. Причём на меня охотке, запаховые маркеры чётко указывают.

И что мне делать-то? В такой ситуации или нахер девчонку сходу посылать, или сексом трахать. Вот как-то... и не хочется особо, скажем честно. Но, наверное, всё же, стоит. И прямо скажем — интересная она девица внешне, и вообще. Ладно, разберёмся. И феромонный ответ надо запустить, а то бардак, отметил я.

— Стрислав Стрижич, — с придыханием выдала девица, сложив лапки на полной груди. — Вы... такой сильный, такой... — закатила она глазки, фоня феромоном.

— Я такой, — покивал я, реально сожалея об отсутствии усов, ибо подкрутить в такой момент ус — просто константа вселенной.

— От страсти сгораю...

Ну не сгорает, но щёлка повлажнела, соски стоят, глаза с поволокой, отметил я. Ну и по причине отсутствия усов выкатил яйца — ну а что ещё делать?

Девчонка на факт выкачивания заулыбалась, ухватила меня за руку и целенаправленно потащила меня в рощу. Ну, хоть что-то новое точно познаю в обители знаний, отметил я.

Отмороженная порнуха.

Отвела меня девица на небольшую полянку с пробегающим ручейком, что меня несколько... насторожило. Всё же магичка воды, как-никак, так что начал я выделять эфир. Что девицей, похоже, принято было за проявление страсти. И, со стоном, присела она на корточки, приблизившись к моему паху, и начала быстрыми движениями языка ласкать то член, то яички. И глазищами зелёными на меня смотрит, такое, возбуждающее зрелище, отметил я.

Ну и член тоже отметил — из “полуготового” состояния вышел во вполне готовый режим. Девица удовлетворённо улыбнулась, лизнула мошонку, ну и взяла головку в рот. И, признаться, начала там языком вытворять такое... Хотя, сквозь волну накатывающего удовольствия дошло до меня, магия воды. Блин, было похожее.

Ностальгические воспоминания чуть не вышибли из меня всякую охотку, но как эфирный пинок по гормональным центрам, так и умелое скольжение губами по стволу, а язычком — по головке, не дало мне в самый интересный момент подло дезертировать.

А любовница, похоже, почувствовала заминку, ну и подключила руки, оглаживая мою задницу и бёдра, не прекращая минет, да и... хм, забавно.

По мне елозили, лаская спину и ноги, струи воды температуры человеческого тела. И вправду — забавно и довольно приятно.

Тем временем усилия Семарглшны привели к закономерному итогу — кончил я, как говорится, от души. Девица семя проглотила, вновь лизнув начавший опадать член, лаская уздечку, чертовски чувствительную после недавнего оргазма.

Член закономерно, после некоторой задержки, встал. И встала Семарглшна, развернулась ко мне тылом, широко расставила ноги, и вдруг согнулась напополам. Реально — напополам, сделав зрелище на её попку ну вот совсем интересным. Впрочем, согнулась она не без цели — протянутая рука потеревила меня по мошонке, ухватив за член. А

вторая... прикрывала щёлку. Ну, с учётом гарантированного залёта от родовича — логично, подумал было я, но был за хобот притянут и направлен в розовую дырочку ануса. Ну, тоже ничего, резонно заключил я, входя в тёплую и подёргивающуюся плоть. Семарглшна слегка застонала, разогнулась, ухватилась руками за стоящее перед ней деревцо, начала слегка подаваться мне навстречу, в такт движениям.

А я, совершая фрикции, всё-таки предался на некоторое время ностальгии. Ну механические движения “тудыть-судыть” не так сложны, а гормональные центры я через эфир взбодрил.

Ностальгия была по Джувии, девушке-дождю, которая... эх, неважно, вздохнул я, вернувшись в тело полностью.

И слегка офигел. Я, похоже, перебрал с гормонами, дошло до меня, в процессе размашистой долбёжки в краснеющую попку. Причём девице это, похоже, было не неприятно — плоть подёргивалась, охватывая и массируя член, попка подавалась навстречу, нанизывалась на меня. Сама Семарглшна даже не стонала — повизгивала.

Наконец, я кончил, причём реально приятно — тут и гормоны, и прочее... но девица с натуральным рычанием повернулась, просто вцепившись мне в пах, буквально всасывая опадающий член и мошонку! Заработала язычком, а я смотрел в совсем шалые глаза. Ну... ладно, ещё разочек можно, наверное, решил я.

Тем временем член пришёл в боеспособное положение, а девица, перегнувшись, как в прошлый раз, уже двумя руками, за мошонку и член, направила меня в своё лоно.

Хм, видно совсем от страсти поехала, бегло оценил я, стерилизуя остаток семени на члене. Ну, в принципе — можно, только дети нам с ней точно не нужны, решил я, начиная фрикции.

Видимо, “вагинальное воздержание” сказалось — у девчонки начали подгибаться ноги, она даже жалобно застонала, но джентльменский я подхватил любовницу под пузико, продолжая фрикции. Ну и грудь поласкал немного — всё же в мире небольших и плотных грудей такое богатство было редкостью.

Любовница постанывала в такт фрикциям, лоно текло просто потоком — и по ногам девицы, и по моим текли потоки. И сжималось лоно чуть ли не сильнее, чем попка — я вообще не удивлюсь, если я у девчонки вообще первый, не через задницу.

Подожли мы к закономерному финалу, и тут Семарглшна меня почти напугала — сжала стенками лона член так, что я на миг забеспокоился, а не раздавит ли. Но не раздавила, а на оргазме это сказалось скорее в плюс, оценил я.

Подхватывая на руки падающую с блаженной улыбкой девчонку. Положил на травку, прилёг рядом, пожмякал сиськи — поулыбалась, но в себя не пришла. Ну и призадумался на тему — а дальше-то что?

Размороженная порнуха.

23. Неполюценный дар

Развалился я, значит, рядом с блаженно сомлевшей Семарглышной, и поглаживая её тяжёлые груди (ну под руку подвернулись и вообще), стал думать.

Во-первых, я несколько переборщил с гормонами, и причина тут в улучшенной нервной системе. То есть, после оптимизации и перевода тела на прямоточные элекфронеуроны, без химических извращений, контроль над телом и гормонами, даже приправленными эфиром, оказался на таком уровне, что я смог их игнорировать, оставаясь в эфире. При этом, я об этом и не знал до сегодняшнего трахен-трахен: партнёрами моими были только Ола с Любой, а с девочками я любовью занимался с самоотдачей и в удовольствие.

И вот, я значит ностальгирую, думаю, бёдрами двигаю, весь из себя отстранённый, дав отмашку надсердечнику и гормональным центрам “шарашить”. Эти ребята мне: “есть, хозяин!” — ну и шарашат. Отсечки нет, феромоны, наверное, ножом резать можно было, плюс предэякулят с соответствующим наполнением. Ну и у девчонки, которая, очевидно, рассчитывала на лёгкий романтический перепихон с победившим её Стрижичем, гормональной бурей сорвало все заслонки и ограничения.

Конечно, верить в то, что я весь из себя такой охренительный мегапихарь, хотется, но это глупо. Да и “хотется” так, не сказать, чтобы особо.

А вот поможет ли с органами других родовичей мне эта особенность, задумался я, проверил модель. И обломался. Со временем, безусловно, “да”. Когда эфирный орган приживётся, нервная система наладит с ним вменяемую коммутацию, приуровится к взбрыкам нового органа. Но негативный пакет побочек щедро вывалится на меня в процессе привыкания, как я и рассчитывал. Обидно, но не очень — я и так решил химеризацией не маяться, а маяться даймонизацией.

Дальше, вот сейчас блаженно валяется, а через некоторое время отдуплится эта студенточка. Есть вариант вытереть пинус лопухом (ну, раз занавески нет), сказать, что всё было круто, ну и с гоготом ускакать в библиотеку. Но вариант не очень, прямо скажем. Не слишком этично, хотя это ладно — вопрос “секса для удовольствия, без обязательств” даже не стоит. Потому что между нами именно он и был, без вариантов и выкрутасов.

А ещё девчонка явно “приближённая” к цели заказа паучатника. Да и вполне может быть в курсе, что это за студенчески-сисистский клуб.

Так что да, есть вариант “трахен-трахеном” расплатиться за информацию, если вообще подобная “валюта” будет принята. И уж всяко лучше, чем пытками информацию выбивать, например.

Принята, скорее всего, будет — девчонка явно не от жуткого расстройства и неудовлетворённости с блаженной улыбкой пузырики пускает. Так что ждём, когда очнётся, ну и если выкажет желание “повторить” — соглашаемся. И это... аж захрюкал я, имя ещё узнать не помешает, да.

Ну не называл её Велесыч по имени, и не представлялась она, “страстью сжигаема”, хех. Так, дальше чисто статистическая информация, благо я Семарглышну эфиром и надышал, и, кхм, накачал её, во все дыхательные и пихательные.

Орган Семарглычей выходит шейными лимфатическими узлами. А вот секрет от них распространяется как по кровотоку, так и по лимфоносной системе. И отёки — именно “лимфатические запасы”, не просто жидкости для манифестации, но именно насыщенной

эфиром жидкости. Этакий достаточно увесистый аккумулятор эфира выходит, прямо скажем.

Что, похоже, компенсирует относительно долгую “раскачку” органа-железы. У Ладычей вот не компенсируется, ну и как боевые маги они ниже плинтуса, даже на кругах их младшие родовичи сделают. Правда, хрен успеют — их Ладычи на физике сломают раньше, но факт остаётся фактом.

А тут фактически постоянно боеготовая к “труду и обороне” вода. Собственно, моё постоянное поддержание работы надсердечника из той же оперы, помимо сенсорики: ему выходить на рабочий режим порядка секунды. Это не три секунды (примерно и на вскидку) Семарглычей, и уж тем более не десяток секунд Ладычей, но тоже слишком долго. Так что надсердечник у меня пашет, наполшишечки, но постоянно. И качается от этого потихоньку, тоже фактор.

Ну а у Семарглычей выходит боезапас, всегда готовый, и задержка выхода лимфоузлов в боевой режим не важна.

Пока я все эти моменты научно-исследовал, мысли мудрые думал, девчонка от эйфории отошла, на поглаживание сисек улыбнулась, потянулась, положила ладонь на лоно... и вскинулась, уставившись на меня. Не сказать, чтобы с ужасом, но испугом.

— Стриславушка, мы же... как же это, а что делать-то?! — заметалась девчонка.

— Не будет дитя, праздна ты, — слегка улыбнулся я. — Чай, не юнец я, первый раз с девой возлегший. Хотя желаешь — проверь, в обиде не буду.

Нахмуренная девица кивнула, глаза закрыла, ну и осуществила, похоже, естественно-инстинктивный запрос организму. По крайней мере, судя по месту зарождения эфирной волны, дошедшей до матки и вернувшейся. Я за этим следил без напряжения, поскольку моего эфира в любовнице было море. В принципе, мог бы и попробовать считать мысли, но с этим есть ряд тонкостей, причём именно с родовичами — частично эфирное мышление. В общем, например, чтобы Архив скачал информацию по памяти Стригора, при учёте фактически прямого подключения через надсердечник, ему понадобилось шесть часов. По телу в полчаса управился, полную информационную копию делаю, на минуточку. Ну и с неродовичами те же полчаса, при учёте напитки моим эфиром.

А вот если я захочу Семарглышны память занять... ну вот шесть часов, без роздыха, мне её надо трахать. Потому что мой эфир из неё активно вымывается — как я понимаю, естественный защитный механизм, смягченный в процессе коитуса.

Что-то, как-то, такая перспектива мне не очень. Я-то справлюсь, регулярно осеменяемое пейзажничество Лога подтвердит. Но вот девчонка... проще сразу пытаться — не настолько изощренный садизм выйдет. Всё же у дам-с несколько уязвимее, на износ, определённые детали, несмотря на родовитость и эфир. Разве что Ладышням может быть пофиг, это да.

Тем временем девчонка “внутренний отчёт” получила-осознала, взвизгнула, ухватила меня за шею, да и принялась целовать. Ну, ответил, куда деваться. Правда решил всё-таки некоторые моменты уточнить. И, не без помощи транса, не покраснев и в целом — с похерчелом поинтересовался:

— А зовут-то тебя как, Семарглышна?

Девица на меня очи зелёные выпучила, даже рот приоткрыла. Начала хмуриться, как вдруг шлёпнулась на землю и заржала, ручками-ножками болтая, взахлёб.

Ну и я умеренно проржался. И вправду смешно.

— Семаргларда я, Стрислав... Стрижич?

— Да не родови уж, что уж, — отмахнулся я. — Ну вот и познакомились... гыг, — не выдержал и заржал я, а девица подхватила. — Ладно, хорошо было, но дела у меня. Благодарю, Семаргларушка, — поклонился я, поднявшись на ноги.

— Погоди, Стрислав... а мы ещё любиться будем? — растерянно выдала девчонка.

— Мне понравилось, тебе тоже. Почему нет-то, пока я в Академии? — честно ответил я.

На что получил довольный кивок с улыбкой. Вот и славно. А то мне ещё доведка к девчонкам не хватало, вдобавок к очень “весёлым” переговорам с Семарглычами. Я, конечно, не трус, но нахрен орда таких кузнецов, факт.

И ускакал в сторону библиотеки. До заката время было, так что сколько успею — столько и сделаю.

Лабаз, полный знаний, всё так же оберегался престарелым имперцем, почтившим меня кивком, а в остальном отличий не было. Разве что несколько студентов с читалами (а может, и ассистентов — на них не написано) ознакамливались с литературой. Вот тоже морока, вздохнул я. Пришлось прихватить лист, ну и неторопливо мимо чтецов пройти, чтиво ихнее скопировав.

А то вот не сделаю — точно окажется, что важное, а будут эти листы непременно в уже скопированном.

Или не будут. Но так мне спокойнее, факт.

И до заката копировал стеллажи. На закате шелестом сухих страниц прошелестело послание библиотекаря: “Закат, Стрижич”. Ну я и выперся с овощебазы... то есть библиотеки. В принципе, может, и управлюсь за один заход, несмотря на пролюбленное сегодня время, прикинул я уже на пороге. Встал и призадумался.

Точнее — прислушался к своим ощущениям и состоянию. Поскольку я собирался сегодня навестить самого красивого Индрика, ну и девчонок, а за компанию. Но вот оно мне физиологически — как?

Организм бодро выдал “хозяина, давай больше всякого трахен-трахен, управимся!” Ну, особых сомнений и не было. В общем, потопал я не в общагу, а к проходной.

Покинул Академию беспрепятственно, заскочил в переулочек, снял браслет личины, ну и уже своей, блааародной и вообще, персоной направился в флигелёк. Застал девчонок, придающимся разгульному и безудержному чтению, и за попки под визги ухватил. Провизжались, порадовались, только хотели отчёты на меня вываливать, как я их обломал:

— Я на всю ночь, девы. А сейчас часок на Индрика потрачу, соскучился, зверюга. А потом посидим, потолкуем, да и не только.

Ну и заскочил в конюшню. Акул, в целом, радость проявил, выдвигаться готовность выказал, но поинтересовался:

— А на кого охотиться будем, хозяин?

— Да просто походим.

— Глупости какие, — бухнулся Акул на пузо. — Я лучше тут полежу.

— Вот точно на колбасу пуцу, — посулил я. — Скоро жопа, как у сома вислого будет.

— Не будет, садись, прокачу с ветерком!

Ну, забавно, в общем. Причём, как ни крути, а у нас с Акулом связь действительно близка к ментальной, а не биоэлектрической: сей ленивый скот прекрасно различает нюансы, когда надо, а когда можно и повыделываться.

И объехали мы Академию, аж тремя кругами. И даже развлеклись — я на Акуле

подпрыгивал на бегу, а он меня ловил спиной. Доволен был, скотин такой. Но уже на посыле домой, изволил понуть:

— Хозяин, а когда на охоту? Хочется очень, а всё сидим в этом лесу дурачком!

— Скоро, Индрик, — прикинул я, признав правоту претензии. — Закончу дело и съездим, поохотимся на кого.

— Хорошо, — довольно заключил Акул и утопал в стойло.

А девчонки встретили меня на скорую руку приготовленным пожрать. А после перекуса Люба с серьёзной мордашкой протянула мне бумажный документ с костяной печатью.

— Я, Стригор Стрижич, охранителей наняла, как вы велели. Но потребно, чтоб вы руку приложили.

— Прочту только, — ответил я.

И выходило, что некая чета Щурычей охраняет моих служанок “при выездах за товарами и возвращения с ними”. Нет, всё неплохо, но пара... А по деньгам и недорого, вроде.

— Брат с сестрой? — потыкал я в имена.

— Супруги, Стригор Стрижич.

— А поподробнее?

А поподробнее вышло, что семейная чета явных боевиков, лет под пятьдесят, а то и более, накопили на сытую жизнь в столице. Но, то ли скучают, то ли денег не так много и не лишние. И нанимаются только в Стольном Граде, чем невысокая цена и оправдана — тут, как бы, работы наёмникам особо не найти. Только охрана разного вида и типа. В которое “людишки с деньгами, ценные товары закупающие” вполне укладываются.

— И любят друг друга! — пискнула Ола, веско покивав. — Видно такое, Стригор Стрижич.

— Ну и х... хорошо, — отметила моя куртуазность. — И выбор и вправду неплох.

Приложился я к печати эфиром, закорюку поставил.

— А вот что мы, Стригор Стрижич, купили...

— Неважно сейчас. Вообще — важно, но сейчас — нет, — выдал я. — Я вот тоже думал поговорить, но... Вам-то выспаться надо будет.

— Мы потерпим! — вскинулась Ола.

— Потерпим, Стригор Стрижич, — решительно кивнула Люба.

— А вот мне не надо, чтоб вы терпели, — обломал я этих героинь. — Я вот желаю, когда закончу дела, с чувством и расстановкой разобраться с вашей добычей. И с вами посоветоваться тоже. Ещё я желаю, чтобы мы с вами сейчас к ложу перебрались. И вы желаете, — тонко намекнул я на висящие ароматы. — А потом вы — спать. Охранители-то с утра явятся?

— С утра, Стригор Стрижич.

— Вот, хоть поспите. Всё, хватит время терять. Соскучился, — барски заключил я, прихватил девчонок за места интересные, да в спальню их уволок.

Сопротивления, впрочем, мне не оказывали. И даже ручьёв слёз мои бесчеловечные надругивания из стойких девиц не исторгли. Но притомились, так что уснули.

А я внизу, на кресле, тушку бросил — пару часов поспит, всё не лишнее. А сам стал из эфира канал торить. Ну... так себе, конечно, выходило, если честно. До полноценной манифестации в материальном плане мне как до Лога, только раком. Но канал подачи даймонического эфира был, он шёл, правда, всё равно выходило через задницу: надсердечник тьмой и льдом не оперировал от слова “совсем”.

А структурированный эфир до материального плана не добирался. То есть, я-даймон создаю лютый луч тьмы. Ну и сотая часть, по логике, должна проявиться при передаче в материальном плане...

А вот хрен! Сотая, факт. В виде неструктурированно энтропийного эфира, который ещё гасить пришлось, как известь какую, воздухом, тело подняв.

И со льдом та же фигня, но лёд хотя бы охладить-заморозить мог, а не облако энтропийной хрени, которая и моё тело повредить может, блин.

В общем, даймоническая напитокка однозначно выходила “для кругов”, инструмент подачи эфира — есть. А вот использования — ни хрена, так что круги.

В идеале — тьмы и льда, а не универсальные. Но тут будем смотреть, по результатам изучения библиотеки. В гимназической программе таковых точно не было.

А за полчаса перед рассветом прихватил я свой биодоспех подмышку, да и потопал до подворотни. Откуда, уже в биодоспехе, вышел Стрислав. И был беспрепятственно на территорию Академии служками допущен. Разве что не кланялись, как Веледуму.

Ну и потопал до тренировочных полей, где уже опивался Велесыч. Вообще, возникает ощущение, что дядька тут ещё до рассвета появляется.

— Блага, Веледум Велесович.

— Блага, Стрислав Стрижич, — без скрежетаний зубовных, рожи пунцовения и очей пучаний выдал Велесыч.

Вот, а то всё врут, что, мол, кислородное голодание мозга — вредит. Ложь, звиздёжь и провокация, экспериментально установлено! В нужное время, в нужном месте, в должном объёме — только на пользу идёт, факт!

— Предпочитаете свой доспех, Стрислав Стрижич?

— Предпочитаю, привычнее, Веледум Велесович... да бесовщина, давайте друг друга хоть не при наставляемых не родовить, у нас треть беседы на родовение уходит!

— Не имею возражений, Стрислав, — хмыкнул дядька. — Как ваше расследование?

— Продвигается, Веледум, — честно ответил я.

— Отрадно, удачи вам в нём. Кстати... а чем вы нанесли повреждения наставляемому Хормилу Хорсычу? — с искренним интересом спросил он.

Ну, данная часть — как раз “явная” часть моей “владычевоздушности”, а ссориться с дядькой, раз он говниться более не будет — смысла не вижу. Прикинул я, да и сформировал облачко в полметра ангидрида.

— Воздух, Веледум. Можете проверить, только не вздумайте вдыхать.

— Из ваших уст, Стрислав, слово “дышать” звучит как неприкрытая угроза, — хмыкнул дядька, аккуратно приближаясь к облачку.

Благо чувствительность к эфиру у него была весьма высокой, явно чувствовал. Постоял, обошёл, задумался. Покрыл кисть руки своей каменной кожей, аккуратно потыкал в облако. Безрезультатно, как понятно: для реакции нужна вода. А из кремниево-углеродной брони ангидрид водород не надёргает, при всём своём желании.

После чего Велесыч хмыкнул, да и тыкнул пальцем без брони. Закономерно получив дымящийся палец — отдёргнул сразу, ожог лёгкий, но “прочувал”.

— И это воздух, — задумчиво протянул он. — Я, признаюсь вам, Стрислав, думал, вы использовали алхимию.

— Как видите — нет. Просто воздух. И давайте на этом закончим, Веледум. У всех есть тайны и секреты, открывать свои просто так я не желаю.

— А не просто так? — тут же вцепился в сознательную оговорку дядька.

— А это уже вопрос обсуждения, взаимного интереса. Не за минуты до прибытия наставляемых, — развёл я лапами.

— Ваша правда. А на лекции мои вы не приходили, Стрислав, из-за своей силы? В чём-то оправданно, должен признать. Но не всё решает сила!

— Не в том дело, Веледум. И с удовольствием побываю, через пару дней. Пока несколько нерешённых вопросов в библиотеке и продвижение в моём задании не давало пока возможности, — на что Велесыч покивал, хрен, правда, знает, насколько поверив.

В общем — на удивление пристойно поговорили. Правда, тут может быть и как следствие опиздюливания — на человека это самое средство подчас чудодейственно действует. Так и банальное достижение этапа (вообще — вряд ли, скорее конкретного этапа) проверки “объекта Стрижич” финальной стадии, после которой быть бесючим говнюком у Велесыча просто пропала причина.

Припёрлись студенты, в этот раз Велесыч изволил давать уточнения, чего он хочет от каждого поединка. И “сливаться” не просил — что в целом и зря. Артистично повалиться оземь, подёргать ручками-ножками, повопить противным голосёнком о своих немислимых страданиях — мне совсем не в тягость. Ну, если ради дела, конечно, путь даже и не вполне моего.

Ну не просил — и леший с ним. Проблем не возникло, а я, кстати, начал отрабатывать потихоньку то самое “парирование кладенца кладенцом”. Всё равно, конечно, не слишком нужный навык: отскочить и уклониться, одновременно контратакуя — разумнее. Но это, пусть в редких случаях, бывает невозможно. Так что лучше уметь, чем не уметь.

После занятий наострил я лапы на библиотеку, но был перехвачен Семаргларой.

— Вы... ты где вчера был, Стрислав? — надула губы, вместо “здрости”, девица.

— Благого вам дня, наставляемая Семарглара, — холодно кивнул я.

Нет, ну я всё могу понять — но тут девчонка совсем берега потеряла. Устраивать “семейную” сцену фактическому преподавателю, при всех обстоятельствах, это... ну, в общем, мне мои нервы дороже, уж найду, как до цели и без этой истерички добраться.

— Прощайте, — кивнул я и потопал дальше.

— Погодите, Стрислав Стрижич! Вы же сами говорили...

— Что я не против повторения вчерашнего нашего времяпрепровождения, Семарглара. Что никак вам не даёт права, презрев вежество, домогаться от меня ответов о моих личных делах, — через плечо бросил я.

— Ну и леший с тобой! — обиженно буркнула она и утопала.

Ну... да и хрен с ним, махнул я лапой, труся к библиотеке. Где управился даже за час до заката, довольно отметил пахущий архив, ну и покинул обнесённый лабаз знаний.

А вот на пороге меня ждала вся из себя смущённая посылательница.

Ну начало-о-о-ось, протянул внутренний голос. Сейчас какая-нибудь варвара святючая начнётся, любовь, понимаешь, и ненависть в Академии...

Может, её по голове стукнуть, а потом сказать, что так и было? Спасительная мысль мелькнула, но капитулировала. Моя, всё-таки, джентельмена. Ну, некоторыми местами — уж точно. И совсем уж без повода стучать дам по голове находит нелюбезным.

— Я... погорячилась, Стрислав Стрижич.

— Благодарю вас, Семарглара, за столь интересное известие, — кивнул я.

— Ну простите меня, Стрислав Стрижич... я вас просто до полуночи у светлицы

ждала...

— И на кой? — уже несколько отойдя, уставился я на девуцу. — Охотка так быстро не нарастает, — экспертно заявил я.

Девчонка на “охотку” поморщилась — был сей термин более “медицинский” и “простонародный”, как ни удивительно. А вот родовичи предпочитали всякие “страстей полыхательство” и “вождедением снадательства”, что мне было откровенно смешно, соответственно, так я и не выражался. Я по-другому выражался, если что.

— Я не из этого... хотя и не откажусь! Я вас позвать хотела, у нас гулянка была, — буркнула девушка.

— Ассистента, на гулянку наставляемых, — чудом не хрюкнул я.

— Брезгуете? — подбоченилась она.

— С чего бы? — пожал я плечами. — Можно и сходить.

— И обиды на меня не держите?

— Нет, — ответил я.

— Тогда, — ухватила девушка меня под руку.

— Пойдём, — хмыкнул я.

В общем-то, Архив работает, и работать ему чуть больше суток времени Беловодья. Ну а девчонка не в особой охотке, но похоже, “не в жопу” понравилось, а с другими — опасается.

Так-то, сексуальные циклы предполагают четыре соития в месяц у беловодок. Согласно моим обширным наблюдениям. То есть, это “минимум комфорта”, при котором аппетиты удовлетворены. Правда, не будет партнёра — либида свернётся, тоже факт. У парней несколько сложнее, но два раза в месяц семяизвержение — уже вещь обязательная, не будет партнёрши — будет поллюция.

При этом, ежедневный секс несколько раз — вполне организм вытягивает, при наличии партнёра и пожрать, вне зависимости от эфира.

Соответственно, в этом случае сыграла роль новизны ощущений, ну и естественное опасение залёта. Со мной-то не будет, девчонка критерием истины установила. Вот и желает сладкого, ну а мне, в принципе, не сложно, благо и делать пока толком в светлице нечего, только дрыхнуть. Гонять тот же энтропийный и ледяной эфир я на территории Академии не буду, слишком рискованно.

В общем, отжарил я тройку раз Дару, да и послал её нахрен. Она, довольная, и упёрлась. Правда нахрен или нет — леший знает. А он — тварь та ещё, хрен кому что расскажет.

В плане занятий следующий день ничем не выделился, а я решил сегодня ничего не делать и ждать: до окончания работы Архива по переводу символов в информацию оставалось времени примерно до полуночи. И копошиться или из Академии выбираться — просто глупо. Нужно добытую информацию хотя бы в первом приближении оценить, а то не будет мне покоя.

Так что направился я с Велесычем на его лекции, слушал до вечера, у разных потоков. Довольно небезынтересно оказалось, ряд решений использования и взаимодействия из описанных — хрен догадаешься, факт. В общем, и время провёл, и знаниями обогатился.

Вернулся уже в сумерках в светлицу, присел и стал подпрыгивать и ожидать. Припёрся служка с пожрать, так что часть времени я подпрыгивал, пережёвывая пропитание.

Но, наконец, Архив выдал знак окончания процесса. С дьявольским гоготом я вырубил тело на койке и накинулся на добытое, максимально ускорившись в эфире.

А через недельку субъективного времени я чесал затылок, задумчиво постукивая свою

даймоническую персону по рогам. Итак, часть вопросов получили ответы. Но нихера не все, а часть полученных ответов порождали новые вопросы.

Но, для начала, в библиотеке Академии было три тома беллетристики. Явно Беловодья, явно до крушения цивилизации. Но. Первое, эти тома явно переписывали. Не цензурили, просто часть терминов явно и очевидно были переданы “как понято”. Упорная попытка разделить описываемых на “родовичей и людишек”, при том, что эфира описываемая цивилизация вообще не знала.

Да блин, я, например, понял, что за спутник, этакая зеленоватая звезда, бултыхается на орбите! Это, чтоб его, именно биообъект для пустотного существования, он косвенно описывался.

И вообще — социум трансгуманизма, с массой проблем, решённых именно биологическими методами, выправлениями несовершенных природных механизмов.

И вдруг — всё рухнуло. Из-за эфира? Так бред, это должна быть атака, сам по себе эфир не хороший не плохой, без медиумов он не способен на отупления и стирание памяти (ну или чего-то подобного). Нужны операторы, а операторы, на минуточку, должны это для чего-то делать. Ну хоть поймечь что-то, блин!

А у нас — ни рабских барачков, ни черта приличного, следующего после столь масштабной атаки. Боярщина позорная, с пучеглазыми в роли умеренного прогрессора. Кстати, возможно, что и к лучшему, что умеренного и неторопливого.

Это ответ с вопросами номер раз. Далее, куча кругов футарка, около десятка тысяч, большая часть — откровенное барахло, типа магии мыльных пузырей и подобного бреда. Но есть и пристойные. Но все переписаны под нейтральный эфир. Что, в свою очередь, можно исправить, но надо экспериментировать и проверять, с кругами вообще работать можно только **ОЧЕНЬ** аккуратно.

А единственный беловодский — и так мне известный конвертер. И всё, ничего более.

И по соседнему материку информации нет, как будто его и не существует, хотя география общеизвестна, а о его существовании даже Стригор знал.

И ничего, вот вообще, ни по генетике, ни по биологии. Атласы тварей, полевая медицина, в стиле “приложи к больному месту Ладыча”.

Ну и художественные описания в стиле “накорми производственный чан мануфактуры такой херью — получишь приبلуду такую”. А вот если накормишь херью другой, то и приبلуда вылезет другая. Ни откуда эти чаны, никаких других интересных подробностей.

В общем — очень неоднозначный итог. Даже учитывая кучу действительно небезынтересной информации, как раз в плане психологии, индивидуальной и массовой. Да и экономика была неплохо разобрана... В общем, оно того стоило однозначно, но.

Но надо будет, очевидно, после Академии попробовать договориться с Тенетницей о сотрудничестве. Раз искомого мной нет тут, значит есть в Имперской Библиотеке. Мне нужно хотя бы узнать, где она, чтоб знать, куда даймоном переть, если что.

Правда и там искомого может не оказаться — но тогда и в задницу эти “вопросы без ответов”. Ответы, конечно, не только “интересны”, но и важны: в плане перспектив существования. Если один раз неведомая хрень похренила миллиардную (минимум!) высокоразвитую биочивилизацию, имеющую, на минуточку, инструменты межмирового перемещения — Возвыситель в пусть дохлых, но свидетелях — то возможность повторного похрена ровно пятьдесят процентов.

Но если этих ответов нет, то и не сделаешь нихрена. А в качестве резервного

возможного места получения информации — сердце Голодной Пуши. При всей пиздецомности, есть у меня подозрения, что хрен что Пуша даймону сделает. А вот наоборот — вполне осуществимо. Так что вернусь в Лог, да и чем заняться найду, факт.

И да, надо заказ выполнять. И честно это будет. Ну и для перспективы сотрудничества надо, заключил я, уже зевая, причём даймоном: видимо, перенапрягся, пропесочивая массивы информации.

Так что надумал я всё это, ну и присоединился к сладко посапывающему телу.

24. Побережная дружина

И, кстати, не зря поспал: даймон-не даймон, а думалка от ударного поглощения массива информации и попытки её проанализировать скрипела, тупила и тормозила.

Проснулся я за час перед рассветом, ну и стал прикидывать, а что у нас дальше. И, вышло, что в Академии меня держат исключительно высокие моральные нормы, ну и прочие несомненные достоинства, которые мне было лень придумывать.

Даже лекции, в принципе — небезынтересны, но не особо мне нужны. Вот что-то, а вести, например, смешанный отряд родовичей к победе я не собираюсь. Пусть других водителей ищут, болезные.

Как и интегрироваться в систему имперских канцелярий: пусть работают чинуши, они чиновные.

А массив утыренной информации, именно в плане обучения, займет не один год неспешного вникания и практики: от кругов, с которыми я волей-неволей начну работать если не как с набором “букв”, то уж “слов” — точно. До как раз трудов политолого-социологического толка. Информации масса, но воспринимать её на веру, как абсолютную истину — глупо. А значит, надо одновременно и читать, и смотреть, как работает. Желательно — не на Логге, а уже на осуществлённом в Империи или у родовичей. А то я наэкспериментирую, до вымороженного Лога. Отмороженный Лог — звучит, конечно, стильно, но не для живущих в нём, факт.

Но вот с биологией, конечно, беда. Щучьи сыны и сомы толстожопые тонко на это намекали, как и кастрированный боярской стамеской Управитель, но хоть на указание на геномомешалку я надеялся. Авотхрен мне, мдя.

Соответственно, надо разбираться с заказом. И Дара, в процессе отжаривания, точнее — после него, не будучи столь травмированной гормоном, как в первый раз, о “тусовке с-с-студентиков” пищала. Мол, проводятся они регулярно, там охерительно весело и вообще. И познакомиться, видишь ли, со мной кто-то там хочет со страшной силой. Многое полунамёками, но в целом — так.

А в то, что данный тусич будет без участия Семарглдумы, в свиту которой Дара очевидно входит — не верю ни разу.

А даже если Дара решила поделиться с подружками “охренительным вибратором” — что, кстати, вполне возможно — то к цели я приближусь. И у меня есть сегодняшний день и ночь, для того, чтоб придумать, как разведать, что творится. Решил я четверть часа до выхода поприкидывать. Ну и, в общем, вышло, что вариант есть.

Тут, кстати, имперские неявные воздействия помогли немало. Итак, создаём слабоэфирный конструкт, вся функция которого — удержание собственной целостности, и передача информации о попытке его разрушить. А эти попытки, хех — вибрация. Нет, будут, конечно, помехи, но тут эфирные запасы Семарглычей в плюс — у них фоновое истечение эфира минимально, оно им не нужно.

В общем, прослушка, как она есть. Единственное что, нужна точка привязки. И не факт, что местом любопытных разговоров будет только обиталище в пансионе (которой я, кстати, ни хрена не знаю), так что точка привязки нужна на объект интереса. Дара... ну в принципе, наверно, “да”, благо метода обогащения ейного организма эфиром, хех, отработана. Но Семарглдума, конечно, лучше... вот блин, не горю желанием, как-то... Ну, впрочем, нужно

— сделаю.

Да и совершенно не факт, что дочурка Главы Рода (а эта Семарглышна таковой и являлась) со страшной силой возжелает сексом трахаться со мной. Но не факт и обратное, так что будем по обстоятельствам посмотреть.

В общем, решение было, так что догрыз я пропитание, да и попёрся на тренировочную площадку. Велесыч присутствовал, поздоровался. С-с-студентики подвалили, пинались успешно. В общем, сюрпризов “рабочий день” не преподнёс. Как и его окончание — Дара меня поджидала, оттащила на знакомую полянку и была в очередной раз отжарена.

Попытка разобраться в каше отголосков эмоций и ощущений сношаемой ряд моих предположений подтвердила: романтикой тут и не пахло. Похоть и удобный партнёр, не без симпатии, конечно. Но та же Люба, в самый первый наш раз, была более эмоционально привязана ко мне, нежели эта родовишна на наших потрахушках.

В общем-то — ожидаемо и даже хорошо. А то влюблять в себя девчонку и бросить... ну неприятно мне бы было, прямо скажем.

А по окончании третьего захода, когда я изящно вытирал член лопухом (в текущей ситуации — более чем уместный жест, да) Дара, блаженно потягиваясь, выдала:

— Стрислав, у нас завтра посиделки...

— Угусь, — равнодушно кивнул я.

— Составишь мне компанию? — похлопала она ресничками.

— Угусь, — ответил я, с трудом борясь с желанием выдать контрпредложение: “а может к маме?”

— Замечательно! Я тогда тебя после занятий дождусь.

— Дождись, — проявлял я лучшие качества уроженцев Лаконы.

Правда, подумав, подошёл и шлёпнул по задорно торчащей попке, ну и пожмякал её, не без того. После чего оперативно ускакал на лекции — больше в Академии делать было особо и нечего.

Посидел поллекции Велесыча, после завалился на “теоретическое чародейство” аж пятого круга, а, напоследок, на “землеуправление” — типа как людишками рулить, которые на земле, которой управляют. И если не окончательно убедился, что делать в этой Академии особо нечего, то был довольно близок к окончательному выводу.

Лекции ничего “революционного” не содержали, а были этакой компиляцией и выжимкой из библиотеки. Ну не вот совсем “ничего своего”, конечно, но анализ и сопоставление в транс показал, что данные данные у меня есть, а хождение на лекции — способ усладить слух речами преподавателей.

Как-то вот нихрена, если честно, они слух не услаждали.

После лекций я подумал, да и махнул лапой. Да, вероятность плотного контакта с целью заказа завтра высока. Но в то, что после этой контакты я всё и совсем узнаю — верится слабо. Да и делать нечего, так что направился я навещать Самого Красивого Индрика. И Самых Своих Служанок.

Последние навестились, прогулкой и групенсексом усладились. Самое главное, что памятный я не перепутал, на ком променады конный совершать, а с кем групенсексом трахаться. А то неловко могло бы выйти при ошибке, да.

Девчонки заметно скучали, но тут я их обрадовал окончанием дел, максимум через седмицу. Сами же они исправно заставляли гостиную ларями с покупками, и Люба грозила, а Ола подтверждала, что интересное они взяли, а сейчас, в основном, просто

проверяют ещё не обойдённые лавки.

— А банька где? — барственно возмутился я.

— Ой, Стригор Стрижич, а можно было взять?! — заблестела глазами Ола.

— А нужно было! — воздел перст я. — И сейчас нужно. В общем — чтоб взяли! — на что девчонки с готовностью и радостью покивали. — И пойдём в спальню, будем вас за нерасторопность и недогадливость карать!

Покарал от души, даже сам подустал, ну и на рассвете вернулся в Академию.

Велесыч был на посту, первые пара потоков провели занятия. А вот с третьим было интересно — как раз тот курс, откуда Семарглычи, ну и вообще. И на поединок ко мне, с самого начала занятия выдвинулись человек десять, в том числе и битых.

Видимо, не только “намстить”, но и реально подучиться, опыт поиметь, хмыкнул я. Правда, Дара, например, к доспехам не тянулась, только ресничками похлопала в мой адрес. А вот Семарглдума биодоспех надоспешила, что любопытно.

Кстати, все эти “потоки” определённых курсов были из “разных учебных светлиц”. То есть, есть определённое количество студентиков первого, второго и так далее года обучения, которые готовы оплатить Велесычу “индивидуальные занятия”. И он уже их в группы собирает. Ну а по мере обучения у кого деньги заканчиваются, у кого что. Так что из пятого курса, который круг, набиралось всего на одну группу. Притом, что первокурсников было три группы.

Ну да ладно, мне было интересно вот что, естественно, помимо цели задания. Мегавольт из Рода Мегавольтов, Дыйич, который. Он тоже доспешился и всё такое.

Так вот, мозги этот парень проявил вполне рабочие. За исключением момента с “разряда по площади”, но тут, нужно признать, разрыв телепатической связи путём выбивания имперца мог сказаться. А так — не выжигал себя, как выяснилось, а готовил маршрут к отступлению.

В общем, интересно было, чем перекачанный и без замыканий в головном уме Дыйич будет воевать. И как я его повергать буду — тоже небезынтересно. Так-то варианты есть, но они у меня больше исходили из “природного ляпиздричества” и типовой магии кругов.

А вот Дыйечевые извращения, как, впрочем, почти весь “органический эфир” родовичей Архив за “чистую стихию” не считал. Некая часть была хрен знает, зачем. А некая — вообще, хрен знает что.

Ну, интересно, в общем, да и как тренировка небезынтересно.

И вот, вышел против меня парень, поклонился, окутался разрядами статики. Не понты, факт — паразитные потери, управляемость у Дыйечей выходила неидеальной. Тоже, кстати, фактор гиперраскачки органа.

И ударил с кладенца разрядом, осязательным таким... в песок. Моя мудрая защита работала — у Дыйечей, как оказалось, физика всё же преобладала. Впрочем, если бы разряд был более эфирным — без разницы.

Плоскости воздуха были именно диалектическими, так что пусть и частично эфирная молния в них ударит — пофиг. Разрушатся, но вместе с атакой.

А вот то, что явно нацеленный в меня удар усвистел в песочек, указывает, что нужен пробой, канал ионизации, которому плоскости структурированного воздуха крутили ехидную дулю. Ну и ушёл разряд, раз уж куда надо недоступно, по пути наименьшего сопротивления.

Дыйич на это погрузнел, окутался уже не статикой, а именно электрозащитой, хоть не

на метры, а на десятки сантиметров, ну и стал пробовать меня кладенцом уязвить.

От чего я успешно отбивался, но пришлось, как и доспех, покрывать оружку структурированными пластинами. Стандартный кладенец, даже напитанный воздухом — нихрена не инструмент электромонтёра. И при соприкосновении с этим электроразрядником меня бы весело потряхивало.

Пофехтовали мы с пару минут, в моей непотряхуемости Дыйич убедился, пару шрамов на биодоспехе печально отметил, ну и опустил кладенец.

— Благодарю вас за поединок, Стрислав Стрижич, — выдал он, направляясь к доспешной куче.

Вообще, я бы, конечно, мог парню подсказать ряд моментов... но не буду. Он мне не сват, не брат, и даже не братцев Погибыч. Вон, Велесыч немалую денежку со студентиков имеет, пусть и наставляет. А я вот не имею, ну и наставлять не буду, жлобски решил я.

И следующим интересным фигурантом была как раз цель заказа. К бою она подготовилась основательно — доспех, кладенец, голова прям лоснились от плёнки воды. И, одновременно с кивком, с кладенца, руки, с доспеха, в мою персону ударили спицы эфиронасыщенной воды. Не единицы, десятки.

Правда, били они довольно локализовано, что позволило мне оперативно создавать новую защитную пластину взамен разрушенной. Но сама концепция бодания эфиром мне нихрена не нравилась. Не говоря о том, что пусть я и раскачаннее, но у неё банальный запас больше, чем я из себя выжму.

Так что, окутавшись дополнительными защитами, я рванул вперёд. Можно было хитростей всяких напридумать, но “локально передавить” я мог и так, так что лишние извращения — лишние.

И струи воды, конечно, разрушали плоскости, но заготовил я ихдохрена. Противница же, вместо того, чтобы отпрыгнуть, вскинуть кладенец и прочее — замерла, стараясь усилить водяные спицы.

Кстати, уже в движении я окончательно понял — это не “струйки”. Это закольцованные потоки воды, что в условиях отсутствия магии созидания и открытых водоёмов — более чем оправданно. А понял я как раз по разлетающимся брызгам — перекачивая потоки эфиром, Семаргльша теряла в контроле, соответственно, разбитые о плоскость потоки теряли и воду.

Но тут был вопрос даже не силы, а локального взаимодействия, так что девицу я просто сшиб, наступил на кладенец противницы защищённой биодоспехом и плоскостью воздуха ногой. А свой кладенец приставил к шее сбитой с ног и брызжущей водой во все стороны Семаргльшне.

Которая через секунду брызгать перестала, кладенец опустила, глаза прикрыла.

После было ещё три поединка, не слишком интересных, прямо скажем — были среди с-с-студентиков кладенцом махатели познатнее меня, факт. Но общая скорость выручала, как и тот момент, что я кладенцами с ними меряться не собирался. Так что поединки закончились без аварий и Стрижичей повержения.

А после занятий меня поджидала Дара. Подхватила под ручку и поволокла в сторону рощицы. Я уж думал для предварительного, перед встречей, трахен-трахена. Но оказалось — нет. На берегу небольшого озера группа с-с-студентиков предавалась разгульным: пожиранию провизии, пьянству сидра, высокоинтеллектуальному трёпу.

И... не только с-с-студентики, отметил я в группе Домыча, встречаемого мной в общаге персонала. Занятно, оценил я, слегка пыхнув эфиром, благо налетел порыв ветра.

А через полминуты, всё так же тащмый Дарой, я знал примерный состав “студенческого клуба имени Семарглдумы”. Из старших родовичей, кроме меня и парня-родича, тут были только Семарглычи. Пятёрка их, если быть точным. И куча младших родовичей, двадцать семь. От ассистента до первокурсника, с преобладанием мужского пола.

И “что” это за клуб — я понял на девяносто процентов точно. Впрочем, проверить надо, десять процентов — не ноль, как ни крути.

— Стрислав Стрижич, приветствую вас на нашем застолье, — подала голос Семарглдума. — Перекусите, расслабьтесь. А после мне бы хотелось с вами поговорить.

— Приветствую, Семарглдума Семарглышна, благодарю за гостеприимство, — слегка кивнул я. — И в беседе, коли будет, не откажу, — на что уже девица удовлетворённо кивнула.

Ну и пожрал я всякой снеди. Всё фигня, всё не так — в родимом логе и сидр лучше, и закусь закусистее! Но в целом — сносно. Любопытный момент — Дара как довела, так и от меня отвалила, какими-то своими делами вдали занялась, на меня даже не смотря. Нет, мне-то пофиг, но сам фактор показателен.

Всякое прочее студенчество, пока я питался, занималось своими делами. Несколько рыл и мордочек (были тут и девчонки) даже кивнули. Но с разговорами никто особо не лез. А воздух никакие коварные планы, типа “подпустим самому Импи в ночной горшок бойцовую крысу, с зубами, намазанными цианистым калием!” до меня не доносил. Правда доносил небезынтересные денежные разговоры, которые я запоминал. Может, конечно, просто трёп с-с-студентиков, но запомнить не помешает.

И вот, через полчаса после того, как я сел перекусить и послушать народ, подтопала ко мне Семарглдума собственными ножками.

— Хочу прогуляться, составите мне компанию, Стрислав? — отбросила она родованье.

— Отчего нет, Семарглдума, — поднялся я.

Кстати, девчонка слегка поморщилась, почти незаметно, но, тем не менее. Ну да, “принцесса Рода”, куда деваться.

Хотя прямого наследования в Родах, судя по всему, мной узнанному, не было. Военная демократия, что, учитывая суть родовичей — естественно. Правда, не в плане принятия всех решений, а выбора Главы или Хозяйки Рода. Ну или выпинывания рукосуя или рукосуихи на мороз.

Так что родство с текущим главой никак девчонку не выделяет из прочих родовичей. В теории.

А на практике — свита из пяти родовичей, судя по всему — ОЧЕНЬ немалые деньги. И любопытное задание от Рода, которое она выполняет в Академии. Наиболее вероятный вариант, конечно, что Рода. Так-то сама может шалить.

А тем временем девица, под ручку, тащила меня в интимный полумрак рощицы. И потихоньку наращивала концентрацию феромонов.

— Мне Дара говорила, Стрислав, — начала она, положив ладонь мне на пах, — что ты дивно искусен в любодействе. Продемонстрируешь? — облизнула она губы.

И взвизгнула, поскольку я девчонку подхватил и, пусть не с размаха, но и без особых нежностей уронил на траву, на живот. Раздвинул ноги, ну и навалился на неё, без особых предварительных ласк.

Дело-то было вот в чём — меня эта студенческая ебля, мягко говоря, достала. И хотел я

эту Семарглышну не больше, чем ближайшее дерево.

Но накачать эфиром — надо, потому как выводы свои нужно проверить. Да и пищала — “хочу”. Ну вот пусть и получит, благо несмотря на довольно грубые движения, пищать она перестала, а стала постанывать.

Закончил, семя было хоть и стерилизовано, но перекачено эфиром, и живо, я взбодрил Архивом центры, и, не обращая внимания на пiski на тему “дай роздохнуть, Стрислав!” продолжил. Писки продлились недолго, причём ещё и феромоном шибануло. Вот блин, я её долблю, чтоб отвязаться, а ей, похоже, “пожётче” в радость. Ну, хоть кто-то порадуется, философски хмыкнул я, про себя. Закончил второй раз, посмотрел на обмякшую девицу, ну и решил “контрольный”. Чтоб эфир сутки точно продержался. Правда уже в “академическом” варианте, так что уже без писков раздвинул девице булки ну и засадил в третий раз.

— Ты как дикий зверь, Стрислав! И вправду, силён... Но есть серьёзный разговор, — взяла себя в руки по окончании третьего захода девица.

— Слушаю, — кивнул я, вытирая член лопухом, поскольку занавесок не было и на этой поляне.

— Как ты посмотришь на то, чтобы послужить Роду Сермаглычей? Деньги, немалые. И земли выделим, со временем. Мы не скупее Империи, а можем быть щедрее. Да и это... — завлекательно похлопала она по своей корме, — будет тебе доступно.

На последнее я превозмог, ну и не заржал. Изобразил задумчивость, ну и перешёл к конкретным вопросам.

— В чём будет заключаться служба? Помимо доступного.

— Кхех... — закашлялась девица, порозовев, но взяла себя в руки. — Противостояние набегам, оборона от тварей Голодной Пущи. Полгода в год — за землю, остальное — за деньги, коль пожелаешь. Наставление и тренировки с воинами Рода — за деньги. Ты воин сильный и опытный.

— Сколько?

— Полуторная ставка десятского обережной дружины.

— Интересно. Подумать надо, — нахмурился я. — Поднимайся, — протянул я руку. — На днях подойду, скажу, что надумал.

— И Стрислав, погоди, — уже в спину сказала мне Семарглышна.

— Хм? — полуобернулся я.

— Я — Семарглдума Семарглышна для тебя.

— Подумаю, сказал же, — буркнул я, нычась в листву.

Девица постояла с минуту, похмурилась-поулыбалась, но потопала к месту студенческого кутежа.

А я как был, так и присел в кустах. Сидел, слушал разговоры — вообще, слабенькое мной надуманное облако-прослушка работало. Вот только оно фиксировало ВСЕ колебания, плюс порывы ветра. Ну и про три с лишним десятка говорунов можно и не говорить. Хоть накачанная моим эфиром Семарглышна светилась маячком — особенность мест, куда я ей этого эфира накачал, такова, что не особо он “вымывается”. Сам развеивается, а это сутки, плюс-минус пару часов.

Так что предоставил я Архиву заниматься разбором шума, а то башка начинала болеть, без шуток.

А сам стал отдыхать и думать. И в целом — всё правильно сделал. Эту мажорку, а девчонка и вправду оказалась мажоркой, только жёстко дрючить или пытаться на

информацию.

Студенчество посидело на полянке, потрепалось и расползлось. А я, выждав время, направился за Семарглышной. Приблизиться к пансиону со студентами не стоило, но ветер и фрактальная природа подслушивающего заклинания позволила мне услышать разговоры у принцессы, с её миньонами и вообще. Меня обсуждали, куда деваться, хмыкнул я.

Погрузился в транс, прикинул, что да как. Ну, в любом случае, причину существования “студенческого клуба” я выяснил. Если есть какие-то хитрые дополнительные обстоятельства — то это не моя головная боль.

Так что заскочил я в светлицу, прибрал немного барахло, да и потопал в сторону особнячков преподавателей. Своё обиталище мне Велесыч обозначил, как и нежелательность дёргать его не по делу. Но я-то дёргал его как раз по делу, так что несколько раз вежливо пнул перепонку кораллового домика.

Внутрих послышалось копошение, а вот недовольную морду Велесыча, явившегося на порог, обрамлял такой букет феромонов... две? Или три? Ну, в общем, жёг профессор, прямо скажем.

— Стрислав Стрижич, с чем связано ваше столь несвоевременное...

— Силы чреслам вашим, Веледум Велесович, — напоследок полюбовался я кумачовыми переливами физиономии дядьки. — Задание исполнено. Завтра прибуду докладывать. Вас же ставлю в известность, что покидаю Академию, ну и возвращаться не намерен. Составите компанию, заберёте артефакты?

— Эээ... — подвис дядька. — Так, вы уверены... — начал было он, посмотрел на мою ехидную физиономию, после чего сам же ответил. — Ясно, уверены. Хорошо, Стригор Стрижич. Артефакты сдайте в приказе, у меня и без того дела найдутся! — аж задрал нос он.

— Тогда прощайте, блага вам, Веледум Велесыч, — сделал ручкой я.

— Прощайте и блага, Стригор Стрижич, — сделал ручкой Велесыч.

И покинул я нахрен Академию. Вот при всех прочих равных — не понравилось мне там. И девки противные — у нас в Логе, даже занимаясь трудовым осеменением, я это делал с большим удовольствием, отдачей... да и пейзажи ко мне относились лучше, не “сословно”, а по-человечески.

В общем: место — противное. Академики — жадины (правда, раскулаченные). С-с-студентки — почти поголовно пидарасы, невзирая на пол. Как здорово, что все они не там, где я, собрались — подытожил я, выходя из проходной.

Заскочил в переулок, скovyрнул с себя артефакты и вприпрыжку поскакал домой. Девчонки ещё не ложились, обрадовались, накормили, а после были пойманы, на колени усажены, ну и начал я их теребить.

— Рассказывайте, девы, как без меня жили, что интересного было.

— Приобрели, Стригор Стрижич, по указанию вашему... — начала было Люба.

— Стоп. Это — завтра. Дела около полудня сделаем, начнём покупки ваши разбирать вместе, вот и расскажете. Я про вас, что интересного видели, как время проводили и вообще.

— Любились мы, Стригор Стрижич, — начала задумчиво, под покраснение Любы, перечислять Ола. — В лавках видели вещи преудивительные, но это вы велели потом рассказать, — задумалась она. — В парке императорском были! — засверкала она глазами.

— Прогулочном? — уточнил я.

— Да, Стригор Стрижич, вы же позволяли? — с некоторым опасением уточнила Люба.

— Вообще-то — велел! Не только по лавкам бегать, но и отдыхать, — выдал я, после

чего Ола незаметно, как ей казалось, показала Любе язычок и улыбнулась.

У самого лыба до ушей проросла. Ну и разговорились девчонки, как гуляли, как на скоморохов смотрели, бойцов кулачных (вот вообще о таких не знал, надо бы глянуть, сам себе отметил я), какую-то пакость водоплавающую кормили.

Не только по парку, но и вообще. И очень время от времени вставляемые Олой “а ещё, вспомнила я, Стригор Стрижич, что когда с Любушкой любились, то вот так...” Люба на это смущалась-краснела, но так, больше по привычке. А у Олы хитринка в глазах, у хулиганки такой — чувствовала, что мне забавно и приятно мне.

В общем, приятно посидели, приятно покувыркались, я на вызревающую баньку полюбовался, уже с засыпающими девчонками на плечах, ну и призадумался — а понадобится ли она? Ну и вроде, выходило, что понадобится. А нет — так не пообедем, хотя если что — прерву процесс созревания и с собой прихвачу. Будет у нас своя, а у Зара с Мудрой — своя.

С утраца заявила парочка Щурычей — и вправду, ощутимо в возрасте парочка, род по мужчине, а вот женщина была явной Горишной.

— Блага вам, Щурычи. Я Стригор Стрижич, наниматель ваш. Проходите, — пригласил я охранителей.

— Щуролад Щурыч я, Стригор Стрижич, и супруга моя Гориблуда Щуровна, — войдя, представился дядька, на что я кивнул.

— С делами я своими на ближайшее время покончил, посему служба ваша охранная более не нужна.

— Понятно, Стригор Стрижич, — пожал дядька плечами. — Не по нраву вам что-то?

— Отчего же, скорее — наоборот. Заплатить вам...

— Так платила нам служанка ваша сполна по договору! Каждый день, не должны вы ничего.

— Знаю, что платила, — кивком отметил я честность. — Но от награды за дело справленное не откажетесь?

— Коли так — глупо отказываться, — тоненьким, почти детским голоском выдала дама.

— Так что вот, — протянул я несколько гривен. — И ещё вопрос к вам — в подобный же найм пойдёте? Дела у меня служебные могут появиться, могут нет. Но коли будут — могу на вас положиться?

— Можете, Стригор Стрижич. Самим девчонки ваши глянулись — переглянулся он с супругой с улыбкой. — Смешные, не в обиду вам будет сказано. И добрые. Гориблуда даже купить их у вас мыслила, — ухмыльнулся он.

— Ох, трепач, — покачала дама головой. — Но были мысли, да видно прикипели к вам они, да и живут в довольстве и радости. А то бы точно просила нам в служки домашние уступить.

— Моё, не отдам, — скаречно, но с улыбкой ответил я.

Ну такие, симпатичные душегубы, прямо скажем. Настолько в крови накупавшиеся, что самих тошнит уже. В общем — неплохие люди, с такими за девчонок я и вправду спокоен буду, отметил я. Ну и распрощались мы, вполне друг другом довольные.

Прикинул время, дождался, как девчонки проснутся, позавтракали, даже по дому побегали, в салочки поиграли. А вот в одиннадцать пополудни стал я собираться.

— Читайте, отдыхайте. Я по делам, могу задержаться, но сегодня точно буду.

— Блага и удачи вам, Стригор Стрижич, — фактически хором выдали они.

Блин, хорошо дома, широко улыбаясь думал я, направляясь к паучатнику. На проходной из терний ни страж жопы своей с тернового седалища поднять не изволил, ни стрельцы меня на прицел взять. Что, в общем-то, после понимания принципа работы паутины, неудивительно. Меня вполне могли от флигеля “вести”, что, скорее всего, и делали.

Индрик прилёг на пузо у входа, отмылеэмоционировав “поплю-отдохну, так уж и быть”.

Дядька неродовитый на входе кивнул, но был мной осчастливлен парой артефактов.

— Простить прошу, господин Стрижич, а это — что? — аккуратно указал он перстом на два кожаных кольца.

— Артефакты, задание Тенетницы выполняя, получил. Возвращаю, чужого мне не надо, — воздел я перст. — И я к ней, на доклад. Помню, где обитает, — выдал я, почесав на второй этаж.

Дядька за стойкой остался щёлкать клювом, но, судя по отсутствию копошения местного спящего дракона (а иначе местного монструозного Управителя и не назовёшь), я “всё делал правильно”.

Дотопал до обители Тенетницы, пошкрябал в мембрану.

— Проходите, Стрислав, — раздалось контральто. — Как я поняла, нужного вам вы не нашли?

— Зато нашёл нужное вам, — отпарировал я. — Блага вам, Тенетница.

Ну, то, что время моего прибытия Паучиха правильно сынтерпретирует — было даже не вопросом. Либо бы я заскочил по выходу их Академии, либо на рассвете. А так, как есть — очевидно. Время даю для знакомства с докладом Велесыча. А нужно это...

Ну в общем — мы знаем, что мы знаем, что мы знаем.

— Блага, Стригор, блага. Что ж, поведайте, что узнали. Для чего Семарглышна таится и наставляемых собирает?

— Не только наставляемых. Два помощника наставников в её кумпании. А цель — своя, Семарглычей, пусть и малая, но бережная дружина. Деньги в дело сие идут ой какие немалые, ну и землями с людишками, под Семарглычами прельщают. Малых родовичей без особых средств, Стрижичей в том же положении.

— Понятно, Стригор. Детали извольте поведать.

— Извольте.

Ну и поведал я подслушанное-узнанное в деталях. Как на учёбу субсидируют студентов, договоры заключают, а часть, кстати, и сексом привлекают — вот и такие, несмотря на доступность трахена вяческого в Академии, находились.

— И говорите это так, как будто сие нормально, — задумчиво протянула Паучиха.

— А какие-то законы Империи или правила Академии нарушены? — отпарировал я. — Семарглычи делают то же, что и Академия. Платя деньги ей, но и ещё — наставляемым. Чего ненормального-то? Чай, не купили родовичей в Академии, а как раз они за науку платят. Ну или торговаться за них надо — и им получше будет, и начальству академическому толстые жопы растрясти не помешает. А то как бы не приросли к скамьям навек.

— Надо Ростомуру про жопу передать, а то и вправду, наел, дармод, — фыркнула Тенетница. — Ладно, хорошо у вас вышло, Стрислав. Говорить, что было сие испытание... — посмотрела Тенетница на мою ехидную физиономию и фыркнула.

— Да, кривляться и говорить, что мы ни лешего друг от друга не хотим — тоже не

стоит. У вас интерес в моей службе, Тенетница. У меня — в знаниях, — дополнил я.

— А вы за меня с собой договоритесь не желаете, награду посулить и выполнять направиться? — любопытствовала дама.

— Лень мне, — честно признался я.

— Ну да ладно, — ухмыльнулась она. — Давайте договариваться. Ну, что воин вы изрядный, Стригор, и без того ясно было. А ещё и не глупец. И что же вы хотите?

— А вы не догадываетесь?

— А вы понимаете, что это тайны Имперского Рода?

— Тайнами они и останутся. Но иной нужды у меня нет, Тенетница. За это — буду служить честно. И ничего не потеряв, получите многое. Ну а нет — так...

— Да, тяжело с Воздушным Владыкой торговаться, — хмыкнула Тенетница. — Что вам деньги предложить, что земли...

— Не нужны. Будут нужны — сам добуду, — развёл я руками. — Ну а от сотрудничества и дальнейшее зависит. В Лог я точно вернусь. Но могу и там помочь чем-то. А могу и vybrаться, если дело важное будет, а оплата стоящая. Я вам говорил — к Империи я отношусь хорошо.

— Только не должны ей нихера, — покивала Паучиха.

— Точно так, — с видом лихим и придурковатым закивал я.

— Тогда так, Стрижич. Будет вам первое задание через седмицу. Займёт, если выживете... хотя Владыка точно выживет. Седмицу, не более. Оплату за него я вам назначать не дам. Сами посмотрите, что положу, по итогам.

— Ну, учитывая, что с Академией было... Согласен. Моё вам, а не ваше мне испытательное задание выйдет. Буду смотреть, можно ли с вами дело иметь.

— Эх вы, Стрислав, повернули, — улыбнулась тётка. — Ну да можно и так сказать, да и верно это будет.

В общем, была у меня неделька на отдых. А решился я... скажем так, первое задание к Тенетнице претензий не породило. И было оно и вправду “проверочным”, по моим собственным критериям не стоила библиотека копошений Семарглычей, двух оттраханных девок и надутого ветра.

25. Хамский отдых

Так что вернулся я домой, и начали мы с покупками девчонок разбираться. И, как и ожидалось, большая часть была, в общем-то, нахрен не нужной фигнёй. Всякие там чесалки спины, не как моя охерительная щётка, а со свистелками и перделками, нафиг не нужными. Типа там “эмоциональных картинок”, вроде временных татуировок, которые на кой-то хрен отображают психоэмоциональное состояние ещё и визуализацией.

Я бы понял, если бы у беловодцев найсморг бывал, тогда, в редких случаях, такому сопливцу или соплюхе нужно, по причине затруднённой феромонной коммуникации. Так не было такой фигни, как класса...

Впрочем, девчонкам распускающиеся или там схлопывающие лепестки картинки, да ещё колёр меняющие — понравились. Но моя изысканность на это взирала с каменной мордой, внутренне твердя, как мантру: “гусары, молчать!”

И вот такой невнятной фигни куча. Летучий светильник — светлячок, летающий за владельцев по дому. С учётом особенностей как зрения, так и домов — нахрен не нужный, правда, симпатичный такой огонёк, я сам признавал.

Несколько кулинарных артефактов, в смысле готовочных. Не “универсальных варил”, а с кучей опций, типа например, размягчения или уплотнения приготавливаемого, на симбиотическом управлении. Тут я сам признал — вещь. Кусман говядины, девчонками мне преподнесённый, выходил вкусным, сочным, мягким, не разваливался. Офигенный пожрать выходил, прямо скажем.

Дорогущее “зеркало”. Вот эта фигулина мне искренне была интересна, а девчонки от восторга пищали. Потому что шесть “глаз на ниточках” и полуметровый экран на живом пигменте, с органической подсветкой.

Вообще, хотелось убиться челодланью — биомонитор, высочайшей отзывчивости, используется как “продвинутое зеркало” особо мажористыми товарищами.

А с другой стороны — а куда его, монитор ентот? Единственные именно “компы” — Управители, к ним дополнительную периферию прикручивать — только портить, в плане безопасности. Может, есть, конечно, вычислители, но мне не встречались. И выходит, что имеющуюся технологию используют, как могут.

А мне надо подумать, как бы в Логе эту фигулину приспособить: сигнал “от глаз” — явно совершенно необязательный атрибут. И, если повозиться-подумать, можно всяких подчинённых в лицо посылать, на хер там, или трудиться, по обстоятельству. Удобная штука может выйти, “Большой Стрижич следит за тобой”, хех.

Ну и биотехнологии, само собой. Вообще, невзирая на моё собственное высокоорганизованному разуму нытьё, выходила довольно перспективная у меня, именно прикладная, дорожка биомага.

Итак, есть как ветер, так и энтропия со льдом, в качестве базового источника эфира. Есть конвертор эфира на глаголице. И куча данных от Возвысителя, по биологии, даже с кругами. Которые нихера в Беловодье не работают — то есть, я улучшал нервную систему Архивом не “кругами”, а тупо копируя “состояние” ещё Гемина, ну и с помощью воздействия Архива потихоньку перестраивал функционал себя.

Но есть куча кругов футарка. Нужных, не нужных — похрен. Первое, я теоретически могу скомпилировать “что делать” кругов Возвысителя с “как делать” кругов футарка.

Правда — очень теоретически. Мне бы, для начала, выкинуть из нескольких толковых боевых кругов криомагии и магии тьмы “нейтральную нашлёпку”, и чтоб работало — уже хорошо будет.

В общем, разгребрили мы с девчонками к вечеру накупленное барахло. Именно интересным выходил “приворотник”. Вибронож — я так и не понял, для чего изначально использующийся, девчонки докладывали, что универсальный инструмент. Небезынтересный биоэфирный конструкт, с небольшим и острым монокристаллом, который вдобавок вибрировал со страшной скоростью, хоть и небольшой амплитудой.

Велесычевское творение, с довольно изящным взаимодействием эфирной тварюшки-рукояти и монокристалла, прямо зачарованного (а, подозреваю — и выращенного) магией камня.

Решения небезынтересные, можно использовать и в своей магии, и в кладенце, например. Правда, в перспективе, пока не возьмусь.

И, наконец, довольно интересный самозащитник для людишек. Прототип впечатливших меня молниевых посохов стражей Академии. Жезл на два кулака, шарашит на метр молнией, которая скрючит на пару минут даже неготового родовича. Минут десять набирает заряд, эфирное наполнение — минимальное, создаёт ионизированный канал для разряда. А сам разряд — чистое биоэлектричество. По сути, в кожухе раковины и таился орган, енто электричество и генерирующий. Девочки, помимо образца мне, кстати, взяли по штуке себе: “по совету охранителей”.

Всё правильно сделали, похвалил довольный я довольных девчонок.

А остальное — не сказать, чтобы хлам. Есть удобные прибудины, есть красивые, но принципов интересных не использовали.

После чего научно-исследовательский я принялся нацеплять на нас с девчонками приворотник. Потому что интересно. У Любы “любимыми частями” оказались уже озвученные грудь и уши, на пол невзирая. У Олы — промежность с наполняющими её органами и... глаза.

А я оказался самым извращ... правильным. Акцента мне приворотник на какой-то особо аппетитной части не делал. То ли мне всё нравится, всё мило — что и неплохо. То ли раскляченное между телом и эфиром сознание хреново поддается даже таким манипуляциям. И это хорошо, если так.

А со следующего дня начался активный отдых. Правда, с утра заскочили выгашенные мной Ладычи, несколько тонкостей и моментов поведали.

Так-то я близнецов я в Академии видел, но у нас не вполне те отношения, чтоб в чужой личине хлопать по спинам или там задницам с радостным гогомом: “Сюрприз! А я — Стригор!”

— По поводу же Стратимов, Стригор Стрижич, вы интересовались, — на что я важно покивал.

Было дело, ну и птаху певчую в виде магнитофона завести — дело меняюгодное. Поют прикольно, глаз радуют, в общем. Так что удастся добыть — пусть будет. Передаваться отдыху, гедонизму, извращениям и прочим приятным и полезным вещам, типа работы, под музыку веселее.

— Кроме Оперного Театра, Стратимы сии нигде не встречаются, продавать никто не продаёт, — начал докладывать парень.

— Но владельцем Оперного Театра является Горемысл из Имперского Рода, —

дополнила девица.

— И более ничего точно сообщить не можем, не ведаем ни мы, ни знакомые наши. Однако ж, есть слухи, что стратимы на торжествах в Императорском Дворце слух улаждают. Так ли это, или выдумка — сказать не можем, сами не вхожи.

— Понятно, — задумчиво кивнул я. — Тем не менее, признательность моя вам, за ответ, Ладычи, — положил я пару пластинок к гонорару. — Блага вам, до встречи.

— И вам блага, до встречи, Стригор Стрижич, — распрощались близнецы, денежку прибрав.

А я призадумался — Индрику я поохотиться обещал, но в Пущу мы с ним не попадём: до ближайшей пара сотен километров, полосы засечные и карантинные, гарнизоны... И вот при всём моём оптимизме в то, что шалого Стрижича с “у меня зверюга поохотиться желает!” не скрутят, а пропустят в Пущу и платочком вслед помашут — не верится ни разу.

А вот в окрестностях Стольного Града был лесок, я бы даже сказал — заказник. По крайней мере, Ладычи мне именно в таком разрезе насообщали. Ничего пушчного и лютого — лоси-косули, беры, лисы-волки. Ну, несколько изменённые, хотя я скорее сказал бы — мутировавшие, но поохотиться можно. В плане, я цветочек не шибко вонючий вынюхаю и в сени какого-нибудь баобаба буду валяться. А Индрик бера или ещё что-нибудь мирное и доброе, беззащитное, схарчит, поохотившись предварительно.

Но девчонок я на это мероприятие не потяну: и им не особо интересно, да и опасность пусть небольшая, но будет, так что нафиг.

Так что, для начала, решил я повторить наше посещение йоперных, и не только, театров. И был обломан, правда, скорее приятно:

— Стригор Стрижич, — застеснялась Ола. — Театры — хорошо очень, как вы пожелаете...

— Но? Говори, не мнись, — заинтересовался я.

— А вы в парке прогуляться не хотите? Там интересно и красиво очень. Если пожелаете...

— Пожелаю, — улыбнулся я. — Пойдём в парк, девы.

И попёрлись мы в енту парку. Вообще — приятное место, не соврала Ола. Всякие там птахи поют, цветочки благоухают. В озёрах гуси какие-то плавают — я аж удивился, но потом понял, что в прикрытом от всяческого лютого зверья парке вполне могут и хомячки водиться. Причём без Эфириона в заднице и алмазных клыков.

Покормили гусьё, специально обученный мальчишка нас сухарями за денежку малую снабдил. Походили, на скоморохов полюбовались — кстати, довольно любопытное зрелище, если на всякие падения на жопу внимания не обращать. В качестве реквизита эти ребяташки использовали лианистое психовосприимчивое растение, точнее, как я уже целенаправленно приэфирился — скорее лишайник, но не слоистый, а клеточно взаимопроникающий, с целевыми областями. Такая, интересная тварюшка, не несущая ни боевого, ни практического значения, чистый эстетизм. Но “кукла”, как называлась эта растения, позволяла устраивать кукольные представления, как с партнёром полноразмерным скомороху, так и кучей мелких фигурок, при нужде.

Ну и кулачные бои — не без интереса понаблюдал. Бокс, как он есть, причём строение ног беловодцев очень к этому виду мордобоя подходило. И я понял, каким методом Ладыч хотел мне лещей, люлей и прочее добро и благо наносить. И вот как-то хлёсткие удары, перекосоживающие мордасы набекрень, меня не прельстили. И правильно я от Ладыча

бегал — не люблю по мордасам получать, я щедрый и добрый, предпочитаю давать, да.

Кстати, даже несколько родовичей на бережку речки-ручейка самозобвенно предавались мордобою. Правда, друг с другом — эфирное усиление и укрепление делало простых людей куклами для битья.

На следующий день смотались в Йоперную театру, поуслаждали слух, но “приватность” я не заказывал. Хотя, возможно, зря: девчонки на пение отреагировали ощутимой охоткой. Впрочем, до дома дотерпели, так что и не страшно.

А вот служба йоперный мои притязания обломал. Нетушки, фигушки, простите господин Стрижич, хотите пташку сексом оттрахать или оттраханым птицами быть, вы или спутницы ваши — в театре, в процессе представления, за живые денежки. А продаваться — не продаются, ни за какие деньги.

И тут жадины, постановил я, ну и по дороге домой стал прикидывать налёт на йоперный театр, с целью праведного раскулачивания... и сам же, со смешком, себя остановил. Не настолько мне ента Стратима сдалась, будем честны. Так, не помешает, ну а нет — так нет.

На следующий день направились в театру имперскую, где на этот раз давали представление о весёлых похождениях типа вроде Фауста. В роли сотоны на побегушках и искусителя в одном флаконе выступал некий “Дух Пуши”.

После ряда весёлых и поучительных приключений наш Фауст, выглядящий как груда плоти, весело помахивающий грудой щупал, подкатил к некой родовишне, своей зазнобе. Зазноба от прелестного зрелища и неожиданности брякнулась оземь. Страдающий Фауст нашёл какого-то витязя, нихера не делающего в ожидании своего подвига, и предложил себя в качестве последнего. Витязь радостно Фауста и подвигнул до смерти. Занавес, все рыдают.

Вот ведь фигня какая, бегло оценил я печальный финал. Девка явно от неожиданности притворилась мёртвой и несъедобной. Ну или вообще — приготовилась к коитусу, до невозможности возбуждённая фаустовыми тентаклями. Потому как обморочных реакций, насколько я изучил, у беловодцев не особо наблюдается. Могут быть, конечно, но уж очень сильное нужно нервное потрясение, при этом и здоровье не очень — иначе хрен в обморок упадёшь. А уж помереть от вида чего бы то ни было — вообще антинаучная фантастика.

Хотя архетипичная театра... ну, в принципе, если это криворукое переложение какой-то совсем древней пьесы, как бы не того самого Фауста — то возможно. Но перекладывали дебилы, левые на обе руки. Не верю, в общем, поставил я вердикт, задрал нос и прихватил под руки похлопывающих носом девчонок. Проняло их сие творение, впрочем, их дело.

И вот, выходим мы из ложи, ведём девчонок, как вдруг какой-то... прости правила вежества, прохвост, тычет в наши персоны перстом хамским. И в компании таких же быдл, разного полу и роду, стоит. И изрыгает, значит, хавалом своим неприличным, сентенции в стиле “в театру в биодоспехе — хуже, чем в телогрейке”, “с рабынями в театре — оскорбление всему неуважаемому сообществу”, ну и “панаехало тут всяких, Столенград не резиновый”, само собой.

Причём ладно бы сию пургу нёс какой-нибудь карапуз там, ну или юнец. Нет, дядька в годах, лет под сорок. С мордой наглой и надутой, но у него всё хамское было, факт.

Младший родович, тьма с огнём, видимо, Чернобожичи с Хорсычами перекрёстно опылились. Не знаю таких смесков, да и знать не хочу.

И тут и так печальные девчонки глаза потупили... чем в моё праведное сердце вселили праведный гнев и вообще.

— Глаза подняли, девы, — с ангельской улыбкой пропел я, приостанавливаясь.

До хулителя было метров дюжина, как раз моя задумка на забывчивого Ладомысла пригодится, прикинул я.

— Стригор Стрижич...

— Глаза поднять, смотреть гордо! Вы — часть меня, не смей перед плесенью худородной глаза опускать!

Быдлан ушами своими хамскими речи мои услышал, буркалы хамские выпучил, челюсть хамскую отклячил. Ну вот и молодец, быдла, мысленно похвалил быдлу я, ну харкнул в рожу. А ветром чуток помог плевку.

Может, немного слишком много, отметил я брякнувшегося хама. Но тоже ничего вышло. И с девицами, подёргивающими краями губ (ну реально — знатно шмякнулся, хех), гордо последовали из театры.

В слушателях быдлы какое-то гудение происходило, не слишком стрижечелюбивое. Но под плевков праведный подставляться добровольцев больше не нашлось.

Ну а я неторопливо с девчонками шёл, подождал, когда нам Индрика и бегуна подгонят — всё же, понятно, что вероятность конфликта высока. А я — это сам я, а не шпана плевательная, или верблюды какой.

Ну и дождался. Спешит, спотыкается, мордас бордовый от здоровой критики его триндежа отщёр. И лапу свою хамскую ко мне протянул, тут же взвизгнув и затрясся ей — нехрен мою блааародную персону немытыми руками лапать. И мытыми тоже опасно лапать, факт.

Ну а убедившись, что хамская лапа при хаме осталась (ну не зверь же я, так, слегонца по ней лезвием воздуха полоснуло), хам раззявил пасть:

— Вы, невежда и неуч...

— Нахер к лешему сходите. Есть дело — говорите по делу. А нет — могу и подальше послать. Или ещё раз в вашу несимпатичную рожу плюнуть.

— Требую в компенсацию бесчестного оскорбления этих двух рабы... у-у-уй!

Ну реально — выбесил, отметил я, разглядывая пробивший под ребро хаму кулак. Вроде дряни хамской не налипло, но непременно почищусь.

— Вы по делу говорите, плесень худородная, — обратился я к приходящему в себя. — А то я и прибью ненароком, в ходе нашей беседы.

И тут дядька основательно так проблевался сидром, я еле отскочить успел. Так он косою, блин. А я-то думаю, что за дурак, обычно такие до столь почтенного возраста не доживают.

Нет, безусловно, не извиняет это хамскую морду — как-то мне похрен, хамит он по пьяни, или там из души противных порывов.

Но хоть объясняет — с хрена ли, а то даже удивился.

Проблевался, значит, этот противный тип, буркалы в сетке сосудов красных на меня оставил и прокаркал:

— Приму в качестве извинений только рабынь! В противном случае — поединок! До смерти! Зав...

— Вот же вы тупой, — посетовал я. — Свои намерения обозначили — так помолчите. Остальное не вашей худородной, пьяной и вонючей роже решать. Завтра, на рассвете, близ капища всех богов. Стригор Стрижич, Владыка Болотного Лога, — с этими словами я вскочил на Индрика.

— Рарсил Рарожич, старший дьяк Поместного Приказа! — уже в спину послышалось от

хама.

— Буду знать, кому уд оторву, — кивнул я через плечо.

Отъехали мы от театральной площади, а я раздумывал. Ну, в принципе, с учётом заведённых в всяких столицах порядочках... Ну скажем так, за доспех на меня могут наехать — и получить вгрызлом наглое, пусть спасибо скажут, если рукой. Доспех — право родовича. Имперцы доступ на свои земли беспрепятственно дают, кроме особых мест, специально огороженных, с надписью “судить низзя”.

То есть, что у кого-то принято — это его половые трудности. Пока Имперский Род — именно Род, никаких претензий насчёт обвеса, кроме “а мне так не нравится” предъявить не может.

А со служанками — так я правильно Оле с Любой сказал — личные слуги родовича как часть его воспринимаются, по всем правилам. В гости к кому-нибудь брать с собой слуг или нет — вопрос разговора с хозяином. На службу — вопрос места для них и прочее. А вот что в кабаке, что на улице, что в театре — дело сугубо и трегубо родовича.

В общем, да — эксцентрично, факт. Но Рарычу я этому натурально оторву уд, под корень, раз уж обещал. И буду в своём праве, ну и прав, такой вот каламбур, хмыкнул я.

— А что будет, Стригор Стрижич? — беспокойно спросила Люба, по дороге домой.

— Что-что. Уд оторву, под корень, этому прохвосту, как и обещал, — задумчиво протянул я.

— Ты не беспокойся, Любушка, — погладила Ола подружку по плечу. — Стригор Стрижич того господина одним плевком поверг, — на чём прыснула, да и Люба улыбнулась. — А уд он отрастит, наверное, — задумалась она.

— Срочно прекращать не о том уде думать! — возмутилась моя барственность. — Думать о том уде, что надо, велю так!

Ну смех смехом, а за час до рассвета меня разбудил скребёж в двери. Хоть девчонок не разбудил, скребун злостный, блин! И вообще — повезло, что и так, и так поднимался. И вообще — кому тут не спится в ночь глухую, высунул я недовольную морду лица за порог.

И скребун оказался из категории первых несплюнов. Может в чём-то и третий, хрен знает, не проверял.

— Блага вам, Стригор Стрижич, — выдал парень лет под двадцать, с сулиманом.

— Блага, — сделал я ручкой, благо парень родовичем не был. — Надо чего в рань такую? — полюбопытствовал я, поиграв в гляделки со звёздами и орбитальной базой.

— Прощения просим, Стригор Стрижич, наказ был непременно передать вам послание до поединка, чтоб ознакомиться успели.

— Опричный Приказ? — прикинул я всех, кто мог прислать мне цидулю костяную.

— Точно так, Стригор Стрижич.

— Ну... молодец. Наверное. Местами, — пребывал в сомнениях я. — В общем, считай — передал, — подытожил я и скрылся в недрах флигелька.

А то вроде этот паренёк — не особо третий, но — а ну нафиг на улицах в ночи торчать. Там точно этих третьих орды несимпатичные, а мне их хоронить толком негде.

Пластинка же отдавала уже знакомым эфиром (очень знакомым — всё же наш с Тенетницей “танец” вышел как предельно интимным, хоть и без эротики, так и очень познавательным) и содержала такую информацию:

Блага тебе, Стригор Стрижич!

Имперский Род выказывает тебе просьбу, сохранить, по возможности, жизнь

старшего дьяка Поместного Приказа, Рарсила Рарожича, в силу нужности его в деле службы Империи. Просьба сия за неисполнение её своё последствий не повлечёт, за исполнение же буду искренне благодарна.

Г.И.О.П. Тенетница.

П.П. На месте поединка будет ждать дьяк Опричного Приказа Горыня, коли свидетель поединка тебе понадобится.

Нуу... в принципе — и так прохвоста хамского убивать не собирался. Ну “искреннее спасибо” порадовало, да, хмыкнул я. Ладно, в целом — понятно. “Не будет ли любезен многоуважаемый джинн не убивать пьяного придурка смертью?” — примерно так.

А вот что интересно — второе сообщение от Тенетницы, на костяной пластине, официальный со страшной силой документ — но написан в чисто “разговорной” манере. То есть, это — вообще на “ты”, как мы и общаемся лично. Занятно, но, скорее всего, объяснимо потоком документооборота и положением дамочки — она реально не заморачивается, “вижу и пишу”, скажем так. Ну — меня не оскорбляет, а оскорблённых и обиженных Паучиха и сама схарчит, если разобраться.

Ну а “свидетель”... И контроль, и помощь, факт. Всё же Тенетница, похоже, воспринимает мою симпатичную персону как ценный актив, что и разумно и... да не напрягает, а нормально. Владыки стихии реально на обочине в пьяном виде не валяются. А реверансы, не слишком значимые — естественное “принюхивание”. То есть то, что я прямо сказал: “Знания — работа”, это одно. Но “тёплые отношения” — вещь ой как нелишняя. Ну и в рамках вполне терпимого некую подмогу оказывают. Приму, решил я. Должен нихрена не буду, потому что это — именно реверанс-поклон, не более.

Вышел я, значит, из флигелька, за четверть часа до рассвета, девчонки спали, что и к лучшему. Взгромоздился на Индрика и направился к уже известному мне месту “близ капища всех богов” — отнорок-рощица, где столенградские родовичи изволили выпускать друг другу кишки, прожаривать мозги и совершать прочие дедушке Дарвину угодные деяния друг с другом.

Горизонт самым соответствующим времени образом розовел. А вот неподалёку от рощи, верхом на горбатом щучьем сыне, пребывал имперец лет тридцати. В “столичном” одёжном коде — без биодоспеха, но с троицей пырял на “подвязке”.

— Дьяк Опричного Приказа Горыня, — слегка поклонился он. — Свидетель вашему поединку потребен, Стригор Стрижич?

— Я, — вежливо кивнул я в ответ, представившись. — Думаю — не помешает. Благодарю, — на что Горыня просто кивнул и замер.

Эфиром невежливо в мою сторону не фонил, природами всяческими любовался — хороший человек, поставил диагноз я. Пока своими гадкими деяниями не докажет обратного.

А уже с подъёмом солнца приковыляла троица из хамского прохвоста на щучище и пары каких-то там несимпатичных типов.

— Проследуем! — хамски выдал Рарожич, правда, глазёнками подлючими забегал.

Ну как же, вызывал какое-то быдло жопомирное, а у этого быдлы в свидетелях — аж цельный имперец.

— На хер проследуйте, — вежливо пожелал я. — Товарищи наши обсудят поединок, я подожду, а вы на хер можете сходить, — развернул я пожелание.

Рарожич начал надуваться, я уж рассчитывал, что прям на месте и лопнет, до поединка

не дотянув. Но справился, сдуплся, зашущукался со своими подлыми помогальщиками.

— Какие у вас требования, Стригор Стрижич? — вполголоса поинтересовался Горыня, передвигая щучища ближе ко мне.

— Никаких ограничений на методы ведения поединка, — также вполголоса отвечал я. — Как вызванный имею право. Плоть и чародейство. Ну а что до смерти — сам этот прохвост вызов кидал.

— Понятно, но смерть этого... кхм, прохвоста...

— Помню, Горыня, помню. Постараюсь не убить, — честно ответил я. — Но покалечу точно — тут уж...

— Вы и убить вправе, Стригор Стрижич, — понятиливо кивнул имперец. — Пойду, договорю.

Договорился со свидетелями Рарожича, выдвинулись к бережку ручейка. А Горыня что-то хмурился, подал ко мне щучища и совсем тихо произнёс.

— Странное что-то, Стригор Стрижич. Будьте осторожны.

— Благодарю, — задумался я.

То есть, понятно, что почуял пучеглаз какую-то непонятку, с боем связанную, но не точно — непосредственно “навалимся толпой и вырежем нахрен” вражины не думали.

А что могут... да ничего, по большому счёту, прикинул я. Разве что реально толпой на одного. Но, во-первых, не факт, что справятся. А, во-вторых, Горыня присмотрит. Ну а что подпевалы имперского чина немалых званий попрут охренивать в атаке на имперца... Антинаучная фантастика, заключил я, начиная, на всякий, эманировать эфиром.

Подъехали на бережок, спешили. Рарожич, с мордой противной и хамской, в биодоспех был запакован, кладенцом не пренебрёг.

Ну и по команде вскинул руку, показав жерло какого-то странного самострела, короткого и толстого, из доспеха показавшегося. Я начал резко смещаться, но прифигел немного — ни такого типа “ношения оружия”, ни такой “модели” какой-то... композитной...

В общем, зря я изучать начал. Хотя, с другой стороны, и если бы не изучал — нихрена бы не изменилось, к подобной атаке я был не вполне готов.

Потому что стреляло Рарожича разразилось облаком прозрачных осколков, сияющих тёмно-багровым пламенем энтропийной плазмы.

Дробовик, как он есть, поморщился я от пробития осколком плеча. Это я молодец и шустрый, что сместился: большая часть “картечи” ушла в место, откуда я начинал поединок, почти весь остаток поглотили пластины воздуха. А вот один, блин, прошёл доспех, как бумажный, оставив обугленный шрам. Энтропия и огонь, мдя. Но, с другой стороны, эфир потерял, так что в левом плече у меня не слишком большая хрустальшка. Неприятно, но даже не больно почти.

Ладно, пойду прохвоста мучить и калечить, рванул я к Рарожичу, явно грустному от результата выстрела. Правда, не слишком, на попадание довольно зыркнул. Но тебе это не поможет, отметил я.

И начал наносить режущие удары кладенцом, сдвигаясь вокруг Рарожича. Тот хамски ловко отражал, пытаясь своё стреляло запустить, но тут я не стал рисковать и начал, не прекращая взмахи кладенца, гвоздить по самострелу-картечнице. Перерубил, но продолжил долбить, так что через четверть минуты...

Блин, я глазам не поверил — это, блин, родович! — дядька выпустил кладнец и с визгом

вцепился в надрубленную руку!

А вот моя лапа... гадство, отметил я, просто перекрывая нахрен участок кровообращения. Позже разберёмся.

Да и сбил визжащего, как гимназистка, дядьку на землю, подцепив за ногу кладенцом. И стал подтягивать к себе. Дядька визжал, но попытался использовать круги. Правда, они у него “срывались”, совсем терпеть не приучен долгими чиновничьими тяготами.

Подтащил я его к своей победоносной персоне, вlepил несколько пинков — не хрен колдовать, когда моя справедливая персона карать изволит! Ну и начал “пересиливать” эфирное насыщение доспеха прохвоста.

Последнее — занятие не самое простое, но когда начинка доспеха самозабвенно страдает — осуществимое. А через ещё четверть минуты доспех на вражине съёжился, открывая пах. Я концом кладенца примерился, вонзил пыряло, да и оторвал хаму уд. Под корень, как обещал.

Визг стал просто ультразвуковым, а я оторванное кинул на тушу, вполголоса бросив:

— Дома пришьёшь, — после чего отошёл от пробесхвоста и озвучил. — Убивать, кладенец благородный о хама поганя, нахожу излишним. Мой поединок окончен, — отошёл я в сторонку.

Противные очевидцы кинулись к жертве моей праведности, а я, раздвинув доспех на плече, принялся плоскостями воздуха извлекать снаряд. И яд, блин... хотя сам говорил, без ограничений. Хотя неприятно, блин. Гемотоксин, довольно действенный. Но область локализована, будем чистить. Ну а десяток-другой грамм плоти потерял — ерунда.

— Что у вас, Стригор Стрижич? — приблизился спешившийся Горыня. — Поздравляю победой.

— Да отравы неприятная, — цикнул зубом я. — Ерунда, почищу. За поздравление благодарю.

— Отравы, говорите? — нахмурился дядька.

— Да, руду мертвит. Но вы же сами о моих условиях слышали и договаривались, мол, бой без ограничений, — отмахнулся я.

— Так-то так, Стригор Стрижич, да не вполне. Яд против тварей — одно, а против родовичей...

— Зато я ему уд оторвал, — заключил я.

— И всё ж, коль не возражаете, поскольку я свидетель ваш, дайте добро на претензию в Поместный Приказ вашем именем.

— Сами смотрите, Горыня, — наконец, вычистил яд и большую часть свернувшейся крови, ну и запустил Архивом “щадящую” ускоренную регенерацию, тогда как доспех сомкнулся, сводя края разреза. — Мне этим заниматься... да лень, если уж совсем честно, — совсем честно признался я. — И без того дел тьма.

— Займусь, Стригор Стрижич.

— И благодарность моя вам, Горыня.

— Пустое, несложно сие.

На том и распрощались. А девчонки, засони такие, ещё и не проснулись. Впрочем, дело их, обычно, видно, призывный бурк моего пуза поднимает... или переволновались и отсыпаются, тоже вариант.

Но проснулись, порадовались моей победе над прохвостом. И читали, в салочки играли, да и не только. В общем, время провели приятно и весело.

А на следующий день я Самого Красивого Индрика сводил на охоту. Целую гривну с нас за доступ в заказник содрал жадный егерь! Но ладно, не жалко.

Нашёл я цветочек поароматнее, развалился под дубом, принялся напевать с некоторой ностальгией:

Приятно вспомнить в час заката...

Приятно вспомнить в час заката

Любовь, забытую когда-то.

Полезно вспомнить в час рассвета

Слова забытого поэта:

Щедра к нам, грешникам, земля.

А небеса полны угрозы.

И что-то там еще тра-ля-ля-ля...

Перед грозой так пахнут розы.

Мы знаем все, ведь мы не дети,

Опасно жить на белом свете.

Но как не жить на свете белом,

Коль любишь жизнь душой и телом.

Щедра к вам, грешникам, земля.

А небеса полны угрозы.

Кого-то там еще тра-ля-ля-ля...

Перед грозой так пахнут розы!

Хорошая песенка, факт. А Индрик, пока я распугивал окрестную живность прекрасными звуками своего вокала, отловил какого-то лютого лося, чуть ли не с него размером. Третью сожрал по дороге, а две трети припёр мне.

— Пожри хозяин, не завывай так грустно! — отмыслеэмоционировал акул.

— Я очень весело завываю! — возмутилась моя музыкальность.

— Всё равно, пожри и не завывай.

— И тут критики, даже в лесу от вас не спрячешься, — посетовал я. — И сам своего лося жри. Не буду петь, блин.

— Вот и хорошо, вот и сожру, — довольно заключил акул.

А через пару дней я припёрся в Паучатник, на тему того, что мне Тенетница припасла в плане задания. Дама сидела в своём паучатнике, буркнула мне:

— Блага, Стигор. Ты вовремя.

— Как звала, так и явился, — пожал плечами я. — Что за дело-то?

— Тебе привычное. В Пущу надо сходить. Точнее, провести пару моих родичей и пару Ладычей.

— Хм, — задумался я. — Глубоко? И в какую?

— Алтырную, — потыкала Тенетница в живой гобелен-карту на стене. — Тарпаном за полдня доберётесь. А глубоко... в сердце, конечно, — пожалала она плечами.

— Нет, — отрезал я, а на вопросительно поднятую бровь уточнил. — Я, один, — потыкал я себя в грудь, — год пробовал пробиться до сердца. Еле выжил.

— Интересно. А докуда доходил, не покажешь? — потыкала она в гобелен.

Ну я решил, что скрывать данный момент не стоит, потыкал на карте — наша, "Болотная" Голодная Пуща на гобелене была отмечена, как и весь материк.

— Изрядно, но Стригор... не делай этого более. Сам помрёшь — обидно, но ладно. А

вот всем, и родовичам и людишкам, худо сделала. И своим, из Лога! В общем, слушай.

И выдала Тенетница мне такой расклад, без подробностей, но вполне во мне известное укладываемое. Итак, Пуца — квазиорганизм. Всех органов Тенетница не назвала, но вторжение в определённый “защитный периметр”, для начала, вызывает ответную реакцию “стражей”, которые этот периметр и не покидают. Обычно.

Если нанести этим стражам урон, Пуца начинает наращивать сопротивление. А если их перебить слишком много... Ну в общем НЕХ неубиваемый станет “стандартом” с прочей жутью глубокой Пуцы. И в гости, к примеру, в тот же Лог зачистит. А в глубокой Пуце совсем жуть запредельная копошиться начнёт. Вроде бы временное явление, реакция на “прорыв”, но за временность эту выкашивает на сотню километров от пуцы всё: людей, зверей, подчас и растения.

Но и это не самое поганое. Если Воздушный Владыка, в моей роже, продолжит пробиваться, причём успешно, сквозь уже “совсем жутей”, Пуца ответит. Или ещё не встречающимися, “законсервированными” тварями. Или сама создаст наиболее действенное, в ответ на прорыв. Тут Тенетница честно сказала, что не знает, а эксперименты экспериментить психов нет.

Поскольку НЕХ “нового образца” появится во всех Пуцах материка. И ОЧЕНЬ повезёт если в глубокой Пуце.

То есть, не рукоуи боярские в геномомешалку палочкой потыкали, озадаченно почесал затылок я. А к сердцу Пуцы те же Владыки всего рвались, лихость являя. Дохли, скорее всего, но остальным подкидывали свиноту эпических размеров.

И, кстати, тоже может быть одним из причин отсутствия программы “наштампую Владык”, отметил я.

— Да я и так, в общем-то, лезть перестал. Там в пыль надо деревья, землю и воздух перетирать, — озвучил я. — Только скажи, Тенетница — а как мы, по-твоему, должны “в сердце Пуцы попасть”?

— Лихычи, Стригор. Пуца мирной будет, почти... Ну сам увидишь и поговоришь, время будет. Там часть тварей, — поморщилась Тенетница, — не поддаются. Мало таких, к счастью, но есть. Воздушный Владыка совладеет, да и, надеюсь — без потерь, а то каждый год родовичей теряем.

В общем — Пуце меня скармливать не собирались, на что указала и парочка имперцев лет пятидесяти, такие, в возрасте уже, по-моему — супруги, хотя леший... нет, поминать этого товарища перед походом в Гиблую Пуцу — не стоит, хоть и не суеверный я.

В общем, были в пуце не раз. Зачем нам тудыть — Тенетница отрезала “сам увидишь”, но я, похоже, догадался. А на месте увидим.

И отбивать нам нынешней ночью, порадовала Тенетница, отпустив взмахом руки.

А я с Твёрдом и Тихой направился в какую-то жральню, где спутников стал теребить, на тему, а что за твари “не поддаются”. Потому как жить, с чего-то, очень захотелось.

26. Пушная мануфактура

Общалась парочка со мной довольно благожелательно. Некоторое снисхождение проявляли, но такое, фоновое, скорее нормальное для полувековой парочки по отношению к семнадцатилетнему. Не чрезмерное и терпимое, скажем так.

А вот рассказы их мне... ну не то, чтобы не понравились. Но лешего я зря поминал, факт.

Итак, цель нашего путешествия, в плане “нахрена”, парочка не раскрывала. То есть, Тенетница сказала “сам увидишь” — значит, сам увидишь.

— И вам, Стригор Стрижич, сие, если по совести, без разницы. Ваша задача — тварей убивать, нас и наших спутников оберегать, — выдал Твёрд.

— Хорошо, — не слишком довольно констатировал я. — Что за твари?

После чего началось перечисление, в ряде случаев которого мне приходилось уточнять. И спектр тварей не радовал. Например, та груда плоти, которую у меня взял только ледяной эфир, а только потом кислород — называлась “Глотка”. И высоковероятно был, НЕХ этакий.

— А почему “Глотка”? — кисло любопытствовал я. — Я эту тварь прибывал, нет у неё никакой глотки!

— А потому и глотка, — понятно ответила Тиха. — С ярлом убивали, Стригор Стрижич?

— Да нет, до тех мест, где я Глотку встретил, ярло бы не дошло, — задумчиво протянул я. — Ярло, значит, возьмём?

— Ярло, алхимию боевую, — не менее задумчиво протянула Тиха. — Я думала, что преувеличивает Голова. И силы я в вас столь великой не чую, уж простите, Стригор Стрижич.

— Прощаю, — отмахнулся я, несколько повеселев.

Ярло — это хорошо. Потому что ту же Глотку без него мне воевать не выйдет, не раскрывая почти все мои козыри, чего не хочется.

Далее, будет Лихо. Но с этим, синхронно поморщившись, парочка выдала, что атаковать вряд ли будет. Чем своё “родство” с одноглазом подтвердили.

А Вот леший, причём не один — это херово. И ярло здесь нихера не подмога, ну и заворот, точнее, “Пуца будет считать нас своей частью, Стригор Стрижич”, тоже не поможет.

Леший — это, сволочь такая, “зверовод”. Каким макарон он натравливает и управляет тварями — толком не понял ни я, ни Архив. Но этой тварью недаром ругаются, потому что Леший со свитой — это пиздец не только малой деревушке или особняку родовича. Это малый городок, скрытый до самого основания.

Единственное спасение в том, что тварь, выходявшая к Логу, свиту набирала не особо лютую: вороны, песцы, бесы. Неприятно, но терпимо, вырезается нахрен свита, а потом берётся в кладенцы Леший. К счастью — очень медленная, передвигающаяся на шестёрке коротеньких, почти человеческих, лап тварь. К сожалению — дюжина лап-клинков, восьмиметровых в вытянутом состоянии, запредельно острых, наносящих урон кладенцам. Ну и полная, без шуток, иммунность к эфиру. Хоть от огня, паразит такой, корчился и помирал, хотя и не сказать, чтобы особо быстро.

И вот эта пакость, как сообщили Твёрд с Тихой, припирается практически каждый

“поход”, да, бывает, и не один. Хорошо, что поодиночке. И беда в том, что, насколько я понял, “перегружает” возможности Лихычей. То есть валить тварь надо “ещё вчера”, пока имперцы, удерживающие уже не только и не столько “Пущу в целом”, сколько свиту лешего, не сломались нахрен.

— Основные потери в походах от лешего, — констатировал Твёрд. — Силён, тварь. Мы минут десять свиту удержим, свыше... лучше не проверять.

— Ярло его из-за мечей не берёт? — спросил я, на основании своих выводов.

— И из-за них, да и толку от него немного — Чернобожич ярло питает, а всё одно копьё плоть твари не берёт толком. Кладенцом кромсают охранники, алхимией закидывают, но это так, баловство, — махнула рукой Тиха. — Так что только резать и быстро, Стригор...

— Не родовите, излишне это.

— Резать и быстро, Стригор. А вы как с лешим управлялись?

— Огнём. И Погибыч, — лаконично отрезал я, не став открывать козырь.

Ну, в принципе, ангидрид тварь пронять должен, прикинул я. Не убьёт, но вынудит своими лапками-мечами подлючими сучить — с нервной системой у лешего всё хорошо, так что прижигание кислотой ему явно не понравится. А в дыры в защите... Блин, гадкое же создание, эфир его не берёт толком. Впрочем, в этом случае даже не ярло, а самострел поможет, если голову приложить.

И ещё десяток тварей описали Лихычи, поганости повышенной, к ихним потугам иммунным, но, к счастью, не иммунные к эфиру вообще.

— Благодарю, уважаемые, за рассказ, — слегка склонился я. — Но имею вопрос — почему бы не взять с собой в поход, скажем, ещё одного вашего родича? А мне в подмогу — Чернобожича или Ярилыча? И да, Индрик-зверя своего взять хотел бы.

— Нет, нет и нет, Стригор, — решительно и на две головы помотала парочка.

И поведали такой расклад: Пуща не только на “вторжение” реагирует, но и на эфир, количество “живого мяса”, масса факторов. И третий Лихыч — тягло, а не подмога. А три боевика ходят обычно. Одного стабильно теряя, а то и двух.

У нас же поход экспериментальный, в котором, до кучи, бегуна с собой возьмём. Последнее, кстати, меня утвердило в мыслях о целях похода.

Так вот, Индриков и прочих Чернобожичей брать просто смысла нет. А мне, оказывается, невзирая на “сами увидите” Тенетницы весьма и весьма весомое доверие: оба мои сотрапезника от меня зависят будут, как и пара Ладычей.

Так что после трапезы я к Тенетнице морду засунул, и категорично сообщил, что Индрика надо домой, а то сломает он нахрен всё. Включая анператорский дворец, императора и саму Тенетницу.

— Вот же... ладно, ступай, Стригор. Пошлю с тобой человечка на бегуне. И не... впрочем, сам не дурак.

Дураком я не был, ни с Индрика по дороге домой, ни с бегуна по дороге взад на всю улицу “мы идём в Пущу” не орал.

Но с девчонками попрощался по-быстрому, инструкции предыдущие подтвердив, благо документы нужные были: не будет меня через седмицу — пусть в Лог двигают, там встретимся.

А уже в сумерках мы грузились на Трапана, следующего в город Алтырь, расположенный рядом с соответствующей Пущей. И с Ладычами — парой, как бы не матушкой с дочкой, хотя хрен поймёшь у родовичей, познакомился.

Блин, сыкотно как-то такой группой в сердце пущи пробиваться. И за спутников боязно, и флешбьяки... Впрочем, с моей жизнью флешбьяки будут меня преследовать вечно, это факт.

Далее, в худшем случае выжимаю источник, подключаю ледяной и энтропийный эфир, плюя на конспирацию. И прорубаюсь со спутниками из Пущи. В принципе — потяну, если на износ. Да и Ладычи помочь смогут. В общем — не сказать, что терпимо, но не совсем гиблое дело, заключил я. Росси бы, конечно, не помешал... но не взял. Слишком “палевно”, да и прямо скажем, в Пуще для него целей не так много. Так что остался карабин, фактически поселившись со своим прискорбно малым боезапасом, в индриковой сумке. Благо, неорганика там прекрасно жила, и никаких сложностей не возникало.

И вот, кстати, сам себе напомнил я, а то всё в биомагию и прочее. Если у меня с кругами и конвертацией выйдет сносно, так и ряд кругов Замороженного Мира запустить выйдет. А это... ну, как минимум, гибкость оперирования. Пороховые стреляла, именно на порохе, не факт, что нужны. А вот на взрывном расширении — почему бы и да? Да и граната, пусть и ручная, но это мне она — ручная, а вражинам — осколочная, хе-хе.

В общем тоже, в плане изучение это направление ни хрена не даст. Но в плане комфортности и безопасности — подмога вполне неплохая. Да та же химия — у меня ни хрена не выходило сопоставимого с местной биоалхимией, не потому что “нет”. Есть и сопоставимые, да и посильнее вещи, пусть не яды. Но хрен я их “на воздухе” вытягивал. А вот с приличным набором химикатов, чего производственные круги обеспечат — можно и поохотатся устроить. Себе — вражинам грустно будет, пусть и недолго.

Но это, блин, если руки дойдут. А то дел у меня тьма, а вот времени — ни хрена. Не удивительно, что многое даже не забываю, а, скорее, забиваю.

И пару часов занимался тем, что дрючил самострел, исправно снабжающий меня роговыми болтами. И готовил колдунства-зачарования поубойнее — не одно, а нескольких видов, с учётом описанных спутниками тварей. Была некоторая надежда, что они — не знатные суицидники и лапши мне на уши не навешали.

И даже вздремнул пару часиков, разбуженный скреблением в дверь транспортного гриба.

А встречали нашу пятёрку, как ни удивительно, десятка. Десять родовичей в биоброне, на щучемордых горбунках. Под предводительством практически деда-имперца, тоже в биоброне. Не столь антикварного, как дедок-библиотекарь Академии, конечно.

Но с “выцветшими” головными иглами, отчётливыми морщинами. Такой, ветеранистый дед, прямо скажем.

— Слава Империи! — гаркнул дедок, подхваченный гарком родовичей-подчинённых.

— Силы Императору! — ответили мои спутники.

— Угусь, — верноподданно пробормотал я.

Дед на меня зыркнул, но вопить “на копыя отступника!” не стал, милейший человек. После чего поместили нас на пятерых горбунков и рысью повезли.

Сидел я на этом щучьем сыне скорбно и страдал: тряско, неудобно, и вообще — гадость. Индрик лучше, факт.

Наш караван довольно быстро и беспрепятственно покинул Алтырь, выехав в еле брезжущий рассвет — мои спутники обладали достаточным “весом”, чтобы привратные стражи только что “под козырёк” не взяли, да и то, по причине отсутствия последнего, как мне видится.

Имперец-командир тем временем общался с Твердом и Тихой, причём, хоть голоса не

повышали, но высказывания “поляжете все”, “недоумки столичные” и “делайте, что желаете, приказ исполню” ветер до меня доносил.

Блин, какой правильный дядька, почти моими мыслями триндит, хмыкнул я, ну и несколько успокоился.

— А вы, Стригор Стрижич, и вправду тот, о ком говорят? — с интересом обратилась ко мне подъехавшая Ладышна, младшая, Ладослава.

Блин, вот и что ей ответить? Ну в смысле, ладно, довольно удачный эвфемизм, в плане “тот, о ком говорят”. Потому что орать на всю Империю: “я охрентельный Воздушный Владыка, всем кланяться мне полчаса!” — я точно не собираюсь. Но спутникам... явно будет поспокойнее. То есть, Твёрд с Тихой — с каменными физиономиями, и на сентенции командира отряда индифферентны. Но вот старшая родовишна-Ладышна, Ладонегга, тоже ухо навестила и зыркает.

— Да, — веско ответил я и кивнул. — И справлюсь, не волнуйтесь.

Ну а что ещё сказать? Девки, похоже, реально вибрируют, их понять можно, сам вибрирую, если честно.

Доехали до засечной полосы, а там направились к здоровенной казарме. И начались беготня со снаряжением. Начал мне дядька Погибыч, кладовщик, втюхивать всякое.

— Твёрд, что с огнём? — уточнил я.

— Не стоит огня, Стригор, — подтвердил спутник мои ожидания. — Там, где мы будем... не стоит.

— Благодарю, — кивнул я. — Нет, алхимию не надо, — отказался я. — А вот самострелов парочку — надо. И кладенец ещё один не помешает.

— Как пожелаете, — пожал плечами владыка арсенала и припёр затребованное.

Ладышны тем временем сгребали и нагружали в бегуна стимуляторы, простые и чародейские. Я к ним было лапу протянул, но был остановлен.

— Это нам, Стригор Стрижич. О вас мы сами позаботимся.

Хм, ну, логично — биомагички и меня, и имперцев “вытянут”, а вот самим им стимуляторы не мешают, благо негативные побочки они нивелируют.

В общем, через полчаса выдвинулась наша экспедиция в таком порядке — впереди вышагивал я, будучи со следующими за мной Тихой и Твёрдом телепатически связан. Последние должны были мне указывать, в какую сторону воевать, да и нужно ли это. У левой моей ноги двигало ярло, редкостно небольшое, не более крупного дога — то ли молодое, то ли порода специальная, типа горной пушки.

За Лихычами флегматично вышагивал бегун, в которого, помимо груды припасов, уместились Ладышны.

Пуцу огораживала, помимо массы всяческой полноценной фортификации, натуральная засечная черта из древесины пуцной, так что вслед за лютыми кольями с суковатыми и разлапистыми ветками Пуца начиналась без всяких подлесков и прочих вывертов — всё было нахрен вырублено.

А вот связь с имперцами телепатическая показала свою нужность в самом начале: я несколько раз дёргался на троицу одиноких бесов, стайку воронов, протопавшего неподалёку псоглавца. Вся выучка меня на леденящую душу резню подталкивала, но волны успокаивающей телепатии естественный порыв приостановили, а сами твари нас самым натуральным образом игнорировали.

Ну и двигали мы в недра Пуцы, довольно неспешно, что в целом и оправданно. Вообще

— даже засмотрелся я, не до потери бдительности, но озирался с интересом. Дело в том, что мои походы в Пущу выглядели как “аз есмь биоцид на воздухах, Индриком несомый”. Что оправданно поведением населяющих Пущу тварей, в плане либо: “драпаем нахрен, это Стрижич!” — либо: “валим его нахрен, это Стрижич!”

А вот сейчас всячески более-менее мирные копошения наблюдались, что было вполне себе миром животных. Лютых, как сволочи, но, тем не менее...

— Стоп! — прошипел я, вскидывая руку. — Не чувствуете?

— Признаться — нет, — прошипел Твёрд. — Что такое, Стригор? И голос лучше не подавайте, — продолжил уже телепатией он.

— Тогда на жест поднятой руки связывайтесь словами, — отмыслил я.

— Резонно, сделаем. Не подумали. Так что там, Стригор? Мы тварей не чуем.

— Этих вы и не чувствуете, сами говорили. Трясинник, ветер запах принёс, — пояснил я.

— Неприятно, — констатировала Тиха. — Обойдём? Где он?

— А ле... не знаю. Запах очень сильный, странно, что не чувствуете. Но далеко, так что: либо совсем матёрый...

— Не может тут матёрого быть. Год тому назад проходили, не было трясинника.

— Значит, не один, — сделал логичный вывод я. — Так что непонятно, куда обходить.

Сколько у меня пространства от вас?

— Метров десять, больше — перенапряжение.

— Мда, не стоит. Так, очень медленно и печально двигаемся. И я очень аккуратно попробую ветром тварей почуять.

Возражений не последовало, а через четверть часа показался ручеёк, совсем небольшой, со звериной тропой. Вообще — неудивительно, что трясинника Лихычи не чуяли. Там когнитивной деятельности как бы не поменьше, чем у дерева, в которое трясинник прорастал. Но, получить жмень желудочного сока трясинника в организм его тупость не помешает.

Тут только собственная умность и осторожность помешать может.

Воздух я, кстати, не зря подпускал — подлючий трясинник щупало своё поганое не по правилу протянул, в редких кустах на подходе дырка щупальная была, а не как положено — травой укрытая. Ну да чёрт с ним, стал я причувствоваться-осматриваться. И нашлись, голубчики. И вправду, две твари, через тропу буркалами своими друг на друга пырились, гадкая парочка.

Но у меня заряженные болты для самострела из биодоспеха торчали, как у Рэмбы какой, разными видами и типами воздушных манифестаций приправленные, так что решил я проверить, раз уж трясинники под самострел подвернулись.

В первого я направил рог с “плоскостями воздуха”. Трясинник дёргался, рыпался, щупалами сучил, но помер спустя десять минут, оросив траву и кустарник желудочным соком из щупалец вытянутых.

А на второго я свою экспериментальную задумку использовал. На которую меня вибронож натолкнул — в роге болта был сотворён, точнее, вырезан груз с отклонением, и воздух циркулировал, груз колебая и колебания эти на болт передавая. Точность такого болта падала, безусловно, но они и так не слишком дальнобойные. А вот при попадании в плоть начнёт этот болт колебаться, раневой канал расширяя и всячески цели неприятности причиняя.

И самое вкусное — что эфир ВНУТРИ болта, и никакая резистентность твари и

эфирным воздействиям убивательную вибрацию не остановит.

И второй трясинник с успехом мои теоретические измышления подтвердил — копошился второй трясинник перед своей заслуженной кончиной минуты две, не более, виброболтом расхреначеный.

Дождались гибели и второго, потихоньку выдвинулись, я прыгнул через ручеёк и, похолодев, замер. Меньше, чем в метре от меня блеснул крюк трясинного щупала. Впрочем, паниковать я не стал, ладонь вскинул.

— Что стряслось, Стригор? — поинтересовалась Тиха.

— Трясинник. Ещё один, — лаконично отмыслемоционировал я. — Фактически под ногами, с-с-скотина.

— Помочь? — предложил Твёрд.

— Скорее да, — прикинул я. — Ярло наведите, — оттелепатил я положение трясинника. — И так повезло, что не видит, тварь. С места не дострелю, а двигаться почему-то желания нет.

— Сделаем, — последовал ответ.

И через пару минут из ярла в трясинника понёсся полуметровый болт. Невзирая на отсутствие ядовитых присадок — прибил, правда, мне пришлось кладенцом отбивать подёргивание щупальца. Но справился, даже не помер.

— Выдвигаемся? — уточнил Твёрд.

— Погодите, осмотрюсь, — отрезал я. — Откуда тварей столько, они по всем канонам и поконам одиночки!

— Всяко бывает, но с таким и вправду первый раз сталкиваемся. И были здесь год назад, никакими трясинниками и не пахло, — откомментировала Тиха.

Впрочем, ещё трясинников не обнаружилось, и Лихычи и бегун с Ладышнами водную преграду успешно форсировал.

Выдвинулись дальше, потихоньку-полегоньку. Нервов, Впрочем, это стоило массу — Твёрд с Тихой ОЧЕНЬ просили тварей без нужды не убивать, а меня твари ОЧЕНЬ напрягали.

Тот же песок в метрах от меня — ну ладно, зыркает своими буркалами подлючими, и хрен с ним. Насмотрелся я на песцов всяческих, даже дрых рядом с ними. А вот бесы, водящие хороводы под боком, напрягали неимоверно. А уж нетопырь, усмотревший в моей персоне посадочную площадку — бесил несказанно.

— Стойте, Стригор, — вдруг послышалось от Лихычей.

Я встал, жалом своим напряжённо водить стал, но ничего не углядел.

— Лихо впереди. Переждём.

Я лихо глазом не видел, эфиром не чуял, но, кхм, Лихычам виднее, факт. В общем, часа два стояли фактически на месте, пока Лихо в неведомых далях впереди творило свои лихие дела.

— Ушло, — последовало сообщение через два часа.

— Двинулись, значит, — заключил я, да и потопали мы дальше.

Ну и шли фактически до темноты, более гадостей и пакостей не встречая. А после спутники мои мирно расселись у подножья баобабины какой-то и провизией захрустели. Тут уж мой черёд был очи пучить.

— Это что енто вы? — прошипел я.

— Ночёвка, конечно, — негромко, но голосом выдал Твёрд.

— В Пуще. Ночью, — покивал я, внутренне уверенный, что Лихычи уехали кукухой.

И уже смирился с тем, что задание накрылось вагиной дентата, а сам прикидывал, как бы мне психов половчее по маковке стучать и из пущи вытаскивать.

— А вы в Пуще ночью не бывали, разве, Стригор? — подала голос Тиха.

— Да как-то не доводилось. Если дела и были — то днём решал.

— А, ну да, вы же пробивались, — покивала Лихышна. — Ночью Пуща — практически безопасное место, твари все дневные. В этой части, — уточнила она. — Ближе к Сердцу, конечно, похуже. Но тут мы спокойно переночуем, с Твёрдом меняясь, — на что её супруг покивал.

— И бесы? — хмыкнул я. — Они вообще-то твари ночные.

— Да? — с удивившим меня удивлением выдал Твёрд.

— Да, — покивал я. — На деревеньки нападают ночью, от света дневного прячутся.

— Вы же сами бесов по пути видели, Стригор, — тонко указала на толстое обстоятельство.

— Видел, — признал я несколько растеряно. — Ничего не понимаю.

— Тут два ответа может быть. Твари меняют поведение вне Пущи — такое встречается. Тех же нетопырей вне Пущи только ночью и можно встретить, насколько я знаю, — на что я покивал, был такой факт. — Почему в Пуще днём, а вне её — лишь ночью, не ведаю. И второй ответ — ваши же бесы из Болотной Пущи?

— Думаете, другие твари?

— Насколько мне известно, все твари хоть и похожи, но по мелочам от Пущи к Пуще разнятся. Вроде и не сильно, но... Пуща, — пожал плечами Твёрд.

— Это да, Пуща такая, она и не такое может, — признал я.

В общем-то, не соврали Лихычи, хотя я к дереву прислонился и спал вполглаза, а если совсем точно — в полутрансе пребывал, округу отслеживая. И — ничего. Даже нетопырей, которых подсознательно ожидал, ни черта не было.

Те же Ладошны, например, калачиками свернулись и сопели в две дырки.

А вот с утра наша экспедиция претерпела некоторые пертурбации в плане построения. Я с ярлом на верёвочке (фигуральной) остался впереди, за мной Лихычи, а вот Ладошны из бегуна вышли, положив ладони на плечи Тверду и Тихе.

— Через версту начнётся Сердце Пущи, не точно, конечно, но грань ощутимая, — выдала Тиха. — Там всё живое и голодное, а твари... впрочем, вы, Стригор, и без меня знаете. Тварей помните?

— Сложно забыть, с большей частью управлялся. Но вот с Мавкой...

— Не самая страшная тварь, от силы Стрибожьей должна развеяться легко.

— Дай Стрибог, — изящно скаламбурил я.

И выдвинулись мы, а через версту примерно и вправду началась уже известная мне пушная пиздецома. Подёргивающиеся корни, зубастые лианы, какие-то невнятные НЕХи пасти свои подлючие раззявливали, буркалы противные (у кого были) пучили. И хрен поймёшь, тварь это злостная или ещё какая пакость, типа веточки, блин. Причём в плане опасности — один хрен.

Но имперцы не подвели — там, где я шёл в Болотной Пуще огнём и мечом, мы просто топали беспрепятственно. Правда, Твёрду и Тихе явно приходилось тяжело. Пучие очи их светились неоновым светом, белки краснели. Это при том, что Ладышны лечили их, судя по эфирному копошению, со страшной силой.

В общем, продвигались мы по этим местам, вызывающим инстинктивное желание выжечь всё кислородом нахрен, если не как по аллее Столенграда, то близко к тому.

А у меня всё больше начинал играть жопометр. Дело в том, что на подходе к цели мне эфиром пользоваться не стоило. То есть не вообще... но, чем ближе к Сердцу — тем хуже. Говорить глупостей “убейся вместе с нами” Лихычи не стали, но быть максимально ограниченным в эфирных проявлениях просили настоятельно.

В общем — картина понятна и нихрена не нравится. Я бы предпочёл с тварями встретиться на подходе. А они, подлюки, не встречались.

Но на мои “нравится-не нравится” Пуща хамски плевала. И вот, пришли мы.

И сказать, что это было Сердце... нихрена. Была это матка Пущи. Притом, что сердце у лаборатории, а то и мозг, явно было. Собственно, давление ментальных эманаций Пущи пробивалось сквозь труды Лихычей. А последние просто плакали кровавыми слезами, без преувеличения.

А Ладышны... впрочем, в этом случае стоит по порядку. Вышли мы на этакую поляну-пещеру, охваченную сверху листвой и заросшую самой обычной травой. А вот “стены” этой поляны составляли изогнутые этакой полусферой, сросшиеся друг с другом деревья. И... тысячи, а то и десятки тысяч чанов. Как икра, покрывающих стены поляны, в части которых, раздутых до невозможности, узнавались зародыши тварей пущи.

По всему этому богатству сновали моллюски, чем-то похожие на метровых слизней. Но не слизистые, явно сухие. С глазками на ниточках, голубенькими, как у песцов. И мышечными щупальцами. Сновали и явно обслуживали чаны. А главное — чаны были прекрасно узнаваемыми. Это были мануфактурные чаны Имперских Мануфактур, в большинстве своём поменьше их, хоть и не все.

И вот, Ладышны, наложив руки на ближайший пустой чан, попыжились эфирно, да и подняли его, после чего чан втянул в себя ложноножки. А Ладышны аккуратно перетащили его к сумке бегуна, куда и поместили. И за следующим.

Ну охренеть, блин, ну блин охренел я. Я предполагал, что какая-то фигня полезная из Пущи, но что из неё вообще всё... То есть, вся “биопромышленная мощь Империи” — надёргана из Пущи. Нет, в этом случае всё логично. Подозреваю, Ладычи в этой схеме — скорее удобство. Но блин, как какому-то первому пучеглазу в голову пришло в Сердце Пущи лезть? Тут же реальный звиздец. Хотя именно в “родильной”, где мы пребываем — вроде и ничего...

Видимо, чтоб мне жисть мёдом не показалась, Твёрд прокаркал-прошипел:

— Мав-ф-фка. Стригхор... чародейства.... не надо.... — и начал заваливаться.

Ладослава отпустила чан, который расставившая ноги пошире мать с трудом удержала, рванула к Твёрду, наложением рук прервала заваливание. Потом Тиха, которая тоже покачивала и кровушку пускала всякими отверстиями — перенапряглась. А Ладонег, раскорячившись, продолжила добычу и погрузку.

А я тихо зверел: это был пиздец, как он есть. Мавка — тварь, которая мне ещё ни разу не встречалась. ИММАТЕРИАЛЬНАЯ, сука, тварь, судя по описаниям Лихычей. И бороться с ней, с сукой, просто. Высокоэнергетическими, чтоб их, всплесками эфира, то есть силы чародейской.

И вот я её развею. А через десяток секунд вся “охранная линия” Сердца Пущи развеет нас. И схарчит, чтоб мясо не пропадало.

Беда в том, что кроме как эфиром, тварь не убивалась, а нужен резкий, мощный

всплеск... Жопа, в общем, как она есть.

И стал я водить жалом — ну жопа и жопа, не сидеть же в уголке и плакать, в конце-то концов. И “медово-золотое” сияние я увидел, хаотичными рывками приближающееся. Вот только ещё я увидел... ломаные, искажённые черты лица и тела. Это была... химера души. Не знаю, как иначе назвать, а от даймона в эфире стали пробиваться вполне знакомые мне завывания, стенания, стремления... очень слабо, но то же, что и от “облаков воспоминаний”, как я их называл.

Душа, значит, оскалился ледяными клыками даймон моей души. Ну, посмотрим, может, и без эфира справимся.

Хотя сходу жрать не хочется... но посмотрим.

И посмотрел, блин. Чуть не проблевался: полупрозрачное лицо, слепленное из тысяч мелких черт, бездонный зев, обрамлённый хаотично и бессмысленно утыканными зубами. Бессмысленные, полные муки глаза. И жажда, жуткая, бьющая “в душу” жажда. Тварь остановилась передо мной (благо я перекрывал подлёт к спутникам), разорвала свои прозрачные щёки криком... и заметалась, ухваченная вполне материальной рукой, движения которой повторил даймон, удерживая изувеченный призрак. Верещала тварь душевно, но метания ни к чему не вели, кроме её бултыханий. Ощущение схваченной добычи было пусть не физическим, но отчётливым.

— Отпустить тебя что ли? — одними губами пробормотал я. — Так ты мучаешься. Так, что мне самому страшно. Эх, ладно, — вздохнул я. — Итадакижрать.

И сожрал этот конструкт. Противновато, конечно, было. Но в текущих реалиях я как-то иного выхода не нашёл. И ни хрена эфир не вырвался, кстати.

А вообще, похоже, что эта Мавка — ни хрена к Пуще прямого отношения не имеет. Больше на отголоски... непонятно куда девшейся цивилизации похоже. Миллиарды единовременно убитых, исчезнувших, потерявших личность — или душу, даймон знает, но не который я.

— Мавкх-х-ха? — просипел Твёрд.

— Развеяна, — прошептал я, оглядываясь.

Похоже, мои душежорские потуги окружающим были до лампы. Все заняты, банально не видели. Ладонегу уже шестой чан прёт, с трудом переставляя ноги, Ладослава хлещет зелья, как питух заправский, поддерживая Лихычей.

— Довольно чанов, — прошептал я. — Не стоит судьбу испытывать.

— Д-х-ховольно, — одними глазами кивнул Твёрд. — Зелье, — протянул руку он, в которую Ладослава положила две склянки.

Влил одну в Тиху, одну в себя, и хоть продолжал кровоточить, явно ожил, буркалами своими пучими неоновно засверкал.

— Уходим. Ладонегу, Тиха, — на что выгрузившая чан Ладослава кивнула, на Лихышну руки возложив. — Стригор...

— Ну, я пошёл, — просипел я шёпотом, возглавляя покидающую Матку Пущи процессию.

27. Странное сватовство

Обратно выдвинулись мы пободрее, Лихычи подгоняли. Сами они жрали стимуляторы, как и Ладышны, впрочем, их “уходим, быстрее!” притормаживал я. Всё понимаю, но гробануться на обратном пути мы имели шансы не меньшие, а, по совести, большие, чем на подходе к центру Пущи.

И очень меня беспокоило отсутствие тварей. И Твёрд, и Тиха на два голоса пели о немалом количестве тварей, которые непременно сопровождают каждую экспедицию. Иммунных к их воздействию тварей, на минуточку.

И ладно, допустим, что на пятёрку Пуща не реагирует столь сильно, как на семёрку-десятку, которые ходят обычно. В это я могу поверить, но твари не мозготрахабельные — на них просто натыкались. А я в статистику не верю, я знаю, что она работает. И если пока тварей не встретили (ну, кроме Лиха хрен знает где, но это тоже не встретили, по сути) то вероятность встречи их растёт с каждой секундой невстречи.

Так что вприпрыжку с радостными воплями по Пуще бегать, помахивая корзинкой с чанами — категорически не стоит. Сожрут.

Но двигались, нечисть и пакость нас буркалами противными своими сопровождала, пастями гадскими хлопала, щупалами помахивала, а тварей не было. У меня же паранойя от этого благолепия начала переходить в терминальную стадию, начал я потихоньку воздух собирать. И через зубы вдыхаемый, и плотным эфирным коконом вокруг своей персоны собранный.

— Опасность, Стригор? — обратила Тиха внимание на мои метания, через полчаса после того, как мы покинули маточник Пущи.

— Нет. Мне это не нравится. Предпочитаю быть готовым, — досадливо отмыслеемоционировал я. — Лучше готов буду. Я вас не слишком перетруждаю?

— Терпимо, — ответил Твёрд. — И вправду, подготовленными быть лучше. Сам не понимаю, где твари, — признал он.

Впрочем, через десять минут твари объявились.

— Здрости, — пробормотал я под нос, помахивая трёхметровой туше Лешего, появившегося из-за деревьев в тридцати метрах.

Тварь в ответ приветливо помахала сжатыми, как у богомола, лапами-мечами, уставившись на нашу компанию семёркой травянистых буркал.

Впрочем, буркалы тут же прикрылись лезвиями.

— Свиты почти нет, но он их зовет, Стригор. Поторопитесь! — скороговоркой выдал Твёрд.

— Вот чтобы я без ваших ценных советов делал, — проворчал я. — Чародейство будет, не слишком много, но без него никак.

— Понятно. Удачи.

Ну а мне оставалось только аккуратно двигать к Лешему. Ой как мне его морда подлючая не нравится. И клинки гадские. И вообще — вся егойная несимпатичная персона мне ни хрена не нравится, да.

На этой мысли мне пришлось отпрыгнуть назад и вбок. Я дошёл до “зоны поражения”, и лапа-меч “выстрелила” в мой адрес. Увернулся, лапа пропахала рваную дыру в почве, после чего огребла рубящий удар кладенцом. Втянулась чуть ли не быстрее, чем выстрелила,

брызнула красной кровью... но это даже не смешно. Его кладенцом рубить десятки минут, хотя, наверное, и кладенцом рубить буду.

Леший, поджав лапу, сделал из лап-мечей этакий “домик”, в котором покачивался из стороны в сторону. Кстати, то ли местная особенность, то ли попался мне Леший особо матёрый: не восемь, а все одиннадцать метров у его подлючих лап была “зона поражения”.

А сквозь деревья наблюдались потерянные псоглавцы, песцы, сновали вороны — явно “законтроленная” Лихычами свита Лешего.

Так, времени ни хера, надо не думать, а прыгать, решил я, разогнался и прыгнул на толстое дерево в шести метрах от Лешего. Зафиксировался на коре биодоспехом, ну и начал концентрировать вокруг твари ангидрид.

Тварь пока кислотное очарование не прочувствовала, но меня прибить явное желание выказала — в древесину воткнулась пара лап, после ещё пара изобразили из себя ножницы, сомкнувшись на коре уже с “моей” стороны дерева. Хорошо, успел соскользнуть и принялся дубасить кладенцом по лапам, выглядывая новые подлючие лапы.

Схлопнувшиеся клешней лапы закровили, отдёрнулись, и тут за деревом затрещало и заквакало — голосёнка у Лешего был квакающий и негромкий.

Значит, началась прожарка кислотой, удовлетворённо отметил я. Ангидрид оведал лешую тушу почти минуту, но шкура у твари реально лютая, так что, видно, только-только кислота прожгла себе путь до нервов.

Так что оттолкнулся я от дерева, ну и откатился подальше, от греха. Перестраховка вышла, отметил я, наблюдая за беспорядочно кружащим Лешим, рубящим лапами всё вокруг, даже по себе лупящим — реально, в себя вогнал клинок сантиметров на двадцать, самурай кислотный.

“Время,” — запульсировала в голове мысль, притушив ехидное ликование. Так, ярло ничем не поможет, а значит, нужны виброболты — ничего быстрее и эффективнее незфирного, точнее, непрямо эфирного у меня нет.

Ну и Леший был сильно занят, так что присел я на колено (на удивление удобно оказалось, невзирая на строение ног), да и начал по Лешему виброболтами гвоздить. Не все попадали, летели они действительно криво, а Леший лапками сучил, ножками топал. Но и того, что попадало — хватало. Квакал, пакость такая, кровищею хлестал. По-моему, по итогам, скорее от кровопотери и помер — не нанёс ни я, ни кислота, ни болты серьёзных ранений. Но плоть разворотило знатно, кровищей забрызгало всё душевно. Ну и обиделся Леший, да и помер. От обиды. И кровопотери.

— Уф, — начал подниматься было я, как свита Лешего щеманулась в стороны, а из Пущи послышался треск.

Весьма знакомый треск, чтоб его. Глотка, как бы не на запах крови припёрлась. Сказать, что задница — не скажу. Скорее жопа, блин.

— Ярло, — позвал-отмыслеэмоционировал я.

Самоходный самострел ко мне подтопал, но, блин, что-то он на фоне пятиметровой высоты горы плоти, сносивший вековые деревья — нихрена не впечатлял.

Глотка выкатилась на окровавленную звериную тропу, принялась кататься-валяться, лешего мяса нажравшись, ложноножками своими противными в мою сторону помахивая.

Так, ладно, жопа, конечно, но терпимо. Хоть Лихычи не померли, и тварей в округе толком нет...

Видимо, для радости ощущений, старик Мэрфи помахал мне лапкой из неведомого

далёка. Над деревьями показался натуральный жоруновский половой хуй, который его башка. Типично палеозавровски нырнул и поднимался и чесал явно в нашем направлении. А глотка кровь с листвой и травой потребляла, скоро потребит...

Так, ладно, значит, у нас тут Сцилла и Харибда. Хм, Глотка на кровь “ведётся”, в трансе прикинул я. Ну, попробуем, всяко хуже не будет.

— Отходите назад, метров на двадцать, — отмыслеэмоционировал я спутникам. — Меня не прикрывать! Я сам скоро вернусь.

— Хорошо, Стригор, — оттелепатил Твёрд, судя по эмоциональной наполненности телепатического послания — прощаясь.

Да шаззз, мысленно хмыкнул я. Не собирается моё стрижичество помирать. Да ещё под тушей Глотки, а уж, тем более, на хере жоруна — это, как минимум, неприлично!

Так что плюнул я на эфирную “тишину” — два этих деятеля с гарантией всю живность на километр, а то и побольше, распугали.

Закрутил воздушный вихрь, подхватывая и отламывая окровавленную траву и ветки, и почесал к Жоруноу. И глотка, к счастью, повелась, во всех смыслах, шуруя за комом вкусняшки.

И Жорун на эфирную манифестацию вздёрнул свой головной хер, ну и целенаправленно почесал мне навстречу. Тут главное, мысленно хмыкнул я, чтоб дружба не победила, с призом в моей роже.

С пятнадцати метров Жорун свою морду неприличную назад отвёл, имея мою персону в виду. Но я подал побольше эфира в ком окровавленных веток и травы, морковкой болтающейся перед перекатывающейся Глоткой.

Жорун на миг замер, переориентировался и рванул своим хером на новую цель. И блин, я увернуться толком не успел, а Жорун — хуй, как он есть, злобно шипел я, отмечая стёсанный в ноль биодоспех и кусок руки, оставшейся на “шее” Жоруна. Ну реально, гандон ходячий, осудил я противную тварь. Не успевал я всё отследить, надо было приманку удерживать, шуровать бодро...

Ладно, биодоспех шрамом на мою дырку наплыл, предотвращая кровотечение, а я матерно отшипев, стал наблюдать борьбу бобра с ослом в условиях Голодной Пуши.

Итак, Жорун хером своей морды в ком окровавленного сена въехал и стал его всасывать. Глотка в этом подлом деянии усмотрела посягательство на свои права, прыгучей амёбой наскочив на жорунский хер.

Хер, который Жорун, тоже в сдавливании себя усмотрел нехорошее деяние и начал собой, да прицепившейся Глоткой помахать. Последняя отпустить не хотела, но на определённый момент ложноножками засучила, да и отцепилась. Показав выжранную Жоруном дырку в себе. Впрочем, Жорун жрал не просто так — “головка” хера, которая его башка, приобрела ещё большее анатомическое сходство, набухнув, покраснев и вообще — явно пребывание в недрах глотки на его здоровье сказалось не лучшим образом.

И начали твари друг друга в тишине, прерываемой только треском деревьев, воевать. А я чистые и сухие лапы потёр, мысленно пожелал им успешной взаимоаннигиляции, ну и аккуратненько потопал к своим.

Свои нашлись на месте, где и должны были быть. На мою живую и относительно целую персону отреагировали очами столь выпученными, что чуть не рассмеялся.

— Глотка? Жорун?

— Там дерутся, стравил, — не стал я с песнями и плясками описывать подвиг багатура

Стрижича.

— Пойдите, Стригор Стрижич, — подскочила ко мне Ладонег и принялась лечить.

И меня, и биодоспех, против чего я не только не возражал, но и приветствовал всячески. Чай, я не Чернобожич какой, которому и дырявым ходить можно.

И потопали мы дальше, на выход из Пуши. Причём довольно бодро, Лихычи зелья дули, как и Ладышны. В общем-то, никто нас больше не трогал — статистика и тут сработала, и тройная жопа неподалёку от Сердца Пуши была последней.

Правда... ну, довольно забавно вышло. Итак, был в Пуще некий Змей. Описывали его Лихычи, и в общем-то, каким описывали, таким и был. Радужная чешуя, змеиная физиономия морды, пера разноцветные, из мест различной неприличности торчащие. Трёхметровый такой змеюк. Быстрый-сильный-опасный, воздухом атакует и зубами ядовитыми, трёх метров. И летает, да.

Ну вообще — Кецалькоатль, как он есть, если разобраться. И вот начала вокруг нас, уже в подлеске, радужная молния на воздушных кругах нарезать. Ну я напрягся, как и спутники — они его не контролируют, а, с их же слов, тварюшка ни хрена не приятная.

А змеюк к эфиру воздушному причувствовался, свой ответно послал — вот реально, не видел бы змеюка своими глазами — подумал бы, что Стрижич здороваётся. И начал вокруг нас, особо не приближаясь, фигурировать в воздухе всячески, в бантики завязываться. И я не уверен, в этом случае Лихычам больше такие тонкости подходят, но вроде даже что-то мауглистое через эфир посылал, типа “мы с тобой одной крови”. Но не уверен.

В чём уверен — проводил нашу компанию до опушки, перами разноцветными помахал. Не атаковал, гадостей не чинил и вообще.

— Видно, Стрижичей прототип, — под нос пробормотал себе под нос Твёрд почти неслышно, а Тиха покивала.

Ну уж что-то, а воздушные вибрации до меня ветер доносил. И мысленно я с Лихычами согласился — более чем вероятно, что встретился я с “донором” нашего надсердечника.

Правда, с самими Лихычами ни хрена не понятно — где гравитация, а где ментал. Хотя, возможно, композитный орган — глазище Лиха во всю башку. А гравитация, например, ежели в очи пихать — дохлой выходила. Ну или что-то такое.

В общем, уже в сумерках добрались до засечной полосы. Вежливо постучались (я — ногой, как самый культурный). Ладышны, тем временем, перепонку бегуна расправляли, видно, от неделикатных взглядов нашу добычу ныча.

— Живые, родичи, — аж с некоторым удивлением выдал давешний имперец-ветеран.

— И с добычей, Светыня. Сопровождение до Алтыря нужно, время, — отрывисто выдал Твёрд.

— И Трапан. Организуем, — кивнул дядька, с явным непониманием покачивая головой.

Ну, в реалиях урезанной информации о походах в Пушу от Лихычей — удивление вполне понятно. Идём каким-то смешным составом, с одним воякой, да и то мальчишкой. Если не слабосилком, то ничего из себя не представляющим — ентот Светыня по дороге нас эфиром всех эфирно прощупывал. Я, правда, на него пыхнул воздухом, за щупанье не деликатное, но “общую силу” он прочувствовал, факт.

Ну и вместо могилки на полпути — “вернулись и с добычей”. Вот и удивляется пушчевед старый, хмыкнул я.

Тем временем, отряд родовичей из пары десятков собрался. Наша пятёрка бегуна взяла “в коробочку”, а сопровождающие — уже нас. И так, коробочками, в сторону Алтыря и

выдвинулись.

В дороге уже совсем стемнело, но твари, пушные и не очень, от нашей компании, по моему, сами шарахались. Правильно делали — я бы тоже шарахался, факт.

Во врата Алтыря, по ночному времени закрытыми, Ладыч, с горбунка свесившись, так кулачком невзрачным зарядил, что десятиметровая коралловая пластина аж завибрировала. Я даже подумал, не рассыпется ли, став наблюдать с интересом — всякие там разрушения я очень люблю и уважаю, если не мне их чинить, конечно.

Но врата выдержали, морда стража привратного в окошечко выглянула, на костяную пластину в лапе Светыни полюбовалась и скрылась. А врата стали опускаться потихоньку.

Да, это вам не тут, оценил я прелесть бытия “с мигалкой”. Но решил не привыкать. Дело хоть и приятное, но не самое правильное.

А наш отряд втянулся в ночной город, доскакал до небесной конюшни. Где с Трапана, слова хорошего не говоря, ссадили несколько пассажиров, загнали бегуна, к которому Ладышны присоединились. Ну и я домик занял монорыльно: в голове сновали и подпрыгивали мысли. Которые надо было думать, а до момента пребывания на Трапане времени на это особо и не было.

Так-с, в общем-то, все “намёки” на отсутствие толковой школы производства были. Не в плане распространённости биологии и биомании — это-то как раз вполне мог быть “имперский эксклюзив”. Но вопрос именно в “решениях”. Ярло, горбунки, сомы... Да тот же Индрик — это не работа биодиверсификации, в плане не исполнения, а решений. Это работа дикарей вариабельной дикарскости. То есть, биоразработки, кроме материального воплощения, самовоспроизводимых чанов — похерены.

Не все — геномомешалка на интуитивном управлении должна быть. Пока, из известного, выходит, что в чанах ВЫДИРАЕТСЯ некое свойство, тварей или биоорганизма Компилируется или нет — вопрос итогового продукта.

Но сложные, типа скакунов, даже того же ярла решения — тоже производятся чанами, но они должны быть разработаны. А чаны — это матки-репликаторы, у них функции разработки не прикручено. Некуда прикручивать, прямо скажем.

Дальше, сама Пуца — фабрика и лаборатория, это понятно было и раньше. Но с хрена ли она такая агрессивная? Ну ладно, какие-нибудь твари, типа песцов, распугивающие любопытных. Но Жоруны, Лихи, Глотки, Лешие? Да бесы фиговы, в конце-то концов.

Непонятно. И эфир — беллетристика описывала Мир, высокоразвитый, биологически. Но эфира не было. А Пуца — биоэфирный конструкт, это стопроцентно. Ни черта не понимаю, но очень интересно.

И мне интересна геномомешалка, а не чаны. Какие принципы действия, а главное — до памяти этой прибудины добраться. Она точно есть, и почти наверняка это не “память” мозга или нервных клеток — в противном случае имперцы до них бы добрались. Это, скорее, что-то вроде прописанных на клеточно-молекулярном уровне программ. Что-то вроде “родного”, прошитого в эфирных органах, метода эфирного оперирования.

Но блин, откуда эфиришки-то всё-таки? Стригасский Возвыситель покинул своей гермафродитией персоной Беловодье, которое ЗНАЛО об эфире. Но, судя по всему — не использовало. Все копошение на Стригасе — эксперимент по биологическому вживлению эфирного органа. И сам Возвыситель орган себе создал и вживил, не был он магом. При этом — листы с эфирной информацией, а значит — читала. И круги, тысячи кругов с развитой школой эфирного оперирования.

Ну вот реально — нихрена не понятно. Ладно, положим, беловодцам “подкинула на бедность” круги некая цивилизация, допустим.

И вот со страшной силой, на подкинутое попырившись, возжелали беловодцы колдунствовать. Понимаемо и в чём-то логично.

Но блин, а технологии техноцивилизации-то откуда? Тоже подкинули на бедность?

И что всё-таки с Беловодьем случилось? То есть, Мавка и “облака памяти” — очевидно, отголосок этого “случалова”. Но что это было, я вот уже всю голову сломал! Не атака, разве что злобные вражины такую атаку учинили, что сами померли. Перед этим снабдив беловодцев пулом эфирных и технологических решений. Причём, время между передачей этого пула и атакой — достаточное, чтоб беловодцы наладили работу десятков биолaborаторий-заводов, Пуц.

Фигня какая-то выходит, признал я. Кусочки пазла условно складываются, если бы у Беловодья был внутренний враг. А подкинутые на бедность технологии — помощь в войне. Тогда и милитаристичность Пуц объясняется, и отсутствие “выгодополучателя”. Подкинувшие круги просто не заинтересованы в Беловодье, именно помогли, по доброте душевной.

Но не было в книгах-беллетристике “злобных вражин”! И уровень цивилизации не тот, чтоб “самозародились” вражины.

Третья сила? То есть, подкидывают беловодцам эфир, а они воюют с неким третьим, не слишком благорасположенным к подкидывальщикам? И третьи, как вторые, из другого Мира... Нууу... так, возможно, но не слишком вероятно.

Имея технологии межмирового перемещения и развитие биологии, даже без эфира Беловодья — мне сложно представить уровень цивилизации, с ними способной вытянуть конфликт. И тут вопрос не индивидуальной мощности эфирных операторов — жмень боевых бацилл и вирусов в маленький межмировой портал — и девяносто девять процентов населениядохнет за сутки, а биоценоз накрывается вагиной за пару-тройку дней. Вот совсем, и эфирные проявления, кроме глобальных, планетарного уровня, не помогут. А ежели гипотетические противники беловодцев владели подобными эфирными манифестациями, планетарного уровня, то беловодцев бы не осталось. Хотя... гуманно потёрли память всем разумным? Ну возможно. Но знания не исчезли бы. Тут что-то сложнее, как мне видится. Не уровень дебилов с дубиной, не тот уровень у Беловодья был, чтоб дубинами махать, как дебилы.

Так, ладно, мыслеблудство выходит. Ждём, что мне Тенетница подкинет — реально интересно, это раз. Биомагию, биологию, генетику — я хрен, похоже, в Беловодье найду. Сами не знают, тыча боярством своим в интуитивные кнопки.

Но, информация по истории, ну и банальное архивное копирование геномомешалки — нужно и интересно. И интересен соседний материк: это “тшшш-тшшш” про него — неспроста. Может, и ерунда, конечно. Но ерунду хотя бы упоминают, а по Архипелагу в Академии данных навалом. А про материк, кроме того, что он есть — ни хрена.

В общем, подумал я, подумал, да и спать завалился. Всё это охренительно интересно, но данных нихрена нет. А планы в рамках мне известного я и так напланировал, лучше всё равно не придумаю.

На рассвете в гриб моего пребывания поскреблись, ну и вылез я уже с приземлившегося Трапана. Пятёрка родовичей нас поджидала, Ладьшны выводили бегуна.

— Вы с нами, Стригор? — поинтересовалась Тиха, взбираясь на щучьего сына.

— Нет, я домой. Блага вам, Тиха, Твёрд, Ладонега и Ладослава, — сделал я ручкой.

И потопал домой — куда там добычу оттащат, не знаю, да и не очень интересно. Скорее всего, Лихычи и Ладощны над чанами поработают, добиваясь условной автономности. Ну и уедут чаны на замену или новые мануфактуры.

Кстати, судя по всему, на Пуще изъятие чанов не сказывается от слова “никак”. По крайней мере, в икринской стене были совсем маленькие зародыши чанов, немного, но были. Так что в рамках Пущи вполне самовоспроизводимая технология.

Под такие мысли я до дома и добрался. Прислушался и улыбнулся — из спальни раздавалось характерное “похлопывание”. Это прикупленная банька, очевидно, вышла на рабочие параметры, а девчонки, судя по хлюпанью, смешкам и постанываниям, апробируют аксессуар. И без меня, бардак какой, праведно возмутилась моя похотливость, заваливаясь в баньку.

Запуганные жутким Стригором девицы и не пикнули, были надруганы и вообще — хорошо в баньке посидели. Правда, после неё девчонки уснули — эти сибаритки, как я понял, вокруг баньки в ночи хороводы водили, в предвкушении того, как зафункционирует. А как дождались — внутрь и набились, да так до моего прихода и сибаритствовали, спать не ложась. Ну и ладно, пусть спят, милостиво дозволила моя барственность.

Подумал, да и тоже решил подрыхнуть. Тренироваться мне лень, хочется после Пущи отдохнуть. Всё же, невзирая на кучу факторов, меня этот поход утомил, больше эмоционально, но всё же. А планы на песке рисовать — глупо, пока от Тенетницы “награду” не получу. Вот скажет она мне “большое пожалуйста”, например.

Вряд ли, но и не невозможно. И посылать мне тогда Столенград нахрен, потому что в условиях “большого пожалуйста” от моей информационной меркантильности хрен что, кроме “большого спасибо” дождётсяся.

Проснулся, разбуженный вкусным запахом. И девчонки мои вкусно пахли, и приготовили они пожарть вкуснопахнувший. И даже накормили мою ленивость, с хихиканьем. В общем, с вечера и до поздней ночи мы всячески отдыхали и извращениям приятным и полезным предавались. Уснули в ночи глухой, а на рассвете в дверь флигелька поскреблись.

— Ну шо опять? — высунул я невыспатую физиономию, любуясь на уже знакомого паренька курьера.

— Послание от Опричного Приказа, Стригор Стрижич! — отрапортовал парень, костяную пластинку мне всучая.

— Ну... молодец. Почитаю. Наверное, — задумчиво выдал я, скрываясь в логовище.

Похихикал над выпученными буркалами посланного — очень уж парня моё “почитаю наверное” проняло. Ну и бухнулся в кресло-мешок, почитать, куда меня Тенетница посылать изволит. Ну и прикидывать, а мне идти или ещё дальше посылать, не без этого.

Бага тебе, Стригор!

Ежели тебе награда не нужна — так явись в Опричный Приказ, сообщи, будь ласков! А то нарочитым посылать опасаясь, уж прости старую. Жду!

Г.И.О.П. Тенетница.

Ну... проняло Паучиху, хихикнул я. В принципе — на примерно такую реакцию я и рассчитывал. Не бегущий, спотыкаясь, Стригор — а САМИ шевелитесь.

В принципе, могла Тенетница и послать — мол, тебе надо, ты и спотыкайся. Только и я Приказ ейный пошлю, что, к слову, не худший расклад. А информацию я за поход в Пущу

получил. Не много, конечно... но и не мало. Хрен бы я своими силами да в ближайшее время такую заимел.

Так что не подпрыгивал я под опричными дверьми, а ждал. “Вам испытание”, как и говорил в начале. Ну а реакция Тенетницы несколько... непрофессиональная — так тут у нас с ней нестандарт, куда деваться.

В общем, нацарапал я девчонкам записулину — ну, мало ли, может, задержусь. Взгромоздился на Индрика и попёрся в Паучатник.

— Блага тебе, Тенетница, — засунул я физиономию, а затем и всего себя в кабинет Г.И.О.П.

В паучатнике, очевидно, мою физиономию признали своей, уж чёрт ведаёт, насколько “условно”, но ни стражник на иголке, ни дед на проходной ничего, кроме кивков и пожелания благ, не вещали. И не требовали, соответственно, доказуев, что я “тот Стрижич”.

— Блага... Стригор, — с отчётливой паузой выдала дама. — Ты...

— А давай будем считать, что ты выказала возмущение, что я на всё забил, пред очисные твои не явился. А я уже тебе широко улыбнулся, — широко улыбнулся я, — и в жопу тебя не послал?

— Кхм... ну, давай, — хрюкнула Тенетница. — Награда твоя. Хорошо дело сделал.

— Я знаю, знаю, — пробормотал я, примеря читало и начав перебирать стопку из двух дюжин листов. — Это — нужно, — отложил я два листа. — А это — нет, — отодвинул я стопку, поднял читало и улыбнулся. — Неинтересно.

— Совсем? — подняла бровь Тенетница.

— Совсем, — кивнул я. — Сами свои мануфактуры мануфактурьте. Мне знания нужны, а не инструкции.

— Инструкции, говоришь, — задумчиво побарабанила пальцами по столу Тенетница.

— Говорю. И что не нужны — тоже говорю.

И дело было вот в чём. То, что мне предложила Тенетница — было по беловодским меркам ОЧЕНЬ ценным. Но нахрен мне не нужным — какие части и каких тварей надо в чаг упихать, например, чтобы кладенец сотворить.

Вот вообще не нужным. Это при том, что я знал “откуда чанишки” и прочее. Неинтересно от слова “совсем”. Технобиоварварство вульгарис, шаманство над обломками цивилизации.

А вот два листа были интересными без шуток — авторства одного и того же имперца, явно подвергшееся цензуре, но реально интересно. Дядька (или тётка, вот чёрт тут знает) был исследователем Пущи. Не сказать, чтобы многое понимал, но отмечал и проглядывал закономерности появления тварей, сезонные, температурные, чертовступные пушные колебания отмечал. В общем — мощная такая статистическая работа. Над которой и вправду посидеть не помешает, думу подумать.

В принципе — я мог и эти листки просто скопировать, морду сделать попротивнее, ну и сказать, что мне “нихрена не мило, не интересно и всё гумно!”

Но бред — сотрудничать с Тенетницей я решил. Пусть почти всё “не то”, но дела она вела честно.

— Даже так, — продолжала упражняться в междометиях Тенетница, напряженно думая.

— И так даже, — веско покивал я.

— Деньги возьмёшь?

— Смеешься? — приподнял бровь я. — Ты отчёт скупки Ростока видела? И не говори,

что не знаешь, сколько я за год денег получил.

— Знаю, — поморщилась Тенетница. — Сколько денег — знаю. Что за награду тебе предложить, не знаю — один из лучших походов в Пуцу за десятилетие. И без жертв... Говори, что хочешь! Но в библиотеку я тебя не пуцу. Это слишком... просто слишком! Хотя... в жёны деву рода имперского возьмёшь? И примачом в Род. Тогда... возможно, — сложила она руки на груди.

— Только на тебе если жениться, — полушутя, полу... да сам не знаю, брякнул я.

И наслаждался зрелищем потупившей глаза и реально покрасневшей(!) Тенетницы. Вот, блин, как нас эта душевная близость контузила.

— Даже так? — справилась дама с собой.

— Даже так, — покивал я.

— Я... подумаю. На досуге. Но пока — не вариант.

Точно контузило. А мне надо поаккуратнее... хотя... блин, аж яйца выкатываются, отметил я реакцию. И даймон язычиной непроизвольно облизывается, блин. Так, с такими “тонкими намёками” — хорош, дал я себе промеж рогов. Вот если согласится, во что я ни черта не верю — подумаю. И... подумаю, в общем, правильно Тенетница сказала.

— Значит, жду ответа, — с каменной мордой выдал я. — А награда... Стратиму хочу. Самку.

— А на кой она тебе? Девоч полный дом вроде, — озадачено выдала Тенетница.

— А ты моих девочек не считай. Вот если... тогда и считай, — воздел перст я. — Мне птица нужна слух мой услаждать, а не ложе греть.

— В принципе — осуществимо. Тебе же не на продажу, одну?

— Вот ещё! Сам слушать буду, никому не покажу, — скаречно потёр я лапки.

— Ну решу в седмицу примерно. Да, поход хорош, на следующий год — если согласишься пойти, то не обижу.

— Ну, не обидишь — и хорошо. А то не люблю обиженным быть. Не знаю, Тенетница. Я через год в Логе...

— Вот уж что не проблема, что полдня Трапану лететь, что день, — отмахнулась Тенетница.

— Ну тогда, наверное, “да”. Если не поссоримся, живы будем...

— Это само собой. Ещё что у тебя ко мне есть?

— Вообще-то, это ты меня позвала, — ехидно напомнил я, помахав табличкой.

— Вот и спрашиваю, есть что? У меня Приказ, — включила стерву Тенетница. — На юнцов, бесчестно мне в мужья набивающихся, мне время тратить недосуг!

— Очень даже честно! — возмутился я.

Посмеялись, но тут Тенетница посерьёзнела.

— Стригор, я тебя до Библиотеки Рода допустить и вправду не могу, — на что я покивал.

В свете текущего моего знания, эта библиотека — единственное, на чём Империя держится на самом деле. Не Император, не институты, а знания. И меня до них не допустят, разве что и вправду как консорта Паучихи. И то, прямо скажем, под вопросом.

Но это, во-первых, до “всей кубышки”. Мои интересы Тенетница вполне может удовлетворить. Потому что то, что нужно мне — для Лихычей не так уж и важно. А важное им — мне нахер не сдалось.

Правда, она мои интересы узнает... но тут уж или так, или этак. А посередь двух

табуретов не усажу, зад недостаточно обширен.

— Буду интерес свой сообщать. А ты решать — оно нужно ли. Ну и я тоже. Задания-то найдутся?

— Да дел не на одну и не один десяток жизней найдётся, — фыркнула собеседница. — А уж тебе — точно. Добро. Через седмицу человек тебе Стратиму доставит. А дальше — поговорим? — протянула она ладонь.

— Поговорим, — улыбнулся я, пожав протянутое.

Блин, как током прошибло. Всё-таки какая-то у нас патологическая связь — сама она дёрнулась. И ведёт со мной как девчонка-ровесница, не притворяется, у неё я такое почувствую. Ну, впрочем, ладно. Это реально “загадка душевная”. А если что... ну если что — посмотрим.

Так что перестал я мыслеблудствовать, да и направился во флигелёк. Всякие душевные пертурбации — вещь хорошая. Но мне воспоминания имперца о пуще почитать без спешки интересно. И о девчонках своих забывать не стоит, да.

А так, седмица — это вроде и немало, но и немного. И посмотрим, что за клубок паутинный мне Тенетница подбросит, и что я за него из неё вытяну.

28. Инспекция в Навь

И углубился я в детальное, с обдумыванием, изучение рабочих дневников имперского пушоведа. И изучил, немало почерпнув: дядька описывал не только “состояние Пущи”, но и походы в неё. И можно сказать, что милитаристичность Пущи своё объяснение нашла. Как и пожелание Тенетницы “не пробивайся в Сердце Пущи, Стригор!”

Дело в том, что описываемое Бравом, имперцем-автором доставшихся мне листков было... ну Пущей в лёгком варианте. Он на полном серьёзе описывал песцов и псоглавцев как “лютых тварей”. То есть, до поры пиздецомность Пущей выходила реально на порядок меньшей. Опасно, но терпимо.

И, видимо, brave родовичи, выдёргивающие чаны, которые были отнюдь не “имперский эксклюзив”, на тот момент, на что и указывают биоразработки, банально достали защитные механизмы Пущ.

Ну те и отреагировали соответствующими тварями — в этом случае, всё же, скорее всего “заготовками”. Поскольку первая книга подписана была, например, “Лихобрав Лихыч”. А вот вторая — просто “Брав”. То есть, на момент написания первой о такой затейливой тварюшке, как Лихо Одноглазое, массовое боярство просто не знало.

А пушные системы безопасности усмотрели в набигающих боярах серьёзную опасность, ну и начали тиражировать и выпускать “прототипы”, а то и прототипы прототипов.

Вот тоже — загадка. Не могли эти твари быть автохтонными для Беловодья. Они бы нахрен человек сожрали, до всякой цивилизации и прочего. Ну и их ограниченный срок функционирования, стерильность... в общем, выглядит все так, что “добрые подкидывальщики кругов и технологий” оказались ещё и добрыми подкидывальщиками биообразцов.

Вот совсем бред, но иначе не лезет сова на глобус. Хотя, если исключить эфир на первичном этапе...

Так, эфир — измерение. Это факт. Либо компиляция доступных разумному оператору эфира измерений, вариантов много, но суть одна: эфир — объективная реальность, а не придуманная колдунская фигня.

Далее, биотехнология — тоже технология. И методы научного познания биоцивилизации могут отличаться от технократов “чистых” (интересно — как, кстати), но быть должны. Их не может не быть.

Далее, донанунопознаётся наша беловодская биоцивилизация до межмирового пробоя. Степень эфиризации пробойника неважна — тут всё равно работают механизмы физики. Сами, без всяких “подкидывателей на бедность”.

Пырятся в пробой, научно-исследовательски изучают, и видят такую картину: все с эфиром, одни беловодцы, как лохи.

И в таких раскладах возможность того, что они просто не производят контакта... ну скажем так, немала. То есть, шпиёнят технически, дёргают фауну различную эфирную, не палясь. И над добычей мозг ломают.

В принципе — возможно. И нанауноисследовали до тотального звиздеца... Ну чё-та верится слабо, конечно. Уровень развития цивилизации не тот, романы как прямо описывали, так и подразумевали институты, которые за всякими мудрильными рукосуями приглядывали.

С учётом биоцивилизации — не то, что нормально. А скорее необходимо. Создаст мудрила какой вирус, чисто на поржать, а через недельку пара процентов населения шутку оценят, потому что остальные померли. Конечно, улучшенным беловодцам вирусня всякая особо не страшна, вроде как... но всё равно, наделать такой мудрила бед может немало, в планетарных масштабах.

Соответственно, и системы мудрильного контроля были, а главное — ПОНИМАНИЕ, на уровне социокультуры, что за всякими гениусами пригляд нужен, пока не сломали всё нахрен.

И вот на этом фоне некий рукосуй, небрежным движением стирающий мозги (ну или что-то такое) всему населению, смотрится бледно. Ему руки суйские бантиком бы раньше завязали. А что незаметно... а хер незаметно глобальную манифестацию планетарного уровня проведёшь, вот в чём дело. Нет, а уж тем более тогда не было, ИНСТРУМЕНТА подобной манифестации. То есть тут только ритуал, масштабный, с многокилометровыми и проявленными в материи схемами. А что системы “контроля мудрил” на такие “милые шалости” не отреагировали — не верю от слова “совсем”. Бред запредельный, не бывает так, люди работают по-другому.

Итак, от Тенетницы мне нужны сохранившиеся книги, хроники, дневники и прочая хрень периода Большого Пэ. Потому что вероятность злых вражин или, чем эфир не шутит, божественного вмешательства — пятьдесят процентов.

А то отдаёт от этого крушения цивилизации мракобесным душком. Вот тянет, “смещением языков” по воле уроды, сотворенного “по образу и подобию” отдельных несимпатичных этнических групп.

Хотя это может быть “травматическим наследием” — не за что мне божков и их лоботомированных любить. И выдуманных не за что, а уж настоящих разве что крупнокалиберным любилком, с антиматериальными снарядами.

Но может и не быть. А мне не хернёй надо, положим, страдать, а в морщинах мозга и ума пытаться инвертировать круг “Домой”. Ну или копошиться и, с теми же морщинами, вспоминать богоборческие круги поадрёнее и адаптировать их под реалии Беловодья.

И это, блин, ВАЖНЕЕ моих фантазий и пожелалок. В общем, бежать к Тенетнице и подпрыгивать с воплями “срочно надо!” я не буду. Но через седмицу, что просить за службу — я знаю, окончательно определился я.

Неделя прошла приятно и ненапряжно, заскакивали Ладычи — но с близнецами, я, похоже, дела сворачиваю. Не то, чтобы я всё со страшной силой узнал: безусловно, нет.

Но в рамках бытия в Столенграде я свою “нишу” нашёл. Насколько временную — чёрт знает, долго торчать в Нерезиновских всяческих я смысла пока не вижу. У меня, на минуточку, Лог без присмотра и вообще.

А главное — я, кажется, нашёл метод моему пейзажеству, угнетённому Пущей, Стрижичами и даже проклятьем, небось, помочь. Точнее, не я нашёл... но.

Итак, Тенетница сказала, довольно небрежно, фразу: “Без разницы, полдня или день Трапану лететь”. В общем-то “да”, разница не велика. Но полёт Трапана — это воздушная конюшня. Воздушная конюшня — это логистика. Не будут заводить её ради одного похода в Пущу.

Точнее, не так. Заведут-то её ради одного похода в Пущу в год. Это факт. Но простаивать она не будет — это не рационально.

Логистика, связь с Империей, да банально — таскаемые из пущи гораздо более

широким потоком запчастей тварей. В общем, я рассчитывал, что Империя “придёт на порог” через десятки, а то и сотню лет. Но сам же могу “привести на порог” эту особу в считанные годы. И это не “хреново”, как я думал. Это хорошо, уж пейзажам нашим — точно. Промышленные товары, рост цен на жратву. Да банально — Болотный Лог станет крепостью на пути тварей Пуши. Не кормя её пейзажами и отбиваясь одиноким Стрижичем (пусть даже не одиноким и с Погибычем на подпевках — непринципиально), а нормальные крепости, засечные полосы и прочее. И Лог влетает в цивилизацию. Боярско-имперскую, конечно, но на фоне теперешнего, да и прошлого невзрачного существования — цивилизацию.

И, в целом, меня этот расклад устраивает. Правда, надо “процесс проконтролировать”. Не вызывают у меня чинуши, хоть имперские, хоть чёртовступные, доверия. А возможность контролировать у меня есть. По теперешним раскладам я для Империи — ценность, весомая, но трудно контролируемая. Со мной дружить... рационально, а вот обижать — совсем внаоборот. Не из страха — из чистого прагматизма.

Так вот, пребывание в текущих раскладах в Столенграде больше года — я даже не рассматриваю. Если только Тенетница с воплями “Стригоршенька, я вся ваша!” на ручки не запрыгнет. В этом случае... непонятно что, но Лог всё равно бросать не буду.

И да, в то, что не менее чем полувекковая менталистка, глава спецслужбы, такой пердимонюкль учинит... Верить хочется, скажем честно. Но вот нихрена как-то не верится.

А в рамках нескольких месяцев — не нужны мне местные фильдиперсы с выкрутасами. Сверх уже uznанных, конечно. И, соответственно, близнецы-Ладычи тоже не нужны. И ребятки, похоже, по довольно внушительной денюжке это поняли. Прощались “навсегда”, хотя “шлите симурга, если что”, естественно, было.

А так — и читали с девчонками, и в салочки играли, и по Столенграду гуляли. Досуг половой почти целиком перенесли в баньку — ну вот нихера это не банька, а эротический аксессуар, окончательно вынес вердикт я.

В общем — небесприятственно время провели, а я старался “даймонеть” не на негативных эмоциях. То, что “прорываться” в материю надо — это факт. Все мои исследования, прикидки и прочее строятся как на использовании даймонического эфира, так и на автономном действии даймона в Беловодье.

Ну не тяну я, как бы ни хотелось себя невероятно умным и крутым считать, без “читов”. Точнее, в перспективе, может, и тяну... Но времени нихрена нет, а значит, и не тяну.

А в оговоренное время пара служек притащили Стратиму. Такая, симпатичная птаха, причём, подозреваю, совсем молодая, как бы не специально по заказу Тенетницы выведенная. Но пела хорошо, выглядела приглядно — этакая брюнеточка с изумрудными, в цвет оперения, глазами. И костяным венцом — я в йоперной театре думал, бижутерия какая, но нет, костяные наросты.

Девчонки... пищали. И гладили, и ухаживали, и в баньку Стратиму сводили. Птаха от всего этого, с глазами в кучку, в уголок забила. Но видно, потребность петь в неё была вшита. И распелась, приятно и вообще.

Хорошая магнитола, погладил довольный я хорошую магнитола по изумрудным перьям спины.

И, на следующий день, попёрлась моя музыкальная удовлетворённость в Опричный Приказ. Свои хотелки на Тенетницу вываливать, ну и что за них с меня она захочет, тоже немножко интересно.

— Блага тебе, Стригор. Как птица? — любопытствовала Тенетница, как только я

всунул нос в её кабинет.

— Блага, Тенетница. Нормальная птица, поёт, — экспертно заключил я. — Тебе бы тоже посоветовал, расслабляет.

— Может быть, может быть, — выдала Тенетница и требовательно уставилась на мою персону.

А я требовательно уставился на её персону. Дружно попырились друг на друга с минуту, после чего не менее дружно фыркнули.

— Говори уж, — махнула рукой дама.

— Ты первая — ты тут хозяйка, ты — дева приглядная и вообще, — отвечивал галантный я.

— Хорошо. Нужно в приграничный с родовыми землями городок съездить, в сопровождении моих доверенных людей.

— А подробности?

— Ну слушай.

В общем — послушать бы мне стоило и без заданий. И так, ползучая имперская экспансия на родовые земли в действии. Берётся городок, родовой, уже существующий. И рядом ставится мануфактура — иногда покупается земля, но редко. Родовичи обычно считать умеют (некоторые, особо одарённые — даже писать, я проверял!), соответственно, выгоды от мануфактуры просчитывают.

Далее, потихоньку с имперских земель тянутся людишки — ну а что, мануфактура должна работать. И все это понимают, как и то, что это не родовичей людишки. И вот, рядом с родовым городком, потихоньку, лет за пять-десять, вырастает городок раза в два-три раза больше.

Ну а к родовичам обращаются с предложением, от которого только дурак откажется — обеспечивайте безопасность и порядок, а налоги за енто пойдут частично вам. Очень немаленькие деньги, на минуточку. И людишки “на халяву” и прочее...

Не все, кстати, соглашаются. Велесычи нахрен имперские мануфактуры шлют при попытке у них поставить. Мол, сами с усами, песками и кристаллами, идите в других местах мануфактурьте.

Но это так, трепыхания. Учитывая интегрированность Велесычей родовичами в имперские механизмы — тут скорее попытка торговаться, чем прямая фрonda.

Так вот, городок-пробный камень, всё хорошо и славно... вот только мануфактура работает на “минимуме возможного”. Всяко бывает, но редкость. И вот количество людишек растёт, благолепие и благорастворение в воздухах, а городок выдаёт показатели, как будто он не в полтиннике километров от Пущи, а в ней самой торчит. Или на побережье, подвергающийся набегам.

— Что за родовичи-то? — резонно уточнил я. — Только не говори — Ярычи, — уставился я на Тенетницу.

— А то что? — прищурилась Г.И.О.П.

— А то нахер это задание! Ну серьёзно, они какие-то злые. И психованные, — припомнил я Ярышну. — Стрижичам туда соваться — только с экспедиционным корпусом.

— Не скажу, уговорил. Чернобожичи. Навьград.

— Не намного лучше, те ещё психи, — кисло констатировал я. — А что не простого тиуна направили?

— Простого, скажешь тоже, — хмыкнула Тенетница. — Прирезали двух.

— И ведь хер поймёшь, скрывают что-то или просто... Чернобожичи, — задумчиво протянул я.

— Вот-вот, — покивала Тенетница. — Но прирезали чинно, поединок, всё по чести. Так что твоя задача понятна?

— Вырезать нахер Чернобожичей в Навьграде, приведя городок к почитанию и страху Императора! — с видом лихим и придурковатым выдал я.

— Хех, — оценила Тенетница. — А сможешь?

— А надо?

— Вообще — не очень.

— Тогда не смогу, — развёл я лапами.

— Хочешь-то чего, шутник?

— Я не шутил. Наверное, — честно ответил загадочный я. — А хочу я вот что. Мне нужны книги по тому, что было в Беловодье до появления чародейства. Неважно, сказки, басни — всё сгодится. Лучше не переписанное...

— А не переписанного нет, Стригор, — ошарашила меня Тенетница. — И... странные у тебя интересы, — прищурилась она.

— Нормальные у меня интересы, — отрезал я. — Дальше, чтоб было понятно, что мне надо — что случилось с Беловодьем. Почему... — замылся я.

— Куда делись миллиарды? — хмыкнула Тенетница. — Хорррошие у тебя вопросы, Стрррижич, — фактически промурлыкала она. — Но... мы не знаем, — развела она руками. — Умерли, но с чего... — пожатие плечами. — Откуда ТВОИ знания — не скажешь?

— Дед, — коротко отрезал я, свалив на непроверяемого.

— Да уж ясно, что не Стривед, — задумчиво побарабанила Тенетница по столешнице. — Только учти — об интересующем тебя периоде есть только сказки. Не хочу обманывать. Есть... много что есть из времени раньше. Там была...

— Бумага? Потому и переписали.

— Бумага. Потому и переписали, — кивнула Тенетница. — И ни магии необоримой не интересно, ни становления Стрижичей? Настоящего.

— Нахер это барахло, — отмахнулся я. — Половина на Архипелаге хернёй мается, половина “подай-принеси” в Империи. Неинтересно, раз своих мозгов нет. Сказки хочу! — задрал нос я.

— Ладно, будут тебя сказки. Посланцы Империи должны выжить и вернуться со сведениями, что в Навьграде творится.

— Местничество определи, Тенетница. Раз на меня ответственность возлагаешь — то и главным...

— Главным я тебя не сделаю. Не тот расклад. Но будет... так, ну с Дыйборой ты знаком, — задумалась она. — Она тебе в подчинённые пойдёт, не проблема. Но тиун — Храбра.

— Имперка?

— Она самая. Не дура, мешать тебе себя защищать не будет. Но и ты ей не мешай!

— Если убиваться не будет, — отрезал я.

— Если убиваться будет — мешай, — барственно дозволила Тенетница.

— Ну ладно, будем считать, что договорились, — прикинул я. — Если Чернобожич наглеет — плюю в рожу.

— Хех, знаю я, как ты в рожу плюёшь, — захихикала Тенетница, явно имея в виду сшибленного плевком дьяка.

— Да, я такой, — погордился я своей плевательной могучности. — В общем — если встанет, то дуэль со мной. Дальше — моё дело, хотя Чернобожичи... ладно, справлюсь, — махнул я рукой.

— А я уж думала силушке твоей во всём Беловодье преград нет, — похлопала Тенетница ресничками с ехидством.

— Зря ты так думала, — покачал я головой. — Такие глупости даже я не думаю! — воздел я перст.

В общем, выяснилось, что “на дело”, которое инспекционная поездка, поедут две девицы — и вправду знакомая мне Дыйешна, невежливая девочка-электровеник с завлекательной походкой, ну и тридцатилетняя Лихышна, такая... СЕРЬЁЗНАЯ тётка. Я бы сказал, посерьёзнее Тенетницы, но не скажу — Г.И.О.П. в общении со мной “душевно контужена”, явно мечется и ведёт себя... по-девчоночьи. Впрочем, и я не образец разума и выдержки, так что тут... не репрезентативный пример, да.

В общем-то, на представлении спутниц мой визит и закончился — на рассвете следовало мне быть в небесной конюшне, откуда часов шестнадцать будем добираться до Травинника, ближайшего имперского города с небесной конюшней. Там ночуем, ну и день верхами до Навьграда.

Имечко, конечно, у городка Чернобожичей то ещё. Но у них навство всякое в чести, чтят бога-прародителя. И психи, мда.

Вообще — имперцам вообще и Тенетнице в частности не позавидуешь. Эти щитовидные психи (да и эфир энтропийный такой, для некрепких крышей — не самое полезное дело) — сильнейшие бойцы среди родовичей. Мелкий Чернобожич вполне состоявшегося воина бантиком завяжет, причём на чистых психах своих, без подготовки.

Недаром в Академии их толком нет — бойню бы учинили, что, в общем-то, и сами Чернобожичи понимают. Они психи, а не дураки.

В общем — Род в Империи критически нужный. Убийцы одарённых. Но психи, и вот хоть плачь. Вдобавок, на них всякая ментальщина действовать должна чуть ли не хуже, чем на меня. Я-то хоть прекращаю когнитивную деятельность мозга, выходя из области воздействия телепата. А Чернобожич психанёт — и ажурная ментальная вязь в клочья.

Собственно, они меня, в плане боя, несколько... напрягают. Но уже не пугают — я вывел ряд поражающих факторов за пределы бодания эфира. А тому же болту с вибросвистком индифферентно, какого типа эфиром напитана разрушаемая плоть.

Но надо и над кладенцом поработать, напомнил себе я. Были идеи, а вот сегодня девочек своих на прощание как следует отгруппенсексю, да и засяду в эфире за расчёты. И в полёте буду кладенец пилоткладенцом делать, хех.

И болтер... хотя нет, пока до такого не докатился, чтоб активно-реактивные пули делать. Даже в Земном Крае, с его буйством эфира, это было бессмысленным извращением, считал и проверял.

Но устраивать резню с Чернобожичами не стоит, кстати говоря. Тут и вправду надо головой думать и расследовать. Я, конечно, внезапно Ымперским Поцреатизмом не проникся. Но вот простейший, сегодня описанный пример. Да, Империя расширяется. Но людям от этого жить-то лучше! Без шуток, по факту так выходит. Так что в принципе — я в расширении Империи умеренно заинтересован, это просто порядочно.

Так вот, если “первый блин”, а в плане Чернобожичей это и вправду выходит первым блином экспансии “Империалис Лекс”, закончится феерической резнёй Стрижичем с имперкой и Дыйешной на подпевках... Ну как минимум на поколение, а то и не на одно, людишки Чернобожичей могут о цивилизации, какой-никакой, но всё же, забыть.

Да и с родовичами архипелажными Чернобожичи могут ой какой весомый вклад сделать. В общем — резню устраивать не стоит. При этом, по шеям этим психам щитовидным давать, похоже, придётся. И не раз и не два.

Видимо, надо “жёстко и быстро”, прикидывал я. Чтоб пробрало, чтоб боялись... и без крови. Насмерть уж точно. Задача, конечно... Но с точки зрения моей “легенды” — идеальное прикрытие. Тотальное доминирование Воздушного Владыки. Росси, что ли, взять... И переделать — осталась одна обойма, а вот если поиграть с составляющими воздуха, да и не только...

На этом я умствования прекратил. Потому что до флигелька добрался, а групенсекс — дело серьёзное, всяких там посторонних мыслей не терпит, да.

И Стратима, кстати, весьма мелодично напевала. Меня, конечно, от ейных песенок в охотку не кидало, как девчонок. Но приятно, факт. Молодец птаха, вернусь — имя ей придумаю, решил я.

А потом засел за мысли мудрые. Имеется кладенец, ствол и коробка Росси (остальное — излишества). Стригор Стрижич, один штука. И из еного надо сотворить вундервафлю безоговорочного доминирования над щитовидными психами, шарующими энтропийным эфиром, как сволочи.

При этом родимый кислород, над которым я трясусь... нет, поможет, и трястись я, возможно, постепенно прекращу. Вот только нужного эффекта “безоговорочного воздушного доминирования” он не даст. Будут мысли о ядовитой алхимии, ещё что... Ну, в общем, чувства беспомощности, которое, в идеале, должно появляться, не будет. Точнее, будет после бойни, которой не хочется. А я ещё, на минуточку, не бессмертный ни разу, а энтропийный эфир, особенно на прошитых в органе рефлексах — ни хрена не шутка.

Так, значит, Росси оставим как запаску. А нужны мне мощные взрывы, воздушные взрывы. Которые я могу контролировать, ну и сыграть в чернобожич-бол.

Обычный воздушный взрыв — не вариант, развеет. А вот если... на этом я развернул архив и стал проверять.

Итак, азот. Двухатомный, чертовски стабильный газ. Но. Но он ни черта не ДОЛЖЕН быть двухатомным. С ним можно поиграть, получив полимерный четырёхугольничек, потёр я чистые эфирные лапки. Много я не наштаманю — ну так с этой прелестью много и не надо. Идеальный воздушный взрыв, а свойство эфира, этакий “обман реальности” — прекрасно работает.

В том смысле, что эфирные воздействия напрямую глумятся над законами термодинамики. Действие НЕ равно противодействию. Действие эфира равно, в нашем случае, состоянию. А состояние при изменении даёт кучу энергии. Реально кучу, близко (хотя, безусловно, не дотягивает) к энергии распада-синтеза.

То есть, я создаю не область аномального перепада давления, как в классическом “воздушном взрыве”. А несколько грамм обычного азота. Взятая из воздуха, несколько грамм. И мне даже его инициировать необязательно (хотя и не лишним будет, местастабильное вещество) — Чернобожич, херачащий на манифестацию воздушного эфира, САМ выведет несколько грамм полимерного азота из метастабильного состояния в

нестабильное. И получим мы несколько грамм азота двухатомного. И Чернобожича, с матом улетающего ввысь, хе-хе.

Так, считать и... эксперименты. Тут так йопнуть может, что лучше не рисковать. Чернобожичи — ну ладно, улетит слишком высоко — поймаю. Да и леший бы с ними. А вот ценный, важный и полезный я, распидорашенный собственной эрудированностью... Пошло выглядит, да и больно, во всех смыслах. Так что проверять, выполз я Змеем (точно в родстве, тварюка, мысленно хмыкнул я) с ложа и попёрся в палисадник, эксперименты экспериментить.

По результатам я понял, что получил мощный такой, добротный чит. Этот полимер — охренительная штука такая, очень “стабильно-метастабилен”. И, до кучи — сверхпрочен. Фактически, алмаз, кристаллическую решётку которого он повторял. То есть, я заимел не только мощную взрывчатку, но и зубья для своей кладенцовой вибропилы, которым похрен на энтропийное наполнение кладенца чернобожича.

При этом, это всё же ещё и лютая взрывчатка. Впрочем, таким “взрывным мечом” надо во вражин кидаться, ну и убегать с визгом и писком. Если взрывать. А если не взрывать — не надо, что и к лучшему.

Ну и как “эфирный порох” — вышла штука не хуже, а как бы не получше твёрдого кислорода, который я так бездумно использовал для стрельбы в Земном Крае.

Но это на будущее, довольно потёр я уже материальные лапки. Поднялся, чмокнул девчонок, погладил птаху, да и пошёл пинать самого красивого Индрика.

Последний, кстати, в красоте постепенно утрачивал. Правда довольно оригинально: жёлтый цвет от сорняка стали покрывать пятна натурального цвета акула, леопард, как он есть, хмыкнул я.

— Ты чего-то довольный, хозяин, — констатировал акул. — Охотиться поедем?

— Я — охотиться, ты смотреть. Я так думаю, — не стал я рисовать крест на пузе.

— Тоже ничего. Только пожр... понял, едем, хозяин, — правильно понял мои образы в виде фрикасе из акулятины.

Ну реально — ни хрена не делает, а жрёт, как сволочь! Мои шутки насчёт вислой задницы уже и не шутки ни хрена — отожрался, блин! А всё мало, проглоту. Надо гонять побольше, да.

В общем, самый толстый Индрик благополучно добрался до небесной конюшни. Где электровеник-Дыйешна уже пребывала.

— Блага вам, Стригор Стрижич, — поклонилась девчонка очень “субординационно”.

Вообще, не без помощи Ладычей, я вник в ряд довольно занятных моментов. Пластика и координация движений беловодцев вообще, ну и тем более родовичей была... да запредельной, если сравнивать с обычным человеком.

И это породило массу тонкостей жестового характера. Которых я ни хрена не знал, но просветился. До заправского столичного сноба мне было как до Лога, только раком. Но вот такие субординационные моменты я понимать стал (сам не использовал, плохое зрение Стригора — проблемы окружающих, хех), но вот, например, сейчас мне Дыйбора поклонилась не как знакомая родовишна знакомому родовичу. И не как “младшая старшему”, чего фактически и не было — девчонка меня постарше.

А именно как подчинённая начальнику, обозначив, что распоряжение Тенетницы о субординации — принимает и в букве, и в духе.

Довольно занятная вообще была наука, ну и небесполезная.

— Блага, Дыйбора Дыйешна, — не стал я надуть щеки и косить под “профессора”. — Вы, как я понимаю, в предстоящем нам приключении — личная телохранительница госпожи Храбры. По крайней мере, я для себя так вижу вашу роль.

— Точно так, Стригор Стрижич.

— Ну а я, соответственно, принимаю — или провоцирую, по обстоятельствам, возможные враждебные потуги.

— Могу и я... — начал было девчонка.

— Верю. А смысл? Ваша задача — жизнь госпожи Храбры. Моя — успех предприятия. Так что делать мы будем каждый своё дело — право слово, сподручнее выйдет.

Девушка на несколько секунд задумалась (я бы не удивился, если бы поискрила — но пронесло), да и кивнула. Опять же, со смыслом — принимаю указание, а не “уломал, чертяка языкатый”.

Тем временем приехала на щучьем сыне Храбра. Вот сказал бы “королева”, но я на этих королей во всяких видах насмотрелся, так что просто “держала себя” дама.

— Дыйбора, — кивнула она спутнице. — Стригор Стрижич, — кивнула она спутнику.

— Госпожа Храбра, — не стал кивать я, а помахал лапой. — Предлагаю, в силу длительного полёта и необходимости подготовить некоторое снаряжение, путешествовать вам с Дыйборой Дыйешной.

— Безопасность путешествия — ваша забота, Стригор Стрижич. Так что рекомендацию вашу принимаю, — слегка склонила голову Лихышна, спускаясь с щучища.

Ну, пока всё вроде сносно, аккуратно порадовался я. Девки “норов не кажут”, будем надеяться, что так и будет в дальнейшем: практика показывает, что спастись от внешней агрессии придурка, который хочет убиться, несколько сложнее, чем придурка, который убиться не хочет.

С этими мыслями я проследил, как Индрика грузили в его гриб, ну и сам залез в свой. Мне, вообще-то, куча работы, в плане пилотажной и его нервно-мышечной активности, предстоит. Как-то в базовой комплектации чаны не предусмотрели зубья и их использование, глупые биорепликаторы.

29. Энтропийное криптослово

В процессе создания пилоткладенца я столкнулся с ожидаемой мной проблемой: кладенец — вещь мощная, но ни фи́га не имеющая ни нервной, ни спокойной системы, под зубья заточенной.

Первое время я занимался мудрильством вульгарис, надругиваясь над Архивом, стараясь из кладенца сотворить пилотмеч...

А потом включил ум, прикинул примерные сроки, учёл неизбежный брак и вообще смоделировал результат “в идеале”. Да и зарядил себе челодланью по рогатой бестолковке: выходила безблагодатная дичь, типа болтера. То есть, теоретически, сделать можно. А практически — нахрен не нужно.

А нужна моему кладенцу кибернетизация зубьями полимерного азота. И всё. Никаких вращений-движений зубьям не надо. Кладенец сам по себе — более чем подвижная вещь, и если моему эстетизму захочется “пилувать” — сам справится, на вшитых рефлексах без всяких криводумных улучшений.

Правда, стилистика у меня вышла, со смешком отметил я, этакая “выдержанная”. Дело в том, что готовый прототип зубастого кладенца покрывали сверхпрочные кристаллы в виде акульных зубов. И Архив, и мозги подсказали, что форма — оптимальна.

Но с учётом Индрика — выходил этакий акул-стайл. Опа, да. Ну да ладно, как минимум — забавно вышло.

Функцию — выполняет, делая кладенец вполне сносным аналогом велесовычьих укреплённых сверхпрочным кристаллом сулиманов. А они, на минуточку, Братомысла кладенец успешно повреждали, и ни хрена ему энтропийный эфир не помогал.

Точнее — у меня круче, потому что Велесычам приходится на эфирное бодание ентот самый эфир тратить. А у меня — нет. Сам по себе энтропийный эфир, конечно, довольно ядов. Но без оформленного проявления ему кладенцу минутами повреждения наносить до чего-то вменяемого. А кладенец, как бы, ни черта не “волшебная палочка”. Шарашит тем что подают, по пути наименьшего сопротивления.

Так что рубиться, при желании, моим зубастиком можно с Чернобожичами без опасений — зубья раньше вражий кладенец изорвут, нежели тьма моему вред нанесёт.

В общем — выходил довольно сносный арсенал, на чистой физике. Плюс воздух на себя — огребать мне чегой-то не хочется, а при правильном подходе — хрен попадут по легконогому мне.

Конечно, не оттестировано всё толком... но уж как есть, удовлетворённо заключил я.

И попробовал на “удовлетворении” прорваться в материальный план. Выходило... да хреново выходило, прямо скажем.

Проблема не в эфире — с эфиром-то проблем уже не было. Не океаны, конечно, но вполне сносное количество я в материю продавливал, причём не через надсердечник, а “тропами душевными”. И никакие “законы Мира” мне не гадили — то ли не реагировали, то ли урезанное на порядки порядков итоговое количество подвластного эфира — это самое сопротивление Мира и есть.

Но вот оказаться даймоном в материи не выходило никак. Потолок — стильная призрачная атрибутика тела, изморозь... и всё. Если бы я сам не был в Беловодье даймоном — посчитал бы, что это и вовсе невозможно. Но был, более того, взаимодействовал не

только с душами, а и с материей.

Правда, вариант хитрого самоубийства меня почему-то не привлекал. А по-другому не выходило, будем надеяться — пока. Ну, в крайнем случае — забью на духовные путешествия в Беловодье. Не критично они нужны, вроде и телом пока справляюсь. Но не помешают, так что забивать пока не буду, факт.

Под опыты, тренировки и размышления Трапан благополучно долетел до Травинника. Уже смеркалось, так что город я толком не разглядел, но так — имперский центр, на сумрачный взгляд.

Постоялый двор был неподалёку от небесной конюшни, так что туда мы и направились. От местной стражи Храбра тиунским ярлыком отмахнулась — такой, внушительный документ. Пластина костяная с вензелями и финтифлюшками, килограмма на полтора. Такой и прибить, при желании, можно. Если кто в полномочиях усомнится.

Стражи жить, очевидно, хотели, так что не усомнились. А Храбра номер на постоялом дворе сняла, пожрать всяческое туда затребовала, да меня поманила.

— Потрапезничаем, Стригор Стрижич. И обсудим, как нам дело справлять, — озвучила она.

— Потрапезничаем, — не стал ломаться я.

Номер, кстати, Лихышна сняла большой, богатый, но один на всех. С точки безопасности — оправданно, но... Хотя, вроде бы, не в охотке девки. Да и корчить из себя непоколебимого прынца — глупо. Можно вдуть, можно не вдуть. Посмотрим, в общем, мысленно махнул я лапой.

Завалились, перекусили. И начала Храбра “политику партии” на меня вываливать. Я послушал-послушал, да и озвучил:

— А мне-то сие зачем знать, Храбра? За рассказ благодарствую, но сие — ваше дело, вы — тиун. А моё — ежели зложелатель появится, его в бесов рог свернуть. А куда спервоначалу пойдём — в управу или мануфактуру — мне и всё равно. Или не поединка ждёте, а нападения? — нахмурился я.

Поскольку её “пойдём тудить, сделаем вот ентак” имело смысл для меня только в плане отражения атаки. А это не слишком хорошо — я, чисто гипотетически (и совсем не факт), вырваться смогу. Но девиц потеряю. А это реально не очень хорошо, по массе параметров, а главное — мне ни хера не нравится. То есть, я готовился к дуэлям с психами, а не к войне с городком, где эти психи копошатся и подпрыгивают.

— Да нет, Стригор Стрижич, нападения я не жду. А то бы не трое нас было, а вся сотня, — на что я покивал. — Да и вправду вам без особой разницы. В переговоры вам...

— Давайте так, Храбра. Вы либо говорун мне дайте, если есть. Либо о жесте договоримся — всё ж вы не только словами разбираться будете. Ну и дадите сигнал — нанесу собеседнику вашему оскорбление, чтоб время не тратить.

— Разумно. А какое?

— Действием, — веско припечатал я.

Храбра задумался, кивнула, ну и пожелала отправиться ко сну. Причём ложе в номере было, со шкурами и всё такое, но одно. Я даже поломаться думал, но махнул рукой — я не хочу, дамы тоже, ну а кривые ассоциации, что надо непременно устроить разнузданные потрахушки — кривые.

Правда, Дыйбора слегка гормоном фонила, но так, не слишком. Так что забил я и пристроился — на этом траходроме не то, что троим, семерым бы место нашлось.

И просто решил поспать — перегрелся с этими кладенцами, пилозубыми, да и с полимерным азотом мозголомно было.

Правда, проснулся в довольно комичном положении. Дыйешна, очевидно, во сне, ко мне приворочалась, а её задорная попка оказалась как раз напротив моего паха. И яйца на эту тему выкатились, а Дыйешна ещё подвигалась во сне на мои шевеления, попкой потеревшись (ну реально — орган, живущий своей жизнью у неё выходит). В общем, задумался я, но мои размышления на тему “вдуть иль не вдуть, вот в чём вопрос?” прервал довольно ехидный неоновый взор Храбры.

Ну тут уж я решил свою непокобелимость явить — я к эксгибиционизму не отношусь. Так что молча пожал плечами, полуразведя рукой — мол, не виноватая я, эта попка ко мне сама приткнулась. Храбра глаза понимающе прикрыла, но морду лица держала ехидную — видно, от меня тоже слегка феромоном шибало.

Но продолжения этот фроттаж не получил, что и к лучшему — ну реально, фигня какая-то. Я как-то, если и вдуть, то сознательно, по взаимному согласию и не без удовольствия. И вообще, лучше своим девчонкам, да.

Через четверть часа проснулись, перекусили, ну и потихоньку, не гоня, поехали в Навьград. Храбра, уже в дороге, выдала мне говорун, как и Дыйборе, кстати. Самой имперке эта приبلуда по понятным причинам нафиг не сдалась.

А я вот, уже проснувшись, призадумался. В плане того, а не плетут ли Лихычи какие интриги пучеглазые в мой чистый и невинный адрес?

В плане того, что Бора-то точно спала, это факт. Но. Охотки у неё точно не было, у меня нюх, натруженный групповым осеменением и вообще. В койке — уже “ну-у-у... а я и не против”. А с утра... ну, могла и случайно, конечно. Вот только простейшую программу Лихышне прописать для бессознательного тела — вообще ерунда.

То есть — теоретически могла. А вот зачем? Вариант пойти примаком-консортом в имперский род и так, и так озвучен. И я на него ответил, мой вариант вряд ли будет в озвученных раскладах. И если бы сама Храбра меня за уд пробовала поймать... ну скажем так, я бы понял. Хотя дамочка вот совсем никаких желаний не вызывает, но удочку закинуть — почему нет.

Но вот подталкивать Дыйешну, причём таким довольно экзотическим способом, к коитусу... Ну вот вообще смысла не вижу. Ребёнок, разве что... Но тоже хрен знает, на кой. Помимо того, что я на него буду и по праву, и чести претендовать... Разве что в жёны мне Дыйешну Род Дыйечей может пропихнуть. Утаить и отжать ребёнка — хрен выйдет, традиции и права родовичей в этом раскладе нерушимы. Тут даже Ярычи, всем Родом, невзирая на нежную любовь к Стрижичам, на мою сторону встанут и даже помогут. Потом прибить могут попробовать, но утаение чада “по роду” — реально плевок всем родовичам в важное.

Так что, выходит, либо тут и вправду случайность, довольно забавная. Либо Дыйешну мне как супругу и агента влияния хотят подсунуть. А значит, и в первом, и во втором случае — вдуть, если расклад сложится. Ну не гимназистка я, а девчонка интересная. И попка замечательная, а самое главное — любопытно, как этот электрогенераторчик во время секса себя поведёт. Чисто праздный интерес, но я не гимназистка какая.

Но семя стерилизовать, надёжно и с гарантией.

Ну а не будет — и не будет. Нет у меня к девчонке тяги особой, только интерес и... вежливость, мысленно хмыкнул я. Блин, а и вправду выходит по реалиям беловодским, вдуть

или дать, в рамках родовичей — скорее акт вежливости, чем что-то большее. Ну если там чувств-с каких нет или обязательств. А так — что руку протянуть, помочь, что сексом потрахаться — не сильно большая разница выходит.

Забавно, в плане осознания — я-то этот момент раньше понимал, но скажем так, не слишком осознавал.

Ну и потихоньку доехали мы до Навьграда. Сам город до боли напоминал Росток — та же “луковая” засадка мануфактурной части и снежиночно-коралловые “родовые кварталы”. Правда, колёр — чёрный, Чернобожичи блюли марку, про себя хмыкнул я.

Пара молодых родовичей-Чернобожичей вылупили на нас свои бешеные чёрные глаза на входе в городок. Вот кстати — не было у Братомысла такого. Впрочем, “Атос” не столько демонстративно, сколько по факту держал себя в руках. У него те же очи, может, тоже бешено выпученные, но он с полуприкрытыми ходил, слегка прищуренными, так что выходило нормально. А тут — вот прям бы так и съели.

Но демонстрация тиунского ярлыка их заставила расступиться и кивнуть. Причём, всё в тишине — ни Чернобожичи ни слова не проронили, ни Храбра.

После чего направили мы скакунов в сторону входа мануфактуры. Как я понимаю — типовая застройка, знаешь один “мануфактурный городище” — знаешь их всех.

И никаких навьих ужосов, кстати, не было: городок как городок, только купол родовых кварталов не розово-зелёный, а чёрно-зелёный.

В общем, добрались мы до скупки, которая вход в подземную мануфактуру и обозначала. И впёрлись, безропотно пропущенные стражами, внутрь.

А я с интересом оглядывался. Как чан тот же выглядит — я знал ещё до похода в Пущу. Это в книгах и словами, и схемами, да и картинками, причём трёхмерными, описывалось.

А вот мануфактуры недр были мне интересны. И... а симпатично, отметил я. Не пещера, в смысле внешне, а этакий пристойный цех. С мхом стен, в которых зеленоватыми шарами мерцали, а, учитывая количество — ярко освещали, светильники. С такими, желобами-лестницами, соединяющие яруса цеха, которых было три.

Ну и работники мануфактурные туда-сюда сновали. Не бегали, но явно при деле, что-то в чаны грузили, что-то выгружали. В общем, производственный процесс, как он есть.

И, что любопытно, у стен какая-то зелень копошилась, типа фигов. Явно воздух освежала — никакой затхлости и чего-то такого. В общем — сносно, одобрил я.

А наша троица бодро маршировала сквозь цех и домаршировала до внушительной перепонки двери. Как я понял — логово управляющего, что Храбра, слабо полыхнувшая эфиром и раскрывшая перепонку, подтвердила.

А в логове был обширный такой, с роскошным ложем за ним, стол. Пустой, нужно отметить.

А за небольшим столиком в уголке служка что-то кропал. Не родович, нужно отметить. — Кто таков? — приподняла на служку бровь Храбра.

Человечек на неё вылупился, но молчал. Я уж думал за ухо его подёргать — очень помогает налаживанию коммуникаций, проверено.

Но Храбра поморщилась, из набедренной подвязки явила свой боевой ярлык. Правда, полыхнула эфиром — явно мозги этого типа проверяя.

— Госпожа тиун, добро пожаловать, — низко поклонился с довольно кислой и неворстуженной мордой лица тип. — Я — Несмеян Косой, товарищ господина Роста.

— Товарищ, говоришь. А где сам Рост? — поинтересовалась Храбра.

— Ведёт переговоры с Чернословом Чернобожичем, госпожа императорский тиун!

— Ясно. Хорошо, Несмеян, предоставь-ка мне отчётность по мануфактуре.

— Я... прошу простить... слушаюсь, господин тиун, — прозапинался тип.

И козликом горным метнулся к этакому бюро. Впрочем, нужно отметить, что большую часть макулатуры он из своего столика и извлёк.

Храбра же привольно развалилась на начальском месте и нахмуренно перебирала бумаги.

Ну а я осмотрелся, кышнул Несмеяна, да и уместил зад на его стол. И похлопал рядом лапой, Дыйбору кивком подзывая.

— Что изволите, Стригор Стрижич? — бухнулась девица.

— Посидим пока. Вход контролируем, ходов тайных нет...

— Есть, — слышалось от Храбры. — Подо мной, — уточнила она.

— Ну, я там не проверял, — выдал охрентельно деликатный я. — В общем, нечего нам болванов изображать, посидим. В ход никто не проберётся?

— Никто, либо предупрежу, — пробормотала Храбра.

— Во-о-от. Сидим, ждём, — на что Бора, подумав, кивнула.

Хмурая Храбра с полчаса листала бумаги. Не менее хмуρο поднялась, кивнула приткнувшемуся в уголке Несмеяну и выдвинулась, сопровождаемая нами. Зашла в несколько явных складов, обежала их взглядами, похмыкала и выдвинулась из мануфактуры.

Я уж думал полюбопытствовать, а чего енто там: захочет сказать — скажет, не захочет — не скажет. Так-то пофиг, но интересно, а язык спросить не отвалится.

Но Храбра сама решила нашу компанию в результаты посвятить.

— Всё по документам совпадает, на вид уж точно. Мало товаров в скупку приходит — непонятно почему, — задумчиво протянула она.

— А Рост — имперского рода? — уточнил я.

— Все управляющие мануфактурами имперскими — имперского рода.

— А чего ж его не вызвали в Приказ? — продолжал интересоваться я.

— Мануфактуры, Стригор Стрижич — Земской Приказ. А мы — Опричный, — хмыкнула Храбра. — Проверить мы можем, на то Императора воля. Но с места срывать, дело руша — нам не можно. Коли нет уверенности в деяниях супротив Империи. А её ныне...

— И нету, — закончил я, понимающе кивнув. — Благодарю за разъяснения.

— Пустое, — отмахнулась Храбра. — Ныне нам путь лежит в родовое городище, Стригор Стрижич. Так что...

— Готов к нанесению оскорблений, — отрапортовал Храбре. — Со страшной силой и действием, — подумав, дополнил я.

В родовой квартал мы попали по предъявлению ярлыка беспрепятственно, правда, один из Чернобожичей скривился, а ветер донёс до меня бормотание “ещё одна”.

Последнее я говоруном Храбре доложил, на что она еле заметно кивнула. И доехали мы до избы градоначальника — довольно высокого, но не широкого, метров тридцать в основании кораллового шпиля. Угольно-чёрного, с отливом, куда деваться.

И вот тут нас поджидал облом: стражи, пара чернобожичей, на ярлык покивали, но нашу компанию послали. Не слишком матом, но не слишком приветливо:

— Чернослов Чернобожич занятый пребывает, — пуча на нас бешеные глаза, выдал один из стражей. — Сие для служак имперских ярлык, а не для него, — потыкал он перстом в пластину. — Коль нужда у вас до градоначальника нашего — обращайтесь с прошением, он

рассмотрит и дозволение вас до него допустить даст. Или нет, — пожал страж плечами.

— Мне нужен не Чернослов Чернобожич, а господин Рост, глава имперской мануфактуры, — заносчиво выдала Храбра.

— Ну так нет его тут, ищите, где есть, — отрезал второй страж.

Препираться с ними Храбра не стала, а очень неторопливо двинула горбунка по дороге. При этом фоня эфирными волнами телепатией и досадливо морщась.

А я прикидывал. В целом — Чернобожичи вообще и Чернослов ентот были в своём праве. Они Императору ни подданные, ни на службе имперской. Родовичи на родовой земле. И всё тиунство Храбры на пороге родового квартала заканчивается. Был бы Навьград как Росток — то возможностей у тиуна было бы до хрена. Но Навьград “завис” в подвешенном положении, ну и Империи, Императору, а тем боле тиунам каким-то там нихера не должен. Де-юре, по крайней мере, но тут или экспедиционный корпус, или хрен знает как.

— Клятые психи, — с расстроенным видом в сердцах бросила Храбра. — Ни лешего ни чую, — почти пожаловалась она.

— Ищем этого Роста? Точнее — имперца в этом здании? — уточнил я.

— Да, Несмеян не врал, — ответила Храбра, с интересом на меня уставившись.

— Могу проверить, — решился я. — Если есть имперец в здании — почую. Надо?

— Надо, Стригор Стрижич. Весьма обяжете, — поклонилась Храбра.

Не слишком низко, но вполне уместно “услугу оказывающему”.

— Пустое, — слегка улыбнулся я, возвращая её же фразу.

И начал выдыхать воздушный эфир. Здание, конечно, пропитано энтропией, но у меня ветер, а не ажурность ментальная. Кроме того, мой эфир — не метод познания, а метод передачи метода — интерпретирует данные Архив. В общем, минут за десять, надышал я эфира достаточно.

— В здании только Чернобожичи, — озвучил я.

И только получил кивок от Храбры, как в нашу сторону почти бегом рванула троица Чернобожичей. И добежали, весьма бодро. Пара привратных стражей и некий тип, чуть старше.

Вот хрен знает, что за тип. Но если в рамках рода дифференциация властных полномочий определяется степенью бешености и выпучивания буркал — то охрененно главный тип, факт.

Впрочем, и в плане эфира дядька был силён. Но мои выводы прервал его рёв:

— Совсем имперцы страха не ведают! Ты, шлюх...

А на этом месте его рёв прервал мой меткий плевок. Моя работа, как-никак. Плевков вышел знатный, утверждающий мою могучность и плевальную доминантность.

Дядька в выпученными буркалами и заплёванной рожей аж на задницу на мостовую шмякнулся. А стражи дёргаными движениями задёргались, за кладенцы ухватились, эфиром пыхнули... И переглянулись. И замерли.

Вот психи-то психи, но поняли, что не нападение это. Ну, впрочем, посмотрим, что от плевков отщёрты изрыгнёт.

Оплёванный отщёрся, вскочил, ну и начал изрыгать:

— Поединок, немедля! Хам, невежа...

— А я — Стригор Стрижич, господин Хам Невежа, — вежливо представился я в ответ.

И несколько даже забеспокоился — Хам Невежа рожей не побагровел, а реально почернел. И буркалы свои бешеные не терял лишь с помощью эфира — настолько они были

вытаращены.

— ЫЫЫ... — проревел-прошипел он.

— И да, слова поносные в присутствии родовишен благородных только Хам и Невежа изрыгает, — дополнила моя куртуазность. — Так что имя вам подходит...

— Черномил Чернобожич я! — проревел дядька.

А я наблюдал именно “почернение”, без шуток. То есть, паразитные потери эфира у Чернобожичей были под стать Дыйечам. Не в “спокойном” состоянии — спокойные психи были родовичи как родовичи.

А вот в бешенстве “энтропия текла по их венам” и фонила в пространство лёгким дымком. То есть он мордой чернел без кавычек — щитовидка в его кровь загоняла черноту, видимую простым глазом. И белки посерели, отметил я.

Ну да ладно, это “косметика”. А по факту — неприятный момент. Связь “эфир-эмоции” работала, это раз. То есть, и так на четверть сильнее меня в плане эфирного органа дядька скакнул в силе раза в полтора.

Далее, немалая часть моего арсенала, как и прочих родовичей, в плане эфирных манифестаций на Чернобожича хер подействует, это два. Не вообще, конечно — но эфирные воздействия этот бешеный темнокур просто деструктурирует на подлёте, паразитными потерями.

Попробую, конечно, но хрен работать будет, признал я. Тем временем Чернобожич со своим “чёрным бешенством” если не справился, то взял под контроль. Рывкнул на одного из стражей, тот и убежал.

Посмотрел на меня — аж затрясло его, звуки стал странные, то ли воюющие, то ли мычащее издавать. И пырнуться на второго стража, в мою персону граблями своими неприличными помахивая.

И оказалось, мысленно хмыкнул я, что эти подвывания и пантомима несут некую смысловую нагрузку. Очевидно, понятную только Чернобожичам, поскольку страж хавало раззявил и стал скороговоркой “переводить”:

— Черномил Чернобожич, товарищ Чернослова Чернобожича, городского главы Навьгада, оскорблён и требует немедленного поединка, — “ыыыыrrrr!” — закивал на это оплётанный. — Вы, Стрижич, либо его принимаете, либо...

— Да принимаю я, — лениво отмахнулся. — Плоть и магия, до увеч... — “ЫЫЫЫР!” — прервало меня.

— До смерти, Стрижыч, — под ыгыканья оплётанного выдал страж.

— Да и хер с ним, — широко улыбнулся я, на что мне никто не нашёл, что возразить. — Где господина Хама Невежу убивать-то?

— Господин Черномил Чернобожич...

— А представился как Хам Невежа, я точно слышал, — веско покивал я.

Почернели оба, но видно, в стражи брали специальных щитовидных психов, специально обученных к вменяемой коммуникации с разумными. Так что почерневший страж расшифровал мычание-рычание оплётанного, который ещё и слюнями начал брызгать. Кстати, ни хрена не попадал, даже не доплёвывал.

Тем временем, вернулся отосланный страж, притаранивший биодоспех, в который Черномил (ну вот ни разу не милый) с некоторым трудом ввинтился. То ли “не попадал” от психов своих, то ли от злобы несправедливой его раздуло.

А за стражем топала семёрка Чернобожичей. Очевидно, в историю праведног

оплёвывания посвящённые и на меня бешено зыркающие. Четыре родовича, в возрасте, ну и четыре родовишны, тоже не без него. Но зыркали на мою персону бешено все, хмурились, правда, хоть не чернели.

— Так где поединок-то будет? — повторно уточнил я у стража, приветливо помахав свежеприбывшим.

— Чернослов Чернобожич, волей Чернобога глава Навыграда, — вдруг изрёк самый представительный дядька из подваливших.

Его, конечно, никто ни о чём не спрашивал, но раз уж представился — и я вежеством блискану.

— Стригор Стрижич, Владыка Болотного Лога, — блисканул я.

Ехидная память, хорошо, что про себя, дополнила: высокий повелитель Бергамора, Марралора и Парлота, властелин Лансингтона, Нижних Мхов и Трёх Мостов.

— Поединок ваш без промедления? — уточнил городской глава, на что я кивнул, а Черномил кивнул с рычащим подвыванием. Или подвывающим рычанием — я в чернобожей “внутренней речи” прискорбно неосведомлён. — В таком разе следуйте за мной, сад за управой для этой цели куда как го́ж, — принял на себя роль распорядителя дуэли голова.

По дороге я спутниц представил, обозначив их свидетелями со своей стороны. На слове “тиун” Чернослов попырился на Храбру, попырился на Черномила. Я стопроцентно уверен не был, но, как по мне, пантомима градоначальника, обращённая к заму, выглядела как “ты, болван, воюешь не в ту сторону!”

Или показалось, что возможно — но неважно. Мне надо “абсолютное доминирование” явить. И ещё не прибить оплёванного, что та ещё задачка, прямо скажем.

Дотопали мы до довольно обширного газона, которую назвать “садом” мог только очень оптимистичный, а, скорее, живущий в мечтах человек — два “зонтика” на звания сада не тянули ну вот никак.

Впрочем, мечты Чернослова — его половые трудности, так что занял я место, подготовился, и только раздалось: “Мочи!” — оформленное в виде слова: “Бой!” — как у меня начались обломы.

Я, понимаешь, в целях доминирования, и всё такое, рассчитывал чинно подняться в воздух, откуда нести енто самое доминирование. Ну по воздуху, точнее по ступенькам из пластин воздуха неторопливо подняться.

Но брызжущий злобой и энтропией оплёванный меня подло обломал. Не успели замолкнуть звуковые колебания слова “бой!” — как Чернобожич зарядил в меня “дыханием праха”.

Вообще — название ни хера не описывало эту манифестацию. Это не было “дыханием”, не имея никакого отношения к лёгким. И не было “прахом”. А была это дымка энтропийного БОВа, что-то наподобие моего ангидрида, только на энтропийном эфире, а не физическом проявлении.

Ядовая и опасная штука, а психованный противник шибанул в меня её душевно, пятиметровой дугой, метра в два высотой.

И мне, вместо чинного вознесения, пришлось делать натуральное сальто с проворотом, с толчком от пластины воздуха. И утверждаться на “платформу” уже на паре с половиной метров от земли. И смотреть с осуждением на психопата — просто попадать в это дыхание мне точно не стоило. Прах не прах, а ободранный Стрижич без биодоспеха после окатывания этой фигнёй точно бы был.

Впрочем, тоже вышло ничего, отметил я дружно выпученные на мою вознесённую персону глаза, как Чернобожичей, так и спутниц.

Противник мой аж челюсть отвесил, перестав фонить энтропией, видно, от изумления.

Ну а я решил, для начала, попробовать противника слегка придушить. Ну, мало ли, вряд ли, но вдруг проканает.

Хотя не очень верилось, прямо скажем — напущенный мной воздушный эфир пребывал в состоянии “изорванных полосок”, не только от “дыхания праха”, но и вообще.

Но попробовал, ну и убедился окончательно — щитовидного психа структурированным кислородом в лёгких хрен удавишь. То есть, Черномил после манифестации рожей покраснел, пастью стал не просто зиять, а натужно дышать. Закачался, явно взбесился, шибанул энтропией по площади и задышал.

И стрельнул, паразит такой, на психе своём, в меня лучевой энтропийной пакостью. Я от неё почти увернулся, но ключевое слово “почти”. В биодоспехе появилось две дыры, а в бочине... ну не дырка, царапина скорее, но болючая и неприятная.

В общем, начал я формирование нескольких грамм полимерного азота в метре от Чернобожича. Тот рефлекторно по области манифестации вжарил энтропией и улетел нахрен. Ну, точнее, подкинулся, суча ручками и ножками метров на пять вверх.

Дело тут было вот в чём: полимерный азот формировался в запредельно сложных, повышенной температуры-давления условиях. Но это мне было пофиг, я его формировал “как есть”, как готовое состояние.

Далее, в нормальных условиях одной атмосферы и в области нормальной температуры полимерный азот местастабилен, после создания, конечно. Алмаз, как он есть.

Но, разрушение кристаллической решётки и создание двуатомной связи вызывало выделение энергии, тепловой, выводило кристалл азота из метастабильного в нестабильное, а вследствие — цепную реакцию смены молекулярного состояния.

При этом, взрывное расширение температуру снижало, точнее имеющуюся энергию “распределяло по площади”, что делало взрыв “холодным”.

Но это общий момент. А частный вот в чём: зубья на мече Чернобожич энтропией не разрушит, тут минуты нужны. Они метастабильны и просто кристаллы. Запустить реакцию в созданном кристалле я могу своей волей — она цепная, там крохи нужны.

А вот в процессе формирования кристалла, прервав процесс манифестации энтропией, он сам реакцию и начал, без моего “волежелания”, которое я, по совести, осуществить в его тьме и не мог толком.

Правда, был момент с “заготовленным кристаллом”. Хрен я его подорву, уже созданный, в поле эфирной энтропии. Ну, смогу пробиться, в принципе, но долго и боданием эфира. Безусловно, в мою пользу, в смысле мне нужно в кристалл кроху своего структурированного эфира подпустить, а Чернобожичу тому же — вообще не пускать не крохи.

Но бодание эфира — ненужное, так что следующий кристаллик под падающим и лапами размахивающим Чернобожичем я творил с “инициатором”, областью полимерного азота нестабильного, удерживаемого именно эфиром. Вымоет тьмой — взорвётся. Не вымоет — сам подорву.

Ну и в целом — оказалась перестраховкой. Подкидываемый взрывами Черномил разве что слух мой оскорблял своими воющими рычаниями, с редкими вкраплениями мата. Тьмой фонил, как сволочь, но она до формируемых на земле кристаллов просто “не доставала”,

шейфом улетая за подкинутым взрывом психом.

И после третьего “подкида” рычание прекратилось, а после пятого — тьмой фонить мой черномячик перестал. Живой вроде, оценил я. Но без сознания и ни хрена не боеспособен — перегрузка, несомненная и неоднократная контузия.

— Убивать столь слабого, неумелого и глупого противника нахожу излишним, — пафосно, с воздусей, огласил я. — Придёт в себя — пусть подумает о том, что родовичу в его возрасте и при его службе надлежит следить, что язык поганый изрыгает.

После этого пафосного заявления я вальяжно, под вытаращенными уже не гневом, а изумлением, взглядами спустился, присоединился к спутницам, да и уехали мы от этой лужайки нахрен.

Чернослов вслед пытался что-то проблеять, но вышло у него откровенно хреново — очевидно, фирменное чернобожичье косноязычие перекинулось с вырубленного Черномила на городского главу.

В общем — ускакали мы беспрепятственно, Храбра направила наш отряд к постоялому двору. А я ещё в дороге стал мыслить мудрые думы. Как насчёт своего поединка и его последствий, так и насчёт своей новой охренительной придумки.

С последней, в процессе боевых испытаний, всплыло, а точнее пришло в голову, несколько сложностей.

30. Карачун ушёл

Если подумать, то по нашему делу выходило... непонятно. То есть, опять же, Чернобил ентот повёл себя нормально, как ни крути. То есть, я провентилировал избу главы — это чувствуется, хоть я и не фонил эфиром, как сволочь. А это... ну не слишком любезно. И для психов-Чернобожичей более чем причина прибить хулигана нахер. Минимум — два раза: подпрыгивала, до демонстрации “безоговорочного доминирования”, некая Чернобожишна, посильнее градоначальника, на минуточку.

Правда после сеанса чернобола на воздухах — подпрыгивать перестала, челюсть отвесила, как и прочие Чернобожичи, и в сторонке стояла.

Далее, прошлые, нахрен прирезанные тиуны — тоже ведь могли быть прирезаны “за дело”. Этого Роста не обнаружилось, сунули свои носы “не по чести” куда не надо — да банально, в мозгах хотели покопаться. Ну и прирезались Чернобожичами.

Нет, это, конечно, “недружественный акт”, но такой, наполшишечки. Всё в рамках может быть, как ни крути.

Реакция же Чернобожичей на мою “дуэль” — правильная. Ожидаемая — они зрели “Воздушного Владыку в силах тяжких, на воздухах пребывающего, гнев Стрибога несущего”.

И не испугались, ну, в плане до мокрого отсутствия шганишек. А включили мозги, в обычном их режиме глушимые гормонами и энтропийным эфиром. Взяли этакий коллективный тайм-аут, на подумать.

Что там с этим Ростом — а вот леший знает, на самом деле. Я внутренние инструкции мануфактур имперских не знаю, да и не очень, по совести, интересно. Это у Храбры пусть голова болит, она — тиун.

Ну и наконец — Дыйбора. Нормально, грамотно себя повела — напряжение эфира было взвинчено с начала конфликта и поддерживалось до нашего отъезда. Прикрывала Храбру, вне зависимости от выпученных очей на мою победоносную персону. В общем, если что — на девчонку тиуншу нашу можно спокойно оставлять. Сама Храбра с Чернобожичами (как и любой Лихыч) ни черта не сделает, кстати — эфир менталистов развеивается энтропией влёт. Разве что с разницей силы в разы, продавливая энтропию... но это совсем молодой-неопытный Чернобожич и лютый, перекачанный Лихыч должен быть.

Это у нас выходит по делу, прикинул я, когда Храбра договаривалась о номере.

— С двумя светлицами, — отмыслетекстил я, на что Храбра бровь ехидно на меня подняла, но службе соответствующее указание отдала.

Ну... неудобно как-то в прошлый раз вышло, прямо скажем. И ведь леший знает, как себя вести. Так-то вроде и можно, но вот начнёт Бора во сне приставать... не то дурно, что приставать, а то, что во сне. В общем, нафиг такие расклады, захочет — пусть всё явно и прямо будет. Мне, всё-таки, самому немного интересно, если честно. И девчонка она такая, привлекательная, да.

Завалились в номер, начали трапезничать, ну а я уже насчёт своей новой уберплюхи стал итоги подводить. Итак, акульки зубы на кладенце — крайне ограниченное в использовании против родовичей приспособление. Притом, что я его ещё не использовал толком, но против Чернобожичей, Ладычей, Велесычей, Стрижичей, кстати — вполне ничего.

А вот Дыйечи — под вопросом. А Хорсычи и Погибычи, Ярычи и прочие

температурщики — без вопросов “нет”.

После “скрещивания кладенца” с температурщиком картина будет из двух с матом (если повезёт) разлетающихся в разные стороны тел. Одно из них моё, второе противника. И если не повезёт — не матерящихся, потому что трупы такого свойства, материться, не имеют.

То есть не “универсальная” кибернетизация, а ситуативная, не более, окончательно решил я. Но, как материал для воздушных взрывов, да наполнитель для гранат, эфирный порох — вещь, факт.

А кладенец... ну, прямо скажем, зубьи на нём — вещь не критичная, те же плоскости воздуха прекрасно работают, это с Чернобожичами затык.

— Поразили вы меня, Стригор Стрижич, — по окончании трапезы выдала Храбра под кивки Дыйборы.

Последняя довольно ощутимо фонила феромоном и бросала на мою персону весьма однозначные взгляды — “сильный самец, трахать-трахать”. Ну, посмотрим, как я и думал.

— Это моя часть дела. Будем надеяться — последняя, но если что — могу ещё раз плюнуть, — ответил скромный я. — А вот что с делом в целом?

— Леший знает, Стригор Стрижич, — нахмурилась Храбра. — Роста не было, я вам верю. Но где он, чтоб его? — риторически спросила она, прикусив ноготь на большом пальце. — Ладно, завтра на рассвете направимся в мануфактуру, — решила она через минуту. — Несмеян его там каждое утро видел, правда, только с утра, — довольно любезно пояснила она, на вопросительно приподнятую бровь.

— И с Чернобожичами непонятно, — хмыкнул я.

— Да вообще ни лешего не понятно — есть ли причина для нашего путешествия, либо это случайность.

— Ну если подумать, то два тиуна убиты в течении суток, — напомнил я. — А этот Рост тут? — вопросительно взглянул я на Храбру.

— Полтора года, Стригор Стрижич. Подозрительно, понятно. Но подозрение — не есть преступление.

— Да уж, — согласился я. — Ладно, в таком разе я в свою светлицу. Выступаем на рассвете, покидать номер вы до того срока не намерены?

— Не намерена, — кивнула Храбра, погружаясь в думы.

Довольно неприятные, но тут её понять можно: мы не сказать, чтобы “во враждебном окружении”, но и сказать, что не так — не выходит. Родич чёрт знает, преступник или нет. Шататься по Навыграду — лишняя возможность нарваться на неприятности. Так-то я крутизну проявил, но Чернобожичи. Да и поединок — дело не мгновенное, прямо скажем.

В общем, завалился я в небольшую комнатушку, растянулся на моховом ложе, да и начал возиться с моделями в эфире. В первую очередь со всякими хитрыми способами “в материю пробиться”, точнее, обходными манёврами, раз уж “в лоб” не выходит.

Ну а через пару часов в дверь поскреблись, а после моего дозволения в номер проскользнула Дыйбора. Уже так основательно шибаящая феромонами.

И я отбиваться не стал. Довольно приятно и небезынтересно вышло — в процессе соития Дыйешна и вправду теряла часть контроля, начиная генерировать разряды, а уж в момент оргазма вообще почти болезненно “разрядилась” причём в соответствующем месте. Но было это скорее приятно, чем наоборот. Довольно интересно, приятно, странно...

Понравилось мне, в общем.

Кроме того, девчонка попросила “любить в воздухе”, что я со своими девчонками

пару раз пробовал, но не практиковал особо — отвлекало от секса, а уж втроём вообще неудобье.

А вот сейчас то ли я продвинулся в контроле, то ли улучшенная нервная система помогла — но вышло очень даже, уж “кувыркались в воздухе” мы очень небесприятственно.

А уже в сумерках довольная Дыйешна покинула мою обитель — телохранить Храбру.

И ряд её жестов и мимических проявлений показал, что: “было ууух, Стригор Стрижич, но в развитии наших совместных потрахушек я не заинтересована, о чём-то большем не говоря”.

В принципе — логично. Правда, интересен момент с тем, просто так совпало — у Бора давно никого не было. Или всё-таки какая-то хитрая проверка? Впрочем, прямые вопросы задавать глупо, а без них мой “полиграф” даже от души накачанную ветром Дыйешну не “расколет”. Потому что, чтоб понять, правда или нет, вопрос всё равно нужен.

Проснулся я за час до рассвета, вышел в “основной номер”. Дамы изволили проснуться, Бора даже улыбнулась легонько, но так, фоново. Подтверждая и так понятное, что у нашего “военно-полевого соития” будущего нет. Я даже немного пожалел, чисто умозрительно — такая заводная девчонка в нашу “семейную формацию”, как по мне, неплохо бы вписалась. Но родовишна, банальное время на секс, банальное отсутствие толкового знакомства... в общем, сожаление было ОЧЕНЬ фоновым, уровня “гарем — это приятно. Но ни хера не нужно, да и вредно, если разобраться”.

И начал я своей охренительной щёткой чиститься, предварительно пропотев — в моём закутке “мусорной решётки” не было, почему я и выперся. Бора тоже подошла, меня немного удивив — чистилась она какой-то мочалкой непотребной.

Я подумал, да и всучил ей свою щётку — она реально классная, не то что мочалки всякие. Бора щётку повертела, плечами пожала, и принялась чиститься, натурально попискивая от удовольствия.

— Попробуйте, госпожа Храбра. И впрямь приятно зело, — протянула она щётку, предварительно спросив у меня взглядом дозволения, нашей тиунше.

Так похмыкала, почистилась. Пищать не пищала, но улыбалась широко, да и вернула с некоторым сожалением.

— А где вы сию диковину добыли, Стригор Стрижич? — заинтересовалась она.

— Да я, признаться, и не знал, что диковина, — честно ответил я. — В Ростке закупил, думал, обычная мёртвая вещь. Могу в Столенграде уступить парочку — с запасом покупал.

— Очень обяжете. И нет, я такую диковину впервые зрю.

— И меня, Спасибо, Стригор Стрижич, — улыбнулась Бора.

— Да не за что пока, есть запас, не обеднею.

А вообще — забавно. Вот вроде ерунда-ерундой, мёртвая вещь. Я и думать о них забыл — приятно, чистит и вообще. А вон видишь ли, “диковина”. Наверно, купчина оборотистый, хотя, скорее, мастерит родович какой в Ростке. Последнее вероятнее — у купчины “производственных мощностей” ни хрена нет, а были бы — и “диковиной” бы не было.

А за полчаса до рассвета мы выдвинулись в сторону мануфактуры. Причём с “лукового города” это пришлось делать в довольно плотной толпе. Мануфактурные работники явно топали к месту службы.

Но приехали, встали в сторонке, и, с рассветом, как приличный человек, явился ожидаемый нами Рост.

Роста он был не слишком великого, как все Лихычи. Очами неонов, возрастом — годов

под сорок на вид. Имперец как имперец.

— Блага, сестрица, — кивнул он с мордасом индифферентным, на ярлык показанный лишь кивнул, как и нам с Борой, по бокам от Храбры пребывающим. — Прошу ко мне, — сделал широкий жест в сторону мануфактуры он.

Ну и ввалились мы в мануфактуру, проследовав в уже обозначенный кабинет. И час убили хрен знает, на что — Рост разводил руками, мол, сколько несут товара, столько он и производит. Может, в Земском Приказе с местом ошиблись, али Чернобожичи много товара портят, до скупки не довозя — не ведает он и не знает.

А сам в поте морды своей кругался вокруг Чернобожичей выкруживая, чтоб их “под Империю” подвести. Пока никак, но рук не покладает, так что справится. Во славу Империи и Императора, конечно.

Храбра всё это слушала, кивала, но, покинув мануфактуру, физиономию имела кислую.

— И так всё, а не так. Пуца под боком, либо твари кишеть должны, либо товар в скупке. Или чан свой Чернобожичи завели? — вслух рассуждала она. — Да нет, не осият, да и города бы уже не было — твари бы сожрали...

— А если этот Рост, положим, часть товара в карман кладёт. Ну или денег за него, леший знает. То на кой ему это? — поинтересовался я.

— Деньги, — фыркнула Храбра.

— Имперцу? — несколько удивился я.

— А мы в них, Стригор Стрижич, не купаемся, — довольно ядовито выдала Храбра. — Уж не знаю, как вам, вы вроде в одиночку Пуцу в своём Логе сдерживаете, но простой родович служит. И вот, положим, отслужит он в мануфактуре лет тридцать али сорок. И будет ему деревенька или квартал городской в заботу и кормление. Но больше хотеть-то не запретишь.

Хм, это я несколько “от родовичей оторвался” со своими реально мажористскими доходами. Так-то если подумать, то имперцев, навскидку, тысяч пять на Империю. Ну, положим, в Стольном Граде и городках пожиже их пара тысяч, ну три службу служат. А остальным... Если на шару “в кормление” места раздавать — так и Империя накрыться может, вполне вариант. И сами имперцы хоть и менталисты и вообще — а люди, как ни крути.

Так что вот желает ентот Рост, положим, через тридцать лет не деревеньку, а городок. И статуи свой с перьями в жопе на центральной площади. На кой хрен — не знаю, но человеки такие, желания у них странные. И не только перов, да.

Ну и откладывает в “кубышку” часть мануфактурных доходов. Не монорыльно, понятно. Но варианты есть, особенно если с Чернобожичами “в деле”. Часть лучше, чем ничего, даже с психами щитовидными.

— В хранилище имперское он гривны не понесёт, — протянул я.

— Почему, может... но вряд ли, Денежный Приказ за хранилищем пригляд имеет. Думаете проверить обиталище Роста? — остро взглянула на меня Храбра.

— А какие варианты есть, кроме как в мануфактуре да скупке поселиться? — уточнил я. — Либо возвращаться, потому как всё спокойно и благолепно.

— Пожалуй, и правы вы, Стригор Стрижич. Но как вы себе этот досмотр представляете?

— А давайте проедемся. Чай, не проскочим мимо, — потыкал перстом я в единственный коралловый шпиль в луковом городке. — Посмотрим, да и скажу, годится задумка моя или нет.

— Почему не съездить? — пожалала плечами Храбра.

“Всё равно вариантов нет” сказано не было, но читалось контекстно. А вообще — в таких раскладах и Опричный Приказ, выходит, делом занят. Потому как Империя явно цель имеет, ну как минимум — до определённого уровня жизни подданных подвести. То есть не как упыри-однодневки, наворовать побольше, а после нас — хоть потоп. Таким до колоннады на коррупцию, сами воруют, другим не мешают.

Но тут цель и смысл есть. А вот, положим, Рост этот наворует на городок, расплодится в нём со страшной силой. И свой “немного утаить — не воровство” отпрыскам своим передаст. Это как рак пойдёт, причём хер знает, справится ли Империя. Ну вроде справляется, но в этом случае раньше — лучше.

Кроме того, те же Чернобожичи. Они, если в хищении участвуют, чёткую такую программу, причём не на поколение, получают, с тем же воровством.

В общем — если хищение, то надо хищателя жучить, бить, ну и на мороз гнать, факт. Или отрабатывать за еду, тут уж имперским виднее, их песочница.

Объехали мы домик коралловый — кстати, о трёх этажах, а не типичных двух, розовый. Но небольшой, относительно. Как бы не “экономия застенного места мануфактурной застройки”.

Аккуратно начал я обдыхивать домик. Обдышал — людишек пятёрка, да и всё. Ну и расположение комнат понял, как и то, что дом “мёртвый” — управителя нет.

— Родовичей нет, управителя тоже, — протянул я.

— Сие я вам и так, Стригор Стрижич, могла сказать, — хмыкнула Храбра.

— И что нет любовницы какой, к примеру? — хмыкнул я в ответ, на что Храбра пожалала плечами. — Да и расположение комнат я почувствовал. Вернёмся на двор постоялый? — полупредложил-полуспросил я.

— Вернёмся, беседа же есть? — ответила Храбра, на что я жестом показал что есть.

Можно и говоруном, но всё одно дело ночное. А торчать в Навьграде на виду... Ну, не самое разумное дело. Например, мимо нас троица Чернобожичей шла, так остановились, буркалы свои бешеные выверзили. И пырились, пока мы не скрылись. То есть не обзывались, рожи сверх естественного пучеглазия не корчили. Но видно — недовольны. Хоть также видно — в качестве спортивного снаряда в весёлой игре “черномячик” участвовать не хотели, да и в курсе были об этом занятом времяпрепровождении.

— И вот что я предложить вам могу, Храбра, — начал я. — В ночи, часа в два пополуночи или три, лишу я обитателей особняка воздуха. Ежели родович или родовишна, окромя Роста, будет — тоже лишу. Не до смерти, само собой, но проснуться сил они иметь не будут. Ни чародейство не поможет, ни что иное.

— Понимаю, о чём толкуете, Стригор Стрижич. Велика ваша сила, — покачала головой Храбра.

— Не столь велика, сколь важно, что спать насельцы будут, моё же чародейство лишь сон усугубит, — отметил я. — Ну а там — сломаю окно...

— Лишнее нам как татям проникать, — отрезала Храбра. — Просто дверь отворю, да и в обиталище справлюсь.

— Хм, ну и к лучшему, значит. Тогда ищем богатства несправедные, дом невелик, головы и силы у нас есть. Или найдём, тогда у вас к Росту разговор по-иному повернётся. Или нет — тогда вернёмся в Столенград. Или проверить, что с добычей с Пущи, потребно?

— Нет, сие не потребно — Его Величество лишь мануфактуру свою проверить повелел.

Остальное — не моя забота, нового тиуна, при нужде, к Пуще Приказ направит. А предложение ваше, Стригор Стрижич, с благодарностью принимаю, госпоже Тенетнице о рвении вашем великом и подмоге немалой доложу.

Ну, от последнего я подпрыгивать и радоваться не стал. Мне главное — чтоб дело справлено было, ну и награду получить. А какой я замечательный и молодец — Тенетница и так знает.

Но может подкинуть премию какую. Я с нашим “бартером” так и не определился, как, подозреваю, и она толком. Я прошу, что надо, она пихает что-то, да приглядываемся. В принципе — может, и все свои вопросы закрою с этого “заказа” и в Лог спокойно вернусь. А, может, полгода буду мотаться — в общем-то, не слишком страшно, да и полезно.

А то я себя пусть не умом, а в чувствах что-то необоримым, непобедимым почую. Не самое правильное чувство, хотя ощущение, что я себя угробить смогу быстрее и надёжнее вражин — правильное.

Однако, до это путешествия к Чернобожичам — расслабился со своим арсеналом, мол, всех прибью со страшной силой. А по факту — убить-то убью. Если не слишком много вражин будет. Вот только царапина на боку у меня не из воздушных получила. И десяток сантиметров в сторону меня бы, возможно, не убил. Но из строя бы надёжно вывел, факт.

В общем, разошлись по комнатам. А в обед ко мне Бора с перекусом проскользнула. И не особо-то мы, если честно, трахен-трахеном занимались. Так, ласки, петтинг, оральные тоже, но не более. Вообще, судя по феромонам, Дыйешне в воздухе быть без опоры понравилось сильно. А поглаживание, электромассаж да и минет — как благодарность скорее вышло. Против чего я, по здравом размышлении, и не возражал — время провели небесприятственно, ну и к вечеру Бора комнатушку покинула.

А в ночи глухой направились наша компания на дело инспекционное. В луковом городе патрулями и не пахло — пара стражей у врат. Впрочем, публики на улице особо и не было: защитные зонтики — не абсолют, а от того, что тебя пара случайно прорвавшихся нетопырей порвёт, а не пара десятков, твоей порванной персоне как-то легче не станет.

В общем, добрались мы до особнячка Роста, начал я воздухом дышать и связывать кислород даже не в лёгких — в комнатах. Ну, обитатели уснули поглубже, правда, предупредить пришлось:

— От меня не отходите — сами сомлеете, — на что спутницы покивали.

Просто кислорода в комнатах с обитателями, свободного, были считанные проценты. Тут дыши — не дыши, и вправду уснуть можно. А на лёгкие нацеливаться только вблизи выходило, и так надсердечник покалывало из-за слишком объёмной, фактически, на грани возможностей, манифестации.

Храбра и вправду распахнула двери, как к себе домой. А вот я, получив информацию, задумался. В койке Роста (ну, я думаю, в койке, всё же дам на койке обычно потребляют, а не на коврике у двери) была родовишна. Горишна, вроде бы, но сам факт именно сожительства, а не секса с родовишной небезынтересен. Хотя чёрт знает — днём сей дамы не было. Впрочем — не мои проблемы, сообщил Храбре, пусть сама думает.

В общем-то, в том, что в койке, а не на коврике, мы вскоре убедились. Потому что первым делом нас Храбра на третий этаж, который и занимали покои хозяйские, и повела.

Рост был, валялся и дрых. Горишна тоже была, тоже дрыхла на ложе, вроде молодая совсем девка, хотя я и не приглядывался толком, смещая область структурирования кислорода с площади на лёгкие валяющихся.

Храбра же первым делом подвалила к трём ларям, тут же их приоткрыв. И начала в центральном профессионально перещёлкивать гривнами. То есть не все — а их там было дохрена, а объём прикидывала, считала.

То есть никаких долгих обысков, ничего. И Рост, похоже, ворюга: нет у него источников доходов на такую кучу деньжищ. У меня, обеспеченного богатея, раз в пять поменьше схоронено.

— Говорить с Ростом буду. Стригор Стрижич?

— Прочие спят. Горишну будить? — уточнил я.

— А на кой мне она? Дыйбора, твоя работа, как проснётся, — тыкнула Храбра в Рост.

— Сделаю, госпожа Храбра! — бодро отрапортовала Бора.

Ну а я свернул манифестацию в Ростовых лёгких, и приготовился на всякий. Но приготовился... не к тому. Бора, электровеничек, оказалась катом. Уж по совместительству или как основная деятельность — чёрт знает.

Но выгибаемый электроразрядами Рост меня впечатлил. Я аж ногу на ногу положил, на ларе сидючи. Это... ну в общем как-то “да уж”. Нет, если что, я с Борой, наверное, смогу. Но с ОЧЕНЬ большим опасением, прямо скажем.

А пока я боролся с новой возможной фобией своей нежной и ранимой даймонической души, Храбра вытягивала информацию.

Насколько я, кстати, понял, Бора не столько именно пытала. Она скорее сбивала концентрацию и контроль Роста, а Храбра проверяла правдивость и мозготрахала Роста. Не в плане непосредственного получения информации, а “говори правду, паразит такой!”

В общем, за полчаса поведал нам Рост такую историю: в ночи глухой на мануфактурном оборудовании падут людишки Чернобожичей. И на их же сырье, с собой прихваченном. Продажа “подработки” идёт по “каналам” Роста. И фактически мануфактура делает в два раза больше, чем в Земском Приказе знают.

Самое забавное — в этой схеме участвуют не все Чернобожичи, то есть градоначальник не факт, что в курсе. А может, и в курсе, и в доле — тут Рост, судя по всему, не знал.

Вывалил он всё это, откинувшись, натуральной слизью-испаринной покрытый. Тут разряды Бору поработали — системы организма явно сбились от электропрожарки.

Ну, такое себе. Оправдания в стиле “роду не в ущерб” и всё такое. Ну, в общем — чиновник вульгарис, мощну набивающий, делу и людям гадящий. Если и не прямо, то косвенно. И было мне интересно, что Храбра делать будет, точнее, Опричный Приказ её руками.

Дама задумалась, да и начала денежку из ларя в выдернутую с пола шкуру пересыпать. Точнее — в несколько; такой, увесистый тючок вышел.

— С нами поедешь, Рост. Императору доложишь, как роду и Империи “не в ущерб” трудился, — огласила Храбра, на что чин скорбно кивнул, ну и на подрагивающих ногах, с ужасом поглядывая на Бору (дурак такой! Милая девушка. Местами...), поднялся с ложа. — Стригор Стрижич, уходим. И город покидаем с рассветом.

— А мануфактура? — заинтересовался я.

— Так товарищ головы на что? Он и делал всё, по сути. Этот, — потыкала она перстом в этого, — в ночи воровство творил. Не пропадёт мануфактура, а на седмице нового управляющего найдут.

В общем, с первыми лучами солнца покинули наша уже четвёрка Навьград. Чернобожичи, позёвывающие, на нас попырились бешено, как у них принято.

И поехали мы неторопливо в Травинник. А я прикидывал. В принципе — выходит, что, что бы Чернобожичи ни крутили... а не Имперское дело. Ну, точнее, “на карандаш” их возьмут, приглядывать за этой мануфактурой будут. Но с воплями “ворюги” на них накидываться никто не будет. Потому что по всем раскладам — а не ворюги они. У имперца “арендовали” мануфактуру, прибыль честно деля. Все всё понимают, но кроме Роста, у имперского рода по закону и претензий быть не может.

Даже тиуны — Рост связки рвал и мышцами дрожал, но утверждал, что просто “Чернобожичи”. Не так сидели тиуны, не так смотрели, вот и вызвали их. А убивать их насколько он знает, никто и не тщился специально. В том, что его охрнительный план “заработать до хрена” идеален — был он уверен. А в мануфактуру людишки Чернобожичей, пока тиун в городе, и не приходили.

А вообще, конечно, Рост виноват и казёл. Но в плане чинуш из ряда знакомых Миров — ангел во плоти. При всех своих выкрутасах — даже не мыслил на дело плюнуть. Воровал “излишки”, но губить производство — даже помыслить не мог. Так что, то, что его немедленной смертью не убили — наверное, и к лучшему. Пусть отработывает там, заключил я. Но махнул рукой — вот реально, не моё дело.

В общем, едем мы себе, едем, никого не трогаем. Как вдруг сзади приближается эфир. Скачут, родовичи, не один, отметил я, напрягся... И ни хера напряжение не помогло. Потому что в нас полетела пятёрка перекаченных энтропией болтов из самострелов, которые прошли мои пластины воздуха вообще без сопротивления. Слишком “тонкие” они у меня, блин.

И меня переклинило, в очередной и, подозреваю, не в последний в моей жизни, раз.

Терять спутниц я не желал. Просто не желал — и всё, так кладенец выдернул Роста за шею с его щучища, поймав им три болта, переполненных энтропией. Благо, ехал я сзади. Следующим действием был воздушный взрыв, но это подстраховка, я и так, и так не успевал, в этом случае флешбэк из Земного Края сыграл: вывести из зоны поражения. Один болт улетел хер знает куда, а один прошёл биодоспех и принялся ковырять мою лопатку.

И вот не мог я даймоном в теле проявиться, а вот жить захотелось — мигом всё вышло. Индрик подо мной задрожал, покрываясь изморозью, с натуральным страхом отмыслеэмоционировал “Хозяин?”

“Хозяин, хозяин”, — ответил я, решив, что надо валить в эфир. Энтропию я-даймон впитал в секунду, болт лопатку не пробил — хотя воткнулся, паразит, и тело посылает сигналы, что щаз будет ОЧЕНЬ больно.

Но у меня спутницы и вообще. Да и метод, как я опасался, не слишком мне удобный. В общем, валить надо, определил я в практически замершем времени. И свалил в эфир — путь я нашёл, а дальше — вопрос времени.

Подлючая лопатка взорвалась болью, но у меня времени толком не было. Пять Чернобожичей, в закрытых биодоспехах, на горбунках. В расход, однозначно. И без жалости и выкрутасов — время.

В общем, первым делом пятёрка въехала в несколько кубов кислорода, с жуткими криками раскатившись на объятых пламенем горбунках.

В этот момент от сшибаемой в полёте Боры протянулась ломаная линия электроразряда, заплясавшая по Чернобожичам, добавившая ребяткам глубины ощущений напоследок. О каком-то сопротивлении речь даже не шла, кислород не факт, что прошёл биодоспехи, но горящие щучищи о здоровье всадников не заботились, катаясь самозабвенно.

А я стал методично, выжимая надсердечник, создавать полимерный азот. Над пятёркой, вбивая взрывом их в мать-сыру землю.

На шестом взрыве сквозь доспехи стали проступать обломки костей. Ну, вроде померли, вздохнул я.

— Больно-то как, — пожаловался Индрику я.

Лопатка, зараза, болела чертовски, надсердечник ныл. Ну, хоть спутницы живы-целы. И вроде рогов нет. Хотя взрывы отдавали холодом... и блин, изморозь...

— Карачун, — послышался голос Храбры.

— Этим-то? Это да, — покивал я. — Вы как, Храбра, Дыйбора?

— Цела, жива, — стало мне ответом.

— Они — мертвы, — ткнул я в Чернобожичей. — Но предлагаю горбунка Роста нагрузить деньгами — и ходу. Леший знает, сколько ещё догоняльщиков будет.

— И тело его взять надо. Родович. И... хотя, спасибо вам, Стригор Стрижич. Вы сами-то... ой.

— Живой, стрела в доспехе застряла, — покрасовался я торчащей из спины стрелой.

Ну, не из колена — и то хлеб. В двух словах обсудили — тела прятать или нет, решили как есть оставить. Конфликт с Чернобожичами... может, будет, может — нет. Не нам решать. Но рисковать, время тратя, нам точно не стоит.

Заодно косвенными намёками выяснил, что Храбра посчитала, что огонь — алхимия боевая на Чернобожичах, от молнии Бору взорвавшаяся. Сама Бора, правда, лицо имела с сомнениями. Но стрелу из меня выдернула, доспех сомкнул дыру, а я запустил Архивом починку всего себя.

Нагрузились, да и дали скакунам волю. Тут леший знает, что за пятёрка. Могли подельники Роста быть, могли посланцы градоначальника, могли близкие родичи Черномила, обиженные, крышей излишне Чернобожичи. Реально — леший знает, а Род воевать ни я не нанимался, ни Храбра желания не имела.

— С Ростом неудачно вышло, — через полчаса скачки выдала говоруном Храбра.

— Или вы, или он, — оттелепатил я. — Вы — оберегаемые. Он — преступник.

— Пока Император... Впрочем — ваша правда, Стригор Стрижич. Благодарю за спасение.

— Пожалуйста, — довольно сухо отмыслеэмоционировал я.

Кобенится ещё. И карачуном обзывается... хотя похож, куда деваться. Только не сам молодых гублю, а сам же молодым гибну. Херовая тенденция, надо менять, сам себе повелел я.

В Травиннике Храбра нас в местную городскую управу притащила, мне Ладыча в возрасте притащила — впрочем, тот только шрам растянул. Ну, тоже не лишнее. Деньги в хранилище Имперское наша предводительница сдала, да и призадумалась.

— Не решу. И наместник не решит. Надо Его Величеству доклад делать, госпожи Тенетницы задача. Но сообщу Наместнику о татях с болтами, силой Чернобожьей полной, — вслух решила она.

Заскочила к наместнику имперскому на минут пять, после чего направились мы в небесную конюшню. А ещё через час летела наша компания в сторону Столенграда. Бора ко мне не стремилась, что на успешное и без претензий взаимных завершение нашего военно-полевого романа указывало.

А я Индрика успокоил перед отправкой — реально дёргался Акул, видно, не по нраву

Карачун Самым Красивым Индрикам пришёлся.

Ну и предался я разгульным мыслям в грибе-домике.

С Чернобожичами у меня вышло... да верно, по большому счёту. Или я Ростом болты бы ловил, или спутницы собой. Ну и, опять же, с болтом в меня — или себя спасать, или спутниц. Правда, решение спонтанное, надо разбираться.

Помедитировал, разобрался. Вот, кстати, не столько флешбек вышел, сколько рационализм. И честность — я их беречь обязался, выбирая себя, который, как я в момент атаки подсознательно оценил, от болтов не окончательно померёт, и девчонок... Ну, в общем, всё правильно сделал. Честно и по чести, а что суицидные наклонности... правильные они, а то совсем упырём стану, демонюкой гнусной и самовлюблённой.

Так что по этике — в жопу. Прав я — и точка. Вопрос в том, что спутницы видели, что мне из этого нехорошего может приключиться?

Огонь — чёрта с два поймут. Тут и вправду на алхимию боевую похоже, да и контроль у Дыйчей неважный. Бора подозревать может, но стопроцентно не скажет.

Ну и не такая великая тайна, хоть и сохранить не помешает, факт.

Далее, тьма и лёд... Блин, Карачун, чтоб эту Храбру. Изморозь вокруг меня и обломков Чернобожичей. Ну ладно, взрывы у меня “холодные”, да и вообще, с натягом, канает. А вот тьма... ну, положим, это во мне Сила Стрибожья с Чернобожьей замятню устроили, в момент болта попадания. А всё остальное — следствие.

В общем — терпимо. Но прозвище я, похоже, получил. И прямо скажем — не худшее, хмыкнул Отмороженный в моей физиономии.

По итогам — задание выполнено. Выполнено хорошо, награду я приберу, ну и насчёт премии понудю. А то лопатка до сих пор чешется. И вообще, чуть не убили, паразиты такие, блин.

Дальнейшая работа — посмотрим, что Тенетница выдаст. Ну и вообще — действуем по обстоятельствам. И по девчонкам соскучился, улыбнулся я. Боры всяческие экзотические — забавно. Но девчонки свои и родные, и вообще.

Так что подремал я, а по прибытии Трапана в Столенгад раскланялся со спутницами, да и ускакал в наш флигелёк. Травмы всяческие свои лечить, заботой Олы и Любы наслаждаться, ну и не думать, до завтра — как минимум. А то уже мозоль скоро на думалке появится. А я с девчонками если и готов ей обзавестись, то совсем на другой детали своего организма.

Думал я эти мысли мудрые, таща повизгивающих своих девчонок подмышками в баньку. Посидим, пообщаемся, да и вообще.

31. На деревню к Стрижичам

С утра, фактически на рассвете, меня пробудило скребление в дверь флигелька. Вот прям традиция нарисовалась, хмыкнул я, отметив знакомого паренька-курьера Опричного Приказа.

— Ну шо, опять? — уже традиционно полюбопытствовал я.

— Точно так, Стригор Стрижич! Извольте послание принять!

— Давай уж, благодарю, — прибрал я пластинку, потопал в гостиную и плюхнулся в кресло-мешок.

Блага тебе, Стригор!

И какого лешего?!

Г.И.О.П. Тенетница

Бугагашеньки, аж заржал я, ногами болтая. Впрочем, вовремя ржач приглушил — пусть девчонки поспят, я их вчера... ну, заездил немножко много, эксперименты с воздухом, в банке... ну, в общем, немного перебрал, да.

Но в меру, и довольны всё равно были — хоть устали, но улыбались, а Ола ладошкой меня даже во сне поглаживала.

Ну да ладно, в Опричный Приказ надо съездить. А то паучиха моей души гадость какую измыслит — она может, я знаю.

И пошёл я Индрика выводить. Последний башкой акульей превращал, подозрительно на меня то правым, то левым глазом повзирал.

— Хозяин?

— Хозяин, хозяин.

— А что такое холодное и страшное было? — подозрительно прищурился на меня Акул.

— Тоже я был, — признал я.

— Хозяин стрррашный, — подумав, выдал Индрик. — Значит, я тоже большой. И страшный. И самый красивый, — надулась акулятина, влеча меня по улице.

Ну-у-у... тоже позиция, признал я. Ну и по рассветному Столенграду добрался до Имперской Избы.

Препятствий мне вновь не чинили, так что я просто, кивнув деду (бессменному, похоже), дотопал до знакомой двери, раскинувшейся до моего появления.

— Счастье великое, честь небывалая, сам Стригор Стрижич, Великий Владыка Воздушный, меня посетить изволил! — поприветствовала меня дама.

— Блага тебе, Тенетница, — широко улыбнулся я.

— Блага, Стригор. Ты мне к тебе гонцов слать каждый раз велишь?

— Да вообще-то, можешь просто сказать, чтоб сразу являлся, — пожал плечами я.

— И так можно было? — подняла бровь Тенетница.

— Отчего нет? — пожал плечами я.

— И являться будешь? — прищурилась она.

— Если не устану сильно, коль дел не будет, — начал я загибать пальцы.

— Поняла уж, устал да занят. Являйся уж, по возможности.

— Явлюсь. По возможности, — честно ответил я.

— Хвалить я тебя не буду, Стригор.

— А можно было бы и похвалить! — закатил я глаза.

— Хорошо, уговорил, хвалю. Получи награду, — ехидно выдала Тенетница, шмякая на стол мешочек с костяным стуком.

Ну я к лапам прибрал, нос свой внутрь сунул... И обиделся. Реально обидно стало — гривны, немало, но издевательство какое-то, блин!

— Благодарствую от всего сердца, Тенетница, — низко поклонился я. — Прощай.

Поднялся и потопал из кабинета. Ну, не сложилось с сотрудничеством — да и леший с ним.

— Награду прибери, Стригор, — послышался ехидный голос в спину.

— На болящих и признания заслуживающих пусти. Мне без надобности, Тенетница, — через плечо ответил я.

— Да прибери, говорю! Твои деньги это, за возврат украденного! И оплата работы уже не нужна? — с ещё большим ехидством выдала Г.И.О.П.

— Эммм... — остановился я. — Оплата? Награда?

— Деньги сии, — наставительно выдала Тенетница, — награда за возврат покраденного. Честь по чести доля, по законам Империи. А оплата — дело другое, как договаривались, — посмотрела на меня она, да и залилась смехом, видно, физиономия была у меня и надутая и непонимающая. — Ну вот, а то девчонкой неразумной себя чуяла с тобой, Стригор. Как приворожил, сам не знаю, что творится.

— Ты такая и есть, — хмыкнул я.

— А ты мальчишка!

— И я — такой и есть, — важно покивал я. — Ладно, уговорила, давай оплату, — важно потёр я лапки.

— Принимай... Карачун, — хмыкнула она.

— Это с чего это я — Карачун? — вяло отбрыкнулся я.

— А Храбра мне показала, как болтом, силой чернобожьей полным, в тебя попали. Пересилил, силён ты... Но Карачун вылитый, аж дрожь пробрала!

— Ну и ладно, — махнул я лапой.

И выложила Тенетница листов двадцать на стол. Я бегло в читало просмотрел, убедился, что вещи нужные и интересные, да к лапам прибрал.

— Всё интересно, всё беру, — озвучил я.

— За работу возьмёшься? — вдруг выдала Тенетница.

— Через седмицу, не ранее. Отдохнуть надо, почитать, подумать. Тебя через седмицу навешу, — посулил я.

— Навести, седмица — не столь велик срок, — покивала она.

На том и распрощались, а я Индрика мало, что не подгонял. В флигельке девчонок потискал, на колени себе усадил, ну и стал читать, спокойно и неторопливо. Потому что достались мне вещи ценные и интересные.

Правда ни черта “на все” вопросы ответа не дающие. И так, были это пересказы книг и, подозреваю, чего-то типа газет и прочего. И... ни черта не понятно, откуда эфир, точнее, методы оперирования, биообразцы и прочее взялось. Более того — о Мирах других не словечка. А вот о использовании эфира в биотехнологиях — было. И, судя по всему, Пуши уже были, именно как заводы и лаборатории. Но никакой конкретики, что откуда. Описывалось как факт “Южный Экспериментальный Комплекс” и прочее подобное.

То есть, девятнадцать из двадцати томов описывали что-то в художественной манере, что-то в репортажной, с учётом, конечно, “ошибок переписки”. Мир, в котором эфир был,

активно использовался, но операторов, судя по всему, не было.

Например, описывались эфирные листы и читала. Именно как прорывная технология, которую не столько для текста использовали, сколько для трёхмерных моделей. Ну и вообще — как вечные носители информации, удобные не только объёмом хранения, но и простотой считывания, не требующие “сложных стационарных организмов, считываемых индивидуальным и универсальным визором”.

А двадцатый лист — воспоминания некоего родовича. Ну, я так думаю, хотя, может, и просто человек. Но наблюдательный, неглупый, и... ни черта не знающий, “что произошло”. Поля скелетов, твари ночные и не только, пожирающие людей. И “богами одарённые”, от тварей оберегающие. Всё с подробностями, про самого писателя ни черта. Почему я и думаю, что родович какой — он явно и много путешествовал, писал, “что вижу”.

А твари, им описываемые — ерунда, но не голым, беспамятным людям. Видно, большую часть просто сожрала фауна, причём не пущная, которой и не было-то толком. Не намного меньше, очевидно, померли с голоду. А остальные потихоньку приспособлялись. И вот этот процесс приспособления в двадцатом листе и описывался.

Ничего не понимаю, но очень интересно, подытожил я, откладывая листы, и куснул взвизгнувших девчонок за места интересные. Слегка так, для отвлечения и разминки. Побегали, поиграли, всяким интересным позанимались, Стратиму послушали.

А я припомнил, что сам себе обещал птаху назвать. Посмотрел на крылами себя оглаживающую, подумал, да и решил без пафоса всякого.

— Зелёнкой будешь, — имянарёк я Стратиму.

— Курлык? — по-птичьи изогнула птаха шею.

— Зелёнушка, так тебя Стригор Стрижич нарёк, — подскочила к птахе Ола, глядя перья.

Птаха от поглаживаний покайфовала, да и спела ещё. Очень даже неплохо спела, нельзя не признать.

Ну а я оставшуюся неделю в башке узнанное гонял. И всё равно непонятно выходило. Собственно, период, на котором Возвыситель примерно Беловодье покинул — понятен. Но. Если биология — верю, она была так развита, как мне и представить сложно. Ну круги где-то нащионенные, с принципами использования их. Тоже реально, ещё бы до принципов этих добраться. Но ничего невозможного нет: есть мощная научная школа, есть инструмент её воплощения — круги. Возможно.

Но, технологические круги Стригаса охватывали не только век пара! А век микроэлектроники, ряд кругов — это даже не двадцать первый век Мира Мороза, а покруче. И никаких намёков в Беловодье не на биологическую цивилизацию!

То есть, я могу поверить, что, положим, с эпохи пара, или даже атома Беловодье пошло по “биологическому” пути. Допустим. Но у них не было “мёртвых вещей”! Куча организмов, многопрофильных, но живых. А это... не всегда рационально. Колесо, как сейчас в Империи, иной раз выгоднее ног. А в литературе Беловодья до катастрофы этого не было. Даже как курьёза или осуждаемого чего-то там.

Не абсолютом, конечно, но... В целом, всё равно непонятно выходит. И что случилось-то? То есть, по двадцатой книге, понятно. Потеряли память. Вообще все, явно не до младенческого состояния, но близко. При этом живые города частично умерли, частично, похоже, мутировали. Вплоть до того, что вороны те же могут быть какими-нибудь уборщиками. Вполне вариант: функционал сохранился, а программы накрылись мутациями.

В общем — понятно, что просить. Не даст Тенетница — шут с ним. Возвращаюсь в Лог.

путь к прорыву даймона в материю есть. И так даже лучше, наверное, прикинул я. Тело не бездушное выйдет, куском на внешнем обеспечении, а в коме. Но тут работать надо, аккуратно и осторожно. И искать “кнопку естественного механизма” у даймона. Не в виде рушащегося тела и страха смерти. А именно самого механизма — как найду, так и дорожка без извращенств и рисков появится.

А как отработаю механизм — проверю именно Сердце, а то и Мозг Пущи. В маточнике ни лешего не найду, уже понятно. А дальше — по обстоятельствам. В принципе, и в Столенград вернуться можно — за седмицу даймоном я Императорский Дворец перетрясу. Нет библиотеки в нём — всё равно найду. Максимум — месяц, если весь Столенгад без сна мелким ситом перевернуть. А там... не найду — начну вселяться в людей пробовать. Без сжирания душ — не нравится мне это пропитание и последствия. В общем — путь есть, осталось топтать по нему, заключил я.

С этими мыслями мудрыми через седмицу я в Опричный Приказ и двигал. И девчонки, кстати, меня порадовали: помимо всякого разного, театров и баньки, говорил я с ними немало. И выходит расклад, что найдётся моим любовницам дело в Логе. Помимо группенсекса и салочек, конечно. Будут они у меня наставницами детей пейзажных. Ну так предварительно выходит. Конечно, ещё надо на практике посмотреть, сами-то потянут, понравится ли. Но в целом — выходит, что будет у девчонок дело, что меня искренне радует. Ну и времени отнимать много не будет — просвещение на первичном этапе не слишком углублённым выйдет.

Но нужно становится в текущих реалиях, критично: если в Ростоке появится порт, и Империя придёт на порог — то не на моих пейзаж всякое там понаехавшее должно как на быдл зажопинских смотреть. А наоборот, и никак иначе.

Да и вообще, создавшаяся семейственность такая, этаким клан, как он был изначально исторически, в Логе — мне в целом нравится. Ну реально приятная социальная формация, ряд “болячек социального роста” этот формат может проскочить безболезненно, если по уму сделать. А по уму я сотворить и хочу, так что так и будет.

Я даже о специальных человечках-учителях одно время думал, но забил: не столь много народа в Логе, девчонки справятся, да и помогу, если что, никуда не денусь. А имперский человек... он в головы имперскость отрокам принесет. Вроде и неплохо, но не хочу. Пусть будем Имерцами, но Имерцами из Болотного Лога, Стрижичьим Кланом, вот.

Ну да ладно, это дело будущего, пусть и не столь отдалённого. А пока надо из Тенетницы мне потребное выбить, ну и что всяким там империям от меня потребно, выяснить.

Так что заскочил я горным Стрижичем (а казлы — все остальные, да) на второй этаж Приказа и морду свою, да и прочие элементы, явил.

— Блага тебе Тенетница, — сделал ручкой я.

— Блага, Стригор, блага, — задумчиво протянула она. — Слушай. Надо тебе на Наветренные Острова...

— Чегось? — свёл я на переносице глаза. — Ты это... Тенетница, сидра не перепила?

Дело в том, что Наветренные Острова — это, на минуточку, Архипелаг. Населённый, не менее на минуточку, моими родичами. Стрижичами. Которые, как бэ, на Империю с завидным постоянством набигают, ресурсы, биотехнологии, да и людишек захватывают. Ну и в целом ведут образ жизни асоциальный и вредительский.

И этих родственничков на Наветренных Островах... дохрена, прямо скажем.

Полноценные Родовые земли, где Стрижичи копошатся и подпрыгивают тысячами, если не десятками тысяч.

— Будешь? — набулькала мне Г.И.О.П. рог из выуженной из стола калебасы.

Я на это просто дерябнул этот рог залпом — мозг прочистить. Ничего такой сидр был. Но в Логе — лучше, патриотично отметил я.

— Благодарствую, неплохой сидр. Ты мне, Тенетница, сейчас, небось, скажешь, что Императрица с каким-нибудь Стрижичем залётным любила, — понесло меня. — И подарила ему цацку приметную. А теперь Император цацку явить требует. А мне, чтоб любодейство сие не всплыло, непременно надо цацку вернуть?

— Ээээ... — свела глаза на переносице уже Тенетница, встряхнулась и очень ехидно поинтересовалась. — Ты басни любовные складывать не пробовал, Стригор?

— Нет, — честно соврал я. — А что, хорошо вышло?

— Ужасно, — отрезала Тенетница. — Я такого бреда... давно не слышала. Но как камнями в тебя читатели покидают — может, в разум войдёшь.

— Не буду тогда и пробовать складывать. Так, Тенетница, — несколько пришел я в себя как от ехидства моей паучихи, так и вообще. — Первое — что МНЕ нужно и потребно. А тс речь ведём, а может, и на пустом месте.

— Говори, Стригор.

— Материк соседний. Знания о нём. До и после. Точно же плавали к нему.

— Плавали, твоя правда. И указ Императора о тайне великой... — важно начала было Тенетница, посмотрела на мою рожу мою ехидную, деланно вздохнула. — Хорошо. Но книг не дам. Тут читай.

— В приятной компании — отчего не почитать, — галантно ответил я.

А Тенетница опять слегка покраснела и глазами стрельнула. Ну точно — бардак. И ведь не девчонка, полвека ей минимум. Ну внешне, конечно... Да и живут родовичи лет триста, так что...

На этом я мысли свои, не в туда повернувшие, свернул. Блин, бардак, как и было сказано. Тут и вправду: либо Главу Приказа тырить да рай с ней в шалаше строить. С девчонками моими, их не брошу.

Или валить из еного Столенграда побыстрее, дела закончив. А то у нас и вправду фигня выходит неудобоваримая. И я психануть и глупостей наделать могу, да и Тенетница, ВИДНО, с порывами не справляется. И была бы это охотка какая — херня. Но видно, не она Феромоны — СЛЕДСТВИЕ, а не причина тяги, блин.

— Значит — договорились. А тебе на Небесных Островах надо забрать одну вещь. И отдать другую. Стрижичу это будет... — замялась Тенетница.

— Проще, возможно — бесконфликтно.

— Именно так. Людишек обычно слали, но возвращаются десятая часть, а то и меньше...

— А моим родичам в Империи веры нет, — хмыкнул я, на что Тенетница развела руками и покивала.

— Считай, что так, Стригор. Направишься на Сивке...

— И Ладычи дадут? — хмыкнул я.

— Да, — не стала разводить говорильню Тенетница.

Дело тут вот в чём. Воздушный “флот” Беловодья, из общеизвестного, содержал два типа “биосудов”. Огромные Трапаны, киты-грузовозы, хотя с грузоподъёмностью у них, я

думаю, было не очень: использовались “Небесные Кони” исключительно в пассажирских перевозках.

И биоэкслюзив Ладычей, эти самые Сивки. Причём я не уверен, что без Ладыча эта пакость вообще способна к сколь бы то ни было длительному полёту.

Поскольку был это довольно похожий на коня, здоровее обычного в два раза, биоконструкт. Травоядный, на минуточку. И с крылами, не менее на минуточку.

Нет, защищённый, злобный, ссаживающий с небес всякую стандартную пакость, которая, как я знал, от Сивок просто шарахалась. Но энергия-то откуда? Не обеспечит трава зверюге должного количества энергии. Или он сам по себе — тварь лютой эфирности, но тогда они бы и в продаже были. А их не было, а порхали на них, судя по всему, только Ладычи. Очевидно, биомагией затыкающие “дыры” в энергобалансе “пегасов”.

— А он долетит? — резонно уточнил я.

— Долетит, — кивнула Тенетница.

— А со мной кто будет?

— Ты один, вырваться же сможешь точно, — порадовала она меня верой в мои силы, отметила некоторый скепсис. — Нет на Наветренных Островах Владык Воздушных. И не было. Да и не факт, что у тебя вообще конфликт возникнет, ты — Стрижич всё же.

— Стрижич, да, — задумчиво протянул я. — Над морем ждать будет? А до островов я своим ходом?

— Ну да, как иначе-то? Сивку почуют, а так ты споро дело сможешь справиться, да и незаметно.

— Или отбиться... Ладно, возьмусь. Если обещанное предоставишь, — решился я.

— Я сказала, — укоризненно посмотрела на меня Тенетница.

— А я уточнил, — пояснил я.

— Ладно. Тебя в Столенграде ничего не держит?

— Готов, в принципе.

— Тогда возьми, — протянула она мне костяную коробочку с ощутимо живым внутри. — У Стрибоя возьмёшь такую же. Обитает он, — подошла она к гобелену. — Вот тут. Башня коралловая. Живёт один, только людишки в обслуге. Просто скажешь ему “Долгая жизнь Императору” и отдашь. И от него такое же послание получишь.

— Хорошо, — прикинул я. — Мне в Небесную Конюшню? И как Сивка место нужное найдёт?

— Как любой скакун, так же и он управляется. Или заблудишься?

— Да вроде — не должен, — прикинул я. — И он в полёте почти полдня будет, — прикинул я. — Точно выдержит?

— Точно, что ты за невера такой?

— Нормальный я невера. И Карачун, — хмыкнул я.

— Так, на Трапана в полдень отправишься. Индрика своего не бери — смысла нет, — под мой кивок выдала Тенетница. — В небесной конюшне тебя встретит Ладополк Ладыч, представится от меня. Обучит на Сивке скакать, а на следующий день — доставь послание.

— Хорошо, Тенетница. Пойду я.

— И... удачи, Стригор, — раздалось мне вслед.

Точно валить из Столенграда, мысленно припечатал я, скатываясь с лестницы.

Ну, в принципе — выглядит всё более-менее сносно. Чем там родич с империей меняется — в принципе, понятно. Биоразработки. У меня в костяном панцире икринка,

видно, он такую же передаст. Место его “башенного сидения” — вполне удобное. Если Сивка выдержит — с километра от острова к башне спланирую, передам-заберу, да и вернусь.

А вот если неприятности... думать надо. В воду лезть точно не стоит, факт. Там такая хтонь и дичь водится, что только специальные и лютые кракены плавают. Да и не все доплывают, прямо скажем.

Так, ну приняли меня... да нет, за подсыла или ещё пакость какую меня точно не примут. Воздух, сила Стрижичья. Дальше — если конфликт, то просто по шеям надаю. Ну не ждут на Наветренных Островах Стрижича-подсыла, нелогично это. А их там реально дохрена, так что узнать, что я не местный, если я тупить не буду, хрен смогут.

Конечно, риск есть... но это даже не смешно: меня, на минуточку, за плату привлекает спецслужба, решать проблемы. Как чрезвычайно сильного силовика. И любое их задание — риск, базово и системно.

Тут разве что вопрос подстав может всплыть, но в данном, конкретном случае — бред. Отправлять Воздушного Владыку к родичам-противникам... Нет, бред бредовый. Это скорее удивительный жест доверия, не без нашего с Тенетницей духовного родства... тяги... чёрт знает чего появившегося.

Кстати, Ладыч меня ждал не по прибытии в прибрежный город, как я думал, а в столичной конюшне. И всю дорогу, кроме сна, рассказывал мне реально древний андрогин, как Сивкой рулить.

В общем — ничего сложного, с его слов. Скакун как скакун. Но вопрос я задать решился.

— Откуда у Сивки сил-то на такой перелёт, Ладополк Ладыч? Полдня лёту, не считая того, что я — не пушинка. И в небе меня дожидаться будет, как я понимаю?

— Правильно понимаете, Стригор Стрижич, — покивал собеседник. — Сила близнецов благих силы Свике даст, — подтвердил он мои подозрения.

И по прибытии в побережный город Гладь, с Трапана Ладыч свёл Сивку. Своего, точнее, временно моего. Зверюга... впечатляла, прямо скажем. Под три метра в холке, бугрящиеся мышцы, ультрамариновые крыла — как у павлина какого — ярко выделялись на белой шкуре. Вот насмотрелся я в Беловодье на тварей всяких, да и побольше. Но тут, видно, играла роль схожесть с лошадьми. Они и так, паразиты, здоровые, как кони. А Сивка был коняшкой вполне аутентичной, хоть и крылатой. Но вот совсем громадной, ощущение гиганта необъятного.

Хотя он в гриб-каюту влезал, на минуточку. Ну да ладно, сопровождающий мой ярлык костяной страже конюшни явил, да и потопали мы из Глади. А Сивка, моим спутником Похвистом поименованный, за нами топал натуральными копытами. От чего коралловая брусчатка буквально волнами шла.

А я судорожно высчитывал, как эта крылатая краковская колбаса летает-то. Ну реально, пяток тонн — минимум, размах крыл — хрен даже на парение этой туши хватит. То есть, ими надо махать бодро и активно. Тварь эфиронасыщенная, факт. Но в игры с термодинамикой на органическом уровне верится не слишком... Хотя — посмотрим, заключил я.

А покинув Гладь, отойдя на какие-то скалы, я стал наблюдать за спутником. И не офигивать — такое я примерно и предполагал. Но опять же, ни хрена не понимал, как Похвист БЕЗ Ладыча меня вытянет. А теперь — понял.

Итак, кости этой колбасы летучей были, всё же, более птичьими, нежели млекопитающим, судя по всему. Но это ситуацию не выправляло — туша неподъёмная, мышцы бугрятся.

Так вот, Ладыч загонял в Сивку эфир жизни. Довольно ощутил потоком. А кости твари аккумулировали его. То есть, вся эта мышечная машинерия — переработчик витала в механическую работу.

Криво, боярщина позорная, мысленно брезгливо мыслил я. Ну реально — хрень безблагодатная, а не решение. Хотя красивый зверь, тоже не поспоришь. Но те же кости, точнее — решение: накопитель эфира. Вполне эквивалент лакрим Земного Края. И не используется толком. Только для дурацкой летучей колбасы.

Но, тем не менее, дурацкая летучая колбаса меня порадовала, нельзя не признать. Крылами своими ультрамариновыми (кстати, под перами — вполне млекопитающими, типа рукокрылых) махала, как колибри какая. И сам полёт и вправду был чистой механикой. Без парения, именно на крыломашестве. И, пусть несколько детски, но порадовал меня этот полёт. Очень напомнил байк, да и мечту Земного Края, так и не исполненную — хOVERбайк которая.

Нерационально, но прикольно, постановил нерациональный, но приколотый я.

В общем-то, полетал я час. “Справитесь, Стригор Стрижич”, отрезал Ладополк.

А ещё моё некоторое опасение перед живностью воздушной Сивка разогнал. Вместе с живностью. Всякая пакость типа воронов и прочей фигни с фигуральным визгом и писком разлеталась нахрен, и пока Сивка не приземлился — в окрестностях я ничего летучего не зрел.

Ну и сопряжение по стандартному электроканалу “человек-биоинструмент” присутствовало и никаких сложностей не продемонстрировало.

Так что вернулись мы в Гладь, спокойно переночевали, а за час до рассвета я наблюдал “заправляющего” виталом Сивку Ладыча. Выложился дед душевно, аж пошатывался, отходя. Но и верно: мне, точнее — скотине, часов пятнадцать в воздухе бултыхаться, а то и больше.

В общем, ещё в сумерках сделал я Ладычу ручкой, на Сивку забрался (именно так, здоровенная скотина, всё-таки). Ну и полетел — промахнуться, с учётом рассвета и видимой внизу россыпи островов чуть ли не с километра от материка, было... да невозможно, прямо скажем.

Скотина поднялась на довольно ощутимую высоту, я попырился, не без интереса и эстетического удовольствия, на окружающий пейзаж, ну и извлёк из лифчика биодоспеха “послание”. И впал в полутранс, запустив Архив. Потому что интересно.

А через четверть часа похихикал. Подумал, не прибрать ли мне к лапам “послание”, но решил не наглеть. Дело в том, что икринка была не одна, а две. И, судя по некоторым отличиям от изученного...

В общем, вёз я зародышей двух разнополых и фертильных Стратимов, хех.

Забавно, но оправданно, если подумать. Скорее всего, родич если не генетик, то биолог, в рамках боярства и прочего, но всё же.

И моё послание, как и ответное, скорее всего — не “шпиенские данные” и не “подвески королевны”, а обмен биоразработками.

Стратимы хреново летают, покинуть остров не смогут. Ну а что Стрижичи будут слух услаждать, с точки зрения Империи и неважно.

Ну и ответная разработка, скорее всего, аналогична — не боевое, а мирное,

развлекательное или торгово-производственное решение.

Через семь часов показались Наветренные острова. Сивка, судя по чувству эфира, без “бензина” не останется и меня обратно довезёт. А я, от греха, подняв зверюгу повыше, приготовился.

Вообще, тут выходила не самая приятная вилка: теоретически, я могу вообще на километровой или больше высоте “замереть” скакуна, спокойно спуститься в (или “к”) башню, без риска встреч и вообще.

Но проблема была в том, что здоровый, как конь, Сивка был таким же тупым. То есть, команду “порхать здесь” он понимал. А вот “я спрыгну, а ты подлети во-о-о-он тудыть” не понимал напрочь.

Соответственно, на километр я не взлечу, пороха не хватит. Пять сотен метров, надрывая надсердечник — потолок. И то не факт, что вытяну. Это расчёты Архива, не слишком точные.

А опускаться ниже — это уже возможность попасть на ощущения родичам. Да и “взлёт” в любом случае будет фонить эфиром, как сволочь... Ну, в общем, вставал вопрос места десанта и парковки Сивки.

Который я предварительно решил так: Сивка в полукилометре от берега и на высоте пары сотен метров. Мне как раз спланировать на плоскостях, эфир только на них и тратя. Коняха там бултыхается, даже если родич будет солнечную ванну на бережку принимать — не почувствует. Правда, увидеть может, но тут риск только самого момента десанта. А потом — ну бултыхается невнятная живность на воздушных. Тут её и так бултыхается тьма, которые Сивкой не распуганы.

В общем, понаблюдав я с высоты нужный мне остров. Кстати, гобелен Тенетницы даже некоторую зависть вызвал — никаких условностей, как есть, так и выткан, подробно и детально.

Так вот, понаблюдав, коралловую блямбу потребной мне башни разглядел, как и попырился на небольшой центральный городок и часто раскиданные особнячки.

И отметил любопытный момент — остров немаленький, километров пять на дюжину. И практически нет естественной растительности. Вот практически весь остров — поля. Пара убогих рощиц, скальные массивы и поля.

Впрочем, одна из рощиц вообще была на скальном массиве у берега, чем привлекла моё внимание. Ну и близостью к моей цели. Это если я к этому Стрибою спланирую, то до скалы и рощицы километр. А она не низкая, да и место старта к Сивке обратно удобное — меньше эфира на полёт тратить, да и банально незаметнее и быстрее выйдет.

Удачно, в общем, окончательно определился я, отменяя свою воздушно-зрительную трубу.

И подогнал Сивку к месту, мной намеченному. На берегу никого не копошилось, даже не подпрыгивало. Ну и в целом, с моего ракурса, ничего, кроме стоявшего на скалистом возвышении (но гораздо ниже присмотренной мной рощицы) дома моего корреспондента не наблюдалось.

Так что я ещё раз осмотрелся, приказал Сивке “висеть тут”, на что пегас отмыслеемоционировал пониманием и согласием.

Вдохнул, и, расправив плоскости воздуха, поскользился к цели. Вообще — подозреваю, именно моя способность к полёту сподвигла Тенетницу к этому делу мою персону подключить. Потому что “людишки”, направляемые “на обмен”, скорее не столько ловились

“злыми Стрижичами”, сколько гробились на подплыве к острову.

Ну а родовичей точно Стрижичи бы угробили. Фон воздушного эфира, по мере приближения, чувствовался. Не менее полутысячи, если не тысяча родовичей на острове. Вблизи они чужой эфир почуют, пусть и не точно локализуют.

С другой стороны — почему имперских Стрижичей не используют? Хотя, возможно, использовали до какого-нибудь предательства, после чего “перестраховка спецслужбы” эту практику и свернула.

Под эти мысли я до скалистого холма с домиком цели и спустился. Да и потопал к нему — чего мне ждать-то?

По мере топания открывалась картина на поля, на которых довольно бодро копошились фигурки, что-то там окучивая и прочее. Но приглядываться я не стал, хотя, мимоходом, пожалел бедолаг — было откровенно жарко, а они пашут.

Ну и дотопал до башенки, подготовившись, на всякий случай, вжарить. Разными, в основном, свойственными моей карачунистой персоне вариантами, хотя и кислород всежигающий подготовил.

И пару раз пнул ворота, через минуту распахнувшиеся, и явившие мне некую довольно смазливую девчонку, не родовишну.

— Что угодно благословенному Стрижичу? — в землю поклонилась она.

— Стрибой Стрижич мне угоден, — выдал я.

На что девчонка взирала на меня непонимающе.

— Толковать с ним мне угодно, — дополнил я.

— Сей миг доложу, извольте обождать, — в землю поклонилась она и скрылась в недрах башни.

А я немного призадумался — никаких “стрижичьих” черт, кроме того, говор не пейзажный, а городской. Похоже, “трофей с набега” эта девчонка.

Тем временем в проёме показался Стрижич, довольно молодо выглядящий, лет тридцати примерно. С рожей надменной и противной, надо отметить.

— Чего припёрся? — выдал этот тип, вызвав у моей вежливой персоны желание отвесить ему куртуазного пинка.

— Долгая жизнь Императору, — брякнул я.

И подготовился родичу бить в бубен — вероятность ошибки и подставы крайне невелика, но не учитывать её — глупо.

— Вечность Империи, — ответил подутративший в надменности родич.

Но пырился на меня ОЧЕНЬ подозрительно. Пыхнул эфиром, помотал головой, но с воплями “за Стрибога! За Наветренные Острова!” воевать меня не стал. А через полминуты буркнул:

— Следуй за мной.

И потопал в недра своей башни. Я бегло огляделся-вчувствовался — особняк как особняк, вроде, с управителем. Только небольшой. И пара служанок мелькнули, причём молодых и привлекательных, причём явно с “разных набегов”. Ну, впрочем, не мне родича укорять, сам себе напомнил я.

Но в покои меня Стрибой не провёл. Буркнул: “жди здесь!” — и скрылся в комнатухе. Через минуту появился, одну руку требовательно протягивая ко мне, а в одной держа костяной шарик.

Поменялись, ну и я потопал, так ни слова ему не говоря. В принципе — не очень

интересно, атаковать не собирается, а если подсунутое мне “не торт” — проблемы Опричного Приказа, а не мои.

А вот что было интересно, так это мой маршрут до “стартовой площадки”. Всего полкилометра, потом альпинизм, но хоть посмотрю на местных пейзаж. Благо никаких родовичей я в округе не чувствовал (ну, кроме Стрибоя и общего повышенного фона).

Так что потопал я, внимательно оглядываясь. И захотелось родичей придушить, ну или хотя бы по голове постучать. Пейзаж были явно замученные, излишне смуглые, но явно “стрижичьи”, то есть родовые черты явно проявлялись.

И вот эти бедолаги тряслись над явно вырожденной пшеницей, чуть ли не над каждым колоском. И поливали какими-то бурдюками, таская воду из небольшого ручья. Далеко таскали. В общем, пахали в поте лица своего, причём с явно хреновым КПД. Блин, Стратим им подавай, уродам. А нормальный пожрать... Блин, эти пейзажи — родные!

Впрочем, ладно, ни черта я тут не сделаю. Возможно — пока, но раздражает. Как и падающие ниц пейзажи — издали они на мою персону не реагировали, но увидев биодоспех — падали ниц, славословя насчёт блага, благословения и прочего.

Ладно, “счастья, для всех, даром” у меня в заглавнике не припасено. С Логом разберусь — а там посмотрим. Если не забуду, хмыкнул я. В принципе — раздражает, но реально не мое дело. Пока или вообще... поживём — увидим.

В общем, принялся я взбираться на скалу, в основном, пешком. Забрался, подступил к краю роши, и тут почуял и тут же увидел Индрика с седоком, довольно бодро чешущего к скале. Пейзажи на Индрика реагировали падениями ниц, заметными с верхотуры, а я призадумался на миг.

Родич — один. Не сильнее, а ощутимо слабее меня. А мне метров тридцать до пропасти. Хоть посмотрю на кого-то, кроме Стрибоя, решил я, неторопливо входя в рошу.

Родич подскакал к скале, и Индик на неё стал весьма бодро взбираться. Благо Индрики к скалолазанию вполне приспособлены.

А когда забрался — я чуть не вздрогнул. Девчонка, максимум дюжины лет, в биодоспехе. И на лицо — вылитая Ола, реально ошибаться можно, если бы не возраст.

— Где твой Индик, братец? — пропищала девчонка, требовательно взирая на меня.

— Отпустил, сестрица, — пожал плечами я, неторопливо двигаясь к обрыву.

— Как отпустил?!

— На волю, — доходчиво объяснил я. — И сам ухожу, — с этими словами я сиганул с обрыва, развернув плоскости воздуха.

Приготовился к атаке, но её не было. Да и вряд ли могло быть — девчонка поражённо смотрела мне вслед. Ну, посмотрел, чо, не без иронии сам себе отметил я. Ладно, даже если увидит меня на Сивке — уже пофиг. Пейзажи, откуда я появился — не видели, ну а если что — пусть Стрибой сам разбирается с местной СБ или что там у родичей.

И что живут, как мудаки, с этими набегами и каким-то нищенским пейзажем... Блин, и вправду правоверным ымперцем станешь. Прислушался я к себе, но потребностей кричать “Ол хайль, Император!” не заметил, что и к лучшему.

Да и прямо скажем — куча у Империи недостатков. Она лучше совсем уж позорной боярщины, факт. Но не более. А в Логге, похоже, не “можно”, а “нужно” будет что-то вменяемое делать.

С этими мыслями я долетел до Сивки, меланхолично трепещущего своими крылами там же, где я его и оставил. Сопрягся с животинкой, уселся на неё, ну и тыкнул мысленно, куда

лететь. И полетели мы, набирая высоту — и от греха, ну и прохладнее на высоте.

И уже наверху стал не без интереса разбираться Архивом, а что это я Тенетнице везу. И выходило, что какую-то рыбную живность. Судя по жабрам и лёгким — чисто водную. Скопировал данные Архивом, да и забил. То ли деликатес какой, на пожрать. То ли биоорганизм какой-то для водных работ. Не очень интересно и не смешно вышло, решил я.

И полетел я назад. Никаких приключений со мной не приключилось, кроме того, что стражи городские какие-то неудобоваримые претензии насчёт моих Стрижичевых статей пытались вякнуть. Но неубедительные — Сивка подо мной их с наезда в стиле “таких как ты, у нас не любят” сбивал. А через минуту выбежал какой-то стражник потолще, рявкнул на стражей, меня и пропустили.

— Дело сделано, — уведомил я Ладыча на постоялом дворе.

— Значит, возвращаемся, — меланхолично выдал андрогин.

Вышел, Сивку своего эфиром проверил, да и потопали мы к Небесной Конюшне. А через час уже летели в Столенград.

32. Эпилог

Прилетел Трапан в Столенград, и тут же, сойдя с него, со мной Ладыч попрощался, уводя своего Сивку вдаль.

А я подумал немного да лёгкой трусцой поскакал домой. Девчонок чмокнул, приласкал немного, даже Зелёнку, меня приветственной трелью встретившую, погладил.

Ну и поместился на Индрика, направившись в Приказ. Ждать от Тенетницы курьера не слишком любезно после её просьбы. Награда мне ОЧЕНЬ интересна, так что традицию с пареньком-курьером надо прекращать.

Кроме того, есть немалая вероятность, что моя явка в Опричный Приказ последняя. И реакция на это спецслужбы... Да чёрт её знает. Судя по всему мне известному — распрощаемся ровно, а уже меньше, чем через год, буду в Болотном Логе экспедицию в Пущу вести.

Но есть небольшой шанс... в общем, пусть Индрик рядом будет — мне спокойнее.

С такими мыслями я до обители Тенетницы и доскакал. Паучиха на месте пребывала, ручкой мне сделала, ну и требовательно её мне протянула.

— Вот, добыл, — откомментировал я костяную коробочку, в ладонь Тенетницы вложенную.

— Прекрасно, Стригор. Обожди минуту, — после чего Тенетница полыхнула эфиром, а в кабинет буквально через секунду вцемился человек.

Прибрал к рукам костяное вместилище моей добычи и скрылся. А Тенетница смотрела на мою персону с некоторым... сомнением, что ли. Но слегка улыбалась. Ну а я пырился на неё честными глазами и лыбился от всей широты души.

Поиграли мы с минуту в гляделки, после чего Г.И.О.П. хмыкнула, да из недр стола извлекла стопку листов. И читало не забыла, милая дама.

— Оплата. Читай тут, Стригор.

— Помню, Тенетница, — отметил я, водружая на нос читало.

И начал читать-то обычно... но не выдержал. Загнал в Архив листы, вошёл в медитацию, стал с ними разбираться.

А через часок субъективного времени моя карачунистая душа передёрнулась, огласив окружающий эфир словами: “Мдя уж...”

После чего стал я за Архивом строить модели, сопоставлять временные линии... и подтвердил свои изначальные выводы.

Итак, Беловодье, судя по всему, загубили, потеряв нахрен память, фактически разрушив цивилизацию и прибавив миллиарды... Беловодцы. И, судя по всему, сделали это “не со зла”.

Куча данных была из ранее изученного, подтверждала мои выводы, но сделать я их смог только после отчётов по соседнему материку. Где...

Похоже, существовал сверхмаг. Совершенно невозможное по могуществу существо. Безмозглое, безвольное, скорее одноклеточное, по моделям поведения, нежели что-то более сложное. И были это жители соседнего материка, разумные и нет... всё живое на нём. И название узнал, ироничное в свете узнанного: Благомир.

Да уж, благой до предела, хмыкнул я.

Так вот, экспедиций на кракенах Империя посылала четыре штуки. Три накрылись нахрен, пропали без вести, правда есть один интересный момент: похоже, спутниковое

наблюдение у Империи сохранилось. Чисто визуальное, не факт, что высококачественное, но... как минимум, о том, что кракены экспедиций достигли Благомира и были сожраны местной живностью — через осязаемое время Империя знала.

Ну да и чёрт бы с ним, это преамбула. А амбула такова. Два десятка Имперцев, сильнейшие родовичи... И вернулось пять имперцев. Удержать от безумного рывка к берегу спутников эта пятёрка не смогла. Сами еле удержались.

Так вот, по их наблюдениям, соседний материк — скальная подложка и песок. На котором нежится лужа протоплазмы, нихрена не делая, эманлируя “неоформленным чародейством силы несметной” и транслируя чудовищный по силе телепатический сигнал “Иди к нам!”

И всё. Не ест, не пьёт, живёт на эфирной тяге, очевидно. По крайней мере, за сутки наблюдений, никого, кроме спутников пятёрки, протоплазма не поглотила. И телепатия была явно “на человеков” заточена.

Итак: как добрались беловодцы до эфира — непонятно. Но интересно, и либо я это в Пуще узнаю, либо “Карачун идёт к вам” услышат в эфире столичные хранилища знаний.

Но добрались. И принялись его изучать и встраивать в свою, весьма высокоразвитую цивилизацию. Кто был Возвыситель — один из многих, высокопоставленный энтузиаст — тоже хрен поймешь.

И, очевидно, местные, на нашем материке предпочли путь кибернетизации. Биокибернетизации, выращивании и закреплении на генетическом уровне органа эфирного оперирования. Что мы ныне и наблюдаем, кстати.

А вот заокеанские, похоже, влезли как раз в магию душ, на которую я точку ледяной клык. Но... они, сука, биологи. И они сделали “как в природе”. Понимали ли они, что Эфир — не вполне “измерение”, точнее измерение, в котором воля и воображение, причём не только разумных — не менее материальны, чем материя?

Подозреваю, что нет. Иначе случившегося бы не случилось.

Итак, сформирован конструкт, наделяющие не тела, но именно души “возможностью творить чудеса”. Тут куча вопросов — как по мне, эфирное сознание БАЗОВО может оперировать эфиром. Вопрос доступа этих чудес, точнее — проведения подвластного эфира в материальный план.

И при запуске этого конструкта, он, очевидно, пошёл биологическим путём. Путём наименьшего сопротивления. Из-за кривых рук, мозгов — хрен знает. Но результат указывает на это.

Комплементация человечества, как она есть. Сделать чудотворцев, сильнее, чудесатее... Сделали, блин. Конструкт отсек всё “лишнее” и сформировал чудотворца. Чудовищно могущественного, коллективный разум... которого не было. Лишний, мешал.

И сгустки воли и желаний — это то, что осталось от людей, пошедших в основу этому... просто бессмысленному, никому не нужному, даже себе, созданию.

Мавки же — очевидно “медленно пожираемые”. То есть не “мгновенно исчезнувшие”, а души успевающие, в процессе своего расчленения, послать в эфир отчаянный крик, полный желания жить. И он выполнил это желание — как мог, так и выполнил. Очевидно, в процессе поглощения они уже получили возможность оперирования эфиром.

В общем, выходит, что Беловодье, точнее их цивилизация, накрылась не от врагов каких. А по причине направленности “научной мысли”, блин. То есть, эфирная биокибернетизация — тот же подход. Но более скромный. А на соседнем материке хотели счастья, всем, даром.

И никто не ушёл.

При этом, ритуал явно работал по законам эфирной манифестации. Он был локализован, и остальное население просто “ободрало” разной степенью ободранности. А разработки нашего материка — то ли только в прототипах, то ли уже группами, стали родовичами. Хранителями и хозяевами.

А Лихычи, в силу своей менталистики просто “быстрее росли”. И, возможно, взаимодействовали с ободраным — первые годы в эфире творилась жуть несусветная, с облаками памяти и прочим.

Так, ну вообще — на массу вопросов ответы получены. Не самый приятный конец цивилизации, такой... дурацкий и обидный. И ведь основные знания стопроцентно перевели на эфирную печать, последние разработки и всё такое... А они просто не выдержали, очевидно, становления сверхмагической амёбы. Видимо, волна “отдирала информацию”, ну и с листов тоже потёрла.

А Пущи... откатились до заводских настроек, дошло до меня. Вся информация потёрта, остались только клеточные программы. И не факт, что я что-то полезное в “Мозге Пущи” найду. Хотя, смотаюсь в карачуньем облике, проверю, всё-таки.

Но, вопрос — опасаться ли сверхэфирной амёбы? Этот продукт “эфирной комплементации человечества” несколько напрягает. И судя по всему — нет. Программа колдовства выполнена: люди стали охренительным магом. И продукт больше ничего не хочет и не делает. Кроме программы “идите к нам”, кою, скорее всего, проецирует, даже не осознавая. Потому что нечем.

Разрастание — фактически нулевая вероятность. Более того, дошло до меня. Эфирность Беловодья — вполне может быть результатом существования этого конструкта. То есть, например, местные жили не в теперешнем, довольно эфиронасыщенном, а “замороженном” Мире: вполне вариант, объясняющий работу Возвысителя в Стригасе.

В общем — боли нет, там — не то, что не люди. А биоинструмент, типа кладенца или доспеха. Не более и не менее.

Всё что было людьми — мавки и остатки воспоминаний.

А существование амёбы — скорее плюс, для Беловодья. Хотя — то на то, скорее. Эфиризация придала “прототипам чародеев” дополнительные силы, как и новым поделкам. Но и, скорее всего, породила тварей, причём не пущи: СЛИШКОМ агрессивная, явнo мутировавшая “обычная фауна”. Часть, высоковероятно, “сервисные механизмы”. Реально, ничего из землеподобной (на что указывают беры, волки, да и гуси в парке) фауны в прототип ворону не годится.

Но эфир на неоформленные желания зверья “быстрее, выше, сильнее” отзывался. Ну и результат — понятен.

Так что эфир в данном случае просто уравнивал возможности родовичей и новых возможностей фауны. А основная часть людей... ну про поля скелетов я читал, мдя.

И всё это хреново, хорошо, что узнал, ну и всё такое. Но остаётся вопрос с технологическими кругами... Хотя шпионаж, скорее всего. Межмировой портал и шпионаж, как и было сказано. Причём, скорее всего, выходит такая картина: круги на футарке появились значительно раньше отбытия Возвысителя. Его пул — это уже то, что БЫЛО у Беловодцев. Не использовалось, но именно было, как теоретические разработки.

А пул технологических карт — то что стырили. Вроде как не нужное, но в “испытательной лаборатории Стригас” — пригодилось. И чёрт знает, в чём были ВСЕ

задачи Возвысителя. Совершенно не факт, точнее — точно не факт, что только в отработке создания эфирного органа. Просто после второго-третьего поколения стригасцев с эфирным эпифизом — эта задача была выполнена. Так что социальный эксперимент, да и чёрт знает какой.

Хотя... если учесть урезанный творческий потенциал, может, и не закончился. А Возвыситель готовился к следующему этапу, выправляющему баги. Но не успел, тоже возможно.

В общем — хрен поймёшь. Но общие принципы ясны. И не удивлюсь, если в нескольких “эфирно-смежных” Мирах живут, например, вечные императоры какие, из Беловодья. Потому что не вернулись. Точно не вернулись — Лихычи ковыряют “что есть”, пытаюсь заново открыть забытое. А хоть один вернувшийся, если, конечно, не прибили, даже если бы и был тупым неучем, ткнул бы “куда воевать”.

В общем, детали — любопытны, но ради них я напрягаться не намерен. Через годик-другой приберу к эфирным лапам и так, и так.

Бежать с Беловодья с визгами и писками прям шаз — смысла нет. Можно спокойно Логом заняться — не худшее дело, не сказать, что “ух какое интересное”, но и неплохое.

И после Лога — посмотрим. Вообще, помочь всем беловодцам не помешает. Правда, родовичи... вот блин, реальное, оправданное генетикой и объективное сословное деление. Не “смягчённое” чёрт знает чем Земного Края, а натуральное.

Ладно, поживём — посмотрим. Время есть, чем заняться — есть. И даже группенсексом с кем заняться есть, небесприятно и интересно. Привязался я всё-таки к девчонкам моим. И уже не только как секс-куклам, что и замечательно.

Геномомешалка же — вот девяносто девять процентов найду в настоящем Сердце Пуши. Ну или опять же, вернусь в Столенград через пару лет не только библиотеку искать, но и сей занятный агрегат.

И в итоге, выходит у меня, что надо из Столенграда пока валить. В основном, если совсем начистоту, из-за Тенетницы. И её ко мне тянет, и меня, а простым сексом этот роман не закончится... В общем — в топку.

И дел в Логе куча. И девчонки мои меня более чем устраивают. И как раз время появится, как в материю даймоном пробиться, так и освоить массив накопленных данных.

И кругами заняться, и просвещением и возвышением пейзажа нашего... В общем, решено: прощаюсь с паучихой, решил я.

— Благодарю, Тенетница, — стащил я с глаз читало, отметив внимательный взгляд дамы. — На этом — всё. Я в Лог возвращаюсь. Дня три в Столенграде задержусь, не более.

— Интересная у тебя, Стригор, реакция, — прищурилась Тенетница. — Впрочем, давай несколько вопросов закроем. И тебе, и мне лучше будет.

— Давай, — сложил я руки домиком перед мордасом.

— Более тебя ничего не интересует?

— Только полный доступ в библиотеку Императора, — широко улыбнулся я.

— Это... тут и свадьба не поможет, Стригор. Так что — “нет”.

— Тогда — и не интересует, — развёл руками я.

— Что с походом в Пущу? — пробарабанила она пальцами по столу.

— Приезжайте в Лог. Проведу.

— Что взамен попросишь?

— Не знаю, Тенетница. Для себя — ничего. Что надо — сказал, а больше у вас и нет

ничего, — надулся я с видом Владыки Лога. — Для Лога — смотреть надо. Один раз проведу в любом разе — я тебе верю. А дальше — посмотрим.

— Ясно. Думаю, в Ростокке наместник появится, — оправдала она мои подозрения. — Что ж, значит, решено. И...

— Погоди, Тенетница, — вскочил я, движимый порывом, ну и поцеловал, глубоко.

Чуть не сорвался к чёрту, но поглаживающие меня по голове руки Тенетницы замерли и легонько толкнули в плечи.

— Даже так? — раскрасневшись и тяжело дыша, спросила Тенетница.

— И так даже, — честно ответил я. — Прощай, Тенетница, — и потопал в некотором смятении из кабинета.

— Прощай, Стригор, — слышалось вслед.

Вот и всё, встряхнулся я на лестнице. И... в Лог, в глушь. Нахрен мне это не сдалось.

А то совсем глупостей наделаю, а в моём почтенном возрасте и статусе Карачуна — это, как минимум, неприлично.

Да и не знаю я её ни черта, и вообще... к чёрту, решительно махнул рукой я, взбираясь на Индрика.

— Всё хорошо, хозяин? — поинтересовался Акул.

— Всё хорошо, Индрик, — отмыслил я. — Скоро поохотимся.

— Это хорошо, хозяин, — довольно заключил Индрик.

И начал я с девчонками пробежку по лавкам. Диковины, семена некоторые — леший знает, приживаются у нас или нет, но попробовать не помешает. Даже новую баньку прикупил — пусть будет, а то во флигельке уже только со стенами выносить или резать, что на долгожительстве скажется не самым лучшим образом.

В общем, собрался даже в два дня — не так много взял, хотя второго бегуна прикупить пришлось. Девчонки мои... а вот шут знает: в столице им нравилось, но недовольство обратным путём не проявляли. Оле, да и, похоже, Любе уже “со Стригором Стрижичем” хорошо было. А в Логе я от них надолго не отлучусь.

В общем, уже готов был я, собрали лари, бегуны в конюшне загружённые ждали.

И вот, в ночи глухой, за полчаса перед рассветом, стук в дверь. Вот опять фигня какая, пробурчал я под себя, спускаясь.

— Ну шо, опять? — традиционно поприветствовал я уже знакомого паренька-курьера.

— Блага вам, Стригор Стрижич. Послание вам имею от Опричного Приказа и пакет. Извольте принять.

— Могу и принять, — принял я пакеты, сделал пареньку ручкой, да и бухнулся, похоже, в последний раз, в кресло-мешок.

И стал разглядывать, что мне Тенетница мне послала:

Блага тебе, Стригор!

Желаю тебе удачного пути, и благополучия. Через восемь месяцев Наместник Егс Императорского Величества с тобой свяжется, поход обсудит. И дабы затруднений у тебя не возникло, прими, уж будь ласков, назначение от Его Величества.

Г. И. О. П. Тенетница

А в пакете была костяная пластина, меня немало... даже не знаю, и повеселившая, заставившая задуматься и вообще.

Сим ярлыком утверждается Стригор Стрижич, Владыка Лога Болотного, тиуном имперским, по Голодной Пуще, Болотной рекомой. Всем службам, чинам и людишкам

имперским надлежит Стригору Стрижичу препятствий не чинить, а в делах, с Пущей связанных, по слову его, помощь оказать. Отчёт же ему держать предо мной, да Наместником Моим велю, остальным запрет мой.

Император

Вот охреть теперь. “Всё сделанное предьявителем сего сделано по слову моему и во благо Беловодья”. Ну не совсем, конечно, имя есть... Но, с учётом “Болотной Пущи” — я могу в том же Ростке устроить... да что мне возжелается.

С другой стороны, с учётом того, что я “Владыка Воздушный”, то я это, ну, с точки зрения Империи, и так, и так устроить могу. Просто тут мне бумажку дали, которая костяная пластинка, чтобы, если творить начну — людишки имперские мне под руки могучие не лезли.

Но вообще — забавно. Приберу и в рамочку у себя вставлю, с улыбкой решил я.

А на рассвете направились мы караваном в Небесную Конюшню. И через седмицу — уже ехали из Ростка к родимому Логу.

— Вернулся, Гор, — выдал явно возмужавший Зар, хлопая по спине.

— Вернулся, вернулся. Племянник? — обратил я внимание на ковылявшего ко мне карапуза.

— Он самый, Гор.

— Ну и молодец, Зар, — треснул я братца по плечу. — Пойдём, расскажешь, что у нас в Логе творится. И у меня разговор есть.

А в Логе выходило всё вполне сносно. Пейзане пейзажируют, причём плодятся, как сволочи. Тут и “обмен с Погибычами”, да и братец, невзирая на женатость, похоже, уд не особо покладал. Ну да нравится — пусть его. Не помешает.

А Погимудра уже с двумя спиногрызами была, что на бодрость Зара в плане половом тонко намекает. Девчонка, Стрислава, в компанию Стрисилу.

Ну да ладно, с демографией неплохо, но вопрос не в том. И начали мы труды по созданию ополчения, точнее — продолжили. И электроразрядники, почти на все оставшиеся деньги прикупленные, и гранаты новые. И девчонки с ребятей, три раза в седмицу в поместье приводимой, возиться в плане обучения стали.

Причём Мудра к ним вскоре присоединилась — видно, скучала девка, невзирая ни на что.

В общем, три месяца мы пахали, налаживая механизмы “перезаформирования и подготовки”. Зар вполне проникся, да и “клан Стрижичей”, как идею, не сказать, чтобы прям загорелся, но принял. Очень уж у нас странно выходило, непонятно, а в этом формате — всё ясно, все на своих местах.

Тем временем, в Ростке и вправду затеяли строительство людишки имперские. И конюшня небесная заложилась, и ещё какие-то стройки. Но это мы от Мила и Погибыча старшего да младшего слышали. Ни я, ни Зар из Лога не отлучались — не до того.

И служанок своим вниманием я не обделял, даже в ущерб занятиям с эфиром — успею, если подумать, а Олу с Любой обижать не хочется.

В общем, через три месяца у нас система более или менее наладилась. Я от управления отошёл, занявшись монстробоем по нужде, да и эфирными занятиями. Ну и с Заром заниматься начал, с педагогизмом страшным и необоримым. И чтоб самому “не заржаветь”, да и братцу на пользу.

И через полгода от возвращения принесли мои усилия должный, тёмный и ледяной

плод. Тело лежало во сне-коме, но живое и вполне вселябельное. Ну а просторы Лога рассекал радостный и научно-исследовательский Карачун. Оглашал окрестности воплями и вообще радовался всячески.

Правда, выходило у меня в плане “всемогущества” не очень. Жуткое КПД перехода эфира из эфирного в материальный план осталось, более того, была... Ну, видимо, “защита Мира”. Если я слишком “нагелл”, в плане эфирной манифестации, то меня просто выкидывало в эфир. Ощущения пинка жопа дьявольская не чуяла, но морально оно... ну так, хорошо чувствовалось. В плане: “не буянь!”

Впрочем, я не для “выморозить всё до горизонта и во тьму погрузить!” старался. Сил в Беловодье мне, прямо скажем, стрижичьих более чем хватает.

И направился я, на следующий день, после “стабильного выхода из тела” в Пущу. Тело моё Ола с Любой охраняли. Ну как, я сказал, что на пути чародейские вступлю, но вернусь скоро. Так сели и сторожили. Оно, может быть, и к лучшему, что так.

В общем, рванул Отмороженный Карачун в Пущу, с завываниями, бугогашеньками, ну и не слишком сильными кинетически, но ощутимыми пинками всякому тварью. И непременно леденящими душу, да.

И долетел, посмотрел, сплюнул кристаллом тёмного льда и вернулся.

Есть геномомешалка, только ни черта в ней нет. Ни программ, ни интерфейса. Подключение симбиотическое, куча, миллионы, а то и миллиарды генетических образцов, ну и подобие разума. Довольно тупенькое, уж Индрик поумнее — точно.

Так вот, подключаясь по симбиотической связи, бояре (скорее всего — не только Лихычи) воплощали свои хотелки и пожелалки. Точнее, тупенькая геномомешалка из пула генетических образцов намешивала, примерно так, как понимала.

Вообще — инструмент просто охрененный... Но лишённый, очевидно, “программных оболочек”. В принципе, понимая, что и как он делает, можно и цивилизацию, хоть космического уровня, отгрохать. Но понимать надо, а не понимает в Беловодье никто.

Да и я, прямо скажем, не очень. Побольше бояр, кто бы спорил, но... Тут нужен не по верхам нахватавшийся. Да и прямо скажем, как бы не ме-е-едленный прогресс не оптимальным вышел. Потому что на соседнем материке ехидно амёбствует результат “Счастья. Для всех. Даром”.

Так что посмотрел я на Сердце, скопировал Архивом всё, совсем и вообще. Сожрал мавку — вот чёрт знает, что их в Пущи тянуло. Но что-то тянуло, факт.

И вернулся в себя. Девчонки радовались, оглаживать меня всячески начали, с закономерным продолжением, так что то, что со мной всё в порядке — я не теоретически, а практически, во всяких разных позах и положениях, определил.

Ну и что мне дальше делать — стало понятно. Дождаться экспедиции в Пущу, да и составить спутникам компанию до Столенграда, дьявоном. Вот совершенно не факт, что найду я в библиотеке что-то интересное, но к рукам прибрать надо.

И на паучиху мою взглянуть краем глаза, вздохнул я. Вот реально — чёрт знает, что наши души друг в друге нашли. Но нашли, туда она мне и запала. Ну и гляну, только видеться нам не стоит.

А после... надо создавать на базе клана Башню Чародея. Большую, гильдию, клуб, как ни крути. Вот сколько я ни бился — не тяну больше. Или остальные тоже не тянут — и такое возможно. На удачу полагаются: кому-то везёт, они “охеренные цари\короли\президенты”. А кому-то не очень. Ну, в принципе, не особо и хочется в это влезать. А вот если внуки наши

начнут строить настоящие живые города — очень может и не зря всё выйти.

Только завести их надо. Впрочем, подкорректировать волей-желанием в нужном месте в нужное время — у меня выйдет. Нужные расчёты я провёл, и Архив добро дал. И вообще — непристойно Владыке Болотного Лога без спиногрызов. Вон, Зар Погибишне уже третья икринку заделал, ёбарь-террорист такой. И пейзаж осеменяет, и вообще.

Нарешал я это, да и на следующий день после возвращения из Пуши носили Ола и Люба по икринке оплодотворённой. В тонкости, типа пола, я не лез, но родовичи народятся, факт. Ну и будем воспитывать да возрождать Беловодье потихоньку. Не самое худшее место, мне нравится, окончательно решил я.

А ещё через день к воротам особняка подъехал Хорсыч на горбунке. Зар его впустил, а он стоит посреди двора, и голосит. Мол, тиуна Стригор Стрижича подавай. Я и забыл почти о бумаженции этой, которая ярлык, от его личества.

— Стригор Стрижич я, — огласил я.

— Тиун Стригор Стрижич, имею вам послание от Наместника Имперской провинции Болотная, — отрапортовал хорсыч.

— Хм, а мы провинция уже, — хмыкнул я.

— Точно так, — кивнул посланник.

— Передавайте послание, Хорсыч, — кивнул я протянув лапу.

— Хормудр Хорсыч, Стригор Стрижич. Не могу, устное послание, просьба явиться в резиденцию наместника в город Росток. Вот ярлык, мои слова подтверждающие.

Передал мне Хорсыч пластину, глянул я по-быстрому — ну, гонец Наместника, всё честь по чести. И зачем меня Наместник дёрнул — понятно, сроки подходят. Собственно, с похода в Пушу основная движуха и начнётся, впал в медитацию я. Правда, надо этому хамлу наместническому нахамить: быдла такая, на послание жмотится.

Но вообще — посмотрим. А то как бы, всё же, всем недокланом нам от Империи рвануть не пришлось, прикинул я. Тоже не невозможный вариант, как ни крути.

— Что передать Наместнику, Стригор Стрижич? — уточнил гонец.

— Ничего. Сопроводите меня до резиденции, — отрезал я, подзывая Индрика. — До завтрашнего полудня вернусь! — рявкнул я на весь двор.

Недум из людской физиономии явил, поклонился. Девчонки мои из окошка появились, ладошками мне помахали — вроде и невместно, но детей моих носят, и вообще — велел. Ибо.

Ну и Зар лапой помахал, не без этого.

Индрик подскочил, да и направились мы с гонцом в Росток. У него горбунок то ли породистый был, то ли на алхимии какой — тут я не вникал, Индрикам сие точно не нужно, но были всякие стимуляторы для скакунов, факт.

А я ветром фонил и вообще подготовился — ну, вроде и верно всё, и нормально, а вот чёрт его знает. И послания от самого наместника не видел, хоть и ярлык нормальный. Но вот чёрт знает, так что нафиг.

Но, тем не менее, до Ростока доскакали мы быстро и без происшествий. Новые, уже коралловые, врата были распахнуты, на меня с гонцом стражи только кивком отреагировали. А мы к центру лукового городка направились, который уже не такой уж и луковый был. Вообще, Росток весьма изменился за короткий срок. Впрочем, и небесная конюшня, и судя по словам гонца — столица провинции Имперской.

Кстати, Хорсычей, выходит, окончательно прогнули, хмыкнул я. Впрочем, они и сами

прогнутые и без того были.

Под подобные мысли я и завалился в типовой “наместничий” особняк. Препятствий не чинили, но пучили очи душевно, рукояти кладенцов махая. А я себе напомнил, что тут фонить эфиром, как сволочь, не стоит. А то опять привык в Логе не сдерживаться.

В общем, дошёл я до второго этажа, где гонец мембрану двери передо мной распахнул, склонившись.

Ну я к наместнику и вщемился. Тут же впав в медитацию, потому что зрелище было...

Нет, Наместника я пока не увидел. Но! За вполне “имперским”, коралловым столом стояло кресло. Не из коралла, но это полдела. Мёртвые вещи были, да и всё больше их будет. Но дело в том, что спинка кресла, обращённого ко мне, была из МЕТАЛЛА И ТКАНИ!

Этого в Беловодье быть не могло, согласно всему, мне известному. Но это было.

Так что, сидя в эфире, я судорожно думал и не находил ответа. Впрочем, хотя бы понял, что это не иллюзия, не мозготрах злостный и прочее. Ну, или это такого уровня, что мне рыпаться не стоит.

И, выходит, что: либо связь с технократами есть у Имперцев. Либо они продолжают тырить всякое через сделанные ещё до катастрофы лазейки. Либо — склад натыренного, ещё с тех времён, несколько успокоившись, нашёл я вменяемые объяснения увиденному.

Ну а с деталями — разберёмся. И так после пущи в Столенград собирался, вот и посмотрим, какой из трёх вариантов. Хотя, чуть крышей не уехал дальше, чем обычно, хмыкнул я, выходя из медитации.

А кресло резко повернулось. А я себе чуть отвисшей челюстью по вкаченным (но начинающим выкатываться, и было от чего!) яйцам не треснул.

Дело в том, что в кресле сидела Тенетница. И смотрела на меня... И ехидно, и странно. А я вообще... ну не знаю, просто фигел.

Тем временем, паучиха мне подмигнула, вскочила на стол, и... бухнулась мне на колени, роняя на кресло. Вот честно — хотела бы убить или ещё какой ущерб причинить — я бы и не рыпался. Поскольку глазами лупал и клювом щёлкал.

— Возвращаю должок, Стригор, — своим низким голосом выдала улыбающаяся Тенетница.

И впилась поцелуем в мою раззявленную пасть. Но раззявливать я её перестал, на талии лапы сомкнул, да и включился в поцелуй. И на периферии сознания отметил, что чёрт его знает, что тут происходит. Но мне это “что-то” очень даже нравится, факт.

Больше книг на сайте - Knigoed.net